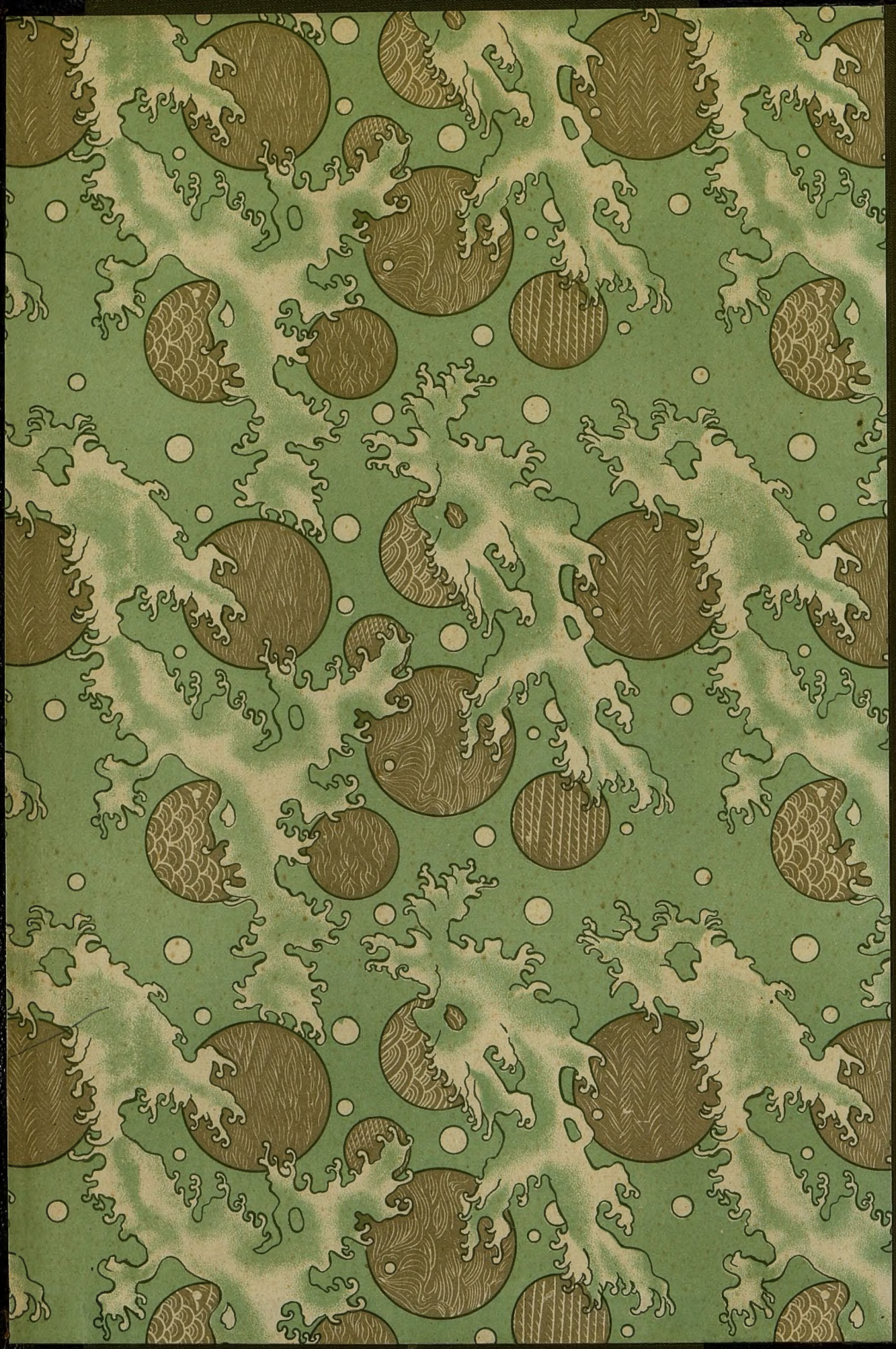
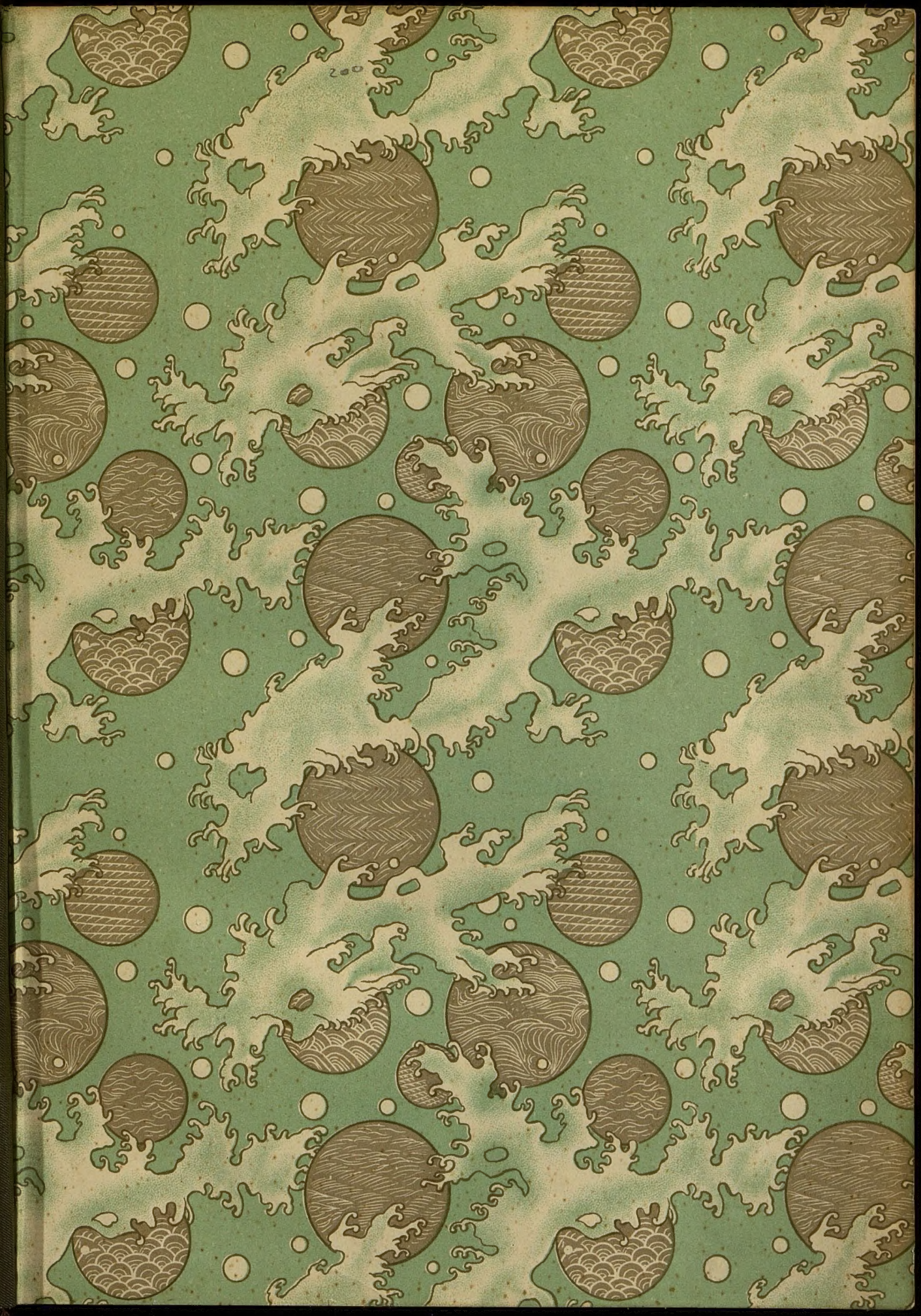
ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ





Пфлугъ-Гартунгъ.

Всемірная Исторія.

Отъ Вѣнскаго Конгресса до нашихъ дней

(1815—1910).

Переводъ съ дополненіями
подъ ред. проф. Н. И. КАРѢЕВА и С. Г. ЛОЗИНСКАГО.
Отдѣлъ русской исторіи написанъ
А. А. КОРНИЛОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
1910.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ. Прачешный, 6.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 366

Отъ издателей.

Предлагаемая русскому читателю книга „Отъ Вѣнскаго Конгресса до нашихъ дней“ является переводомъ VI тома, вышедшаго въ подлинникѣ въ 1908 г., книги „Weltgeschichte“, издающейся подъ общей редакціей проф. Пфлугъ-Гартунга. Томъ этотъ вышелъ въ свѣтъ въ Берлинѣ въ изданіи Ullstein'а до появленія первыхъ томовъ, посвященныхъ болѣе раннимъ временамъ. Подобно большинству выходящихъ нынѣ Всемірныхъ Исторій, книга Пфлугъ-Гартунга является коллективнымъ трудомъ, отдѣльныя части котораго написаны въ большинствѣ случаевъ спеціалистами, сумѣвшими, однако, избѣжать черезчуръ детальнаго изложенія своего предмета и придать ему популярный характеръ, разсчитанный на широкіе круги общества.

Живость и легкость языка, ясность и послѣдовательность мысли, выдержанность общаго направленія, болѣе или менѣе удачное расположеніе матеріала—таковы отличительныя черты предпріятія Пфлугъ-Гартунга,—онѣ-то и дали намъ основаніе избрать для перевода на русскій языкъ эту, а не какую-нибудь другую Всемірную Исторію.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ русскомъ переводѣ пришлось сдѣлать, сравнительно съ подлинникомъ, нѣкоторыя измѣненія и дополненія. Такъ, отдѣлъ русской исторіи, неудовлетворительный въ оригиналѣ, почти заново составленъ А. А. Корниловымъ; изложеніе событій, въ нѣмецкомъ текстѣ заканчивающееся первой половиной 1908 г., въ русскомъ переводѣ доведено до конца 1909 г.,

въ самомъ текстѣ сокращены нѣкоторыя мѣста относительно Германіи, могущія показаться русскому читателю слишкомъ подробными, и, наоборотъ, сдѣланы небольшія дополненія при изложеніи событій внутренней жизни не-нѣмецкихъ странъ; наконецъ, нѣкоторые факты снабжены особыми примѣчаніями, либо дополняющими, либо иначе освѣщающими эти факты. Самое расположеніе матеріала также подверглось измѣненію. Нѣмецкій оригиналъ открывается двумя главами объ Америкѣ, и изложеніе исторіи Европы начинается въ немъ лишь съ третьей главы, съ главы „Эпоха реакціи". Такой порядокъ распредѣленія, оправдывающійся, быть-можетъ, соображеніями, относящимися не столько къ данному тому, сколько ко всему изданію, нами не могъ быть удержанъ и замѣненъ болѣе естественнымъ: Европа, занимающая въ книгѣ, разумѣется, центральное мѣсто, открываетъ собою настоящій томъ, и лишь въ концѣ, послѣ изложенія касающихся Европы событій, двѣ главы спеціально посвящены Америкѣ.

Въ переводѣ настоящей книги приняли участіе: М. Л. Беръ, М. А. Брагинскій, Ф. І. Ельяшевичъ, Е. В. Святловскій и Г. Б. Столпнеръ.

4 марта 1910 г.

Часть I.

Пфлугъ-Гартунгъ.

Эпоха національныхъ и соціальныхъ движеній.

Ульманъ.

Европа во время реакціи.

Гейгель и Гаузенштейнъ.

Эпоха національнаго объединенія.

Подробное оглавленіе въ концѣ второй части.

ЭПОХА НАЦІОНАЛЬНЫХЪ и СОЦІАЛЬНЫХЪ ДВИЖЕНІЙ (съ 1815 г.).

Средніе вѣка были періодомъ аристократическимъ: народами правили тѣ привилегированныя сословія, которыя господствовали рядомъ съ свѣтскими королями и князьями церкви. Распаденіе пользовавшихся особыми преимуществами группъ, реформація и ученія о новомъ государственномъ правѣ привели къ неограниченному самодержавію. Послѣднее сломило мѣстное сопротивленіе отдѣльныхъ бывшихъ своихъ соправителей, создало космополитическую буржуазію и огромную подчиненную массу. Благодаря богатой, враждебной принципу авторитетности литературѣ и разыгравшимся на дѣвственной аренѣ по ту сторону океана событіямъ, масса эта начала просыпаться и сознавать свою силу, чтобы послѣ провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки проявить ее политически во время великой французской революціи. Въ старой Европѣ, однако, еще сказывалась незрѣлость стаднаго человѣка. И въ то время, какъ въ Америкѣ удалось создать благоустроенное правовое государство, во Франціи масса, въ силу собственнаго недостаточнаго развитія, лжи и слѣпыхъ страстей, подпала сначала подъ власть демократической тираніи, а потомъ военной диктатуры. На континентѣ Европы реакція вслѣдствіе

этого могла снова поднять высоко голову. Тѣмъ не менѣе, демократическія идеи сказались и здѣсь и добыли народу участіе въ правленіи при помощи выборныхъ представителей. Неустанно масса настаивала на расширеніи избирательнаго права и требовала все упорнѣе и упорнѣе, чтобы партіи и политика сообразовались именно съ ея желаніями и потребностями. Въ концѣ концовъ, настроеніе и инстинкты народныхъ массъ нерѣдко оказывались сильнѣе дипломатическаго искусства правителей. Во Франціи это движеніе привело къ созданію республики, въ Россіи—къ скрытой революціи. Мѣсто наемныхъ войскъ заняли войска народныя.

Пробудился субъективизмъ, и индивидуумъ сталъ повсюду сознательно проявляться. При такомъ положеніи вещей создалась у народовъ потребность въ компромиссѣ, въ новой формѣ внѣшняго существованія, которая смѣнила бы отжившую идею государственнаго абсолютизма. Наиболѣе естественнымъ объединеніемъ является сліяніе однородныхъ по образу мыслей, чувствованій и языку составныхъ частей цѣлаго, другими словами, единеніе народное, національное. Вѣдь каждая нація, благодаря своей индивидуальности, представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ расширенную отдѣльную личность! Раньше всего такое единеніе создалось въ Англіи, затѣмъ во Франціи, гдѣ революція смела всѣ провинціальныя особенности, чтобы на ихъ мѣсто поставить гражданина, француза. Однако, революція не удержалась въ своихъ естественныхъ границахъ; она бурно ихъ перешагнула и расширилась до международной имперіи съ французской окраскою. Неестественность этой, все вокругъ себя насильственно захватывавшей, имперіи и невѣроятный гнетъ, которому она подвергала побѣжденныхъ, заставляли ихъ какъ бы сосредоточиться и вызвали, наконецъ, національный протестъ. Не правительства, а народы возмутились—сперва въ Испаніи, затѣмъ въ Россіи, а потомъ и въ Германіи. Универсальная имперія рухнула, и ея паденіе привело къ возстановленію дѣйствительно французской націи.

Національное чувство на демократической основѣ стало доминирующей силою. Не теперь лишь оно пробудилось къ жизни. Наоборотъ. Уже аѳинянинъ взиралъ съ восторгомъ на высокій Акрополь „своей“ Паллады; спартанецъ умиралъ, оставаясь вѣрнымъ „своему“ отечеству; но и тотъ и другой вмѣстѣ сознавали себя эллинами, въ противоположность варварамъ. Арминій сознательнымъ германцемъ сражался съ блестящимъ, манящимъ къ себѣ Римомъ. И это продолжалось въ теченіе вѣковъ. Однако, лишь въ XIX столѣтіи національное чувство стало полно ощущаться всѣми. Въ Нидерландскомъ королевствѣ это чувство разбило искусственное твореніе Вѣнскаго конгресса и повело къ образованію отдѣльныхъ двухъ государствъ—Голландіи и Бельгіи; въ Скандинавіи, подъ вліяніемъ этого же чувства, норвежцы отдѣлились отъ шведовъ. Обратное произошло въ Германіи и Италіи. Здѣсь стремленіе народа, руководимаго величайшими сынами страны, Бисмаркомъ и Кавуромъ, привело къ созданію великихъ національныхъ государствъ. На Балканскомъ полуостровѣ греки, сербы, румыны и болгары свергли иноземное турецкое иго. Поляки цѣпко держатся другъ за друга, хотя ихъ и подѣлили между собою три государства.

Англичане, шотландцы и валлійцы растворились въ королевствѣ Великобританіи. Когда Россія при помощи штыка завоевала огромную территорію, она пыталась достичь внутренняго единства путемъ руссификаціи. Наиболѣе отсталой въ этомъ движеніи оказалась Австрія: естественное слѣдствіе разнородности ея составныхъ частей. Лишь только Венгрія отдѣлилась, она съ безпощаднымъ рвеніемъ принялась за образованіе національнаго государства, въ то время какъ Австрія обезсиливала себя борьбой своихъ національныхъ разнородностей. Доминирующая національная идея не ограничилась одной только Европой—она охватила весь міръ. Въ Средней и Южной Америкѣ туземные креолы сбросили владычество своихъ метрополій, Испаніи и Португаліи. Сѣверная Америка замѣнила колонизаціонное государство, состоявшее изъ разнородныхъ элементовъ самой разнородной иммиграціи, единой націей съ сильно развитымъ самосознаніемъ,—націей, которая по доктринѣ Монроэ претендуетъ на исключительное пользованіе Новымъ Свѣтомъ. Даже тѣ расы, которыя до сихъ поръ считались менѣе цѣнными, охватилъ духъ времени, какъ, напр., въ Восточной Азіи, главнымъ образомъ, японцевъ и сіамцевъ. Даже Китай начинаетъ приходить въ движеніе, и эѳіопскій міръ уже пробуждается на Черномъ материкѣ. Какъ въ предыдущія столѣтія, политическая гегемонія и въ теченіе разсматриваемой нами эпохи переходила отъ одной къ другой державѣ. Сперва первенствующими государствами были Англія и Меттерниховская Австрія; при Наполеонѣ III Франція стала вершительницею судебъ; при Вильгельмѣ I эта роль перешла къ Германіи, а въ настоящее время Англія снова добивается главенства.

Если націи являлись лишь расширенными индивидуумами, то и имъ, подобно отдѣльнымъ личностямъ, приходилось въ борьбѣ за существованіе развивать свои индивидуальныя особенности и, по мѣрѣ возможности, укрѣпляться. Это особенно наглядно сказалось на Германіи: здѣсь политическое объединеніе сопровождалось могучимъ экономическимъ подъемомъ; по этому пути идутъ теперь сѣверная и средняя Италія. Послѣ того, какъ національное чувство сдѣлало свое дѣло, экономическіе интересы стали господствовать въ политикѣ. Національная экономическая политика сдѣлала Англію міровой державою.

Перемѣна эта обусловливалась различными обстоятельствами. Внутренне укрѣпившіяся и демократизированныя государства все увеличивали численность населенія. Послѣднее хотѣло жить, притомъ жить все лучше и лучше, и это желаніе вынуждало его увеличивать работоспособность и находить разнообразнѣйшее примѣненіе своихъ силъ, пока не были достигнуты такая продуктивность, разносторонность и техническое совершенство, которыя не имѣли равнаго себѣ. Тутъ сошлись всѣ спеціальности. Естествознаніе взяло на себя первую роль и повело къ цѣлому ряду изобрѣтеній. Сила пара и электричества начала свое побѣдоносное шествіе. Примѣненіе паровой силы вызвало полный переворотъ въ условіяхъ жизни: начался неслыханный тріумфъ машины, покорившей воду и сушу, пространство и время. Машина привела къ массовому производству и положила современную крупную промышленность и капиталъ въ основу хозяйственной жизни. „Фабрика стала отличительнымъ признакомъ вѣка. Же-

лѣзныя дороги и пароходы способствовали массовому сбыту товаровъ, мелкая торговля превратилась въ крупную; возникли міровой рынокъ и міровая цѣна. Промышленность стала рядомъ съ доселѣ господствовавшимъ земледѣліемъ, какъ равная величина,—нерѣдко даже какъ болѣе могущественная, и вторглась въ область земледѣлія, сумѣвъ превратить помѣщика въ фабриканта. Мелкая промышленность поняла большую опасность, угрожавшую ей со стороны дешеваго машиннаго производства, ремесленникъ былъ побѣжденъ фабричнымъ рабочимъ; выдѣлилось новое, четвертое, сословіе.

Рабочій элементъ производилъ и потреблялъ товаръ въ массовомъ количествѣ. Вырабатывалось безконечное множество однородныхъ и вездѣ ходкихъ продуктовъ, которые, благодаря низкой цѣнѣ и грандіозной рекламѣ, навязывались цѣлымъ частямъ свѣта. Выработались средній вкусъ и средняя пригодность, измѣнившіе въ опредѣленномъ смыслѣ и упростившіе внѣшній обликъ и весь строй человѣческой жизни. Кумирами времени стали капиталъ и техника; оба они международны. Правда, отдѣльные народы занялись преимущественно тѣмъ или инымъ производствомъ, но ни одна страна не оказалась въ силахъ исключительно господствовать въ одной какой-либо области. Французская фирма Шнейдера въ Крезо поставляетъ орудія, подобно англійской фирмѣ Армстронга и германскому заводу Круппа; въ Берлинѣ выдѣлывается такая же красивая стильная мебель, какъ и въ Парижѣ. Возникла необузданная конкуренція: золингенскія стальныя издѣлія стали грозить англійскимъ и убили производство Толедо; Генуя является страшною соперницею Марселя; Эссенъ борется въ Константинополѣ и Ріо де-Жанейро съ Крезо. Жажда прибыли повела къ нахожденію все новыхъ и новыхъ рынковъ сбыта и доставила разнороднѣйшіе предметы производства въ отдаленнѣйшія страны. Матеріи для турецкихъ фесокъ вырабатываются въ Германіи; въ Англіи выдѣлываются изображенія восточно-азіатскихъ божествъ; на берлинскихъ базарахъ виноградъ продается столь же дешево, какъ и въ Италіи, а тропическими бананами торгуютъ на улицахъ Копенгагена.

Фабрика требуетъ множества людей, живущихъ на небольшомъ пространствѣ, и хорошихъ условій сообщенія; такимъ образомъ, она создала современные крупные центры. Послѣдніе, въ свою очередь, вызвали цѣлый переворотъ въ жизни: потребовались новыя должности, возникли новыя идеи, и создались новыя культурныя цѣнности.

Въ этомъ бурномъ водоворотѣ естественно возникъ вопросъ о взаимномъ отношеніи капитала и труда—вопросъ, тѣсно связанный съ требованіемъ переустройства государства и общества въ интересахъ неимущихъ классовъ. Болѣе слабые—рабочіе—объединились. Соціальный вопросъ наиболѣе рѣзко выразился въ возникновеніи соціалъ-демократіи, рядомъ съ которою все настойчивѣе и упорнѣе сказывается современное феминистское движеніе. Карлъ Марксъ далъ соціализму его научное обоснованіе. Возгорѣлась все усиливающаяся борьба за интересы. Въ Америкѣ восторжествовалъ принципъ наивысшей вознаграждаемости труда безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ обязательствъ работодателя; въ Англіи къ общей выработкѣ тарифныхъ ставокъ присоединяется

еще стремленіе работодателя стать ближе къ рабочему путемъ устройства разныхъ гуманныхъ начинаній (общежитій и т. п.); въ Германіи рядомъ съ страстной односторонностью соціалъ-демократіи становится примиряющая система общественнаго рабочаго законодательства съ его многообразными видами страхованій, тогда какъ въ романскихъ и славянскихъ странахъ недостатокъ внутренней дисциплины нерѣдко приводилъ къ необузданному субъективизму, проявляющемуся въ анархизмѣ и нигилизмѣ. Благороднѣйшіе умы занимались вопросомъ о правильномъ распредѣленіи прибылей предпринимателя, и церковь обрѣла прекрасную почву для новой работы. Было вполнѣ послѣдовательно, что современная борьба за интересы не ограничилась одними лишь мужчинами, но увлекла и женщинъ, которыхъ она касалась очень чувствительнымъ образомъ. Такъ, къ борьбѣ труда съ капиталомъ присоединилась борьба женщины съ мужчиною.

Экономическіе вопросы настолько выдвинулись на передній планъ, что стали вліять самымъ сильнымъ образомъ не только на внутреннюю жизнь народовъ, но и на ихъ взаимоотношенія. Повышенной экономической дѣятельности соотвѣтствовало матеріалистическое пониманіе жизни. Каждому хочется воспользоваться наибольшимъ количествомъ благъ міра сего, каждый стремится ко все бо̀льшимъ наслажденіямъ, каждому хочется обратить на себя вниманіе. Повсюду повышенная энергія и усиленная трата силъ и нервовъ!

Рядомъ съ великими державами—государственностью и капиталомъ—возникла третья міровая сила, пресса. Въ то время какъ газета XVIII вѣка нерѣдко выходили съ промежутками въ нѣсколько дней, имѣли небольшой форматъ и плохо печатались, страдая чрезвычайно ограниченнымъ содержаніемъ, теперь ихъ замѣнили газеты гигантскихъ размѣровъ. Утреннія событія въ Пекинѣ становятся вечеромъ того же дня предметомъ обсужденія въ Лондонѣ и Парижѣ; сообщаются и обсуждаются какъ важнѣйшія, такъ и ничтожнѣйшія вещи; повидимому, ничто не ускользаетъ отъ вниманія редакторовъ, имѣющихъ всюду своихъ людей, а отдѣлы объявленій служатъ цѣлямъ общенія и рекламы. Слѣдствіемъ этого явилось, что газета оттѣснила на задній планъ всякое другое чтеніе и оказала тѣмъ самымъ могучее воздѣйствіе на массу, занявъ дѣйствительно грозное положеніе по своей силѣ. Издатель распространенной газеты порою можетъ быть гораздо болѣе вліятельнымъ, чѣмъ любой министръ, и настроеніе прессы имѣетъ рѣшающее значеніе въ международныхъ отношеніяхъ. О вліяніи естествознанія на современную технику и о вызванномъ этимъ переворотѣ въ экономическихъ условіяхъ, и особенно въ способахъ сообщенія, было уже упомянуто. Велосипедъ и автомобиль въ нѣкоторомъ смыслѣ символизируютъ характеръ современности. На узкомъ неустойчивомъ бисиклетѣ летитъ современный человѣкъ; остановись онъ внезапно, и онъ падаетъ внизъ. Затѣмъ появился автомобиль, по внутреннему устройству своему вещь очень чувствительная, съ внѣшней же стороны грубая машинная сила, вздымающая клубы пыли, назойливымъ голосомъ обидно заявляющая о себѣ, но практичная и быстрая какъ вихрь, пока ею правильно управляютъ,—въ противномъ случаѣ она налетаетъ на болѣе прочное препятствіе и несетъ смерть своимъ пассажирамъ.

Огромное значеніе пріобрѣла фотографія: механически воспроизводя натуру, она тѣмъ самымъ научила людей видѣть вещи съ такой отчетливостью, которая прежде была совершенно неизвѣстна. Результатомъ этого оказалась невѣроятная точность въ производствѣ товаровъ, въ области искусства и науки.

Тамъ, гдѣ властвуетъ стремленіе къ заработку, проявленія чувства и фантазіи—искусство и поэзія—поневолѣ должны отступить на задній планъ. Поскольку поэзія и искусство создавали нѣчто новое, они слѣдовали за духомъ времени, за реализмомъ, за стремленіемъ къ новизнѣ и къ необычному, причемъ нерѣдко въ нежелательной и даже грубой формѣ. Правда, архитектурѣ улыбнулись счастливые дни: она была тѣсно связана съ промышленностью, служила потребностямъ времени и любви къ роскоши и имѣла въ своемъ распоряженіи огромныя денежныя средства. Подобныя же условія привели къ расцвѣту художественной промышленности, въ предѣлахъ которой современному человѣку вполнѣ удалось создать особый своеобразный стиль. И науки также отвоевали себѣ свое мѣсто и наполнили все существованіе человѣка. Онѣ сумѣли освободиться отъ всѣхъ узъ, которыя могли бы воспрепятствовать имъ изслѣдовать истину, проникновеніе въ самую глубь предмета и всесторонне освѣтить его. Даже народныя массы начали мыслить натуралистически и исторически. Возникли новыя отрасли знанія; нѣкоторыя изъ существующихъ уже сразу сильно оживились. Кто раньше думалъ о политической экономіи, финансовомъ правѣ и статистикѣ, о сравнительномъ языкознаніи, исторіи первобытнаго человѣчества и исторіи культуры? Очаги лихорадочныхъ заболѣваній въ низинахъ Африки и ледяныя пространства вокругъ сѣвернаго и южнаго полюсовъ стали свидѣтелями готовности отважныхъ изслѣдователей жертвовать собою ради науки. Изображенія битвъ и государственныхъ переворотовъ все чаще стали смѣняться картинами внутренней жизни націи и народовъ. Государство оказалось продуктомъ чисто-свѣтскимъ, а правительство не только какъ властелинъ, но и какъ продуктъ государства, очутилось уже стоящимъ не надъ народомъ, но въ немъ самомъ. Пока государство по существу своему демократизировалось, завершилось и конституированіе католической церкви въ абсолютистскомъ направленіи. Желѣзная рука Наполеона I вполнѣ подавила папство, которое съ новой силою воспрянуло въ періодъ реакціи. Въ то самое время, какъ ученіе Дарвина отрицаетъ все божественное, рядомъ съ нимъ уживаются и дѣйствуютъ католическое ультрамонтанство и евангелическая ортодоксія. Франція старалась сломить могущество церкви, въ Германіи же она сильно окрѣпла.

Экономическая политика является въ извѣстномъ смыслѣ внутренней стороною той народной жизни, которую государственной политикѣ приходится представлять извнѣ. Обѣ тѣсно связаны между собою и обусловливаютъ другъ друга. Массовымъ производствомъ живутъ многіе милліоны людей; непрерывная выдѣлка новыхъ продуктовъ требуетъ сбыта, развитіе или сокращеніе котораго получаетъ, такимъ образомъ, очень важное значеніе. Современныя средства сообщенія связываютъ народы и сѣтью покрываютъ весь шаръ земной. И вотъ Англія стала крупнѣйшимъ торговымъ государствомъ, а Франція сдѣлала рядъ нерѣшительныхъ попытокъ, чтобы сравняться съ нею. Затѣмъ собралась съ си-

лами Германія. Въ теченіе ряда столѣтій она была отторгнута отъ міровой торговли; вдругъ она снова, благодаря перемѣнамъ въ путяхъ сообщенія, стала морскимъ государствомъ и проявила такую мощь въ производствѣ, которая могла показаться опаснымъ даже господствующему на міровомъ рынкѣ Альбіону. Открытіе Америки и морского пути въ Остъ-Индію превратило нѣкогда столь богатое Средиземное море экономически въ закрытое озеро; теперь послѣ прорытія Суэцкаго канала оно снова стало моремъ міровымъ и доставило прибрежнымъ странамъ, особенно Италіи, давно утраченное значеніе. Страны, расположенныя въ сердцѣ Европы—Германія, Австрія и Италія,—политически соединились другъ съ другомъ; этотъ союзъ удовлетворялъ ихъ экономическую потребность въ виду быстро ушедшихъ впередъ ихъ англійскихъ и французскихъ сосѣдей. Европа обнаружила прямо изумительную энергію, поразительную силу распространяемости, гарантировавшую ей плоды всего земного шара. Главенствующіе ея народы подѣлили между собою все, что оставалось еще безъ хозяина. Послѣдніе рѣшительные шаги въ этомъ направленіи относятся къ 90-мъ годамъ минувшаго вѣка: тогда-то были открыты и заняты дебри Африки; европеизированная Америка съ ея могучими успѣхами заняла одно изъ первыхъ мѣстъ, и даже далекая Австралія обнаружила признаки экономической и политической жизни. Единственный нетронутый европейской культурою противовѣсъ могла выставить только Японія; но, энергичная и даровитая, она быстро рѣшилась примкнуть, въ качествѣ полноправнаго члена, къ великимъ державамъ. Если огромные культурные круги земного шара доселѣ вели по существу раздѣльный образъ жизни, то теперь это прекратилось, и наступили взаимная связь, оживленнѣйшія международныя взаимовоздѣйствія. Въ настоящее время степень урожая въ Канадѣ и курсъ нью-іоркской биржи опредѣляютъ экономическую жизнь въ Гамбургѣ и Берлинѣ и вліяютъ на выпускъ новыхъ государственныхъ бумагъ банками Европы. Экономическій кризисъ, научное открытіе, перемѣщеніе политическаго или соціальнаго центра тяжести немедленно отражаются въ отдаленнѣйшихъ пунктахъ.

Экономическіе интересы, по многимъ признакамъ, уже начинаютъ заслонять собою даже интересы національные. Борьба между капиталомъ и трудомъ, между мужчиной и женщиною не связаны ни съ государственными границами, ни съ тѣмъ или инымъ языкомъ. И чужой товарищъ по труду, эмансипирующаяся чужая женщина оказываются стоящими ближе къ товарищу или товаркѣ, чѣмъ своей же національности работодатель или соплеменный, противящійся женской эмансипаціи мужчина. Капиталъ, крупная промышленность и крупная оптовая торговля по существу свему международны; они враги всякихъ сильныхъ потрясеній. Въ не меньшей мѣрѣ интернаціоналенъ и средній гражданинъ, спокойно работающій надъ дѣломъ наживы. Такимъ образомъ, надъ всѣмъ господствуютъ могучія силы мира, противодѣйствующія войнѣ, тѣмъ болѣе, что благодаря огромнымъ арміямъ такая война превратилась бы въ ужаснѣйшую борьбу за существованіе. Свободный духъ, стремящійся возвыситься надъ понятіемъ народности, требуетъ ограниченія проявленія національности путемъ установленія международныхъ третейскихъ судовъ, высшей инстанціи, въ родѣ той

какою является для отдѣльнаго лица государство. Духъ этотъ сказывается въ гаагскихъ мирныхъ конференціяхъ, въ международныхъ конгрессахъ и въ международныхъ рабочихъ съѣздахъ. Въ главномъ центрѣ сгущенія политической атмосферы Европы, во Франціи, начинаетъ возвышать свой голосъ даже антимилитаристское движеніе.

Итакъ, краткое резюмэ: развитіе XIX вѣка, главнымъ образомъ, обусловливалось національными и соціальными силами, проявляясь все болѣе и болѣе въ массовыхъ формахъ. Повсюду массы: массовыя количества рабочихъ, массовое производство товаровъ, массовый капиталъ, потребности массъ, города съ массовымъ населеніемъ, массовыя арміи, массовыя изобрѣтенія и т. д. Если масса, такимъ образомъ, начинаетъ вліять на судьбы жизни, то въ ней и черезъ нее фактически проявляется дѣятельность человѣчества.

Международныя идеи, міровая промышленность и міровая торговля неизбѣжно ведутъ къ міровому хозяйству, къ системѣ міровыхъ государствъ, къ міровой политикѣ.

УЧАСТНИКИ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ.

1—Баронъ Стааль (Россія).
2—Графъ Мюнстеръ (Германія).
3—Піятура (Сіамъ).
4—Бельдиманъ (Румынія).
5—Баронъ Уфараши (Японія).
6—Баронъ Вельсерхеймбъ (Австро-Венгрія).
7—фонъ Карнебекъ (Нидерланды).
8—фонъ Билло (Данія).
9—Буржуа (Франція).
10—Поунсефортъ (Англія).
11—Урдохъ (Англія).
12—Раффаловичъ (Россія).
13—Мотоко (Японія).
14—Грель-Рожье (Бельгія).
15—Папенку (Румынія).
16—Сетлоу (Соединенные Штаты).
17—Бернаэртъ (Бельгія).
18—Беръ Португаэль (Нидерланды).
19—Рохуссенъ (Нидерланды).
20—Баронъ Шиммельпеннинкъ (Нидерланды).
21—Цаннино (Италія).
22—Ху-Вей-Хе (Китай).

ЕВРОПА
ВО ВРЕМЯ
РЕАКЦІИ

I. Преобразованіе Европы.

Въ противовѣсъ господству надъ умами тѣхъ естественно-правовыхъ ученій, какія выработала французская революція по американскому образцу, вновь ожили подавленныя-было силы застоя. Правда, оживленію ихъ способствовало и то, что единичныя революціонныя идеи пріобрѣли право гражданства въ универсальной имперіи Наполеона, напр., идея равенства всѣхъ передъ закономъ. Съ другой стороны, однако, благодаря основной чертѣ наполеоновскаго режима—озлобленному притѣсненію—послѣ паденія имперіи поднялись вмѣстѣ съ защитниками интересовъ привилегированныхъ классовъ и съ еще ранѣе выступавшими противъ завоеваній революціи и такіе сильные могучіе противники идеи политической свободы, которые нѣкогда сами жили идеалами естественнаго права. На борьбу стараго порядка съ новымъ за періодъ 1815—1848 гг. это обстоятельство не преминуло наложить свой отпечатокъ въ предѣлахъ Европы. Внѣ ея, напримѣръ, въ Средней и Южной Америкѣ, продолжаетъ развиваться данный революціей толчокъ. Вѣроятно также, что солидарность коронованныхъ особъ Стараго Свѣта, явившаяся противовѣсомъ цезаристско-демократическому принципу, послужила сокровеннѣйшимъ поводомъ къ ученію Монроэ и свободнаго сѣверо-американскаго государства. Остальныя части свѣта, конечно, поскольку ихъ не касается колоніальная политика, живутъ въ теченіе

этого періода, главнымъ образомъ, своей особенной жизнью. Впрочемъ, и въ Европѣ консервативные и прогрессивные элементы отнюдь не представляютъ чистаго контраста другъ другу: кто не причислилъ бы къ консервативнымъ державамъ реставрированную римскую, папскую церковь! А, между тѣмъ, именно она, притомъ еще въ теченіе указаннаго періода, въ качествѣ выразительницы своихъ ультрамонтанскихъ притязаній на власть значительно прогрессировала и далеко ушла впередъ съ своей отвоеванной обратно позиціи, отчасти пустивъ въ ходъ вполнѣ современныя средства.

Территоріальныя установленія въ заключительныхъ рѣшеніяхъ Вѣнскаго конгресса отъ 9 іюня 1815 г. въ связи съ ихъ предпосылками и дальнѣйшими выводами въ обоихъ парижскихъ мирныхъ договорахъ 1814 и 1815 гг. представляютъ торжество воззрѣній и интересовъ Старой Европы надъ Новою. Для большаго скрѣпленія лишь формально заключили, вмѣсто ряда отдѣльныхъ конвенцій, одинъ общій договоръ, подписанный отъ имени всѣхъ восемью главными державами. Правда, договоръ этотъ не заключалъ въ себѣ простого возобновленія до-революціонныхъ государственныхъ и правительственныхъ нормъ; однако, поскольку позволяли взаимно примиренные интересы главныхъ державъ, достаточно близко подошли къ полной реставраціи. Распредѣленіе добычи, отнятой у побѣжденныхъ, было произведено при сознательномъ игнорированіи рѣшительно всѣхъ народныхъ интересовъ; въ основѣ его, какъ говорилось, было положено только количество квадратныхъ миль и душъ. Въ этомъ чисто-статистическомъ распредѣленіи мало чувствовалась та самая законность, о которой столь много распространялись.

На Пиренейскомъ полуостровѣ реставрація Браганцскаго дома въ Португаліи и Бурбоновъ въ Испаніи явилась естественнымъ результатомъ военныхъ событій. Португалія, король которой Іоаннъ VI остался въ Бразиліи, пребывала подъ вліяніемъ Англіи; въ Испаніи Фердинадъ VII вскорѣ устроилъ все по-старому.

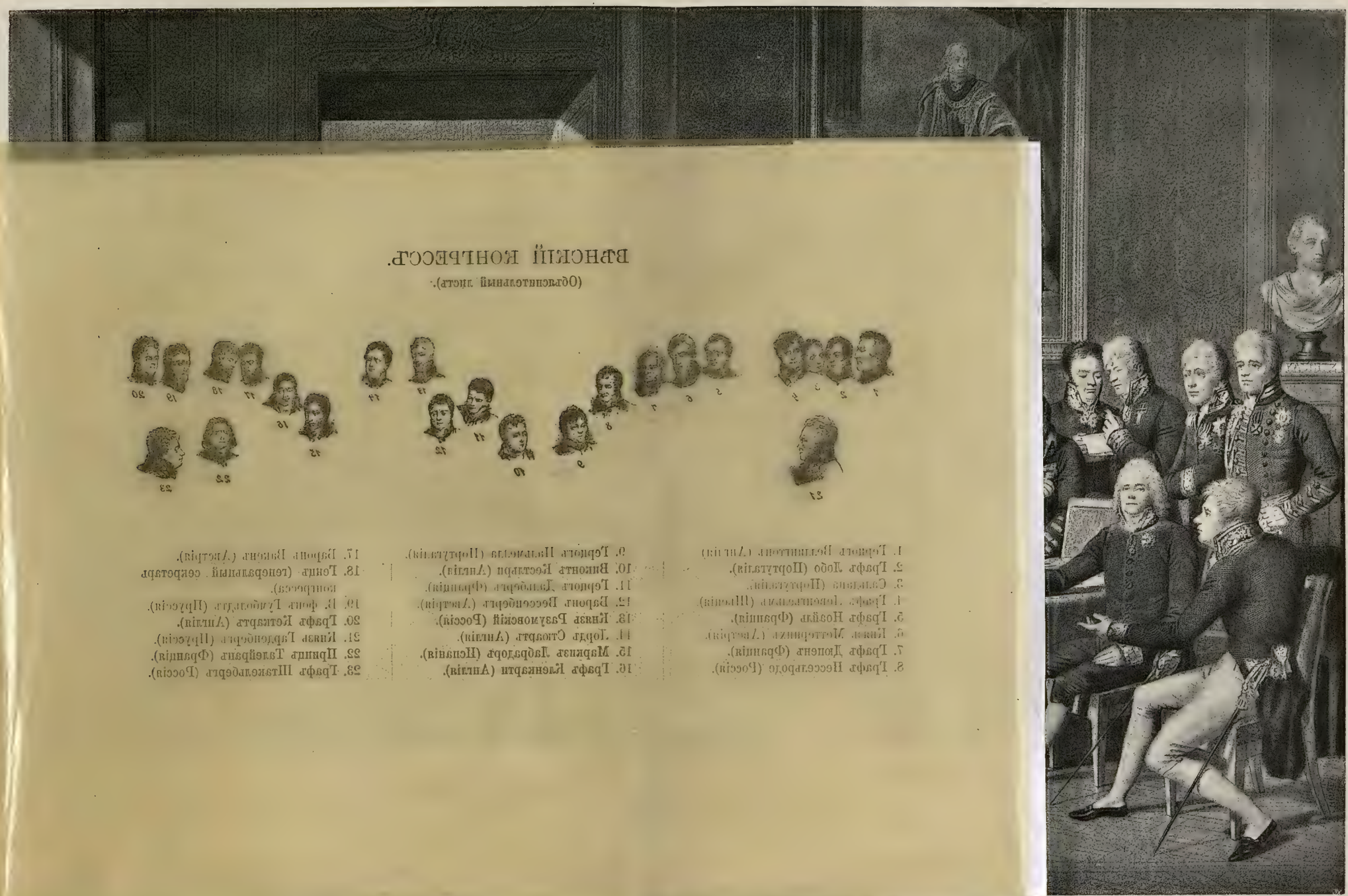
Это мнимое возстановленіе прежней Европы, отъ котораго старыя историческія республики тщетно ожидали своего возобновленія, должно было, по мнѣнію Меттерниха и другихъ, служить вѣрнѣйшею гарантіею расцвѣта всѣхъ благъ цивилизаціи. Раньше другихъ сокрушился фундаментъ зданія у горячихъ націй юга и юго-запада. Лишь глубокимъ какъ моральнымъ, такъ и физическимъ упадкомъ объясняется фактъ, что столь несовершенное дѣло, какъ твореніе Вѣнскаго Конгресса, могло вызвать въ общемъ такой продолжительный періодъ мира. Правда, періодъ этотъ богатъ съ благодарностью принятыми благодѣяніями, но, въ концѣ концовъ, тяжела была расплата за то, что, вмѣсто осторожнаго руководительства возникшими съ теченіемъ времени силами, предпочли ихъ насильственное скопленіе. Прочною оказалась эта система неподвижности лишь до тѣхъ поръ, пока чувство сохраненія своихъ интересовъ ощущалось ея иниціаторами, какъ общее имъ всѣмъ.

ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ.

(Объяснительный листъ).

1. Герцогъ Веллингтонъ (Англія).
2. Графъ Лобо (Португалія).
3. Сальдана (Португалія).
4. Графъ Левенгьельмъ (Швеція).
5. Графъ Ноайль (Франція).
6. Князь Меттернихъ (Австрія).
7. Графъ Дюпенъ (Франція).
8. Графъ Нессельроде (Россія).
9. Герцогъ Пальмелла (Португалія).
10. Виконтъ Кестльри (Англія).
11. Герцогъ Дальбергъ (Франція).
12. Баронъ Вессенбергъ (Австрія).
13. Князь Разумовскій (Россія).
14. Лордъ Стюартъ (Англія).
15. Маркизъ Лабрадоръ (Испанія).
16. Графъ Кленкарти (Англія).
17. Баронъ Ваконъ (Австрія).
18. Генцъ (генеральный секретарь конгресса).
19. В. фонъ Гумбольдтъ (Пруссія).
20. Графъ Кеткартъ (Англія).
21. Князь Гарденбергъ (Пруссія).
22. Принцъ Талейранъ (Франція).
23. Графъ Штакельбергъ (Россія).

ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ.



ВѢНСКІЙ КОНГРЕССЪ.

2. Международная политика въ періодъ отъ 1815 по 1825 гг.

Всѣ руководящія лица были вслѣдствіе многолѣтняго опыта проникнуты боязнью передъ революціею и чувствомъ потребности покоя; однако, степень пониманія или непониманія законности политическихъ или національныхъ притязаній народа была у этихъ лицъ весьма различна. Хотя мистическія увлеченія успѣли уже поколебать либерализмъ воспріимчиваго русскаго императора Александра I, однако, онъ продолжалъ еще настаивать на правѣ самоопредѣленія народовъ, что доказывается, между прочимъ, и отношеніемъ къ вопросу о французской конституціи. Дѣлу конституціоннаго участія подданныхъ въ государственномъ управленіи Александръ I потворствовалъ въ своей Польшѣ отнюдь не изъ какихъ-либо спеціальныхъ соображеній; онъ склонялся (еще и въ 1819 году) даже даровать конституцію Россіи. Правда, сознаніе самодержавія не разъ подчиняло себѣ его волю, сила которой и безъ того была рано ослаблена благодаря печальнымъ событіямъ его жизни. Меттерниховская политика мастерски сумѣла постепенно втянуть его въ кругъ идей крайне реакціонной политики застоя. Князь Климентъ Меттернихъ, осуществляя общегосударственный абсолютизмъ своего упрямаго повелителя императора Франца I австрійскаго, съ присущею представителямъ консервативной политики близорукостью не сумѣлъ въ достаточной мѣрѣ оцѣнить силу и значеніе стремленій вѣка и безъ дальнѣйшихъ околичностей считалъ старыя державы сильнѣйшими. Онъ, впрочемъ, смѣло выходилъ навстрѣчу врагу, вступая на территорію послѣдняго, всюду открыто нападая на конституціонныя и національныя ограниченія самодержавнаго строя. Его успѣхи въ этомъ направленіи сдѣлали его въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени центральной фигурою европейской политики, и, какъ бы велика ни была къ нему вызванная его политикой гнета по отношенію ко всякому проявленію свободы непріязнь, слѣдуетъ признать, что Меттернихъ былъ съ своей точки зрѣнія правъ въ примѣненіи своихъ крутыхъ мѣръ. Австрія была необходима Европѣ, какъ убѣдительно доказалъ весь ходъ освободительныхъ войнъ. Если представлялось желательнымъ сохранить Австрію, огражденную отъ внутреннихъ заболѣваній, въ качествѣ дальнѣйшаго твердаго оплота, то нужно было удалить изъ нея всѣ свѣжіе соки національныхъ и конституціонныхъ тенденцій и обезвредить ихъ по возможности всюду, гдѣ они могли проявиться [1]).

---

[1]) Здѣсь сдѣлана совершенно невѣрная посылка: необходимость существованія сильной Австріи (чего требовалъ въ 1848 г. и Палацкій) вовсе не предполагала необходимаго удаленія изъ нея «свѣжихъ соковъ національныхъ и конституціонныхъ тенденцій». Скорѣе наоборотъ: Австрія можетъ быть сильна лишь при демократическомъ строѣ, въ которомъ каждая національность широко пользуется своими національными правами. Всеобщее избирательное право (существующее съ 1907 г.) и полная гарантія правъ національныхъ меньшинствъ—таковы необходимыя условія существованія сильной Австріи.

Ред.

По этой причинѣ послѣ заключенія мира австрійскій вершитель судебъ, который тогда еще не былъ такъ тщеславенъ, какъ въ позднѣйшіе годы, трепеталъ передъ либерализмомъ русскаго царя, котораго въ то время невозможно было еще склонить къ мысли о необходимости спеціальныхъ гарантій противъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей. Показателемъ романтическаго самопосвященія Александра I человѣчеству, посвященія, жрицею, но не возбудительницею котораго была Юлія фонъ Крюденеръ, служитъ подписанный монархами Россіи, Австріи и Пруссіи въ сентябрѣ 1815 г. и обнародованный въ 1816 г. окончательный актъ Священнаго Союза, къ которому постепенно примкнуло большинство государей. Державамъ вскорѣ же пришлось пренебречь принципомъ христіанской, братской любви въ качествѣ единственной основы всякой политики, когда онѣ при заключеніи мира 20 ноября 1815 г. поступили съ безпокойной Франціею значительно круче, чѣмъ до Ста дней. Помимо незначительной потери своихъ территоріальныхъ владѣній, наложенія военной контрибуціи въ 700 милліоновъ франковъ, возврата похищенныхъ произведеній искусства, французамъ пришлось навязать себѣ на шею обузу въ лицѣ оккупаціонной арміи въ 150000 человѣкъ подъ командою герцога Веллингтона въ теченіе пяти лѣтъ въ сѣверныхъ и восточныхъ департаментахъ. Къ этому присоединилось еще тайное возобновленіе въ тотъ же день Шомонскаго союза между прежними четырьмя главными противниками Франціи съ обязательствомъ въ случаѣ необходимости поддержать всѣми своими силами оккупаціонную армію. Личнымъ свиданіямъ государей Англіи, Россіи, Австріи и Пруссіи и послѣ прекращенія оккупаціи Франціи было предоставлено гарантировать соблюденіе общихъ интересовъ и дальнѣйшаго мира (6 статья). Отсюда впослѣдствіи и возникло то право вмѣшательства, которое присвоили себѣ четыре великія державы относительно другихъ государствъ, разыгрывая роль европейскаго предопредѣленія. Рядомъ съ этимъ во Франціи установился въ лицѣ постоянной конференціи пословъ четырехъ упомянутыхъ державъ при участіи главнокомандующаго оккупаціонной арміи полицейскій надзоръ, которому подвергалась даже внутренняя политика короля. Подобная зависимость въ мирное время вліяла, какъ заноза подъ кожею. Россія, желавшая тѣснѣе связать съ собою какъ Испанію, такъ и Францію, достигла въ скоромъ времени сокращенія оккупаціонной арміи на одну пятую часть, а затѣмъ и уменьшенія предъявленной вначалѣ суммы за возмѣщеніе убытковъ.

Окончаніе оккупаціи Франціи до срока составляло лучшую задачу перваго изъ предусмотрѣнныхъ конгрессовъ монарховъ, засѣдавшаго въ концѣ сентября 1818 г. въ Аахенѣ. Здѣсь было рѣшено и занесено въ протоколъ вступленіе Франціи въ союзъ прочихъ державъ, причемъ, послѣ исполненія ею большинства обязательствъ, окончательная эвакуація ея была назначена къ концу ноября. Впрочемъ рядомъ съ этимъ четыре прежнихъ союзника пришли къ соглашенію относительно тайнаго, сообщеннаго лишь французскому королю, продолженія своего союза и даже условились относительно стратегическихъ, въ случаѣ нужды, мѣропріятій противъ Франціи [1]). Тогда же были

[1]) Тайное соглашеніе, заключенное 1 ноября, было сообщено герцогу Ришелье и

проектированы конгрессы уполномоченныхъ пяти союзныхъ державъ для соблюденія трактатовъ и обезпеченія общихъ интересовъ. Наступила эра Меттерниха. Со времени Аахенскаго конгресса онъ фактически сталъ правителемъ Европы; „ужасный Александръ" же совершенно переродился. Къ впечатлѣніямъ относительнаго истиннаго положенія дѣлъ во Франціи и Германіи присоединилось раскрытіе тайныхъ сообществъ среди русскихъ офицеровъ, и это сдѣлало Александра борцомъ, за сохраненіе спокойствія любою цѣною. Въ Аахенѣ дѣло не дошло до формальнаго взаимнаго страхованія престоловъ только потому, что противъ этого была Англія.

Уже въ 1819 году Меттернихъ сдѣлалъ удавшуюся ему попытку умертвить конституціонную жизнь отдѣльныхъ государствъ путемъ вмѣшательства Германскаго Союза. Въ 1820 году начинается великая борьба,—спеціальный періодъ политики вмѣшательства. Огненными знаками возгорѣлось слово, которое въ видѣ пугала уже давно было начертано на стѣнѣ; слово это было: революція. Рѣзкія судороги, быстро одна за другой проявлявшіяся на Пиренейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ, внѣшнимъ образомъ казались военными революціями; поэтому онѣ съ самаго начала возбуждали противъ себя формальное чувство права, такъ какъ въ нихъ заключалось нарушеніе обязательствъ, скрѣпленныхъ присягою. Въ этихъ пертурбаціяхъ понесли кару узко-династическая точка зрѣнія въ созданіи новыхъ порядковъ и слѣпая заботливость объ ихъ сохраненіи, которыя оскорбляли, правда, не вполнѣ еще сознательную національную гордость. Въ большинствѣ случаевъ реставрированныя правительства слишкомъ облегчили себѣ лежавшую на нихъ обязанность—заботиться о разумномъ примиреніи выросшихъ во время ихъ собственной продолжительной спячки народныхъ и классовыхъ интересовъ съ незабытыми еще интересами старинной родовой аристократіи. Пропасть расширялась путемъ необдуманнаго стремленія къ неограниченной власти и злобнаго преслѣдованія ряда лицъ, дѣйствовавшихъ въ предшествующій періодъ въ обратномъ направленіи. Тогда-то въ Испаніи возникли для обозначенія сторонниковъ противоположныхъ другъ другу теченій термины—serviles и liberales.

У руководителей народными движеніями и ихъ приверженцевъ среди массы рѣзко бросается въ глаза почти дѣтская неустойчивость, страстная переоцѣнка фактовъ и въ связи съ этимъ ложное, доходящее до суевѣрія, убѣжденіе въ всеспасительной силѣ конституціонныхъ формъ правленія. Только затрудненіемъ въ болѣе подходящемъ выборѣ объясняется хоть отчасти тотъ фактъ, что указанное стремленіе къ конституціонному режиму могло цѣпляться, какъ за палладіумъ свободы, за испанскую конституцію 1812 года.

Въ Испаніи реставрированный въ 1814 г. представитель Бурбонскаго дома, король Фердинандъ VII, не нашелъ другого болѣе неотложнаго дѣла, какъ уничтожить это радикальное твореніе запертыхъ въ Кадиксѣ кортесовъ,—тво-

---

гласило, что четыре союзника сообща будутъ дѣйствовать противъ Франціи въ случаѣ, если «un bouleversement quelquonque surviendrait en ce pays et menacerait le repos ou la sûreté de ses voisins». *Ред.*

реніе, полное внутреннихъ противорѣчій и совершенно не подходящее для страны, впавшей въ полуварварское состояніе послѣ гибельной войны. Возмутительное злоупотребленіе властью въ связи съ полною неспособностью къ политической дѣятельности, испугавшее даже правительства великихъ державъ, съ теченіемъ времени окружило указанную конституцію какимъ-то ореоломъ святости въ глазахъ преслѣдуемыхъ либераловъ. Недовольство распространилось на армію, которую заставляли голодать въ то время, когда были возстановлены почти всѣ привилегіи церкви и дворянства. Произволъ короны привелъ къ отпаденію предоставленныхъ въ Наполеоновское время самимъ себѣ колоній въ Чили, Венецуэлѣ и странахъ по Лаплатѣ. Войска, собранныя близъ Кадикса для посадки на суда и давно уже привыкшія къ заговорамъ, въ январѣ 1820 г. провозгласили, въ виду постоянныхъ неурядицъ, конституцію 1812 года.

Первый толчокъ быстро распространился. Сочувствовавшіе конституціи круги охотно признали, въ надеждѣ на будущій пересмотръ, этотъ пароль всего движенія. Но радикализмъ другихъ круговъ и безпочвенность положенія короля служили помѣхой.

7 марта Фердинандъ объявилъ о своей готовности присягнуть на вѣрность конституціи 1812 г., и два дня спустя онъ уже находился подъ контролемъ временной хунты. Въ кортесахъ умѣренные (moderados) были побѣждены радикалами (exaltados), отчасти благодаря недовѣрію къ правительству, отчасти потому, что озлобленный уничтоженіемъ монастырей клиръ возбуждалъ въ народѣ фанатизмъ и звалъ къ образованію такъ называемой „арміи вѣры". Передъ перспективой междоусобной войны Фердинандъ VII съ октября 1820 г. сталъ умолять иноземныхъ государей объ оказаніи ему помощи.

Одинаковая судьба постигла и сосѣднюю Португалію, уже пострадавшую отъ колоніальныхъ неурядицъ. Съ 1807 г., когда король Іоаннъ временно перенесъ свою резиденцію въ Бразилію, Португалія какъ бы висѣла въ воздухѣ между своею покровительницею Англіею и теперь самостоятельнымъ королевствомъ Бразиліею. Порвавшее отъ имени короля при сильнѣйшемъ воздѣйствіи главнокомандующаго англичанина Бересфорда регентство не было въ состояніи излѣчить нанесенныя странѣ раны при продолжавшихъ существовать привилегіяхъ дворянства и духовенства и господствѣ англійской торговли. 25 августа 1820 г. въ Опорто возникъ военный бунтъ, быстро распространявшійся и приведшій къ провозглашенію кортесами испанской конституціи 1812 года.

Еще раньше этого въ Италіи революціонное броженіе и загадочное почитаніе испанской конституціи снова начали дѣлать большія завоеванія. Правда, въ Неаполѣ реставрированная королевская власть въ существенныхъ чертахъ сохранила французское гражданское уложеніе. Однако, лишь только Фердинандъ IV вернулся изъ своего убѣжища Сициліи на материкъ, онъ изъ признаннаго международнымъ правомъ титула королевства Обѣихъ Сицилій немедленно вывелъ заключеніе, что введенная въ Сициліи подъ англійскимъ вліяніемъ конституція должна быть отмѣнена. Этотъ лѣнивый и необразованный монархъ вскорѣ вслѣдствіе собственныхъ ошибокъ и неудачныхъ мѣропріятій своихъ сподручныхъ сдѣлалъ свое самодержавіе ненавистнымъ въ глазахъ всего народа.

Не имѣя энергіи заботиться о народномъ благѣ, недовѣрчиво пренебрегая образованными и испытанными силами въ арміи и флотѣ, правительство искало опоры въ духовенствѣ. Правительство оцѣнивало лишь оказанныя лично государю услуги и вызвало къ себѣ всеобщее презрѣніе за компромиссныя сдѣлки съ различными разбойниками. Такимъ образомъ, возникшій въ наполеоновское время тайный союзъ карбонаріевъ, получившій внесеніемъ въ него національныхъ точекъ зрѣнія какъ бы свѣжую струю, нашелъ путь въ круги недовольныхъ военныхъ. Противоположное карбонаріямъ (угольщикамъ) сообщество кальдераріевъ (мѣдниковъ), равно какъ гражданская милиція, оказались недостаточнымъ средствомъ противъ распространявшагося революціоннаго движенія, руководители котораго, бывшіе офицеры Мюрата, адвокаты, художники и ремесленники, выставляли своимъ лозунгомъ конституцію. При извѣстіи объ успѣхахъ революціи въ Испаніи тайные вожаки движенія, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ Пепе, дали сигналъ къ провозглашенію конституціи 1812 года (3 іюля 1820 г.). Въ виду общаго перехода арміи на сторону революціонеровъ четыре дня спустя герцогъ Калабрійскій, въ качествѣ генеральнаго намѣстника, призналъ конституцію; преисполненный страха король одобрилъ и впослѣдствіи даже присягнулъ на вѣрность этой конституціи, пересмотръ которой долженъ былъ быть произведенъ національнымъ собраніемъ. Стремившаяся къ самостоятельности Сицилія отпала; покорить ее пришлось силою.

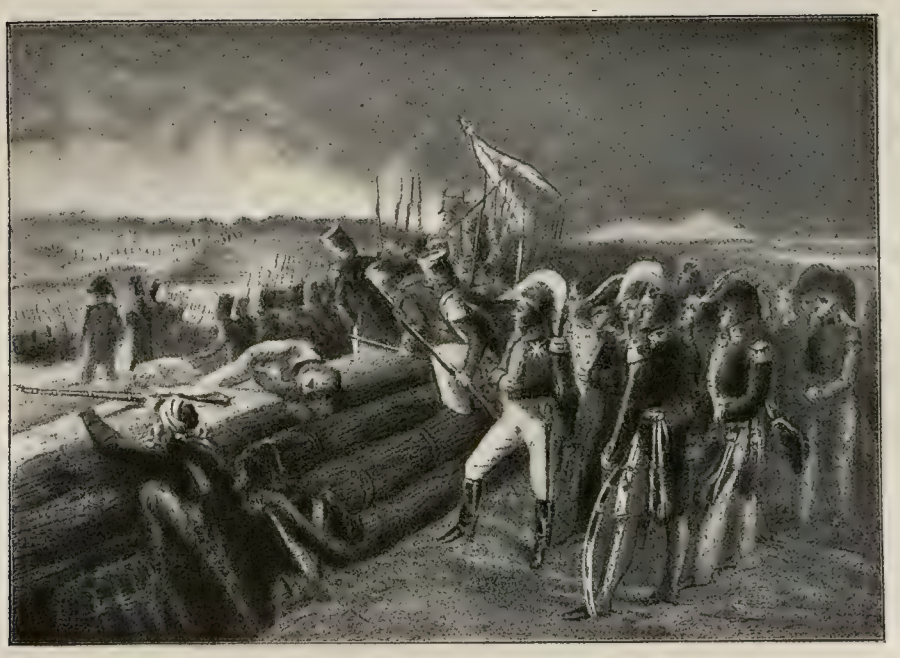
Теперь коронованнымъ блюстителямъ порядка въ Европѣ представилась возможность сопоставить случившіяся въ различныхъ мѣстахъ политическія убійства съ дѣятельностью вооруженныхъ заговорщиковъ карбонаріевъ и, такимъ образомъ, установить наличность подпольной работы организованныхъ революціонныхъ партій. Русскій императоръ, лично заинтересованный въ положеніи дѣлъ въ Испаніи, охотно противопоставилъ бы въ мартѣ 1820 года военной революціи въ Испаніи вмѣшательство великихъ державъ. Если Англія и Австрія, по различнымъ причинамъ, были противъ этого, то Меттернихъ перемѣнилъ точку зрѣнія на итальянскія событія, какъ только дѣйствія карбонаріевъ въ Неаполѣ стали приписывать дѣятельности одного изъ развѣтвленій союза карбонаріевъ, стремящагося вездѣ и повсюду къ достиженію національнаго единства: теперь въ неаполитанскихъ событіяхъ увидѣли угрозу господству Австріи въ Италіи. Охотнѣе всего Вѣна самостоятельно вмѣшалась бы въ это дѣло. Однако, Франція предпочитала замѣну несчастной конституціи кортесовъ болѣе подходящею, но ея вмѣшательству воспрепятствовали какъ ослѣпленность короля, такъ и близорукость неаполитанскихъ либераловъ. Точно также русскому государю, который все еще руководился указаніями расположеннаго къ конституціи графа Каподистріи, необходимо было показать событія въ иномъ освѣщеніи. На конгрессѣ въ Троппау, на который монархи трехъ восточныхъ державъ явились лично, тогда какъ Англія и Франція послали туда своихъ делегатовъ, первоначально царило мало единодушія. Лишь послѣ того, какъ Меттерниху удалось окончательно склонить царя на сторону своей точки зрѣнія, три восточныхъ державы 19 ноября 1820 года составили легшій позже въ основаніе циркулярнаго посланія протоколъ, въ которомъ устанавливался весьма своеобразный принципъ вмѣ-

тательства. Чтобы спасти Европу отъ бича революціи, европейскій союзъ при насильственномъ измѣненіи строя въ какомъ-нибудь государствѣ и при наличности опасности дальнѣйшаго распространенія этого зла бралъ на себя обязанность мирнымъ путемъ или при помощи оружія возстановить то положеніе, которое являлось условіемъ принадлежности къ союзу. Не выражая на это своего согласія, Англія и Франція въ видахъ сохраненія Священнаго Союза внѣшнимъ образомъ подчинились рѣшенію конгресса. Восточныя державы пришли къ соглашенію, чтобы Неаполю оказала военную поддержку одна лишь Австрія, и чтобы предварительно было предложено королю лично попытаться установить соглашеніе между державами и его народомъ. Сценой для этой комедіи былъ избранъ городъ Лайбахъ въ Крайнѣ; въ январѣ 1821 г. тамъ и открылся новый конгрессъ. Король Фердинандъ нарушилъ неоднократно принесенную имъ присягу и чрезвычайно охотно подчинился рѣшенію конгресса. 60000 австрійцевъ подъ начальствомъ Фримона разсѣяли 7 марта у Ріети значительно слабѣйшихъ и безпочвенныхъ хвастуновъ неаполитанскаго войска. Распустивъ свою ненадежную армію, король Фердинандъ сталъ править подъ защитою австрійскихъ штыковъ, проявляя слѣпую мстительность и беззастѣнчивое пренебреженіе къ справедливымъ требованіямъ населенія.

Между тѣмъ, три дня спустя послѣ боя при Ріети, въ королевствѣ Пьемонтѣ, въ Александріи, Туринѣ и др. городахъ разразилась отчасти военная революція. Среди офицеровъ, примкнувшихъ къ зелено-бѣло-красному знамени и испанской конституціи, какъ къ символу общаго національнаго чувства и протеста противъ иноземнаго владычества, были представители родовитѣйшей мѣстной знати; даже близкій къ трону принцъ Карлъ-Альбертъ Карньянъ зналъ о подготовлявшихся событіяхъ и до извѣстной степени принималъ въ нихъ участіе. Въ его рукахъ послѣ отреченія короля, тронъ котораго сильно пошатнулся, и вплоть до прибытія преемника была регентская власть. Но вскорѣ онъ спасъ себя и свое будущее. Не дожидаясь обѣщанныхъ русскихъ подрѣпленій, австрійскія войска разогнали 8 апрѣля при Новарѣ остатки заговорщиковъ еще до того, какъ пламя революціи перебросилось въ Ломбардію. 12000 человѣкъ осталось въ странѣ для защиты реакціоннаго короля Карла-Феликса. Такимъ образомъ, австрійскія знамена развѣвались на всемъ полуостровѣ, отнюдь не къ удовольствію стоявшей въ сторонѣ Франціи. Съ согласія папы и Анкона получила австрійскій гарнизонъ.

Впрочемъ, вѣнской бюрократіи еще предстояло убѣдиться на опытѣ, что суровость при исполненіи обязанностей уполномоченнаго восточно-европейскихъ державъ медленно, но вѣрно подкапывала почву подъ габсбургскимъ сооруженіемъ въ Италіи.

Въ Испаніи междоусобная война достигла своего апогея, когда королевская „армія вѣры“ провозгласила въ занятой горной крѣпости Сео д'Ургель регентомъ законнаго, но не свободнаго короля (августъ 1822 г.). Очутившись въ тискахъ, съ одной стороны, exaltados'овъ, уже оттѣснявшихъ либеральныхъ друзей конституціи, а съ другой—жаждавшихъ мести serviles'овъ, Фердинандъ VII подвергся недовѣрчивому контролю своихъ собственныхъ министровъ, особенно послѣ неудавшейся попытки насильственной эмансипаціи.



Штурмъ Трокадеро Кадикса.

Наваринская битва 20 октября 1827 г.

Опасность, грозившая королю, выдвинула на первый планъ, вопреки первоначальному намѣренію, обсужденіе испанскаго вопроса на конгрессѣ, открывшемся въ октябрѣ 1822 г., опять-таки на австрійской почвѣ, а именно въ Веронѣ. Изъ присутствовавшихъ на этомъ конгрессѣ монарховъ россійскій императоръ и подъ его вліяніемъ король прусскій высказались за вооруженное вмѣшательство. Но Меттернихъ былъ весьма озабоченъ этимъ и, въ концѣ концовъ, подчинился желанію царя, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы удержать Александра I въ его корректной точкѣ зрѣнія на возстаніе грековъ. И, дѣйствительно, на лицо было немало предостереженій. Англія, которая въ Лайбахѣ отклонила свое участіе въ установленіи права вмѣшательства изъ парламентскихъ соображеній, на самомъ дѣлѣ отнеслась довольно сочувственно къ принятымъ въ Неаполѣ мѣрамъ, теперь высказывалась въ Веронѣ (вдобавокъ устами такого тори, какъ Веллингтонъ) противъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи. Ультра-роялистское правительство родственнаго французскаго двора, уже давно тайно поддерживающее „регентство" роялистовъ въ Испаніи, и слышать не хотѣло о проходѣ чуземныхъ войскъ и, во всякомъ случаѣ, не желало выставлять свои военныя силы для вмѣшательства по формальному порученію великихъ державъ. Лишь партійнымъ соображеніямъ французскихъ уполномоченныхъ нужно было приписать тотъ фактъ, что Франція, довольно слабо отмѣчая свою отрицательную точку зрѣнія, одобрила постановленія конгресса, направленныя противъ тогдашняго испанскаго правительства. Однако, отправка угрожающихъ дипломатическихъ нотъ въ Мадридъ и разрывъ международныхъ сношеній путемъ отозванія пословъ четырехъ державъ не были въ силахъ сломить испанское упрямство. Поэтому въ апрѣлѣ 1823 г., не безъ робости вспоминая опыты Наполеона, французы подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго вступили въ Испанію. Они почти безпрепятственно достигли Мадрида, а правительство удалилось въ Кадиксъ, захвативъ съ собою теперь дѣйствительно уже несвободнаго короля. Осенью Кадиксъ былъ взятъ штурмомъ, а Фердинандъ VII освобожденъ послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ. Подъ защитою французскихъ штыковъ онъ отмѣнилъ все дарованное имъ съ начала революціи. Этимъ менѣе всего были удовлетворены французы, которые, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, желали приближенія испанскихъ формъ правленія къ политическимъ нормамъ Франціи. Картина преисполненной ужасовъ политики репрессій короля Фердинанда возбуждала и въ посланникахъ остальныхъ державъ непріятныя чувства и опасенія.

До сихъ поръ великій европейскій союзъ, внутренне, правда, уже нѣсколько расшатанный, внѣшнимъ образомъ все еще оставался довольно прочнымъ. Изъ событій, сдѣлавшихъ происшедшій въ немъ расколъ видимымъ рѣшительно для всѣхъ, намъ придется здѣсь, въ виду единства мѣста дѣйствія, упомянуть прежде всего о дѣлахъ Португаліи. Тамъ, согласно рѣшенію созванныхъ послѣ революціи 1820 года кортесовъ, была выработана конституція 1822 года, которую принялъ вернувшійся изъ Бразиліи въ Португалію король Іоаннъ VI. Провозглашеніе Бразиліи имперіею подъ властью его старшаго сына Педро нанесло тяжкую рану національной гордости Пор-

тугаліи, а также тяжело отразилось на ея торговлѣ вслѣдствіе независимости этой колоніи. Кромѣ того, аристократическіе и клерикальные противники новаго направленія нашли опору въ лицѣ королевы, сестры испанскаго короля Фердинанда, и въ ея второмъ сынѣ Мигуэлѣ. Въ 1823 году подъ впечатлѣніемъ успѣховъ Франціи въ Испаніи удалась контръ-революція. Король Іоаннъ впослѣдствіи никакъ не сумѣлъ замѣнить отмѣненную конституцію болѣе умѣренными формами правленія, которыя соотвѣтствовали бы культурному состоянію его народа. Послѣ его смерти (1826 г.) португальской королевою стала малолѣтняя дочь старшаго сына Педро Марія да-Глорія, благодаря условному отреченію отъ престола ея отца, бразильскаго императора. Для примиренія всевозможныхъ притязаній ее нѣсколько позже сочетали бракомъ съ ея также еще несовершеннолѣтнимъ дядею донъ Мигуэлемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, донъ Педро даровалъ странѣ конституцію. Хотя эта конституція была дана королемъ свободно и безъ всякаго принужденія, тѣмъ не менѣе, Меттерниху казалось, что она грозила смертью и разрушеніемъ всему общественному строю. Абсолютистская Испанія, заинтересованная въ томъ, чтобы въ сосѣднемъ государствѣ не привилась конституціонная жизнь, стала поддерживать португальскихъ противниковъ новаго порядка. Такъ разгорѣлась опять междоусобная война. До совершеннолѣтія Маріи донъ Педро назначилъ регентшей свою сестру; на призывъ ея о помощи откликнулась пославшая свои войска Англія, гдѣ Каннингъ обѣщалъ защиту народамъ, которымъ грозило вмѣшательство, и прежде всего „старѣйшему союзнику", предостерегая его въ то же время о количествѣ разразившихся въ его странѣ революціонныхъ силъ. Ранняя смерть Каннинга, однако, умалила дѣйствіе его громко прозвучавшихъ въ Европѣ рѣчей. Нарушая то самое легитимистское право, защитникомъ котораго онъ собирался выступить, донъ Мигуэль провозгласилъ себя королемъ, вмѣсто девятилѣтней донны Маріи, отмѣнивъ притомъ конституцію. Донна Марія поселилась въ Англіи. Ожесточенная борьба либераловъ и абсолютистовъ внѣшнимъ образомъ касалась притязаній обоихъ связанныхъ столь тѣсно родственными узами лицъ. Либералы всюду стали на сторону донны Маріи и конституціи. Симпатіи державъ всецѣло были на сторонѣ дона Мигуэля, который при помощи безпредѣльнаго правительственнаго террора подавлялъ всякое сопротивленіе.

Уже давно абсолютистская Испанія просила о помощи единомышленныя съ нею державы противъ политической независимости испанскихъ колоній въ Центральной и Южной Америкѣ. При боязни перенесенія республиканскихъ тенденцій въ старую Европу отнюдь не казался невозможнымъ легитимистскій крестовый походъ въ Америку,—по крайней мѣрѣ, было сильное желаніе созвать конгрессъ, который долженъ былъ бы высказаться въ пользу бывшей метрополіи. Но отъ Сѣверо-Американскихъ Свободныхъ Штатовъ, до тѣхъ поръ въ политическомъ отношеніи не обращавшихъ на себя вниманія, послѣдовало предостереженіе. 8 марта 1822 г., по предложенію президента, конгрессъ объявилъ за собою право признанія независимости штатовъ Новой Испаніи и отчасти осуществилъ это право. Такъ какъ Испанія не переставала хлопотать о помощи предъ остальными державами, то президентъ Монроэ заявилъ при открытіи конгресса 2 декабря 1823 г., что распространеніе политической системы

европейскихъ державъ на Америку не можетъ быть безразличнымъ для Соединенныхъ Штатовъ, и что материкъ Америки долѣе не можетъ оставаться объектомъ колонизаціи со стороны какой бы то ни было европейской державы (доктрина Монроэ). Однако, тѣ смѣшанныя государства, которыя тщетно стремились къ установленію взаимнаго единства, лишь весьма медленно достигли нѣкотораго рода консолидаціи. Англійскіе торговые круги уже давно требовали урегулированія сношеній съ ними. Но лишь въ 1824 г. Каннингъ, при общемъ возмущеніи европейскихъ кабинетовъ, началъ назначать консуловъ въ наиболѣе упрочившихся американскихъ государствахъ; въ началѣ 1825 г. за этимъ фактическимъ признаніемъ ихъ независимости благодаря заключенію торговыхъ договоровъ послѣдовало и международное. Новый Свѣтъ по ту сторону океана пріобрѣлъ жизнеспособность, и признаніе его права на существованіе пробило первую значительную брешь въ систему, носившую названіе меттерниховской.

Происходившія до сего времени революціи были отмѣчены печатью нарушенія воинской присяги. Но греческое возстаніе, возмущеніе угнетаемаго въ теченіе столѣтій народа противъ своихъ притѣснителей, весьма древняго и, несмотря на все, культурнаго народа противъ мусульманскихъ угнетателей, уже потому не могло имѣть ничего общаго съ военной революціею, что религіозные законы Оттоманской имперіи исключали невѣрныхъ отъ несенія воинской повинности. Съ давнихъ поръ вооруженныя возстанія пашей отдѣльныхъ провинцій (янинскаго Али-паши) и самовольное ослабленіе узъ, связывавшихъ ихъ съ Портою (Египетъ, Алжиръ и Тунисъ), стали обыденными явленіями въ жизни Турецкой имперіи. Центральное правленіе султана давно уже утратило прежнюю силу, будучи стѣсняемо улемами и ихъ приверженцами, наслѣдственною военною кастою янычаръ. Однако, это все еще не умаляло довѣрія австрійскаго кабинета къ жизнеспособности имперіи, распаденіе которой неминуемо повлекло бы за собою всевозможнаго рода затрудненія и опасности. Несмотря на коренное различіе народа, раскинувшагося по восточной Европѣ въ родѣ какого-то постояннаго военнаго лагеря, съ прочимъ населеніемъ Балканскаго полуострова, въ султанѣ видѣли лишь законнаго правителя, а боровшіяся за свою автономію христіанскія народности признавались революціонерами. Габсбургскую имперію совершенно не интересовали сербскія войны за освобожденіе, продолжавшіяся съ 1811 года. Но когда вслѣдъ за прочими возмущеніями въ южной Европѣ на врага своей вѣры возстала брошенная на произволъ судьбы какъ по собственной винѣ, такъ и по винѣ правителей, греческая нація, око вѣнскаго Гофбурга немедленно увидѣло въ грекахъ настоящихъ заговорщиковъ, сотоварищей карбонаріевъ.

Возрожденіе эллиновъ началось на почвѣ литературы. Однако, дѣйствовавшихъ мирнымъ путемъ „филомузовъ“ смѣнилъ широко развѣтвленный тайный союзъ „филиковъ“, цѣлью котораго было возстаніе всѣхъ греческихъ элементовъ на Балканскомъ полуостровѣ и по побережьямъ Чернаго моря. Въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему обществу и посвященныхъ въ положеніе дѣлъ, былъ и интимный совѣтникъ русскаго царя, уроженецъ Корфу, графъ Каподистрія. Чѣмъ меньше умѣли оріентироваться въ душевномъ состояніи царя, тѣмъ увѣреннѣе разсчитывали, по примѣру обычныхъ политиковъ всѣхъ

временъ, на то, что Россія не откажется отъ своей миссіи среди предоставленныхъ турецкому произволу своихъ единовѣрцевъ. Каподистрія повелъ дѣло такъ, что руководителемъ возстанія былъ избранъ знатный фанаріотъ и видный русскій генералъ князь Александръ Ипсиланти. Конечно, когда послѣдній, вмѣсто того, чтобы стать во главѣ, нѣсколько, правда, разбойническихъ, но горѣвшихъ жаждою боя грековъ Пелопоннеса и Архипелага, въ февралѣ 1821 г. вступилъ съ горстью вооруженныхъ въ придунайскія княжества, издавъ обманную прокламацію о помощи Россіи, все дѣло было испорчено. На его призывъ къ борьбѣ за свободу вскорѣ, однако, поднялись, подъ предводительствомъ своихъ приматовъ и священниковъ, крестьянскія общины Мореи, равно какъ дикіе клефты-горцы; за ними послѣдовали греки Архипелага съ своимъ заботливо предуготовленнымъ флотомъ. Однако, преслѣдуемому турецкими войсками Ипсиланти вскорѣ пришлось бѣжать чрезъ австрійскую границу; теперь за стѣнами тюрьмы онъ могъ отдаваться мыслямъ о своемъ необдуманномъ шагѣ. Въ Константинополѣ извѣстіе о возстаніи воспламенило фанатическую чернь къ дикому насилію надъ райею. Православный патріархъ, хотя и согласившійся на арестъ Ипсиланти, былъ повѣшенъ у входа своей церкви, а его подвергшійся надруганію трупъ былъ брошенъ въ Босфоръ. Много другихъ епископовъ были также казнены.

Крикъ о помощи греческихъ единовѣрцевъ, подвергшихся опасности со стороны могущественной и сильной имперіи, не нашелъ отклика въ Россіи. Царь при полученіи на Лайбахскомъ конгрессѣ извѣстія о выходкѣ Ипсиланти не удержался отъ порицанія его. Александръ не измѣнилъ своего отношенія къ дѣлу и тогда, когда 1 января 1822 г. конгрессъ въ Піадѣ провозгласилъ независимость эллиновъ, и когда во время возгорѣвшейся борьбы турецкая рѣзня на островѣ Хіосѣ вызвала ужасъ Европы въ такой же мѣрѣ, въ какой геройская месть греческихъ моряковъ и столь же геройская защита осажденнаго Миссолунги заставили ее прійти въ восторгъ. На Веронскомъ конгрессѣ эллинскіе делегаты не удостоились быть выслушанными.

Между тѣмъ, серьезный оборотъ, который приняла кровавая трагедія на поляхъ Эллады (въ противоположность многословію романскихъ народностей и ихъ явному пожеланію приносить дѣйствительныя жертвы), началъ производить въ Европѣ глубокое впечатлѣніе на образованные круги общества. Воспоминаніе о древнихъ борцахъ при Мараѳонѣ принесло пользу ихъ потомкамъ. Участіе, воодушевленіе, готовность оказать помощь, въ которыхъ сказывалось повсюду, кромѣ Австріи, желаніе общества духовно поддержать грековъ, быстро усилили „филэлленизмъ". Конкретнымъ образомъ это выразилось въ собираніи денежныхъ средствъ и посылки оружія, въ личномъ вступленіи многихъ филэллиновъ въ ряды сражающихся и, наконецъ,—а это играло далеко не послѣднюю роль—въ воздѣйствіи на правящіе круги упорно стоявшаго на своемъ общественнаго мнѣнія.

Незамѣнимая жизнь Байрона не оказалась слишкомъ большою жертвою за освобожденіе древнѣйшихъ носителей европейской культуры. Но у Александра, дѣйствительно, какъ-будто въ груди были двѣ души. Одна изъ нихъ приковывала

его робкій умъ къ непогрѣшимой доктринѣ Меттерниха объ общности интересовъ всѣхъ монарховъ противъ самопомощи управляемыхъ. Другая пѣла въ унисонъ съ особенно легко воспламенявшимися чувствами его народа къ греческимъ единовѣрцамъ. Вдобавокъ Россія, на основаніи условій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774 г.), создала себѣ право заступничества за православную райю въ Турецкой имперіи и все еще вела дипломатическіе переговоры и споры о толкованіи русско-турецкаго мира, заключеннаго въ Бухарестѣ (1812 г.). Однако, не отказываясь отъ своихъ національно-русскихъ притязаній, царь проявлялъ крайнее долготерпѣніе по отношенію къ затяжной тактикѣ Порты въ надеждѣ добиться отъ Европы нѣчто въ родѣ порученія начать борьбу съ Турціей. Его настойчивое требованіе европейскаго вмѣшательства въ дѣла Испаніи, по всей вѣроятности, объясняется желаніемъ имѣть подходящій для собственнаго вмѣшательства прецедентъ. Онъ свыкся съ мыслью о тщетности своихъ стремленій, спокойно отнесся къ заявленію Англіи (послѣ смерти Кэстльри) о законномъ характерѣ греческой блокады береговъ Эпира и не измѣнилъ своего отношенія и тогда, когда султанъ, обезсиленный въ борьбѣ, купилъ въ 1824 году помощь своего вассала, вице-короля Египта, противъ греческихъ повстанцевъ. На неоднократныхъ совѣщаніяхъ въ Петербургѣ Александръ старался привести державы къ соглашенію, чтобы покончить ужасы греческой рѣзни. Однако, въ немъ заговорилъ голосъ русскаго, когда онъ отвергъ независимость Греціи, находя ее несовмѣстимой съ интересами Россіи и склоняясь въ крайнемъ случаѣ къ допущенію, какъ въ придунайскихъ княжествахъ, самоуправленія въ раздѣленной на три части Греціи. На этой проблемѣ потерпѣлъ крушеніе великій союзъ. Александръ умеръ въ 1825 г., не успѣвъ рѣшить вопроса съ точки зрѣнія Россіи. Лишь новый взглядъ на восточный вопросъ могъ побѣдоносно разсѣчь греческій гордіевъ узелъ.

3. Эпоха реставраціи во Франціи.

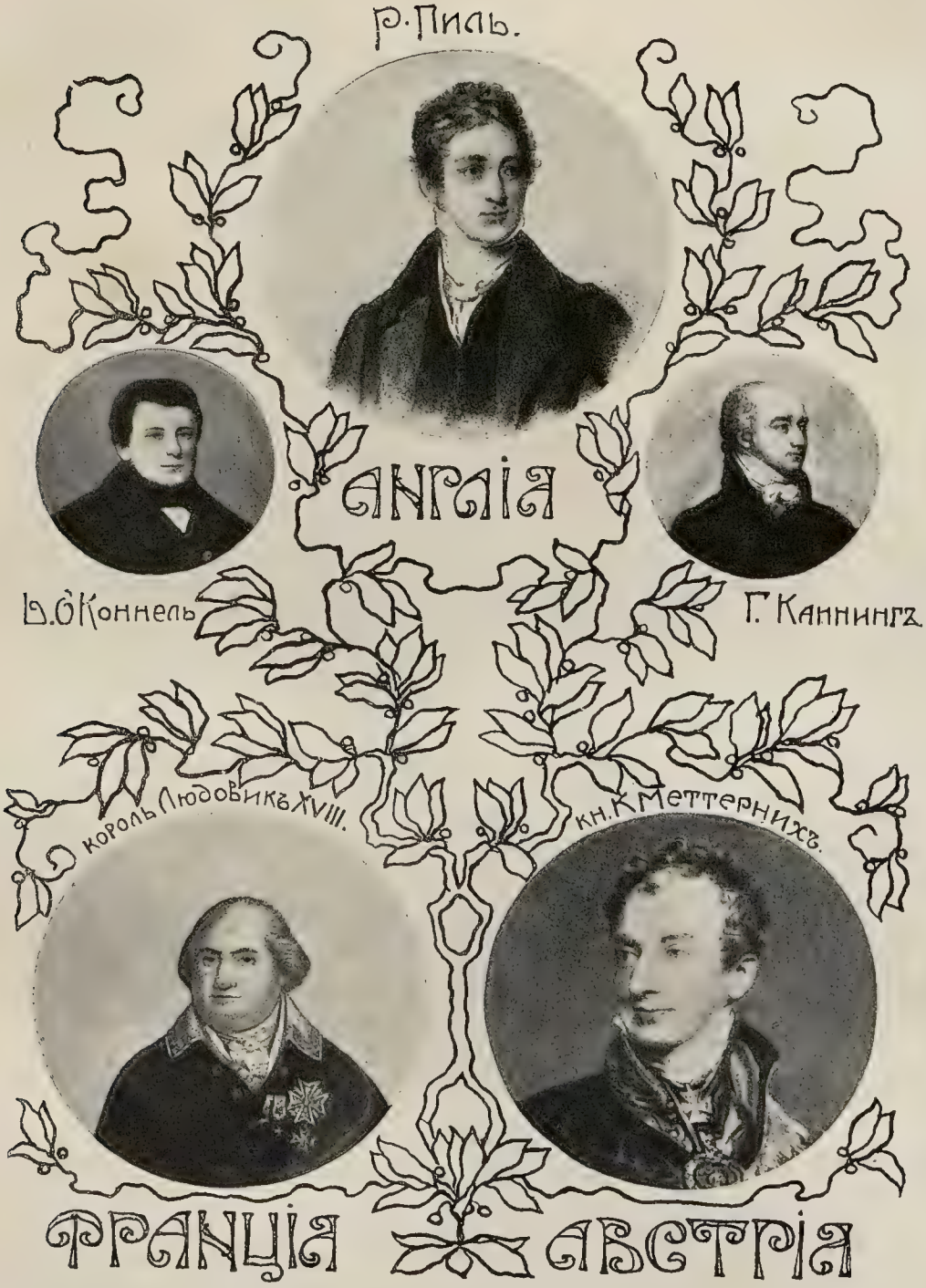
Помимо быстраго матеріальнаго развитія, Франція обязана эпохѣ реставраціи въ духовномъ отношеніи лирической поэзіей и расцвѣтомъ исторической науки, а также славной страницей въ исторіи естествознанія. И если послѣ столькихъ страшныхъ ударовъ и снизу, и сверху французы все-таки не добились прочной привычки къ законной свободѣ, то это они должны приписать самимъ себѣ.

Послѣ второй реставраціи король Людовикъ XVIII понялъ, подъ вліяніемъ русскаго императора, что нельзя быть королемъ лишь своихъ друзей по несчастью. Крушеніе первой реставраціи вслѣдствіе слѣпоты ея участниковъ дало ему основаніе быть болѣе самостоятельнымъ по отношенію къ нимъ. Политически достаточно одаренный Людовикъ, правда, никогда не могъ вполнѣ избавиться отъ страха предъ своимъ фанатическимъ братомъ и наслѣдникомъ, графомъ д'Артуа, продолжавшимъ служить, благодаря своей рыцарской любезности, образцомъ для друзей старой Франціи и для неисправимыхъ борцовъ за политическій и церковный возвратъ къ прошлому. Но по совѣту патріотическаго гер-

цога Ришелье, изъ своего губернаторства въ Одессѣ привезшаго довѣріе Россіи, а затѣмъ еще болѣе по совѣту походившаго на него самого по своему чисто-французскому bon sens ловкаго герцога Деказа, его признаннаго любимца,—онъ честно рѣшилъ быть королемъ французовъ,—королемъ всей Франціи, а не одной лишь партіи. Онъ сравнивалъ себя со своимъ великимъ предкомъ Генрихомъ IV, которому тоже предстояла задача—создать, такъ сказать, изъ двухъ народовъ одинъ. И, дѣйствительно, тысячи возвратившихся эмигрантовъ, съ одной стороны, и сотни тысячъ людей, уже сроднившихся со всѣмъ, добытымъ за послѣднія 20 лѣтъ, съ другой—составляли два враждебныхъ лагеря, оспаривавшихъ другъ у друга почву, на которой они стояли. Дарованная Людовикомъ XVIII хартія (1814 г.) со своей палатой пэровъ, составленной, главнымъ образомъ, по назначенію, и палатой депутатовъ, избранныхъ на основаніи крайне высокаго избирательнаго ценза, должна была при совмѣстной работѣ обѣихъ палатъ стать орудіемъ примиренія [1]). Но уже въ сентябрѣ 1816 г. пришлось рѣшиться на роспускъ такъ назыв. „небывалой" (chambre introuvable) палаты, составленной благодаря унаслѣдованной отъ временъ Наполеона выборной процедурѣ изъ приверженцевъ крайне односторонней точки зрѣнія эмигрантовъ. Эти крайніе консерваторы не только считали всѣ должностныя мѣста и земельныя владѣнія своимъ неотъемлемымъ добромъ, но пытались даже навязать сопротивлявшейся коронѣ министерство по собственному выбору, не считаясь ни съ духомъ, ни съ буквою закона. Напротивъ, такъ называемые доктринеры, которые одно время вмѣстѣ съ умѣренными консерваторами составляли правительственную партію, защищали авторитетъ короля. Тѣмъ не менѣе, они доставляли достаточно хлопотъ министрамъ необузданнымъ отстаиваніемъ своихъ мнѣній и принципіально гордой неуступчивостью даже тогда, когда въ общемъ примыкали къ ихъ направленію. Но не они были виноваты, что не осуществилось сокровеннѣйшее желаніе ультралегитимистовъ—уничтожить наполеоновскій конкордатъ 1802 года. Это соглашеніе, заключенное въ 1801 году и вмѣстѣ съ односторонне присоединенными къ нему органическими статьями обнародованное въ 1802 г. въ видѣ государственнаго закона, подчинило вновь возстановленную римско-католическую церковь искусно выработанному государственно-церковному праву. Что побудило курію принять и особенно терпѣть эти органическія статьи, объ этомъ—мы распространяться здѣсь не станемъ. Несомнѣнно, что этимъ конкордатомъ, заключеннымъ съ папой, корона, независимо отъ органическихъ статей, получила по отношенію къ церкви, напримѣръ, въ вопросѣ о назначеніи епископовъ, нѣкоторыя права, благодаря которымъ ей въ сущности не приходилось жалѣть о прежнихъ временахъ. Конкордатъ этотъ не допускалъ возвращенія на ихъ прежнія

---

[1]) Избирателями были лица, достигшія 30 лѣтъ и платившія не менѣе 300 франковъ въ годъ прямыхъ налоговъ; депутатами могли быть лишь тѣ, которые платили 1000 фр. налога и достигли 40-лѣтняго возраста. Палата пэровъ, помимо членовъ королевскаго семейства и принцевъ крови, состояла исключительно изъ лицъ по назначенію, причемъ званіе пэра, по желанію короля, могло быть дано либо пожизненно, либо наслѣдственно.
Ред.


Р. Пиль.
Англія
Д. О'Коннель
Г. Каннингъ
король Людовикъ XVIII.
кн. К. Меттернихъ.
Франція
Австрія

мѣста роялистскихъ епископовъ, удаленныхъ въ 1792 г.,—тѣхъ самыхъ епископовъ, которые предпочли изгнаніе гражданскому уставу о духовенствѣ и которые, къ неудовольствію куріи, отказались покориться при заключеніи конкордата. Клерикальные эмигранты ссылались на то, что имъ, какъ и принцамъ, ихъ аристократическимъ союзникамъ, должны вернуть прежніе титулы и владѣнія подобно тому, какъ королю вернули корону. Если бы этимъ людямъ удалось добиться удовлетворенія своихъ притязаній, то въ принципѣ нельзя было бы ничего возразить и противъ полнаго возстановленія владѣній эмигрантовъ. Къ несчастью, возстановленная династія руководствовалась чувствомъ, что конкордатъ, отвоеванный у папы Пія VII „узурпаторомъ", не согласуется съ достоинствомъ королевства. Желанію короля больше всего соотвѣтствовалъ бы пересмотръ конкордата, но крайніе настаивали, чтобы это соглашеніе, какъ чуждое законной королевской санкціи, считалось какъ бы несуществующимъ и было замѣнено новымъ. Ошибочно полагали, что устраненіемъ органическихъ статей можно будетъ привлечь на свою сторону курію: противъ принциповъ непокорнаго легитимизма возсталъ, со стороны папы, принципъ непогрѣшимости церкви, которая не желала принести въ жертву назначенныхъ въ силу конкордата епископовъ. Переговоры, начатые въ Римѣ немедленно послѣ первой реставраціи, кончились ничѣмъ. Только послѣ второй реставраціи переговоры приняли опредѣленныя формы и послѣ ряда разныхъ столкновеній привели въ 1817 г. къ заключенію новаго конкордата между папой и королемъ. Вскорѣ приступили къ назначенію новыхъ епископовъ. Этимъ соглашеніемъ, черезъ простую отмѣну органическихъ статей, конкордатъ 1802 г. былъ замѣненъ конкордатомъ 1516 г. Послѣдній же, независимо отъ установленнаго Львомъ X и Франциномъ I порядка замѣщенія духовныхъ мѣстъ, еще до революціи устарѣлъ и былъ непримѣнимъ. Объявленное въ немъ уничтоженіе галликанскихъ церковныхъ привилегій истолковывалось со стороны судовъ противорѣчиво въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Неужели нужно было снова ввести аннаты? Огромное увеличеніе числа епископовъ ложилось новой тяжестью на государство; при этомъ нисколько не обезпечивались церковно-правовыя притязанія государства и не расширялись его права по отношенію къ церкви (jura circa sacra и in sacra). Министръ Ришелье былъ того мнѣнія, что, въ силу правъ короны, путемъ ратификаціи будетъ изготовленъ договоръ, связывающій обѣ стороны. Но товарищи его, какъ преданный королю Деказъ и министръ юстиціи Паскье, возражали, что конкордатъ 1802 г., какъ государственный законъ, можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ только конституціоннымъ путемъ. Съ этой цѣлью въ 1818 году палатѣ депутатовъ представили законопроектъ, которымъ должны были быть устранены нѣкоторыя юридическія сомнѣнія... Существованіе конкордата рядомъ съ закономъ доставило бы въ будущемъ нѣкоторыя затрудненія, хотя бы потому, что по законопроекту органическія статьи должны были быть устранены лишь постольку, поскольку онѣ противорѣчили догмѣ. Честные ультрамонтаны боялись, что ихъ участіе въ выработкѣ закона, нарушающаго папское постановленіе, не согласуется съ ихъ религіозными обязанностями. Одинъ изъ нихъ обратился непосредственно къ папѣ. Послѣдній

письменно призывалъ къ борьбѣ противъ закона. Несмотря на выраженную крайними готовность покориться, чтобы избѣжать большихъ золъ, они теперь уже стали нападать на законопроектъ, который казался подозрительнымъ и доктринерамъ. Такъ какъ министерство, въ виду этого отказалось отъ проекта, то Франція избѣгла, такимъ образомъ, неудобствъ столь страшной реставраціи. Римъ, который долженъ былъ быть благодарнымъ своимъ друзьямъ, вначалѣ, казалось, продолжалъ настаивать на своемъ. Но уже въ августѣ 1819 года папа согласился на временный договоръ, по которому соотвѣтственнымъ образомъ увеличили число епископовъ и молча отказались отъ конкордата 1817 г. И на будущее время вплоть до самыхъ послѣднихъ лѣтъ во Франціи установились отношенія между государствомъ и церковью согласно конкордату 1802 г. и органическимъ статьямъ, точно ничего, къ великому удовольствію Людовика XVIII, въ ней и не случилось. Въ 1822 г. послѣдовалъ отказъ въ средствахъ для 30 епископовъ. Задолго до этого Ришелье, въ душѣ больше склонявшійся на сторону крайнихъ, удалился отъ дѣлъ, добившись благодаря довѣрію къ нему иностранныхъ державъ, прекращенія оккупаціи и уменьшенія назначенной при заключеніи мира контрибуціи. При монархически либеральномъ Деказѣ продолжалась политика, задававшаяся цѣлью національзировать королевство и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе примирить съ нимъ народъ. Армія была реорганизована, законодательнымъ путемъ оформлена свобода печати, и введенъ избирательный законъ, нѣсколько отклонившій центръ тяжести влѣво. Сопротивленіе роялистовъ, группировавшихся вокругъ графа д'Артуа, возросло, когда новые выборы привели въ палату нѣсколько человѣкъ, роялизмъ которыхъ казался небезупречнымъ. Безграничное бѣшенство заставило крайнихъ забыть всякую осторожность, когда въ 1820 г. какой-то фанатикъ смертельно ранилъ герцога Беррійскаго, младшаго сына графа д'Артуа, бывшаго надеждой династіи, въ виду бездѣтности своего брата герцога Ангулемскаго. Они не постѣснялись заклеймить министра Деказа, называя его съ трибуны сообщникомъ убійцы. Старѣющій, болѣзненный король, сила воли котораго уступала его здравому смыслу, еще разъ обратился къ герцогу Ришелье, напрасно старавшемуся умѣрить страсти путемъ внесенія общеполезныхъ законопроектовъ. Ришелье предложилъ въ избирательную систему слѣдующую поправку: отнынѣ больше трети депутатовъ палаты избирались платившими наиболѣе высокіе налоги въ департаментѣ и уже подававшими свои голоса на выборахъ по округамъ. Новые выборы доставили ультрароялистамъ такой перевѣсъ, что уже въ 1821 г. Ришелье долженъ былъ предоставить веденіе дѣлъ ихъ главѣ, виконту Виллелю. Такимъ образомъ, управленіе государствомъ было на много лѣтъ отдано въ руки крайнимъ; правда, на первыхъ порахъ слишкомъ рѣзкія проявленія ихъ партійнаго настроенія нѣсколько сдерживались дѣловымъ умомъ Виллеля. Но день полнаго тріумфа для консерваторовъ насталъ, когда въ 1824 г. графъ д'Артуа, подъ именемъ Карла X, вступилъ на престолъ. Онъ смотрѣлъ на будущее съ полной вѣрой въ побѣду. Вѣдь въ 1823 году армія проявила въ Испаніи мужество и преданность, и онъ надѣялся, что будетъ въ состояніи съ помощью окрѣпшей и вліятельной полуклерикальной конгрегаціи вернуть общество къ прошлому. Парламентъ

и администрація стали служить исключительно этой цѣли. Пресса, уже успѣвшая почувствовать свою силу, снова впала въ подчиненіе; чиновникамъ было вмѣнено въ главную обязанность осуществленіе хорошихъ выборовъ; наконецъ, было проведено, что палата полностью будетъ обновляться каждыя семь лѣтъ. Безсмысленно драконовскій законъ о святотатствѣ вызывалъ всеобщее озлобленіе [1]). И не лишенная, сама по себѣ, извѣстной доли справедливости попытка исправить старыя обиды путемъ вознагражденія эмигрантовъ за потерю ихъ владѣній только увеличила пропасть между партіями, представленія которыхъ объ отечествѣ были столь различны. А вѣдь одна изъ этихъ партій обнимала, по меньшей мѣрѣ, семь восьмыхъ націи!

Для борьбы съ „партіей священниковъ" уже давно организовались тайныя общества. Гораздо хуже было, что въ зажиточныхъ и образованныхъ кругахъ, терпѣвшихъ убытки изъ-за реакціонной партійной политики,—не только у союзныхъ съ бонапартистами либераловъ, но и у династически-конституціонныхъ доктринеровъ—почти пропала всякая мѣра въ продолжительность королевства Бурбоновъ. Поскольку они оставались монархистами, они устремляли свои взоры мимо Карла X и его дома (семь мѣсяцевъ послѣ убійства герцога Беррійскаго у герцогини родился сынъ Генрихъ) къ представителю младшей линіи—герцогу Орлеанскому. Борьба партій была перенесена въ салоны и судебные процессы въ Парижѣ; въ особенности пресса стала орудіемъ борьбы. Сначала журналы, затѣмъ, все возрастая въ числѣ, ежедневныя газеты (съ 1820 г.), рядомъ съ ними брошюры, памфлеты Курье и др. старались воздѣйствовать на общественное мнѣніе въ опредѣленномъ направленіи. Этимъ летучимъ листкамъ придавали цѣнность имена такихъ сотрудниковъ, какъ Шатобріанъ, Ремюза, Минье, Тьеръ, Гизо. Но средоточіемъ борьбы оставался парламентъ, и происходившія въ немъ пренія находили откликъ въ Европѣ. Замѣчательно, что во время самой жестокой реакціи палата пэровъ служила защитой противъ произвола и преслѣдованій.

Когда правительство рѣшительно взялось за проведеніе закона о факультативномъ характерѣ гражданскаго брака и за введеніе маіоратства и намѣревалась распустить національную гвардію, избиратели въ 1828 году послали въ палату депутатовъ враждебное правительству большинство. Мѣсто Виллеля занялъ де Мартиньякъ, который старался образовать умѣренную среднюю партію. Но его разумная попытка подготовить Францію къ самоуправленію при помощи выборныхъ окружныхъ и общинныхъ совѣтовъ не уда-

---

[1]) По этому закону всякая кража въ церкви или профанація священныхъ предметовъ влекли за собою смертную казнь. Лидеръ правой Бональдъ, обсуждая въ палатѣ этотъ законъ, назвалъ его вполнѣ справедливымъ: вѣдь, «убивая преступника, мы лишь отсылаемъ его къ его естественному судьѣ». Вслѣдъ за закономъ о святотатствѣ былъ предложенъ, по выраженію Виллеля, законъ любви и справедливости, которымъ свобода печати еще болѣе прежняго была ограничена; во время дебатовъ по этому поводу Казимиръ Перье (дѣдъ президента Третьей республики) иронически предложилъ внести «краткій законъ»: «отнынѣ книгопечатаніе во Франціи уничтожено». *Ред.*

лась по винѣ подозрительной либеральной партіи. Тогда Карлъ X счелъ себя въ правѣ въ іюлѣ 1829 г. назначить министерство по собственному выбору. Во главѣ его сталъ одинъ изъ предводителей конгрегаціи, достаточно поэтому непопулярный герцогъ Жюль де Полиньякъ, наполовину ханжа, наполовину мистикъ. Совѣтъ ослѣпленнаго короля былъ пополненъ почти исключительно подозрительными именами. Онъ могъ надѣяться, что успѣхи внѣшней политики—будутъ ли это завоеванія на Рейнѣ (въ союзѣ съ Россіей), или давно желанныя колоніальныя пріобрѣтенія помощью энергичныхъ дѣйствій противъ алжирскаго бея—довершать дѣло созданія королевства по влеченію его сердца. Но политически настороживщіеся элементы его націи оставались глухи къ подобнымъ приманкамъ. То самое недовѣріе, которое стало на пути Мартиньяка, обратилось теперь непосредственно противъ Бурбона. Выраженіемъ зловѣщаго направленія были руководимая лучшими талантами газета „National" и объединеніе всей оппозиціи въ одну партію „aide toi, le ciel t'aidera" (помогай себѣ самъ, и Богъ тебѣ поможетъ). Когда палата депутатовъ, отвѣчая на тронную рѣчь, достаточно ясно выразила сожалѣніе о существованіи разногласія между государственной властью и народомъ,—она была распущена [1]). Благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ оппозиціи, подготовлявшей даже, въ случаѣ необходимости, отказъ отъ платежа податей, распущенное большинство вернулось въ палату со значительнымъ подкрѣпленіемъ. Получившіяся во время выборовъ извѣстія о занятіи Алжира французскими войсками не произвели впечатлѣнія. Страна высказалась. Теперь очередь была за короной...

4. Англія до билля о реформахъ.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ одна лишь Англія, послѣ парламентской уніи съ Ирландіей превратившаяся въ Великобританское королевство, благодаря твердому управленію Питта, надолго оставившему глубокій слѣдъ, вышла невредимой изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ. Еще разъ могла она при своемъ положеніи и средствахъ служить оплотомъ для самостоятельности европейскихъ государствъ, счастливо и терпѣливо исправляя ошибки и внося измѣненія въ хартіи. Торговыя выгоды шли рука-объ-руку съ военной политикой, затѣмъ послѣдовало почти неоспоримое господство на морѣ, чему способствовало заключеніе мирныхъ договоровъ. Къ этому привели не выдающіеся таланты вождей, а ихъ исключительно настойчивое преслѣдованіе національныхъ интересовъ.

---

[1]) Въ знаменитомъ адресѣ, между прочимъ, сказано было: «ваше величество! наша честность, наша преданность заставляютъ насъ сказать, что въ настоящую минуту между правительствомъ и народомъ нѣтъ согласія. Несправедливое недовѣріе къ чувствамъ Франціи является основною мыслью вашей администраціи». Возможно, что въ послѣдней фразѣ заключался намекъ на Карла X, обратившагося однажды съ вопросомъ къ генералу Дюко: «Можно ли разсчитывать на армію» (въ случаѣ конфликта съ народомъ)? *Ред.*

Обстрѣлъ города Алжира французскимъ флотомъ 3 іюля 1830 г.

Неизлѣчимо псехически больной король, недостойный, какъ человѣкъ, никакого уваженія и въ политическихъ соглашеніяхъ лицемѣрный и корыстный, принцъ-регентъ Георгъ (съ 1820 г. король Георгъ IV) и министерство, состоявшее изъ посредственностей,—таковы были съ 1812 года и въ теченіе долгаго времени, представители государственной власти Англіи. Главою строго-торійскаго кабинета былъ лордъ Ливерпуль, его направленіе наиболѣе ярко осуществилъ лордъ-канцлеръ Эльдонъ, отказавшій Байрону въ законной защитѣ его сочиненій противъ контрафакціи, ссылаясь на ихъ безнравственность; внѣшней политикой, въ качествѣ статсъ-секретаря, руководилъ лордъ Кэстльри, впослѣдствіи маркизъ Лондондерри,—человѣкъ большой силы воли и работоспособности, но съ узкопартійнымъ направленіемъ, изсушившимъ въ немъ все индивидуальное. Его обвиняли, что вслѣдствіе продолжительныхъ дружественныхъ сношеній съ государственными людьми материка, особенно съ Меттернихомъ, къ его строго консервативному образу мыслей примѣшалась не англійская, абсолютистская черта. И безъ того уже, со времени тщетной попытки Георга III „владѣть короной, не находясь въ кандалахъ", тори, чувствовавшіе себя передовыми борцами за тронъ и алтарь, образовали нѣчто въ родѣ дворцовой партіи. Но въ то время, какъ Питтъ и его сторонники не исключали разумнаго движенія впередъ, недальновидные члены теперешняго кабинета, напуганные воспоминаніями о французской революціи, твердо рѣшили защищать всѣ существующія государственныя и соціальныя погрѣшности, какъ необходимые, прочные устои трона.

Съ того времени, какъ принцъ-регентъ присоединился къ тори, оставалось мало надежды, что виги, которымъ съ самаго начала уваженіе къ индивидуальной свободѣ было ближе, нежели тори, будутъ въ состояніи оживить это стоячее болото внутренняго правленія. Съ давнихъ поръ осужденные вслѣдствіе соціальной структуры на роль меньшинства виги могли надѣяться на побѣду въ партійной борьбѣ только въ томъ случаѣ, если попутный вѣтеръ надулъ ихъ паруса, и предводителями оказывались выдающіеся по духу и силѣ рулевые. Но имъ вредилъ въ широкихъ народныхъ кругахъ упрекъ въ нѣкоторомъ родствѣ съ идеями якобинцевъ, такъ что ихъ порѣдѣвшіе ряды въ парламентѣ на долгое время не представляли никакой опасности для кабинета. Палата лордовъ была наслѣдственной крѣпостью дворянства и связанныхъ съ нимъ родствомъ или чѣмъ-нибудь другимъ исключительно торійскихъ епископовъ господствующей англиканской церкви.

Это землевладѣльческое дворянство и родственные имъ по міровоззрѣнію и интересамъ джентри преобладали въ такой степени и въ палатѣ общинъ, что и она, которой въ парламентскихъ рѣшеніяхъ принадлежала главная роль, меньше всего заслуживала названія народной камеры. Большинство въ нижней палатѣ зависѣло отъ извѣстнаго числа дворянъ или отъ правительства, вышедшаго изъ партіи большинства,—и это не только вслѣдствіе большаго количества дворянскихъ владѣній въ графствахъ, но въ силу укоренившагося обычая такъ называемыхъ гнилыхъ мѣстечекъ (т.-е. прежде привилегированныхъ коммунъ)

покупать и распоряжаться мѣстами въ нижней палатѣ. Такимъ образомъ, для молодыхъ талантовъ, можетъ-быть, будущихъ звѣздъ парламентской формы правленія, никогда не было недостатка въ мѣстахъ въ нижней палатѣ. Кромѣ того, формальная безпрерывность дѣлопроизводства обезпечивалась тѣмъ, что политическіе уполномоченные были въ то же время людьми, испытанными на службѣ въ самоуправленіи города и страны и въ судѣ присяжныхъ.

Процентное отношеніе жителей, пользовавшихся выборнымъ правомъ, было очень незначительно, не говоря уже о католикахъ и протестантскихъ нонконформистахъ, которымъ былъ, вообще, закрытъ доступъ въ парламентъ и на государственную службу. Распредѣленіе выборныхъ мѣстъ являлось безсмыслицей, разъ богатые промышленные города, какъ Лидсъ, Бирмингамъ, Манчестеръ, оставались безъ представителя, между тѣмъ какъ мѣстечки съ полудюжиной хижинъ нерѣдко имѣли въ палатѣ нѣсколько депутатовъ. Чѣмъ сильнѣе становилось соціальное разслоеніе народа, въ особенности имущихъ классовъ, тѣмъ меньше нація оказывалась представленной конституціей, такъ какъ послѣдняя не принимала въ разсчетъ цѣлаго круга интересовъ, по крайней мѣрѣ, столь же важныхъ, какъ и интересы крупныхъ землевладѣльцевъ. Но послѣ того, какъ передъ революціей пропустили подходящій моментъ, теперь уже не было надежды на предлагавшуюся не разъ парламентскую реформу. Свѣжая струя господствовала только внѣ государственныхъ органовъ, особенно въ области гуманитарнаго движенія.

Литературнымъ путемъ партіи сражались въ своихъ знаменитыхъ Review; позже къ нимъ присоединился менѣе аристократическій еженедѣльный органъ для выраженія демократическихъ воззрѣній.

Продолжавшійся до конца военныхъ дѣйствій подъемъ торговли вскорѣ прекратился вслѣдствіе самостоятельной политики государствъ на материкѣ. Производимые въ избыткѣ предметы промышленности возвращались обратно, рабочая плата была понижена, и голодъ 1816 года окончательно способствовалъ возбужденію недовольства. Эгоизмъ господствующихъ классовъ не замедлилъ обнаружиться: они воспользовались наступившимъ мирнымъ временемъ, чтобы отказать кабинету въ дальнѣйшемъ взиманіи прямого военнаго налога, и позаботились о собственномъ карманѣ, повысивъ пошлины на хлѣбъ. Съ 1815 г. можно было предлагать для продажи заграничный хлѣбъ лишь въ томъ случаѣ, когда средняя цѣна одной четверти пшеницы (а соотвѣтственно и другихъ сортовъ хлѣба) достигала 80 шиллинговъ. Всякій союзъ рабочихъ съ цѣлью добиться лучшаго вознагражденія былъ до 1824 г. запрещенъ. Мы не станемъ распространяться здѣсь о многочисленныхъ жестокостяхъ и несправедливостяхъ, угнетавшихъ бѣднаго человѣка въ области налоговъ, школъ, тюрьмы и полиціи.

Проницательные люди давно уже возвышали голосъ. Громче всѣхъ Бентамъ, утилитаристское ученіе котораго о возможно большей пользѣ для возможно большаго числа людей самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчило эгоизму привилегированнаго сословія. Вмѣстѣ съ другими учеными Бентамъ нашелъ откликъ у образованныхъ и состоятельныхъ представителей промышленности, ко-

торая возрастала съ удивительной быстротой. Примѣненіе паровыхъ машинъ повело за собою концентрацію труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скопленіе рабочихъ массъ. Тяжелая нужда и различныя недоразумѣнія приводили въ теченіе 1816 года къ актамъ насильственной самопомощи и разрушенію машинъ. Только благодаря неутомимой устной и письменной агитаціи нѣкоего Кобетта, въ промышленныхъ кругахъ пришли къ ясному сознанію несправедливости и жестокости государственнаго и общественнаго порядка, покровительствующаго сельскому хозяйству. Мысль разрушить и тотъ и другой посредствомъ всеобщаго голосованія въ нижнюю палату встрѣтила большое сочувствіе. Правительство такъ жестоко преслѣдовало всякую попытку на грандіозныхъ митингахъ обсуждать бѣдственное положеніе народа и средства къ его улучшенію, что не остановилось даже предъ нарушеніемъ конституціонныхъ гарантій англійской свободы. Отсрочка акта habeas corpus'а и шесть „зажимавшихъ рты" биллей (1819 г.) достаточно краснорѣчивы [1]). Бракоразводнымъ процессомъ, затѣяннымъ въ 1820 г. въ верхней палатѣ королемъ Георгомъ IV противъ своей супруги Каролины, было подорвано уваженіе къ королю въ народныхъ массахъ. Для верхнихъ десяти тысячъ процессъ этотъ едва ли имѣлъ большее значеніе, нежели нѣсколько лѣтъ тому назадъ нарушеніе брака наслѣдственнымъ законодателемъ лордомъ Байрономъ. 1822 годъ, послѣ того какъ 12-го августа министръ Кэстльри въ припадкѣ меланхоліи покончилъ счеты съ жизнью,—является рѣзкой разграничительной чертой, отдѣляющей эту эпоху канонизацій торп уставныхъ и традиціонныхъ учрежденій.

Его преемникомъ и съ 1827 года формальнымъ вождемъ кабинета былъ Георгъ Каннингъ, талантъ и властолюбіе котораго помогли ему, безъ особенно рѣзкихъ отклоненій отъ убѣжденій партіи и короля, найти вѣрный путь къ постепенному развитію государства. При сотрудничествѣ Р. Пиля были смягчены уголовные законы, въ особенности о смертной казни и о запрещеніи рабочихъ союзовъ. Затѣмъ, съ помощью Гескиссона, введено постепенное пониженіе пошлинъ. Въ навигаціонныхъ актахъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Такимъ образомъ, безъ перехода къ свободѣ торговли былъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ въ развитіи страны послѣ того, какъ начало этому развитію положило открытіе первыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Но всѣ предложенія относительно измѣненія конституціи Каннингъ отвергалъ, хотя, исходя изъ оппортунистскихъ основаній, онъ охотно уничтожилъ бы исключительные законы для католиковъ. Такое уваженіе къ предразсудкамъ англиканскаго большинства являлось обезпеченіемъ успѣха его отдѣльныхъ реформъ. Послѣднія же создали довѣріе и необходимыя для рѣши-

---

[1]) Эти шесть законовъ сводились: 1) къ ускоренной процедурѣ преданія суду; 2) запрещенію частнымъ лицамъ заниматься военными упражненіями; 3) праву мировыхъ судей производить домашніе обыски съ цѣлью открытія оружія; 4) праву арестовать всякій мятежный или богохульный пасквиль и подвергать автора изгнанію; 5) запрещенію опредѣленныхъ собраній и появленія на митингахъ съ оружіемъ, знаменами и значками; 6) къ обложенію гербовымъ сборомъ политическихъ произведеній размѣромъ менѣе двухъ листовъ и требованію залога съ издателя таковыхъ. *Ред.*

тельной внѣшней политики силы, которой онъ обязанъ своей необыкновенной популярностью. Прежде всего Англія отказалась отъ легитимизма восточныхъ государствъ, вполнѣ правильно понявъ свои собственные интересы. Слѣдуетъ считать политическимъ шедевромъ отношеніе Каннинга къ признанію самостоятельности южно-американскихъ республикъ, его защиту конституціоннаго права Португаліи и, въ особенности, его отношеніе къ греческому возстанію.

Рядомъ съ этимъ нельзя не упомянуть и о запрещеніи торговли невольниками. Несмотря на блестящее краснорѣчіе, съ которымъ Каннингъ защищалъ передъ страной свои политическія дѣйствія, онъ не могъ надолго обуздать строго консервативныхъ тори. Когда онъ умеръ въ 1828 г., въ парламентѣ и прессѣ все еще бушевали ожесточенные споры партій. Чтобы быть въ состояніи выдержать какую угодно бурю, король призвалъ для образованія новаго кабинета высокочтимаго главу тори, герцога Веллингтона. Несмотря на то, что такъ называемые каннингиты были вытѣснены, кабинетъ все-таки не могъ противостоять напору общественнаго мнѣнія. Пришлось согласиться на предложеніе виговъ, состоящее въ томъ, чтобы введенный въ 1661 году для обузданія пресвитеріанцевъ корпораціонный актъ, по которому необходимымъ условіемъ занятія городскихъ должностей ставилось причастіе по-англикански, былъ замѣненъ простымъ обѣщаніемъ лойяльнаго уваженія къ господствующей церкви. Тѣмъ необходимѣе послѣ этого шага запоздалой справедливости была теперь эмансипація католиковъ, вопросъ о которой открыто обсуждался съ 1812 г. даже среди торійскихъ вождей. Сохраненіе закона 1673 г., который допущеніе къ государственнымъ и парламентскимъ мѣстамъ обусловливалъ отреченіемъ отъ ученія о пресуществленіи, было безсмысленно послѣ того, какъ опасность, что короли изъ дома Стюарта противозаконно предпочтутъ приверженцевъ католицизма, потеряла всякое значеніе. Положеніе католиковъ было неодинаково въ разныхъ частяхъ государства. Въ Ирландіи они пользовались активнымъ избирательнымъ правомъ, само собой разумѣется, только для выбора англиканскихъ депутатовъ. Однако, кельтическій островъ, который, вслѣдствіе жестокихъ уголовныхъ законовъ и торговыхъ несправедливостей, противорѣчившихъ обѣщаніямъ временъ Питта, считалъ себя лишеннымъ равноправія, сдѣлался мѣстомъ все возраставшаго недовольства. Съ 1823 г. высокоталантливый и кельтически страстный адвокатъ О'Коннель открыто основалъ католическую ассоціацію. Съ помощью духовенства и агитаціи онъ мастерски дисциплинировалъ массы. Священники угрожали крестьянамъ, подававшимъ голоса за протестантовъ, муками ада и предостерегали отъ сношеній съ протестантскими купцами. Не обращая вниманія на предразсудки тори и на законъ, обязывавшій подписываться въ отреченіи отъ догмата пресуществленія, О'Коннель осмѣлился поставить свою кандидатуру въ нижнюю палату. Въ 1829 году, послѣ цѣлаго ряда вспышекъ и упадка движенія, странѣ, по мнѣнію всѣхъ партій, угрожала гражданская война, если немедленно не будутъ приняты мѣры. Но междоусобная война пугала болѣе всего опытнаго желѣзнаго премьера; ради предотвращенія этой опасности онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, даже собственными убѣжде-

ніями. Въ послѣдній моментъ Веллингтонъ вмѣстѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Р. Пилемъ рѣшился провести отмѣну исключительныхъ законовъ для католиковъ. Болѣзненный, озлобленный Георгъ IV, побуждаемый указаніями на присягу, далъ свое согласіе только тогда, когда понялъ тщетность сопротивленія. Билль прошелъ черезъ обѣ палаты и сталъ закономъ 13 апрѣля 1829 г. Только ирландское движеніе освободило католиковъ Великобританіи отъ несправедливыхъ ограниченій. Безъ него ни усердіе виговъ, ни сила демократическаго теченія снизу не могли бы вырвать у тори дальнѣйшихъ реформъ, которыя послѣ смерти Георга IV, въ царствованіе Вильгельма IV, явились результатомъ новаго міроваго движенія.

5. Австрійская имперія.

За работу и заслуги Австріи въ дѣлѣ сохраненія какъ собственной самостоятельности, такъ и самостоятельности Европы за періодъ свыше 20 лѣтъ казалось вполнѣ правильнымъ, если карта Средней Европы получила въ главныхъ чертахъ своихъ такой видъ, какой отвѣчалъ интересамъ Австріи. Пріемы и цѣли рѣшительной борьбы съ Наполеономъ въ весьма существенныхъ пунктахъ, несмотря на популярность русскаго царя и на героизмъ Пруссіи, были предначертаны какъ въ военное, такъ и въ мирное время именно Вѣнскимъ кабинетомъ. Самодовольство, съ которымъ руководители Дунайской державы взирали на округленно-законченныя формы своей имперіи, усиливало въ нихъ чувство пресыщенности и нежеланія измѣненій, которое вскорѣ сдѣлалось у нихъ преобладающимъ чувствомъ.

Императоръ Францъ потратилъ весь запасъ имѣвшейся у него активной энергіи на длившуюся во все время его правленія борьбу съ революціонными силами Франціи. Поэтому его воля, какъ и у другихъ коронованныхъ современниковъ его, была направлена на оборону. Правда, онъ желалъ быть отцомъ своихъ подданныхъ, но лишь въ смыслѣ патріархальнаго абсолютизма, гарантировавшаго себѣ неуклонною опекою и всякаго рода огражденіями слѣпое повиновеніе. По крайней мѣрѣ, послѣ 1809 г. добровольная преданность сознательныхъ гражданъ признавалась неумѣстною.

При довольно низкомъ культурномъ развитіи большинства не-германскихъ народностей, входившихъ въ составъ австрійской имперіи, затрудненіе заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ числѣ возвращенныхъ и новыхъ подданныхъ эта имперія насчитывала нѣсколько милліоновъ нѣмцевъ и итальянцевъ, т.-е. представителей высококультурныхъ народовъ, изъ которыхъ послѣдніе были вырваны изъ старыхъ условій жизни съ ея національнымъ чувствомъ. Лишь при сохраненіи большой раздробленности Германіи и Италіи можно было надѣяться обезопасить имперію отъ всякихъ непріятныхъ вѣяній и тѣмъ сохранить ея прочность. Имперскій канцлеръ князь Меттернихъ въ качествѣ главы тайной придворной и государственной канцеляріи въ продолженіе цѣлаго поколѣнія (1814—48 гг.) строго придерживался этой политики, получившей отъ него

свое имя. Въ Италіи и Германіи, т.-е. тамъ, гдѣ Австрія отказывалась непосредственно управлять, эта меттерниховская система желала или была вынуждена всѣми средствами препятствовать проявленію всякаго рода самостоятельныхъ національныхъ и государственныхъ силъ. Здѣсь нельзя было бы разсчитывать на успѣхъ, если бы дипломатическое искусство Меттерниха не нашло или не сумѣло вызвать въ правительственныхъ кругахъ такую же боязнь передъ революціею и такое же исканіе покоя послѣ бури, какія царили въ Вѣнѣ. Этому государственному дѣятелю ставится въ вину, что онъ работалъ только для ближайшаго будущаго. Но развѣ онъ могъ предвидѣть всѣ грядущія событія, и во всякомъ случаѣ молодымъ національнымъ тенденціямъ среди образованныхъ элементовъ общества Германіи и Италіи можно было вполнѣ справедливо противопоставить чрезвычайно сильныя партикуляристскія теченія?

Какъ бы то ни было, Меттернихъ властвовалъ надъ Европою, тогда какъ въ Австріи упорная и враждебная всякимъ перемѣнамъ воля императора проявляла консервативность въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ либеральная инициатива сверху была жизненною потребностью.

Итакъ, дѣйствительно, во внутренней жизни тогдашней Австріи не было ни въ теоріи, ни на практикѣ никакой инициативы. По слову императора все оставалось тамъ по-старому. Ни финансовыя затрудненія, ни неотложныя экономическія нужды не были въ состояніи сдѣлать какія-либо перемѣны. Когда въ Европѣ происходили какія-либо событія, лишь тайная полиція, которая цѣнилась въ высшихъ сферахъ дороже всего, становилась болѣе строгой и болѣе взыскательной. Это можно сказать о Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, гдѣ послѣ выраженія симпатіи къ революціи въ сосѣднемъ Пьемонтѣ тяжелыя полицейскія гоненія свидѣтельствовали о тайномъ страхѣ правительства, а не о его силѣ. Въ Венгріи въ періодъ 1811 до 1825 г. рейхстагъ не созывался ни разу, причемъ, съ устраненіемъ органовъ аристократическаго самоуправленія, царили бюрократія и милитаризмъ. Габсбургской монархіи пришлось дорого поплатиться за то, что этимъ путемъ былъ легкомысленно истраченъ неоцѣнимый германскій элементъ въ арміи и рядахъ чиновничества, этотъ „незамѣнимый цементъ въ зданіи, державшемся только династически". Другими словами, Австрія сильно пострадала отъ того, что нѣмцы были обречены на зависть и враждебное отношеніе со стороны другихъ національностей.

Въ наслѣдственныхъ германско-австрійскихъ земляхъ и въ управляемыхъ вмѣстѣ съ ними, при помощи соединенной придворной канцеляріи, славянскихъ областяхъ удовлетворялись—не вполнѣ въ духѣ Меттерниха—издавна установленными и въ политическомъ смыслѣ ничтожными постуляціонными сеймами [1]). Въ это время среди чеховъ Богеміи снова стало возрождаться національное самосознаніе; впрочемъ, пока былъ живъ императоръ Францъ, оно было лишено значенія. Результаты этого возрожденія были уже потому мало значащи, что именно чешская родовая знать составляла и весьма большую часть тѣхъ аристократическихъ круговъ Старой Австріи, которые благодаря своему

---

[1]) Такъ назывались до 1848 г. сословные сеймы, созывавшіеся для полученія согласія на установленіе налоговъ. *Ред.*

положенію и личному вліянію играли рѣшающую роль въ вопросѣ о замѣщеніи высшихъ мѣстъ въ администраціи и арміи и въ извѣстномъ смыслѣ направляли даже курсъ политической жизни страны. Особенно охотно императоръ Францъ усмотрѣлъ бы въ католическомъ клирѣ органъ духовной государственной полиціи. Къ малѣйшему проявленію умственной самостоятельности въ учебномъ дѣлѣ и въ литературѣ относились съ неимовѣрной жестокостью, граничащей со смѣшной глупостью. Пытались серьезно возвести нѣчто въ родѣ духовной стѣны между австрійскими нѣмцами и ихъ соплеменниками, внѣ-„имперскими" нѣмцами, какъ тогда выражались. Исключеніе представляли только области музыки и театра, но и здѣсь преслѣдовались скорѣе интересы развлеченія, чѣмъ служенія истинной поэзіи. Общественнаго мнѣнія не могло существовать, и только негласное вліяніе указанныхъ аристократическихъ круговъ являлось въ моменты болѣе или менѣе значительныхъ кризисовъ чѣмъ-то въ родѣ традиціонной замѣны настоящаго общественнаго мнѣнія.

6. Германія.

Эти-то нѣкогда входившія въ составъ имперіи нѣмецко-чешскія земли Габсбургской короны были связаны договоромъ съ остальною Германіею. Такъ какъ, благодаря силѣ династическихъ и частныхъ отношеній, а также вслѣдствіе сумбура, царившаго въ головахъ политиковъ и патріотовъ, оказалось невозможнымъ возстановленіе Германской имперіи или другой какой-либо формы національнаго правленія, то пришлось, какъ крайнее средство, заключить въ видѣ международнаго соединенія суверенныхъ князей и четырехъ вольныхъ городовъ 8-го іюня 1815 г. Германскій Союзъ, который долженъ былъ служить органомъ для сохраненія внѣшней и внутренней безопасности. Выше всего оберегаемый принципъ равноправія суверенныхъ членовъ этого союза получилъ выраженіе въ доведенномъ до абсурда соотношеніи голосовъ въ единственномъ органѣ союза—бундестагѣ, въ которомъ должны были засѣдать делегаты различныхъ правительствъ съ опредѣленными инструкціями. Даже вопросы войны и мира могли рѣшаться большинствомъ, имѣвшимъ противъ себя Австрію, Пруссію и королевства. Для измѣненія союзныхъ учрежденій и для рѣшенія общихъ дѣлъ требовалось единогласное постановленіе 39 участниковъ союза; это значило, что всякій малѣйшій успѣхъ могъ быть достигнутъ не въ самомъ союзѣ, а внѣ его, путемъ дипломатическаго общаго соглашенія. Союзный актъ не гарантировалъ германскому народу ни внѣшней защиты, ни правомѣрнаго развитія его внутренней жизни; онъ даже умалчивалъ о самомъ существованіи германскаго народа. Не существовало и права германской натурализаціи, и вся совокупность постановленій союза относительно огражденія политической и личной свободы подданныхъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ сводилась къ нѣсколькимъ туманнымъ обѣщаніямъ. Свидѣтельствомъ можетъ служить часто цитировавшійся тринадцатый пунктъ. „Во всѣхъ союзныхъ государствахъ

будутъ учреждены собранія земскихъ чиновъ" [1]). Предсѣдательствованіе на засѣданіяхъ бундестага во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и, слѣдовательно, формальное руководительство его дѣлами принадлежало Австріи. Пруссія, всею своею территоріею, за исключеніемъ Восточной Пруссіи и Познани, вошедшая въ составъ союза, довольно спокойно отнеслась къ своему удѣлу, далеко не соотвѣтствовавшему ея заслугамъ въ войнѣ за освобожденіе. Болѣе быстрая замѣна этого второстепеннаго положенія высшимъ могла бы наступить въ томъ случаѣ, если бы Пруссія захотѣла или сумѣла стать во главѣ національныхъ и освободительныхъ стремленій. Однако, королевское обѣщаніе, данное въ маѣ 1815 г., о введеніи народнаго представительства до союзнаго акта осталось подъ вліяніемъ внутреннихъ противорѣчій не исполненнымъ и, въ концѣ концовъ, свелось къ возобновленію обѣщанія закона о государственныхъ долгахъ (1820 г.), по которому будущіе займы должны заключаться лишь съ согласія и подъ гарантіею собранія имперскихъ чиновъ. Однако, вмѣсто этого закона, послѣ окончанія чрезвычайно трудной и неизбѣжной реорганизаціи управленія (1823 г.) удовлетворились тѣмъ, что установили въ каждой изъ восьми областей государства институтъ провинціальныхъ чиновъ, вполнѣ на феодальной основѣ, притомъ съ совершенно ничтожной компетенціею.

Трудности новой постройки въ достаточной мѣрѣ могутъ оправдать отсрочку, но отнюдь не нарушеніе обѣщанія конституціи. Планъ и выполненіе этой постройки сами по себѣ уже являются славнымъ подвигомъ. Новый фундаментъ зданія былъ заложенъ введеніемъ всеобщей воинской повинности въ связи съ образованіемъ ландвера и линейныхъ войскъ (1814 г.), преобразованіемъ вѣдомства податныхъ сборовъ, главнымъ образомъ, путемъ всесословной подати и общаго таможеннаго тарифа 1818 года, и учрежденіемъ центральныхъ и мѣстныхъ управленій. Затѣмъ, съ введеніемъ всеобщаго обученія увеличились заботы о просвѣщеніи, начиная съ народныхъ школъ и кончая университетами; далѣе, слѣдовала, благодаря отвращенію короля ко всякимъ представительнымъ формамъ, лишь отчасти удавшаяся попытка соединенія лютеранскаго и кальвинистскаго вѣроисповѣданія въ одну государственную церковь, наконецъ, щедрое надѣленіе католической церкви. Неудовлетворительнымъ оказалось то, что, въ видѣ продолженія стараго Штейнъ-Гарденбергскаго законодательства, было сдѣлано для сохраненія крестьянской собственности путемъ такъ называемыхъ регулирующихъ эдиктовъ. При этомъ, какъ при многихъ другихъ запоздалыхъ реформахъ, особенно рѣзко выступали соціальныя и экономическія льготы землевладѣльческаго дворянства, въ особенности — восточно-эльбскаго. Даже владѣніе Рейнскими землями, какъ мѣстопребываніе либеральной буржуазіи, было неудобно для юнкерства. Эти старые противники законода-

---

[1]) Вначалѣ предполагалось дать этой статьѣ слѣдующую формулировку: «въ теченіе года должны быть учреждены въ союзныхъ государствахъ собранія земскихъ чиновъ». Въ окончательномъ актѣ слова: «въ теченіе года» и «должны» были замѣнены словомъ «будутъ». Либералы естественно возмущались подобной замѣной, называя тринадцатую статью пророчествомъ, а не закономъ. *Ред.*

тельства Штейна нашли себѣ еще поддержку въ страхѣ миролюбиваго короля передъ революціей.

Въ то время какъ въ Пруссіи въ рѣшающихъ сферахъ еще живы были конституціонныя идеи, Баваріи, Вюртембергу, Бадену и другимъ южно- и средне-германскимъ государствамъ въ 1818 и 1819 годахъ была дарована верховной властью конституція. Несмотря на вычитанное Вѣною въ Союзномъ актѣ различіе такъ называемыхъ истинно-германскихъ и иностранныхъ представительныхъ сословій,—въ Баваріи, напримѣръ, было создано настоящее народное представительство, члены котораго обязывались смотрѣть на себя какъ на представителей всего народа, хотя они и избирались по отчасти сословному принципу. Эти южно-германскія палаты послужили для націи прекрасной школой, въ которой она училась принимать участіе въ общественной жизни. Несмотря на частыя преувеличенія и вполнѣ понятную неопытность въ государственныхъ дѣлахъ, борьба эта расширила политическіе горизонты, обезпечила значеніе свободнаго слова и поставила предѣлъ растратамъ и безпорядку въ финансовыхъ дѣлахъ. Если борьба эта и могла принести вредъ вслѣдствіе усиленія чувства партикуляризма, то причина лежала не въ институтѣ и заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что не нашла подражанія въ остальной Германіи. Князь Меттернихъ и его дипломатическіе и публицистическіе помощники, желая держать въ страхѣ напуганныхъ государей, при каждомъ удобномъ случаѣ вызывали грозный призракъ антимонархическихъ стремленій. На первыхъ порахъ правители опасались конституціонныхъ идей гораздо меньше, нежели національныхъ стремленій, которыя, угрожая суверенитету отдѣльныхъ государей, стали обнаруживаться въ прессѣ, среди студенческой молодежи и, какъ утверждали, въ широкихъ кругахъ прусскаго чиновничества. Было бы печально, если бы отказъ отъ осуществленія всѣхъ надеждъ на обновленіе страны не вызвалъ въ сердцахъ впечатлительныхъ людей злобы и тоски.

Учащаяся молодежь была полна христіанско-германскаго настроенія, навѣяннаго романтикой ея пѣвцовъ, когда, сложивъ оружіе, которое носила съ честью, и собравшись въ университетахъ для продолженія прерванныхъ занятій, она въ 1815 году образовала студенческій корпоративный союзъ. Изъ Іены онъ быстро распространился на другія высшія школы, меньше всего на прусскія. Священная обязанность подготовить себя къ будущему служенію отечеству должна была въ каждомъ университетѣ уничтожить вражду между отдѣльными корпораціями. И прежде всего, связь между корпораціями всѣхъ высшихъ школъ, безъ различія династическихъ границъ, должна была въ извѣстномъ смыслѣ воплощать въ себѣ единую Германію. Это былъ смѣлый шагъ къ установленію самопомощи внутри того союза государей, который совершенно не принималъ во вниманіе существованіе германской націи, и въ предѣлахъ той замкнутости университетовъ отдѣльныхъ государствъ, которая была такъ характерна для того времени. Несомнѣнно, что во время вартбургскаго празднества въ октябрѣ 1817 г. осуществленіе этого плана студенческаго единства всей Германіи испугало могущественныхъ хранителей существующаго порядка не меньше, чѣмъ юношескія безчинства, рѣзкимъ диссонансомъ закончившія

это празднество. Меттернихъ сумѣлъ такъ-таки завоевать сердце прусскаго короля, удрученнаго заботами о якобинизмѣ среди войска и народа, когда въ 1819 году кровавыя преступленія безумныхъ юношей могли до извѣстной степени заставить повѣрить въ существованіе широко распространеннаго заговора, съ цѣлью произвести переворотъ, хотя такія предположенія ни на чемъ не были основаны. Правительство, желавшее, во что бы то ни стало, задушить всѣ національныя стремленія, очень удачно воспользовалось положеніемъ дѣлъ. При помощи такъ называемыхъ Карлсбадскихъ рѣшеній, навязанныхъ потомъ бундестагу осенью 1819 года, хотѣли обезпечить въ сопротивлявшихся союзныхъ государствахъ исполненіе репрессивныхъ постановленій союза, обуздать прессу строгой цензурой для періодической печати, содержащей меньше 20-ти листовъ, ограничить свободу обученія назначеніемъ въ университетахъ особыхъ уполномоченныхъ правительствомъ лицъ и запрещеніемъ всякихъ корпорацій подавить академическую свободу. Временный пятилѣтній законъ о печати былъ нѣсколько разъ продолженъ. На министерскихъ конференціяхъ въ Вѣнѣ въ 1820 году была возобновлена попытка облечь Франкфуртскую дипломатическую конференцію властью Союзной полиціи. Но когда попытались-было примѣнить силу репрессіи и къ конституціямъ отдѣльныхъ государствъ, то ихъ партикуляризмъ оказался сильнѣе даже ихъ страха.

Конституціонная жизнь южныхъ государствъ нисколько не страдала отъ теоретическаго положенія въ заключительномъ актѣ, гласившаго, что въ рукахъ государя должна быть сосредоточена вся сумма государственной власти, и что лишь при выполненіи опредѣленныхъ правъ онъ связанъ участіемъ сословій. Вѣдь этотъ же самый союзный законъ, въ видахъ защиты конституціи, сдѣлалъ слѣдующее, ставшее въ извѣстной степени знаменитымъ, постановленіе: существующія и признанныя дѣйствующими конституціи могутъ быть измѣнены только конституціоннымъ путемъ.

Благодаря вліянію внушаемыхъ королю Фридриху Вильгельму III Меттернихомъ опасеній, политика Пруссіи служила антинаціональнымъ цѣлямъ. Невѣрно предположеніе, будто общность дѣйствій обѣихъ великихъ державъ по отношенію къ менѣе могущественнымъ государствамъ была результатомъ сознательнаго предварительнаго соглашенія. Наоборотъ, Австрія давала тонъ, а Пруссія лишь слѣпо шла за ней. Такимъ образомъ, государство, не допускавшее участія народа въ управленіи страною, должно было казаться гордымъ своей конституціей южнымъ германцамъ въ высшей степени реакціоннымъ и полицейскимъ, несмотря на просвѣщенную администрацію. Такой взглядъ былъ тѣмъ болѣе справедливъ, что Пруссія продолжала бороться со свободой мнѣній, не выждавъ даже результатовъ, оказавшихся, впрочемъ, ничтожными, созданной Карлсбадскими рѣшеніями Майнцской центральной комиссіи для разслѣдованія дѣлъ о государственной измѣнѣ. Съ рѣзкимъ формализмомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ велась такъ называемая травля демагоговъ, т.-е. преслѣдованіе заслуженныхъ людей и патріотически-воодушевленныхъ юношей; эта травля производила удручающее впечатлѣніе на общественное мнѣніе, и государство Фридриха Великаго, казалось, гораздо болѣе зависѣло отъ предостереженій, исходящихъ изъ

Вѣны, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. На сѣверѣ благодаря преслѣдованіямъ мало-по-малу прекратилась всякая общественная жизнь; тоска по политическомъ отечествѣ заглохла въ виду совершеннаго недостатка всякой надежды на его осуществленіе. Главному южно-германскому государству принадлежитъ заслуга не только охраны конституціоннаго принципа. Король Людовикъ I Баварскій, несмотря на свои артистическія эксцентричности и причуды, далъ еще достойный подражанія примѣръ, сдѣлавъ Мюнхенъ центромъ германскаго искусства. Ему слѣдуетъ поставить въ заслугу и то, что онъ, хотя и не безъ нѣкотораго колебанія, далъ возможность проникнуть свѣту науки во тьму баварскаго невѣжества. Его меценатство, правда, не особенно способствовало военной подготовкѣ баварскаго союзнаго контингента. Но что за бѣда? Вѣдь о внѣшней защитѣ должны были, по смиренному мнѣнію среднихъ государствъ, заботиться великія державы; лишь въ 1822 году былъ подготовленъ въ общихъ чертахъ Союзный военный уставъ, правила же относительно союзныхъ крѣпостей появились гораздо позже. Не будь всѣми осмѣиваемой Пруссіи, Германія оказалась бы достаточно беззащитной.

Единственный настоящій политическій актъ этого времени реставраціи въ Германіи—прусско-нѣмецкій таможенный союзъ—могъ осуществиться только рядомъ съ Союзомъ путемъ свободнаго соглашенія. Несмотря на удачныя мысли отдѣльныхъ лицъ и на несомнѣнное значеніе матеріальныхъ интересовъ жителей отдѣльныхъ государствъ, одержавшихъ верхъ надъ предразсудками ихъ правителей, таможенный союзъ можетъ считаться созданіемъ такихъ прусскихъ государственныхъ дѣятелей, какъ фонъ Мотцъ и Эйхгорнъ. Путемъ долголѣтнихъ упорныхъ усилій Пруссіи приходилось защищать созданную таможеннымъ закономъ 1818 года общую таможенную границу ея разорванныхъ владѣній противъ сопротивленія средне-германскихъ небольшихъ государствъ, владѣнія которыхъ какъ бы клиномъ входили въ союзъ. Когда же былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи при заключеніи въ 1828 г. таможеннаго соглашенія съ великимъ герцогствомъ гессенъ-дармштадтскимъ, которое устанавливало назначеніе тарифа по взаимному договору и, при сохраненіи мѣстнаго независимаго управленія, раздѣленіе доходовъ соотвѣтственно количеству жителей, то натолкнулись на сильное сопротивленіе со стороны баварско-вюртембергскаго таможеннаго и средне-германскаго торговаго союзовъ. И тотъ, и другой были побѣждены, благодаря сначала присоединенію Кургессена (1831), а въ 1833 г. и южно-германскаго таможеннаго союза. Когда присоединились еще Саксонія и нѣкоторыя другія государства, то въ серединѣ тридцатыхъ годовъ осуществилось торгово-политическое объединеніе очень большой части Германіи, тѣсно примкнувшей къ Пруссіи. Внѣ его, при собственномъ податномъ таможенномъ союзѣ, оказались такія владѣнія, какъ Ганноверъ, Ольденбургъ, которыя Пруссія причисляла къ сферѣ своихъ политическихъ интересовъ. Не слѣдуетъ преувеличивать политическаго значенія этого союза. Тѣмъ не менѣе, мостъ съ сѣвера на югъ былъ, во-первыхъ, важнымъ этапомъ въ политической практикѣ, а во-вторыхъ, имѣлъ несомнѣнное значеніе для дальнѣйшаго развитія національно-политическихъ идей.

7. Италія и римская церковь.

Полуостровъ, за исключеніемъ Сициліи и Сардиніи, былъ болѣе или менѣе проникнутъ принципами французскаго законодательства и наполеоновскаго управленія, когда реставрація вернула на свои мѣста старыхъ, вытѣсненныхъ владѣтелей. Среди высшихъ образованныхъ слоевъ, особенно среди чиновничества и арміи, вмѣстѣ съ ослабленіемъ муниципальныхъ и провинціальныхъ особенностей, замѣтно обнаружилось стремленіе къ національному единству, поддерживаемое духомъ литературы. Но по желанію и обязательствамъ своихъ владѣтелей Италія должна была оставаться географическимъ терминомъ безъ политической единой формы, жертвой династическаго чужеземнаго господства. Австрія обезпечила себѣ господство на сѣверѣ фактически неограниченнымъ владѣніемъ ломбардо-венеціанскимъ королевствомъ, распространивъ свое господство на среднюю Италію, благодаря тому, что Модена, Тоскана и до извѣстной степени Парма достались родственникамъ австрійскаго императора. Но Австрія предписывала законы и остальнымъ государствамъ. Съ возвратившимся въ Неаполь королемъ Обѣихъ Сицилій былъ заключенъ спеціальный договоръ, по которому онъ не имѣлъ права вводить для своихъ подданныхъ какихъ-либо политическихъ учрежденій, несовмѣстимыхъ съ господствомъ Австріи въ Ломбардо-Венеціи. Въ критическій моментъ Меттернихъ, очевидно, могъ разсчитывать и на покорность Пьемонтскаго королевства, проявлявшаго пока нѣкоторую сдержанность. Въ папской области слово Австріи, искони католической державы, всегда должно было сохранять вѣсъ. Если за Тосканой и Пармой нужно признать извѣстную долю умѣренности, то приходится изумляться усердію, доведенному до абсурда, съ которымъ въ остальныхъ областяхъ безпощадно уничтожали всѣ прогрессивныя учрежденія, сохранившіяся со временъ французовъ. Духовенство и дворянство вступили во владѣніе своихъ дореволюціонныхъ правъ вездѣ, гдѣ ихъ наслѣдство не перешло къ коронѣ. Только въ фискальномъ отношеніи, преслѣдуя тѣ же цѣли, что и французы, реставрированные правители остались вѣрными учениками французовъ.

Вслѣдствіе полицейскихъ притѣсненій и преслѣдованій политической и общинной самостоятельности пышно расцвѣла свойственная итальянцамъ конспирація; во многихъ городахъ вскорѣ образовались враждебные другъ другу тайные союзы. Уже упоминалось о томъ, насколько этотъ больной вопросъ безпокоилъ европейскій ареопагъ. Слѣдствіемъ этихъ союзовъ явились усилившаяся подозрительность и новыя притѣсненія.

Нигдѣ развитіе тайныхъ союзовъ съ одной и другой стороны не принесло столь печальныхъ плодовъ, какъ въ папской области, возстановленной при усердномъ участіи католическихъ державъ; подъ управленіемъ пастырски-кроткаго Пія VII, несмотря на умъ и опытность образованнаго кардинала государственнаго секретаря Консальви, сложилось убѣжденіе, что, за исключеніемъ Турціи, нѣтъ ни одного государства, которое управлялось бы такъ плохо, какъ папская область. Принципъ теократіи, отдававшій, насколько это было возможно,

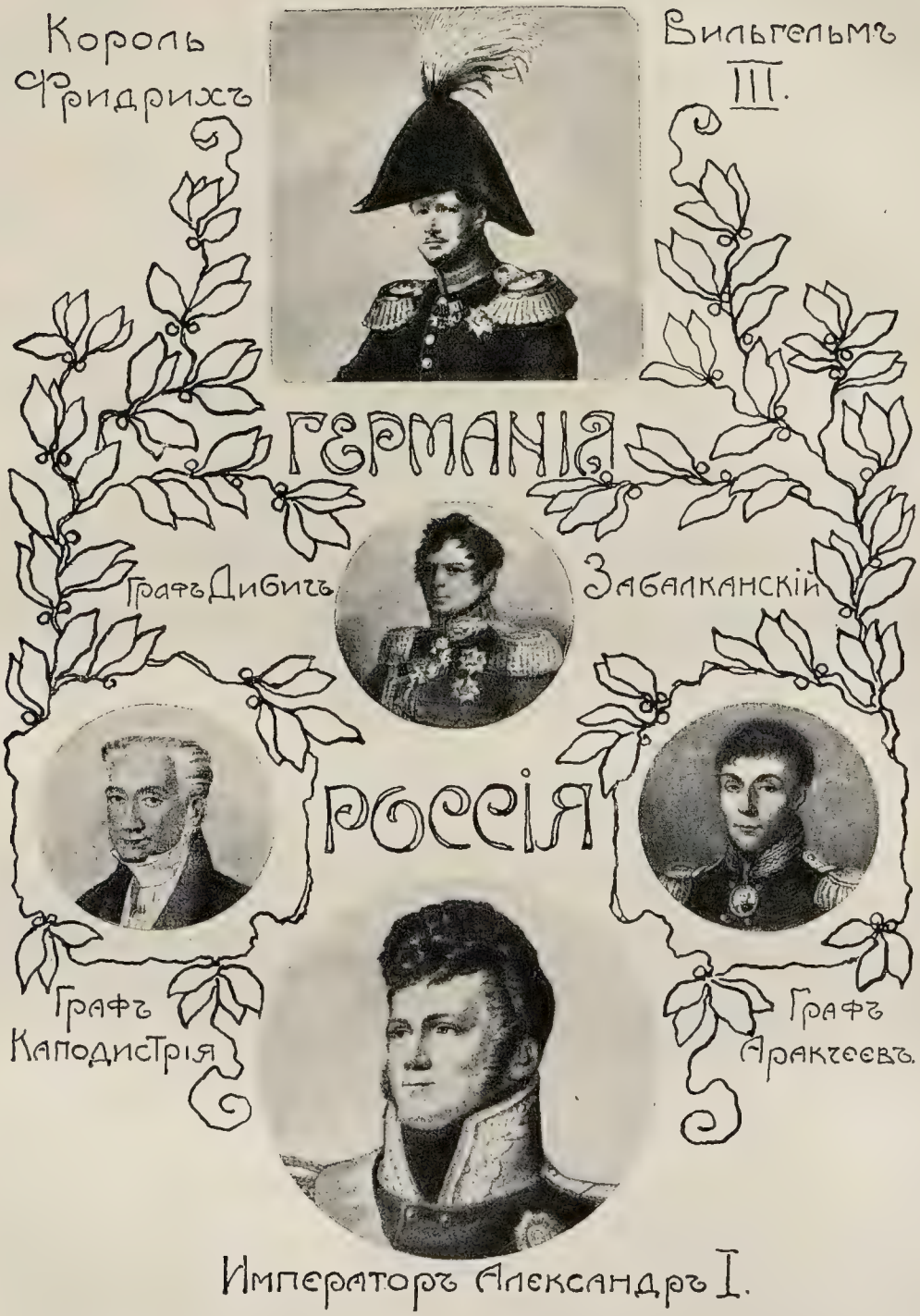
всю власть въ священныя руки духовенства, находился въ непримиримомъ противорѣчіи съ обществомъ, уже тронутымъ новыми идеями. Къ тому же опытъ показалъ, что это папское территоріальное государство, какъ ни тѣсно было связано его существованіе съ Италіей, всегда мѣшало единству въ развитіи полуострова. Положеніе папы, обязаннаго, въ качествѣ главы католической церкви, одинаково заботиться о всѣхъ ея членахъ, казалось, не допускало въ то время никакихъ измѣненій въ вопросѣ о преобразованіи Италіи. Католическая церковь составляла одну изъ духовныхъ силъ реставраціи XIX столѣтія. Послѣ разочарованія въ революціонномъ евангеліи человѣчества и послѣ вызваннаго требованіемъ времени поворота въ умахъ отливъ религіозныхъ чувствованій, начавшійся въ 1789 г., прекратился, и въ образованныхъ сословіяхъ, наоборотъ, сталъ замѣчаться быстро растущій приливъ новой религіозности. По многочисленности новообращенныхъ, именно въ наиболѣе образованныхъ кругахъ, можно видѣть, что пробужденіе душъ прежде всего принесло пользу той церковной общинѣ, которая, какъ католическая, славилась своей наибольшей увѣренностью въ спасеніи. Папа Пій VII и его преемники благоразумно и усердно позаботились о томъ, чтобы использовать благопріятное для нихъ теченіе. Уже въ 1814 году послѣдовало возстановленіе іезуитскаго ордена; вскорѣ во Франціи и Германіи наиболѣе ревностные поборники религіи организовались для борьбы съ болѣе свободными взглядами на церковь и догму, проникшими и въ среду духовенства и представителей науки. Подросло вскорѣ и новое поколѣніе клерикаловъ, на которыхъ всякая серьезная терпимость наводила лишь ужасъ. Это духовенство было воспитано на принципѣ куріалистовъ, по которому церкви, какъ божественному институту, въ каноническомъ правѣ ненарушимо установлено ея положеніе въ мірѣ по отношенію къ государству. Во избѣжаніе худшихъ золъ, согласно этому ученію, можно было допустить нѣкоторыя исключенія, но ни въ коемъ случаѣ нельзя было думать о продолжительномъ уничтоженіи въ какомъ-либо пунктѣ указаннаго каноническимъ правомъ положенія. Принципъ этотъ, подъ видомъ устраненія конкордата и органическихъ статей, едва не побѣдилъ во Франціи. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, желанія куріальскихъ „целанти" (усердниковъ) не сразу могли пробить себѣ дорогу. Много гибкости нужно было римскимъ представителямъ съ умнымъ Консальви во главѣ, чтобы при приведеніи въ порядокъ разстроенныхъ во время революціи церковныхъ дѣлъ примирить папистскія притязанія съ территоріалистическими стремленіями правительствъ. Однако, несмотря на выдающуюся ловкость Рима въ веденіи переговоровъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, подобно тому, какъ это было во Франціи, побѣждали новые взгляды на равноправіе вѣроисповѣданій. Приходилось, въ надеждѣ на будущее, сохраняя каноническій принципъ, допускать то, чего нельзя было измѣнить. Правда, конкордатъ, заключенный въ 1818 году съ королевствомъ Обѣихъ Сицилій, явился полной побѣдой. Римъ отказался отъ нѣкоторыхъ ненужныхъ ему преимуществъ въ пользу королевскаго права назначенія епископовъ, но позаботился о подчиненіи папской власти всего духовенства какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Съ

Швейцаріей въ то время совсѣмъ не удалось заключить конкордата, а съ Нидерландскимъ королевствомъ—только въ 1821 и въ 1827 годахъ.

Своеобразно происходило дѣло въ Германіи, гдѣ послѣ столь основательно разрушенныхъ политическихъ отношеній чувствовалась настойчивая необходимость въ новомъ церковномъ устройствѣ. Тщетнымъ оказался поднятый на Вѣнскомъ конгрессѣ призывъ къ учрежденію германской національной церкви, подчиненной римской высшей власти. Его главный защитникъ, не признанный Римомъ констанцскій капитулярный викарій Вессенбергъ, неутомимо требовалъ примаса и большей самостоятельности епископовъ. Зависть правительствъ и подозрительность нѣкоторыхъ по отношенію ко всему, что хотѣло носить германское имя, не допускали серьезной реформы. Прежде всего баварскій представитель, вопреки инструкціямъ, заключилъ въ 1817 г. въ Римѣ для Баваріи особый конкордатъ, широко открывшій двери всѣмъ притязаніямъ Рима. Но правительству удалось уничтожить опасность этого соглашенія тѣмъ, что церковный эдиктъ былъ опубликованъ лишь въ видѣ приложенія къ изданной въ 1818 г. конституціи и, слѣдовательно, не могъ противорѣчить сохраненію этой конституціи. Пруссія довольствовалась буллой о діоцезахъ, которая послѣ переговоровъ Нибура была въ 1821 году заключена Гарденбергомъ съ Консальви и точно опредѣляла учрежденіе новыхъ архіепископствъ и епископствъ, совпадавшихъ съ границами государства, причемъ духовенство щедро оплачивалось государствомъ. Право избранія капитуловъ было признано, но съ условіемъ, чтобы государство сохранило за собой право протеста. Подобныя же соглашенія были заключены Ганноверомъ и южно-германскими государствами, носившими названіе верхне-рейнской церковной провинціи; но желаннаго самостоятельнаго и исключительнаго права избранія епископовъ или назначенія священниковъ и освященія архіепископовъ здѣсь не добились. Однако, недалеко было то время, когда приверженцы Рима, приноровившись и примѣняя ловко и разумно либеральныя средства борьбы, какъ-то: прессу и собранія, завладѣли значительными свѣтскими силами. Только тогда пала старая защита территоріальной системы.

8. Россія и восточный вопросъ.

Очень небольшая часть того, къ чему императоръ Александръ I стремился въ юношескіе годы, была имъ осуществлена на дѣлѣ въ интересахъ русскаго народа и государства. Онъ не уничтожилъ крѣпостной зависимости, ни государственныхъ, ни помѣщичьихъ крестьянъ, и его конституціонные планы оставались невыполненными. Самодержавіе даровитаго, но непостояннаго и, въ концѣ концовъ, потерявшаго душевное равновѣсіе государя не могло осуществить сколько-нибудь значительныхъ реформъ и привело лишь къ усиленію значенія бюрократіи, алчной и продажной сверху донизу. Попрежнему народъ могъ повторять: „До Бога высоко, а до царя далеко“. Полномочія учрежденнаго въ 1810 г. Государственнаго Совѣта были очень незначительны и часто вовсе не


Король Фридрихъ
Вильгельмъ III.
Германія
Графъ Дибичъ Забалканскій
Россія
Графъ Каподистрія
Графъ Аракчеевъ.
Императоръ Александръ I.

принимались во вниманіе верховной властью. Комитетъ министровъ существовалъ фактически лишь для того, чтобы покрывать коллегіальною формою рѣшенія дѣлъ отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ; царь управлялъ самостоятельно съ помощью отдѣльныхъ министровъ, причемъ временами овладѣвали его довѣріемъ отдѣльныя лица, въ началѣ царствованія талантливыя и просвѣщенныя, какъ Строгановъ, Кочубей и, въ особенности, Сперанскій, а въ разсматриваемый періодъ—одинъ мрачной памяти Аракчеевъ. Управленіе было лишено всякаго серьезнаго контроля. Губернаторы, полицеймейстеры и т. д. такъ же злоупотребляли своею властью, какъ и помѣщики. Послѣдніе пользовались полной властью надъ своими крѣпостными, за исключеніемъ права распоряжаться ихъ жизнью, если только они доставляли необходимое количество рекрутовъ. На крестьянахъ лежало бремя государственной подушной подати, отъ которой были освобождены дворянство, духовенство и купеческія гильдіи немногочисленныхъ городовъ. Фактическое безправіе и экономическая и соціальная безпомощность этихъ крестьянскихъ „душъ" преобладающей массы населенія, составлявшей для Европейской Россіи отъ 30—40 милліоновъ, являются причинами того, что огромное славянское государство было осуждено на внутренній застой. Окраины, какъ Финляндія, Балтійскія провинціи, въ которыхъ при содѣйствіи самихъ дворянъ-помѣщиковъ, пользовавшихся самоуправленіемъ, личное крѣпостное право было уничтожено, и памятникъ раннихъ стремленій Александра къ либеральнымъ учрежденіямъ—конституціонное Царство Польское—находились въ привилегированномъ положеніи. Образованіе среднихъ и высшихъ классовъ въ этихъ странахъ достигло болѣе высокой степени развитія, чѣмъ въ собственной Россіи, гдѣ подающіе надежды зародыши нерѣдко приносились въ жертву режиму, а затѣмъ и религіозному мистицизму рано состарившагося царя. Властолюбіе высшаго духовенства, руководимаго, впрочемъ, царскимъ чиновникомъ, оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, повело вскорѣ къ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ разныхъ группъ населенія. Такъ называемое бѣлое духовенство представляло, подобно другимъ сословіямъ, своего рода касту, нерѣдко наслѣдственно замкнутую, лишенную образованія и мало уважаемую. Для возвышенія духа и религіознаго проникновенія массъ она не могла сдѣлать ничего существеннаго.

Въ концѣ своего царствованія Александръ I особенно возбудилъ противъ себя государственныхъ крестьянъ, когда съ несвойственнымъ ему упорствомъ выполнилъ свое намѣреніе превратить значительную часть крестьянскихъ помѣстій, принадлежавшихъ коронѣ, въ военныя поселенія. Въ арміи, побывавшей и просвѣтившейся за границей во время великихъ наполеоновскихъ войнъ, недовольство аракчеевскимъ режимомъ и общимъ ходомъ дѣлъ въ Россіи увеличивалось и развивалось въ сильной степени особенно среди офицерства, а отчасти и нижныхъ чиновъ. Въ самыхъ знатныхъ и просвѣщенныхъ военныхъ кругахъ нашлись люди, образовавшіе тайныя общества съ цѣлью выработки плановъ конституціоннаго преобразованія государства, а нѣкоторые, болѣе крайніе, мечтали даже о превращеніи Россіи въ республиканскую федерацію.

Александръ I не оставилъ прямыхъ законныхъ наслѣдниковъ. По закону, изданному Павломъ I, право на престолъ принадлежало слѣдующему брату Але-

ксандра—великому князю Константину, но послѣдній отказался отъ престола еще за нѣсколько лѣтъ до смерти Александра. Вслѣдствіе этого Александръ особымъ актомъ, хранившимся въ трехъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, установилъ наслѣдованіе престола за великимъ княземъ Николаемъ; но это распоряженіе, по непонятнымъ соображеніямъ, не только не было объявлено, но хранилось, наоборотъ, въ строжайшей тайнѣ. Когда Александръ I умеръ въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года, то Николай, хотя и зналъ о положеніи вещей, счелъ себя въ качествѣ перваго подданнаго обязаннымъ присягать своему брату Константину. Продолжавшій отказываться отъ трона Константинъ оставался въ Варшавѣ и упорно отказывался пріѣхать въ Петербургъ и заявить о своемъ отказѣ торжественно и лично. Отъ этого произошло понятное замѣшательство. Моментъ этотъ показался членамъ упомянутыхъ выше тайныхъ обществъ подходящимъ для вооруженнаго возстанія съ цѣлью назначенія временнаго правительства и ограниченія царской власти конституціей. Возстаніе это осуществилось 14 декабря 1825 года. Все это легкомысленное предпріятіе рушилось благодаря своей неподготовленности и твердости новаго царя Николая I (1825—1855), царствованіе котораго поэтому уже съ самаго начала было окружено въ глазахъ многихъ нѣкоторымъ ореоломъ силы и энергіи. Это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало личнымъ взглядамъ молодого императора, зятя прусскаго короля, на государство и систему правленія. Николай стремился дать государству военно-іерархическую форму, которая соотвѣтствовала его характеру. Этотъ гордый и самонадѣянный повелитель съ узкимъ и своевластнымъ умомъ думалъ создать своимъ рѣзкимъ самодержавіемъ и твердымъ полицейскимъ режимомъ оплотъ противъ революціи въ Россіи и Европѣ. Сильный и, казалось, неуязвимый, онъ по собственному мнѣнію и по мнѣнію другихъ считалъ несравненно болѣе призваннымъ для этой миссіи себя, нежели Австрію.

Внутри страны при Николаѣ полицейскій произволъ съ теченіемъ времени все усиливался и развивался, выражаясь въ дѣятельности знаменитаго третьяго отдѣленія императорской канцеляріи и дошелъ до своего апогея въ послѣднія 7 лѣтъ царствованія, послѣ революціи 1848 года. Въ это царствованіе не было мѣста для освободительныхъ мѣропріятій (за исключеніемъ различныхъ большею частью не осуществившихся начинаній въ пользу нѣкотораго улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ). Болѣе самостоятельные умы, даже всякое стремленіе къ просвѣщенію—казались опасными, что, впрочемъ, не мѣшало передовымъ писателямъ и журналистамъ сороковыхъ годовъ проводить въ умы читателей при помощи разныхъ иносказаній и изворотовъ, идеи, господствовавшія въ современной Европѣ.

Старо-русской политикѣ вполнѣ соотвѣтствовало то положеніе, которое Николай, въ противоположность Австріи и своему предшественнику, тотчасъ же занялъ въ Восточномъ вопросѣ, по отношенію къ которому великія державы, казалось, топтались на мертвой точкѣ. Греки, одновременно тѣснимые внутренними раздорами и двойнымъ нападеніемъ египетскихъ войскъ на Морею и турецкихъ на Элладу, казалось, несмотря на всѣ старанія филэллинистскихъ по-

кровителей, были близки къ гибели. Новый царь по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ могъ разсматривать ихъ только какъ мятежниковъ. Но русскіе государственные интересы по отношенію къ Высокой Портѣ, и, можетъ-быть, не въ послѣдней степени—удобный случай вытѣснить Австрію изъ ея роли руководителя Европы—неожиданно открыли русской политикѣ новые пути. 4 апрѣля 1826 г. императоръ заключилъ съ охотно подошедшей ему навстрѣчу Англіей соглашеніе, по которому было рѣшено считать Грецію платящимъ дань вассальнымъ государствомъ Порты, заставивъ предварительно обѣ стороны заключить перемиріе. Франція приняла участіе въ этомъ посредничествѣ, Австрія и Пруссія уклонились (лѣто 1827 г.). Уже раньше Аккерманскимъ договоромъ были улажены въ пользу Россіи спеціально русско-турецкія недоразумѣнія (октябрь 1826 г.). Турки подчинились; когда въ видахъ правильной организаціи пѣхоты былъ отданъ приказъ распустить войско янычаръ, и затѣмъ послѣдовало кровавое ихъ уничтоженіе (16 іюля 1826 г.), послѣ чего военная сила Турціи упала до минимальныхъ размѣровъ. Но послѣ такой вынужденной уступчивости Порта еще менѣе соглашалась на какое-либо вмѣшательство иностранцевъ въ ея дѣла съ собственными подданными. Всякое вмѣшательство было рѣзко отклонено послѣ того, какъ въ 1827 г. греческое національное собраніе въ Треценѣ избрало графа Каподистрію президентомъ новаго независимаго государства. Между тѣмъ, бойня продолжалась, и уже египетскій флотъ привезъ подкрѣпленіе, которое въ Наваринѣ, на юго-восточномъ берегу Мореи, должно было соединиться съ войсками Ибрагима-паши. Въ силу растяжимыхъ инструкцій, данныхъ адмираламъ соединенной англо-русско-французской эскадры, исключавшихъ нападеніе, но разрѣшившихъ требованіе прекращенія враждебныхъ дѣйствій, военные флоты Англіи, Франціи и Россіи вошли въ гавань Наваринъ и заняли угрожающее положеніе. 20 октября 1827 года безъ объявленія войны разыгравшаяся изъ небольшихъ стычекъ огромная морская битва закончилась уничтоженіемъ турецко-египетскаго флота. Вполнѣ понятное озлобленіе Турціи побудило ее къ заявленіямъ и мѣропріятіямъ, которыя, несмотря на всѣ дипломатическія попытки уладить дѣло, привели къ войнѣ съ Россіей, которую турки считали злѣйшимъ своимъ врагомъ. Англія и Франція, также отозвавшія своихъ пословъ, не приняли участія въ войнѣ. Только во избѣжаніе полнаго опустошенія Мореи египтянами Франція высадила на берегу Мореи наблюдательный корпусъ. Русская армія 7 мая 1828 г. перешла черезъ Прутъ и заняла дунайскія княжества. Но къ югу отъ Дуная турки оказали бо́льшую силу сопротивленія, чѣмъ можно было предположить. Только въ 1829 г. борьба, возобновленная подъ предводительствомъ фельдмаршала Дибича, принесла и на Европейскомъ театрѣ войны русскому оружію лавры, которыми увѣнчались въ Малой Азіи походы подъ начальствомъ князя Паскевича, закончившіеся взятіемъ Карса, Ардагана и Эрзерума. Получая продовольствіе для своей арміи благодаря русскому флоту, появившемуся въ Бургазскомъ заливѣ, Дибичъ послѣ паденія Силистріи, не обращая вниманія на разбитаго имъ великаго визиря Решидъ-пашу, рискнулъ перейти черезъ Балканы. 20 августа Адріанополь былъ въ его рукахъ. Порта, при разстройствѣ своихъ войскъ, была почти беззащитна; въ Константинополѣ напрасно

развѣвалось знамя пророка. Но и Дибичъ, вслѣдствіе слабости своей арміи, оказался въ опасномъ положеніи. Пруссія согласилась на просьбу Россіи принять на себя посредничество, чтобы склонить султана на уступки. 14 сентября 1829 г. въ Адріанополѣ былъ подписанъ миръ. По этому миру Россія, вопреки даннымъ ею обѣщаніямъ, получила на Кавказѣ значительныя владѣнія, между прочимъ, береговую полосу отъ Анапы до Поти. Въ Европѣ Россіи досталось укрѣпленное положеніе въ устьяхъ Дуная; затѣмъ дунайскія княжества были объявлены почти самостоятельными, Дарданелльскій проливъ свободнымъ для торговли, а греки получили, наконецъ, самостоятельность, признанную за ними лондонскимъ протоколомъ трехъ державъ 22 марта. Греція, границы которой, включая Евбею, были опредѣлены линіей, идущей отъ залива Воло до залива Арты, должна была составлять наслѣдственное княжество, обязанное платить дань Портѣ.

Послѣ отступленія египтянъ страшно опустошенная и взволнованная страна долго не могла прійти въ спокойное состояніе. Каподистрія потерпѣлъ крушеніе въ своихъ планахъ и палъ жертвой личной мести. Только въ 1830 г., по соглашенію державъ, были установлены объемъ и форма правленія греческаго государства въ смыслѣ полной самостоятельности, но не въ духѣ дальнѣйшихъ національныхъ стремленій. Въ качествѣ кандидата державъ (послѣ отказа Леопольда Кобургскаго) на верховный королевскій тронъ эллиновъ вступилъ избранный въ 1833 году національнымъ собраніемъ еще малолѣтній баварскій принцъ Оттонъ. Возстаніе, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, одержало побѣду. Меттерниховскій принципъ охраненія законнаго владѣнія не могъ быть выдержанъ по отношенію къ Портѣ. Во Франціи тогдашнее ультра-легитимистическое министерство предлагало даже раздѣленіе европейской Турціи. Подготовлялась новая группировка державъ, во главѣ которой стала Россія, вмѣсто отставшей въ военномъ и экономическомъ отношеніи Австріи. Все это нашло себѣ вполнѣ ясное выраженіе лишь тогда, когда во Франціи у кормила правленія стало для всѣхъ сторонъ подозрительное правительство, а въ Австріи послѣ смерти императора Франца I (въ 1835 году) на престолъ вступилъ его сынъ Фердинандъ.

Англія за время этой восточной путаницы получила нѣкоторый опытъ относительно цѣны русскихъ обѣщаній. Наученная прошлымъ, Англія съ того времени, соблюдая собственные интересы, выступала въ роли усердной защитницы распадающагося территоріальнаго состава Турціи.

Штурмъ французами Константины (Алжиръ) 13 октября 1837 г.

ОТТОНЪ I, греческій король.

9. Духовныя силы охранительнаго времени.

Общій итогъ духовной жизни промежутка времени отъ 1815 до 1830 года, несомнѣнно, составился какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ отрасляхъ изъ взаимнаго обмѣна силъ, происходившаго между націями. Развитіе народовъ другъ возлѣ друга принесло въ разныхъ мѣстахъ различные плоды. Такъ, Франціи принадлежитъ первенство въ пластическихъ искусствахъ и одновременно главное мѣсто въ развитіи ультрамонтанской доктрины, а также блестящіе успѣхи на поприщѣ естествознанія. Германія служила образцомъ въ области поэзіи, оказавшей сильнѣйшее вліяніе и на остальные народы, и дала толчокъ къ своеобразному развитію историко-филологическихъ наукъ. Расцвѣтъ нѣмецкой и идеалистической философіи былъ столь же блестящъ, какъ и кратокъ.

Сочиненіе Гете, появившіяся послѣ 1815 г., не могли быть причислены къ книгамъ, имѣвшимъ въ то время успѣхъ. Нельзя сказать, чтобы въ старости его геній гордо замкнулся отъ вліянія всего новаго. Несмотря на свой классицизмъ, онъ съ любовью и пониманіемъ относился къ старо-германскому искусству съ тѣхъ поръ, какъ Буассере познакомилъ его съ нимъ; точно также открывшійся ему міръ восточной поэзіи послужилъ источникомъ для поэтическихъ красотъ его позднихъ любовныхъ мечтаній въ „западно-восточномъ Диванѣ". Но, несмотря на высокое почитаніе, которымъ пользовались какъ личность Гёте, такъ и его талантъ у современниковъ, послѣдніе не въ состояніи были оцѣнить въ немъ необыкновеннаго художника жизни. И поэтому позднѣйшія произведенія поэта, написанныя въ символически-аллегорической формѣ, не могли возбудить особеннаго вниманія въ образованномъ читателѣ. То, къ чему стремились Шиллеръ и Гёте и вмѣстѣ съ нимъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, т.-е. эстетическое воспитаніе человѣческаго поколѣнія, могло найти благопріятную почву для произрастанія лишь послѣ того, какъ созрѣли плоды новаго гуманистическаго направленія, начавшаго цвѣсти лишь во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка въ среднихъ школахъ, особенно въ прусскихъ. Пока же господство оставалось за романтикой, хотя окончательно уничтожить своихъ противниковъ романтикамъ и не удавалось. Не только рядомъ продолжала существовать классическая поэзія, не только продолжали охотно слушать комедіи многоосмѣяннаго Коцебу, но и политическая доктрина естественнаго права все еще служила важнымъ ферментомъ, а въ области протестантской теологіи раціонализмъ жилъ еще и въ слѣдующемъ поколѣніи, пока не умеръ вмѣстѣ со своими убѣжденными защитниками. Въ общемъ романтика страстно звала назадъ отъ разсудочнаго просвѣтительства въ дѣйствительное или воображаемое прошлое, въ золотой вѣкъ, представлявшійся ей въ видѣ тѣснаго союза церкви и искусства. Въ избыткѣ юношескаго воодушевленія она приближала поэзію къ прорицанію, стремясь создать единство поэзіи и религіи.

Никто не воспользовался столь энергично, какъ послѣдователи романтизма, источниками поэзіи другихъ народовъ, перенесши своихъ духовныхъ героевъ въ наши долины путемъ передѣлокъ и переводовъ ихъ произведеній. Казалось, что начала осуществляться идея міровой литературы, которую предвидѣлъ Гердеръ и благосклонно встрѣтилъ Гёте. Съ другой стороны, романтики, сознательно отклоняясь отъ классическихъ темъ и формъ и страстно стремясь вернуться къ прошлому, открыли, такъ сказать, свое родное, національное.

Правда, высшій расцвѣтъ чисто-поэтическаго творчества для Тика, Августа Вильгельма и Фридриха фонъ-Шлегелей, создателей школы, былъ уже позади, когда романтики, гордые своимъ участіемъ въ развитіи нашего національнаго самосознанія, вступили въ эпоху реставраціи. Правда, новеллы Тика, отчеканенные сонеты Рюккерта и политическія пѣсни Уланда вполнѣ заслуженно занимаютъ почетное мѣсто; вдохновеніе Фуке, изящество Брентано и Ахима фонъ-Арнима восхищали цѣлыя поколѣнія. Но, мало-по-малу, въ сюжетахъ начинаетъ преобладать произволъ, преувеличеніе, любовь къ ироніи и изображеніе призрачнаго. Форма становится умышленно неясной. Стоитъ только вспомнить драмы Захарія Вернера и раннія произведенія Грильпарцера. Изъ повѣствователей Э. Т. Амед. Гофманъ въ своихъ очень распространенныхъ произведеніяхъ наиболѣе ярко проявилъ стремленіе отодвигать жизнь въ міръ фантазіи. Сказка, въ области которой неподражаемое собраніе нѣмецкихъ народныхъ сказокъ братьевъ Гриммъ создало цѣлую эпоху и вызвало весьма удачное искусственное подражаніе, напр., В. Гауфа, подъ нервными пальцами Гофмана превратилась въ причудливое каприччіо. Впрочемъ, не одно направленіе, считающееся теперь чрезвычайно новымъ, могло бы узнать свой прообразъ въ поэзіи тѣхъ временъ.

Не говоря уже о томъ, что литература наводнялась очень малоцѣнными произведеніями вслѣдствіе презрѣнія къ какимъ бы то ни было правиламъ, нужно считать, что вредъ, принесенный романтикой, превышаетъ ея заслуги. Слишкомъ преобладало все нездоровое, уходящее отъ дѣйствительности. Дѣйствительность на практикѣ нерѣдко оказывалась отброшенной назадъ, отдѣленной отъ потока жизни романтикой, которая находилась въ полномъ согласіи съ реакціонными движеніями эпохи реставраціи. Симптомами могутъ служить многочисленные примѣры обращеній и пробужденій къ правовѣрной религіи. Вся сила подобнаго образа мыслей вліяла на талантливаго основателя исторической школы права Савиньи, который, благодаря своему пресловутому положенію, что дѣйствительность непригодна для всеобщаго законодательства, сталъ въ защиту застоя въ теоріи и практикѣ государственной жизни. Романтикомъ по душевному влеченію былъ Адамъ Мюллеръ, а по соображеніямъ разсудка— его другъ Ф. Генцъ, который извлеченное изъ глубины средневѣковыхъ представленій ученіе объ исторически развившихся законодательствахъ противопоставлялъ государственнымъ взглядамъ французскаго учредительнаго собранія 1791 года, защищаемымъ въ то время въ историческихъ очеркахъ, юридическихъ изслѣдованіяхъ и политическихъ рѣчахъ неутомимымъ фрейбургскимъ профессоромъ Роттекомъ.

Послѣдній надолго остался уважаемымъ предшественникомъ либеральныхъ народныхъ вождей. Оба названныхъ ученыхъ должны быть до нѣкоторой степени благодарны бернскому патрицію К. Л. фонъ-Галлеру, который уже въ 1808 г. и въ 1816 г. своей высоко научной „Реставраціей государственныхъ наукъ" нанесъ чувствительный ударъ ученію Руссо о естественномъ состояніи и о происхожденіи государства путемъ договора при помощи верховной власти отдѣльныхъ лицъ. Насколько современное понятіе о государствѣ было, въ угоду патримоніальнымъ взглядамъ, лишено самаго цѣннаго культурнаго содержанія, можетъ быть лишь вкратцѣ охарактеризовано.

Государство, говорили тогда, можетъ быть приравнено къ частнымъ обществамъ съ тою разницей, что представленная въ немъ—безразлично государемъ или корпораціей—высшая власть является естественнымъ результатомъ собственной независимости, безъ всякаго отношенія къ тому, какими средствами была пріобрѣтена власть. Государство, такимъ образомъ, есть владѣніе государя, его родовое имѣніе. Соотвѣтственно этому, полномочія и права зависятъ только отъ собственныхъ интересовъ повелителя. Отъ его воли или его усмотрѣнія зависитъ, насколько потребности подданныхъ могутъ быть причислены къ государственнымъ интересамъ. На этого могущественнѣйшаго въ государствѣ походятъ „болѣе свободные" подданные, т.-е. благородные, имѣющіе собственныя права и поэтому являющіеся естественными совѣтниками повелителя. Въ такомъ государствѣ, гдѣ государь, въ качествѣ землевладѣльца, противопоставляется низшему населенію, подданные сами по себѣ, т.-е. безъ особаго соглашенія, не обязаны нести военной службы. Государь обязанъ покрывать расходы изъ собственныхъ средствъ. Общіе своды законовъ также противорѣчатъ сущности такого государства; они допустимы только какъ руководство для чиновниковъ въ области права и преимуществъ государя. Галлеръ идетъ такъ далеко, что, развивая свои взгляды, измѣняетъ слѣдующимъ образомъ знаменитую фразу Фридриха Великаго: „Государь есть свой собственный первый слуга". Противъ этой неотмѣнимо установленной власти существуетъ лишь средневѣковое средство—право сопротивленія.

Вотъ, что мы считаемъ нужнымъ сказать объ этой анти-государственной доктринѣ, съ которой несовмѣстима гражданская свобода въ современномъ значеніи слова или конституціонная жизнь вообще. Было бы весьма интересно ознакомиться ближе съ тѣмъ, какимъ образомъ достаточно тяжеловѣсно исполненныя произведенія могли имѣть такой успѣхъ въ вліятельныхъ кругахъ, даже на самихъ государей. Прежде всего, какъ могъ король Фридрихъ Вильгельмъ IV, человѣкъ блестящаго ума, видѣть въ этихъ взглядахъ, переданныхъ ему окружающими, христіанско-германскій государственный идеалъ, заимствованный изъ средневѣковья, и какъ могъ онъ желать приблизить къ этому идеалу Пруссію, страну равноправія, всеобщей воинской и учебной повинности?

Идеалистическая философія стремилась облечь проблему міра и существованія въ цѣлыя системы. То, что создали для науки Фихте и Шеллингъ въ ранній періодъ, принадлежитъ предшествующей эпохѣ. Натурфилософское ученіе Шеллинга имѣло въ Германіи роковое вліяніе на склонность къ конструкціямъ

въ медицинскихъ и естественно-научныхъ кругахъ. Третій въ ряду великихъ систематиковъ—Гегель—своей дѣятельностью со времени призванія въ берлинскій университетъ (1818—1831) цѣликомъ принадлежитъ данной эпохѣ. Какъ извѣстно, его философія была господствующей при его жизни настолько, что, напримѣръ, взгляды Шопенгауэра почти не обратили на себя вниманія. Только противорѣчія въ толкованіи глубокомысленной, но искусственной системы учителя его учениками впослѣдствіи пробили въ ней брешь. Высшую заслугу Гегеля для науки слѣдуетъ признать въ примыкающемъ къ Гердеру ученіи о развитіи. Въ этомъ заключается, такъ сказать, прогрессивный зародышъ его ученія. Въ общемъ оно послужило прусскому правительству могущественной защитой для существующаго порядка. „Существующее разумно". Государство считалось совокупностью всѣхъ нравственныхъ цѣлей, что, правда, исключало Галлера, но противорѣчило какъ идеямъ Руссо, такъ и германско-національному теченію. Продолжительнѣе, чѣмъ его система, было вліяніе Фридриха Шлейермахера (1768—1834), особенно на всѣ народы германскаго происхожденія; ея частыя переработки, нерѣдко, все-таки, приносили новые плоды. Шлейермахера называли религіознымъ геніемъ. Дѣйствительно, онъ перевелъ религію изъ области знанія и дѣйствія въ область чувства индивидуума, хотя онъ достаточно высоко ставилъ общественную жизнь. Поэтому онъ въ догмахъ видѣлъ только абстрактное выраженіе историческаго теченія религіозной жизни, но не сущность самой вѣры.

Но то, что Шлейермахеръ и его школа хотѣли сдѣлать содержаніемъ религіи, такъ же мало удовлетворяло многихъ, страстно ищущихъ спасенія, какъ и все еще существовавшій старый раціонализмъ. Правовѣрная религіозность дѣлала успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ и въ евангелической церкви многіе обрѣли потерянную вѣру въ искупленіе черезъ жертвенную смерть Христа. Въ 1828 году это направленіе, которому благопріятствовали извѣстныя политическія и философскія настроенія, создало свой собственный органъ—основанную Генгстенбергомъ евангелическую церковную газету.

Во Франціи, какъ мы видѣли, пресса въ болѣе широкомъ смыслѣ служила средствомъ борьбы для различныхъ партій. Практическое, жизненное направленіе является также отличительной чертой созданій поэтическаго и творческаго генія вообще. Впереди, проявляя апостольское усердіе въ страстныхъ, безпощадныхъ произведеніяхъ, идутъ за оспариваемую церковь—де Бональдъ, графъ де Мэстръ и де Ламеннэ. Всѣ они, съ пьемонтцемъ де Мэстромъ во главѣ, проповѣдывали, нападая на извѣстный со времени революціи галликанизмъ, абсолютную власть папы по отношенію къ церкви и право вмѣшательства его въ свѣтскія дѣла. У де Мэстра это вполнѣ вытекаетъ изъ его политическаго міровоззрѣнія. Религіозное чувство съ преувеличенной страстностью проявилось у бретонскаго священника Ламеннэ, который къ концу разсматриваемаго періода, разочаровавшись, измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ и искалъ примиренія католицизма съ современной культурой.

Могущественной подготовительной работой для названныхъ писателей въ началѣ вѣка явились полные поэтической силы разсказы виконта Шатобріана,

который стремился противопоставить сухому классицизму поэтическую красоту христіанства и его церковнаго воплощенія. Шатобріанъ является отцомъ романтизма и свободнаго, не связаннаго ни съ какими отжившими законами проявленія поэтической души во Франціи. Рядомъ съ эпическимъ повѣствователемъ нація получила лирика въ лицѣ А. де Ламартина („Méditations", 1820). Ему было дано находить—вмѣсто того, чтобы изобрѣтать; видѣть—вмѣсто того, чтобы искать, такъ что у идеалистически постигнутаго міра онъ сумѣлъ взять самыя нѣжныя, глубокія настроенія. Ламартинъ былъ, несмотря на сыгранную имъ впослѣдствіи политическую роль, меланхолически одинокой натурой, стремившейся съ спокойнымъ благородствомъ проявить себя поэтически. Теперь пѣвецъ, прославленный въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, отодвинутъ на задній планъ неуравновѣшеннымъ А. де Виньи и Викторомъ Гюго, который, несмотря на слабость характера, мало-по-малу пробивалъ себѣ дорогу въ лирикѣ, драмѣ и романѣ. Благодаря чисто-формальному совершенству поэзіи этихъ двухъ писателей, отчасти также вслѣдствіе ихъ способности открывать глубочайшіе контрасты своей натуры и сообщать ихъ читателю, ихъ предпочитаютъ всѣмъ другимъ. Писатели эти, къ которымъ въ самомъ концѣ эпохи реставраціи присоединился Альфредъ де Мюссе, явились во всѣхъ духовныхъ областяхъ основателями романтизма, чрезвычайно пышно расцвѣтшаго по ту сторону Рейна, хотя и не безъ нѣкотораго вліянія германскаго и англійскаго духа. Изъ романтиковъ слѣдуетъ упомянуть еще историка А. Тьерри и глубокаго Гизо, котораго первоначально столько же интересовали принципы искусства, сколько и принципы исторіи. Еще въ эпоху реставраціи, благодаря крупнымъ ошибкамъ легитимистскаго королевства, романтизму пришлось измѣнить своему легитимистскому и религіозному идеалу, и послѣ революціи 1830 года онъ сталъ освѣщать своими сумрачными лучами буржуазное правленіе Людовика-Филиппа.

Не слѣдуетъ забывать, что рядомъ съ романтизмомъ, въ качествѣ отпрыска духа XVIII столѣтія, пробивало себѣ дорогу другое направленіе. Талантливые историки, какъ Тьеръ и Мишле, отдавшіе вначалѣ дань романтизму, впослѣдствіи въ дни реставраціи осмѣлились въ восторженныхъ выраженіяхъ говорить о революціи 1789 года. Но, разумѣется, на первомъ планѣ стоитъ народный любимецъ Беранже, который въ ядовитыхъ сатирахъ осмѣивалъ вождей реставраціи, объявлялъ себя утѣшителемъ „несчастной страны", призывая на помощь „надежду" и славу обожаемаго имъ Наполеона. Это дѣйствовало тѣмъ сильнѣе, что въ другихъ пѣсняхъ Беранже являлся пѣвцомъ народа съ его горестями и радостями, владѣя при этомъ несравненнымъ техническимъ искусствомъ—слагать свои мысли въ звучные напѣвы.

Въ противоположность Франціи, въ Англіи въ области беллетристики—какъ защитники трона и алтаря, такъ и борцы за народную свободу одинаково стоятъ въ рядахъ романтиковъ. Исключеніе составляютъ нѣкоторые молодые писатели, которые, какъ Маколей, тогда только начали проявлять свою силу. Все вышесказанное, какъ извѣстно, относится къ поэтамъ такъ называемой морской школы и къ великому шотландскому романисту, съ одной стороны, и ко всему Байроновскому циклу—съ другой. Для Вальтера Скотта было очень кстати,

что именно въ областяхъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ господствующаго направленія, въ Ирландіи (Баллады Томаса Мора) и въ Шотландіи, пѣвцы давно настроили свои инструменты для воспѣванія родины. Это искусство сдѣлалось главной силой историческихъ романовъ Вальтера Скотта, принадлежащихъ къ разсматриваемому періоду. Лучшіе изъ нихъ великолѣпны по вѣрности природѣ и изображенію чувствъ и движеній народной души, сюжетъ разработанъ чрезвычайно богато и, по сравненію съ нѣмецкими современниками, съ большимъ художественнымъ мастерствомъ. Скоттъ всегда оставался усерднымъ торп.

Глубокая поэзія Шелли была лишь для избранныхъ. Онъ возбуждаетъ сочувствіе своей правдивой смѣлостью; какъ атеистъ и радикалъ (и то и другое въ англійскомъ значеніи слова). Міровой славѣ лорда Байрона, выдающагося по своему положенію, судьбѣ и произведеніямъ, немало способствовало то, что онъ изъ холодно оттолкнувшаго его отечества долженъ былъ, такъ сказать, уйти во всеобщность. Съ другой стороны, разбросанныя въ его сатирахъ и въ большихъ эпическихъ поэмахъ мнѣнія о людяхъ, стоящихъ въ Англіи у кормила власти, дышатъ слишкомъ яркой ненавистью, вслѣдствіе того, что ему пришлось пережить на родинѣ много горькаго. Блестяще одаренный духомъ и фантазіей, лордъ Байронъ является первымъ и наиболѣе совершеннымъ воплощеніемъ сентиментальнаго отрицанія міра, вытекающаго, независимо отъ богатства внѣшняго и внутренняго существованія, изъ непобѣдимой боли, причиняемой темными сторонами жизни. Отрицаніе это нашло себѣ наиболѣе яркое поэтическое выраженіе въ этомъ геніальномъ поэтѣ міровой скорби. Его личная боль отражается въ герояхъ его великолѣпныхъ пѣсенъ, особенно въ „Чайльдъ Гарольдѣ“ и „Донъ Жуанѣ“. Субъективизмъ его былъ такъ же силенъ, какъ субъективизмъ Руссо: какъ въ зеркалѣ, всякій могъ въ его скорби видѣть свою собственную. Но въ этомъ заключаются какъ сила, такъ и слабость его творчества. Утомленный читатель по временамъ останавливается среди лабиринта этой причудливой фантазіи.

Трудно было Италіи вырваться изъ тисковъ общепринятаго. Печальныя политическія обстоятельства не могли благопріятствовать такой цѣли. Даже такой человѣкъ, какъ Манцони, скрывалъ отъ публики свои патріотическія желанія. Этотъ скептикъ, превратившійся въ горячаго католика, далъ въ своихъ драмахъ и въ романѣ „Обрученные“ поэтически правдивое выраженіе религіознаго чувства своего народа. Онъ поклонялся романтическому идеалу единства поэзіи и религіи. Въ противоположность ему, графъ Леопарди въ своей поэзіи не только проявлялъ тоску объ униженіи своего отечества, но пессимистически все болѣе и болѣе погружался въ мысли о злополучіи рода человѣческаго. Трудно было бы утверждать, что поэтическія созданія, выросшія изъ духа романтики въ другихъ мѣстахъ, въ Скандинавіи, Польшѣ, Россіи,—напримѣръ, Эленшлегера, Мицкевича и Пушкина, внесли новый аккордъ въ романтическую симфонію.

Какъ Гёте въ романтической литературѣ, такъ въ музыкѣ, несмотря на различныя новыя вліянія, возвышается надъ всѣми далеко впередъ

фигура Бетховена. Геніальный композиторъ былъ на высотѣ славы, когда въ 1814 г. звуки его симфоній привѣтствовали собравшихся въ Вѣнѣ князей и дипломатовъ. Страдающій неизлѣчимой глухотой, онъ продолжалъ творить: появились на свѣтъ месса D-dur и девятая симфонія, въ которой мастеру инструментальной музыки, при помощи введенія хоровъ, удалось открыть послѣднія тайны, жившія въ его душѣ. Еще до смерти Бетховена, въ 1827 году, рядомъ съ нимъ, завоевали себѣ значеніе новыя вліянія. Онъ, конечно, послужилъ образцомъ для развитія таланта его соплеменника Франца Шуберта, въ которомъ классицизмъ соединился съ романтизмомъ. Этотъ геніальный лирикъ, владѣя музыкой, точно языкомъ звуковъ, является создателемъ музыкальной поэзіи настроенія. Его пѣсни, которыхъ насчитываютъ болѣе 600, его струнные квартеты и сонаты доставили ему безсмертную славу въ исторіи развитія нѣмецкой музыки.

Онъ пробивалъ себѣ дорогу медленно, въ то время какъ на его глазахъ въ Вѣнѣ, какъ и во всей Германіи, неоспоримо господствовала итальянская музыка Россини, напр., его „Вильгельмъ Телль", затѣмъ оперы Беллини и послѣ 1836 г. Доницетти. То же самое происходило и во Франціи, особенно послѣ того, какъ Россини поселился въ Парижѣ. Рядомъ съ нимъ успѣхъ имѣла развѣ лишь веселая муза Обера и Буальдье. Сѣверо-германскому композитору К. М. Веберу, въ лучшихъ произведеніяхъ котораго, прежде всего во „Фрейшютцѣ" 1821 года, звучатъ романтически національные напѣвы, суждено было впервые соперничать съ итальянцами не только у себя на родинѣ, но и въ Парижѣ и Лондонѣ. Вскорѣ (сейчасъ же послѣ 1830 г.) выступилъ берлинецъ Мейерберъ, котораго парижане, не безъ основанія, считали на половину своимъ. Своими мелодичными, драматически страстными операми онъ въ теченіе десятилѣтій господствовалъ на сценѣ.

Еще въ двадцатыхъ годахъ обратилъ на себя вниманіе своими ранними произведеніями Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, болѣе другихъ способствовавшій распространенію нѣмецкой инструментальной музыки за границей, напр., въ Англіи. Теперь начинается классическій періодъ концертныхъ виртуозовъ, полный расцвѣтъ которыхъ наступилъ только послѣ 1830 года. Въ 1829 году Шопенъ игралъ въ Вѣнѣ свои полныя глубокой тоски произведенія, затѣмъ появились Тальбергъ, Ф. Листъ и др.

Въ области пластическихъ искусствъ во Франціи появилось направленіе, окончательная побѣда котораго повела къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ и въ Германіи. Почти исключительно господствовавшее во Франціи классическое направленіе, воплощенное Л. Давидомъ и его школой, повторяло предполагаемые идеальные типы, которые, по понятіямъ этого направленія, сознательно примѣнялись греческимъ искусствомъ, вмѣсто естественныхъ формъ. На основаніи извѣстныхъ въ то время остатковъ пластики установили законы построенія идеально прекрасныхъ линій, которые должны были оставаться въ силѣ и для живописи. Послѣднюю, такимъ образомъ, сдѣлали рабой рисунка, заставивъ ее покрывать красками и тѣнями нарисованное изображеніе. Противъ этого напра-

вленія, на которое любовное изученіе природы и подражаніе ея свѣтовымъ и красочнымъ эффектамъ наводили ужасъ, выступило сильное обратное теченіе. Пресыщеніе античными сюжетами и способами выраженія, воскресшій міръ чувствъ въ религіозно-христіанскомъ и индивидуалистическомъ отношеніи, чему способствовали сношенія съ поэтами, воскресшая любовь къ собственному прошлому, затѣмъ изученіе привезенныхъ въ Парижъ Наполеономъ иностранныхъ произведеній искусствъ, наконецъ, знакомство съ реалистическими созданіями современныхъ англійскихъ художниковъ,—всѣ эти причины дѣйствовали совмѣстно. Новаторы, которыхъ нерѣдко упрекали въ томъ, что они любятъ хвастать безобразіемъ, послѣ упорной борьбы сломили „академическую Бастилію". Послѣдователи этого такъ называемаго романтизма повинуются различнымъ импульсамъ. Но всѣ эти большіе художники были колористами. Это свойство, несмотря на различныя отклоненія, соединяло такихъ людей, какъ Энгръ, Жерико и величайшій изъ всѣхъ—Делакруа, мрачно-одинокій учитель, который въ первыхъ своихъ произведеніяхъ чаще всего изображалъ сильныя душевныя бури. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ упомянуть еще Делароша и Горація Верне.

Въ эту же эпоху появляются прелестныя произведенія художниковъ paysage intime, соединенныхъ потомъ въ школу Барбизона; значеніе ихъ заключается въ передачѣ настроенія. У такихъ художниковъ, какъ Гюо, Коро, Руссо и др., природа и искусство соединялись въ одно.

Въ пластикѣ Давидъ д'Анжеръ предавался преувеличеннымъ экспериментамъ, чтобы, какъ свидѣтельствуетъ его бюстъ Гёте, проявить душевную жизнь личности. Рядомъ съ нимъ достигъ большой славы реалистъ Рудъ.

Въ Англіи множество иностранныхъ произведеній искусствъ скрывалось у частныхъ владѣльцевъ. Въ 1816 г. былъ привезенъ въ Лондонъ фризъ Парѳенона. Страна имѣла цѣлый рядъ выдающихся художниковъ, изъ которыхъ только пейзажистъ Констэбль и портретистъ Лоренсъ своими выставками картинъ въ парижскомъ салонѣ имѣли вліяніе на европейское искусство. Слава Турнера, Миллэ и ихъ послѣдователей не выходила за предѣлы острова до тѣхъ поръ, пока въ срединѣ столѣтія прерафаэлитское направленіе не достигло болѣе широкаго распространенія.

Произведенія сѣвера и спеціально Германіи особеннаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ въ послѣдней трети этой эпохи художники этихъ странъ послѣ переоцѣнки всего стараго страстно принялись за изученіе и подражаніе французскимъ колористамъ.

Ученіе Винкельмана ожило въ созданномъ подъ вліяніемъ эллинскаго идеала красоты произведеніи геніальнаго живописца Асмуса Карстенса (умеръ въ 1798 г.), мысли котораго повліяли на зодчество и пластику. Возрожденіе классическаго идеализма въ живописи проявляется также въ идеализированномъ пейзажѣ Іосифа Коха (умеръ въ 1839 г.). Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ вліяніе романтическаго міровоззрѣнія.

Датчанинъ Торвальдсенъ, прожившій 45 лѣтъ въ Римѣ, видѣлъ въ открытыхъ въ то время греческихъ произведеніяхъ искусства вѣчные образцы и единственные способы выраженія для всякой пластики. Все его творчество

Всемірная исторія.

проникнуто этимъ духомъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, Христа въ соборѣ Богоматери въ Копенгагенѣ.

Хр. Ф. Раухъ въ Берлинѣ въ своемъ надгробномъ памятникѣ Луизѣ и статуяхъ героевъ освободительной войны сумѣлъ счастливо соединить идеальную греческую красоту съ неоспоримыми требованіями современной дѣйствительности. Неутомимый въ своемъ творчествѣ художникъ не остался безъ вліянія на талантливыхъ учениковъ скульптуры. К. Ф. Шинкель, по мнѣнію котораго художественное произведеніе должно было отражать въ себѣ нравственные идеалы своего времени, создалъ театръ и старый музей въ эллинскомъ вкусѣ. Если бы позволили средства, онъ весь Берлинъ преобразилъ бы въ духѣ подражанія тому же идеалу.

Нѣсколько напыщенный эллинизмъ праздновалъ также тріумфы при возведеніи великолѣпныхъ зданій въ Мюнхенѣ, предназначенныхъ королемъ Людовикомъ I для помѣщенія картинъ и скульптуры. Позднѣйшимъ превращеніемъ Мюнхена и Берлина въ художественные центры мы обязаны, главнымъ образомъ, живописи. Она ознакомилась со взглядами, сюжетами и формами романтики благодаря собраннымъ братьями Буассерэ картинамъ старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ, помѣщеннымъ окончательно въ Мюнхенѣ. Религіозное и національное настроеніе времени благопріятствовало такому развитію. Но еще задолго до этого въ Римѣ кружокъ воодушевленныхъ искусствомъ нѣмецкихъ юношей изъ разныхъ странъ отдавался новымъ значительнымъ вліяніямъ. Связанные церковно-религіознымъ чувствомъ, эти „назареи“ проходили мимо природы и старались достичь оздоровленія искусства не изученіемъ старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ, а усерднымъ подражаніемъ пламенной живописи Треченто въ Умбріи и Тосканѣ. Они поставили себѣ широкую цѣль: соединеніе живописи съ ваяніемъ въ духѣ старыхъ итальянцевъ; свидѣтельствомъ могутъ служить ихъ фрески въ Каза Бартольди (теперь въ Берлинѣ) и въ виллѣ Массими. Но на ихъ произведеніяхъ лежитъ печать какой-то мертвенности. Только одинъ изъ нихъ, Фридрихъ Овербекъ, для котораго искусство было лишь арфой, славящей Господа, сдѣлавшись католикомъ, погибъ для дальнѣйшаго развитія. Величайшій изъ этого кружка, Петръ Корнеліусъ, сначала въ Дюссельдорфѣ, затѣмъ, въ 1825 г., въ Мюнхенѣ (къ концу въ Берлинѣ), обезсмертилъ себя потрясающими произведеніями, обнаруживъ все богатство художественной мысли въ геніальныхъ характеристикахъ нѣкоторыхъ фигуръ. Хотя онъ и не былъ чуждъ высотъ античныхъ идеаловъ, но, оставаясь вѣрнымъ своимъ юношескимъ цѣлямъ, онъ до конца преслѣдовалъ задачи живописца-колориста. То же самое можно сказать объ его мюнхенскомъ коллегѣ Шнорръ фонъ-Карольсфельдѣ. Въ виду глубокаго вліянія личности и произведеній Корнеліуса на учениковъ и любителей избранный имъ путь оказался многозначительнымъ для дальнѣйшаго развитія нѣмецкаго искусства.

Наоборотъ, картины Дюссельдорфской школы, расцвѣтшей съ 1826 года, проникнуты мягкимъ лиризмомъ, а также игривымъ юморомъ. На нѣмецкомъ сѣверѣ романтическая черта эпохи проявилась въ области пейзажа въ такъ называемой живописи настроенія.

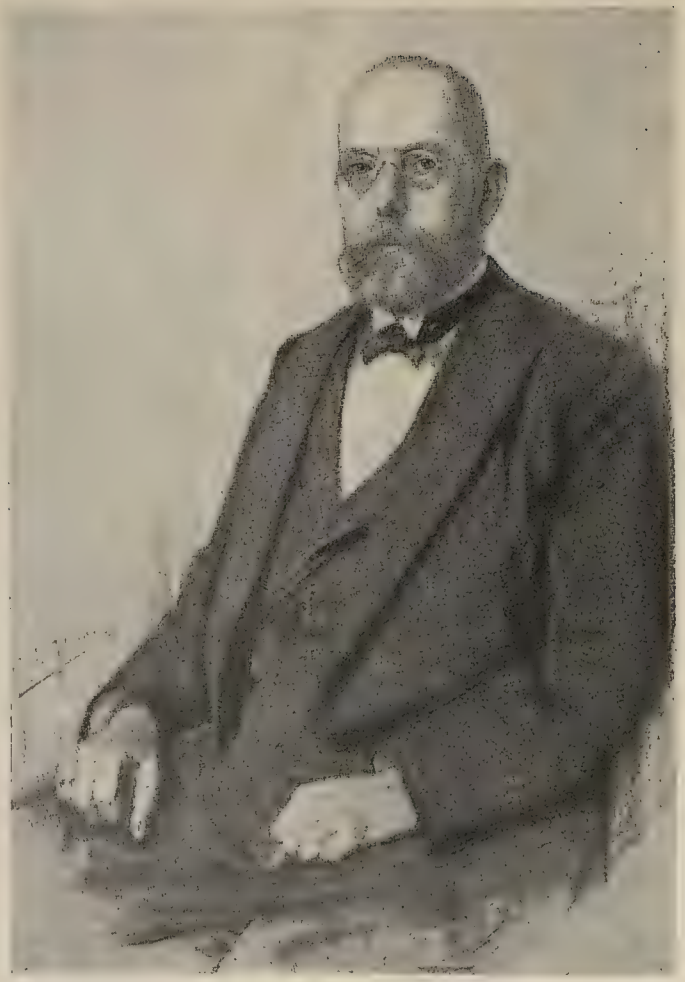
Въ послѣднюю эпоху ученикъ Корнеліуса, Каульбахъ, и ученикъ Коха, Фридрихъ Преллеръ, способствовали дальнѣйшему развитію искусства какъ въ отношеніи фигуръ, такъ и пейзажа. Въ Берлинѣ въ тиши созрѣвалъ реалистическій талантъ Адольфа Менцеля.

Къ такимъ разнообразнымъ результатамъ въ различныхъ странахъ привела борьба съ деспотизмомъ рутины и незыблемо установленныхъ требованій.

Въ области науки мы упоминали уже о философскомъ міровоззрѣніи и политическихъ государственныхъ теоріяхъ. Рядомъ съ ними въ эпоху мира въ области спеціальныхъ наукъ появляется необыкновенное множество геніальныхъ умовъ, выдающихся работниковъ на нивѣ знаній, литературы и практики.

Научные изслѣдователи вырвали изъ рукъ романтиковъ-дилетантовъ факелъ, которымъ они освѣщали міръ. Трудно себѣ представить, насколько расширился горизонтъ такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ, благодаря вліянію романтизма. Никогда не забудется, что сдѣлали для познанія права основатели исторической школы, прежде всего Савиньи, которые исходили изъ органическаго пониманія права Шеллинга, но на которыхъ сильно вліяли и взгляды романтиковъ на народную поэзію. Рядомъ съ филологіей, развившейся въ Германіи въ археологію, лучшимъ представителемъ которой является Бёкъ, выросло германское языковѣдѣніе, какъ плодъ любви къ національному. Съ равнымъ совершенствомъ обработаны Яковомъ Гриммомъ исторія языка и грамматика, древняя исторія права и наивнаго народнаго духа; рядомъ съ нимъ стоитъ Вильгельмъ Гриммъ и Лахманъ, критикъ „Пѣсни о Нибелунгахъ". Нѣмецъ Дицъ считается основателемъ филологіи романскихъ языковъ. Благодаря идущему изъ Англіи и принявшему въ Германіи широкіе размѣры подъ вліяніемъ Боппа изученію санскритскаго языка былъ проложенъ путь для новой науки—сравнительнаго изученія языковъ; въ то же время французы занялись египетской культурой и предприняли попытку разобрать клиновидное письмо. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ въ глубокомысленныхъ изслѣдованіяхъ доискивался таинственной связи между развитіемъ языковъ и человѣчества.

Преемниками Германіи сдѣлались другіе народы, которые прежде всего занялись собственно историческими изслѣдованіями. Заслуга романтически настроенныхъ умовъ, въ родѣ Тьери во Франціи и Фридриха Раумера въ Германіи, далеко уступаетъ тому, что, несмотря на всѣ его слабыя стороны, создалъ болѣе старый и весь проникнутый духомъ эпохи просвѣщенія историкъ Христофоръ Шлоссеръ. Но возрожденіе методологіи и ея превращеніе въ науку, которая вмѣстѣ съ современнымъ естествознаніемъ господствовала въ теченіе большей части XIX вѣка, принадлежитъ Нибуру. Воспользовавшись съ геніальной силой старой идеей, онъ своими творческими работами по римской исторіи показалъ, какъ при помощи сырого матеріала можно проникнуть въ событія прошедшихъ временъ. Онъ сдѣлалъ задачей историка—умственное представленіе событій въ ихъ взаимной связи. Л. Ранке, который въ 1824 г. создалъ цѣлую эпоху своимъ первымъ произведеніемъ, въ



РОБЕРТЪ КОХЪ.

ЛУИ ПАСТЕРЪ.

методологическомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, опирается на Нибура. Само по себѣ художественное воспроизведеніе старины проявлялось уже до него сильнѣе. Но никто раньше этого геніальнѣйшаго и плодовитѣйшаго историка такъ просто не разсѣялъ взгляда на исторію, какъ на слугу полемическаго богословія и права или какъ на средство эстетическаго воспитанія, сдѣлавъ это одной лишь фразой, гласившей,что важно лишь установить, какъ происходило событіе. Грѣшитъ тотъ, замѣтимъ кстати, кто изъ этихъ поистинѣ золотыхъ словъ хочетъ сдѣлать заключеніе, что Ранке недостаточно понималъ происхожденіе, развитіе событій.

Въ области географіи Карлъ Риттеръ указываетъ на связь между землей и ея обитателями. Естествоиспытательная эра въ географіи уже наступила. Благодаря впервые выставленной Кантомъ, но затѣмъ въ 1796 году механически и астрономически самостоятельно обоснованной Лапласомъ теоріи образованія нашей солнечной системы путемъ сжатыхъ массъ тумана, былъ пролитъ свѣтъ на самыя раннія фазы земли. Александръ ф. Гумбольдтъ въ 1827 г. разъяснялъ положеніе земли по отношенію къ вселенной въ своихъ лекціяхъ въ Берлинѣ, изложенныхъ потомъ въ „Космосѣ". Онъ способствовалъ развитію географіи, усердно обрабатывая свои путешествія и въ теченіе десятилѣтій поддерживая постоянныя сношенія съ различными учеными въ Парижѣ. Но историческая сторона этой дисциплины особенно вытѣсняется подъемомъ геологической науки. Взамѣнъ такъ называемой катастрофной теоріи Бюффона и Кювье появились остроумные взгляды англичанина Ляйэлля, по которымъ всегда дѣйствующія силы природы въ теченіе долгаго промежутка времени производятъ измѣненія на поверхности земли; примѣненіе генетической теоріи въ геологіи стало необходимымъ.

Идея развитія, столь плодотворно вліявшая на совокупность духовной жизни, завоевываетъ теперь и область біологіи. Тѣмъ не менѣе, во Франціи въ 1828 г. Кювье находилъ еще сочувствіе, защищая свою теорію множественности опредѣленныхъ типовъ царства животныхъ (противъ Жоффруа Сентъ-Илера, который въ болѣе широкомъ смыслѣ принялъ теорію Ламарка о развитіи организмовъ среди измѣняющихся условій существованія). Но соотвѣтствующее движеніе уже замѣчалось и въ анатоміи, и въ сравнительной анатоміи. Въ 1827 году величайшій эмбріологъ К. Ф. ф. Бэръ сдѣлалъ открытіе яйца млекопитающаго, годъ спустя начала появляться его исторія развитія животныхъ.

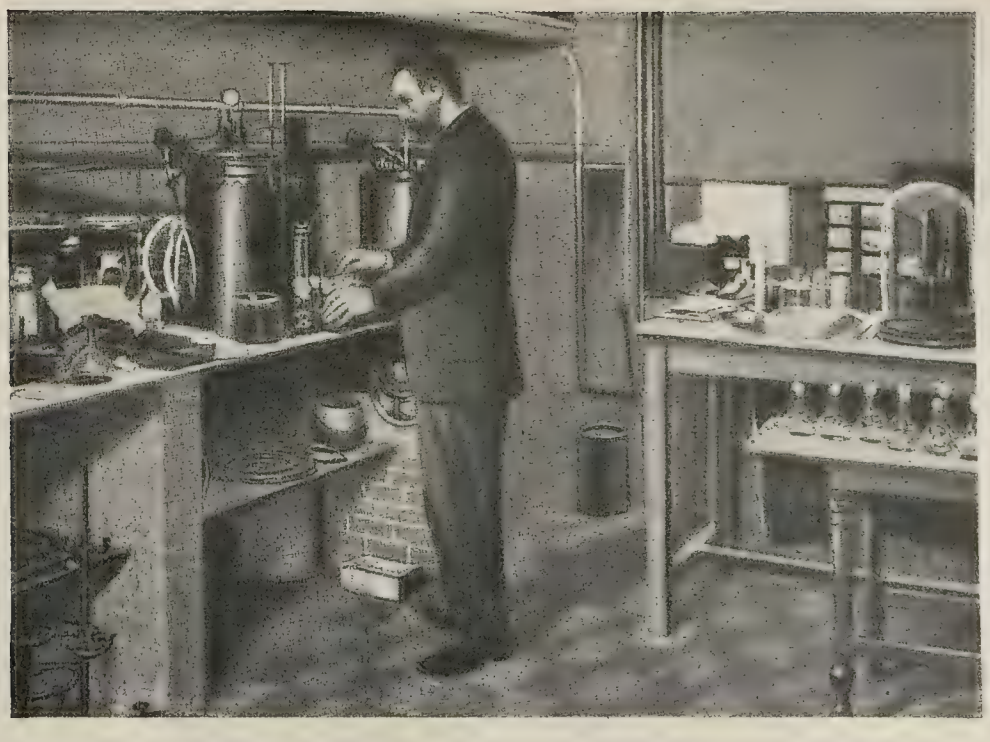
Въ чистой математикѣ высокоодаренные французы оказали въ этотъ періодъ времени важныя услуги наукѣ, развитію же механики способствовали труды профессоровъ политехнической школы. Творческая многосторонность Гаусса не сразу получила должную оцѣнку. Въ математикѣ замѣчательна его теорія чиселъ; своими астрономическими изслѣдованіями онъ чрезвычайно поднялъ точность наблюденія. Бессель наблюдалъ движеніе кометъ и путемъ вычисленій установилъ существованіе неизвѣстной планеты, которую удалось открыть французу Леверье.

Въ области физики замѣчательна теорія свѣтовыхъ колебаній француза Френеля, по которой всѣ свѣтовыя явленія представляются въ видѣ поперечныхъ

колебаній эѳира. Датчанинъ Эрстедъ въ 1820 г. путемъ опыта установилъ дѣйствіе электрическихъ токовъ на магниты. Затѣмъ Амперъ дошелъ до предположенія о полнѣйшемъ взаимодѣйствіи электрическихъ токовъ и магнитовъ и, слѣдовательно, о существованіи одной общей силы природы (электро-динамическій законъ). Послѣ дальнѣйшихъ открытій Араго, Ома и др. геніальный Фарадей взялъ за исходную и конечную точку новыхъ изслѣдованій въ электрической и другихъ областяхъ—взаимную способность превращенія силъ природы. Два нѣмца—Гауссъ и В. Веберъ, устроивъ въ 1833 г. въ Геттингенѣ первый электрическій телеграфъ, шагнули далеко впередъ въ практикѣ электромагнитизма. Ни одинъ изслѣдователь не могъ теперь обходить безъ вниманія сосѣднія области. Если физикъ Фарадей извѣстенъ открытіями въ области химіи, то можно считать, что учитель его Дэви впервые привелъ въ тѣсную связь обѣ эти науки, установивъ химическія дѣйствія электрическаго тока. Далѣе слѣдуютъ новое обоснованіе химіи Лавуазье, ученіе о химическихъ пропорціяхъ и дальтоновская теорія атомовъ, причемъ развитіе науки совершалось не безъ вліянія требованій практической жизни, и, наоборотъ, послѣднія росли по мѣрѣ побѣдоноснаго шествія впередъ науки. Заслуги изслѣдователя Дэви и Гей-Люссака превзошелъ шведъ Берцеліусъ, сдѣлавъ весьма много въ области анализа органической и неорганической матеріи, дальнѣйшаго развитія электрохиміи, изслѣдованія химическихъ пропорцій и нахожденія атомнаго вѣса.

Ученики Берцеліуса ввели его принципы и способы изслѣдованія въ Германіи. Но выше всѣхъ остальныхъ слѣдуетъ поставить геніальнаго Ю. Либиха (съ 1824 г. въ Гиссенѣ), который довелъ науку до самаго высокаго развитія и въ то же время своими открытіями значительно подвинулъ впередъ практическую работу.

Значительные успѣхи за изучаемое время сдѣлала медицина, освободившись постепенно отъ рутины традиціонныхъ системъ и отъ вредной власти субъективнаго сумасбродства и принявъ естественно-научные методы. Почетное первенство принадлежитъ французской наукѣ, которая въ своемъ неуклонномъ стремленіи къ истинѣ отрѣшилась отъ витализма Биша и отъ соблазнительной теоріи возбудимости Бруссэ, послужившей, между прочимъ, основаніемъ для слишкомъ частыхъ кровопусканій въ терапіи. Мажанди первый потребовалъ примѣненія экспериментальнаго метода въ патологіи и терапіи. Пользующійся заслуженной извѣстностью Лаэннекъ явился создателемъ патологической анатоміи и ея клиническаго примѣненія. Ему принадлежитъ правильное примѣненіе перкутированія и открытіе аскультаціи. Вліяніе на родственныя дисциплины и привлеченіе многочисленныхъ учениковъ служили залогомъ дальнѣйшаго развитія парижской школы. Правда, вліятельное французское направленіе приняло односторонній характеръ и не дало, напр., въ этіологіи, дальнѣйшихъ успѣховъ. Въ Англіи въ 1824 г. Карлъ Белль опубликовалъ сенсаціонныя изслѣдованія о функціяхъ нервовъ спинного мозга. Галль и нѣмецъ Іоганнъ Мюллеръ могли на этомъ фундаментѣ развить впослѣдствіи ученіе о рефлекторныхъ движеніяхъ. Работы Брайта о болѣзняхъ почекъ заслужили всемірную славу. Здѣсь, какъ и въ Америкѣ, френологія Галля имѣла много сторонниковъ. Въ Германіи



Изготовленіе противочумной сыворотки докторомъ Ру въ лабораторіи Пастеровскаго института.

Дж. ЛИСТЕРЪ.

К. РЁНТГЕНЪ.

М. ПЕТТЕНКОФЕРЪ.

въ двадцатыхъ годахъ туманы натурфилософскихъ умозрѣній, напр., въ произведеніяхъ столь выдающагося человѣка, какъ Окенъ, ввели въ заблужденіе науку и практику. До чего можно было дойти, показываетъ успѣхъ открытой Ганеманомъ гомеопатіи въ двадцатыхъ годахъ. Сколько времени потребовалось, чтобы здѣсь пріучились къ физическому методу изслѣдованія парижской школы. Лишь въ области акушерства Негеле сталъ достаточно рано примѣнять по отношенію къ механизму родовъ анатомически-физіологическіе принципы. То, что было отмѣчено относительно Франціи, еще въ гораздо большей степени касается Германіи, а именно: развитіе естествознанія лишь гораздо позже привело къ перевороту въ практической медицинѣ.

Австрійская и русская государственныя печати на актѣ заключенія Священнаго Союза.

Оригиналы находятся въ Королевскомъ Тайномъ Государственномъ Архивѣ въ Берлинѣ.

10. Переворотъ 1830 года во Франціи и Европѣ.

Безразсудный и противозаконный актъ произвола, выразившійся въ ордоннансахъ 25 іюля 1830 года, которымъ Карлъ X ограничилъ избирательное право и уничтожилъ свободу печати, лишилъ Францію не свободныхъ государственныхъ учрежденій, а какъ-разъ наоборотъ—законной династіи. Парижская революція 26—29 іюля явилась дѣломъ рукъ учащейся молодежи и, подобно ей, республикански настроенныхъ рабочихъ съ наборщиками во главѣ, которые восторжествовали надъ военными силами ослѣпленнаго короля. Правда, получивъ извѣстіе о неудачѣ маршала Мармона, король уже 29 іюля взялъ назадъ ордоннансы и намѣтилъ популярное министерство съ герцогомъ Мортемаромъ во главѣ [1]). Но онъ дѣйствовалъ неискренне и нерѣшительно и продолжалъ втайнѣ до конца первой недѣли августа пользоваться совѣтами членовъ министерства Полиньяка. Этимъ была устранена послѣдняя возможность соглашенія, которое, вѣроятно, могло бы состояться 29, даже послѣ побѣды революціи,

---

[1]) Тревожныя извѣстія маршала Мармона (потеря 2500 человѣкъ, переходъ одного полка въ лагерь повстанцевъ, изображеніе общаго положенія словами: ce n'est plus une émeute, c'est une révolution) не могли повліять 28 іюля на Карла, который отдалъ маршалу приказъ: tenir bon; лишь 29 іюля, когда назначенный на мѣсто Мармона герцогъ Ангулемскій извѣстилъ короля, что Парижъ безнадежно потерянъ (perdu sans espoir), Карлъ согласился сдѣлать указанныя уступки. *Ред.*

А. Тьеръ
Казимиръ Перье
Лафайетъ
Луи Филиппъ Орлеанскій
Переворотъ 1830 г. во Франціи

при условіи отреченія короля и дофина въ пользу регентства надъ восьмилѣтнимъ герцогомъ Бордосскимъ. Когда объ этомъ объявили 2 августа, было уже поздно.

Рано утромъ 30 іюля молодой Тьеръ, редакторъ „National", больше всѣхъ содѣйствовавшій 28 іюля сопротивленію прессы ордоннансамъ и организаціи пассивнаго сопротивленія вообще, но державшійся въ сторонѣ во время столкновенія народа съ войсками, въ манифестѣ, расклеенномъ на улицахъ, указалъ на герцога Орлеанскаго какъ на человѣка, который будетъ чтить національные цвѣта и хартію.

Тьеръ, давно уже настроенный въ пользу орлеанской линіи, вѣрилъ, на основаніи внѣшняго сходства событій, что Франція пойдетъ по пути Англіи 1688 г., если для спасенія монархіи и свободы будетъ возведенъ на фактически уже вакантный тронъ ближайшій по праву престолонаслѣдія принцъ. При этомъ Тьеръ и его единомышленники находились подъ вліяніемъ опасеній, которыя имъ внушали республиканскіе планы побѣдителей, засѣдавшихъ въ городской ратушѣ Парижа и имѣвшихъ выдающагося предводителя въ лицѣ старика Лафайета, попрежнему назначеннаго главнокомандующимъ національной гвардіей. Населеніе исполинскаго города все еще дрожало отъ возбужденія и, не выпуская изъ рукъ оружія, стояло на стражѣ своихъ баррикадъ, опасаясь, быть-можетъ, столько же партіи умѣренныхъ, сколько и возобновленія атакъ со стороны роялистовъ, тѣмъ временемъ значительно усилившихся въ Сенъ-Клу. Быстрое возстановленіе правильной гражданской власти представлялось поэтому наиболѣе насущной необходимостью. Указанное выше образцовое воззваніе быстро повело къ образованію дѣятельной орлеанской партіи, къ которой принадлежали, въ числѣ другихъ, банкиръ Лафиттъ, Казиміръ Перье, генералъ Себастіани, герцогъ Брольи. Эта группа, опираясь на довѣріе широкихъ круговъ населенія къ Луи-Филиппу, дѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы затруднить соглашеніе со старымъ дворомъ.

Луи-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, укрылся въ одинъ изъ своихъ охотничьихъ замковъ отъ нежелательныхъ для него въ то время предложеній какъ съ правой, такъ и съ лѣвой стороны. Его честолюбіе, постоянно сдерживаемое разумной осторожностью, предписывало ему выжидать, каковы будутъ послѣдствія сопротивленія Парижа государственному перевороту, которое онъ въ душѣ одобрялъ. Вечеромъ 30 іюля онъ получилъ извѣстіе, что группа избранныхъ депутатовъ, собравшись въ Бурбонскомъ дворцѣ, приглашаетъ его принять на себя функцію намѣстника королевства.

Подъ давленіемъ обстоятельствъ Луи-Филиппъ утромъ 31 іюля прибылъ въ свой Пале-Рояль. Въ тотъ же день онъ объявилъ прокламаціей, что онъ принимаетъ должность намѣстника королевства, и послѣ этого отправился въ городскую ратушу въ сопровожденіи депутатовъ. И Лафайетъ далъ себя привлечь на сторону этого принца въ надеждѣ окружить его управленіе республиканско-демократическими учрежденіями. Оба они показались народу рука-объ-руку, осѣненные трехцвѣтнымъ знаменемъ.

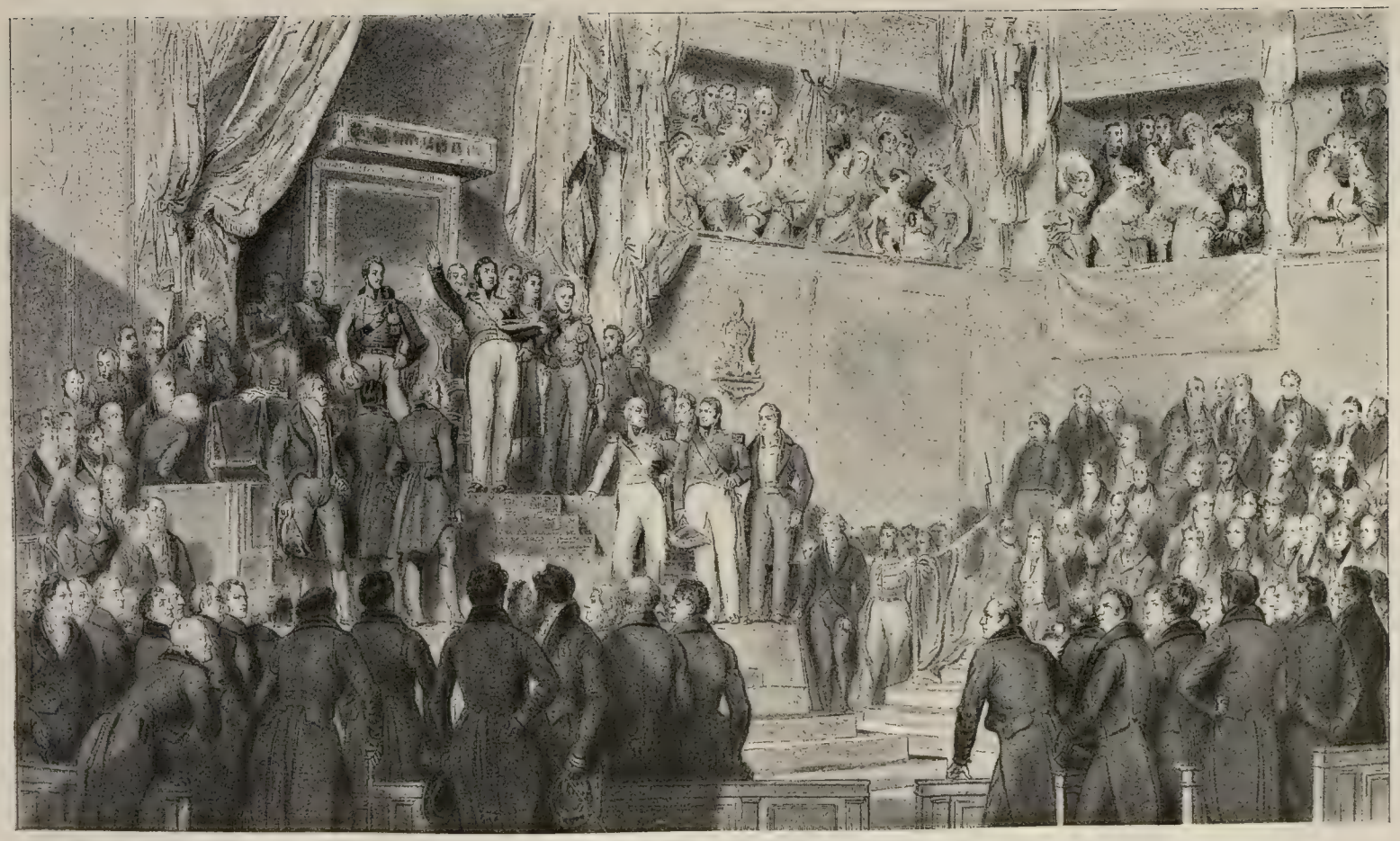
Этимъ, по крайней мѣрѣ, была создана власть для столицы, къ которой присоединились почти всѣ безъ исключенія департаменты.

Съ своей стороны Карлъ X, повинуясь необходимости, 1 августа поручилъ должность намѣстника королевства своему нелюбимому двоюродному брату, а 2 августа, послѣ дальнѣйшаго обостренія отношеній, онъ вмѣстѣ съ дофиномъ отрекся отъ престола въ пользу своего внука, герцога Бордосскаго. Вмѣстѣ съ извѣщеніемъ объ этомъ имъ было отправлено намѣстнику требованіе провозгласить королемъ малолѣтняго Генриха V. Но по совѣту своихъ приверженцевъ Луи-Филиппъ не измѣнилъ, подъ вліяніемъ этихъ шаговъ короля, занятаго имъ положенія. Повторныя торжественныя завѣренія Луи-Филиппа, что онъ по мѣрѣ силъ будетъ поддерживать права герцога Бордосскаго на престолъ, подъ именемъ Генриха V, такимъ образомъ, оставались для него въ силѣ лишь до момента заключенія договора съ партіями, представителемъ которыхъ являлся Лафайетъ. Казалось невозможнымъ даже на время заставить революціонныя силы служить дѣлу порядка, если герцогъ Орлеанскій будетъ не болѣе чѣмъ законнымъ опекуномъ малолѣтняго Бурбона, который еще ходилъ на помочахъ у своей матери, строгой легитимистки, герцогини Беррійской. При всемъ своемъ стремленіи быть корректнымъ Луи-Филиппъ, подъ вліяніемъ удачнаго исхода своихъ предпріятій и безпрестанныхъ просьбъ своей семьи, очень скоро обратилъ свои взоры на достиженіе болѣе высокой цѣли.

Путь къ престолу онъ открылъ для себя 3 августа, когда, будто бы въ качествѣ тѣлохранителя своего внука, сдѣлалъ попытку помощью вооруженной силы прогнать изъ Сенъ-Клу экс-короля съ войсками, остававшимися ему вѣрными. И въ тотъ же день онъ сообщилъ въ открытомъ имъ засѣданіи палатъ объ отреченіи короля и дофина, умолчавъ, однако, о той части акта, которая гласила, что отреченіе обоихъ совершено въ пользу герцога Бордосскаго. Приверженцы суверенитета не считались съ фиктивной вакантностью престола вслѣдствіе удаленія изъ предѣловъ Франціи всей королевской фамиліи, и по ихъ толкованію королевская корона была передана 9 августа Луи-Филиппу, какъ королю французовъ, волей народа. Такимъ образомъ, Луи-Филиппъ вступилъ на престолъ не въ силу собственнаго права, но на основаніи договорныхъ статей хартіи, соблюденіе которой было подтверждено клятвой; самая же хартія была объявлена подъ охраной національной гвардіи и всѣхъ гражданъ.

Новая орлеанская монархія, символомъ которой было національное трехцвѣтное знамя, какъ и монархія въ Англіи послѣ 1688 г., не могла ни отмѣнять законовъ, ни пріостанавливать ихъ дѣйствіе, но, за исключеніемъ этого, королю предоставлялась полнота исполнительной власти, включая и назначеніе министровъ. Католицизмъ сталъ не государственной религіей, а просто вѣроисповѣданіемъ большинства. Въ качествѣ возможныхъ реформъ для ближайшаго законодательства были опредѣленно намѣчены: уничтоженіе наслѣдственнаго пэрства и пониженіе избирательнаго ценза съ 300 франковъ до 200.

Правительство вынуждено было отнынѣ опираться не на дворянство и духовенство, но на классъ имущей буржуазіи, которая видѣла въ возведеніи на престолъ „буржуазнаго короля“ свой собственный тріумфъ. Отсюда и возникли политическія притязанія буржуазіи; въ неустанной борьбѣ съ ними изъ-за власти проявлялась честолюбивая и своевольная личность Луи-Филиппа. Бла-



Луи-Филиппъ, король французовъ, приноситъ 9 августа 1830 г. присягу въ вѣрности конституціи.

годаря такому одностороннему напряженію силъ правительства, занятаго этой борьбой, республиканская рабочая партія, лишенная плодовъ побѣды 1830 г. и первоначально совершенно подавленная (въ 1837 г.), имѣла затѣмъ возможность въ тиши собирать силы для уничтоженія іюльской монархіи.

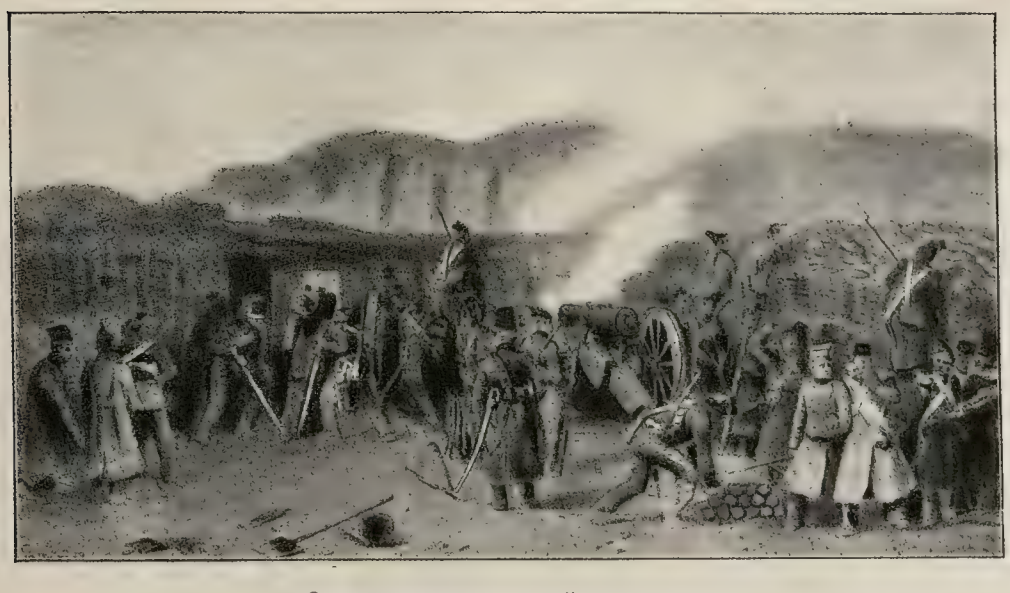
Признаніе новаго короля со стороны Европы послѣдовало сравнительно быстро. Луи-Филиппъ заслужилъ честь быть принятымъ въ концертъ державъ за ту рѣшительность, съ которой онъ въ лицѣ борцовъ за парламентаризмъ сдерживалъ пропаганду ихъ идей внѣ Франціи и ихъ завоевательныя стремленія. Сознаніе непрочности своего свѣже-сколоченнаго трона накладывало на всѣ его дѣйствія въ первые годы отпечатокъ извѣстной корректной сдержанности. Такъ, онъ помогалъ устранять опасность всеобщей войны изъ-за договоровъ 1814 г. вслѣдствіе отпаденія Бельгіи отъ оранской короны, дѣйствуя въ духѣ миролюбія до тѣхъ поръ, пока взрывъ революціи въ Польшѣ не отвлекъ въ сторону воинственную страсть къ вмѣшательству его легитимистскаго антипода, царя Николая.

Несомнѣнно, что въ интересахъ бельгійской революціи, вспыхнувшей въ Брюсселѣ 25 августа 1830 г., былъ, какъ нельзя болѣе кстати, страхъ, овладѣвшій кабинетами въ первые моменты послѣ переворота, имѣвшаго мѣсто во Франціи. Коренныя измѣненія въ отношеніяхъ между голландской и бельгійской національностями, связанными произволомъ великихъ державъ въ 1814 г. въ одно Соединенное Нидерландское королевство, уже давно носили угрожающій характеръ. Какое значеніе могло имѣть бывшее подчиненіе одной и той же династіи по сравненію съ рознью, основанной на племенномъ происхожденіи и религіи, на старыхъ воспоминаніяхъ и жизненныхъ интересахъ! Чѣмъ больше во время великой революціи крѣпло среди бельгійцевъ и голландцевъ понятіе о единомъ государствѣ въ противоположность бывшей самостоятельности отдѣльныхъ провинцій, тѣмъ рѣзче становились отношенія между обоими народами. Своеобразность голландцевъ и въ осбенности личность и политика оранскаго короля Вильгельма I, не могли не давать бельгійцамъ чувствовать, что ими воспользовались вопреки ихъ интересамъ, просто какъ массой для увеличенія государства оранскаго дома. Бельгійцы считали себя обиженными какъ составомъ общихъ генеральныхъ штатовъ при безотвѣтственности голландскихъ министровъ, такъ и ограниченіемъ своихъ правъ на поприщѣ гражданской и военной службы и въ отношеніи обложенія и судопроизводства. Произволъ со стороны правительства по отношенію къ печати сдѣлалъ недѣйствительнымъ и этотъ предохранительный клапанъ. Недовольство католическаго духовенства уравненіемъ его правъ съ кальвинистами увеличивало разладъ въ странѣ, въ особенности, когда правительство, не довольствуясь насажденіемъ государственныхъ народныхъ школъ, задумало подчинить себѣ и образованіе молодыхъ духовныхъ лицъ при посредствѣ философской коллегіи въ Лувенѣ (въ 1825 г.). Классическимъ примѣромъ послѣдствій неразумной творческой дѣятельности и промаховъ правителей можетъ служить тотъ фактъ, что съ 1828 г. клерикалы и враждебные церкви либералы соединились въ одинъ союзъ противъ правительства. Одни внесли въ этотъ союзъ лозунгъ „свободы

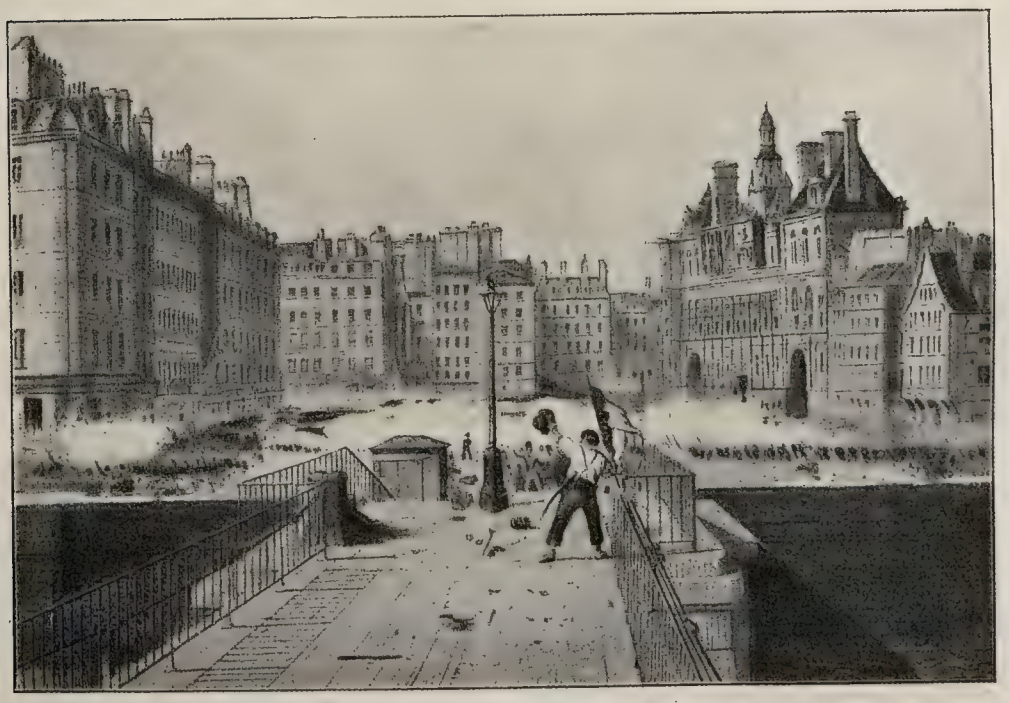
преподаванія", другіе—требованіе свободы печати; главами этого союза были клерикалъ де Мероде и демократъ де Поттеръ. Это было первой практической попыткой младо-ультрамонтановъ заставить духовное оружіе новаго времени—печать и право союзовъ—служить своимъ частнымъ интересамъ.

Обострившееся положеніе вскорѣ привело къ образованію союза для обезпеченія чиновниковъ, подвергнутыхъ правительствомъ репрессіямъ; въ апрѣлѣ 1830 г. иниціаторы этого союза были осуждены на изгнаніе. Горячія головы считали эту мѣру административнымъ произволомъ, тѣмъ болѣе, что упрямый король Вильгельмъ никогда не обнаруживалъ никакой снисходительности. При такомъ страстномъ возбужденіи не удивительно, что, спустя четыре дня послѣ „великой недѣли" въ Парижѣ, въ Брюсселѣ вспыхнуло безцѣльное возстаніе, сопровождавшееся всякаго рода насильственными дѣйствіями и вскорѣ вызвавшее отголосокъ въ Лувенѣ, Люттихѣ, Брюгге, Турнэ и т. д. Личное посредничество принца Оранскаго, предлагавшаго лишь простое административное раздѣленіе обѣихъ странъ, оказалось столь же тщетнымъ, какъ и послѣдовавшее нѣсколько недѣль спустя вооруженное вмѣшательство его брата. Радикальные элементы все болѣе и болѣе брали верхъ, благодаря притоку волонтеровъ изъ Франціи и другихъ мѣстъ. Съ самаго начала голландскіе государственные цвѣта были замѣнены брабантскими. Временное правительство въ Брюсселѣ пользовалось авторитетомъ и внѣ Брюсселя, совѣщанія же генеральныхъ штатовъ въ Гаагѣ не производили на страну никакого впечатлѣнія. Бельгійскіе солдаты начали переходить на сторону возставшихъ, большая часть крѣпостей была уже въ ихъ рукахъ. Послѣднія усилія принца Оранскаго сохранить за собой Бельгію оказались безуспѣшными вслѣдствіе упорства короля. И послѣ того, какъ генералъ Шассэ счелъ необходимымъ подвергнуть возставшій городъ Антверпенъ обстрѣлу изъ цитадели, всякаго рода унія между Голландіей и Бельгіей стала уже совершенно невозможной.

Въ ноябрѣ 1830 г. національный конгрессъ, созванный въ Брюсселѣ, провозгласилъ независимость Бельгіи въ формѣ конституціонной монархіи съ устраненіемъ оранскаго дома, но съ оставленіемъ неприкосновеннымъ права короля на Люксембургъ, входившій въ германскій союзъ (22 ноября). Великія державы съ согласія Голландіи и Бельгіи стали разсматривать этотъ вопросъ на конференціи, созванной въ Лондонѣ для урегулированія греческихъ дѣлъ. 20 декабря конференція признала независимость Бельгіи. Но тутъ начался рядъ затрудненій. Договоръ, состоявшій изъ 18 статей, какъ впослѣдствіи договоръ изъ 24-хъ, въ которыхъ проводились основныя черты раздѣленія обоихъ государствъ, въ теченіе многихъ лѣтъ не былъ признанъ Голландіей, а король Вильгельмъ прибѣгъ, съ цѣлью его нарушенія, даже къ силѣ оружія, чѣмъ едва не вызвалъ общій пожаръ. Послѣ того какъ конференція установила нейтралитетъ королевства Бельгіи, выборъ бельгійцевъ съ согласія державъ, послѣ отклоненія другихъ кандидатуръ, остановился въ іюлѣ 1831 г. на принцѣ Леопольдѣ Кобургскомъ, который въ слѣдующемъ году вступилъ въ бракъ съ дочерью короля французовъ. Леопольдъ принялъ какъ вышеупомянутыя статьи, такъ и конституцію, установленную національнымъ конгрессомъ



Осада антверпенской цитадели.



Штурмъ моста Арколь утромъ 29 іюля 1830 г.

25 февраля 1831 г. и присягнулъ имъ; но окончательное соглашеніе съ Голландіей состоялось лишь въ 1839 г. Названная конституція не признаетъ никакой королевской власти, кромѣ вытекающей изъ самой конституціи. § 78 гласитъ: „Всякая власть исходитъ отъ народа". Леопольдъ заслужилъ политическую славу тѣмъ, что сумѣлъ быть строго-конституціоннымъ государемъ. При выборахъ въ палаты, основанныхъ на цензѣ въ 20 гульденовъ, богомольные католики и свободомыслящіе боролись между собой безъ всякихъ промежуточныхъ группировокъ. Первоначальный договоръ, заключенный между обоими этими направленіями ради общей борьбы, отразился и въ самомъ перечисленіи правъ. Тутъ рядомъ съ отвѣтственностью министровъ и безпрепятственнымъ обжалованіемъ должностныхъ лицъ, рядомъ съ гражданскими установленіями, судомъ присяжныхъ, свободой собраній, союзовъ и печати, значится прославленная свобода преподаванія, т.-е. признаются корпораціонныя школы на ряду съ государственными. Само собой разумѣется, что въ этомъ государственномъ строѣ совершенно упразднялась верховная власть государства надъ церковными общинами, хотя церковнослужители, тѣмъ не менѣе, получали жалованье отъ государства.

Въ этой конституціи, возбуждавшей восторгъ и подражаніе, заключается всемірно-историческое значеніе бельгійской революціи. Что касается польской революціи того же года, то ея всемірно-историческое значеніе обусловливалось послѣдовавшей за ней эмиграціей въ Парижъ, Лондонъ, Брюссель и т. д. массы патріотовъ, которымъ въ большей или меньшей степени угрожала опасность. Согласно ученію Мицкевича, эти патріоты считали своимъ призваніемъ повсемѣстно лично вступать въ борьбу съ правительственнымъ гнетомъ. Такимъ образомъ, въ послѣдующія десятилѣтія изъ нихъ образовался въ нѣкоторомъ родѣ летучій революціонный корпусъ.

Давно уже глухое броженіе предвѣщало революцію въ Польшѣ, и теперь она вспыхнула въ Варшавѣ 29 ноября 1830 г., вызванная извѣстіями о планахъ царя выступить противъ Франціи. Отсюда, благодаря слабости великаго князя Константина, очистившаго вмѣстѣ съ русскими войсками страну, она распространилась въ нѣсколько недѣль по всей русской Польшѣ. Къ возставшимъ присоединились войска; крѣпости и казна достались имъ въ руки. Въ Литвѣ пламя вспыхивало въ отдѣльныхъ мѣстахъ, и хотя возставшихъ поддерживали Краковъ, Галиція, Познань, однако, Австрія, какъ и Пруссія, стоя на точкѣ зрѣнія международнаго права, не признавали ни одного изъ возникавшихъ революціонныхъ правительствъ, которые сами собой быстро распадались. Движеніе, однако, было несомнѣнно національнымъ; по мѣрѣ его развитія расширялась программа, и было выставлено крайнее требованіе о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. Однако, руководящія партіи, аристократическая, представителемъ которой былъ князь Адамъ Чарторыйскій, и демократическая, представленная профессоромъ Лелевелемъ, не могли сговориться между собой ни въ отношеніи дѣйствій, ни въ отношеніи личностей. Несмотря на благопріятное начало возстанія, не успѣли, однако, во-время облегчить положеніе крайне угнетеннаго крестьянства, и естественно, что воодушевленіе не проникло въ глубину населе-

нія. Хотя на сеймѣ 25 января 1831 г. партіи рѣшились объявить низложеніе царствующаго въ Россіи дома, тѣмъ не менѣе слабость арміи и холерная эпидемія, въ то время впервые проникшая въ среднюю Европу, еще разъ заставили фельдмаршала Дибича, побѣдителя при Остроленкѣ, пріостановить дѣйствія. Однако, при всѣхъ самопожертвованіяхъ со стороны пылкой молодежи, возстаніе безъ поддержки извнѣ не могло имѣть успѣха. А этой поддержки возставшіе тщетно ожидали, несмотря на симпатіи Лафайетта и его кружка, равно какъ и на восхищеніе Польшей всѣхъ либераловъ Европы, выразившееся въ сотняхъ поэтическихъ произведеній того времени. 21 іюля фельдмаршалъ Паскевичъ съ своимъ войскомъ, подкрѣпленнымъ гвардіей, при поддержкѣ предметами оборудованія со стороны прусскаго правительства, перешелъ черезъ Вислу. Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ 8 сентября Варшава была взята штурмомъ, а къ концу октября было подавлено всякое сопротивленіе во всей странѣ. Послѣднія польскія силы были оттѣснены за австрійскую или прусскую границы, гдѣ ихъ заставляли сдавать оружіе. Такимъ образомъ, независимости Польши еще разъ былъ положенъ конецъ послѣ девятимѣсячной борьбы.

Органическій статутъ 1832 г., дальнѣйшіе указы и правительственныя дѣйствія крѣпко приковали къ Россіи Польшу, за которой лишь на нѣкоторое время сохранили названіе особаго королевства. Правда, національный языкъ былъ признанъ офиціальнымъ, но отъ собственныхъ министровъ, сейма, отъ польской арміи не осталось и слѣда. Намѣстникъ Польши князь Паскевичъ безпощадно водворялъ господство Россіи путемъ перевода офицеровъ польской арміи въ русскіе полки, расположенные во внутреннихъ губерніяхъ, а также путемъ жестокихъ репрессій и стѣсненія польскаго просвѣщенія. Благодаря крайне ограниченнымъ размѣрамъ амнистіи, тысячи поляковъ, чувствовавшихъ себя скомпрометированными или дѣйствительно скомпрометированныхъ, старались найти себѣ безопасное убѣжище за предѣлами Россіи и тамъ готовились ко дню отомщенія. Благодушные западные либералы чествовали въ ихъ лицѣ мучениковъ свободы и своихъ соратниковъ по борьбѣ съ тираніей.

Въ Италіи революція 1830 г. вызвала лишь мимолетное потрясеніе, но и оно было ясно ощутимо для болѣе проницательныхъ людей. Австрія путемъ вооруженнаго вмѣшательства въ Моденѣ и Пармѣ, равно какъ и въ папской области, безъ труда подавила возстаніе. Попытка державъ дать нѣсколько болѣе современныя формы государственному строю въ папской области не увѣнчалась успѣхомъ. Въ результатѣ послѣ вторичной оккупаціи Болоньи бѣлыми мундирами, французы поспѣшили обезпечить себѣ противовѣсъ, занявъ въ папскихъ владѣніяхъ Анкону (до 1838 г.).

11. Германія, Швейцарія до 1840 и Англія до 1848 года.

Въ Германіи революція послужила толчкомъ для проведенія реформъ, изъ-за которыхъ уже раньше шла борьба въ отдѣльныхъ ландтагахъ. Волей-неволей легитимистскія правительства должны были признать послѣд-

ствія революціи, изгнавшей изъ герцогства Брауншвейгскаго очень непріятнаго члена семьи германскихъ принцевъ, герцога Карла, замѣщеннаго своимъ ближайшимъ родственникомъ, герцогомъ Вильгельмомъ. Такъ какъ Брауншвейгъ теперь уже имѣлъ счастье пользоваться либеральной конституціей, то по усмиреніи безпорядковъ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ саксонское королевство сдѣлало шагъ къ конституціонному образу правленія; послѣ революціонныхъ потрясеній Гессенъ, съ своей стороны, усматривалъ въ конституціи съ либеральными гарантіями поистинѣ необходимое оборонительное орудіе противъ правительственныхъ злоупотребленій. Слишкомъ рано забыли теперь, какъ сильно здѣсь страдали отъ чисто-личныхъ соображеній интересы страны и благополучіе отдѣльныхъ ея гражданъ. Наконецъ, послѣ отставки графа Мюнстера и аристократическій Ганноверъ открылъ себѣ путь къ реформѣ. Въ 1833 г. съ соблюденіемъ полной законности была составлена и введена конституція, которая обезпечила странѣ порядокъ въ государственной экономіи и дала представителямъ недворянскихъ сословій почти рѣшающую роль въ ландтагѣ. Конечно, привилегированному дворянству такое усиленіе имущей и просвѣщенной буржуазіи долго было не по вкусу. Это замедляло ходъ реформы, пока буря не пріостановила ея окончательно. Пруссія, за исключеніемъ Мекленбурга, еще и въ это время не допускала у себя эволюціи въ конституціонномъ духѣ, точно также она не считалась и съ національными теченіями. Имѣя въ лицѣ Австріи весьма выгодную точку опоры, Пруссія чувствовала себя за ея спиной настолько спокойно, что даже упустила случай подчинить своему вліянію путемъ своего объединенія съ Баваріей военную организацію Германіи. Между тѣмъ, существеннымъ поводомъ для такого шага было широко распространенное опасеніе, что революціонная Франція вновь выступитъ на Рейнѣ въ роли покровительницы демократическихъ народныхъ требованій. Но разъ Австрія оставалась внѣ Германіи, а Пруссія не хотѣла быть германской, нетерпѣливому чувству патріотизма отдѣльныхъ лицъ ничего другого не оставалось, какъ развертывать на парадныхъ торжествахъ черно-красно-золотое знамя или, самое большее, вносить въ ландтагъ предложеніе о созывѣ германскаго парламента. Въ дѣйствительности сознаніе необходимости конституціонныхъ гарантій свободы личности въ то время было значительно болѣе развито, нежели готовность поступиться своимъ національнымъ чувствомъ. Нужно было имѣть много мужества, чтобы, подобно швабу Полю Пфицеру (переписка двухъ нѣмцевъ), выдвигать въ качествѣ постулата нашей исторіи возстановленіе германскаго единства при посредствѣ прусскаго королевства. Лишь единичные дальновидные люди, какъ творецъ ганноверской конституціи профессоръ Дальманъ въ Геттингенѣ и голландскій генералъ Фридрихъ фонъ-Гагернъ, родомъ изъ германскаго дворянства, осмѣливались намѣчать подобныя цѣли. Въ южной Германіи еще недостаточно ясно понимали въ то время сущность прусскаго государства и потому относились къ нему весьма неблагосклонно. Но такъ какъ Пруссія рѣдко раскрывала сокровищницу тѣхъ силъ, которыми она располагала въ отношеніи Германіи, то создалась привычка вообще не вѣрить въ нее. Поразительные успѣхи прусской таможенной системы не сдѣлали въ этомъ отношеніи никакихъ пе-

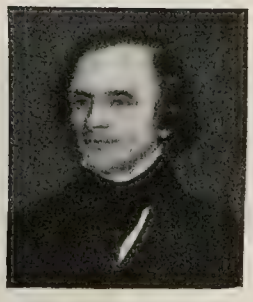
ремѣнъ. Послѣ присоединенія Гессена къ прусско-дармштадтскому таможенному союзу (1832) за немного лѣтъ образовался, благодаря вступленію Баваріи, Вюртемберга, Саксоніи и западной Германіи съ Тюрингіей, прусско-германскій таможенный союзъ, который собралъ 24 милліона для содѣйствія торговлѣ и сельскому хозяйству. Общность матеріальныхъ условій жизни большей части нѣмецкихъ государствъ, не входившихъ въ составъ Австріи, заставляла и по отношенію къ сосѣднимъ странамъ выдвигать и отстаивать общіе интересы, и такимъ образомъ, сверхъ намѣченной цѣли, создавалась почва для развитія патріотизма. Заслуженный прусскій министръ фонъ-Мотцъ совершенно точно предсказывалъ это. Но національное значеніе таможеннаго союза было ослаблено тѣмъ, что внѣ его оставались государства податного союза, т.-е. именно той нордзейской области, которую въ политическомъ отношеніи Пруссія должна была включить въ сферу своего вліянія, если только она хотѣла имѣть какое-либо значеніе. Таможенный союзъ, заключенный на извѣстный срокъ и условно, сталъ активной силой въ національной жизни широкихъ круговъ только съ того момента, когда ревность отдѣльныхъ династій къ Пруссіи начала угрожать его существованію вопреки явнымъ интересамъ самого населенія. И только изъ участвовавшихъ въ работахъ союза чиновниковъ мелкихъ государствъ мѣстами выходили сознательные его защитники.

Сами по себѣ участники таможеннаго союза отнюдь не признавали прусскихъ притязаній на установленіе внутри Германскаго союза болѣе тѣсныхъ политическихъ отношеній. Несмотря на вышеупомянутую уступчивость по отношенію къ народнымъ требованіямъ, въ отдѣльныхъ конституціонныхъ государствахъ все-таки не былъ усвоенъ тотъ взглядъ, что лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ потрясеній строя является тщательное исправленіе его недостатковъ. Только въ экономическомъ отношеніи почти всюду было сдѣлано многое. Съ другой стороны, незрѣлость и необузданность либераловъ давали слишкомъ много поводовъ для реакціи, къ которой Меттернихъ склонился еще съ 1831 г. Противъ выступленій органовъ радикальной печати прибѣгли въ 1832 г. къ особымъ постановленіямъ сейма. Но публицисты, осужденные на молчаніе, вышли изъ редакціонныхъ кабинетовъ на улицу. Шумныя народныя празднества, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ было народное собраніе въ окрестностяхъ Гамбахскаго замка въ Пфальцѣ (1832), имѣли цѣлью противопоставить братскій союзъ либераловъ всѣхъ странъ, какъ новую силу противъ солидарныхъ между собою правительствъ. И когда въ 1833 г. горсть чрезмѣрно возбужденныхъ студентовъ осмѣлилась сдѣлать попытку разогнать франкфуртскій сеймъ и напасть на гауптвахту, то это уже было маленькой революціей,—недаромъ правительства такъ часто пугали страну ея призракомъ! Какъ ничтожно ни было это происшествіе при господствовавшей въ то время въ народѣ любви къ монархическому строю, оно все же послужило поводомъ для новыхъ преслѣдованій печати, студентовъ и университетовъ. Возобновилось самое отвратительное гоненіе демагоговъ, направленное, главнымъ образомъ, противъ членовъ студенческихъ корпорацій, обвиняемыхъ за германскій духъ, причемъ имъ, словно зачумленнымъ, старались сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе на родинѣ. Тайныя рѣшенія вѣнской министерской конференціи 1834 г. запретили сослов-

Народное празднество у развалинъ Гамбахскаго замка (въ 1832 г.)

РОССЕЛЬ.

ВИКТОРІЯ,
королева Англіи.



ПАЛЬМЕРСТОНЪ.

ному представительству сужденіе постановленій сейма, обязавъ представителей, въ случаѣ разногласій въ толкованіи конституціи, передавать дѣло на рѣшеніе союзнаго третейскаго суда, составленнаго крайне односторонне. Распоряженія правительствъ оставались въ силѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда суды объявляли ихъ несоотвѣтствующими закону. Это полицейское владычество союза было еще пополнено мѣропріятіями 1832 г., касавшимися порядка вмѣшательства сейма въ случаѣ отказа отъ уплаты союзныхъ податей, и запрещеніемъ союзовъ и ношенія значковъ. Насколько сильно разошлись между собой нація въ ея естественномъ стремленіи къ развитію и правительства съ ихъ мистическими понятіями о божественномъ происхожденіи неограниченной власти, стало поразительно ясно во время спора о ганноверской конституціи.

Изъ трехъ государствъ союза, управлявшихся чужестранными государями, Ганноверъ освободился первый, когда послѣ вступленія Викторіи на англійскій престолъ королемъ Ганновера согласно германскому закону престолонаслѣдія сдѣлался въ 1837 г. ея дядя, герцогъ Эрнстъ-Августъ Кумберлэндскій. Дворяне, одного покроя съ господиномъ фонъ Шееле, чувствовавшіе себя задѣтыми реформой, уже давно возлагали надежды на этого коварнаго принца. Невозможность обойти законъ престолонаслѣдія, въ силу котораго нѣмецкая королевская корона досталась подданному англійской королевы, укрѣпила въ Эрнстѣ-Августѣ субъективное убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи и неограниченности его королевской власти, упраздняющей всякое иное право. Такъ какъ въ силу конституціи 1833 г. его право распоряженія доменами было ограничено, то въ ноябрѣ 1837 г. онъ отмѣнилъ конституцію, дѣйствовавшую въ силу законовъ какъ мѣстныхъ, такъ и союзныхъ, и должностныя лица были освобождены отъ присяги этой конституціи. Такъ какъ законнымъ порядкомъ отмѣненная конституція 1819 г. теперь снова должна была вступить въ силу, то 18 ноября семь изъ наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ геттингенскаго университета заявили въ особомъ представленіи, поданномъ ими въ кураторіумъ, что по совѣсти они считаютъ себя связанными присягой конституціи. Грубымъ актомъ вельфской юстиціи эти почтенные люди были лишены каѳедры, а трое изъ нихъ: Дальманъ, Гервинусъ и Яковъ Гриммъ были, сверхъ того, немедленно изгнаны изъ страны за то, что участвовали въ опубликованіи этого инцидента. Правительственный терроръ совершенно заглушилъ голосъ общественнаго мнѣнія въ странѣ. Въ Лейпцигѣ былъ основанъ союзъ, который имѣлъ цѣлью обезпечить средства къ жизни семи геттингенскимъ ученымъ. Если раньше нѣмцевъ иногда наэлектризовывало чувство солидарности либеральныхъ интересовъ, то теперь забота о правовомъ порядкѣ сковывала тысячи людей, преданныхъ родинѣ, гораздо болѣе крѣпкими узами. Въ 1839 г. бундестагъ отклонилъ ходатайство сословныхъ представительствъ о вмѣшательствѣ въ пользу мѣстнаго права, и этотъ отпоръ со стороны бундестага оказался школой для политической мысли. Эпизодъ былъ понятъ въ томъ смыслѣ, что безъ измѣненія общей конституціи въ національномъ духѣ всѣ свободы будутъ висѣть въ воздухѣ; сознаніе, что правительства приносятъ въ жертву узко-династическимъ интересамъ въ одинаковой степени какъ право и справедливость, такъ и національныя чувства, привлекло къ дѣлу герман-

скаго объединенія новыя силы. Но, кромѣ того, этотъ жизненный опытъ послужилъ на пользу республиканскаго теченія, которое значительно усилилось благодаря произволу, господствовавшему съ 1832 г. Это теченіе пріобрѣтало послѣдователей даже въ кругахъ либеральной школы Роттекъ-Велькера. Тысячи умѣренныхъ конституціоналистовъ, которые скорѣе были, какъ, напримѣръ, Дальманъ, консерваторами, теперь стали работать рука-объ-руку съ радикальными элементами. Взаимодѣйствіе этихъ группъ имѣло воспитательное значеніе въ партійномъ смыслѣ; при этомъ, конечно, наблюдалась и неясность политическихъ понятій. Умѣренные незамѣтно склонялись къ радикальнымъ взглядамъ, смѣшивая при этомъ политическія права съ политическими обязанностями. Но на что же можно было надѣяться безъ поддержки снизу?—Въ Пруссіи творческій духъ правительства былъ въ полномъ упадкѣ. Увѣренность правящихъ классовъ въ своемъ всевѣдѣніи и непогрѣшимости не получала должнаго отпора какъ со стороны прессы, доведенной цензурой до полнаго ничтожества, такъ и со стороны болѣе свободно-развивавшагося городского самоуправленія; обсужденіе городскихъ дѣлъ не подлежало гласности изъ опасенія, что оно будетъ вліять на общественную жизнь и наоборотъ. Прибѣгая къ произволу для борьбы съ духомъ времени, правительство не умѣло использовать его. Благородное увлеченіе молодежи націонализмомъ грубо подавлялось приговорами къ смертной казни или къ пожизненному заключенію; также преслѣдовалась и свобода совѣсти, причемъ репрессіи по отношенію къ старому лютеранству выражались тюремнымъ заключеніемъ духовныхъ лицъ, подвергались карѣ и частныя лица, отказывавшіяся назвать воспріемниковъ своихъ дѣтей. Во всемъ этомъ обнаруживалась одна и та же рука, рука самого одряхлѣвшаго короля, которому былъ удобенъ формализмъ полицейскаго государства, и который не желалъ понять, что его патріархальные виды несовмѣстимы съ требованіями бившей ключемъ жизни новаго времени. Королевскій кабинетъ своими распоряженіями постоянно вмѣшивался въ эту жизнь, налагая то кары, то запрещенія, и это должно было только обострить потребность въ инстанціи, которая контролировала бы абсолютизмъ.

Изъ королевскаго кабинета вышелъ указъ 1825 г., который распространилъ на пріобрѣтенныя въ 1815 г. рейнскія провинціи законъ, дѣйствовавшій въ Силезіи, о смѣшанныхъ бракахъ между католиками и протестантами, вызвавъ тѣмъ самымъ глубокій расколъ между католической церковью и своими подданными католиками.

Вопреки принципу Фридриха Великаго, территоріальная церковная политика Гогенцоллерновъ была вынуждена въ 1821 г. прибѣгнуть къ переговорамъ съ папой какъ для возстановленія епархій, разгромленныхъ революціей, такъ и новаго порядка выбора епископовъ. Имѣя въ виду щедро надѣлить правами церковныя учрежденія и пойти навстрѣчу требованіямъ епископовъ относительно учительскихъ должностей, правительство разсчитывало на благосклонное отношеніе своего партнера въ вопросѣ о бракахъ тѣмъ болѣе, что со сцены еще не сошло старое поколѣніе католическаго духовенства, котораго коснулся духъ терпимости, отличавшій XVIII столѣтіе. По-

этому, когда по поводу смѣшанныхъ браковъ въ рейнскихъ провинціяхъ очень скоро возникли затрудненія, правительство снова предложило урегулировать ихъ путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ папой Піемъ VIII. Правила, изложенныя въ папскомъ бреве 1830 г., настолько не соотвѣтствовали государственнымъ видамъ, что въ 1834 г. правительство рѣшилось заключить съ архіепископомъ кельнскимъ особую конвенцію, обязательную для него и викаріевъ. Но едва вошелъ въ силу обращенный къ священникамъ циркуляръ архіепископа, нѣмца по своему образу мыслей, барона фонъ Шпигеля, какъ онъ скончался въ 1835 г. Подъ вліяніемъ наслѣднаго принца, настроеннаго романтически, ослѣпленное правительство выставило своимъ кандидатомъ на вакантный постъ архіепископа изъ провинціи Мюнстеръ, барона Клементія-Августа фонъ Дросте-Вишеринга, извѣстнаго своимъ фанатизмомъ. Клементій-Августъ не надолго оставилъ правительство въ заблужденіи, будто онъ обязанъ строго держаться заключенной конвенціи. Подобно тому, какъ онъ раньше не считался съ государствомъ, упрямо противопоставляя свой авторитетъ боннскому католическому богословскому факультету, такъ и теперь онъ не признавалъ своего обязательства, находя, что конвенція не согласуется съ папскимъ бреве. При этомъ онъ не шелъ ни на какое соглашеніе, не исполнивъ также требованія объ отказѣ отъ должности, которую онъ получилъ на основаніи совсѣмъ иныхъ разсчетовъ. Послѣ тягостныхъ переговоровъ король приказалъ въ 1837 г. арестовать его и заключить въ крѣпость Минденъ. Благодаря этому удалось избѣгнуть безпорядковъ, но весь католическій міръ поднялъ вопль возмущенія противъ Пруссіи, и полицейское государство, тщетно искавшее кругомъ себя поддержки въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ, уже въ 1838 г. должно было уступить. Однако, Клементій-Августъ оставался въ заключеніи до самой смерти Фридриха-Вильгельма III. Его преемникъ подчинился требованію Рима, чтобы имѣть возможность успокоить охватившее волненіе путемъ согласія папы на назначеніе въ Кельнъ коадъютора. Фридрихъ-Вильгельмъ IV отказался отъ королевскаго placet. Епископамъ была предложена свобода въ сношеніяхъ съ Римомъ. Наконецъ, былъ учрежденъ католическій отдѣлъ въ министерствѣ культа, который по своему личному составу былъ бы въ состояніи при разработкѣ государственно-церковныхъ вопросовъ предварительно разъяснять каноническія требованія. Внѣшнимъ образомъ миръ былъ возстановленъ, но сдѣланная ошибка не была заглажена. Церковныя должности были заняты новыми людьми, съ совершенно иными основными воззрѣніями; возрожденіе римской церкви стало мирно распространяться при дѣятельномъ участіи въ немъ вѣрующихъ.

Въ Баваріи нападки на прусское правительство нашли для себя самую благопріятную почву въ виду очевидной снисходительности къ нимъ сверху. Въ 1837 г. въ лицѣ баварскаго министра Абеля строго-клерикальное направленіе впервые въ XIX вѣкѣ добилось господства во второмъ по величинѣ государствѣ Германіи. Требованія католической церкви, основанныя на конкордатѣ, звучали особенно рѣзко въ государствѣ, гдѣ конституція устанавливала равенство церквей. Такой поворотъ въ пользу католической церкви былъ допущенъ Людовикомъ I,

когда онъ нашелъ слишкомъ неудобнымъ контроль баварскаго ландтага надъ его расходами на художественныя предпріятія.

Швейцарскій союзъ, нейтралитетъ котораго въ 1815 г. былъ гарантированъ международнымъ договоромъ, въ противовѣсъ суверенитету 22 кантоновъ, былъ слишкомъ слабо организованъ какъ одно цѣлое, помощью сейма, во главѣ котораго стоялъ въ качествѣ руководящаго одинъ изъ трехъ кантоновъ по очереди.

Хотя благодаря литературѣ среди молодого поколѣнія въ то время уже народился новый духъ, тѣмъ не менѣе до 1830 г. коренного преобразованія еще не намѣчалось. Только въ 1831 г., когда послѣ іюльской революціи наслѣдственная аристократія въ большей части кантоновъ мирнымъ путемъ уступила мѣсто болѣе демократическимъ учрежденіямъ, наступила пора и для союза устранить старые недостатки. Однако, нѣкоторые кантоны оказали этому неопредолимое сопротивленіе, такъ что проектъ 1833 г., составленный съ великимъ трудомъ, пришлось снова отложить. Тѣмъ не менѣе, демократически-представительная реформа кантоновъ внесла съ собою свѣжее вѣяніе. Было достигнуто отдѣленіе юстиціи отъ администраціи, равенство политическихъ правъ для всѣхъ гражданъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и т. д. Во время этого движенія рабочіе не выставляли особыхъ требованій. При существованіи старой слабой центральной конституціи не могло произойти крупныхъ измѣненій въ области сношеній отдѣльныхъ кантоновъ между собою. Зато было признано обязанностью государства попеченіе объ обученіи народа на всѣхъ ступеняхъ. Новые университеты были открыты въ Цюрихѣ въ 1833 и въ Бернѣ въ 1834 г. Отъ Базеля-города отдѣлился новый кантонъ—Базель-область.

Въ Англіи партія закоснѣлыхъ тори, ослабленная внутреннимъ раздоромъ, вызваннымъ неудовольстіемъ по поводу отношенія ея лидеровъ къ эмансипаціи католиковъ, была побѣждена духомъ, перенесеннымъ сюда изъ Европы черезъ каналъ. Богатое среднее сословіе, поддерживаемое въ своихъ политическихъ стремленіяхъ выступленіями рабочихъ, обдѣленныхъ въ соціальномъ отношеніи, составило оппозиціонное большинство при новыхъ выборахъ лѣтомъ 1830 года. Веллингтонъ долженъ былъ уступить мѣсто кабинету виговъ съ графомъ Греемъ во главѣ. Послѣ ряда упорныхъ столкновеній съ верхней палатой этому кабинету удалось въ 1832 г. провести реформу нижней палаты, которую столь бурно требовало населеніе. „Гнилыя" избирательныя мѣстечки были большею частью уничтожены, но избирательные округа все же оставались неравномѣрными. Активное избирательное право теперь опредѣлялось наймомъ квартиры или арендой установленныхъ закономъ размѣровъ, для пассивнаго требовался высокій цензъ. Главное дѣло было въ томъ, что путемъ увеличенія вдвое числа избирателей открывался доступъ къ политической дѣятельности для городской буржуазіи, причемъ она мѣстами получила представителей впервые, мѣстами же ихъ число увеличилось сравнительно съ прежнимъ. Но рабочія массы, участвовавшія въ проведеніи реформы путемъ демонстративнаго заявленія своего образа мыслей, не получили избирательныхъ правъ. Тѣмъ не менѣе, наступилъ періодъ давно необходимыхъ реформъ, которыми виги какъ бы хотѣли загладить свою вину. Слабость министерства, обладавшаго въ нижней палатѣ большинствомъ, обусло-

вливалась боязливостью короля и требованіями радикаловъ и ирландцевъ, заключившихъ временно между собою союзъ.

Ни министерство Грея, ни смѣнившее его въ 1834 г. министерство Мельбурна не были въ состояніи сколько-нибудь удовлетворительно разрѣшить ирландскій вопросъ. Вѣковая рознь между меньшинствомъ англосаксовъ англиканскаго вѣроисповѣданія и милліонами кельтовъ-ирландцевъ католическаго вѣроисповѣданія нашла свое выраженіе въ это время въ церковномъ вопросѣ. Массовыя аграрныя преступленія, едва сдерживаемыя принудительнымъ биллемъ, тѣмъ болѣе напоминали о необходимости исправить старую несправедливую политику, что взысканіе десятины съ католиковъ въ пользу англиканской церкви въ Ирландіи съ обращеніемъ излишковъ на просвѣтительныя цѣли вызывало въ палатѣ лордовъ непреодолимое сопротивленіе со стороны мнимыхъ охранителей трона и алтаря. Неудовольствіе въ Ирландіи, особенно раздутое О'Коннелемъ, дошло до такой степени, что было выставлено требованіе о расторженіи уніи. И болѣе строгая безпартійность правительства не была въ состояніи въ теченіе ближайшаго десятилѣтія парализовать это зло. Зато ему удалось отмѣнить рабство негровъ въ англійскихъ колоніяхъ 1834 г. съ уплатой вознагражденія, равно какъ провести реформу управленія Индіи. Мѣстное попечительство о бѣдныхъ, обратившееся въ посмѣшище, было реформировано въ законодательномъ порядкѣ на централистическомъ началѣ; такимъ же порядкомъ было согласовано съ требованіями времени городское управленіе и положено начало, хотя и въ жалкомъ видѣ, поддержкѣ государства школьнаго обученія. Затѣмъ было приступлено къ составленію регистровъ гражданскаго сословія и къ введенію факультативнаго гражданскаго брака для диссидентовъ. Бѣдность и упадокъ рабочаго населенія, скученнаго въ новыхъ фабричныхъ мѣстечкахъ, достигли ужасающихъ размѣровъ. Лишь нѣкоторыя изъ наиболѣе злокачественныхъ явленій въ этомъ отношеніи могли быть устранены путемъ ограниченія дешеваго труда малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и учрежденія государственныхъ фабричныхъ инспекторовъ. Лишь постепенно, шагъ за шагомъ, реформа эта доказала свою плодотворность. Согласованіе съ требованіями времени пошло энергичнѣе съ 1837 г. послѣ вступленія на престолъ Викторіи, племянницы Вильгельма, которая въ 1840 г. вышла замужъ за принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго.

Противоположность между радикальными воззрѣніями и осторожнымъ преобразованіемъ наслѣдія предковъ рѣзко выразилась въ такъ называемомъ чартистскомъ движеніи (1836—1840). Требованіе народной хартіи, состоявшей изъ 6 пунктовъ: всеобщаго избирательнаго права, тайной подачи голосовъ, раздѣленія страны на равные избирательные округа, отмѣны ценза, вознагражденія депутатовъ и ежегодныхъ выборовъ, поддерживалось массовыми митингами, исполинскими петиціями, намѣреніемъ созвать національный конвентъ, причемъ все это сопровождалось и насильственными дѣйствіями. Сотни тысячъ промышленныхъ рабочихъ, возбуждаемыхъ агитаціей и отчасти организованныхъ въ рабочіе союзы съ цѣлью повышенія рабочей платы, надѣялись при своихъ выступленіяхъ добиться вмѣстѣ съ политической властью и улучшенія своего экономическаго

и соціальнаго положенія. Этотъ мотивъ былъ причиной снисходительнаго отношенія къ этому движенію такихъ друзей человѣчества, какъ Кингслей, Карлейль и др. Эгоизмъ господствующихъ классовъ все еще противился признанію зла. Онъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что усовершенствованіе машиннаго труда повлекло за собой въ высшей степени печальный упадокъ рабочаго населенія какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Высказывалось убѣжденіе, что нельзя ограничивать гуманнымъ вмѣшательствомъ законодательства, какъ, напримѣръ, сокращеніемъ рабочаго дня, „капиталъ рабочаго", т.-е. его силу, равно какъ возможность достигнуть независимости путемъ сбереженій. Рисовались устрашающія картины вздорожанія стоимости производства важнѣйшихъ товаровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, истощенія источника національнаго богатства. Пониженіе заработной платы и затѣмъ пьянство, вмѣсто мнимаго подъема нравственнаго уровня рабочаго, считались неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ограниченія свободы рабочаго договора. Все еще не могли освоиться съ тѣмъ взглядомъ, что общество только тогда будетъ чувствовать себя спокойно, когда удастся поднять нравственное, духовное и матеріальное положеніе фабричныхъ рабочихъ, отдѣленныхъ глубокой пропастью отъ богатыхъ фабрикантовъ.

Поэтому рабочіе, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые были увлечены чартизмомъ, сперва держались въ сторонѣ отъ стремленій промышленныхъ круговъ распространить завоеванную ими съ 1832 года политическую власть на національную торговую политику. Въ дѣйствительности борьба противъ хлѣбныхъ законовъ была борьбой буржуазнаго капитала противъ дворянской помѣстной аристократіи. Идеально-гуманитарное вѣяніе, обратившееся у Кобдена и нѣкоторыхъ другихъ предводителей въ истинный интересъ къ страждущей массѣ, пріобрѣтало послѣдователей въ громадномъ большинствѣ случаевъ среди имущаго, средняго класса.

Ричардъ Кобденъ, въ качествѣ провозвѣстника абсолютной свободы торговли и мира въ международной политикѣ, имѣетъ значеніе, выходящее далеко за предѣлы чисто-англійской жизни. Кобденъ, какъ личность, представляетъ образецъ вѣрности своимъ убѣжденіямъ, ибо ради служенія благу человѣчества онъ забывалъ о самомъ себѣ, своемъ здоровьи и состояніи. Его политическая дѣятельность началась со времени великаго торговаго кризиса 1838 г., который въ связи съ американскими событіями и мѣстнымъ неурожаемъ повелъ къ повышенію цѣнъ на хлѣбъ, пониженію заработной платы и даже къ остановкѣ работъ на многихъ фабрикахъ. Всеобщее негодованіе, нужда, угрожающій голодъ побудили обратить вниманіе на хлѣбныя пошлины, служившія интересамъ землевладѣльцевъ; хотя съ 1828 г. ихъ чисто-запретительный характеръ былъ реформированъ въ духѣ протекціонизма, имъ приписывалась вина необычайнаго вздорожанія хлѣба. Когда была основана Лига противъ хлѣбнаго закона, началась агитація всѣми дозволенными закономъ и конституціей способами, и съ 1839 г. возбужденіе въ странѣ неудержимо стало расти. Прибѣгали къ самымъ сильнымъ средствамъ, чтобъ наглядно доказать несправедливость хлѣбныхъ пошлинъ. Были отпечатаны сравнительныя таблицы цѣны и вѣса англійскаго и американскаго хлѣба, даже пекли образчики хлѣба, какимъ онъ долженъ быть согласно таксѣ,

и какимъ онъ былъ бы безъ таксы. Въ то время, какъ англиканское духовенство въ силу исторически сложившихся условій стояло на сторонѣ лэндлордовъ, диссентеры проповѣдывали, что хлѣбныя пошлины противорѣчатъ Слову Божію. Богатства представителей промышленнаго класса, принявшихъ дѣятельное участіе въ Лигѣ, дали ей средства, при помощи устройства митинговъ, летучихъ листковъ, газетъ вызывать противъ фаланги „эксплуататоровъ" негодованіе все болѣе широкихъ круговъ населенія. Съ своей стороны, фабриканты работали на этомъ же поприщѣ съ пламеннымъ усердіемъ, ибо, укрѣпившись экономически, они сознавали, что болѣе не нуждаются въ охранительныхъ пошлинахъ. Кромѣ того, они предполагали, что ввозъ чужеземнаго хлѣба облегчитъ питаніе рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ понизить и заработную плату. Наконецъ, они разсчитывали и на усиленіе вывоза англійскихъ товаровъ вмѣстѣ съ усиленіемъ ввоза изъ-за границы.

Рѣзкая противоположность интересовъ, казалось, не давала никакого выхода, особенно, когда въ 1841 г. предложенное министерствомъ довольно скромное измѣненіе пошлины было отклонено парламентомъ. На новыхъ выборахъ тори одержали побѣду, и тогда при Викторіи впервые сформировалось консервативное министерство. Прежнія названія партіи—тори и виги—благодаря расширенію избирательнаго права стали представлять собой слишкомъ узкія рамки и ихъ начали постепенно измѣнять названіями партій, принятыми на континентѣ. Въ качествѣ руководителя кабинета былъ выдвинутъ своими торійскими друзьями такой государственный дѣятель, какъ Робертъ Пиль. Это былъ убѣжденный консерваторъ, если вообще таковой существовалъ, безусловно хорошій тори, хотя и не страдавшій упрямымъ партійнымъ самоослѣпленіемъ. Пиль былъ прежде всего государственный человѣкъ крупнаго калибра, мыслящій вполнѣ самостоятельно. Онъ имѣлъ мужество при разсмотрѣніи задачи, требовавшей неотложнаго разрѣшенія, принять за руководящую точку зрѣнія исключительно благо страны и проводить ея рѣшеніе, не справляясь ни съ какими шаблонами. Безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ защищать твердыню наслѣдственныхъ привилегій противъ нападенія приверженцевъ новаго порядка. Но Пиль въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. И тогда онъ рѣшительно приступилъ къ дѣлу. Возрастающій успѣхъ движенія противъ хлѣбныхъ пошлинъ какъ внутри, такъ и внѣ парламента, возбужденіе общественнаго мнѣнія годами агитаціи, которая работала всюду, начиная отъ чайныхъ столиковъ и кончая массовыми митингами, наконецъ, неурожай 1845 г., привлекшій на сторону Кобдена и его товарищей новыхъ послѣдователей среди сельскихъ рабочихъ, послужили внѣшнимъ поводомъ для реформы. Даже чартизмъ фабричныхъ рабочихъ на время поддался соблазну отмѣны пошлины.

Еще раньше этого Пиль далъ прочную основу финансамъ путемъ введенія подоходнаго налога. Затѣмъ его новые тарифы 1842 и 1845 гг. понизили большую часть пошлинъ и частью совсѣмъ ихъ уничтожили, особенно на сырыя вещества и полуфабрикаты. Оставалась умѣренная покровительственная, а также дифференціальная пошлина въ пользу колоній, въ противоположность радикальному

мнѣнію Кобдена, который вообще желалъ отказаться отъ колоній и, во всякомъ случаѣ, отъ всякаго рода покровительственныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, о введеніи въ это время принциповъ свободной торговли можно говорить лишь условно. Точно также Пиль не думалъ сразу уничтожить и хлѣбныя пошлины. Однако, въ виду неурожая картофеля въ Ирландіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи въ 1845 г. Пиль рѣшился шагъ за шагомъ окончательно отмѣнить хлѣбную монополію. Его поистинѣ государственная дѣятельность, однако, не встрѣчала сочувствія со стороны его коллегъ, которые не рѣшились участвовать въ „отступничествѣ" своего лидера отъ основныхъ партійныхъ положеній, снова санкціонированныхъ послѣдними выборами. Поэтому Пиль вышелъ въ отставку. Но послѣ того, какъ лидеръ виговъ отказался замѣнить его постъ въ виду торійскаго большинства въ нижней палатѣ, Пиль во главѣ нѣсколько измѣненнаго по своему составу кабинета рыцарски рѣшился попытаться при помощи фритредеровъ и сочувствовавшихъ ему виговъ принудить большинство настроенныхъ противъ него товарищей по партіи пожертвовать своими убѣжденіями и интересами. Большинство изъ нихъ покорилось неизбѣжному ходу событій. Но только послѣ ожесточеннаго парламентскаго боя удалось провести законъ (26 іюня 1846 г.) о постепенной отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ къ 1849 г. Переходъ Пиля къ умѣренной фритредерской политикѣ, совершившійся на основаніи зрѣлаго убѣжденія, открылъ собой эру плодотворнѣйшаго прогресса. Пиль удержалъ отъ паденія въ пропасть свою родину, которой угрожали гибелью голодъ и всевозможныя внутреннія потрясенія; своей дѣятельностью онъ далъ важный толчокъ къ превращенію партіи тори въ настоящую государственную консервативную партію, причемъ онъ въ то же время открылъ для землевладѣнія новыя задачи въ области національнаго хозяйства. Что касается значенія этихъ англійскихъ событій для всемірной хозяйственной жизни, то оно можетъ быть указано лишь при изложеніи послѣдующаго періода.

Пиль, которому Англія, сверхъ того, обязана актомъ 1844 г. о банкахъ, самъ ринулся въ 1846 г. въ пропасть, которая открылась передъ страною. За время своей политической карьеры ему не въ первый разъ приходилось становиться на сторону взгляда, съ которымъ онъ раньше боролся. Но впервые это пришлось дѣлать за своей полной личной отвѣтственностью. Вообще новѣйшей конституціонной жизни Англіи свойственна та особенность, что соглашенія по вопросу о мѣропріятіяхъ, предлагаемыхъ одной какой-либо партіей, лучше всего достигаются ея политическими соперниками, которые и проводятъ ихъ въ жизнь, однако, эта особенность не вполнѣ покрываетъ собой то, что происходило въ 1846 году.

Правда, торійское большинство, оставшееся безъ своего предводителя, должно было уступить, но невозможно было предположить, чтобы раздраженные этимъ давленіемъ лэндлорды впредь шли послушно за своимъ предводителемъ, рѣшившимся на отступничество. Поэтому Пиль своимъ выходомъ въ отставку, вслѣдъ за достиженіемъ величайшаго успѣха, поступилъ мудро и патріотически. Преемникомъ его былъ либеральный лордъ Россель, причемъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ въ его кабинетѣ снова достался Пальмерстону, прозванному

„Лордъ-Огонь". Задача этого министерства также была не изъ легкихъ. Тѣмъ не менѣе, оно продолжало политику реформъ, имѣвшихъ цѣлью примиреніе интересовъ. Были отмѣнены устарѣвшіе мореходные законы (навигаціонный актъ былъ отмѣненъ лишь въ 1849 г.). Сокращеніе рабочаго дня на фабрикахъ до 10 часовъ сперва только для женщинъ и подростковъ было проведено только благодаря поддержкѣ тори, желавшихъ вредить интересамъ своихъ противниковъ, и вопреки противодѣйствію фритредеровъ, которые считали необходимымъ условіемъ этой мѣры, по меньшей мѣрѣ, немедленное пониженіе заработной платы. Въ виду вѣроисповѣдныхъ различій удалось сдѣлать очень немногое въ области государственнаго народнаго просвѣщенія. Эмансипація евреевъ была отвергнута палатой лордовъ [1]). Состояніе Ирландіи было попрежнему неудовлетворительно. Финансовыя затрудненія вызывали временное отступленіе отъ банковскаго акта. Но всѣ эти и прочія обстоятельства такъ же мало вліяли на духъ промышленной предпріимчивости бриттовъ, какъ и на здоровое состояніе ихъ свободныхъ учрежденій. И когда въ 1848 г., говоря словами Маколея, въ иныхъ мѣстахъ, по мнѣнію преданныхъ друзей народа, на карту были поставлены столь жизненные интересы, что могла даже возникнуть необходимость „пожертвовать свободой для спасенія цивилизаціи", этотъ историкъ имѣлъ право въ появившейся въ это время своей исторіи Англіи заявить, что „въ эту эпоху правильный ходъ управленія не прерывался на нашемъ островѣ ни на одинъ день".

Когда въ апрѣлѣ 1848 г. чартисты, увлеченные событіями во Франціи, обнаружили охоту къ демонстративнымъ насильственнымъ дѣйствіямъ, то этимъ эксцессамъ былъ положенъ предѣлъ исключительно собственными силами имущихъ классовъ. Подобнымъ примѣромъ не могла похвастать ни одна изъ континентальныхъ странъ.

Сдѣлаемъ здѣсь лишь одно замѣчаніе по поводу внѣшней политики лорда Пальмерстона въ 1848 г., ибо она въ большей степени касается слѣдующаго періода. Пальмерстонъ дипломатическимъ путемъ содѣйствовалъ усиленію Пьемонта противъ Австріи, но, подобно всей англійской печати, высказывался противъ Пруссіи за Данію, будто бы ни въ чемъ неповинную. Нужно ли напоминать о томъ, что въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ констатировать не только благородное заступничество за болѣе слабую сторону, но въ значительной мѣрѣ и торговую зависть по отношенію къ прусско-германскому таможенному союзу? Живой интересъ, обнаруженный принцемъ-супругомъ, нѣмцемъ по происхожденію, къ конституціонному и національному развитію Германіи, нисколько не измѣняетъ этого факта. Однако, ссылка на недостатокъ симпатіи къ гегемоніи Пруссіи была бы превратнымъ толкованіемъ. Но, несмотря на это, намъ не слѣдуетъ забывать, какъ велики заслуги островитянъ передъ всѣмъ міромъ и въ особенности передъ

---

[1]) Палата общинъ въ 1833 г. приняла билль объ эмансипаціи евреевъ, но верхняя палата отвергла его въ 1834 г. и въ 1841 г.; лишь въ 1845 г. англійскимъ евреямъ была дарована эмансипація. *Ред.*

Германіей въ области теоретической разработки какъ конституціонныхъ, такъ и экономическихъ вопросовъ. Если въ этомъ десятилѣтіи посредникомъ между нѣмецкимъ духовнымъ міромъ и Англіей былъ не кто иной, какъ Томасъ Карлейль, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ это время Англія была стороной, которая давала неизмѣримо больше.

И, наконецъ, нагляднымъ проявленіемъ спокойной самоувѣренности англійскаго строя можетъ служить тотъ фактъ, что въ эти дни шатанія столькихъ троновъ Англія давала пріютъ столь разнороднымъ политическимъ бѣглецамъ, какъ принцу Прусскому, Наполеону, Луи-Филиппу, Гизо, Меттерниху, такъ и Мадзини, Герцену, Фрейлиграту, Кинкелю и многимъ другимъ.

12. Радикализмъ и соціализмъ.—Протестантская критика и успѣхи ультрамонтанства.

Переворотъ 1830 г. во Франціи и недовольство имъ придворныхъ сферъ абсолютистскихъ восточныхъ державъ мало-по-малу повели за собой сближеніе между конституціонными западными государствами. Разумѣется, сфера политическаго вліянія Франціи, какъ и Англіи, по большей части ограничивалась Пиренейскимъ полуостровомъ; въ другихъ мѣстахъ континента чувствовалась повсюду грозная рука русскаго царя какъ въ томъ, что происходило, такъ и въ томъ, что дѣлать было запрещено.

Но невозможно было заглушить идей, носившихъ на себя французскій отпечатокъ, и распространеніе ихъ въ Германіи и Италіи частью вызывало къ жизни, частью обосновывало родственныя теченія.

Снова дерзнули выступить политическій радикализмъ и молодой посѣвъ радикальныхъ воззрѣній въ наукѣ и литературѣ. Въ практической жизни политическій республиканизмъ внѣ Франціи взрастилъ неутомимаго борца, генуэзца Дж. Мадзини, организатора заговора, стремившагося къ своей цѣли съ геніальной пламенностью основателя религіи. Несмотря на нѣкоторыя мягкія черты своего характера, онъ былъ неразборчивъ въ выборѣ средствъ, и смотрѣлъ на демократическія республики какъ на членовъ братства свободныхъ народовъ.—Союзъ молодой Италіи возникъ въ концѣ 1831 г.; изъ „молодой Европы“ (съ 1834 г.) образовались лишь молодая Германія и молодая Польша. Благодаря своей ловкости и преданности своихъ приверженцевъ, Мадзини былъ неуязвимъ для всѣхъ преслѣдованій и организовалъ, рѣдко лишь выступая лично, цѣлый рядъ насильственныхъ дѣйствій. Изъ этихъ неудачныхъ вооруженныхъ возстаній только савойскій походъ въ Пьемонтъ (1834), организованный поляками, бѣжавшими во Францію, вмѣстѣ съ итальянцами и нѣмцами, имѣетъ важное значеніе, ибо онъ обнаружилъ государственное безсиліе кантональнаго суверенитета въ Швейцаріи. Изъ Швейцаріи же шла рука-объ-руку съ стремленіемъ къ радикальной конституціи союза пропаганда республиканскихъ заговоровъ въ сосѣднихъ монархіяхъ. Эта пропаганда была, главнымъ образомъ, дѣломъ рукъ нѣмецкихъ эмигрантовъ. Особенно много поводовъ для обвиненій со стороны державъ, гарантировавшихъ

неприкосновенность Швейцаріи, давала дѣятельность странствующихъ подмастерій, организовавшихся въ тайныя сообщества. Швейцарскій союзъ, считавшій себя отвѣтственнымъ за дѣйствія своихъ суверенныхъ членовъ, съ большими усиліями отстаивалъ свое право убѣжища. Консервативныя державы старались по возможности не пропускать эмигрантовъ въ Швейцарію при помощи запрещеній и надзора на границѣ. Совпаденіе насильственныхъ выступленій противъ существовавшей власти въ различныхъ мѣстахъ съ движеніемъ въ умственной области придало въ глазахъ охранителей государственнаго порядка этому умственному движенію болѣе разрушительный характеръ, чѣмъ оно въ дѣйствительности заслуживало.

Какъ-разъ въ это время раздраженный цензурой Людвигъ Берне, вліятельный публицистическій представитель средняго демократическаго направленія, въ своихъ остроумныхъ письмахъ изъ Парижа бросалъ въ лицо господствующимъ державамъ самые горькіе и злые упреки. Рядомъ съ нимъ еще борется Генрихъ Гейне, котораго по характеру нельзя сравнить съ Берне. Великій лирикъ и высоко-талантливый писатель Гейне благодаря своей неукротимой насмѣшливости и своему несвоевременному въ тѣ годы обожанію Наполеона относился несправедливо и враждебно къ Германіи, которую онъ все-таки горячо любилъ; въ видахъ предосторожности онъ удалился въ добровольное изгнаніе въ Парижъ и здѣсь увлекся нѣкоторыми соціалистическими мечтаніями. Независимо отъ обоихъ названныхъ лицъ,—если, конечно, не считать восторга ихъ произведеніями, въ особенности Гейне,—въ то время въ Германіи выдѣлился цѣлый рядъ совсѣмъ молодыхъ писателей, которымъ въ 1835 г. было дано имя „Молодой Германіи", подозрительное по своему созвучію съ названіемъ организаціи Мадзини. Лаубе, Гуцковъ и пр. отнюдь не составляли какого-либо союза, частью они даже не знали другъ друга, но всѣ они склонялись въ своемъ стремленіи заставить поэзію служить жизни, прогрессу. Въ этомъ отношеніи они были борцами-піонерами. Такъ, въ области пластическаго искусства, напримѣръ, никто еще не помышлялъ о томъ, что можно своимъ сюжетомъ сдѣлать соціальную жизнь. Но именно потому эти авторы вмѣстѣ съ своими талантливыми, но незрѣлыми произведеніями, въ которыхъ они выступали за свободу мысли и воли, за братство между свободными народами противъ гнета церковныхъ догматовъ, за эмансипацію женщинъ и за переоцѣнку всѣхъ нравственныхъ понятій, которая сильно смахивала на эмансипацію плоти, являлись въ глазахъ всѣхъ революціонерами. Однако, то, что въ романѣ Гуцкова казалось безстыдствомъ, вызываетъ теперь на сценѣ восторгъ. Какъ это всегда бываетъ, изъ среды самихъ писателей немедленно возникла реакція противъ допущенныхъ опасныхъ извращеній. Но правительства вообразили, что опасность угрожаетъ гражданскому и моральному порядку, и безъ нужды пустили въ ходъ свои дубины. Прусское правительство выступило съ запрещеніями. Затѣмъ, 10 декабря 1835 г. бундестагъ издалъ предостереженіе по адресу издателей, и всѣ союзныя правительства ввели болѣе строгое примѣненіе законовъ противъ распространенія вредныхъ сочиненій. Меттернихъ позаботился о томъ, чтобы пустить въ ходъ инсинуацію, будто опасные писатели большею частью еврейскаго происхожденія. Сочиненія Гейне, какъ

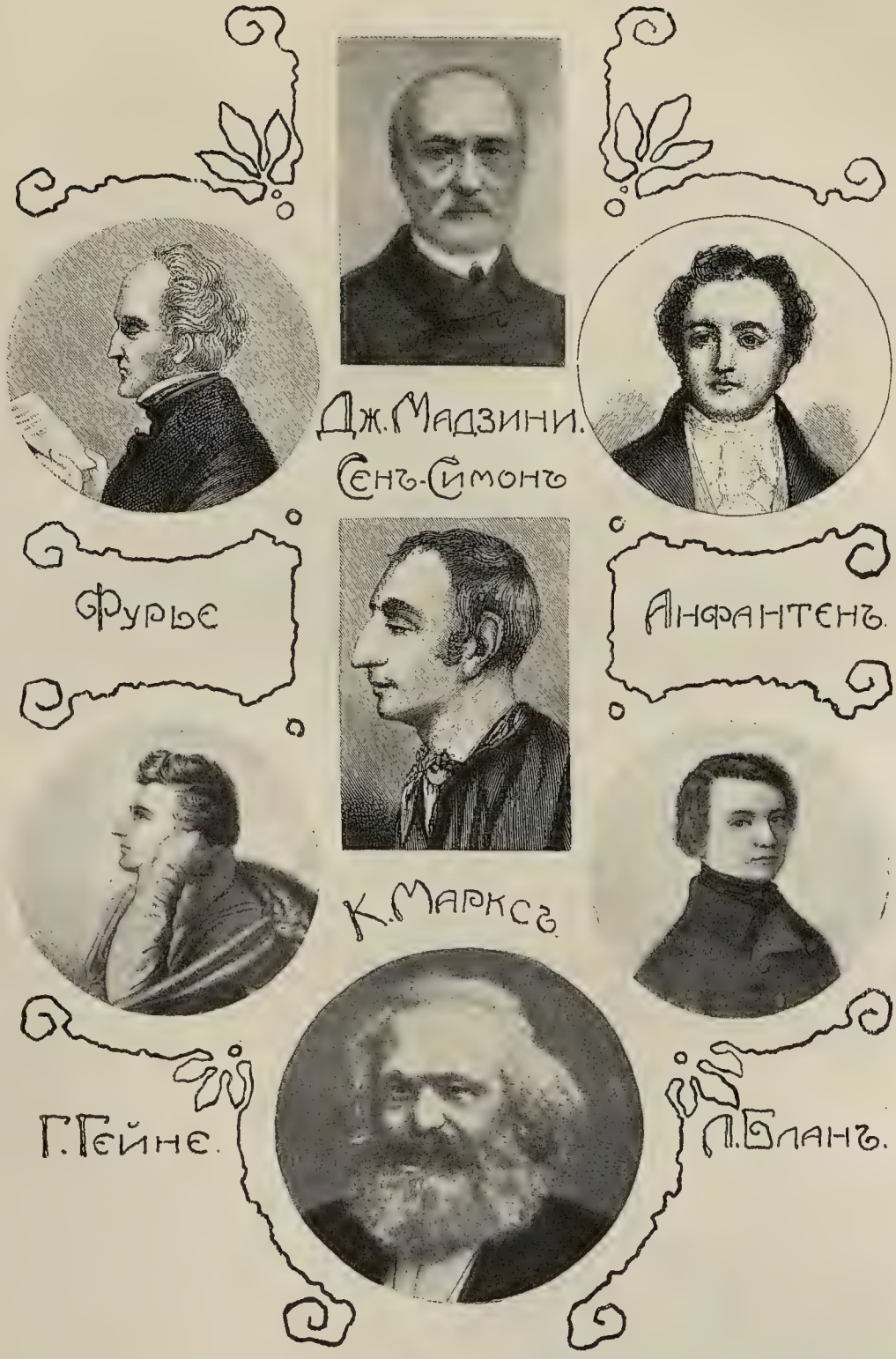
вождя направленія, также подвергались запрещенію. Распоряженіе это не всегда выполнялось съ достаточной строгостью, но въ Пруссіи оно сохранило силу до 1842 года.

Теоріи коммунизма и соціализма оказывали свое вліяніе въ серединѣ сороковыхъ годовъ лишь на сравнительно узкіе круги. Ученія Сенъ-Симона и Фурье были недоступны народу; а съ извращеніями сущности этихъ ученій ученика Сенъ-Симона Анфантена государственная власть легко справилась. Конечно, въ противоположность господствующимъ экономическимъ взглядамъ, строго придерживавшимся теоріи Адама Смита, не было недостатка въ указаніяхъ при случаѣ и на права народныхъ массъ. Но сочиненія Шевалье и попытки Оуэна въ Англіи, которымъ въ Германіи Рошеръ впервые далъ тонкую оцѣнку, были скорѣе филантропическаго, нежели соціалистическаго характера. Крайнія требованія систематиковъ, въ родѣ уничтоженія семьи и права наслѣдства, свободнаго брака и общности дѣтей, дѣйствовали скорѣе отталкивающимъ образомъ. Лишь около 1840 г. Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ стали разрабатывать теоретически и отстаивать практически соціалистическое требованіе иной организаціи труда [1]). Здѣсь мы только упомянемъ вскользь, что къ этимъ элементамъ примѣшивались соблазнительныя мысли Прудона, которыя стали активно вліять на поколѣніе рабочихъ 1848 года.

Во Франціи въ 1839 г. возникло коммунистическое движеніе, которое наглядно показало свою полнѣйшую слабость. Нѣсколько позже нѣмецкій портной Вейтлингъ, подъ вліяніемъ парижскихъ впечатлѣній, дѣйствовавшихъ возбуждающимъ образомъ на многихъ странствующихъ подмастерій, сдѣлалъ въ Швейцаріи неудачную попытку начать въ практической жизни осуществленіе коммунистическихъ идей. Несмотря на открытое подтвержденіе справедливости соціализма со стороны пламенно вѣрующаго француза Ламеннэ, несмотря на строгія порицанія долготерпѣнія въ произведеніяхъ Карла Бека, тѣ неопровержимыя истины, которыя заключались въ соціализмѣ, оставались совершенно непонятыми со стороны какъ правящихъ, такъ и управляемыхъ классовъ, выросшихъ въ условіяхъ односторонней политической борьбы. И быстро растущія массы промышленныхъ рабочихъ сами еще вѣрили, подобно англійскимъ чартистамъ, въ возможность улучшить свое положеніе путемъ присоединенія къ демократически-республиканскимъ партіямъ для преслѣдованія общихъ цѣлей, причемъ эти партіи сами охотно вводили въ свою программу нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ требованій рабочихъ. Правда, съ тридцатыхъ годовъ существовалъ уже коммунистическій союзъ съ резиденціей въ Парижѣ, а съ 1840 г. въ Лондонѣ, но въ отдѣльныхъ странахъ этотъ союзъ пустилъ лишь слабые ростки. Въ Германіи цензура очень быстро зажала ротъ рейнской и силезской прессѣ съ ея соціалистической пропагандой. Замѣчательно, что консерваторъ Вагнеръ, впослѣд-

---

[1]) Ледрю-Ролленъ былъ демократомъ, но не соціалистомъ; онъ неоднократно высказывался въ рѣшительной формѣ противъ соціализма. Участіе его въ газетѣ «La Reforme», выставившей, по настоянію Луи Блана, соціалистическую программу, дало многимъ основаніе ошибочно причислять Ледрю-Роллена къ соціалистамъ. *Ред.*


Дж. Мадзини.
Сенъ-Симонъ
Фурье
Анфантенъ.
К. Марксъ.
Г. Гейне.
Л. Бланъ.

ствіи участвовавшій въ основаніи „Крестовой Газеты“, хотѣлъ завербовать, и, конечно, безъ успѣха, рабочихъ для общей борьбы противъ либерализма, для чего подробно остановился на описаніи ихъ бѣдственнаго матеріальнаго положенія въ рядѣ статей въ „Рейнскомъ Наблюдателѣ“. Противопоставленіе богатыхъ бѣднымъ было рѣзко подчеркнуто ужаснымъ положеніемъ силезскихъ ткачей. Вообще слѣпота буржуазіи, повсюду стремившейся къ власти, и холодный формализмъ принципа невмѣшательства (laisser faire, laisser passer) буржуазной монархіи во Франціи создавали благодарную почву для развитія классового сознанія рабочихъ противъ ихъ „эксплуататоровъ“. Но рабочія массы сороковыхъ годовъ, и въ особенности возникавшіе рабочіе союзы, были еще далеки отъ сознательнаго соціализма. Принципіальное обоснованіе особой программы пролетарской партіи было дано Фридрихомъ Энгельсомъ и Карломъ Марксомъ, двумя нѣмцами, переселившимися въ 1845 г. въ Брюссель. Имъ обоимъ принадлежитъ „Манифестъ коммунистической партіи“, принятый на конгрессѣ коммунистовъ въ ноябрѣ 1847 г., опубликованный въ 1848 г. и появившійся на многихъ языкахъ. Въ этомъ манифестѣ буржуазія изображена какъ наслѣдница феодализма и заклеймлена какъ врагъ, который при помощи капитала и свободной конкурренціи низводитъ рабочаго на степень простого орудія труда. Въ силу этого коммунистамъ вмѣняется въ обязанность поддерживать всякое революціонное движеніе противъ существующаго общественнаго и политическаго строя, и прочно устанавливается интернаціональный характеръ коммунизма путемъ лозунга: „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“! Точно изложенныя соціалистическія требованія, каковы уничтоженіе частной земельной собственности, права наслѣдства и семьи, прогрессивный налогъ, промышленный и аграрный соціализмъ съ одинаковымъ обязательнымъ трудомъ для всѣхъ и т. д., не должны пока препятствовать участію рабочихъ-соціалистовъ для низверженія политическаго строя въ союзѣ съ оппозиціонными элементами, мыслящими иначе. Эта часть знаменитой пролетарской боевой программы имѣла практическое значеніе для 1848 г. Неудача этой революціи тѣмъ самымъ отразилась и на интересахъ рабочихъ. Когда рабочіе вскорѣ снова начали сами разбираться въ своихъ дѣлахъ, то литературный соціализмъ въ томъ видѣ, въ какомъ его распространяло ученіе Прудона, потерялъ всякое значеніе. На первый планъ начали выступать рѣзко отчеканенныя положенія системы Маркса, началась классовая борьба особаго четвертаго сословія.

Духъ научной критики существующаго нельзя было искоренить. Его удары были направлены какъ-разъ на тѣ пункты, которые, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи, считались обезпеченными волшебной гегелевской формулой примиренія между вѣрой и знаніемъ. Еще въ 1835 г. появилась „Жизнь Іисуса“ теолога Давида Штрауса, который сталъ чисто-интуитивнымъ путемъ разъяснять развитіе религіозныхъ представленій, причемъ большую часть евангельскихъ повѣствованій онъ призналъ не имѣющими историческаго значенія и продуктомъ миѳическихъ воззрѣній христіанства первыхъ временъ. Бауэръ и его Тюбингенская школа впервые примѣнили общіе пріемы исторической науки въ области богословія. Его геніальная смѣлость вызвала рѣшительный отпоръ и негодованіе со стороны

научной литературы и теологическихъ круговъ. Мнѣнія раздѣлились именно на этомъ вопросѣ. Даже Людвигъ Фейербахъ находилъ приверженцевъ со своимъ антропоморфизмомъ. Лѣвое радикальное направленіе отдѣлилось отъ правовѣрнаго гегеліанства и основало органъ новаго міровоззрѣнія, совершенно противоположнаго романтическому, Hallesche Jahrbücher. Для борьбы со всѣми этими отрицательными направленіями былъ вызванъ въ Берлинъ старѣющій Шеллингъ.

Ультрамонтанизмъ нашелъ теперь для своего боевого лозунга, заглохшаго въ эпоху раціонализма, благопріятную почву, подготовленную душевнымъ потрясеніемъ поколѣній, жившихъ среди ужасовъ революцій, равно какъ и боязнью передъ революціей и потребностью реставрированныхъ правительствъ найти точку опоры. Самое папство, которому въ 1814 г. была возвращена папская область, мнимо стало въ ряды ультрамонтановъ. Психозъ этотъ подтверждался снизу многочисленными случаями обращенія въ католицизмъ богато одаренныхъ и сильныхъ волей протестантовъ въ теченіе ближайшаго десятилѣтія. Папство съ первыхъ же дней заняло позицію въ смыслѣ абсолютной полноты власти въ церковной сферѣ въ широкомъ смыслѣ слова; вскорѣ оно снова пустило въ ходъ для подавленія какъ неопредѣленныхъ, такъ и раціоналистическихъ теченій старое испытанное оружіе, т.-е. инквизицію, запрещеніе книгъ, конгрегаціи и ордена, преимущественно іезуитскіе. Но, не довольствуясь этимъ и не взирая на содѣйствіе своей реставраціи со стороны некатолическихъ державъ, папство приняло за исходную точку своихъ дѣйствій нестарѣющее притязаніе на свое исключительное положеніе. Во всѣхъ рѣшеніяхъ куріи въ тѣ годы, во всѣхъ конкордатахъ, буллахъ о діоцезахъ или договорахъ, составленныхъ въ видѣ бреве, по отношенію къ иновѣрцамъ раздается тотъ же лозунгъ, который нѣкогда первые христіане слышали изъ устъ язычниковъ: non licet vos esse. Слѣдовательно, со стороны папства было лишь временное вынужденное признаніе равенства и терпимости; въ принципѣ оно не допускало „этого зла". Булла Григорія XVI въ 1832 году предаетъ проклятію заблужденіе, будто можно спастись во всякой вѣрѣ, а также безуміе свободы совѣсти. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что основныя положенія примѣнялись разно въ отдѣльныхъ случаяхъ, при сношеніяхъ съ католическими и протестантскими правительствами. Принципіально ультрамонтанское воззрѣніе твердо держалось обязательности каноническаго права, даже въ такъ называемыхъ пограничныхъ областяхъ между церковью и государствомъ, и вездѣ оно встрѣчало сильную поддержку со стороны вѣрующей части общества. Въ Бельгію и Германію проникали изъ Франціи рядомъ съ папистскими сочиненіями какого-нибудь де-Местра мысли Бональда, Шатобріана и впослѣдствіи священника Ламеннэ. Во Франціи все духовное общество сравнительно быстро стало совершенно ультрамонтанскимъ, тогда какъ въ Бельгіи, несмотря на этотъ наиболѣе распространенный образъ мысли, часть духовенства считала цѣлесообразнымъ использовать ко благу церкви либеральныя требованія въ духѣ времени, свободу преподаванія, слова и союзовъ. Въ Римѣ съ этимъ соглашались очень неохотно. Но успѣхъ среди массъ соотвѣтствовалъ ловкому примѣненію этихъ средствъ борьбы. Конечно, побѣда предводителей воинствующей церкви

надъ государственными людьми была облегчена господствующимъ въ протестантскихъ кругахъ заблужденіемъ, будто папская церковь не является уже міровой державой, какъ нѣкогда, но скорѣе связью, объединяющей между собой многочисленныя мѣстныя церкви.

Въ Германіи старое поколѣніе духовенства не безпрекословно согласилось подчиниться римскому принципу. Но мрачный суверенитетъ правительствъ искоренилъ самую идею національной церкви или, по меньшей мѣрѣ, союзнаго вмѣшательства въ положеніе католическихъ мѣстныхъ церквей. Католическая теологія попыталась-было сохранить нѣкоторую самостоятельность, чему можетъ служить примѣромъ боннскій профессоръ Гермесъ, который училъ своихъ учениковъ постигать догматъ путемъ разума. Но разраставшійся фанатизмъ, т.-е. папскій авторитетъ въ церкви, какъ опора ея единства, все болѣе и болѣе исключалъ свободное изслѣдованіе. Ученіе Гермеса подверглось осужденію во время церковной распри, разгорѣвшейся съ Пруссіей, гдѣ благодаря уступчивости правительства ученики Гермеса потеряли свои государственныя должности. Въ Германіи паписты все болѣе и болѣе укрѣпляли свое положеніе, къ нимъ въ то время принадлежалъ и ученый Деллингеръ, противникъ реформаціи и ея историка Ранке. Среди мірянъ въ качествѣ предводителя ультрамонтанства въ литературѣ особенно выдавался Герресъ. Внутреннему усиленію ультрамонтанства соотвѣтствовали блестящіе успѣхи его и извнѣ. Побѣдоносное его движеніе мы видѣли въ Англіи, Ирландіи, Голландіи, Бельгіи и Пруссіи. Въ остальной Германіи оппозицію встрѣтила одна только нежизнеспособная группа нѣмцевъ-католиковъ по поводу очень типичнаго массоваго паломничества къ Св. Року въ Трирѣ. Въ качествѣ передовыхъ борцовъ ecclesiae militantis іезуиты поставили себѣ задачей во имя свободы церкви подчинить государства папѣ, какъ высшей власти. Спеціально созданная для этого старинная организація, пламенныя дарованія ея членовъ, систематическое пополненіе ея свѣжими силами изъ всѣхъ націй, воспитаніе и обученіе, приспособленныя къ свѣтскимъ нравамъ и понятіямъ, искусное использованіе законодательныхъ улучшеній новаго времени,—все это обезпечивало іезуитамъ громадный успѣхъ. Въ Бельгіи орденъ іезуитовъ получилъ рѣшающее значеніе; онъ свилъ себѣ гнѣздо также и во Франціи, сперва въ миссіяхъ, а затѣмъ, несмотря на всѣ запрещенія, и въ капитулахъ. Всюду, гдѣ только орденъ былъ въ состояніи развивать свою дѣятельность, нерѣдко даже вопреки регулярному духовенству, миръ между вѣроисповѣданіями разсматривался какъ равнодушіе къ дѣламъ вѣры или даже какъ невѣріе. Для дисциплинированія массъ обычнымъ средствомъ служили возбужденіе религіозныхъ чувствъ и основаніе братствъ.

13. Политика державъ въ Испаніи, Турціи и другихъ частяхъ свѣта.

Разница между западными конституціонными и абсолютистскими восточными державами рѣзче всего выразилась, несмотря на нѣкоторые оттѣнки въ отношеніи ихъ къ событіямъ на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ Португалія и Испанія стали конституціонными государствами. Императоръ Бразиліи донъ Педро отказался отъ престола въ пользу своего сына Педро II и рѣшился поддерживать въ своей родинѣ Португаліи права своей дочери донны Маріи да Глоріа противъ узурпатора донъ Мигуэля. Война, начавшаяся въ 1832 г., привела въ 1833 г. къ взятію Лиссабона и вступленію въ него Маріи, но сопротивленіе донъ Мигуэля этимъ не кончилось. Въ Испаніи вліяніе прекрасной неаполитанки Маріи-Христины, четвертой супруги Фердинанда VII, побудило этого короля при помощи прагматической санкціи замѣнить престолонаслѣдованіе по мужской линіи такъ называемымъ старо-католическимъ престолонаслѣдованіемъ по женской линіи (въ пользу своей старшей дочери Изабеллы). Послѣ смерти Фердинанда въ сентябрѣ 1833 г., несмотря на возникшія колебанія, санкція формально оставалась въ силѣ, и вдовствующая королева взяла въ качествѣ регентши своей несовершеннолѣтней дочери бразды правленія. Однако, громадное большинство народа, гранды, духовенство и крестьяне считали законнымъ наслѣдникомъ фанатическаго абсолютиста донъ Карлоса, брата Фердинанда, находившагося въ Португаліи. Регентша по необходимости должна была искать опоры въ подвергавшихся до этого времени гоненію либеральныхъ элементахъ образованныхъ и промышленныхъ классовъ. Изабелла получила признаніе со стороны Англіи и Франціи. Въ 1834 г. Испанія получила въ видѣ королевскаго статута конституцію, составленную по образцу французской хартіи 1814 г. Но тѣмъ энергичнѣе вступились восточныя державы за донъ Карлоса, какъ раньше онѣ были на сторонѣ донъ Мигуэля. Тайкомъ онѣ поддерживали претендента, какъ представителя монархическаго принципа, оружіемъ и деньгами. Западныя державы —изъ нихъ Франція ни за что не хотѣла вовлечь себя въ вооруженное вмѣшательство —тщетно пытались уладить затрудненія въ общихъ государствахъ при помощи четверного союза 22 апрѣля 1834 г. Однако, Мигуэль долженъ былъ покинуть Португалію, такъ что Марія да Глоріа осталась у власти и возстановила конституцію, ниспровергнутую Мигуэлемъ. Но донъ Карлосъ явился въ Испанію, и здѣсь-то теперь и разгорѣлась карлистская война. Цитаделью его была Наварра и баскскія земли, которыя не могли отказаться отъ своего обособленнаго положенія, въ пользу объединенія управленія, являвшагося цѣлью либераловъ. Къ инсургентамъ, организованнымъ вполнѣ по-военному и одно время нашедшимъ въ лицѣ Цумалакареги словно нарочно для нихъ созданнаго предводителя, со всѣхъ сторонъ стекались любители военныхъ приключеній. Кромѣ того, они были объединены и воодушевлены политическими и религіозными убѣжденіями, тогда какъ „христиносамъ“ приходилось еще бороться съ недовольными прогрессистами, предпринявшими въ 1837 г. радикальное преобразованіе конституціи. Дѣйствія королевскихъ генераловъ тормозились взаимнымъ соперничествомъ, непреодолимой рутиной и отсутствіемъ средствъ у государственной власти; они поэтому не были въ силахъ загасить пламя, вспыхивавшее повсюду. Война отличалась съ обѣихъ сторонъ жестокостью, даже чисто-индѣйской жестокостью по отношенію и къ мирнымъ жителямъ. Однако, генералу Эспартеро удалось вырвать побѣду изъ рукъ донъ Карлоса, который неоднократно имѣлъ перевѣсъ въ

военномъ отношеніи, но былъ приведенъ въ смущеніе несогласіями и нежеланіемъ своихъ партизановъ дальше воевать. Вергарское соглашеніе 1839 г. принудило донъ Карлоса съ остатками своихъ войскъ перейти на французскую территорію. Послѣ того какъ властолюбивые генералы прогрессисты или модерадосы принудили и королеву-регентшу покинуть государство, между ними начались взаимные раздоры. Возстанія слѣдовали одно за другимъ. Въ 1843 г. диктаторъ Эспартеро долженъ былъ покинуть Испанію, и тринадцатилѣтняя Изабелла была объявлена совершеннолѣтней. Вліятельнѣйшимъ лицомъ снова сдѣлалась возвратившаяся королева-мать, теперь офиціально объявившая свой бракъ съ гвардейцемъ Муньосомъ. Въ 1845 г. была возстановлена конституція 1834 года съ умѣреннымъ министерствомъ генерала Нарваеса. Несмотря на междоусобную войну, успѣхи преобразованія провинцій и общиннаго управленія были очевидны. Слѣдовательно, черезъ посредство западныхъ державъ на Пиренейскомъ полуостровѣ было достигнуто такъ много, что кончилось беззаконіе сверху, господствовавшее во имя священныхъ принциповъ. Зато тѣ же державы совершили самое тяжелое преступленіе по отношенію къ глубоко разстроенной Испаніи и ея династіи прославленными испанскими браками 1846 г. Прекрасно зная, что рука молодой королевы не можетъ достаться ни одному изъ его сыновей, Луи-Филиппъ въ нарушеніе происшедшихъ соглашеній настоялъ на бракѣ своего сына герцога Монпансье съ младшей сестрой королевы, устроивъ предварительно, что Изабелла стала супругой своего двоюроднаго брата, завѣдомо неспособнаго имѣть дѣтей, инфтана Франциска Ассизскаго. Разсчетъ Луи-Филиппа, конечно, не далъ выгоды ни одной изъ сторонъ. Потомки Изабеллы предъявляли свои права на наслѣдство. На всѣ западныя державы, такимъ образомъ, была брошена тѣнь нечистоплотной политики Луи-Филиппа. Вслѣдствіе этого онѣ могли выразить лишь не имѣвшій серьезнаго значенія протестъ по поводу присоединенія восточными державами къ Австріи краковской республики, учрежденной въ 1815 г.

Соглашеніе между Франціей и Англіей никогда не было прочнымъ и раньше уже было нарушено въ восточномъ вопросѣ, такъ какъ интересы обѣихъ странъ столкнулись на Средиземномъ морѣ. Англія подъ руководствомъ Пальмерстона, весьма мало расположеннаго къ Франціи, старалась обезпечить себѣ свободный торговый путь въ Индію, поддерживая свое морское преобладаніе на всемъ протяженіи береговъ вдоль этого пути; Франція, снова сдѣлавшись колоніальной державой послѣ пріобрѣтенія ею Алжира, дорожила своимъ какъ бы мирнымъ владычествомъ въ Египтѣ, гдѣ ея союзникъ, просвѣщенный вице-король Мегеметъ-Али, при помощи французскихъ инженеровъ, офицеровъ и купцовъ чудеснымъ образомъ вызвалъ искусственный расцвѣтъ современной цивилизаціи въ интересахъ деспотическаго всемогущества и государственной военной силы.

Мегеметъ-Али жаловался на недостаточную оцѣнку со стороны султана, своего суверена, его крупныхъ заслугъ во время греческаго возстанія. Султанъ постоянно отказывалъ ему въ уступкѣ Сиріи, которая всегда была цѣлью египетской политики. Въ 1831 г. Мегеметъ-Али безъ всякаго повода, самовольно и

минуя верховную власть султана, расправился съ пашой города Акки. За это султанъ смѣстилъ Мегемета, но султанскія войска были имъ разсѣяны въ Сиріи и затѣмъ при Коніи въ Малой Азіи (21 декабря 1832 г.). Дорога къ Константинополю была открыта передъ побѣдителемъ. Мегеметъ хотѣлъ этимъ воспользоваться, быть-можетъ, не столько съ цѣлью свергнуть султана, сколько имѣя въ виду играть при немъ, или прикрываясь имъ, первую роль. На призывъ униженнаго султана первый отозвался его русскій соперникъ, явившійся съ войсками и судами на защиту Порты отъ ея вассала. Дипломатія прочихъ державъ поспѣшила предотвратить опасность столкновенія, побудивъ султана назначить по договору въ Кутахіи египетскаго вице-короля намѣстникомъ Сиріи. Россія отозвала обратно свои войска, обязавшись договоромъ въ Гункьяръ-Скелесси, заключеннымъ на 8 лѣтъ (1833 г.), защищать Порту противъ всякой внутренней и внѣшней опасности, и выговоривъ за это обязательство султана въ случаѣ войны закрывать Босфоръ и Дарданеллы для всѣхъ враждебныхъ Россіи военныхъ судовъ. Несмотря на ревнивое отношеніе западныхъ державъ къ предоставленію одной державѣ права вмѣшательства, все осталось попрежнему ко всеобщему неудовольствію.

Слѣдующіе годы прошли для султана и вассала въ вооруженіи. Франція все болѣе и болѣе оказывала добрыя услуги своему египетскому союзнику, тогда какъ Англія, раздраженная затрудненіями для своихъ сношеній черезъ Суэцъ, думала парализовать тягостную египетскую монополію путемъ таможеннаго договора съ султаномъ. Распря между султаномъ и его вассаломъ, который требовалъ, чтобы султанъ призналъ его наслѣдственнымъ повелителемъ, кончилась взрывомъ въ 1839 г. Вице-король былъ объявленъ измѣнникомъ, но армія его одержала побѣду надъ войсками падишаха при Низибѣ въ 1839 г. благодаря тому, что командующій ими, вопреки совѣту находившагося при немъ прусскаго капитана фонъ-Мольтке, вздумалъ ожидать атаки непріятеля въ невыгодной позиціи. При такихъ обстоятельствахъ послѣдовала кончина султана Махмуда, оставившаго послѣ себя шестнадцатилѣтняго наслѣдника престола. За уничтоженіемъ войска послѣдовала добровольная сдача флота одряхлѣвшей имперіи. Чтобы спасти Порту, великія державы пригласили ее 27 іюля непремѣнно при ихъ посредствѣ вступить въ соглашеніе съ побѣдителемъ. Англія едва соглашалась даже на то, чтобы предоставить побѣдителю его пашалыкъ—Египетъ. Франція хотѣла дать ему наслѣдственное право также и надъ Сиріей и Аравіей. Царь Николай изъ ненависти къ буржуазному королевству, фактически отказываясь отъ своего обусловленнаго договоромъ привилегированнаго положенія въ Золотомъ Рогѣ, предложилъ Англіи урегулировать все это дѣло на Лондонской конференціи 1840 г. Французскій министръ Тьеръ пытался, затягивая переговоры, достигнуть болѣе выгоднаго для Египта соглашенія. Четверной союзъ между четырьмя остальными державами требовалъ отъ вице-короля согласія на условія, безусловно необходимыя для неприкосновенности Турціи, угрожая въ противномъ случаѣ экзекуціей. Эти переговоры едва не довели до войны между четырьмя державами и оскорбленной Франціей, правительство которой было подстрекаемо общественнымъ мнѣніемъ. Опасность пролила яркій свѣтъ на сла-

бость германской позиціи на Рейнѣ, на которую французы направили бы свою главную атаку. Сохраненіе нейтралитета со стороны Пруссіи, принимавшей участіе въ союзѣ четырехъ державъ, едва ли могло измѣнить ходъ событій. Луи-Филиппъ не пожелалъ воевать, замѣнивъ министерство Тьера, уже получившее средства на укрѣпленіе Парижа, новымъ министерствомъ Гизо.

Тѣмъ временемъ соединенный англо-австрійскій флотъ завоевалъ береговыя мѣста сирійской территоріи, гдѣ уже вспыхнуло возстаніе противъ египтянъ и угрожалъ бомбардировкой Александріи. По настоянію Англіи Порта отвергла уже заключенный здѣсь договоръ, лишивъ Мегеметъ-Али наслѣдственныхъ правъ. Германскія великія державы приближались къ французской точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ, въ январѣ 1841 г. Мегеметъ-Али былъ признанъ наслѣдственнымъ намѣстникомъ Египта подъ опредѣленнымъ, точно обусловленнымъ верховнымъ владычествомъ Порты, а Франція внѣшнимъ образомъ снова пополнила пентархію великихъ державъ. Такъ называемый договоръ о проливахъ 1841 г. прочно устанавливалъ исключительное право султана на Босфоръ и Дарданеллы.

Турція медленно и не вполнѣ оправлялась. Было произведено преобразованіе арміи по европейскому образцу. Но, несмотря на хвастливый Гюльханейскій гати-шерифъ, не были введены ни служба райи въ арміи, ни прочныя реформы управленія. Это было и неудивительно при религіозно-воинскомъ строѣ государства. Безпорядки въ Ливанѣ, напр., между друзами и маронитами были улажены только въ 1846 г.

Англія долго оставалась вѣрна догмату неприкосновенности Турціи, какъ это видно хотя бы изъ ея отношенія къ молодому королевству Греціи. Въ 1843 г. путемъ бунта у греческаго короля Оттона была вынуждена конституція. Одновременно съ попытками французовъ обезпечить себѣ вліяніе въ Египтѣ происходило покореніе Алжира, захваченнаго въ 1830 г. Восточная часть его въ 1837 г. могла считаться успокоенной, но въ 1839 году на западѣ снова началась немилосердная борьба между Бюжо и смѣнившими его африканскими генералами и упрямымъ эмиромъ Абдъ-ель-Кадеромъ. Опираясь на духъ независимости и религіозный фанатизмъ туземныхъ племенъ и будучи увѣреннымъ въ убѣжищѣ и тайной поддержкѣ въ сосѣднемъ Марокко, Абдъ-ель-Кадеръ не сдавался окончательно вплоть до 1847 г. Тѣмъ не менѣе, западъ оставался бурнымъ краемъ, и организація трехъ провинцій, равно какъ поступательное движеніе къ Атласу, шли лишь очень медленно. Въ Азіи столкнулись противоположные интересы Англіи и Россіи. Путемъ контрабанднаго ввоза оружія Англія втайнѣ поддерживала кавказскія племена, боровшіяся противъ русскаго завоеванія, однако, она не была въ состояніи помѣшать ихъ покоренію и дальнѣйшему движенію русскихъ къ Каспійскому морю. Собственно говоря, интересы Англіи начинались лишь съ центральной Азіи, гдѣ по распространенному въ Лондонѣ мнѣнію нужно было прикрывать господство англичанъ въ Индіи: вслѣдствіе этого, обѣ державы боролись между собой помощью золота изъ-за преобладанія въ Персіи, и столкновеніе между ними носило еще болѣе острый характеръ въ Афганистанѣ. Нападеніе персидскаго шаха на гератскаго эмира было совершено подъ вліяніемъ

Россіи, но оно не удалось (1840) вслѣдствіе угрожающаго появленія англійскихъ военныхъ судовъ въ Персидскомъ заливѣ. Независимо отъ этого, Англія еще въ 1839 г. обезпечила себѣ морскую базу на Красномъ морѣ, занявъ Аденъ. Экспедиція вице-короля Индіи противъ Кабула, имѣвшая цѣлью, обезпечить въ военномъ и торговомъ отношеніи подъѣздные пути къ Индіи, проходившіе черезъ смежныя съ ней мѣстности, не имѣла прочнаго успѣха (1839—1843). Война съ Китаемъ изъ-за торговли опіемъ (1840—1842), вызванная скорѣе торговой жадностью отдѣльныхъ лицъ, нежели опредѣленнымъ направленіемъ политики правительства, заслуживаетъ лишь бѣглаго упоминанія. Неблаговидныя дѣйствія Англіи, однако, открыли ей сношенія съ Гонконгомъ, а міровой торговлѣ дали доступъ черезъ пять портовъ въ Срединную Имперію, которая до тѣхъ поръ была почти совершенно закрыта. Благодаря договору о проливахъ, въ силу котораго преобладаніе на Босфорѣ перешло отъ Россіи къ Европѣ, Россія обезпечила свои черноморскія границы. Цѣлью русской политики ближайшаго будущаго стало сохраненіе Турціи, и Россія ничего такъ не боялась, какъ перехода Константинополя въ руки грековъ. Несмотря на это, все-таки не увѣнчался успѣхомъ личный починъ царя достигнуть соглашенія съ Англіей въ этомъ пунктѣ. Въ Англіи все еще крѣпко держались соглашенія съ іюльской монархіей, которая была такъ ненавистна русскому самодержцу. Императоръ Николай тщетно пытался вызвать вражду Австріи и Пруссіи къ орлеанскому дому. Онъ настойчиво напоминалъ мелкимъ германскимъ дворамъ о выполненіи ими своихъ военныхъ обязанностей по отношенію къ Союзу, подкрѣпляя свои напоминанія тѣмъ соображеніемъ, что русскія войска могли бы, въ случаѣ войны съ Франціей, служить резервами для германской арміи. Во всякомъ случаѣ, это вмѣшательство автократа, мнившаго себя опорой легитимизма, во внутреннія дѣла было крайне неудобно. Тесть его король Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ просто отклонить его требованіе объ уничтоженіи революціоннаго ландвера. Австріи русскій императоръ обѣщалъ свою помощь въ случаѣ возстанія Венгріи. Его система всеобщей опеки достигла апогея лишь послѣ кончины Франца I и Фридриха-Вильгельма III.

Въ заключеніе необходимо бросить взглядъ на развитіе англійской колоніальной имперіи. Индія, въ интересахъ которой послѣдовали вышеуказанныя столкновенія въ центральной и Малой Азіи, находилась еще подъ управленіемъ остъ-индской компаніи, льготы которой были въ 1833 г. продлены на двадцать лѣтъ, хотя еще въ 1814 г. пала ея торговая монополія съ метрополіей. Во всякомъ случаѣ, съ того времени компанія была значительно ограничена генеральнымъ намѣстникомъ и мѣстными учрежденіями. Всѣ англичане получили право свободнаго переселенія въ Индію. Послѣ того, какъ на войнѣ съ сиками у туземныхъ князей была отнята старая индусская часть Пенджаба, англичане начали сознательно принуждать служить общимъ интересамъ Великобританіи эту громадную имперію. Было положено начало осторожнымъ попыткамъ образовать туземцевъ и привлечь ихъ къ общей работѣ, улучшить обученіе, печать, суды и управленіе. Такъ какъ главной цѣлью все-таки было сдѣлать англичанъ господствующимъ народомъ, то нерѣдко приходилось прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ.

Но, несомнѣнно, англо-саксонское умѣнье ловко лавировать между терпимостью къ чужеземнымъ религіознымъ вѣрованіямъ и требованіями цивилизаціи, какъ, напр., запрещеніе сжиганія вдовъ, большею частью мѣтко достигало своей цѣли. Въ колоніяхъ, въ которыхъ перевѣсъ былъ на сторонѣ англійскаго или, по крайней мѣрѣ, бѣлаго населенія, начался дальнѣйшій прогрессъ. Наученные опытомъ съ колоніями Новой Англіи, англичане въ 1840 году дали Канадѣ выборное собраніе съ правомъ обложенія и законодательства; изъ компетенціи его были изъяты лишь вопросы, касающіеся войны, иностранной политики и торговыхъ сношеній съ метрополіей. Слѣдующимъ шагомъ впередъ было учрежденіе отвѣтственнаго правительства (responsible government). Результатъ въ смыслѣ процвѣтанія страны былъ блестящій, не говоря уже о томъ, что все населеніе сливалось въ одно цѣлое и пріучалось къ лояльности. Съ 1842 г. началось введеніе аналогичныхъ конституціонныхъ учрежденій въ австралійскихъ колоніяхъ, послѣ того какъ Англія отказалась отъ превращенія ихъ въ мѣста ссылки преступниковъ; это прекращеніе соотвѣтствовало желанію мѣстнаго свободнаго населенія. Впослѣдствіи компетенція новыхъ учрежденій была распространена и на право измѣненія конституціи. Послѣдней изъ колоній, получившихъ самостоятельность, была Капская область (лишь въ 1853 г.). Ввозъ англійскихъ произведеній въ эту колонію сталъ быстро возрастать послѣ того, какъ часть старыхъ голландскихъ колонистовъ съ отмѣной рабства негровъ сочла за благоразумное „подвинуться" къ сѣверу. Въ общемъ пошлинное законодательство Пиля было благопріятно для развитія колоній; дифференціальныя пошлины въ пользу метрополіи были совершенно отмѣнены лишь послѣ 1848 года.

Подобнаго рода политическія реформы были невозможны въ Вестъ-Индіи и другихъ колоніяхъ, гдѣ численный перевѣсъ оказался на сторонѣ нынѣ освобожденнаго отъ рабства населенія. Такимъ образомъ, Англія развивала морскую силу, пріобрѣтенную ею въ предыдущую эпоху, и укрѣплялась какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ; положеніе ея, какъ величайшей изъ торговыхъ и промышленныхъ державъ, оставалось безспорнымъ.

Колонисты и сами видѣли, какія преимущества дастъ имъ организованное въ духѣ свободныхъ учрежденій подчиненіе великобританской имперіи.

14. Австрія, Пруссія и Германія въ сороковыхъ годахъ.

Послѣ вступленія на престолъ неспособнаго императора Фердинанда (1836) бразды правленія въ Австріи фактически находились въ рукахъ такъ называемой государственной конфедераціи, въ составъ которой входили, помимо предсѣдателя эрцгерцога Людвига, предполагаемый наслѣдникъ престола эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, князь Меттернихъ и его соперникъ графъ Коловратъ. Предполагалось, что этотъ органъ приведетъ къ примиренію всѣ личныя притязанія и интересы, но оказалось, что при немъ единства въ высшихъ государственныхъ учрежденій было еще меньше, чѣмъ въ царствованіе Франца I. Графъ Коловратъ охотно взялся бы за административную реформу, но онъ встрѣ-

тилъ упорное сопротивленіе со стороны эрцгерцога Людвига, хотя Меттерниху подъ конецъ и удалось побѣдить предубѣжденія послѣдняго. Тайная полиція оставалась во внутренней политикѣ важнѣйшей носительницей государственной власти. Всему міру извѣстно, въ какую пустыню она обратила страну по сію сторону Лейты, заглушая въ ней всякое духовное начинаніе. Въ области торговыхъ сношеній съ успѣхомъ дѣйствовалъ искусный гофкамерпрезидентъ Кюбекъ, содѣйствовавшій постройкѣ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ (1843), а впослѣдствіи и проведенію телеграфа. Въ высшихъ сферахъ косо смотрѣли на реформу отношеній крестьянъ къ дворянамъ землевладѣльцамъ въ германскихъ и чешскихъ провинціяхъ, гдѣ существовали десятина и барщина; и несмотря на то, что сами дворянскія сословія неоднократно поднимали вопросъ объ этихъ реформахъ, ихъ постоянно откладывали. Всякія теченія въ смыслѣ реформъ финансовой политики, напр., тарифной реформы, тоже не встрѣчали поддержки сверху. Ничего не было сдѣлано для коренного улучшенія чиновничества. Ландтаги, состоявшіе почти исключительно изъ дворянъ, не имѣли никакого политическаго значенія и съ ихъ мнѣніемъ не считались, когда они, какъ, напр., нижне-австрійскій ландтагъ въ 1843 г., указывали на существующее зло. И, тѣмъ не менѣе, даже въ глазахъ Меттерниха, они должны были бы имѣть значеніе въ качествѣ представителей отъ провинцій, составлявшихъ черезъ посредство своихъ историческихъ отношеній къ династіи все государство. Съ разложеніемъ остатковъ сословнаго быта императорская администрація очутилась лицомъ къ лицу съ отдѣльными національностями имперіи. Наканунѣ революціи даже у Меттерниха проявлялось желаніе укрѣпить сословія, и онъ началъ помышлять о комиссіи изъ представителей сословій въ Вѣнѣ. Но всякое измѣненіе существующаго строя представлялось правительству опаснымъ. То, что нѣкогда въ глазахъ этого государственнаго дѣятеля было преимуществомъ старшаго почетнѣйшаго „старшаго дома въ Европѣ“,—а именно: противодѣйствіе перемѣнамъ всякаго рода,—превратилось теперь изъ источника силы въ элементъ слабости, въ настоящее бѣдствіе. Оно вызывало разногласіе въ самихъ правящихъ сферахъ, а высокомѣрное отклоненіе самыхъ скромныхъ требованій окончательно подрывало довѣріе національностей какъ къ смѣшанной имперіи, такъ и другъ къ другу.

Въ германскихъ коронныхъ земляхъ, гдѣ нѣмцы чувствовали себя руководящей національностью въ арміи и въ управленіи, стремленія интеллигенціи сконцентрировались въ 1845 г. вокругъ петиціи объ измѣненіи цензуры. Уже въ теченіе двухъ лѣтъ шла политическая дискуссія по этому вопросу, вызванная произведеніемъ одного австрійскаго аристократа барона фонъ-Андріана, появившемся въ Гамбургѣ. Даже беллетристика, насколько въ ней звучали политическія нотки, могла дышать только за черно-желтыми пограничными столбами. Но все-таки карантинъ былъ нарушенъ; то, что возбуждало въ Германіи всѣ слои общества, не могло не привлечь къ себѣ вниманія на Дунаѣ и на Альпахъ.

Толчкомъ къ пробужденію сознанія послужило національное движеніе среди не-германскихъ народностей монархіи. Богемская почва, долго лежавшая какъ бы подъ паромъ, произвела необыкновенно роскошную чешскую литературу. Вслѣдъ за сагами и поэмами изъ прошлаго, отчасти фальсифицирован-

ными, появились сочиненія по словесности и исторіи, преслѣдовавшія одну и ту же цѣль—пробужденіе національности. Движеніе въ научной сферѣ, облеченное въ націоналистическія формы, вскорѣ затронуло глубокіе слои. Земскіе чины дошли до требованія возвратить имъ старыя права. Чехи начали чувствовать себя частью великаго славянскаго міра. Подобное же явленіе наблюдалось среди южныхъ славянъ въ Хорватіи, Славоніи, Далмаціи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ существовало стремленіе къ обоснованію южно-славянскаго литературнаго единства (иллиризмъ) *). Политическій духъ мадьяръ былъ возбужденъ еще сильнѣе, и тѣмъ не менѣе рейхстаги не проводили никакихъ реформъ, которыхъ общественное мнѣніе требовало съ 1839 г. Но съ трибуны рейхстага отголоски того, что прежде находило откликъ въ литературѣ и профессіональныхъ собраніяхъ, теперь разносились еще дальше. Отдѣльные ландтаги, дальнозоркіе представители тѣхъ 700000 дворянъ, которыми до сихъ поръ ограничивалась почти вся политическая жизнь, какъ, напр., Францъ Деакъ, стояли за расширеніе политической арены въ пользу бюргерскаго и крестьянскаго сословій, но прежде всего желали дать крестьянству свободу и собственность. Эти либеральные реформаторы требовали также признанія за рейхстагомъ права санкціи налоговъ.

Въ виду безуспѣшности всѣхъ стремленій къ освобожденію и улучшенію страны образовалась въ сороковыхъ годахъ демократическая партія, основателемъ которой былъ адвокатъ Людвигъ Кошутъ, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ; партія эта стремилась къ созданію чисто-національнаго правительства съ уничтоженіемъ привилегій дворянства въ комитатахъ и рейхстагѣ.

Съ того времени, какъ въ парламентѣ латинскій языкъ уступилъ мѣсто мадьярскому, мадьяры преисполнились національнымъ высокомѣріемъ по отношенію къ прочимъ народностямъ королевства—къ нѣмцамъ, хорватамъ, сербамъ и т. д. Съ 1843 г. подъ вліяніемъ дѣятельности Л. Кошута началъ выступать на первый планъ демократическій элементъ, особенно въ повседневной печати. Правительство Вѣны, будучи неспособно исправить недостатки, на которые жаловались и въ высшихъ сферахъ, съ 1844 г. снова попыталось прибѣгнуть къ бюрократически-военному воздѣйствію на первичныя ячейки политическаго организма, на мѣстные органы самоуправленія въ комитатахъ. Плодомъ этого воздѣйствія былъ поворотъ влѣво на новыхъ выборахъ 1847 г.

Австрійское владычество въ Ломбардіи и Венеціи, какъ чужеземное иго, ощущалось весьма болѣзненно, особенно по мѣрѣ того, какъ въ другихъ частяхъ полуострова идея національнаго объединенія дѣлала все большіе успѣхи. Галиція была вовлечена въ общее движеніе тенденціей польскаго національно-демократическаго направленія возстановить Польшу. Попытка организовать возстаніе въ Познани была задавлена въ началѣ 1846 г. путемъ ареста заговорщи-

---

*) Иллиризмъ не былъ однимъ лишь литературнымъ движеніемъ. Гимнъ Гая «Još Hrvatska nij' propala» («Еще не пропала Хорватія»), призывы Вукотиновича къ оружію и воззванія Тарнскаго къ низверженію чужеземца свидѣтельствуютъ о политическомъ характерѣ иллиризма. Насколько Австрія искусственно его раздула въ интересахъ борьбы съ мадьярами, это другой вопросъ. *Ред.*

ковъ, но вслѣдъ затѣмъ повстанцы низвергли правительство вольнаго Краковскаго государства, учрежденнаго Вѣнскимъ конгрессомъ. Восточныя державы подавили эту революцію. Но благодаря слабости австрійскаго правительства въ Галиціи крестьяне-русины православнаго вѣроисповѣданія возстали противъ своихъ польскихъ помѣщиковъ, и начался рядъ жестокихъ аграрныхъ преступленій. Однимъ изъ результатовъ движенія 1846 г. было уничтоженіе вольнаго Краковскаго государства и присоединеніе его къ монархіи Габсбурговъ, о чемъ восточныя державы помышляли втайнѣ еще съ 1835 года.

Въ Пруссіи въ 1840 г. наслѣдовалъ своему отцу король Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Его воздѣйствію сверху, отчасти слѣдуетъ приписать, что старое чиновничье государство не могло надолго удержать свою односторонность; какъ справа, такъ и слѣва его желали сдвинуть съ мѣста. Для Гогенцоллерна, вообще умнаго и разносторонняго, представлялось неудобнымъ препятствіемъ на его пути это государство, созданіе его предковъ, со своимъ чиновничествомъ, проникающимъ во всѣ стороны жизни, своимъ государственнымъ правомъ и всеобщимъ равенствомъ передъ закономъ. Преисполненный мистическаго представленія о божественной силѣ, которою одаренъ одинъ лишь король, онъ считалъ себя способнымъ преобразовать вѣковую организацію въ христіанско-германскомъ, поистинѣ романтическомъ духѣ. Но его тонкое чувство отвѣтственности часто заставляло его отступать, когда онъ встрѣчался въ своей дѣятельности съ сопротивленіемъ, хотя никогда онъ не могъ отрѣшиться отъ увѣренности, будто ему все извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо другому. Онъ съ трудомъ переносилъ отказы отъ должностей своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, когда они не сходились съ нимъ въ основныхъ чертахъ его дѣятельности. Онъ считалъ, что можетъ все-таки заставить ихъ служить своей волѣ. Онъ обнаруживалъ умѣнье замѣтить выдающееся дарованіе, но въ то же время неосмотрительно обременялъ открытые имъ таланты дѣятельностью, не соотвѣтствовавшей ихъ существу и силамъ. Народъ, которому опостылѣлъ полицейскій строй государства, сперва встрѣтилъ короля ликованіемъ, не обративъ вниманія на оборотную сторону его неистощимаго остроумія; и когда онъ въ блестящей рѣчи говорилъ о свободѣ, народъ думалъ, что король съ нимъ за-одно. Рядъ благодѣтельныхъ мѣръ въ области религіи и науки, которыми былъ нанесенъ ударъ полицейскому государству, а также выборъ совѣтниковъ, сдѣланныхъ имъ, ввели сперва въ заблужденіе какъ-разъ тѣ слои, которые считали необходимымъ измѣнить неограниченное правительство королевскаго кабинета однороднымъ министерствомъ при народномъ представительствѣ. Но скоро обнаружилось, что король вовсе не имѣлъ въ виду и не желалъ подобной конституціонной свободы, а, наоборотъ, стремился поставить преграду ходу исторіи въ видѣ абсолютной королевской власти со средневѣковыми сословными вольностями для дальнѣйшаго развитія государства въ строгой гармоніи съ Божественнымъ Промысломъ.

Сомнительно, чтобы король съ самаго же начала пришелъ къ рѣшенію дать своей Пруссіи сословныя вольности въ этомъ смыслѣ. Но подобно тому, какъ онъ подъ вліяніемъ страха вскорѣ ограничилъ первоначальное смягченіе цензурныхъ правилъ, такъ и со своими сословными проектами онъ не могъ

выбраться изъ противорѣчій съ самимъ собою, со своимъ братомъ и наслѣдникомъ, который тогда былъ абсолютистомъ, со своими приближенными и съ предостерегавшими внушеніями изъ Петербурга и Вѣны. Послѣ попытки 1842 года создать комитетъ отъ провинціальныхъ сословій, появился 3 февраля 1847 года патентъ, которымъ сословія восьми провинцій созывались въ соединенный ландтагъ въ Берлинѣ на 11 апрѣля. Каково было удивленіе короля, когда изъ среды этого собранія, построеннаго по феодальному образцу, раздался совершенно ясно голосъ современнаго народа, который стремился къ политическимъ правамъ въ силу своей интеллигентности и благосостоянія. Рѣшившись сохранить сословныя права, которыя, казалось, логически вытекали изъ королевскихъ обѣщаній, ландтагъ потребовалъ установить порядокъ своего періодическаго созыва. Король, которому все, что напоминало о конституціи, связывающей его власть, представлялось чѣмъ-то очень страшнымъ, не хотѣлъ на это согласиться и оспаривалъ у собранія, созваннаго по его же милости для совѣщанія, право дѣйствовать въ качествѣ представителя народа. Большинство собравшихся не хотѣло считать себя государственными чинами, которыхъ предусматривали прежніе законы неограниченныхъ королей. Сообразно съ этимъ они отклонили какъ гарантію процентовъ по займу для государственной желѣзной дороги отъ Берлина до Кенигсберга, такъ и законъ объ основаніи земельныхъ банковъ, хотя совершенно соглашались съ цѣлесообразностью обоихъ предложеній.

Депутаты дворяне восточной Пруссіи и Вестфаліи на этомъ засѣданіи высказывались почти совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и представители рейнскаго бюргерства. Настроеніе большинства выразилось въ словахъ Кампгаузена накапунѣ Новаго года, что исторія разсудитъ народныхъ представителей съ правительствомъ. Король упорствовалъ на своемъ „нѣтъ“, пока не стало уже поздно. Если первый прусскій рейхстагъ закончился диссонансомъ, то кругъ идей, въ которыхъ вращался король, былъ, къ сожалѣнію, и въ другихъ важнѣйшихъ вопросахъ въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что неотложно нужно было выполнить согласно требованіямъ времени. Такъ, не увѣнчалась успѣхомъ попытка министра культа Эйхгорна учредить синодальное управленіе евангелической церкви, благодаря тому, что король внесъ въ это учрежденіе свои излюбленные планы, совершенно чуждые всему проекту; былъ введенъ лишь высшій церковный совѣтъ. Король, правда, отличался терпимостью, но скорѣе къ церквамъ, нежели къ личностямъ. Всѣ поступки короля не безъ основанія возбуждали подозрѣніе, что онъ желаетъ навязывать свое мнѣніе другимъ и подавлять чужія убѣжденія. Неудачные шаги короля въ школьной и церковной политикѣ увеличивали неудовольствіе,—безразлично, шла ли рѣчь объ ограниченіи законныхъ поводовъ для развода, или объ учительскихъ обязанностяхъ духовенства, въ особенности, такъ называемыхъ, друзей свѣта. Напротивъ, не взирая на всѣ усилія принца Прусскаго, не было сдѣлано ничего цѣннаго для дальнѣйшаго развитія военной силы государства, и настоятельная необходимость усовершенствованія реформы Штейна-Гарденберга постоянно откладывалась. Нѣмецкій образъ мыслей Фридриха-Вильгельма стоитъ

внѣ сомнѣній. Такъ, онъ разрабатывалъ, пользуясь поддержкой своего друга генерала фонъ-Радовица, планы реформы союзной военной конституціи, путей сообщеній, даже распространенія таможеннаго союза на весь германскій союзъ, и при удачномъ выполненіи это повело бы къ растворенію специфически-прусскаго элемента въ германскомъ союзѣ; во всѣ эти планы совершенно не входила идея прусскаго преобладанія. Древнее, заслуженное преимущество Габсбургскаго дома и суверенныя права союзныхъ князей нуждались, съ его точки зрѣнія, въ ограниченіяхъ лишь въ видахъ общаго блага. Но и тутъ онъ не былъ въ состояніи побѣдить противодѣйствія со стороны Вѣны и другихъ государствъ, лежавшія въ самомъ существѣ дѣла. Личность Фридриха-Вильгельма, непреодолимой силой привлекавшая къ себѣ свѣтлые умы, съ высоты трона оставалась непонятой, даже изолированной отъ его вѣрнаго надежнаго и зрѣлаго народа, отъ котораго его отдѣляла цѣлая масса какъ принципіальныхъ разногласій, такъ и недоразумѣній. Патріархальное почтеніе къ личности короля и всѣхъ принадлежащихъ къ его дому, столь характерное для прусской столицы и сохранившееся еще къ концу предыдущаго царствованія, до извѣстной степени поколебалось. Благодаря этой розни, даже несомнѣнныя заслуги короля въ области искусства, какъ, напр., реставрація Кельнскаго собора, получили надлежащую оцѣнку лишь въ позднѣйшее время. Присоединеніе герцогства Брауншвейга къ таможенному союзу въ 1842 г. слѣдуетъ приписать исключительно упрямству Ганновера, который дѣйствовалъ вопреки брауншвейгскимъ интересамъ въ отношеніи постройки желѣзныхъ дорогъ и путей сообщенія. Но еще долго оставалась неосуществленной надежда пріобрѣсть и остатки податного союза—Ганноверъ и Ольденбургъ,—а вмѣстѣ съ ними и Сѣверное море, быть-можетъ, съ оставленіемъ въ немъ одной области порто-франко въ качествѣ пограничной таможни. Возникшій въ литературѣ по этому вопросу споръ мало содѣйствовалъ росту вліянія Пруссіи въ сѣверной Германіи.

То, что совершала Пруссія и что въ ней происходило, не производило на остальную Германію непосредственнаго политическаго воздѣйствія. Идея главенства въ Германіи прусскаго государя, какъ она сложилась у Павла Пфицера и др., предполагала такъ называемое раствореніе Пруссіи въ Германіи, а пока пугала призракомъ приспособленія Германіи къ Пруссіи, какъ къ организованному государству. На людей, осмотрительныхъ въ политическомъ отношеніи, тѣмъ сильнѣе должны были дѣйствовать и вводить ихъ въ заблужденіе совершенно непонятные промахи Фридриха-Вильгельма. Такимъ образомъ, нѣмецкій духъ шелъ своимъ особымъ путемъ. Благодаря предразсудку суверенитета нѣмецкіе монархи оставляли его въ пренебреженіи и не использовали его въ области національной безопасности; оставалась также полная неувѣренность въ конституціонномъ прогрессѣ въ отдѣльныхъ государствахъ, особенно подъ воздѣйствіемъ бундестага, объявившаго себя некомпетентнымъ въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе всего этого либеральное направленіе стремилось на ландтагахъ къ германскому народному представительству для охраны конституціонной свободы. Этимъ, однако, стремленія ихъ не ограничивались.

Въ Баденѣ, какъ и въ Саксоніи, цѣлью небольшихъ группъ втайнѣ была

республика. Это скрытое пламя питалось письмами эмигрантовъ изъ Америки и связями съ французскими революціонерами.

Съ 1839 г. политическая жизнь снова оживилась,—пожалуй, черезчуръ,—особенно благодаря желѣзнымъ дорогамъ, которыя усилили сношенія. Начались правильные съѣзды представителей либеральной оппозиціи на ландтагахъ съ цѣлью совѣщанія по поводу шаговъ, которые слѣдовало предпринять послѣ предварительнаго ихъ обсужденія. Конституціоналисты при этомъ выступали на собраніяхъ совершенно такъ же, какъ и радикалы. Благодаря тому, что нѣмцы всѣхъ государствъ стали приходить въ личное соприкосновеніе между собой, собранія естествоиспытателей, а въ сороковыхъ годахъ и съѣзды германистовъ, получили политическій оттѣнокъ. Событія въ религіозной области, съ своей стороны, оказали вліяніе на сближеніе между собой умовъ. Конечно, для націи не могло быть безразличнымъ, что ея поэты, по примѣру Гейне, становились въ ряды политиковъ. Несмотря на внутреннія различія поэтовъ между собой, нападки Гофмана фонъ-Фаллерслебена, Герверга и Фрейлиграта попадали въ одно и то же больное мѣсто. Такимъ образомъ, довольно значительная часть людей, имѣвшихъ право называть себя образованными, такъ или иначе была привлечена, хотя и въ различной степени, на сторону оппозиціи противъ существующаго строя, частью же находилась въ ожиданіи событій, которыя могли произойти въ случаѣ смерти Луи-Филиппа. Къ числу симптомовъ неуловимаго недовольства относятся взрывы въ родѣ лейпцигскаго бунта (1845 г.) и въ особенности возмущеніе мюнхенскихъ бюргеровъ и студентовъ противъ коронованнаго поклонника наглой танцовщицы Лолы Монтесъ въ концѣ 1847 года, хотя раньше этотъ государь пользовался извѣстной любовью. Власти мѣстами замѣтно ослабѣли, такъ какъ правители едва осмѣливались разсчитывать на услуги своихъ подданныхъ въ случаѣ опасности извнѣ. Не напрасно Фридрихъ-Вильгельмъ въ концѣ 1847 года возобновилъ свои настоянія относительно реформы союза. Нѣкоторые внѣшніе и внутренніе признаки побуждали къ болѣе тѣсному объединенію. Совѣсть націи была возмущена нарушеніемъ права въ Краковѣ, обостреніемъ рокового шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, борьбой принциповъ въ Швейцаріи. Броженіе въ Италіи усиливалось. Головы все болѣе разгорячались, все громче раздавались предостерегающіе голоса изъ среды народа. Умѣренные основали свой органъ въ лицѣ „Deutsche Zeitung“, редактируемой Гервинусомъ. Въ концѣ 1847 года одинъ изъ поборниковъ германскаго духа въ лучшемъ смыслѣ этого слова Карлъ Мати настаивалъ на одномъ изъ собраній либеральныхъ вождей въ Геппенгеймѣ на преобразованіи прусско-германскаго таможеннаго союза при помощи таможеннаго парламента, который вмѣстѣ съ правительствами образовалъ бы ядро новой Германіи. Въ началѣ февраля 1848 года одинъ изъ депутатовъ въ баденскомъ ландтагѣ поднялъ вопросъ объ участіи представителей отъ народа въ союзѣ.

Слабость союза вновь стала для всѣхъ очевидной, когда въ 1846 году старинные споры между нѣмцами и датчанами начали угрожать международнымъ конфликтомъ.

Присоединеніе германскихъ провинцій Шлезвига и Гольштиніи вмѣстѣ

съ Лауэнбургомъ къ чужеземной датской коронѣ было наслѣдіемъ прошлаго и получило санкцію въ договорахъ 1815 года. Взаимныя выгоды этого присоединенія отступили на задній планъ послѣ того, какъ Данія, лишившись Норвегіи, вынуждена была крѣпче и все упорнѣе привлекать къ себѣ силы герцогствъ. Эта попытка абсолютистскаго королевства встрѣтила извѣстное сопротивленіе со стороны земскихъ чиновъ въ Шлезвигѣ и Гольштиніи; однако, ихъ сопротивленіе не вызывало сочувствія со стороны германскаго бундестага, который большею частью стоялъ на предвзятой легитимистской точкѣ зрѣнія. Кромѣ того, къ союзу принадлежала лишь Гольштинія, Шлезвигъ же съ датскимъ населеніемъ въ своей сѣверной части не входилъ въ составъ союза. На основаніи старыхъ привилегій оба эти герцогства, хотя и составляли владѣніе Ольденбургской королевской датской линіи, были самостоятельными государствами, связанными между собой неразрывно. Все пережитое за послѣднее время въ связи съ повышенной возбужденностью, господствовавшей въ тридцатыхъ годахъ, побудило герцогства болѣе тяготѣть къ Германіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовать сословной конституціи, которая обезпечивала бы связь между обоими государствами. Въ литературѣ проповѣдникомъ этого теченія явился ландфогтъ острова Сильта Уве Іенсъ Лорнсенъ. Съ другой стороны, въ Даніи возникла такъ называемая эйдеровская датская партія, ставившая себѣ задачей сдѣлать южной границей Даніи рѣку Эйдеръ и добивавшаяся конституціоннаго строя съ распространеніемъ его, по меньшей мѣрѣ, на Шлезвигъ, но съ исключеніемъ Гольштиніи, считая ее особой провинціей. Напротивъ, въ обоихъ герцогствахъ ожидали, что съ бездѣтнымъ наслѣднымъ датскимъ принцемъ (впослѣдствіи король Фридрихъ VII) королевская линія пресѣчется, и, такимъ образомъ, неизбѣжно произойдетъ отдѣленіе герцогствъ отъ Даніи. Въ этомъ случаѣ въ Даніи престолъ перешелъ бы къ женской линіи, тогда какъ наслѣдственное право на герцогства досталось бы младшей Августенбургской мужской линіи. 8 іюля 1846 г. король Христіанъ VIII издалъ „открытое письмо", въ которомъ всесторонне освѣтилъ этотъ вопросъ. Въ этомъ письмѣ онъ заявилъ, что Шлезвигъ и Гольштинія въ отношеніи простолонаслѣдія подчиняются тому же порядку, какъ и датское королевство. Далѣе въ этомъ письмѣ говорилось, что отнынѣ непрестанной заботой монарха будетъ устраненіе тѣхъ сомнѣній, которыя въ этомъ отношеніи еще существовали для отдѣльныхъ частей Гольштиніи, и прочное сохраненіе цѣлости государства. Хотя при этомъ, правда, окольнымъ путемъ вновь подтверждались самостоятельность и нераздѣльность герцогствъ, тѣмъ не менѣе, это письмо, далеко не удовлетворявшее всѣмъ желаніямъ Даніи, вызвало волненія и протесты. Собранія мѣстныхъ чиновъ сами себя распустили, послѣ того какъ королевскій комиссаръ не принялъ ихъ протеста, а гольштинскіе чины формально взывали о помощи къ германскому союзу. Тогда и въ Германіи началось сильное волненіе, разжигаемое мужественными призывами поэтовъ и патріотическими пѣснями. Германскія права и обязанности подвергались обсужденію въ ландтагахъ, въ смѣлыхъ газетныхъ замѣткахъ, въ научныхъ трактатахъ и горячо написанныхъ брошюрахъ. Но опасенія, которыя возбуждались у правительства національнымъ именно характеромъ этого движенія, а также завистливымъ отношеніемъ со стороны не-германскихъ

великихъ державъ заставили упустить удобный случай для вступленія на путь національной политики. Бундестагъ удовлетворился лишь выраженіемъ надежды, что король будетъ охранять въ Гольштиніи права союза, агнатовъ и сословныхъ представителей.

15. Возрожденіе Италіи.—Война Зондербунда.

Мы уже говорили о вліяніи иностранныхъ державъ на Италію до 1839 г. Тысячи итальянцевъ, національно настроенныхъ, видѣли—чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе—въ своихъ правительствахъ, ходившихъ на помочахъ вѣнскаго двора, не болѣе какъ полицейскихъ чужеземной власти, тогда какъ въ глазахъ правительствъ представлялся подозрительнымъ каждый, кто упорствовалъ въ своихъ итальянскихъ чувствахъ. Благодаря революціонной дѣятельности Мадзини тридцатые годы представляютъ собой рядъ возстаній и убійствъ съ одной стороны, преслѣдованій и заключеній въ тюрьму съ другой. Мадзини апеллировалъ къ итальянской молодежи. Его фанатическая заговорщицкая дѣятельность заставляла правительства, по собственному ихъ признанію, считать всѣ средства дозволенными. Въ Европѣ выступленія Мадзини и его приверженцевъ также подорвали благожелательное отношеніе къ Италіи. Около 1840 года изъ среды болѣе зрѣлыхъ элементовъ выдвинулось направленіе, отрицавшее кровавые террористическіе акты и выставившее на своемъ знамени національное возрожденіе и достиженіе свободы путемъ осмотрительной и закономѣрной работы народа. Поэты и историки, аристократы и духовныя лица стали во главѣ этого „возрожденія“ (Rinascimento). Они искренно стремились подготовить народъ путемъ нравственнаго подъема къ лучшему будущему и въ то же время привлечь благожелательныя правительства на сторону независимости родины. Быстрый переходъ отъ чрезмѣрнаго революціоннаго пыла (который, конечно, не прекратился вполнѣ) къ реалистическому созерцанію является блестящимъ примѣромъ того, какъ умѣнье отличать болѣе существенное сочетается у итальянцевъ съ широкимъ размахомъ фантазіи.

Незачѣмъ было объяснять итальянцамъ, что подобное сліяніе между собой идущихъ сверху и снизу волнъ должно было быть направлено противъ весьма солиднаго члена всего политическаго тѣла,—противъ австрійскаго чужеземнаго владычества въ Ломбардо-Венеціи. Эта территорія, болѣе чѣмъ удвоившаяся въ своихъ размѣрахъ съ 1796 года, не должна была по плану реакціонныхъ представителей имѣть ничего общаго съ остальной Италіей, да и сама по себѣ она не смѣла представлять собою нѣчто цѣлое.

Австрія, представлявшая собой весьма неудобнаго сосѣда для Пьемонта и находившаяся въ подозрѣніи со стороны Рима въ притязаніяхъ на папскія легаціи, путемъ спеціальныхъ договоровъ принудила правительства Неаполя, Тосканы, Модены и Пармы ввести у себя строго-абсолютистскій режимъ. Пьемонтъ также долженъ былъ обязаться въ этомъ смыслѣ. Поэтому Карлъ-Альбертъ изъ дома Савойя-Кариньянъ, съ 1831 года король Пьемонта, способ-

ствовавшій развитію юстиціи и финансовъ и улучшившій боевую готовность, при всемъ своемъ національномъ честолюбіи не могъ дать своей странѣ конституціи. Однако, съ 1840 года Пьемонтъ началъ все больше и больше обнаруживать духъ самостоятельности. Вообще, кромѣ извѣстной заботливости о матеріальномъ благосостояніи, мѣстами даже о первоначальномъ обученіи, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій приходилось навязывать пробуждающемуся народу новые взгляды помощью мѣропріятій, которыя могли бы считаться допустимыми развѣ въ какихъ-нибудь вновь основанныхъ колоніяхъ отдаленныхъ частей свѣта, т.-е. безъ взаимнаго довѣрія, исключительно принудительнымъ порядкомъ. Конечно, были и разныя степени принужденія, и умѣренный абсолютизмъ Тосканы нельзя было и сравнить съ ненавистнымъ произволомъ въ Моденѣ или Пармѣ. Судя по многочисленнымъ описаніямъ, особенно вопіющими были порядки въ Неаполѣ. Неаполитанское королевство той эпохи ознаменовало себя тѣмъ, что душило всякое умственное движеніе и уничтожало всѣ народныя силы самымъ безсовѣстнымъ терроромъ, опираясь на монаховъ и сбировъ, покровительствуя бандитамъ и преданнымъ роялизму лаццарони; впослѣдствіи оно призвало себѣ на помощь швейцарскія войска, разсчитывая также на содѣйствіе Австріи.

Какъ извѣстно, не безъ основанія большую часть вины въ этомъ отношеніи приписывали дурному примѣру Австріи. Въ Ломбардо-Венеціи высокомѣріе со стороны военныхъ, раздражающій произволъ полиціи, проникавшей даже въ семьи, наконецъ, ненавистная всѣмъ люстрація писемъ и цензура умственной творческой дѣятельности съ теченіемъ времени породили мстительное чувство ненависти ко всѣмъ нѣмцамъ,—тедески. Очень сдержанно (напоминаемъ о стихотвореніяхъ Джіусти, которыя распространялись въ рукописи) раздавался призывъ къ національной чести, доходившій до слуха лишь самыхъ чуткихъ слушателей. Пьемонтцы (графъ Бальбо и съ нимъ д'Азельо) слишкомъ преждевременно возложили всѣ упованія Италіи на пьемонтскій королевскій домъ. Третій пьемонтецъ, изгнанный священникъ Джоберти, выступилъ въ 1843 году съ новой программой.

Онъ не задумывался надъ тѣмъ, что даже благонамѣренные папы въ собственной странѣ были совершенно безсильны передъ безправнымъ произволомъ клерикальнаго режима фаворитовъ, всюду пустившаго свои вѣтви. Ему грезилось, что это правительство, опороченное въ глазахъ государствъ внѣ Италіи, могло бы сдѣлаться очагомъ объединенія итальянскихъ странъ, если бы уразумѣло свое время въ духѣ христіанства и стало руководить Италіей въ такомъ же духѣ. Безъ папы или вопреки ему ничего нельзя достигнуть, а съ нимъ— все было возможно. Джоберти увлекалъ многіе умы своей странной проповѣдью, хотя сочиненія его всюду были запрещены. Даже самъ Мадзини не избѣгъ попытки въ 1847 году внушить папѣ, что единство Италіи лежитъ на его совѣсти. Но чтобы это осуществить, должно было прежде совершиться чудо.

Пока былъ живъ закоснѣлый монахъ папа Григорій XVI, были невозможны даже самыя скромныя реформы управленія, въ родѣ рекомендованныхъ великими державами для папской области. Всѣ сколько-нибудь вліятельныя должности по управленію предоставлялись духовенству. Въ Римѣ и прилегающихъ къ нему

мѣстностяхъ духовный режимъ—по привычкѣ ли, или по другимъ соображеніямъ—былъ не такъ ненавистенъ, но онъ уже давно болѣе живому населенію такъ наз. легацій и пограничныхъ мѣстностей внушалъ отвращеніе. Неудовольствіе удавалось здѣсь сдерживать только помощью швейцарскихъ наемниковъ и вооруженныхъ партизановъ, санфедистовъ; съ другой стороны, почти все населеніе было здѣсь вовлечено въ заговоръ противъ правительства.

Преемникомъ Григорія былъ избранъ кардиналъ графъ Мастаи-Ферретти (Пій IX, съ 1846 по 1878 г.), и партія реформъ, такъ сказать, подготовленная къ чуду пророчествомъ Джоберти или безцеремонно воспользовавшаяся благозвучнымъ именемъ папы для своихъ цѣлей, также привѣтствовала въ немъ политическаго искупителя Италіи.

Пій никогда не былъ либераломъ. Добродушный человѣкъ по природѣ, онъ не былъ свободенъ отъ склонности снискивать себѣ благоволеніе народа. Какъ теологъ, онъ всегда былъ приверженцемъ ученія о непогрѣшимости папы, намѣстника Христа, и о возможности спасенія только въ нѣдрахъ католической церкви (энциклика 9 ноября 1846 г.). Но, не взирая на свои 54 года, онъ былъ такъ неопытенъ, что могъ льстить себя надеждой, будто, строго держась своихъ папскихъ притязаній, онъ все же въ состояніи явиться реформаторомъ свѣтской территоріи въ интересахъ мирянъ. На этомъ онъ разошелся съ іезуитами, болѣе послѣдовательными, нежели онъ, и руководившими его предшественникомъ; вскорѣ, однако, онъ увидѣлъ, что чуждое ему по существу движеніе скорѣе увлекаетъ его за собой, нежели подчиняется ему. На восторги при его вступленіи онъ отвѣтилъ амнистіей всѣмъ заключеннымъ и изгнаннымъ по политическимъ дѣламъ введеніемъ муниципальнаго управленія для города Рима и совѣщательной консульты по дѣламъ управленія изъ провинціальныхъ нотаблей подъ предсѣдательствомъ кардинала. Онъ еще дальше пошелъ навстрѣчу требованіямъ участія мирянъ въ дѣлахъ управленія и далъ разрѣшеніе на учрежденіе гражданской гвардіи; это могло служить признакомъ, насколько, по его мнѣнію, его системѣ угрожали санфедисты стараго закала. Цензура была смягчена, и возникли разныя общественныя организаціи. Таможенный союзъ, заключенный папой съ правительствами Пьемонта и Тосканы, оказался нежизнеспособнымъ, такъ какъ Австрія удержала отъ вступленія въ этотъ союзъ Модену, безъ которой по ея топографическому положенію союзъ не могъ обойтись. Союзъ долженъ былъ служить зародышемъ объединенія князей Италіи подъ главенствомъ папы. Въ то же время вліяніе Англіи положило конецъ колебаніямъ въ Туринѣ. Король Карлъ-Альбертъ объявилъ, что онъ возьмется даже лично за оружіе въ защиту независимости Италіи. Въ этомъ отношеніи онъ пошелъ навстрѣчу все болѣе бурнымъ требованіямъ своихъ подданныхъ, горячо высказывавшихся за независимость Италіи на празднествахъ, въ сельско-хозяйственныхъ и научныхъ конгрессахъ внутри и внѣ страны. Ободренный примѣромъ папы, онъ, не справляясь съ Австріей, расширилъ права муниципальныхъ совѣтовъ, смягчилъ цензуру и отмѣнилъ привилегированные суды, кромѣ духовныхъ. Австрійская политика дѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы поддержать правительства и возбудить сопротивленіе „партіи перево-

рота". Не взирая на собственныя финансовыя затрудненія, Австрія давно уже свыклась съ мыслью о вооруженномъ вмѣшательствѣ. Она только старалась избѣжать самаго слова „вмѣшательство", когда въ декабрѣ 1847 г. заключила оборонительный союзъ съ Моденой, къ которому присоединилась и Парма, и въ силу котораго въ каждый данный моментъ австрійцы могли вступить въ Италію. Императорская дипломатія слѣдила за событіями съ напряженнымъ вниманіемъ, и фельдмаршалъ Радецкій былъ наготовѣ въ Миланѣ.

Послѣ того какъ въ Швейцаріи за періодъ травли бѣглецовъ въ 22 кантонахъ, надѣленныхъ лишь полицейской властью, накопился извѣстный опытъ въ смыслѣ толкованія права убѣжища и нейтралитета, естественно было ждать, что и великія державы, со своей стороны, окажутся расположенными къ большей централизаціи довольно рыхлаго союза швейцарскихъ кантоновъ. Но въ противоположность народившемуся стремленію въ пользу пересмотра конституціи державы настаивали на сохраненіи status quo. Въ этомъ направленіи онѣ шли такъ далеко, что считали условіемъ дальнѣйшаго существованія нейтралитета, обезпеченнаго странѣ въ 1815 году согласно международному праву, не только неприкосновенность кантоновъ, но и неизмѣняемость положенія ихъ, предоставленнаго имъ по союзному договору. Не извѣстно, вытекали ли эти взгляды изъ общей системы опеки, или изъ желанія сохранить управленіе кантонами за наслѣдственной аристократіей, вмѣсто внушавшей опасенія демократіи. Только болѣе проницательнымъ людямъ бросалось въ глаза, что державы, обвиняя всю Швейцарію въ несоблюденіи союзомъ своихъ обязанностей, въ то же время не желали предоставить ему лучшихъ условій для ихъ выполненія. Агитація Мадзини и „Молодой Германіи",—союзъ весьма радикальной окраски, состоявшій преимущественно изъ рабочихъ,—постоянно пугали великія державы призракомъ общаго преобразованія Швейцаріи, и державы представляли себѣ это преобразованіе какой-то исходной точкой революціонной пропаганды. Онѣ не хотѣли видѣть, что необходимость немедленныхъ внутреннихъ реформъ была ясна даже консервативнымъ элементамъ. Полицейскій духъ такъ наз. большой политики считался только съ антидинастическимъ бахвальствомъ и риѳмоплетствомъ, отголоски которыхъ долетали до него изъ эмигрантскихъ круговъ.

Теперь въ этой странѣ, гдѣ въ теченіе вѣковъ существовало равенство религій, оказались затронутыми религіозные вопросы. Въ этомъ, конечно, были виноваты и нетерпѣливая поспѣшность демократическихъ горячихъ головъ, и стремленіе іезуитскаго неокатолицизма завоевать весь міръ. Конфликтъ обнаружился въ 1841 г. въ кантонѣ Ааргау, гдѣ ультрамонтанская партія противилась измѣненію конституціи, которое уже было рѣшено; за это сопротивленіе ее постигло наказаніе въ видѣ непозволительной конфискаціи мужскихъ монастырей. Благодаря пестрому религіозному составу населенія во многихъ кантонахъ отголоски этого событія прозвучали по всей странѣ.

Вовлеченіе въ политическія распри церковнаго элемента стало самымъ острымъ оружіемъ въ рукахъ радикальной партіи, когда ультрамонтанство, въ надеждѣ на чужеземную поддержку, вообразило, что для Швейцаріи настало время поставить на карту. Это произошло, когда Люцернъ въ 1844 году

принялъ рѣшеніе вручить все дѣло обученія въ кантонѣ приглашеннымъ для этого іезуитамъ. Правда, въ Швейцаріи и раньше уже существовали отдѣльныя колоніи этого ордена, напр., во Фрейбургѣ; но всѣ почувствовали неслыханный вызовъ въ томъ, что большинство въ кантонѣ Люцернъ, которому вскорѣ наступала очередь быть руководящимъ въ союзѣ, рѣшилось поставить на карту миръ въ союзѣ. Конечно, попытка послать на помощь подавленному меньшинству толпу добровольцевъ изъ евангелическихъ и радикальныхъ кантоновъ была легкомысліемъ.

Союзъ распался на два враждебныхъ лагеря. Въ Ваадтѣ, Золотурнѣ, Цюрихѣ и Бернѣ были учреждены радикальныя правительства. Но въ концѣ 1845 г. семь католическихъ кантоновъ: Люцернъ, Фрейбургъ, Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ и Валлисъ составили, подъ предлогомъ охраны союзной конституціи, которой угрожала опасность, особый союзъ, получившій отъ своихъ противниковъ названіе Зондербунда. Фактически онъ противорѣчилъ и буквѣ и духу союзнаго договора. Несмотря на то, онъ встрѣтилъ поддержку со стороны Австріи и Франціи. Пруссія, которая была особенно заинтересована въ виду того, что входившій въ составъ союза Невшатель принадлежалъ прусскому королю, сперва заняла такое же положеніе. Если бы не противодѣйствіе со стороны Англіи и не тактика Пальмерстона оттягивать рѣшеніе, попытка вмѣшательства не заставила бы себя долго ждать. Главы Зондербунда вполнѣ основательно предполагали, что имъ будетъ оказана вооруженная поддержка. Они уже начали получать партіи оружія изъ Австріи, Франціи и Пьемонта. Только этимъ можно объяснить, что они стали вооружаться и упорно противиться всѣмъ предложеніямъ посредничавшихъ кантоновъ. Радикалы все еще не могли составить себѣ большинства въ лантагѣ. Только послѣ того какъ Женева и Сенъ-Галленъ произвели у себя пересмотръ конституціи, союзная партія, если можно ее такъ назвать, стала располагать 12 голосами. Тѣмъ временемъ очередь быть руководящимъ кантономъ перешла къ Берну, гдѣ старшиной былъ избранъ радикалъ командиръ волонтеровъ Оксенбейнъ. Большинство ландтага 20 іюля 1847 года постановило, что Зондербундъ долженъ быть расторженъ какъ союзъ, противорѣчащій конституціи и народному праву; въ сентябрѣ къ этому рѣшенію было прибавлено другое—объ изгнаніи іезуитовъ изъ Швейцаріи. Комиссія для измѣненія конституціи уже открыла свои засѣданія. Борьба за сохраненіе религіознаго мира на почвѣ равенства религій въ рѣшительный моментъ отступила на задній планъ и вылилась въ политическую распрю между властью союза и духомъ кантоновъ.

Зондербундъ не шелъ ни на какія уступки и отозвалъ своихъ депутатовъ изъ сейма. Большинство собранія сейма не мирилось съ нейтралитетомъ и наложило высокій штрафъ на три кантона, уклонившихся отъ участія въ общемъ дѣлѣ. 4 ноября было постановлено распустить Зондербундъ силою. Иностраннымъ державамъ не дали времени ни для передвиженія войскъ, ни для дипломатическихъ шаговъ. Кантональный духъ, этотъ главный нервъ Зондербунда, не сумѣлъ произвести ни наступательной, ни оборонительной концентраціи своихъ военныхъ силъ, которыя и безъ того были слабѣе, нежели противники. Такимъ образомъ, союзный генералъ Дюфуръ имѣлъ передъ собой легкую задачу, напа-

дая на кантоны поочередно. 13 ноября сдался Фрейбургъ, 24—Люцернъ, а за ними послѣдовали остальные кантоны, частью даже безъ сопротивленія. До конца ноября 1847 года Зондербундъ уже распался, и въ кантонахъ, принадлежавшихъ къ нему, власть, по большей части, перешла къ представителямъ противоположныхъ взглядовъ.

Разумныя мѣропріятія, а также крайности католическаго движенія Зондербунда, принудившія консерваторовъ пограничныхъ кантоновъ сблизиться съ радикалами, удержали страну отъ новыхъ осложненій съ великими державами. Война въ общемъ велась гуманно. Побѣжденные кантоны отдѣлывались военнымъ вознагражденіемъ. Іезуитамъ пришлось направить свои стопы въ новыя мѣста. Побѣдители, наученные пережитой опасностью и пользуясь отвлеченіемъ вниманія великихъ державъ событіями начала 1848 года, усердно принялись превращать непрактичный союзъ государствъ въ союзное государство. Конституція 1848 года принимаетъ за исходную точку суверенитетъ 22 кантоновъ, но наряду съ нимъ и выше его ставитъ союзную власть, которой даются надлежащія полномочія и средства для рѣшенія общегосударственныхъ задачъ.

Но помимо этого побѣда прогрессивнаго направленія въ Швейцаріи имѣла важное значеніе для подготовленія политическихъ идей и теченій, которыя въ 1848 году охватили всю Европу.

16. Франція до паденія монархіи въ 1848 году.

Послѣ іюльской революціи и успокоенія нервнаго возбужденія, которое длилось почти годъ, Франція, казалось, счастливо достигла сочетанія порядка съ свободой. Страна процвѣтала въ матеріальномъ отношеніи, не было недостатка въ высшихъ просвѣтительныхъ интересахъ, положеніе среди державъ улучшилось, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Луи-Филиппъ въ ихъ глазахъ сталъ представляться цѣнной силой въ смыслѣ охраненія договоровъ и существующаго строя. О поступательномъ движеніи въ Алжирѣ и колоніальной политикѣ мы уже говорили. Какіе же внутренніе надломы могли быть причиной разрушенія всего этого зданія за какія-нибудь восемнадцать лѣтъ, притомъ ранѣе смерти самого его строителя?

Съ измѣненіемъ хартіи въ 1830 году кончился перевѣсъ духовенства и дворянства, и наступило господство буржуазіи, сословія состоятельныхъ собственниковъ, преимущественно горожанъ. Тогда пришло то, что бываетъ и въ жизни индивидуумовъ: новый слой населенія, получившій преобладаніе, отъ души возрадовался своему значенію и захотѣлъ использовать преимущества своего положенія въ собственныхъ интересахъ. Онъ корыстно отбросилъ всѣ обязанности по отношенію къ общей массѣ населенія; онъ крайне неохотно принималъ во вниманіе обнаружившіяся требованія классовъ, которые по его примѣру также стремились пріобрѣсть политическое значеніе. Такимъ образомъ, суверенитетъ народа

оставался фразой; политическое значеніе имѣло лишь такъ называемое „pays légal“. Пониженіе избирательнаго права съ 300 франковъ до 200 увеличило почти вдвое число избирателей въ палату депутатовъ, въ круглыхъ цифрахъ на 200000 человѣкъ. Не только палата зависѣла исключительно отъ этого, такъ сказать, сытаго меньшинства, оно вошло въ составъ также и генеральныхъ совѣтовъ, созданныхъ въ ближайшіе годы въ департаментахъ, и изъ его же среды выходили мэры, должность которыхъ теперь стала выборной. Милліоны населенія, надъ которымъ стоялъ классъ цензовиковъ, получили отъ одного французскаго государственнаго дѣятеля, въ минуту его самозабвенія, названіе „опаснаго класса“. Сила денежнаго мѣшка въ государствѣ всего яснѣе выразилась въ томъ, что національная гвардія, которую сохранили для поддержанія внутренняго порядка, благодаря частью законодательнымъ распоряженіямъ, частью же дороговизнѣ обмундированія, сдѣлалась орудіемъ исключительно имущаго класса. Хотя въ отношеніи составленія кабинета король, согласно конституціи, не былъ связанъ выборомъ министровъ изъ числа членовъ палатъ, тѣмъ не менѣе, буржуазія была такъ сильна, что высшія сферы осторожно избѣгали всякаго нарушенія ея интересовъ, хотя этого нерѣдко могли требовать общіе интересы страны. Единственнымъ условіемъ для полученія политическихъ правъ было „разбогатѣть“. „Буржуазный король“ былъ до извѣстной степени лишь королемъ этого класса, преданнаго ему и его дому. Споръ о принципахъ между отдѣльными группами буржуазіи затихъ. Однако, личное честолюбіе вождей играетъ роль, передъ которой нерѣдко сглаживаются существенные оттѣнки. Впрочемъ, всѣ группы господствовавшаго сословія объединялись отрицаніемъ всего демократическаго. Старый, трудолюбивый и умный король до послѣднихъ моментовъ умѣлъ отлично пользоваться этимъ орудіемъ. Онъ навязалъ свою королевскую волю какъ парламентскимъ партіямъ, такъ и министрамъ. Стремленію части партіи движенія къ введенію парламентскаго режима онъ съ успѣхомъ противопоставлялъ принципъ конституціонности. Съ членами династическихъ партій онъ постоянно оказывался заодно, отклоняя всякое расширеніе политическихъ полномочій. Въ этомъ онъ усматривалъ „juste milieu“. Изъ внѣпарламентскихъ партій рабочіе республиканскаго образа мыслей и студенты вначалѣ заставляли правительство переживать тяжелые моменты. Дѣло доходило до демонстрацій и вооруженныхъ возстаній. Но армія исполняла свой долгъ, законодательство дѣйствовало быстро путемъ ограниченія прессы и права союзовъ (1836 г.). Будучи безсильными, какъ партія, республиканцы, пламенно преданные своему идеалу, вызвали противъ себя репрессіи цѣлымъ рядомъ преступныхъ покушеній противъ короля, возведеннаго, по ихъ мнѣнію, ими же на престолъ; они упрекали его въ равнодушномъ отношеніи къ тяжелому положенію массъ. Нѣчто въ родѣ интермедіи составляли язвительныя нападки на короля въ печати въ видѣ остротъ и каррикатуръ. Съ подавленіемъ радикаловъ опасность революціонной пропаганды была очень ничтожна. И это помогло Луи-Филиппу пріобрѣсти для Франціи почетное мѣсто среди державъ.

По своей догматической самоувѣренности легитимисты или карлисты заслуживаютъ, чтобы ихъ поставили на ряду съ республиканцами. Эта высшая

аристократія, могущественная благодаря своимъ широко-раскинутымъ земельнымъ владѣніямъ, прекратила активную борьбу съ того времени, какъ въ 1833 г. роялистская пропаганда бывшей герцогини Беррійской такъ неожиданно пришла къ концу. Гдѣ было возможно, они развертывали, въ противоположность національному трехцвѣтному знамени, знамя королевскихъ лилій и считали своимъ главой подраставшаго графа Шамбора. Ихъ молодежь, къ явному ущербу для нихъ самихъ и для всей страны, большею частью воздерживалась отъ поступленія на военную или гражданскую службу. Орлеанское королевство ни въ какомъ случаѣ не могло ожидать отъ этого принципіальнаго легитимизма ни сочувствія, ни поддержки. Бонапартизмъ въ это время былъ собственно не партіей, а только направленіемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сынъ Наполеона герцогъ Рейхштадтскій преждевременной смертью въ Вѣнѣ въ 1832 году лишилъ это теченіе послѣдней надежды. Покушенія Луи-Наполеона, племянника Наполеона I, единственнаго оставшагося въ живыхъ сына покойнаго голландскаго короля Людовика, выступавшаго въ качествѣ претендента въ 1836 году въ Страсбургѣ и въ 1840 году въ Булони, вызывали лишь общія насмѣшки, такъ какъ эти возстанія служили ему не болѣе, какъ способомъ привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе. Когда при второмъ покушеніи правительство сочло нужнымъ отнестись къ нему серьезно, и палата пэровъ въ Парижѣ приговорила его къ заключенію въ крѣпости Гамъ, то это дало только интересному узнику удобный случай внимательнѣе уяснить себѣ какъ самого себя, такъ и свою цѣль путемъ серьезнаго изученія. Правительство чувствовало себя настолько сильнымъ, что считало позволительнымъ раздѣлять даже общее національное чувство глубокаго обожанія памяти великаго императора. Послѣднимъ актомъ на этомъ пути было торжественное перенесеніе праха Наполеона съ острова св. Елены въ Домъ Инвалидовъ въ Парижѣ. Однако, бонапартизмъ былъ въ періодѣ роста съ того времени, какъ при помощи пѣсенъ и историческихъ сочиненій картинъ и монографій стала слагаться легенда о великомъ и добромъ императорѣ. Его партизаны, вѣрные происхожденію имперіи, обнаруживали извѣстную склонность къ защитникамъ всеобщаго голосованія.

Монархія, не обладавшая собственными правами, въ борьбѣ со всѣми этими принципіально враждебными элементами могла опираться лишь на благосклонность буржуазіи. Но какъ ни была заинтересована эта властолюбивая буржуазія въ поддержаніи тишины и порядка, она съ теченіемъ времени стала все болѣе и болѣе подозрительно относиться къ недостойной, чисто-личной политикѣ не менѣе ея властолюбиваго короля.

Тяжелое положеніе, въ которомъ въ то время находились во Франціи промышленные рабочіе, вызывало сочувствіе, но не доброжелательное вмѣшательство въ ихъ пользу со стороны правительства и партій, на которыя оно опиралось. Не повліяло-ли неудачное выступленіе англійскихъ чартистовъ на усиленіе во Франціи отрицательнаго отношенія къ расширенію избирательныхъ правъ? Между молодой королевой Англіи, ея супругомъ и орлеанскимъ домомъ путемъ взаимныхъ посѣщеній завязались личныя добрыя отношенія, которыя не только дали точку опоры Луи-Филиппу въ средѣ династическаго міра, но и симулиро-

вали, подобно изображенію отъ волшебнаго фонаря, сердечное соглашеніе (entente cordiale), будто-бы происшедшее между обѣими западными державами.

Послѣ многочисленныхъ смѣнъ кабинетовъ съ 1840 до 1848 года водворилось конституціонное министерство Гизо, который фактически былъ лишь орудіемъ Луи-Филиппа какъ въ своихъ добрыхъ, такъ и худыхъ начинаніяхъ. Гизо былъ гордый и благородный человѣкъ, выдающійся ученый, сильный ораторъ, но вслѣдствіе своего стѣсненнаго положенія между королемъ и буржуазіей онъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, сдѣлался теперь одностороннимъ защитникомъ матеріальныхъ интересовъ и, конечно, одного лишь третьяго сословія. По этой причинѣ были, напримѣръ, отложены конверсія ренты, уничтоженіе невольничества въ колоніяхъ; поэтому же правительство отказалось отъ постройки государственныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Король и депутаты очень скупо отпускали средства на армію и флотъ. Основной ихъ ошибкой была ограниченность ихъ соціальной точки зрѣнія; вообще ихъ весьма дѣятельная законодательная машина давала очень мало для матеріальнаго, умственнаго и политическаго подъема широкихъ массъ. Закономъ 1841 года былъ ограниченъ трудъ малолѣтнихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Школьный законъ 1833 года, заслуживающій всяческой похвалы, не ввелъ принципа обязательнаго обученія и по возможности облегчилъ обязанности общинъ по содержанію первоначальныхъ школъ въ смыслѣ платы жалованья учителямъ. Успѣхъ этой мѣры въ первое время былъ не великъ.

Опаснѣйшимъ изъ противниковъ Гизо въ палатѣ депутатовъ былъ Адольфъ Тьеръ, который лучше всѣхъ умѣлъ затрагивать своими рѣчами сердца французовъ, въ особенности, когда представлялся случай ударить по струнамъ патріотическаго негодованія. Но Гизо слишкомъ крѣпко держался; несмотря на то, что афера испанскаго брака разстроила отношенія съ Англіей, и что этимъ было вызвано отклоненіе въ сторону Меттерниха, новые выборы, какъ и предыдущіе, еще болѣе усилили въ 1846 году правительственное большинство въ палатѣ.

Тѣмъ временемъ во внѣшней жизни многое успѣло измѣниться. Промахи иностранной политики и личный показной конституціонализмъ послужили поводомъ къ еще болѣе рѣзкому приговору надъ скупостью, которая приписывалась королю, и надъ недостаточно развитымъ въ немъ чувствомъ собственнаго достоинства.

Вслѣдствіе несчастнаго случая, отъ котораго погибъ общій любимецъ, наслѣдникъ престола герцогъ Орлеанскій, выдвинулся въ качествѣ возможнаго регента надъ своимъ племянникомъ всѣми нелюбимый герцогъ Немурскій. Журналистика и литература указывали на изолированное положеніе короля среди своего народа настолько рѣзко, насколько это допускала свобода печати, связанная при помощи штрафованія издателей, прекращенія газетъ, судебнаго преслѣдованія и полицейскихъ мѣропріятій. Эти тормозы погубили интересную попытку Жирардена создать, разсчитывая на анонсы, дешевыя газеты для широкихъ слоевъ народа.

Большіе процессы по дѣламъ печати въ судѣ присяжныхъ дали защитникамъ удобный случай къ нападкамъ на господствующую систему.

Такимъ образомъ, приверженцы монархіи, не исключая и находившихся въ рядахъ національной гвардіи, постепенно охладѣвали, и это было тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе вырастало на ряду съ чувствомъ національнаго достоинства сознаніе преступности упорнаго отрицательнаго отношенія къ политически безправному народу.

Немногіе республиканцы, которымъ, несмотря на цензъ, удалось проникнуть въ палату, какъ Гарнье-Пажесъ старшій, Ледрю-Ролленъ, романтикъ Ламартинъ, впослѣдствіи превратившійся въ жирондиста, въ виду принесенной ими присяги выражали свои взгляды лишь весьма туманно. Они настаивали, подобно своимъ единомышленникамъ Араго, Карно и др., на томъ, что всеобщее избирательное право есть единственное средство добиться реформъ, необходимыхъ для всей страны. Съ 1840 или самое позднее съ 1842 года улучшеніе положенія „трудящихся классовъ" стало важнымъ пунктомъ въ политической программѣ республиканцевъ.

Сами по себѣ республиканцы, ряды которыхъ рѣдѣли благодаря ихъ вынужденному бѣгству, изгнанію, тюремному заключенію, могли сдѣлать очень мало, но ихъ программа представлялась до извѣстной степени соблазнительной даже и для болѣе правыхъ элементовъ, ибо казалось, что съ осуществленіемъ республики для страны наступитъ лучшее время.

Вліяніе республиканской пропаганды на круги рабочихъ въ крупныхъ центрахъ было безконечно глубже, такъ какъ рабочимъ не нужно было предварительно сдѣлаться сознательными республиканцами, чтобы стать на сторону общаго движенія. До сихъ поръ они подвергались вліянію коммунистическихъ идей Кабэ на тайныхъ собраніяхъ или въ тюрьмахъ, гдѣ могли бесѣдовать между собою. Луи Бланъ развилъ въ своей книгѣ „Organisation du travail" особую систему государственной соціальной помощи рабочимъ. На первомъ планѣ были мастерскія для всѣхъ отраслей труда съ субсидіей отъ государства и съ одинаковымъ вознагражденіемъ всѣхъ рабочихъ. Далѣе, съ подъемомъ промышленности, котораго слѣдовало при этомъ ожидать, должно было произойти постепенное уничтоженіе частныхъ мастерскихъ съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ собственниковъ. Угнетенные классы горячо ухватились за идею эмансипаціи труда отъ частнаго капитала и за право на трудъ въ соціалистическомъ строѣ. Съ другой стороны, и беллетристика подготовляла умы, какъ ранѣе это дѣлалъ Ламеннэ. Съ 1840 г. Жоржъ Зандъ также стала горячей защитницей соціалистическихъ реформъ, а Эжень Сю взялъ „нищету" основной темой своихъ очень популярныхъ въ народѣ книгъ.

Несмотря на сбивчивость своихъ воззрѣній, друзья республики и всеобщаго избирательнаго права безъ труда вербовали себѣ при помощи этихъ приманокъ сильныхъ и многочисленныхъ союзниковъ. Конституціоналисты монархическаго образа мыслей, которые въ палатѣ депутатовъ были представлены преимущественно лѣвымъ центромъ, недовольные рѣшимостью правительства и правительственнаго большинства въ палатѣ не дѣлать никакихъ уступокъ въ вопросѣ о реформахъ, утратили, наконецъ, терпѣніе и стали волноваться. Съ мая 1847 г. либеральные приверженцы династіи, наученные примѣромъ Кобдена, съ успѣ-

хомъ агитировавшаго въ Англіи, сблизились съ представителями лѣвой и крайней лѣвой въ намѣреніи перенести борьбу съ безнадежной арены палатъ въ среду народа. Невозможно было склонить лѣвую на чрезвычайно умѣренное пониженіе избирательнаго ценза, на которое соглашались конституціоналисты. Радикалы довольно благоразумно довольствовались неопредѣленнымъ требованіемъ избирательной реформы. Для подъема настроенія избиратели устраивали въ честь либеральныхъ депутатовъ банкеты. Серьезныя заботы объ обновленіи учрежденій, не удовлетворявшихъ общимъ требованіямъ, и партійныя соображенія, что система Луи-Филиппа подмѣнитъ парламентскій режимъ показнымъ конституціонализмомъ, помѣшали умѣреннымъ понять опасность, которая заключалась въ ихъ обращеніи къ неорганизованнымъ силамъ страны.

Они не подозрѣвали, что дорога отъ трибуны въ банкетномъ залѣ ведетъ, въ концѣ концовъ, на улицу. Радикалы, разумѣется, менѣе всего этого опасались.

Въ іюлѣ 1847 года началась такъ называемая кампанія банкетовъ съ требованіемъ реформы. Въ ноябрѣ радикалы начали придавать имъ непочтительный характеръ, тогда какъ конституціоналисты стали уже отступать. Симптомы разложенія въ сферѣ высшаго управленія и высшаго общества, съ своей стороны, увеличивали напряженное состояніе.

Во время сессіи палаты въ началѣ 1848 года правительство еще держало въ рукахъ своихъ приверженцевъ и осмѣлилось, гордо ссылаясь на буквальное исполненіе хартіи, бросить въ лицо своимъ противникамъ въ тронной рѣчи, которую большинство привѣтствовало, упрекъ, будто движеніе вызвано слѣпыми или враждебными страстями. Это буквально принудило оппозицію, которая уже распадалась, снова объединиться. Парижъ, исполинскій городъ, со времени великой революціи сдѣлавшійся главой страны, долженъ былъ сдѣлаться ареной демонстраціи въ видѣ торжественнаго банкета либеральнымъ депутатамъ съ участіемъ національной гвардіи. Банкетъ долженъ былъ состояться 22 февраля 1848 года.

Насколько всѣ были далеки отъ мысли посягнуть на монархію, доказываетъ тотъ фактъ, что, когда правительство запретило этотъ банкетъ наканунѣ дня, на который онъ былъ назначенъ, трусливая оппозиція тотчасъ же отъ него отказалась.

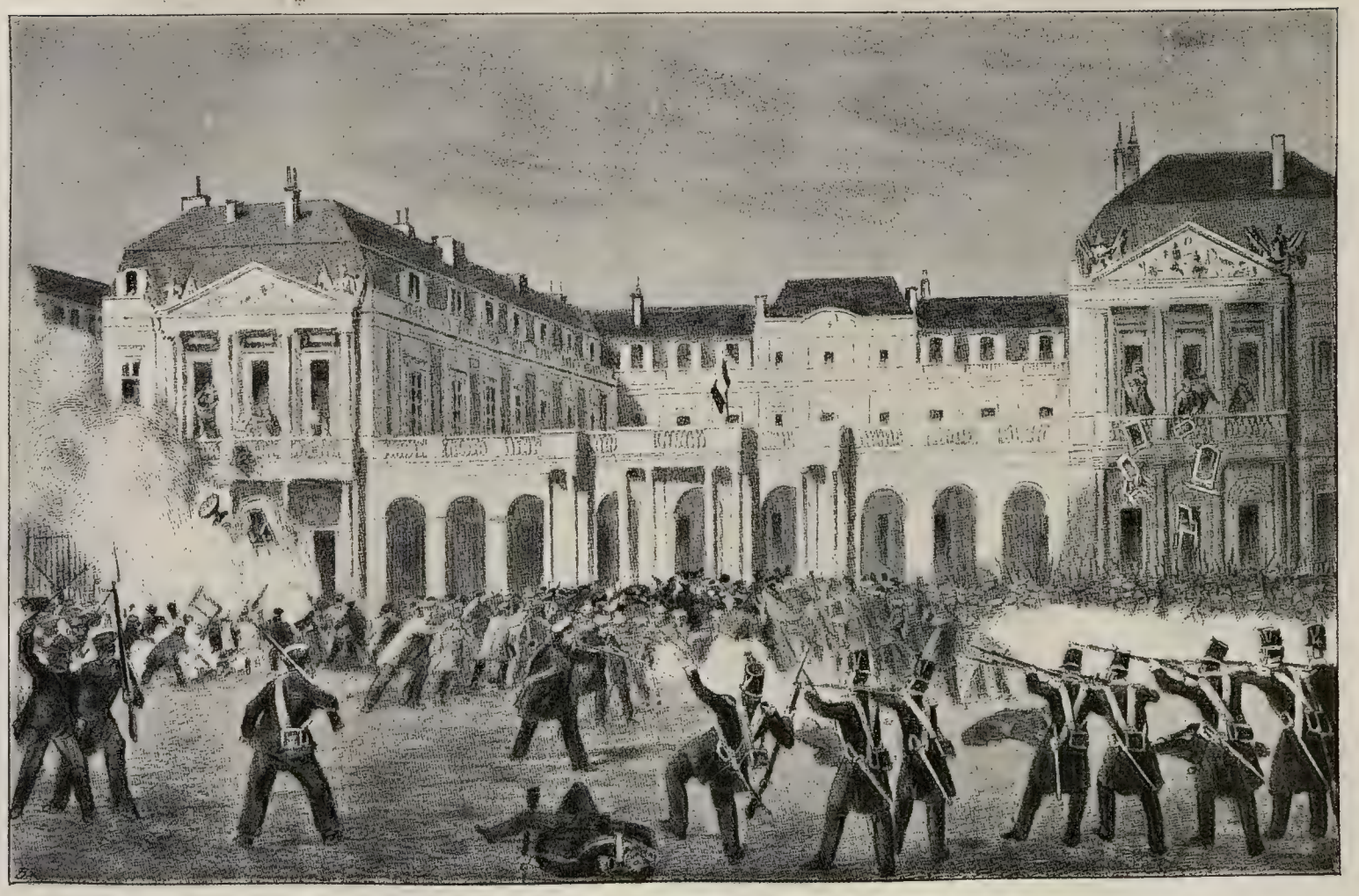
Правительство не придавало никакого значенія демонстраціямъ рабочихъ, которые, несмотря на запрещеніе банкета, стеклись 22 февраля изъ предмѣстій на площадь Мадлены и Согласія; оно не обратило надлежащаго вниманія и на кровопролитіе утромъ 23 февраля при столкновеніи между толпой и вызванными линейными войсками. На ряду съ линейцами, по выработанному правительствомъ на всякій случай плану, должна была занять свое мѣсто также и парижская національная гвардія. Но на тревогу вышло не большинство, преданное Орлеанамъ, а меньшинство, приверженцы реформы. Изъ рядовъ этихъ батальоновъ раздались возгласы: „да здравствуетъ реформа“ и „долой Гизо“, и мнимые тѣлохранители буржуазной монархіи, занявъ угрожающее положеніе, затруднили движеніе войскъ противъ манифестантовъ.

Чѣмъ тупоголовѣе оказывался старый Луи-Филиппъ по отношенію къ пре-

достереженіямъ со стороны умѣренныхъ, тѣмъ понятнѣе его испугъ, когда онъ узналъ, что настроеніе національной гвардіи, этого термометра для опредѣленія прочности буржуазной монархіи, такъ внезапно понизилось до точки замерзанія. Могъ-ли Луи-Филиппъ распорядиться стрѣлять по этимъ патентованнымъ защитникамъ своего трона? Вечеромъ 23 было возвѣщено о замѣнѣ министерства Гизо министерствомъ реформъ. Тутъ, при демонстраціи передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, со стороны войскъ, вызванныхъ для его охраны, въ отвѣтъ на слишкомъ вызывающее поведеніе манифестантовъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ въ торжествующую толпу. Настроеніе быстро измѣнилось; толпа разсѣялась съ криками „убиваютъ!" По улицамъ двинулась процессія, которая несла убитыхъ при свѣтѣ факеловъ, требуя мщенія измѣнической монархіи. На слѣдующее утро (24 февраля) Парижъ былъ покрытъ баррикадами. Проведеніе реформы, довѣренной сперва Тьеру, а затѣмъ, когда онъ быстро потерялъ свою популярность, Одилону Барро, теперь стало уже невозможнымъ.

Революція, въ которую недавно еще не вѣрили самые увлекающіеся люди, одержала побѣду. Войска подъ предводительствомъ маршала Бюжо уступили народу, такъ какъ они были безсильны вслѣдствіе колебанія правительства и самихъ офицеровъ; мѣстами солдаты братались даже съ толпой, будучи введены въ заблужденіе предложеніями посредничества или льстивыми словами. Вечеромъ въ тотъ же день, подъ вліяніемъ своихъ домашнихъ и непризванныхъ совѣтниковъ, окончательно сбитый съ толку король отрекся отъ престола въ пользу своего малолѣтняго внука графа Парижскаго.

Мать графа герцогиня Орлеанская съ сыновьями послѣ взятія Тюльери искала спасенія въ палатѣ депутатовъ,—въ Бурбонскомъ дворцѣ, вмѣсто Монъ-Валерьена. При господствовавшихъ въ палатѣ смущеніи и смутеніи никто изъ министровъ не рѣшался провозгласить графа Парижскаго королемъ. Когда вооруженные пролетаріи, одинъ разъ уже явившіеся сюда, но отбитые, вторично ворвались въ Бурбонскій дворецъ, депутаты, за исключеніемъ небольшого числа истинныхъ республиканцевъ, разбѣжались. Герцогиня со своими мальчиками съ трудомъ выбралась изъ дворца и вмѣстѣ съ прочими членами королевской семьи покинула затѣмъ Францію. Въ городской ратушѣ уже собрались главы тайныхъ обществъ, вожди революціонеровъ. Республиканцы, особенно журналисты, къ которымъ теперь присоединился и Ламартинъ, повинуясь требованіямъ, исходящимъ изъ ратуши, путемъ шумной аккламаціи провозгласили въ Бурбонскомъ дворцѣ временное правительство. Члены его водворились въ ратушѣ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго препятствія со стороны вооруженной силы, все еще занятой боемъ съ революціонерами, которые ни въ какомъ случаѣ не хотѣли умалить своей побѣды. При распредѣленіи должностей важные посты достались радикаламъ, Ламартинъ получилъ министерство иностранныхъ, а Ледрю-Ролленъ—министерство внутреннихъ дѣлъ. Соціалистическій элементъ въ правительствѣ республики, провозглашенной предварительно безъ народнаго голосованія, былъ представленъ, главнымъ образомъ, Луи Бла-



Взятіе Пале Рояль въ Парижѣ 24 февраля 1848 г.

номъ и Мари *). Въ медовый мѣсяцъ революціи временное правительство освободилось отъ надзора со стороны народныхъ представителей и фактически являлось диктатурой; ему удавалось, однако, поддерживать ходъ государственной машины и порядокъ среди постоянныхъ раздоровъ внутри самаго себя и непрерывнаго боя со своими внѣшними врагами. Были сдѣланы попытки учредить сначала особую рабочую комиссію, а затѣмъ рабочій парламентъ. Застой въ работахъ принудилъ къ эксперименту съ мастерскими на Монмартѣ.

Вновь пріобрѣтенное право коалиціи было примѣнено для принудительнаго закрытія еще дѣйствовавшихъ частныхъ предпріятій. Государственно-соціалистическія мастерскія, созданныя правомъ каждаго на трудъ, превратились въ лабораторію бездѣльниковъ, во всякое время готовыхъ на вооруженное возстаніе. Ничто не могло такъ возстановить противъ государственнаго порядка, навязаннаго странѣ, имущіе классы, особенно изъ крестьянства, какъ милліоны, выброшенные на національныя мастерскія, не говоря уже о 45% прибавкѣ къ прямымъ налогамъ. При этомъ надолго было дискредитировано во мнѣніи имущихъ классовъ также и то, что было здороваго въ идеѣ соціализма. Покоряясь необходимости, эти классы возлагали свои надежды на учредительное національное собраніе, которое предполагалось въ концѣ апрѣля. Однако, привлеченныя въ Парижъ массы желали соціальной республики, т.-е. чтобы попрежнему оплачивалась праздность, хотя бы и безъ согласія страны или даже вопреки ея, агитируя за отсрочку выборовъ **). Временному правительству было нелегко лавировать между этими двумя утесами. Ламартинъ не разъ долженъ былъ пускать въ ходъ противъ требованій красныхъ всю свою популярность. Иностранныя державы онъ пытался успокоить заявленіемъ, что Франція при-

---

*) Несомнѣнная ошибка: Мари былъ однимъ изъ наиболѣе умѣренныхъ членовъ временнаго правительства; соціалистическій элементъ, помимо Луи Блана, былъ представленъ еще рабочимъ Альберомъ. *Ред.*

**) Историческая отвѣтственность за организацію національныхъ мастерскихъ, которыя, по выраженію Виктора Гюго, убивали въ народѣ любовь къ труду, падаетъ прежде всего на умѣренныхъ республиканцевъ, желавшихъ превратить ихъ въ орудіе борьбы съ Луи Бланомъ. Создатель ихъ, членъ временнаго правительства Мари, слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ свое дѣтище: «Въ политическомъ отношеніи армія національныхъ мастерскихъ была союзницей національной гвардіи. Она принимала участіе во всѣхъ выборахъ, выказывая вездѣ и всегда свой миролюбивый характеръ, свою любовь къ порядку и спокойствію и преданность существующей формѣ правленія. Такіе результаты оправдываютъ всѣ произведенные на эту армію расходы и устраняютъ всякую мысль о порицаніи этого учрежденія». — Не всѣ желавшіе «соціальной республики» отожествляли ее съ оплачиваемой праздностью, и вопросъ о времени выборовъ серьезно дебатировался какъ среди народа, такъ и правительствомъ. Луи Бланъ, одинъ изъ наиболѣе ярыхъ приверженцевъ отсрочки выборовъ, мотивировалъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: правительство должно убѣдить страну рядомъ крупныхъ реформъ, насколько республиканская форма правленія человѣчнѣе монархической; реформы же требуютъ времени, а потому съ выборами не слѣдуетъ особенно спѣшить. Нѣкоторые соціалисты требовали, наоборотъ, по возможности немедленнаго созыва учредительнаго собранія, опасаясь, какъ бы отсрочка выборовъ не дѣйствовала охлаждающимъ образомъ на революціонный пылъ, охватившій страну сейчасъ послѣ февральскихъ событій. *Ред.*

знаетъ какъ фактъ если не договоры 1815 года, то территоріальныя основанія, созданныя ими. Красные дважды дѣлали попытки вооруженнаго возстанія съ цѣлью замѣнить временное правительство комитетомъ народнаго спасенія. Но оба раза бунты были подавлены благодаря раздорамъ среди ихъ зачинщиковъ и энергическимъ дѣйствіямъ національной гвардіи. 4 мая 1848 года открылось національное собраніе. На мѣсто временнаго правительства оно учредило исполнительную комиссію изъ пяти членовъ. Этимъ было возстановлено легальное положеніе.

17. Крушеніе старой власти въ средней Европѣ.

Революція не затронула парламентской Англіи, которая, по выраженію Маколея, пользовалась свободой среди рабства, и самодержавной Россіи, а также Голландіи, Бельгіи и Скандинавіи, за исключеніемъ Даніи, гдѣ замѣтно обнаружилась рознь между германской и датской національностями.

Непрочная какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны система Меттерниха съ трудомъ могла бы долго держаться противъ постепенно нараставшаго натиска своихъ противниковъ изъ среды народовъ Германіи и Италіи, мадьяръ и чеховъ, пылавшихъ къ ней гнѣвомъ и ненавистью. Поэтому революція не была здѣсь слѣпымъ подражаніемъ Франціи. Скорѣе наоборотъ, революціонное пламя въ Парижѣ было вызвано пожаромъ, который за полтора мѣсяца передъ этимъ вспыхнулъ на югѣ Италіи. Причинная связь заключалась лишь въ томъ, что въ виду давно уже существовавшихъ разсчетовъ на потрясеніе, предсказанное по случаю смерти Луи-Филиппа, которой одни ждали со страхомъ, другіе съ упованіями, быстрое паденіе французской монархіи, снесенной радикальнымъ потокомъ, дало возможность внутреннему броженію другихъ странъ излиться наружу. По существу всѣ движенія въ Европѣ были самостоятельными и преслѣдовали не всегда одинаковыя цѣли. Связь между ними заключается не въ томъ, что они происходили по французскому образцу, а въ томъ, что они имѣли передъ собой общаго противника. Застрѣльщикомъ явилась Италія. Австрія снова оказала непреклонное противодѣйствіе всякому прогрессивному развитію, когда при помощи своихъ договоровъ съ Моденой и Пармой загнала клинъ въ таможенный союзъ, заключенный между правительствами Рима, Тосканы и Пьемонта. По понятіямъ вѣнскаго двора единство полуострова, которое было для Италіи настоятельной потребностью, шло вразрѣзъ съ интересами и престижемъ австрійскаго владычества въ Ломбардо-Венеціи. Тотъ способъ, которымъ Австрія осуществляла свое преобладаніе въ Италіи (для его оправданія была изобрѣтена формула, гласившая, что Рейнъ нужно защищать на берегахъ По), долженъ былъ разрушительно дѣйствовать на духъ подданныхъ сосѣднихъ государствъ. Ибо за каждой строгостью, за каждымъ отказомъ въ уступкѣ требованіямъ времени можно было подмѣтить возмутительный гнетъ со стороны Австріи на государей, которые находились въ постыдной зависимости отъ нея. Движеніе умѣренныхъ умовъ, обнаруживавшееся въ такъ называемомъ „возрожденіи“,

именно тѣмъ и привлекало на свою сторону дворянство и образованныхъ людей, что оно сближало между собой династіи и населеніе и объединяло ихъ противъ Габсбургскаго владычества, которое становилось между ними и надъ ними. Національная идея, вошедшая въ плоть и кровь культурныхъ классовъ, постепенно оттѣснила на задній планъ духъ мелкаго завистничества между провинціями и направилась противъ общаго врага, чужеземцевъ,—тедески, какъ называли австрійцевъ. Національная идея вылилась въ чувство ненависти къ Австріи не въ одной только Ломбардо-Венеціи. Затрудненія, которыя Австрія ставила объединенію Италіи съ папой во главѣ, должны были служить для горячихъ патріотовъ оправданіемъ тому радикальному взгляду, исходившему изъ среды приближенныхъ Мадзини, что единство Италіи можетъ осуществиться лишь въ республиканской формѣ съ низложеніемъ династій.

Австрія предполагала, что можетъ разсчитывать для борьбы съ этой новогвельской національной идеей, кромѣ Модены и Пармы, также на короля Обѣихъ Сицилій, упорно державшагося абсолютизма. Въ болѣе спокойное время, быть-можетъ, ломбардо-венеціанскую область можно было бы удовлетворить коммунальной реформой; но прежде всего нужно было ее держать въ повиновеніи при помощи сильной власти. Конечно, уже нельзя было больше полагаться на гражданскихъ чиновниковъ итальянскаго происхожденія. Демонстративныя преслѣдованія (съ 2 января 1848 г.) курильщиковъ сигаръ, на глазахъ миланскаго правительства и въ университетскомъ городѣ Падуѣ, имѣли своей цѣлью подорвать вмѣстѣ съ доходностью государственной монополіи военное могущество Австріи.

Общее недовольство проявилось въ видѣ кроваваго столкновенія въ Палермо 12 января 1848 года. Въ слѣдующіе дни до 24 января Сицилія послѣ жестокаго боя достигла независимости. Островъ думалъ отдѣлиться съ собственнымъ парламентомъ по конституціи 1812 года, подлежавшей нѣкоторымъ измѣненіямъ. Вначалѣ допускалась только мысль о личной уніи съ Неаполемъ. Тѣмъ временемъ произошелъ переворотъ и на весьма зыбкой почвѣ Неаполя. Въ виду событій въ Сициліи и настроенія арміи король не рѣшился прибѣгнуть къ оружію противъ вспыхнувшаго здѣсь движенія. Онъ вынужденъ былъ 29 января обѣщать, а 10 февраля и провозгласить конституцію съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Во всякомъ случаѣ, армія и иностранныя дѣла оставались подъ непосредственнымъ руководствомъ короля. Однако, преданные королю лаццарони не вѣрили въ искренность перемѣны короля; съ неменьшимъ недовѣріемъ относились къ ней конституціоналисты. Но что бы ни послужило причиной, событія ли въ Сициліи, или нежеланіе дать Пьемонту опередить себя, во всякомъ случаѣ, первымъ отрекся отъ меттерниховской мудрости ея самый вѣрный адептъ. Неаполь былъ первымъ конституціоннымъ государствомъ полуострова.

Могли ли оставаться спокойными съ своей стороны правительства, уже начавшія проводить реформы? Партія возрожденія въ Туринѣ, представителемъ которой въ прессѣ былъ графъ Кавуръ, еще раньше возстанія Неаполя требовала конституціи. Къ ней присоединился муниципалитетъ. Въ Генуѣ призывали гражданъ къ самообороне и требовали изгнанія іезуитовъ. Послѣ долгой борьбы

съ своими политическими и религіозными предубѣжденіями король Карлъ-Альбертъ рѣшился 10 февраля дать статутъ, который впослѣдствіи долженъ былъ выработаться въ конституцію королевства Италіи. Въ этомъ статутѣ говорилось лишь о терпимости старо-католиковъ къ другимъ религіямъ, тогда какъ конституція, изданная 17 февраля въ Тосканѣ, устанавливаетъ свободу совѣсти. Здѣсь, какъ и въ Неаполѣ, за образецъ была взята французская хартія. Въ Римѣ папа заставилъ себя упрашивать гораздо дольше; однако, когда во Франціи рухнули тронъ и конституція, онъ 14 марта сдѣлалъ рѣшительный шагъ. По его статуту, на ряду съ двумя палатами, рѣшающій голосъ принадлежалъ коллегіи кардиналовъ, и отмѣна цензуры не распространялась на религіозныя сочиненія. Во главѣ отвѣтственнаго министерства, состоявшаго на двѣ трети изъ лицъ не духовнаго званія, въ качествѣ президента стоялъ кардиналъ Антонелли. Теперь въ Римѣ стало развѣваться трехцвѣтное знамя. Въ первое время своеобразная попытка наложить на владыку всемірной церкви узы конституціоннаго государя, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, вызвала воодушевленіе по адресу папы, отъ котораго наивно ждали участія и въ національной борьбѣ съ чужеземцами.

Если пришлось нѣсколько дольше ожидать взрыва въ Ломбардо-Венеціи, несмотря на то, что вышеизложенныя событія позволяли надѣяться на скорую поддержку, то это слѣдуетъ приписать страху, который внушилъ коммунистическій радикализмъ, тѣмъ временемъ обнаружившійся при парижской революціи.

Однако, при первомъ извѣстіи о революціи въ Вѣнѣ, стало невозможно сдерживать долѣе Миланъ. Престарѣлый фельдмаршалъ Радецкій былъ не въ состояніи овладѣть городомъ; попытка побѣдить его блокадой оказалась невыполнимой вслѣдствіе малочисленности войскъ, которыя были въ распоряженіи фельдмаршала. Послѣ четырехдневнаго боя Радецкій долженъ былъ 22 марта отступить изъ Ломбардіи за Эчъ. Временное правительство занялось военной организаціей охваченнаго восторгомъ населенія. Въ тотъ же день была очищена Венеція, въ ней и организовалась республика во главѣ съ Маниномъ. Такъ какъ австрійцы отозвали свои войска со всѣхъ наиболѣе опасныхъ позицій, то герцоги Модены и Пармы должны были бѣжать передъ партизанами. Радецкій поступилъ разумно, очистивъ позицію въ Ломбардіи; онъ долженъ былъ опасаться за коммуникацію и продовольствіе своей арміи среди областей, большая часть которыхъ возстала. Такимъ образомъ, ему своевременно удалось сдѣлать пригоднымъ для обороны четыреугольникъ крѣпостей позади Минчіо и этимъ обезпечить себѣ базу для наступленія. Тѣмъ не менѣе, „бѣгство“ бѣлыхъ мундировъ совершенно естественно вскружило головы итальянскимъ патріотамъ. Быстро появились отряды волонтеровъ изъ Тессина, Тосканы, даже изъ Рима и Неаполя. Гораздо важнѣе было отношеніе различныхъ правительствъ, и изъ нихъ прежде всего сосѣдняго Пьемонта, у котораго миланцы просили помощи съ самаго начала. Теперь и для короля Карла-Альберта насталъ часъ принять какое-либо рѣшеніе. Въ виду участія въ общемъ дѣлѣ демократически-революціонныхъ элементовъ, онъ не скрывалъ отъ себя опасности предстоящаго предпріятія.

Но какимъ образомъ можно побѣдить въ собственной странѣ республиканскихъ агитаторовъ, когда государство съ запада и востока было окружено

Радецкій
Кошутъ
Фридрихъ
Дальманъ
Елачичъ
Вильгельмъ IV
Р. Блюмъ
Г. ф. Гагернъ

республиками! Умѣренные возвѣстили устами Кавура, что для народа, правительства и короля существуетъ лишь одинъ выходъ: немедленное объявленіе войны. Нерѣшительный, но какъ солдатъ храбрый, король поборолъ свои сомнѣнія, удвоилъ мирный составъ своей арміи, мобилизовалъ ее и возвѣстилъ Ломбардіи, что окажетъ ей братскую помощь для того, чтобы „Италія сама устроилась" (Italia fara da se). 26 марта въ Миланъ прибыли первые пьемонтцы. Король тотчасъ-же перешелъ черезъ Минчіо и началъ наступленіе на Мантую и Пескьеру, но безъ успѣха. Отряды волонтеровъ и тосканскія войска пытались—и тоже безуспѣшно—отрѣзать Верону отъ Тироля и преградить путь подкрѣпленію, шедшему со стороны Изонцо. Эти итальянскія воинскія части были посланы въ помощь Ломбардіи, но либо вовсе не были подчинены королю Пьемонта, либо поступили въ его командованіе лишь впослѣдствіи. Неаполитанцы послѣ отступленія были даже отозваны обратно въ Неаполь въ серединѣ мая. Это распоряженіе было распространено и на неаполитанскую флотилію въ Адріатическомъ морѣ, причемъ Австрія просила у Англіи обороны отъ этой флотиліи для Тріеста и Истріи. Папа также не могъ устоять передъ народнымъ движеніемъ и былъ вынужденъ дать благословеніе войскамъ двинуться на сѣверъ. Но по желанію первосвященника они не должны были переходить черезъ границы папской области. Когда же война дѣйствительно оказалась серьезной, то завѣса, за которой ослѣпленнымъ итальянскимъ патріотамъ грезился національно-итальянскій папа, наконецъ, разорвалась. Глава всемірной католической церкви не могъ, конечно, затормозить рвеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, но ему было невозможно принять участіе въ войнѣ съ дружественной державой, тѣмъ болѣе, что война не была обоснована съ точки зрѣнія международнаго права. Тогда Пій IX разъ навсегда положилъ конецъ своему двусмысленному положенію и обнаружилъ свои тайныя мысли въ обращеніи къ кардиналамъ отъ 29 апрѣля и въ манифестѣ отъ 1 мая. Вѣра въ національное главенство папы представляла собой болѣзнь, которую полуостровъ долженъ былъ предварительно перенести прежде, нежели окончательно выздоровѣть.

Въ тотъ моментъ открытое выступленіе папы было пагубно. Оно ободрило тайныхъ абсолютистовъ въ Неаполѣ, и безъ того завидовавшихъ возможному выигрышу Пьемонта, и,подорвавъ вѣру въ правительства, дало окончательно созрѣть плодамъ республиканизма. Между тѣмъ въ Веронѣ 82-лѣтній Радецкій непоколебимо подготовлялъ переворотъ.

Вопросъ заключался лишь въ томъ, окажется ли возможнымъ привлечь въ видѣ подкрѣпленія для этого переворота какія-либо мѣстныя силы?

Къ сѣверу отъ Альповъ парижская катастрофа ускорила взрывъ революціи. И безъ того радикальное настроеніе въ Германіи питалось крохами французской революціонной литературы. Тѣ круги, въ которыхъ оно господствовало, и къ которымъ на югѣ принадлежали также и зажиточные ремесленники, чувствовали влеченіе къ республикѣ частью вслѣдствіе ожесточенія, частью подъ вліяніемъ наивнаго восхищенія ею; фанатики видѣли въ ней вообще цѣлебное средство, къ которому слѣдуетъ прибѣгнуть даже противъ желанія большинства націи, если добровольно она не соглашается. Конституціоналисты привыкли за послѣдніе

годы партизанской войны видѣть въ сильныхъ волею радикалахъ весьма цѣннаго союзника.

Сами конституціоналисты въ большей части германскихъ странъ представляли собой избранный кругъ, пополнявшійся изъ среды образованныхъ классовъ. Среди своихъ духовныхъ вождей они насчитывали немало представителей науки, профессоровъ, которые пользовались довѣріемъ современнаго имъ поколѣнія, превосходно воспитаннаго теоретически. Дальнѣйшее изложеніе этой исторіи покажетъ, насколько правильно можно ихъ упрекать въ томъ, что они въ своемъ идеалистическомъ увлеченіи не внесли въ движеніе той эпохи достаточно яснаго понятія о значеніи власти въ жизни государства. Конституціонный либерализмъ не сумѣлъ вырасти въ большую партію буржуазіи съ вполнѣ сознанными цѣлями. Огромное большинство либеральныхъ бюргеровъ позволяло завлекать себя въ лагерь радикализма мнимымъ призракомъ реакціи, притомъ въ данномъ случаѣ оно поступало съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ иной разъ, опасаясь „брызгъ накипи" революціи, шло на явное превышеніе власти въ интересахъ будто бы порядка. Демагоги, обладавшіе вліяніемъ особенно на юго-западѣ Германіи, чувствовали подъемъ духа благодаря ожиданію, что французы братски вступятся за свободу всѣхъ. Отсюда, а также и отъ возстанія Польши они ожидали ударовъ, которые парализуютъ силы существующихъ властей. Либералы, со своей стороны, упрекали правительства за то, что въ своей династической близорукости они не радѣли о національной оборонительной силѣ. Если обѣ партіи въ началѣ движенія дѣйствовали сообща, то это можно объяснить лишь расплывчатостью и незрѣлостью понятій какъ у старыхъ, такъ и молодыхъ людей этой эпохи. Еще съ февраля народныя собранія на югѣ и юго-западѣ, вскорѣ также въ средней и сѣверной Германіи начали формулировать требованія націи. Эти резолюціи, гласившія почти одинаково, сообщались въ видѣ совершенно недвусмысленныхъ бурныхъ петицій правительствамъ, которыя одно за другимъ спѣшили итти на уступки. Вожаки конституціонной оппозиціи почти во всѣхъ государствахъ какъ средней величины, такъ и мелкихъ были выдвинуты движеніемъ на министерскія кресла. Въ самыхъ требованіяхъ, безразлично въ положительныхъ или отрицательныхъ, при нѣкоторой незрѣлости ихъ все же былъ виденъ серьезный шагъ впередъ. Насколько эти требованія были отраженіемъ французскихъ идей и событій, это вопросъ, который подлежитъ болѣе точному изученію. Судя поверхностно, это можно было признать на томъ основаніи, что повсюду выставлялось требованіе народнаго или бюргерскаго ополченія съ правомъ выбора своихъ офицеровъ. Сверхъ того, вообще выставлялись въ видѣ мартовскихъ завоеваній слѣдующія пожеланія народа: созывъ германскаго парламента, полная свобода печати, союзовъ и собраній, введеніе суда присяжныхъ, равное для всѣхъ обложеніе, народное министерство и т. д. Требованія промышленныхъ рабочихъ касались урегулированія отношеній между капиталомъ и трудомъ, а также гарантій труда. Въ средѣ сельскаго населенія возставали противъ злоупотребленія правомъ охоты и противъ всѣхъ пережитковъ феодальныхъ привилегій.

Благодаря безсилію правительства установился порядокъ, который былъ

увѣковѣченъ подъ названіемъ—скорѣе остроумнымъ, нежели точнымъ—мирной анархіи. Немало было такихъ пунктовъ, гдѣ національныя пожеланія и весьма основательныя крестьянскія требованія тѣсно сплетались съ безсовѣстно раздутыми страстями вооруженнаго пролетаріата. Отсутствіе законности могло привести къ одичанію и преступленіямъ, если бы новая свобода немедленно не получила болѣе положительнаго содержанія, нежели простой произволъ каждаго индивидуума.

Но откуда взять силы для этого?

Бундестагъ тщетно старался сохранить за собой вліяніе путемъ отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ, признанія черно-красно-золотого знамени, которое раньше преслѣдовалось съ дѣтскимъ ожесточеніемъ, и, наконецъ, путемъ привлеченія въ свою среду людей, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, и согласія на созывъ парламента для выработки конституціи. Къ бундестагу не питали ни довѣрія, ни страха. Разосланное Австріей и Пруссіей еще въ первой половинѣ марта приглашеніе на конференцію въ Дрезденѣ съ цѣлью расширенія компетенціи бундестага явилось слишкомъ поздно. Въ заключеніе тѣхъ стремленій, которыя обнаружились еще съ конца 1847 года, снизу же началось и самое дѣло спасенія государства. 5 марта 51 депутатъ отъ большей части германскихъ государствъ, собравшись въ Гейдельбергѣ, предъявили требованіе созвать свободно избранный народный парламентъ. Предложенія нѣкоторыхъ республиканцевъ были категорически отклонены, и было постановлено, что все дѣло должно быть начато въ согласіи народа съ правительствомъ. Особой комиссіи изъ 7 членовъ дано порученіе организовать на 30 марта собраніе такъ называемаго „предварительнаго парламента". Къ предложенію созвать германскій парламентъ должны были присоединиться даже республиканцы, какъ, напримѣръ, Геккеръ, и съ увѣренностью можно было ожидать содѣйствія этому южногерманскихъ правительствъ, а также Баваріи.

Но какъ въ 1847 году Карлъ Мати считалъ пагубнымъ парламентъ безъ союзнаго правительства, такъ и теперь (28 февраля) депутатъ Генрихъ фонъ-Гагернъ предложилъ въ гессенъ-дармштадтской палатѣ передать союзную власть во время опасности одному правительству, усиливъ его конституціоннымъ національнымъ представительствомъ для вопросовъ, относящихся къ внѣшней политикѣ, военному дѣлу и народному вооруженію, а также для законодательства и установленія налоговъ. Безъ сомнѣнія, Гагернъ имѣлъ въ виду Пруссію. Мысль его быстро воплотилась въ исходившую изъ Нассау попытку саксонскаго и южно-германскихъ кабинетовъ (за исключеніемъ баварскаго) начать при посредствѣ коллективнаго посольства пропаганду германскаго союзнаго государства подъ руководительствомъ Пруссіи, если она сама, какъ это обусловилъ Вюртембергъ, приметъ конституціонный строй. Но въ это время еще нельзя было разсчитывать встрѣтить въ Берлинѣ сочувствіе къ этому ни съ одной, ни съ другой стороны. 10 марта король выразилъ желаніе объявить „имперское изгнаніе" не только 51 гейдельбергскому депутату, но также и дармштадтскимъ и нассаускимъ депутатамъ, слѣдовательно, всѣмъ, кто поддерживалъ Гагерна. Король говорилъ еще съ германской революціей „басомъ" и

имѣлъ въ виду оккупацію безпокойныхъ областей чужеземными, особенно австрійскими и прусскими войсками. Въ то же время русскій государь долженъ былъ поддерживать спокойствіе въ Польшѣ.

Австрія, не отказываясь отъ своихъ германскихъ притязаній, вынуждена была между тѣмъ подумать о самой себѣ. Бѣдствіе дунайской имперіи заключалось не только въ томъ, что императоръ былъ совершеннымъ ничтожествомъ, а члены управлявшей за него государственной конференціи были между собой несогласны; въ еще большей степени было гибельно, что мало-по-малу сами руководящія лица утратили вѣру въ возможность сохранить систему и тѣмъ не менѣе были неспособны сознательно и сильной рукой ввести то, что соотвѣтствовало общимъ требованіямъ. Начиная съ 1847 года, Меттернихъ уже болѣе не отклонялъ извѣстныхъ реформъ, но не могъ прійти къ соглашенію съ эрцгерцогомъ Людвигомъ, который руководилъ государственной конференціей; съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ волны стали подыматься все выше и выше, эрцгерцогиня Софія тоже не бездѣйствовала. Изъ опасенія за будущее своего сына Франца-Іосифа, которому предназначалась корона Австріи, она втайнѣ интриговала противъ государственнаго канцлера, казавшагося самодержавнымъ въ глазахъ внѣшняго міра. Революціонныя бури застигли Меттерниха, по собственному его выраженію, въ параличѣ и изолированнымъ.

Мы уже видѣли, какъ въ началѣ года въ ломбардо-венеціанской области появились застрѣльщики національнаго итальянскаго движенія, которыхъ только военнымъ судомъ можно было привести къ повиновенію. Въ Прагѣ было неспокойно. Въ Венгріи по винѣ правительства, которое умѣло только отказывать во всемъ, началось вытѣсненіе старо-консервативной и современно-конституціонной партій національно-радикальной. Національный вопросъ, котораго всегда—и не безъ основанія—боялись въ Гофбургѣ, началъ всплывать на поверхность . У власти между тѣмъ ощущался недостатокъ въ средствахъ, особенно въ финансовыхъ. Радецкій давно уже тщетно требовалъ подкрѣпленій. Также не удались и „полномочія" князя Виндишгреца, имя котораго нѣкоторое время часто повторялось, и который долженъ былъ обезпечить монархію по сію сторону Альповъ. Еще до парижской революціи, а въ особенности послѣ нея, искусственно созданное оцѣпенѣніе въ нѣмецкой Австріи начало понемногу проходить. Но такъ какъ все, что хотѣло сколько-нибудь шевелиться, было сознательно подавляемо, то теперь правящія сферы не могли получить отъ широкихъ круговъ никакихъ указаній, директивъ или поддержекъ даже при своемъ искреннемъ желаніи. Ко всему этому и къ опасеніямъ угрожавшаго государственнаго банкротства прибавилось возбужденіе Венгріи, всюду находившее отзвукъ. Всѣ хорошо помнили, какъ въ 1847 г. Кошутъ въ рейхстагѣ угрожалъ немилосерднымъ уничтоженіемъ „нищенской привилегіи" дворянства (такъ онъ назвалъ освобожденіе дворянъ отъ податей). 3 марта 1848 г. этотъ могучій агитаторъ объявилъ, что будущее Венгріи не можетъ считаться обезпеченнымъ, пока правительственная система другихъ провинцій противорѣчитъ всѣмъ основнымъ положеніямъ конституціоннаго строя. Вмѣсто вѣнской системы, отъ которой вѣетъ зачумленнымъ воздухомъ, для спасенія династіи, по его мнѣнію, необходимо было

ходатайствовать, чтобы при помощи свободной конституціи было создано братство народовъ Австріи, и чтобы тронъ императора былъ окруженъ конституціонными учрежденіями. Палата составила въ духѣ этого ходатайства адресъ, предъявленіе котораго магнаты тщетно старались отсрочить.

11 марта собраніе бюргеровъ въ Прагѣ постановило подать петицію о болѣе тѣсномъ объединеніи чешскихъ коронныхъ земель, о прекращеніи барщины, учрежденіи милиціи и т. д. Здѣсь, какъ и въ Вѣнѣ, опасались коммунизма. Въ Вѣнѣ въ ожиданіи собранія нижне-австрійскихъ чиновъ образованные классы, студенты и промышленные рабочіе особо формулировали свои пожеланія. Самъ ландтагъ, собравшійся 13 марта, вполнѣ довольствовался требованіями соединенныхъ комиссій провинціальныхъ чиновъ. Но движеніе, поддерживаемое интеллигенціей, студентами и промышленными рабочими, шло мимо него; послѣ слабой попытки военной репрессіи возбужденіе и боевое настроеніе только возросли, даже у солидныхъ бюргеровъ. Государственная конференція, осажденная званными и незванными совѣтчиками и депутаціями, колебалась то въ одну, то въ другую сторону, пока, наконецъ, не рѣшилась сперва дать свободу печати, затѣмъ обѣщать конституцію для имперіи. Это обѣщаніе было дано послѣ того, какъ относившійся къ „бунту" съ насмѣшкой Меттернихъ былъ вынужденъ сложить съ себя свои обязанности въ виду безпринципности правительства и тайныхъ интригъ нѣкоторыхъ лицъ государственной и придворной партіи. Самыя необходимыя мѣры принимали при существующихъ обстоятельствахъ лично оскорбительный и опасный для общественнаго блага характеръ. Вмѣстѣ съ Меттернихомъ исчезъ и объединяющій элементъ, который переносили больше по привычкѣ робѣть передъ нимъ. Съ его уходомъ наступилъ такой распадъ, какого еще не бывало въ исторіи Габсбургскаго дома даже въ началѣ XVII вѣка. Выше уже разсказано, какъ Австрія пока потеряла всю Италію, за исключеніемъ территоріи подъ лагеремъ Радецкаго. Для спасенія этихъ драгоцѣнныхъ владѣній, послѣ вторженія въ нихъ Карла-Альберта, были двинуты войска, необходимыя для подкрѣпленія Радецкому. Но вскорѣ у себя дома сталъ ощущаться крайній недостатокъ въ войскахъ. Въ Богеміи все время происходили волненія, принимавшія все болѣе серьезный характеръ. Чехи обнаруживали склонность къ панславизму, наиболѣе яркимъ выраженіемъ котораго былъ впослѣдствіи пражскій славянскій конгрессъ. Національныя чешскія волненія тянулись до іюня. Кровавое подавленіе ихъ княземъ Виндишгрецомъ было первымъ успѣхомъ круговъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи имперіи Габсбурговъ. Сила чешскаго движенія, какъ и его требованіе автономіи, росли, во-первыхъ, отъ того, что революціи придавали—въ особенности студенты—значеніе общегерманскаго объединенія, а, во-вторыхъ, отъ слабости вѣнскаго центральнаго правительства послѣ 14 марта. Люди, которые должны были замѣстить низвергнутыхъ дѣятелей, какъ, напр., Финкельмонтъ, Пиллерсдорфъ, были преданными и вѣрными чиновниками, но не государственными дѣятелями. Система опеки не была въ состояніи создать настоящихъ дѣятелей. Сдержать дѣтски-дерзкую игру въ революцію, которой увлекались студенты и рабочіе, одурманенные побѣдами, могъ бы только сильный характеръ. Вмѣсто

этого, столица оказалась во власти „аулы". Студенческій легіонъ и національная гвардія поддерживали всѣ требованія „народа". Каждое самостоятельное дѣйствіе правительства вызывало недовѣріе и опасеніе реакціи въ кругахъ, гдѣ никто не былъ въ состояніи даже формулировать, какъ должна быть составлена новая конституція. Но когда 25 апрѣля была обнародована отъ имени императора конституція для западной половины имперіи, составленная по бельгійскому образцу, населеніе отвергло ее съ негодованіемъ въ виду того, что она была дарованной и вводила систему двухъ палатъ. Пришлось назначить выборы въ учредительное собраніе. Разумѣется, сдѣланныя уступки отдѣльнымъ короннымъ землямъ, напр., Богеміи, уже опередили эту конституцію. Другіе города спѣшили по мѣрѣ силъ подражать Вѣнѣ, такъ что министерству постоянно приходилось вести борьбу за свое существованіе. Для защиты правъ народа въ Вѣнѣ образовался центральный комитетъ изъ различныхъ группъ, дѣятельность котораго окончательно обратила корону въ игрушку революціонеровъ. Когда была сдѣлана попытка уничтожить этотъ комитетъ, Вѣна снова возстала и принудила власть къ уступкамъ. Но, по крайней мѣрѣ, императорская главная квартира была перенесена въ лойяльный Инсбрукъ (въ серединѣ мая) и благодаря этому избавилась отъ ежедневнаго предъявленія революціонныхъ требованій.

Но еще раньше оставленія Вѣны больной императоръ при закрытіи венгерскаго сейма (10 апрѣля) долженъ былъ лично дать свое согласіе на законы (31 пунктъ), которые не только превращали феодальную Венгрію въ конституціонное государство въ современномъ духѣ, но разрушали старое императорское единство Австріи. Съ 13 марта благодаря погрѣшностямъ системы, практиковавшейся десятки лѣтъ, радикальная масса обратила сеймъ, можно сказать, почти въ трибуну для выраженія своихъ страстей. Комиссія безопасности въ Пештѣ, благодаря неотразимому вліянію личности Кошута въ сеймѣ, господствовала какъ въ столицѣ, такъ и внѣ ея. Палата сама увлекалась, магнаты подчинялись всему противъ собственной воли. Чиновники во многихъ мѣстностяхъ были замѣнены народными комитетами. При такихъ условіяхъ сеймъ былъ послѣднимъ прибѣжищемъ для спасенія отъ анархіи, и вѣнскій дворъ не могъ не внять грозному предостереженію. По существу 31 пунктъ представлялъ собой новую конституцію. Королевство вмѣстѣ съ Трансильваніей получило независимое отъ Вѣны отвѣтственное министерство, и даже для иностранныхъ дѣлъ назначался особый венгерскій министръ при королевскомъ дворѣ. Этимъ актомъ объявлялась личная унія Венгріи съ остальной Австріей. Устанавливалось только въ общихъ чертахъ участіе Венгріи въ имперскихъ расходахъ. Привилегіи дворянства уничтожались съ сохраненіемъ, однако, мѣстной организаціи комитетовъ. Было объявлено также равномѣрное распредѣленіе налоговъ, отмѣнены особыя крестьянскія повинности, введены свобода печати и судъ присяжныхъ; избирательное право было преобразовано въ демократическомъ духѣ; засѣданія сейма были сдѣланы ежегодными. Въ новое министерство, кромѣ старо-конституціоналистовъ, какъ, напр., Деакъ, вошелъ и Кошутъ, который, хотя и любилъ называть себя простымъ гражданиномъ, но фактически

былъ вождемъ страны. Ярко-выраженный мадьярскій характеръ движенія вызвалъ волненіе среди остальныхъ національностей. Хорваты тѣснѣе сплотились вокругъ Елачича, назначеннаго правительствомъ баномъ Хорватіи. Въ Трансильваніи оппозицію составляли валахи, тогда какъ нѣмцы „саксы" предпочли заключить „унію" съ господствующей національностью. Мѣстами грезили о триединомъ королевствѣ Хорватія-Славонія-Далмація.

Такимъ образомъ, безъ видимаго преувеличенія можно было утверждать, что габсбургская монархія трещала по швамъ и быстро приближалась къ полному распаду. Не рѣдкое заблужденіе со стороны несвѣдущихъ въ исторіи лицъ! При всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ въ Вѣнѣ и не думали, однако, отказаться отъ какихъ-либо притязаній, не исключая и господства въ Германіи. Быть-можетъ, величайшей изъ услугъ, оказанныхъ имперіи студенчествомъ, было врученіе императору Фердинанду въ руки черно-красно-золотого знамени. Въ то время переговоры Радовица съ Пруссіей относительно реформы союза еще не привели ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV все еще крѣпко держался, даже послѣ вѣнской революціи, необходимости общихъ дѣйствій съ Австріей. 16 марта онъ возбудилъ вопросъ о назначеніи представителемъ въ предполагавшійся конгрессъ германскихъ князей эрцгерцога Іоанна, причемъ мѣсто конгресса должно было быть перенесено въ Потсдамъ. Однако, онъ далъ себя склонить къ болѣе правильной оцѣнкѣ тѣхъ силъ, которыя выростали снизу, и которыми еще такъ недавно совершенно пренебрегали, и согласился воспользоваться указаніями конституціоналистовъ, къ которымъ принадлежали южно-германскіе дворы, какъ средствомъ защиты монархіи отъ республиканцевъ. Соединенный ландтагъ, созванный на 27 апрѣля, долженъ былъ послѣ конгресса заняться выработкой мѣръ для возрожденія Германіи. Когда же стало извѣстно, какой хаосъ происходитъ въ старой Австріи, то созрѣлъ планъ издать раньше предположеннаго срока успокоительную прокламацію отъ имени старыхъ всѣмъ ненавистныхъ министровъ.

Къ этому побуждали кровавые безпорядки, которые происходили въ Берлинѣ съ начала марта, и извѣстія о волненіяхъ въ провинціяхъ, особенно въ Силезіи и на Рейнѣ, принимающихъ угрожающій характеръ. Такимъ образомъ, въ ночь съ 17 на 18 марта былъ изготовленъ и къ полудню обнародованъ патентъ, которымъ соединенный ландтагъ созывался уже на 2 апрѣля. Изъ него совмѣстно съ другими германскими чинами должно было образоваться предварительное союзное представительство, которое приступило бы къ преобразованію германскаго союза въ союзное государство соединенными силами князей и народа. Признавалось необходимымъ дать всѣмъ германскимъ странамъ конституціонный строй. Единая союзная армія по прусскому образцу подъ начальствомъ союзнаго главнокомандующаго, единый флотъ подъ германскимъ флагомъ, союзный судъ, германскій таможенный союзъ, общія германскія гражданскія права, свобода передвиженія, единая монетная система, свобода печати,—таковы были „предпосылки" свободнаго соединенія представительства князей и народа. Только отмѣна цензуры въ Пруссіи послѣдовала въ

видѣ особаго закона. Гогенцоллернъ желалъ дать Германіи всѣ существеннѣйшіе аттрибуты прусскаго государства и въ этомъ смыслѣ еще до революціи растворить Пруссію въ Германіи. Но программа его была неясной и неопредѣленной. Передовые въ политическомъ смыслѣ круги Пруссіи прежде всего не находили въ этой программѣ немедленнаго демократическаго преобразованія представительства, призываемаго къ общей работѣ. А ждать долѣе населеніе ужъ не хотѣло. Такимъ образомъ, выраженія радости со стороны толпы, собравшейся послѣ полудня 18 марта на Дворцовой площади, постепенно перешли въ недовольное настроеніе. Не было точной увѣренности въ искренности обѣщаній и нельзя было разубѣдить въ предвзятомъ мнѣніи, будто придворная партія, главой которой считался наслѣдникъ престола принцъ Прусскій, ищетъ конфликта, чтобы создать предлогъ для отмѣны данныхъ обѣщаній. При такой напряженной атмосферѣ раздались два случайныхъ выстрѣла изъ рядовъ солдатъ, вызванныхъ очистить площадь отъ скопленія народа, принявшаго грозные размѣры. Никто не былъ раненъ. Но тонъ общей раздражительности, явившейся въ результатѣ продолжительныхъ треній между толпой и военными, подозрѣніе, что народъ обманутъ и что его предали, приняли немедленно гигантскіе размѣры. Въ Берлинѣ присутствовали въ то время нѣкоторые иностранные подстрекатели, однако, ошибочно было бы видѣть въ нихъ зачинщиковъ возстанія, которое увлекло за собою журналистовъ, студентовъ, ремесленныхъ подмастерьевъ и, безъ сомнѣнія, многихъ имущихъ бюргеровъ, хотя больше въ видѣ сочувствующихъ элементовъ.

Въ одно мгновеніе на улицахъ, выходившихъ къ дворцу, окруженному войсками, выросли баррикады. Не взирая на геройскія усилія отдѣльныхъ борцовъ въ уличномъ бою, ночью побѣда осталась за войсками, которыми командовалъ генералъ Притвицъ. Насколько можно было судить, успѣхъ на этотъ разъ былъ обезпеченъ въ большей степени, чѣмъ при всякой другой революціи. Королю представлялся необыкновенно благопріятный случай, воспользовавшись укрѣпившейся снова властью, ввести въ монархическое государство все, что было здраваго въ народныхъ пожеланіяхъ. Его историческая вина заключается въ томъ, что онъ не могъ пересилить себя и использовать моментъ. Если судить по обыкновенной мѣркѣ, то слишкомъ понятно, почему король, подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ впечатлѣній, разнородныхъ точекъ зрѣнія и совѣтовъ, въ своей извѣстной патріархальной и все-таки неприличной прокламаціи къ своимъ любезнымъ берлинцамъ, расклеенной утромъ 19 марта, приказалъ своимъ побѣдоноснымъ войскамъ отступить при условіи, если и баррикады будутъ сняты. Онъ понималъ свое распоряженіе такъ, что войска отойдутъ только къ площади, прилегающей къ дворцу. Но Притвицъ съ самаго начала считалъ, что въ этой позиціи невозможно держаться, ибо немыслимо было спокойно стоять лицомъ къ лицу съ борцами на баррикадахъ, опьяненными своимъ успѣхомъ, и въ то же время не имѣть со стороны разстроеннаго короля позволенія прибѣгать къ силѣ оружія. По распоряженію Притвица въ тотъ же день послѣ полудня войска были отведены по казармамъ, и вскорѣ затѣмъ въ городѣ остался лишь ничтожный

гарнизонъ, занимавшій дворецъ. Въ сущности охрана королевской четы была, такимъ образомъ, довѣрена гражданскому ополченію, тотчасъ же образовавшемуся съ разрѣшенія короля. Здѣсь мы не будемъ подробно излагать то унизительное положеніе, въ которомъ король не разъ оказывался въ слѣдующіе дни по отношенію къ ожесточеннымъ революціонерамъ, его вынужденное поклоненіе трупамъ борцовъ, павшихъ на баррикадахъ, и его участіе въ пышной погребальной церемоніи, увѣковѣченной на картинѣ Адольфа Менцеля.

Гораздо больше значенія имѣютъ вынужденныя у монарха уступки, отъ которыхъ его не могло удержать новое министерство графа Арнима-Бойтценбурга. Амнистія, повлекшая за собою освобожденіе раньше осужденныхъ поляковъ, дала польскимъ національнымъ стремленіямъ въ Познани руководителей изъ мѣстныхъ уроженцевъ. 21 марта Фридрихъ-Вильгельмъ проѣхалъ верхомъ по улицамъ, украшенный черно-красно-золотыми цвѣтами, причемъ онъ въ своихъ неоднократныхъ рѣчахъ, обращенныхъ къ студентамъ и др., выражалъ свое рѣшеніе въ эту годину опасности взять въ свои руки руководительство Германіей. Въ прокламаціи „Къ моему народу и къ германской націи" еще подробнѣе дается объясненіе идеѣ растворенія Пруссіи въ Германіи. Полная аналогія въ отношеніи развитія мысли между этой прокламаціей и прокламаціей 18 марта доказываетъ, что тутъ вовсе не было вступленія на новый путь, какъ это думали: предполагалось, что 2 апрѣля князья и чины Германіи вмѣстѣ съ органами соединеннаго ландтага составятъ временное германское собраніе чиновъ и примутъ необходимыя рѣшенія. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ рѣчь шла о представителяхъ сословій на ряду съ князьями. Для пониманія сущности этого собранія очень характерна двойная задача его: созданіе народной союзной арміи и объявленіе вооруженнаго нейтралитета. Снова обѣщано было учрежденіе конституціоннаго отвѣтственнаго министерства.

Но Фридрихъ-Вильгельмъ при своихъ постоянныхъ колебаніяхъ имѣлъ еще плохого совѣтчика и въ лицѣ своего министра иностранныхъ дѣлъ Генриха фонъ-Арнима, когда предпринялъ попытку создать внѣшнее отвлеченіе для внутренняго броженія. Дворы охотно опирались бы на сильную Пруссію; но тѣ изъ нихъ, которые первоначально къ этому склонялись, оказывались теперь равнодушными къ Пруссіи, разслабленной вслѣдствіе революціи, тѣмъ болѣе, что Австрія и Баварія ссылались на существующее союзное право, а вмѣстѣ съ этимъ неодобреніемъ Пруссіи отдѣльными правительствами росли и злыя насмѣшки демократовъ. Противорѣчія между державами, изъ которыхъ однѣ стояли на сторонѣ партикуляризма, другія на сторонѣ прогресса, вынуждали занять выжидательное положеніе. Кромѣ того, въ Пруссіи возбужденные умы отнюдь не были удовлетворены сдѣланными уступками.

Депутаціи изъ Бреславля и другихъ мѣстъ требовали немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Заслуга графа Арнима заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ настоять на непрерывномъ ходѣ развитія права вопреки всѣмъ нападкамъ, не съ помощью неосуществимаго сохраненія сословнаго соединеннаго ландтага, а предоставленіемъ ему на заключеніе нормъ избирательнаго закона. Конечно, въ то же время

потребовалось особымъ ордеромъ кабинета обѣщать, что участіе въ первичныхъ выборахъ будетъ предоставлено безъ различія вѣроисповѣданія, и что конституціонный строй будетъ созданъ на самыхъ широкихъ началахъ. Къ либеральнымъ законопроектамъ новаго представительства прибавлено было обѣщаніе, что постоянная армія будетъ присягать новой конституціи. За графомъ Арнимомъ, давшимъ столь широковѣщательныя обѣщанія, уже 29 марта послѣдовало либеральное по существу министерство Лудольфа Кампгаузена, которое вскорѣ объявило себя отвѣтственнымъ. Второй соединенный ландтагъ (съ 2 апрѣля), кромѣ основаннаго на всеобщей подачѣ голосовъ избирательнаго закона для созыва собранія, назначеннаго для составленія конституціи и для временной передачи ему полномочій имперскихъ сословій, 6 апрѣля объявилъ полную свободу печати, собраній и союзовъ, отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ; вмѣстѣ съ этимъ было заявлено, что согласіе народнаго представительства на обложеніе и изданіе съ его одобренія новыхъ законовъ будутъ аттрибутами новаго конституціоннаго строя. За очень немногими отдѣльными исключеніями эти весьма демократическія реформы (всеобщая подача голосовъ и система одной палаты) были приняты этимъ строго сословнымъ сеймомъ, причемъ сверху не послѣдовало даже малѣйшей попытки воспользоваться этими носителями стараго режима, какъ тормозомъ для слишкомъ бурнаго движенія государственной колесницы по наклонной плоскости. И даже правительству была бы единогласно вотирована благодарность, если бы противъ этого не голосовалъ Отто фонъ-Бисмаркъ. Большинствомъ всѣхъ противъ того же одного голоса былъ принятъ добровольный заемъ (или какой-либо иной способъ) для образованія необходимаго фонда размѣромъ въ 15 милліоновъ талеровъ для внѣшней и внутренней обороны, слѣдовательно, для арміи. Такъ какъ, сверхъ того, государственное казначейство располагало значительной наличностью, то этимъ объясняется, что въ чаду революціи все-таки продолжалась общественная служба. Никакіе революціонные комитеты не могли вытѣснить должностныхъ лицъ съ ихъ мѣстъ. Много офицеровъ обращало умоляющіе взоры къ Англіи, куда по приказанію короля скрылся принцъ Прусскій, преслѣдуемый ненавистью столичной толпы. Мѣсяцами длились усилія настоять на его возвращеніи, равно какъ вернуть въ Берлинъ удаленныя изъ него войска. Демагоги усиливали возбужденіе большого города разными вымышленными слухами о приближеніи русскихъ войскъ и т. д. Однако, Познань дѣйствительно грозила отпаденіемъ. Одновременно съ помилованіемъ осужденныхъ по большому польскому процессу король обѣщалъ одной депутаціи изъ Познани, подъ условіемъ закономѣрнаго поведенія населенія, дать провинціи національную организацію съ образованіемъ смѣшанной комиссіи изъ поляковъ и нѣмцевъ. Извративъ слова короля, поляки самовольно приступили къ дѣлу, начали производить насилія надъ нѣмецкимъ населеніемъ, прогонять чиновниковъ и даже организовывать польскую милицію. Сперва гражданскія и военныя власти по своей слабости терпѣли это. Но когда нѣмцы стали волноваться и ставить на видъ, что нѣмецкая часть провинціи, какъ и вся восточная Пруссія, входитъ въ составъ германскаго союза, поляки открыто отказались повиноваться. Только

послѣ кровопролитныхъ столкновеній порядокъ былъ возстановленъ къ началу мая, такъ что удалось избѣжать конфликта съ сосѣдней Россіей.

Отправка части арміи въ помощь герцогствамъ Шлезвигу-Гольштиніи противъ Даніи относится къ другому порядку событій. Она послужила къ подъему упавшаго духа въ войскахъ. Государство лишь въ крайней нуждѣ выполняло свою обязанность самоопредѣленія; въ данное время его силы, равно какъ и сложившееся о немъ у прочихъ государствъ мнѣніе, не давали ему возможности развить свою дѣятельность по оборонѣ всей Германіи и занять въ ней руководящее мѣсто. Если, не взирая на это, патріоты крѣпко держались надежды на будущій размахъ фридриховскаго орла, то это является доказательствомъ ихъ успѣха въ политическомъ развитіи. Спрашивается, не находился ли въ связи съ указанной слабостью Пруссіи тотъ фактъ, что излюбленная идея друзей германскаго объединенія до мартовской революціи — идея растворенія Пруссіи въ Германіи—превратилась теперь у борцовъ за монархическое объединеніе родины, по меньшей мѣрѣ, въ молчаливую предпосылку? Нельзя же было довѣрить гегемонію въ Германіи разслабленному государству и лишенному воли королю! И Австрія, гораздо болѣе разстроенная, нежели Пруссія, не замедлила весьма энергично напомнить о своихъ требованіяхъ. Въ отвѣтъ на прокламацію Фридриха-Вильгельма отъ 21 марта „Вѣнская Газета", все еще остававшаяся офиціальной, откликнулась 25 марта въ томъ смыслѣ, что король окровавленной рукой поднялъ германскій флагъ, который столько лѣтъ подвергался гоненію, и что германскій народъ съ ужасомъ отступилъ передъ его энтузіазмомъ. Король, по ея словамъ, желаетъ поставить свое „я" выше закона и навязать себя Германіи въ качествѣ вождя. Послѣ упомянутой прокламаціи австрійское министерство прекратило всякое дальнѣйшее участіе въ переговорахъ о потсдамской конференціи и заявило, что оно лишь въ бундестагѣ приметъ участіе въ переговорахъ о пересмотрѣ существующихъ союзныхъ законовъ. Эту приверженность къ договорамъ 1815 г. Австрія твердо хранила и никогда въ теченіе всей германской революціи не отрекалась отъ всего, что по праву вытекало изъ нихъ. Но и помимо такой приверженности къ установленному порядку, въ виду общей безпомощности и пассивности на долю почти уже забытаго бундестага еще разъ выпала роль единственнаго органа всей совокупности нѣмецкихъ правительствъ. Въ теченіе послѣднихъ недѣль онъ упражнялся въ самоограниченіи. Представители, пользовавшіеся особенной нелюбовью, были замѣнены другими; по собственному почину къ 17 голосамъ его совѣта было присоединено 17 довѣренныхъ людей, изъ числа которыхъ наиболѣе вліятельный былъ боннскій профессоръ Дальманъ. Такъ какъ весь міръ, не исключая правительства, говорилъ объ „обновленіи" Германіи, то естественно, что и бундестагъ былъ за конституцію, за союзъ между правительствами и народомъ при посредствѣ германскаго національнаго представительства. Составленіе проекта основного закона было поручено названнымъ 17 довѣреннымъ лицамъ. Проектъ этотъ, опубликованный въ апрѣлѣ и строго составленный въ духѣ союзнаго государства, предлагалъ рейхстагъ съ верхней (князья и избранныя отдѣльными государствами лица) и нижней палатами. По вопросу о верховномъ главѣ имперіи, будетъ ли то наслѣд-

ственный, или выборный императоръ, не состоялось соглашенія. Вообще послѣ этого со стороны правительствъ въ парламентъ уже не направлялось для разсмотрѣнія никакихъ предложеній, не представлено было ни одного проекта конституціи въ видѣ итога общихъ постановленій. Это станетъ понятнымъ, если вспомнить возраженія королей Пруссіи и Баваріи или супруга англійской королевы, принца Альберта Кобургскаго, мыслившаго въ германскомъ духѣ.

Этой необычной бездѣятельностью объясняется тотъ фактъ, что предварительный парламентъ, это народное собраніе, порожденное чистѣйшимъ патріотизмомъ и лишенное всякой легальной основы, получилъ рѣшающее значеніе для всего дальнѣйшаго хода событій. Онъ былъ созванъ комитетомъ изъ семи членовъ и произвольно былъ составленъ изъ настоящихъ и бывшихъ членовъ сословныхъ сеймовъ, городскихъ выборныхъ, изъ лицъ, будто бы облеченныхъ довѣріемъ германскаго народа; открылся онъ 31 марта въ Франкфуртѣ на Майнѣ; вся нація съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за нимъ. Только послѣ жаркихъ преній съ партіей, которую руководили Геккеръ, Струве, Блюмъ, и которая съ религіознымъ, если можно такъ выразиться, рвеніемъ настаивала на республикѣ, будетъ ли она соотвѣтствовать народной волѣ, или нѣтъ,—парламенту удалось склонить это предложеніе. Разсерженные республиканцы покинули предварительный парламентъ, непрерывныхъ засѣданій котораго они требовали подъ руководствомъ исполнительной комиссіи и подъ охраной парламентскаго войска. Однако, не только эти непримиримые противники существующаго строя, но и монархисты-конституціоналисты не могли сойтись между собой на почвѣ плана реформы. Оставался одинъ лишь выходъ—единственный правильный при характерѣ этого импровизированнаго собранія—передать дѣло конституціи будущему парламенту. При формулировкѣ постановленія вышло такъ, что рѣшеніе относительно будущей конституціи Германіи должно быть предоставлено единственно и исключительно національному собранію, избранному народомъ. Этимъ рѣшеніемъ устранялась высшая власть князей, и устанавливался основной принципъ суверенитета народа; парламенту предоставлялось впослѣдствіи по желанію вступать въ соглашеніе съ отдѣльными правительствами. Кромѣ неотразимаго вліянія теоріи и существовавшей въ то время фактической слабости правительствъ, къ такому рѣшенію, вызвавшему порицаніе со многихъ сторонъ, привело также и добросовѣстное стремленіе отклонить планы конституціи, внесенные съ двухъ сторонъ въ собраніе, совершенно некомпетентное для ихъ принятія.

Никто въ то время не возражалъ, даже и правительство. Бундестагъ молча отказался отъ единенія между князьями и народомъ, которое передъ тѣмъ онъ выставлялъ цѣлью парламента. Выборы депутатовъ въ учредительное германское національное собраніе, согласно рѣшенію предварительнаго парламента, должны были происходить путемъ тайной подачи голосовъ всѣми совершеннолѣтними и самостоятельными лицами мужского пола; вопросъ о прямыхъ или косвенныхъ выборахъ оставался открытымъ. Каждые 50,000 избирателей составляли одинъ избирательный округъ. Въ вопросѣ о всеобщемъ равномъ избирательномъ правѣ бундестагъ также измѣнилъ свое прежнее рѣшеніе; Пруссія отказалась даже отъ своихъ депутатовъ, выбранныхъ въ ландтагъ не по системѣ

всеобщаго избирательнаго права, и назначила новые выборы согласно постановленіямъ предварительнаго парламента. Ничего не могло ярче подчеркнуть силу послѣдняго, опиравшагося на одно лишь случайное стеченіе обстоятельствъ. Составленный при закрытіи засѣданія комитетъ пятидесяти долженъ былъ, въ случаѣ опасности для отечества, снова немедленно созвать предварительный парламентъ, а тѣмъ временемъ самостоятельно представлять интересы націи въ бундестагѣ. И въ этомъ отношеніи былъ компромиссъ между большинствомъ и радикалами, которые настаивали на исполнительной комиссіи. Не комитетъ пятидесяти былъ въ достаточной мѣрѣ далекъ отъ революціоннаго характера подобной комиссіи, а его посредническая роль встрѣчала очень мало вниманія сверху и никакого снизу. Впрочемъ, ему принадлежала инициатива созданія германскаго флота на союзныя средства.

Было постановлено, что восточная и западная Пруссія, равно какъ и Шлезвигъ, должны войти въ союзъ и соотвѣтственно этому принять участіе въ парламентскихъ выборахъ. Вопросъ о выборахъ въ нѣмецкихъ округахъ Познани былъ оставленъ на усмотрѣніе національнаго собранія. Предварительный парламентъ почти единогласно объявилъ священной обязанностью германскаго народа содѣйствовать возстановленію Польши. Такъ сильна была партійная ненависть къ реакціонной Россіи, что при этомъ рѣшеніи—какъ это ни странно—ни въ комъ не возникла мысль, что оно было измѣной по отношенію къ нѣмцамъ, жившимъ въ Познаніи.

Измѣна національному развитію была совершена радикалами въ Баденѣ, въ этомъ государствѣ новѣйшаго образца, вдвинутомъ между двумя сосѣдними республиками. Георгъ, извѣстный демагогъ, и Струве, доходившій до абсурдовъ въ своей послѣдовательности, вызвали возстаніе, пустивъ въ ходъ всевозможныя средства для обмана народныхъ массъ въ государствѣ, которое еще съ марта, при министерствѣ Бека, вступило на путь реформъ; это возстаніе послужило смертельнымъ ударомъ для комиссіи пятидесяти.

Когда Геккеръ и Струве увидѣли, что предварительный парламентъ не даетъ себя вовлечь въ дѣло возстановленія германскихъ федеративныхъ республикъ, они, вопреки волѣ своихъ выдающихся товарищей по партіи, какъ, напр., Роберта Блюма, рѣшили поднять знамя республики на юго-западѣ. Дальнѣйшее распространеніе вооруженнаго возстанія было прекращено мужественнымъ поступкомъ депутата ландтага Карла Мати, который распорядился арестовать журналиста Фиклера въ моментъ его отъѣзда. Командованіе баденскими войсками было ввѣрено брату министра Фридриху фонъ-Гагерну, бывшему нидерландскому генералу; онъ думалъ образумить возставшихъ при помощи переговоровъ съ ними. Его усилія въ этомъ направленіи были поддержаны комитетомъ пятидесяти. Какъ генералъ, такъ и комитетъ могли при этомъ опасаться, что вооруженное движеніе можетъ быть на руку лишь реакціи. Благодаря упрямству Геккера переговоры эти ни къ чему не привели, и выстрѣлъ, вопреки военнымъ обычаямъ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный, убилъ патріотическаго генерала. Баденскія войска разбили и разсѣяли волонтеровъ при Кандернѣ, а союзныя войска отрядъ Струве—при Штейненѣ.

Та же участь постигла при столкновеніи съ вюртембергцами войско, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ нѣмецкихъ бѣглецовъ, которыхъ привелъ поэтъ Гервегъ изъ Франціи. Корректное поведеніе Франціи не допустило поддержки мятежниковъ, которой можно было опасаться. Войска, среди которыхъ дисциплина еще не была подорвана, къ послѣдней трети апрѣля уже овладѣли всей страной вплоть до базельской границы. За исключеніемъ Констанца, гдѣ въ теченіе сутокъ существовало владычество республиканцевъ, правительство всюду удержало власть за собой. Въ Баденѣ обнаружилось, подобно тому, какъ это было при другихъ событіяхъ и внутри самого предварительнаго парламента, какъ робко и слабо противодѣйствіе монархистовъ-конституціоналистовъ излишествамъ республиканцевъ какъ на словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Они чувствовали, что являются спасителями государства, но, не питая достаточнаго довѣрія къ обѣщаніямъ князей, не хотѣли брать на себя устраненіе того страха, который все-таки до извѣстной степени связывалъ князей.

Къ внутреннимъ затрудненіямъ для формировавшейся Германіи присоединились и внѣшнія.

Въ Даніи, гдѣ до сихъ поръ господствовалъ абсолютизмъ, новый король Фридрихъ VII, послѣдній представитель датской мужской линіи, обнаружилъ намѣреніе въ общей конституціи, охватывающей королевство и оба герцогства, сохранить самостоятельность Шлезвига и Гольштиніи и взаимную связь между ними. Однако, послѣ парижской революціи онъ былъ вынужденъ копенгагенскими демократами, получившими преобладающее вліяніе, перемѣнить министерство и принять т. наз. эйдеровскую датскую программу. Соотвѣтственно этому, 23 марта было объявлено въ конституціонномъ порядкѣ присоединеніе къ Даніи Шлезвига, на двѣ трети населеннаго нѣмцами; этимъ произвольно нарушались и національная связь, и старый исторически сложившійся правовой порядокъ. Это произошло какъ-разъ въ то время, когда депутація нотабелей обоихъ герцогствъ ходатайствовала въ Копенгагенѣ объ общихъ сословныхъ учрежденіяхъ и о вступленіи и Шлезвига въ германскій союзъ. При извѣстіи о копенгагенскихъ событіяхъ и затѣмъ о посадкѣ на суда датскихъ войскъ, предназначенныхъ для похода на Шлезвигъ, въ герцогствахъ образовалось изъ наиболѣе именитыхъ людей временное правительство съ фиктивной цѣлью выступить въ защиту герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго и старинныхъ правъ противъ несвободнаго короля Даніи. Временное правительство было встрѣчено радостнымъ одобреніемъ со стороны нѣмецкаго населенія, въ частности, зажиточныхъ классовъ. Послѣ захвата крѣпости Рендсбурга и удаленія датскихъ офицеровъ войска мѣстнаго происхожденія безъ всякаго сопротивленія перешли на сторону временнаго правительства. Всѣ отъ мала до велика принялись вооружаться для отпора угрожающему нападенію. Благодаря бодрому, весеннему настроенію духа, вѣявшему въ то время по всей Германіи, къ возставшимъ противъ Даніи гражданамъ присоединились волонтеры, люди предпріимчивые, хотя, конечно, не совсѣмъ пригодные для дѣла; они набирались изъ студентовъ, изъ среды гимнастическихъ обществъ, а также и изъ менѣе желательныхъ элементовъ преимуще-

ственно сѣверныхъ областей. Оффиціальная Германія не могла оставаться совершенно въ сторонѣ. По приглашенію герцога Августенбургскаго, какъ ближайшаго претендента на герцогство, король Пруссіи 24 марта письменно призналъ три основныхъ положенія шлезвигъ-гольштинскаго мѣстнаго права, въ томъ числѣ престолонаслѣдіе въ мужской линіи; кромѣ того, онъ обѣщалъ свою помощь. Спустя нѣсколько дней бундестагъ пошелъ еще дальше и не медля декретировалъ вмѣстѣ съ признаніемъ временнаго правительства присоединеніе Шлезвига къ германскому союзу и допущеніе одного уполномоченнаго въ его засѣданія (на ряду съ датско-гольштинскими). Очевидно, эта уступка національнымъ требованіямъ времени не менѣе противорѣчила праву, чѣмъ присоединеніе Шлезвига къ конституціонной Даніи. Не было и надобности въ такой путаницѣ въ отношеніяхъ, чтобы заставить призадуматься короля Пруссіи при первомъ же его шагѣ на пути, о вступленіи на который онъ возвѣстилъ 24 марта. Онъ старался убѣдить Данію, что, поддерживая историческую взаимную связь между обоими герцогствами, онъ имѣетъ въ виду благо дома, царствующаго въ Даніи. Если бы нѣмцы въ герцогствахъ были предоставлены самимъ себѣ, они бросились бы, по его мнѣнію, въ объятія республиканцевъ. Въ результатѣ легко могла бы преслѣдовать гибель Даніи и поглощеніе ея Скандинавской уніей. Эта благожелательность со стороны короля не была поднята партіей, господствовавшей въ Даніи. Не вступая ни въ какіе переговоры, датчане перешли въ наступленіе и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, въ кровопролитномъ сраженіи при Баку разбили на голову шлезвигъ-гольштинцевъ, у которыхъ чувствовался недостатокъ въ опытныхъ офицерахъ. Въ виду того, что медлить было опасно, прусская гвардія перешла черезъ Эйдеръ, двинуты были по распоряженію бундестага также и другія войска, ставшія подъ начальство прусскаго главнокомандующаго. Послѣ взятія штурмомъ Данневирка въ началѣ мая нѣмцы перешли черезъ Ютландскую границу. Впрочемъ, этотъ переходъ былъ совершенъ лишь послѣ того, какъ Данія отдала распоряженіе захватывать на морѣ прусскія суда. На полуостровѣ Зундевиттъ господствовали датчане. Побѣда надъ ними при отсутствіи германскаго военнаго флота была невозможна. Датчане господствовали на морѣ и надъ устьями германскихъ рѣкъ, такъ что они съ избыткомъ вознаграждали себя за потери въ Ютландіи блокадой прусскихъ береговъ. Вскорѣ жалобы со стороны заинтересованныхъ отраслей промышленности начали производить давленіе на берлинское правительство, и безъ того поставленное въ затруднительное положеніе революціонной неурядицей.

Безпорядочное предпріятіе, на которое собственно смотрѣли какъ на нѣчто въ родѣ экзекуціи со стороны союза, съ переходомъ границы Шлезвига, который съ точки зрѣнія международнаго права не принадлежалъ къ союзу, и притомъ безъ предварительнаго объявленія войны, начало принимать международный характеръ. Симпатіи великихъ державъ, подозрѣвавшихъ Германію въ завоевательныхъ стремленіяхъ, были на сторонѣ Даніи. Помощь Франціи, которая только-что выражала большую готовность оказать поддержку полякамъ въ Познани, можно было и не брать въ разсчетъ. Отъ русскаго

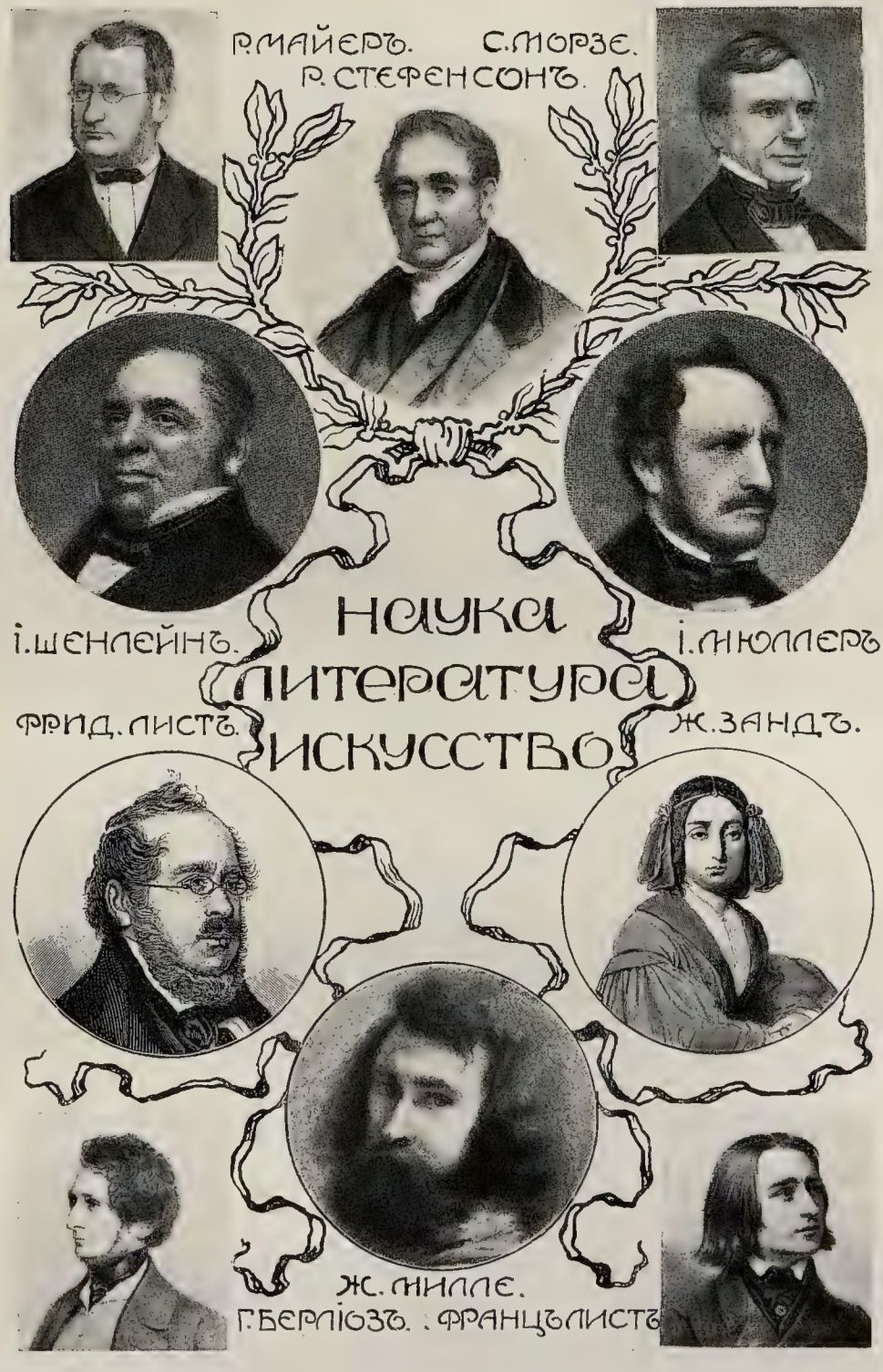
императора, строго осудившаго отпаденіе шлезвигскихъ подданныхъ отъ датскаго короля, ожидали возраженія; что касается лорда Пальмерстона, то хотя онъ и указалъ на раздѣлъ Шлезвига на двѣ части (въ основу дѣленія положенъ былъ принципъ преобладанія языка), какъ на средство соглашенія, однако, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Англія косо смотритъ на расширеніе Германіи къ сѣверу и на ея намѣреніе сдѣлаться морской державой, въ которую нѣмецкій народъ думалъ обратиться словно чудомъ при помощи добровольныхъ пожертвованій на флотъ. Швеція вооружалась, чтобы оказать поддержку Даніи. Въ германскихъ кабинетахъ замѣчалось неудовольствіе по поводу столкновенія съ Даніей. Австрія рѣшительно была противъ него и не хотѣла дать ни одного гульдена и ни одного солдата въ распоряженіе союза. Такимъ образомъ, прусскому королю вскорѣ стало непріятно итти рука объ руку съ „революціей" противъ законныхъ государей. Симптомомъ этой перемѣны былъ приказъ отъ 5 мая, въ которомъ Пруссія ставила допущеніе Шлезвига въ германскій союзъ въ зависимость отъ согласія на то Даніи.

Таково было положеніе вещей, когда германскій народъ, въ массѣ своей едва начавшій свое политическое воспитаніе, возбужденный во всѣхъ своихъ слояхъ, былъ призванъ къ выборамъ въ парламентъ, которому онъ долженъ былъ довѣрить свою судьбу.

18. Общій обзоръ умственнаго и экономическаго развитія съ средины тридцатыхъ годовъ.

Радикальный тонъ, который былъ усвоенъ съ начала тридцатыхъ годовъ въ философіи, политикѣ и религіи, вскорѣ завоевалъ себѣ широкое мѣсто въ беллетристикѣ. Въ противоположность романтикѣ, вошло въ моду отрицаніе всего общепринятаго. Жоржъ Зандъ выступила съ увлекательной горячностью въ защиту права свободной любви и особенно въ защиту женщины отъ гнета общества и всякаго рода условностей. Другіе высказывались въ этомъ отношеніи еще рѣшительнѣе, но ея блестящій геній свѣтилъ наиболѣе ярко. Въ ея романахъ въ теченіе нѣкотораго времени господствовала соціалистическая тенденція. Въ Парижѣ дѣлу распространенія подобныхъ воззрѣній содѣйствовало появленіе фельетонныхъ романовъ въ газетахъ всѣхъ партій, хотя эти изданія еще не проникали въ малокультурныя массы. Романъ сдѣлался излюбленной пищей общества, которое находилось въ состояніи демократическаго броженія, и которому какъ-разъ по мѣркѣ приходился нравоописательный романъ.

Въ Германіи, съ того времени, какъ возникла угроза Рейну со стороны французовъ, получила значеніе политическая лирика, не столько созданная по иностраннымъ образцамъ, сколько вызванная свѣжими вѣяніями въ началѣ вступленія на прусскій престолъ Фридриха-Вильгельма IV. Поэты, обладавшіе божественной искрой, смѣшивали свои голоса съ цѣлымъ роемъ воодушевленныхъ стихоплетовъ, которые иной разъ скрывали свою безразсудную


Р. МАЙЕРЪ.
С. МОРЗЕ.
Р. СТЕФЕНСОНЪ.
І. ШЕНЛЕЙНЪ.
І. МЮЛЛЕРЪ
НАУКА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО
ФРИД. ЛИСТЪ.
Ж. ЗАНДЪ.
Ж. МИЛЛЕ.
Г. БЕРЛІОЗЪ.
ФРАНЦЪ ЛИСТЪ

односторонность подъ благонадежностью образа мыслей. Общимъ признакомъ ихъ является тенденція содѣйствовать устраненію дѣйствительно нестерпимаго положенія въ Германіи до мартовской революціи въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ. Лишь немногіе изъ нихъ сохранили спокойный взглядъ на вещи; большинство же, отчаявшись и ожесточившись общимъ или личнымъ бѣдствіемъ, ударилось безъ оглядки въ радикализмъ. Но не должно забывать, что ихъ яркія напоминанія способствовали прочному внѣдрѣнію въ сердца стремленія къ объединенію родины какъ конечной цѣли, и что подъ гнетомъ со стороны чрезмѣрно напуганныхъ цензоровъ они являлись борцами за свободу духа. Фрейлигратъ, увлеченный общимъ теченіемъ, покинулъ свою возвышенную позицію «на сторожевой башнѣ» и присоединился къ своимъ товарищамъ, стоявшимъ «на крѣпостныхъ зубцахъ партіи». Онъ привѣтствовалъ республику пламенными стихами и призывалъ солдатъ къ братскому единенію съ возставшимъ народомъ для низверженія престола. Съ другой стороны, какъ человѣкъ, который рано началъ жить, онъ принималъ близко къ сердцу матеріальныя и соціальныя бѣдствія рабочаго класса и находилъ для ихъ выраженія глубоко захватывающія ноты. Напротивъ, Э. Гейбель, уже успѣвшій заслужить общее расположеніе какъ лирикъ, возлагалъ надежды только на божественный Промыселъ, который и пошлетъ мужа для спасенія родины, «внука Нибелунговъ». Его національныя теплыя чувства не исключали лояльнаго, снисходительнаго отношенія къ существующему. Только послѣ напрасныхъ потугъ бурнаго года у него вырвалось пророчество, что со временемъ не родившійся плодъ Германіи будетъ вырѣзанъ изъ ея чрева острымъ желѣзомъ. Истиннымъ поэтомъ былъ также и Г. Гервегъ; его рейнская пѣсня, напримѣръ, звучала несравненно поэтичнѣе и сильнѣе, нежели быстро прославившаяся пѣсня Беккера съ ея довольно тусклыми тонами. Однако, французскіе поэты А. Мюссе и Ламартинъ ломали копья противъ послѣдняго. Пальма первенства, какъ патріотическаго пѣвца, давно уже была присуждена голосомъ народа Гофману фонъ Фаллерслебену. При этомъ слѣдуетъ, однако, упомянуть и о грѣхахъ, которые остаются на совѣсти Гейне, Гервега, Прутца, Дингельштедта и др., черезчуръ отравлявшихъ своимъ современникамъ всѣ радости жизни и спутавшихъ ихъ понятія о государствѣ въ своемъ стремленіи завербовать борцовъ для натиска на бастіоны политическаго и духовнаго рабства. Такая цѣль, впрочемъ, нисколько не уменьшала поэтической цѣнности нѣкоторыхъ ихъ стихотвореній. Такъ, напр., нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе дуэта Гервега и Дингельштедта, въ которомъ они, иронизируя надъ собой, стараются превзойти одинъ другого въ филистерствѣ.

Гейне, въ качествѣ политическаго пѣвца, произвелъ захватывающее впечатлѣніе своей остроумной зимней сказкой «Германія». Онъ высмѣивалъ тенденціозныхъ поэтовъ, но также и Германію, государственнаго развитія которой онъ совершенно не понималъ. Германія, которую онъ все-таки горячо любилъ, была для него, какъ недавно удачно было замѣчено, такой же прекрасной абстракціей, какъ для Шенкендорфа его «свобода». Но мно-

гіе чувствовали себя лучше въ обществѣ поэта изъ восточной Пруссіи В. Іордана, который, оставаясь свободомыслящимъ до мозга костей, никогда не терялъ своей національной точки зрѣнія. Въ общемъ совершенно вѣрно выражался швабскій поэтъ Л. Зеегеръ, что «поэтъ куетъ оружіе». Теодоръ Моммзенъ также предостерегалъ поэтовъ: «если ваша поэзія касается реальнаго, вкладывайте въ нее и здравый смыслъ».

По счастью, это направленіе не могло поработить политикѣ всю поэзію. Многіе чувствовали вмѣстѣ съ Моммзеномъ, что «въ сердцѣ человѣка остается еще много мѣста рядомъ съ любовью къ отечеству». Сороковые годы подарили намъ драматурга Ф. Геббеля, его политическій сарказмъ преслѣдовалъ преимущественно интересы его отданной на разграбленіе родины—Шлезвигъ-Гольштиніи. Эпоха броженія породила его драмы «Юдиѳь», «Марія Магдалина», «Иродъ и Маріамна». Этотъ строго правдивый поэтъ, между прочимъ, былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что въ противоположность своимъ современникамъ, увлеченнымъ собой до безумія, онъ одинъ носитъ въ своемъ сознаніи и легко представляетъ себѣ истинную картину міра. Насколько онъ былъ правъ, здѣсь не мѣсто разбирать.

Муза исторіи, съ своей стороны, не пренебрегала обращаться къ современникамъ со своими предостереженіями, почерпнутыми изъ прошлаго. Мишле, нѣкогда изобразившій въ яркихъ краскахъ средніе вѣка, слѣдуя за другими, прославлялъ въ сороковыхъ годахъ революцію и уничтоженіе церкви. Въ особенности цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для демократіи былъ новообращенный Ламартинъ со своими «Жирондистами». И подобно тому, какъ Токвиль, по собственному признанію, въ каждой строкѣ своей знаменитой книги о демократіи въ Америкѣ неизмѣнно имѣлъ передъ собой свою Францію, такъ и Дальманъ, систематикъ государствовѣдѣнія на исторической основѣ, своими трудами о французской и англійской революціяхъ хотѣлъ вліять на политическое развитіе своихъ читателей, что, собственно говоря, выходитъ за предѣлы задачъ чистой науки. Впрочемъ, даже такой ученый, какъ Гервинусъ, убѣждалъ своихъ земляковъ отказаться отъ своихъ фантазій и обратить свои силы на реальную жизнь. Геніальный трудъ по исторіографіи, съ необыкновенной объективностью выполненный Ранке, могъ при небольшомъ кругѣ образованныхъ людей того времени получить лишь частичную оцѣнку. Остроумные историческіе этюды Маколея только начинали обращать на себя вниманіе.

Философскій идеализмъ въ то время уже потерялъ большую часть своего очарованія внѣ кружковъ спеціалистовъ. Съ большой постепенностью началъ пріобрѣтать значеніе Огюстъ Контъ, систематикъ позитивизма, со своей переоцѣнкой культурнаго развитія. Въ то время на ряду съ политическими вопросами свободы пользовалась наибольшей притягательной силой научная теологія, ярко представленная въ лицѣ тюбингенской школы и составлявшая полную противоположность церковной ортодоксальности, неутомимымъ борцомъ которой оставался Генгстенбергъ. Его супранатуралистическое ученіе о спасеніи пріобрѣло, видимо, право гражданства среди евангелическаго

духовенства, особенно Пруссіи. Для утвержденія основаннаго на немъ понятія о церкви, равно какъ для политическаго развитія Пруссіи, имѣлъ важное значеніе тотъ фактъ, что профессоръ государственнаго права въ Берлинѣ Ю. Шталь, отбросивъ софизмы Галлера, выработалъ консервативно-монархическую философію права и постепенно помогалъ проводить ее въ жизнь своими личными усиліями. Къ развитію консервативной партіи привелъ не англійскій консерватизмъ Дальмана, но консерватизмъ Шталя, сложившійся по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ восточной Пруссіи.

Въ области естествовѣдѣнія продолжалась работа на фундаментахъ, заложенныхъ въ математикѣ, астрономіи, химіи въ эпоху реставраціи и даже еще раньше. Что касается химіи, то въ ней заслуживаютъ упоминанія нѣмцы Либихъ, основатель земледѣльческой химіи, и Вёлеръ. Въ физикѣ цѣлый переворотъ совершило обоснованіе эквивалентности теплоты и движенія. Пріоритетъ Роберта Майера въ этомъ отношеніи нѣкоторое время оставался непризнаннымъ, благодаря нѣсколько позднѣе появившимся работамъ по этому же вопросу въ Англіи и въ Германіи (Гельмгольцъ, 1847). Въ области біологіи Шлейденъ въ 1836 г. и Шваннъ годомъ позднѣе установили фактъ, что клѣточка представляетъ собой элементарный органъ всякаго растительнаго и животнаго развитія. Ихъ работы, на ряду съ получившими громкую извѣстность трудами Іоганна Мюллера, съ конца двадцатыхъ годовъ имѣли огромное значеніе особенно для физіологіи, сравнительной анатоміи и вообще для изученія всѣхъ явленій органической жизни, а этимъ было вызвано соотвѣтственное развитіе медицины. Въ 1840 г. одинъ изъ многочисленныхъ знаменитыхъ учениковъ I. Мюллера Генле установилъ теоретически паразитарный характеръ инфекціонныхъ болѣзней.

Педагогическія наклонности нѣмцевъ въ то время вызвали въ этой области дальнѣйшій прогрессъ, который впослѣдствіи имѣлъ всемірное вліяніе. Въ медицинѣ, химіи, исторіи въ этомъ десятилѣтіи было положено начало новому порядку обученія, именно стали систематически вводить въ практику научныхъ изслѣдованій не случайно выбранныхъ молодыхъ людей, но большое число учениковъ. Шенлейнъ въ Вюрцбургѣ сумѣлъ въ своей клиникѣ сдѣлать особенно поучительнымъ ознакомленіе съ теченіемъ болѣзней, пользуясь для этого физическими методами изслѣдованія и, какъ пособіемъ къ нимъ, патолого-анатомическими изслѣдованіями; точно также Либихъ въ Гиссенѣ обратилъ первую химическую лабораторію, которую ему приходилось взять съ бою у невѣжества и враждебнаго отношенія къ себѣ, въ центръ, привлекавшій къ себѣ издалека.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что постепенное распространеніе этого способа обученія почти на всѣ отрасли знанія доставило Германіи ея прославленное превосходство на поприщѣ науки.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о развитіи политехническихъ школъ, которое приходится на этотъ періодъ; Германія, включая и нѣмецкія провинціи Австріи, шла впереди всѣхъ другихъ странъ въ отношеніи учрежденія подобныхъ школъ. Парижская политехническая школа служила потребностямъ

всѣхъ видовъ военной техники и строительнаго искусства. Учебныя заведенія, открытыя во многихъ нѣмецкихъ провинціяхъ подъ различными наименованіями, имѣли цѣлью научную подготовку техниковъ, промышленниковъ и т. п., для которыхъ университетскій курсъ представлялся неподходящимъ. Нѣсколько позднѣе были открыты ремесленныя подготовительныя школы, строительныя училища и т. п. Реальныя училища предназначались для нѣсколько иныхъ цѣлей. При такомъ неплапомѣрномъ ходѣ дѣла политехники должны были потерпѣть нѣкоторый ущербъ, какъ въ отношеніи своихъ цѣлей, такъ и въ отношеніи своихъ работъ. Планъ этотъ былъ въ то же время принятъ Бельгіей; Швейцарія приняла его въ 1855 г. (Цюрихъ). Въ Англіи нѣсколько долѣе не осуществлялась государственная организація техническаго обученія.

Въ концѣ предыдущей эпохи А. Тьеръ своими нововведеніями въ области кормленія скота и улучшенія скотоводства сдѣлалъ важный шагъ впередъ въ отношеніи раціональной постановки сельскаго хозяйства. Онъ же былъ основателемъ перваго высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія въ Меглинѣ, по образцу котораго въ слѣдующемъ десятилѣтіи открылся цѣлый рядъ подобныхъ учрежденій какъ въ Германіи, такъ и внѣ ея: въ Тарандтѣ, Іенѣ, Эльденѣ, Петербургѣ (1833), Чиренчестерѣ въ Англіи въ 1845 г. Въ этомъ сказалось уже вліяніе Либиха. Въ 1840 г. появились его составившія эпоху изслѣдованія развитія и питанія растеній. Гиссенскій химикъ, пользовавшійся всемірной извѣстностью, при помощи этихъ и другихъ изслѣдованій въ области земледѣльческой химіи, которыя онъ продолжалъ свыше 20 лѣтъ, ведя свою борьбу съ рутиной, заслужилъ славу реформатора сельскаго хозяйства.

Это могло бы служить примѣромъ того, какъ велика сфера вліянія естественныхъ наукъ. Въ особенности онѣ находили себѣ примѣненіе въ областяхъ техники и промышленности. Открытія, сдѣланныя въ одной странѣ, очень скоро съ выгодой примѣнялись на практикѣ въ другихъ. Оживленіе интересовъ въ этихъ сферахъ вело къ новой постановкѣ вопросовъ и къ новымъ успѣхамъ въ наукѣ. Если бы мы вздумали здѣсь приводить этому отдѣльные примѣры, то намъ пришлось бы написать обзоръ технологіи. Достаточно сказать, что необыкновенное развитіе торговыхъ сношеній было бы немыслимо безъ научныхъ изслѣдованій природы водяныхъ силъ, наивысшей нагрузки твердыхъ тѣлъ безъ нарушенія ихъ эластичности, свойствъ водяного пара, газообразныхъ тѣлъ и пр.

Послѣ мирныхъ договоровъ 1815 г. государства съ удвоеннымъ рвеніемъ занялись постройкой сѣтей шоссейныхъ дорогъ, начатыхъ въ XVIII столѣтіи. Въ Пруссіи общее протяженіе шоссейныхъ дорогъ, содержимыхъ государствомъ, съ 420 милями въ 1816 г. возросло до 1573 миль въ 1848 г.; въ Австріи за десятилѣтіе съ 1840 г. оно возросло на 200 миль. Французскіе пути сообщенія обязаны своимъ происхожденіемъ имперіи. Съ 1819 г. Англія размножала и улучшала свои искусственныя дороги по системѣ шотландца Макъ-Адама.

Западныя культурныя страны давно уже обратили величайшее вниманіе на облегченіе и удешевленіе сообщеній помощью каналовъ, и теперь онѣ не

Открытіе первой въ мірѣ желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ.

забывали о нихъ. Въ серединѣ XIX столѣтія Англія съ Ирландіей располагали 4300 километрами каналовъ. Австрія и Германія и теперь все еще далеко отставали отъ этого примѣра, которымъ шведы воспользовались съ большимъ успѣхомъ. Съ первой четверти столѣтія свободные Сѣверо-Американскіе Штаты начали совершенствовать свою систему, проложивъ цѣлый рядъ очень длинныхъ каналовъ.

Однако, начиная съ третьяго десятилѣтія, всѣ эти успѣхи отошли далеко на задній планъ вслѣдствіе того, что на службу сношеній на сушѣ и водѣ удалось привлечь силу пара.

Въ 1825 г. Стефенсонъ въ Англіи сдѣлалъ попытку въ небольшомъ масштабѣ примѣнить поѣзда, которые двигались при помощи паровозовъ по желѣзнымъ рельсамъ, для общаго пользованія,—желѣзныя дороги для перевозки угля въ то время уже существовали. Въ 1830 г. была открыта желѣзная дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ для перевозки пассажировъ и грузовъ. Примѣру этому послѣдовали Австрія, Америка и Франція, отчасти, конечно, пользуясь при этомъ конной тягой. Въ 1835 г. пробилъ роковой часъ въ этомъ отношеніи и для Германіи, причемъ, конечно, приверженцы старины и доморощенные мудрецы качали головами, а представители тѣхъ отраслей промышленности, интересы которыхъ будто бы этимъ нарушались, охали и ахали. Геніальный публицистъ-экономистъ Фридрихъ Листъ тщетно употреблялъ всѣ свои силы въ пользу созданія германской желѣзнодорожной сѣти, которая могла бы лечь въ основаніе національной транспортной системы,—хотя онъ работалъ и теперь съ той же энергіей, какъ и раньше въ пользу системы національной таможенной охраны для промышленности. Вѣчная боязнь чиновничества всякихъ нововведеній, которая всюду даетъ себя чувствовать, и здѣсь еще не была вытѣснена острой проницательностью класса пріобрѣтателей, а сверху ей благопріятствовала зависть, неизбѣжная въ многоголовомъ союзѣ государствъ. Въ концѣ періода, о которомъ идетъ рѣчь, болѣе быстрое развитіе имѣло мѣсто лишь въ Англіи и Сѣверной Америкѣ. Великобританія увеличила протяженіе желѣзныхъ дорогъ съ 130 миль въ 1830 г. до 1330 въ 1850 г., а Сѣверо-Американскіе Штаты съ 197 въ 1835 г. до 1600 въ 1850 г., Россія имѣла въ 1850 г. около 50 миль, Франція до 1850 г. около 400, Бельгія свыше 100. Пруссія, начавшая въ 1838 г. съ $4^1/_2$ миль, въ 1847 г. довела ихъ до 280.

Въ Германіи господствовала безсистемность въ отношеніи правового положенія отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Сперва выдавались концессіи частнымъ обществамъ съ болѣе или менѣе строгимъ контролемъ государства. Затѣмъ мѣстами стали переходить, по примѣру Бельгіи, къ проведенію государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Пруссіи, исходя изъ положеній государственнаго права, оставались при концессіонныхъ частныхъ дорогахъ съ государственнымъ контролемъ, за исключеніемъ одной коротенькой саарбрюкенской линіи. Въ другомъ мѣстѣ было уже упомянуто о томъ, какъ не состоялся планъ восточной желѣзной дороги съ гарантіей доходовъ, такъ какъ тутъ замѣшался вопросъ о конституціи 1847 г.

Въ Австріи по финансовымъ соображеніямъ было приступлено къ продажѣ существующихъ государственныхъ дорогъ привилегированнымъ акціонернымъ обществамъ. Во Франціи по закону 1842 г. удержалась система концессіи крупнымъ обществамъ съ тѣмъ, чтобы направленіе линій предписывалось государствомъ, которое участвовало въ расходахъ по сооруженію, и съ условіемъ перехода дорогъ къ государству по прошествіи 99 лѣтъ.

Послѣ многократныхъ неудачъ сѣверо-американецъ Фультонъ въ 1807 г. построилъ рѣчное судно, которое двигалось паромъ. То же самое было достигнуто въ 1812 г. Беллемъ на Кляйдѣ въ Шотландіи. Вскорѣ этому примѣру послѣдовали на Рейнѣ и Дунаѣ. Въ 1819 г. открылось движеніе по Адріатическому морю, и въ томъ же году американскій пароходъ впервые пересѣкъ океанъ отъ Нью-Іорка до Ливерпуля, хотя отчасти онъ шелъ и подъ парусами. Только въ 1833 г. пароходъ совершилъ трансатлантическій рейсъ, пользуясь исключительно паромъ. Съ 1840 г. возникло правильное пароходное сообщеніе между Англіей и Америкой. Развитіе морскихъ сношеній усилилось съ того времени, какъ на ряду съ колесными пароходами появились винтовые. Сѣверо-Американскіе Штаты къ 1852 г. почти удвоили свои 700 пароходовъ, которыми располагали въ 1839 г. Великобританія насчитывала въ 1820 г. 34, а въ 1848 г. 1100 пароходовъ. Въ другихъ странахъ успѣхи пароходства были, конечно, гораздо скромнѣе. Такъ, общество Гамбургъ-Американскихъ пакетботовъ, основанное въ 1847 г., еще многіе годы обслуживалось парусами; Австрійскій Ллойдъ имѣлъ въ 1837 г. 7 пароходовъ и лишь въ 1852 г. увеличилъ ихъ число до 39; Сѣверо-германскій Ллойдъ былъ основанъ въ Бременѣ въ 1857 г.; Остзейское судоходство до 1848 г. развивалось въ высшей степени медленно.

До 1848 г. пассажирское и товарное движенія еще не умѣли полностью использовать новый способъ сообщенія. Съ удивленіемъ было замѣчено, что товарное движеніе вскорѣ значительно обогнало пассажирское.—Существованіе государственной почты представляло также немаловажное препятствіе для вѣрной оцѣнки частныхъ дорогъ. Старались ускорить перевозку пассажировъ путемъ введенія курьерской почты и обращали вниманіе на величайшую точность письменной почты, размѣры которой, по нашимъ понятіямъ, были довольно ничтожны. Въ Германіи прогрессъ въ этомъ отношеніи задерживался существованіемъ 14 различныхъ мѣстныхъ почтъ на ряду съ почтой княжества Таксисъ, привилегія котораго была вновь подтверждена въ 1815 г. Переговоры о почтовомъ австро-германскомъ договорѣ тянулись съ чрезвычайной медленностью. Оплата корреспонденціи по вѣсу и разстоянію оставалась попрежнему дорогой и затруднительной. Въ 1840 г. Англія ввела почтовую единицу пенни для оплаты корреспонденціи помощью наклеиванія марокъ. Съ 1849 г. почтовыя марки были введены сперва во Франціи и Бельгіи, затѣмъ въ Германіи и другихъ государствахъ. Но одна лишь Франція ввела въ то же время для простыхъ писемъ внутренней корреспонденціи общую единицу.

Въ способахъ сообщенія извѣстій произошелъ важный переворотъ послѣ

того, какъ оптическій телеграфъ (въ сущности цѣпь сигнальныхъ станцій), который былъ въ употребленіи во Франціи и другихъ странахъ, былъ замѣненъ электрическимъ. Только теперь осуществилась словесная передача мысли на большія разстоянія. Уже упоминалось о томъ, какъ былъ устроенъ первый электромагнитный телеграфъ въ Геттингенѣ въ 1833 г. на разстояніи менѣе 1000 метровъ. Послѣ разныхъ попытокъ усовершенствованія американецъ Морзе въ 1837 г. изобрѣлъ практически пригодный пишущій телеграфъ. Съ 1843 г. и еще болѣе съ 1845 г. въ культурныхъ странахъ стали строить по этой системѣ телеграфныя линіи для общаго пользованія. Франція открыла такія линіи въ 1845 г. Въ Германіи до 1848 г. для общаго пользованія были открыты лишь небольшія линіи, напр., Вернера Сименса между Берлиномъ и Гросбереномъ. Россія начала строить телеграфныя линіи съ 1851 г. Объ этомъ слѣдуетъ помнить при обсужденіи вліянія событій 1848 г. на современниковъ различныхъ странъ.

Первый и единственный кабельный телеграфъ удалось въ 1846 г. благополучно заложить между Портсмутомъ и островомъ Уайтомъ; въ 1851 г. былъ соединенъ такимъ образомъ Кале съ Дувромъ.

Потребности этихъ новыхъ частныхъ и государственныхъ предпріятій при своемъ естественномъ ростѣ повели за собой могучее развитіе желѣзной промышленности. Первоначальная зависимость отъ Англіи, напримѣръ, въ постройкѣ локомотивовъ, быстро кончилась, напр., въ Германіи, гдѣ машиностроительное дѣло принимало все болѣе крупные размѣры.

На широкомъ поприщѣ пластическихъ искусствъ господствовали направленія, проложившія себѣ путь еще въ предшествовавшіе годы. Въ пластикѣ со времени іюльской революціи творчество оставалось на той же точкѣ зрѣнія и находилось, по большей части, въ рукахъ тѣхъ же художниковъ, а крупнѣйшія изъ архитектурныхъ работъ того времени относились къ реставраціи старинныхъ образцовыхъ произведеній искусства, какъ, напр., собора Парижской Богоматери и Кельнскаго собора; но въ то же время живопись, особенно во Франціи, поднялась на значительную высоту. Слава, оставшаяся въ этой области за Франціей, основывается на Барбизонской школѣ, достигшей въ этотъ періодъ своего полнаго развитія, т.-е. на тѣхъ мастерахъ интимнаго пейзажа (paysage intime), каковы Руссо, Добиньи, Коро, Тройонъ, которые любили въ уединеніи уходить всей душой въ природу. Ихъ произведенія остались образцами для живописи будущаго. Милле началъ выставлять свои картины лишь съ 1848 г. Въ области жанра восхитительныя картины далъ Мейсонье.

Въ Германіи на ряду съ религіозной живописью особенно выдающееся значеніе, благодаря произведеніямъ Каульбаха, получила историческая. Рядомъ съ нимъ для болѣе интимныхъ круговъ работалъ надъ историческимъ ландшафтомъ Ф. Преллеръ и развивался геній А. Менцеля, еще не получившій должной оцѣнки.

Въ музыкѣ продолжалось теченіе, которое переносило гегемонію отъ итальянцевъ къ нѣмцамъ. Благодаря личности Мендельсона-Бартольди Лейп-

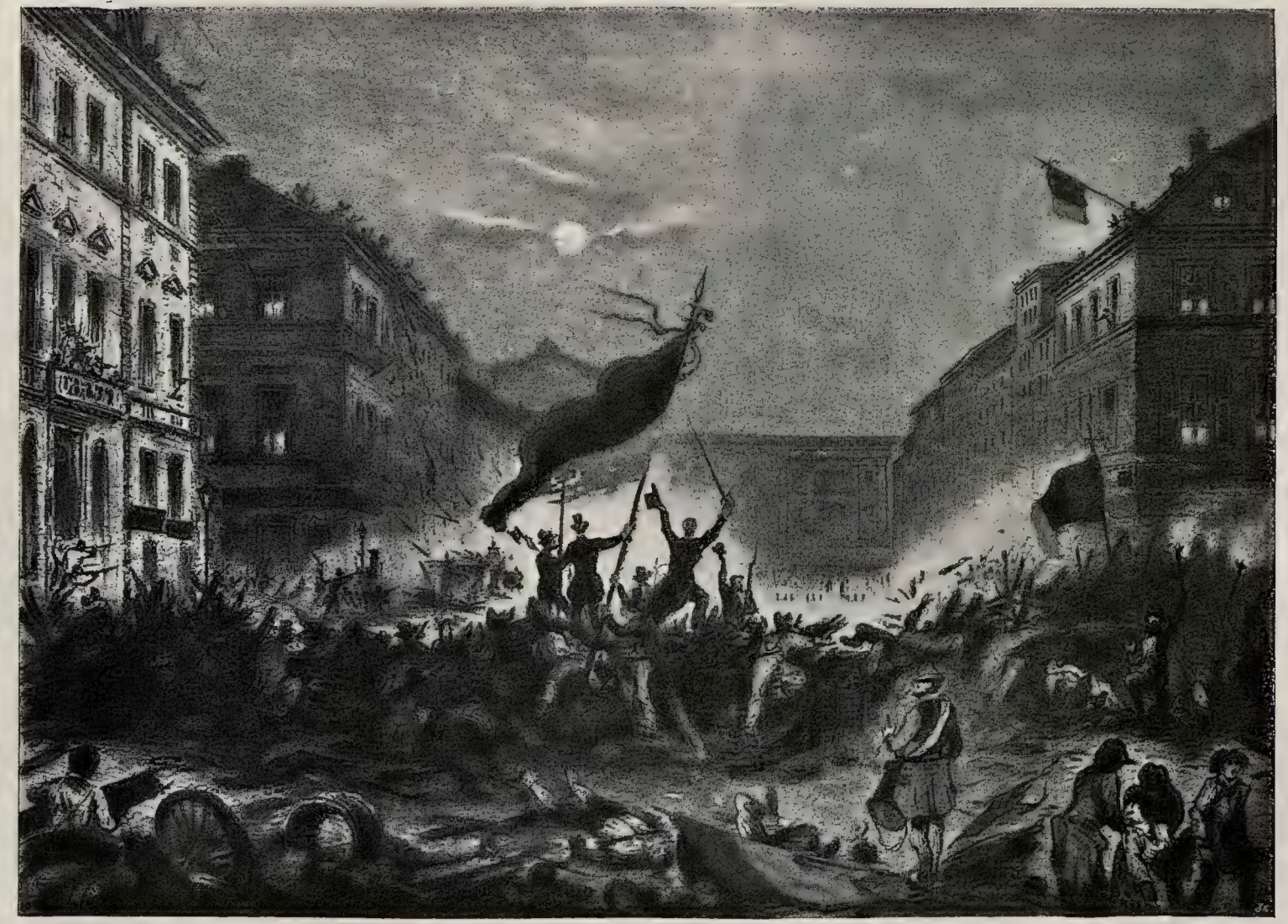
цигъ сдѣлался центромъ всей музыкальной жизни далеко за предѣлами Германіи. Этотъ геніальный художникъ умеръ еще до конца описываемаго періода. Его дружба съ геніальнымъ Робертомъ Шуманомъ помогла послѣднему встать на собственный путь. Шуманъ долго пытался литературнымъ путемъ повліять на музыкальныя воззрѣнія своихъ современниковъ. Съ 1841 г. духъ творчества прорвался у него съ всесокрушающей силой. Полнота его романсовъ, его ораторія «Рай и Пери», и, какъ высшій пунктъ его музыкальнаго творчества, увертюра къ «Манфреду» Байрона (1848) выдвинули его на первое мѣсто.

Въ искусствѣ пѣнія въ тѣ годы прославилась уроженка Швеціи Дженни Линдъ, вызывавшая всеобщіе безконечные восторги. Великіе піанисты Шопенъ и Листъ, особенно Листъ, своими собственными музыкальными сочиненіями вызывали въ то время больше протестовъ, чѣмъ сочувствія. Тѣмъ не менѣе, они имѣли значительное вліяніе на своихъ современниковъ, а также на усилившуюся моду среди молодежи учиться игрѣ на фортепіано. Берліозъ еще велъ борьбу съ недостаточнымъ пониманіемъ музыки. Рихардъ Вагнеръ, работавшій въ Дрезденѣ съ Шуманомъ, почти не входя съ нимъ въ личныя отношенія, думалъ создать музыкальную драму, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлую новую отрасль искусства своими, написанными въ сороковыхъ годахъ, операми «Ріэнци», «Летучій Голландецъ» и «Тангейзеръ», а также не изданной въ то время увертюрой къ «Фаусту». Эти произведенія, въ противоположность рутинной оперѣ, отъ которой Вагнеръ отрекся и въ литературѣ, были полны стремленія къ единству художественной концепціи и къ захватывающей образности. Въ ту эпоху Вагнеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ геніевъ, которые открываютъ новые пути, но получаютъ надлежащую оцѣнку лишь отъ потомства.

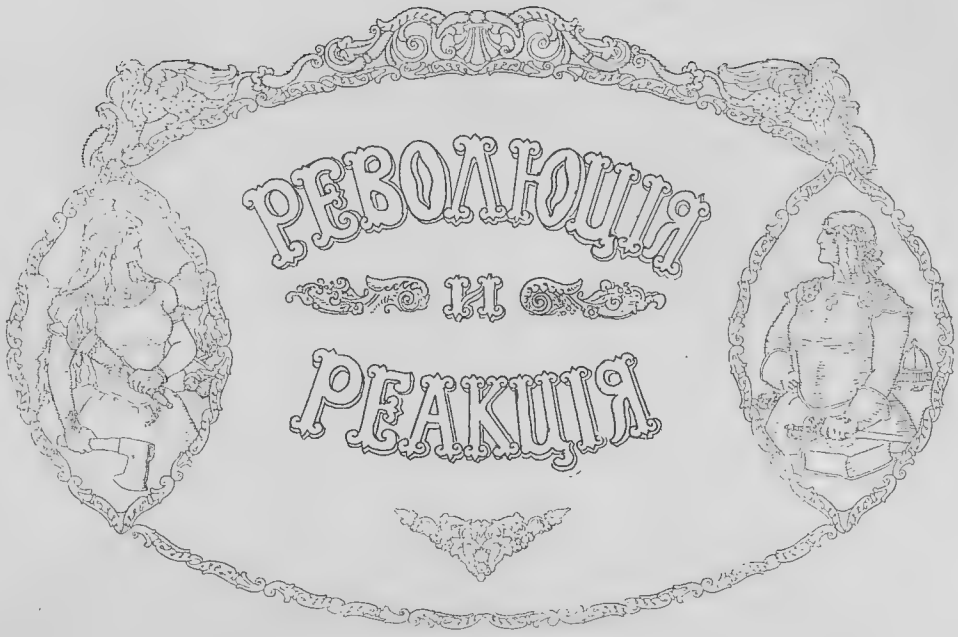
Талеръ имперскаго правителя эрцгерцога Іоанна австрійскаго.

Оригиналъ находится въ королевскомъ монетномъ кабинетѣ въ Берлинѣ.

ЭПОХА
НАЦІОНАЛЬНАГО
ОБЪЕДИНЕНІЯ
СНР



Борьба на баррикадахъ на улицахъ Берлина 18 марта 1848 г.



1. Нѣмецкое національное собраніе во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и отливъ революціоннаго движенія въ Германіи въ 1848—1849 г.

Возстаніе Сициліи противъ антинаціональной и деспотической политики короля Фердинанда II было прелюдіей къ бурному 1848 году; нѣсколько недѣль спустя въ Парижѣ оппозиція, покинувъ ораторскія трибуны реформистскихъ банкетовъ, вышла на бульвары съ оружіемъ въ рукахъ; въ мартѣ, подъ вліяніемъ и по примѣру французскихъ событій, вспыхнули возстанія въ Вѣнѣ и Берлинѣ, и здѣсь, какъ и тамъ, устои старой исторической власти рухнули подъ натискомъ возмущенной воли народа. На башнѣ св. Стефана въ Вѣнѣ, какъ и на дворцѣ бундестага во Франкфуртѣ на Эшенгеймской улицѣ взвились знамена запретныхъ до того времени студенческихъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго, золотого. Во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ на почвѣ, подготовленной литературно-философскимъ движеніемъ «Молодой Германіи», выросли требованія о преобразованіи государственно-правового и политическаго устройства въ соотвѣтствіи съ духомъ времени. Объединеніе Германіи должно было быть осуществлено парламентомъ въ условіяхъ полной свободы; но въ то же время въ отдѣльныхъ государствахъ, путемъ ли организаціи новаго народнаго представительства, или путемъ снабженія прежняго болѣе широкими полномочіями, всѣмъ гражданамъ должны были быть даны и обезпечены равныя права. Однако, однѣ политическія силы не могли бы нанести такого могучаго удара существующему порядку, если бы съ ними тѣснѣйшимъ образомъ не соединились соціальныя, очутившіяся въ авангардѣ всего движенія.

Тутъ дѣло шло уже не о какихъ-нибудь утопическихъ планахъ одинокихъ идеологовъ, но о преобразованіи общества во всѣхъ его составныхъ частяхъ. Въ XIX вѣкѣ значеніе поземельной собственности уменьшилось въ такой же мѣрѣ, въ какой увеличилась роль промышленнаго капитала. Вотъ почему и въ этомъ случаѣ, какъ и послѣ созванія генеральныхъ штатовъ въ версальскомъ королевскомъ замкѣ, возбуждено было требованіе объ уничтоженіи искусственныхъ перегородокъ, раздѣлявшихъ гражданъ между собою: всѣ должны были общими силами совершить работу политическаго и соціальнаго обновленія и сообща воспользоваться ея плодами.

Возстаніе, передовые вожди котораго, по примѣру защитниковъ испанской конституціи 1812 г., называли себя «либералами», вездѣ одержало побѣду. Соединенными силами національнаго и соціальнаго движенія цитадель меттерниховской системы была разрушена. Во главѣ движенія во всѣхъ главныхъ его центрахъ стали люди, воодушевленные идеями свободы и патріотизма. Правительства отказались отъ сопротивленія реформамъ въ пользу народа, хотя и не было недостатка въ признакахъ, свидѣтельствовавшихъ, что подчиненіе требованіямъ своихъ «любезныхъ и вѣрныхъ» подданныхъ было лишь вынужденное, и что надежда на возвращеніе къ старому режиму не исчезла у нихъ. Наиболѣе мѣткая и откровенная характеристика создавшагося положенія дана была въ словахъ Фридриха-Вильгельма IV, когда онъ позднѣе говорилъ Ранке: «Въ то время мы всѣ ползали на брюхѣ»!

Результаты «мартовскихъ» событій должны были быть увѣнчаны созывомъ германскаго парламента. На него была возложена задача обезпечить навсегда объединеніе составныхъ частей націи и свободу объединеннаго народа. Однако, относительно способовъ и подробностей этихъ преобразованій взгляды и желанія отдѣльныхъ частей страны и группъ народа расходились. На многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ и въ освободившейся отъ цензурнаго гнета печати эти разногласія породили цѣлый хаосъ противорѣчій. Тутъ мы одновременно встрѣчаемъ умѣренныя требованія холоднаго политическаго разсчета рядомъ съ идеалистическими увлеченіями, безудержный радикализмъ рядомъ съ трусливымъ филистерствомъ, богохульствующую ненависть къ тиранамъ рядомъ съ слѣпымъ преклоненіемъ передъ архаической идеей «Божіей милости». Къ этому надо прибавить еще и то, что въ дѣло германскаго государственнаго строительства вмѣшивалось много иностранцевъ съ подозрительнымъ прошлымъ.

Но, несмотря на все это, несмотря на все различіе и коренное противорѣчіе мнѣній и взглядовъ, раздѣлявшихъ нѣмцевъ между собою, былъ одинъ великій моментъ, соединившій всѣхъ въ одномъ общемъ солидарномъ чувствѣ. То было 18 мая 1848 г., когда подъ звонъ колоколовъ и громъ орудій, изъ ратуши стариннаго Франкфурта, гдѣ короновались монархи, впервые свободно избранные представители нѣмецкой націи отправились въ соборъ св. Павла, гдѣ должны были происходить совѣщанія объ устройствѣ новаго государственнаго порядка. Ни борьба партій, ни упорное противодѣйствіе отдѣльныхъ правительствъ не въ силахъ были помѣшать побѣдѣ на

Нѣмецкое національное собраніе въ соборѣ св. ПАВЛА во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

выборахъ лучшимъ людямъ націи,—стоитъ упомянуть только имена такихъ, какъ Арндтъ, Мати, Дальманъ, Яковъ Гриммъ, Уландъ, Гервинусъ, Раумеръ, Штенцель, Дройзенъ, Робертъ Моль, Пфицеръ, Велькеръ, Шмерлингъ, Гискра, Якоби. Это было гордое воинство дѣйствительно выдающихся людей! Такъ какъ многіе изъ нихъ принадлежали къ коллегіи профессоровъ, то позднѣе собраніе въ насмѣшку назвали «парламентомъ школьныхъ учителей» и всю вину за послѣдующія неудачи приписывали доктринерству его вождей [1]). Приговоръ совершенно несправедливый! Нѣмецкій вопросъ вообще нельзя было рѣшить парламентскими рѣчами и резолюціями, ибо никакими изощреніями государственной мудрости и политической прозорливости невозможно было устранить дуализма между двумя одинаково борющимися за преобладаніе въ Германіи государствами, между Австріей и Пруссіей; а въ вопросахъ внутренней политики необузданность и безразсудство радикальныхъ партій, вынуждавшихъ правительства оставаться въ строго оборонительной позиціи, причинили гораздо больше вреда, нежели прямолинейная мудрость профессоровъ. Президентомъ собранія былъ избранъ гессенскій министръ Генрихъ фонъ-Гагернъ, человѣкъ съ истинно-государственнымъ складомъ ума, обладавшій твердымъ и серьезнымъ характеромъ и въ то же время чуждый какого бы то ни было высокомѣрія.

Первою задачею парламента было—назначеніе временнаго правительства для регулированія общихъ дѣлъ нѣмецкой націи. Группа крайней лѣвой—Робертъ Блюмъ, Руге, Фохтъ и др.—требовала назначенія «исполнительнаго комитета»; умѣренная лѣвая—отвѣтственнаго передъ суверреннымъ народнымъ представительствомъ союзнаго президента; гораздо большія по численности монархически настроенныя партіи представляли себѣ въ качествѣ носителя центральной власти либо члена какого-нибудь нѣмецкаго княжескаго дома, либо союзную директорію, составленную изъ нѣсколькихъ государей. Для настроенія собранія характерно было заявленіе истинно-прусскаго депутата фонъ-Винке, гласившее, что, предлагая члена достославной австрійской династіи эрцгерцога Іоганна, который, какъ противникъ меттерниховской системы лицемѣрія и другъ единой свободной Германіи, снискалъ себѣ любовь всего нѣмецкаго народа,—онъ, депутатъ, поступаетъ согласно съ чувствами самого прусскаго монарха. И такъ какъ Гагернъ,

[1]) Въ газетѣ «Reichstagszeitung», издававшейся Робертомъ Блюмомъ, появились тогда стяжавшіе себѣ впослѣдствіи большую извѣстность слѣдующіе стихи:

Fünfundsiebzig Büreaukraten—
Schöne Worte, keine Thaten!
Fünfundsiebzig Aristokraten—
Vaterland, du bist verraten!
Fünfundsiebzig Professoren—
Vaterland, du bist verloren!

(75 бюрократовъ — много фразъ, да мало дѣла; 75 аристократовъ — родина, ты предана; 75 профессоровъ—родина, ты погибла). *Ред.*

желавшій «смѣлымъ маневромъ» обезпечить за парламентомъ право избранія, сочувственно отнесся къ предложенію Винке, то 28 іюня временная центральная власть была передана имперскому правителю, каковымъ день спустя 436 голосами противъ 84 былъ избранъ эрцгерцогъ Іоганнъ. Съ одобренія австрійскаго императора, эрцгерцогъ принялъ избраніе; его поѣздка во Франкфуртъ походила на тріумфальное шествіе; 12 іюля онъ уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Послѣ этого бундестагъ объявилъ свои занятія оконченными и передалъ свои конституціонныя полномочія отъ имени союзныхъ правительствъ имперскому правителю. Такимъ образомъ, новый глава верховной власти былъ избранъ парламентомъ, власть же свою онъ получилъ отъ правительствъ. Уже одно это противорѣчіе должно было вести къ конфликтамъ. Какъ слабо вообще было положеніе центральной власти, показываетъ неудача, которую потерпѣло первое же ея распоряженіе о принесеніи вѣрноподданнической присяги имперскому правителю всѣми союзными войсками, украшенными нѣмецкими кокардами. Это распоряженіе было исполнено лишь наиболѣе мелкими государствами. Въ Вѣнѣ удовольствовались тѣмъ, что войскамъ позволили прокричать «hoch» въ честь эрцгерцога Іоганна, причемъ объ имперіи не упомянуто было ни единымъ словомъ. Въ Берлинѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV издалъ дневной приказъ, въ которомъ онъ, конечно, выразилъ надежду, что прусскія войска въ моментъ, когда, повинуясь «приказу короля», имъ придется выступить въ защиту нѣмецкаго національнаго дѣла и подчиниться начальству имперскаго правителя, поддержатъ славу прусской доблести и дисциплины. Въ Пруссіи съ признаніемъ нѣмецкаго единства дѣло обстояло точно такъ же, какъ съ признаніемъ нѣмецкой свободы. Правда, Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ того, какъ первый испугъ предъ революціей исчезъ, переживалъ нѣкотораго рода мечтательное увлеченіе требованіями революціи и надеждами новаго времени; однако, не было недостатка и въ колебаніяхъ и попятныхъ шагахъ. На торжествѣ постройки собора въ Кельнѣ онъ поднялъ свой бокалъ «за строителей великаго дѣла германскаго единства». Въ Берлинѣ онъ выразилъ пожеланіе, чтобы Пруссія, подобно скалѣ среди бушующихъ волнъ, дала пронестись мимо себя нѣмецкому движенію, а при назначеніи либеральнаго министерства Кампгаузена онъ заявилъ, что отнынѣ будетъ строго держаться въ границахъ конституціоннаго режима. Несомнѣнно, въ моментъ формулированія этого обѣщанія онъ и самъ вѣрилъ въ его серьезность, но въ глубинѣ души онъ презиралъ этихъ «простофиль, преклоняющихся передъ конституціей и господствомъ большинства». Когда въ іюнѣ снова возникли волненія въ Берлинѣ, и чернь, ослѣпленная безумной яростью, уничтожила цѣнные трофеи, хранившіеся въ арсеналѣ, либеральное министерство не осмѣлилось оказать рѣшительнаго сопротивленія уличнымъ героямъ; но зато тѣмъ настойчивѣе военная партія, ободренная побѣдою Кавеньяка во время іюньскихъ кровавыхъ дней въ Парижѣ, стала напоминать о необходимости положить конецъ сумасбродству демократіи.

Между тѣмъ и въ соборѣ св. Павла во Франкфуртѣ противоположность

политическихъ и соціальныхъ интересовъ также принимала все болѣе враждебную форму. Страннымъ, конечно, было, что парламентъ вмѣсто того, чтобы прежде всего заняться разрѣшеніемъ неотложныхъ вопросовъ дѣйствительности, цѣлые мѣсяцы посвящалъ дебатамъ объ основныхъ правахъ нѣмецкаго народа. Къ Рождеству 1848 г. законъ объ этихъ основныхъ правахъ былъ выработанъ. Онъ долженъ былъ служить руководящимъ началомъ на будущее время какъ для имперской конституціи, такъ и для конституцій отдѣльныхъ государствъ. Но какъ кратковременно было его существованіе! И, тѣмъ не менѣе, эта работа «величайшаго по одушевленію и благородству въ исторіи нѣмецкаго народа парламента» (М. Ленцъ) не осталась безслѣдной для будущаго Германіи. Мысли, выраженныя въ рѣчахъ Дальмана, Шмерлинга, Гагерна и др., сдѣлались духовнымъ достояніемъ націи и оказали свое вліяніе на государственно-правовое творчество 1866 и 1871 гг., хотя, можетъ-быть, сами дѣятели этой эпохи и не сознавали этого.

Въ существенныхъ своихъ чертахъ основной имперскій законъ былъ дѣломъ среднихъ партій. И, несмотря на это, въ немъ нашелъ себѣ мѣсто тотъ односторонній взглядъ, по которому государство есть лишь печальная необходимость, ограничивающая индивидуальную свободу, что гарантія этой свободы заключается въ возможно большемъ умаленіи правительственной власти, и что въ интересахъ управляемыхъ правительство должно быть по возможности слабымъ. Это заблужденіе отвѣтственныхъ за реакцію политиковъ находилось, однако, въ самой тѣсной связи съ народнымъ настроеніемъ бурнаго 1848 года. Едва ли справедливо было бы упрекать франкфуртскій парламентъ и въ томъ, что лучше было бы сосредоточиться ему на практическихъ задачахъ, чѣмъ заниматься теоретическими опредѣленіями. Ибо какъ только онъ вмѣшивался въ практическую политику, немедленно обнаруживалось его безсиліе какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ радикализмомъ, не знающимъ никакихъ компромиссовъ. Особенно печально сказалось это безсиліе послѣ перемирія при Мальмэ.

Выше было уже сказано, что попытка датскаго короля Фридриха VII всецѣло включить Шлезвигъ въ составъ Даніи вызвала въ обоихъ герцогствахъ сильное движеніе противъ разрыва послѣдней національной связи съ нѣмецкимъ отечествомъ. Не только Шлезвигъ и Гольштинія возстали противъ своихъ поработителей, но даже обычно равнодушная и трусливая оффиціальная Германія поощряла ихъ къ противодѣйствію. Прежде всего Фридрихъ-Вильгельмъ полагалъ, что нужно воспользоваться представившимся для Пруссіи удобнымъ случаемъ, чтобы выступить въ роли меча Германіи. Онъ объявилъ себя защитникомъ справедливыхъ правъ августенбургскаго дома и приказалъ двинуть прусскія войска черезъ Эйдеръ. Въ то время, какъ шлезвигъ-гольштинцы, несмотря на поддержку добровольцевъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ странъ, потерпѣли пораженіе при Бау въ сѣверномъ Шлезвигѣ, 9 апрѣля пруссаки одержали побѣду при Шлезвигѣ и Эверзее и 1 мая перешли границу Ютландіи. Но затѣмъ дѣла сразу приняли благопріятный для Даніи оборотъ. Значительно уступая прусскому могуществу на сушѣ, маленькая Данія располагала, однако, военнымъ

флотомъ, тогда какъ беззащитность морскихъ границъ Германіи давала о себѣ знать особенно чувствительнымъ образомъ. Не говоря уже о томъ, что нѣмецкіе порты подвергались блокадѣ, а прусскія торговыя суда доставались датскимъ крейсерамъ въ качествѣ легкой военной добычи, прямое нападеніе на датчанъ, засѣвшихъ на полуостровѣ Зундевиттъ подъ прикрытіемъ военныхъ судовъ, оказалось крайне затруднительнымъ. Франція, съ досадою слѣдя за политическимъ подъемомъ своихъ—до того времени безсильныхъ—сосѣдей, вела себя двусмысленно. Русскій государь Николай заклеймилъ выступленіе Пруссіи въ защиту мятежниковъ какъ «вѣроломство». Австрія, которая устами своего посланника во Франкфуртѣ высказалась за войну союза, стояла совершенно въ сторонѣ отъ борьбы и даже не внесла той части средствъ на военные расходы, которая падала на ея долю.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Фридрихъ-Вильгельмъ счелъ благоразумнымъ начать съ Даніей переговоры. При посредничествѣ Швеціи 26 августа въ шведскомъ городкѣ Мальмэ было заключено чрезвычайно благопріятное для Даніи перемиріе. Обнародованіе позорнаго договора вызвало во франкфуртскомъ парламентѣ бурю негодованія, но министерство, склоняясь передъ неумолимой необходимостью, вынуждено было 16 сентября одобрить перемиріе. Раздраженіе по поводу такой «измѣны» вылилось во Франкфуртѣ въ кровавыя формы. Два депутата правой, князь Лихновскій и генералъ фонъ-Ауэрсвальдъ, были умерщвлены разъяренной толпой самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Основнымъ мотивомъ этого буйства было желаніе учредить «Комитетъ общественнаго спасенія» и «пріостановить», какъ это было сдѣлано въ 1793 г., обычныя гарантіи до окончательной побѣды принципа неограниченнаго народовластія. Возстаніе, однако, удалось подавить, а вмѣстѣ съ нимъ плачевно закончилось и возстаніе республиканцевъ въ Баденѣ. Возмущенные насиліями толпы и слѣпымъ безуміемъ ея вождей, наиболѣе просвѣщенные и благоразумные элементы все болѣе и болѣе удалялись въ сторону отъ движенія.

Въ Вѣнѣ между правительствомъ и народной партіей столкновенія постоянно обострялись все сильнѣе, и въ октябрѣ они вылились уже въ настоящую открытую борьбу. Поразительный успѣхъ вѣнскихъ студентовъ и рабочихъ съ ликованіемъ былъ встрѣченъ лѣвой во Франкфуртѣ, такъ какъ «единственную оставшуюся еще надежду возлагали на удачный исходъ въ Вѣнѣ». Два делегата, Робертъ Блюмъ и Юлій Фрэбель, должны были передать привѣтственный адресъ освободителямъ столицы имперіи. Но черно-красно-золотой блескъ въ Вѣнѣ быстро померкъ. Виндишгрецъ и Елачичъ одержали легкую побѣду надъ плохо вооруженными и нестройными народными отрядами. Оба франкфуртскихъ парламентарія за участіе въ борьбѣ въ студенческихъ рядахъ были военнымъ судомъ приговорены къ смерти; Фрэбель получилъ помилованіе, а Блюмъ на основаніи военнаго положенія былъ разстрѣлянъ. Приговоръ самъ по себѣ не вызвалъ спора, тѣмъ не менѣе, смерть мученика свободы вызвала новое страстное возбужденіе во многихъ нѣмецкихъ городахъ. Франкфуртскій парламентъ, какъ и другія представительныя учрежденія и народныя

собранія, требовалъ наказанія Виндишгреца и остальныхъ соучастниковъ; но въ совѣтѣ императора Фердинанда въ Ольмюцѣ военная партія успѣла уже пріобрѣсти рѣшительный перевѣсъ, такъ что протесты противъ казни Блюма не имѣли никакого значенія.

И въ Пруссіи чрезмѣрность демократическихъ требованій сообщила новую силу контръ-революціоннымъ стремленіямъ. Прусскія войска не отказывались повиноваться, какъ это случилось съ французскими войсками эпохи Людовика XVI. У либеральныхъ министровъ не хватало только мужества и твердости для борьбы съ проявившимися анархическими тенденціями. Поэтому настроеніе демократическихъ круговъ, съ одной стороны, и консервативно-военнаго лагеря, съ другой, становилось все рѣзче, и отношенія между ними принимали все болѣе враждебный характеръ. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ, шуринъ царя и беззавѣтно преданный союзникъ Австріи, уже отказался отъ надежды преобразовать съ помощью либераловъ германскій союзъ въ германскую имперію и снова сталъ на сторону специфическаго прусскаго государства. 2 ноября онъ призвалъ къ власти строго-консервативное министерство съ генераломъ графомъ Бранденбургомъ во главѣ; генералъ Врангель со своими побѣдоносными войсками вступилъ въ Берлинъ, прусское національное собраніе было перенесено въ Бранденбургъ, а вскорѣ вслѣдствіе не прекращавшейся съ его стороны оппозиціи и закрыто. Въ народномъ настроеніи въ общемъ успѣла уже совершиться столь замѣтная перемѣна, что большинство прусскаго народа смотрѣло на принятыя мѣры какъ на акты политической необходимости. Разстрѣлы въ Бригиттенау уже показали, что учредительное собраніе не можетъ разсчитывать на Австрію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣмецкая программа ставшаго во главѣ имперскаго министерства князя Шварценберга не способствовала усиленію вліянія друзей Австріи, такъ называемой великонѣмецкой партіи. Тогда же въ франкфуртскомъ парламентѣ были сказаны Бекератомъ изъ Крефельда слова, предопредѣлившія дальнѣйшій ходъ развитія: «Надежда на Австрію есть смерть германскаго единства». Хотя прусское правительство не менѣе австрійскаго боролось съ конституціонной работой, предпринятой во Франкфуртѣ, однако, партія, вліятельная не столько своею численностью, сколько значеніемъ своихъ приверженцевъ, все настойчивѣе указывала на историческое призваніе Пруссіи и требовала передачи центральной власти прусской коронѣ. Когда, наконецъ, князь Шварценбергъ заявилъ, что Австрія никогда не подчинится верховному главѣ, избранному франкфуртскимъ парламентомъ, и что, во всякомъ случаѣ, дальше признанія союзной директоріи она не пойдетъ, то осмѣянная противниками «мало-германская» фракція сразу пріобрѣла такую громадную силу, что внесенное Велькеромъ 29 марта 1849 г. предложеніе о передачѣ прусскому королю наслѣдственной императорской власти было принято большинствомъ 267 голосовъ.

Но какъ далеко было еще до солидарности и единства, показываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что половина членовъ парламента—и среди нихъ почти всѣ австрійцы и баварцы—либо голосовала противъ, либо воздержалась отъ подачи своего голоса. Тѣмъ не менѣе, вѣсть объ избраніи императора была

радостно принята многими во всѣхъ углахъ Германіи. Депутація отъ національнаго собранія съ президентомъ Симсономъ во главѣ отправилась въ Берлинъ, чтобы предложить наслѣднику короны Фридриха Великаго корону Оттоновъ и Гогенштауфеновъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, даже и въ эти критическіе дни нерѣшительный и колеблющійся, заявилъ, наконецъ, что онъ готовъ принять власть, признанную за нимъ «съ свободнаго согласія коронованныхъ главъ, князей и вольныхъ городовъ Германіи». Еще недавно онъ обнималъ Генриха фонъ-Гагерна и высоко цѣнилъ его дружбу; теперь же онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что не желаетъ принять короны «à la Луи-Филиппъ, подобранной на мостовой и пропитанной зловоніемъ революціи». Хотя многіе нѣмецкіе государи готовы были признать избраніе Фридриха-Вильгельма, однако, болѣе крупныя государства, какъ Баварія, Вюртембергъ, Саксонія и Ганноверъ, отнеслись отрицательно къ нему. Понятно, что въ виду этого 28 апрѣля послѣдовалъ окончательный отказъ отъ имперской короны со стороны прусскаго короля.

Прусская нота все же дала новый толчокъ къ продолженію обсужденія конституціоннаго вопроса, который путемъ внесенія въ него необходимыхъ поправокъ, диктуемыхъ безстрастнымъ анализомъ соотношенія силъ, могъ бы быть направленъ на истинный путь. Это привело къ новому воззванію, съ которымъ франкфуртскій парламентъ обратился 4 мая къ правительствамъ и всему нѣмецкому народу, и въ которомъ онъ убѣждалъ принять, по крайней мѣрѣ, основныя статьи имперской конституціи, не вызывавшія до сихъ поръ разногласія; законодательная власть должна была быть вручена рейхстагу, состоящему изъ двухъ палатъ—союзнаго совѣта и народной палаты; исполнительная власть — на первыхъ порахъ правителю наиболѣе крупнаго изъ представленныхъ въ рейхстагѣ государствъ, какъ имперскому штатгальтеру; «достоинство же верховнаго главы должно быть безусловно перенесено на прусскаго короля, какъ только онъ признаетъ конституцію». Предложеніе лѣвыхъ, разсчитанное на возбужденіе народнаго возстанія, было отвергнуто большинствомъ. Тѣмъ не менѣе, въ Саксоніи, Баденѣ и въ другихъ государствахъ движеніе приняло революціонный характеръ. Республиканцы и уравнители такъ были увѣрены въ своихъ силахъ, что разсчитывали занять господствующее положеніе, но всѣ ихъ усилія остались тщетными—они всюду оказывались въ меньшинствѣ. Вѣсть о новыхъ баррикадныхъ битвахъ вызвала въ соборѣ св. Павла самыя бурныя сцены. Въ то время, какъ лѣвая настаивала на защитѣ передовыхъ борцовъ конституціи, умѣренныя группы отклоняли отъ себя всякую солидарность съ возставшими. Цѣлый рядъ депутатовъ, отозванныхъ своими правительствами, покинулъ Франкфуртъ. Лѣвая, оставшаяся почти въ одиночествѣ, перенесла засѣданія парламента въ Штутгардтъ, что было ближе къ району южно-нѣмецкаго революціоннаго движенія; однако, туда съѣхалось лишь около ста человѣкъ парламента, и среди нихъ все тотъ же сѣдовласый Уландъ. Но, когда этотъ «ублюдокъ-парламентъ» пожелалъ 18 іюня созвать свое первое засѣданіе, всѣ входы въ залъ засѣданій оказались занятыми военной силой, и предъ саблями депутаты вынуждены были отступить.

ЧЛЕНЫ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА:

1—Луи Бланъ.
2—Араго.
3—Флоконъ.
4—Ледрю-Ролленъ.
5—Кремье.
6—Дюпонъ де л'Эръ.
7—Марра.
8—Альберъ.
9—Марп.
10—Гарнье-Пажесъ.
11—Ламартинъ.

Генералъ КАВЕНЬЯКЪ.

Луи-Наполеонъ БОНАПАРТЪ.

Таковъ печальный конецъ собранія, которое при первомъ своемъ появленіи встрѣчено было съ такими гордыми надеждами. Волна увлеченія идеей единаго свободнаго отечества пошла на убыль; приходилось уже разстаться съ мыслью объ единомъ нѣмецкомъ народномъ государствѣ, и вѣра въ общегерманское государство, какъ и послѣ освободительной войны, возбуждала въ руководящихъ кругахъ снова одну лишь досаду.

2. Вторая французская республика 1848—1852 гг.

24 февраля 1848 г. въ полдень, послѣ трехдневныхъ уличныхъ битвъ, революція одержала рѣшительную побѣду. Чернь протащила королевскій тронъ изъ Тюльерійскаго дворца до площади Бастиліи и здѣсь, при яростныхъ кликахъ одобренія толпы, предала его сожженію. Подобно пеплу сожженнаго трона, разсѣялась и орлеанская монархія.

Когда Ламартинъ въ своей исторіи того времени уподобляетъ «героическую борьбу» парижскаго населенія прославленнымъ дѣяніямъ грековъ и римлянъ, онъ, конечно, впадаетъ въ сильное преувеличеніе. До серьезной борьбы между войсками и повстанцами дѣло дошло только въ немногихъ мѣстахъ; большая часть войскъ не вступала въ бой частью потому, что въ ихъ ряды проникло неповиновеніе, частью же потому, что въ рѣшительные моменты офицеры отдавали приказы о прекращеніи огня. Редакціи радикальныхъ газетъ, поддерживавшихъ возстаніе въ теченіе всѣхъ трехъ критическихъ дней, были центромъ движенія. 24 февраля послѣ полудня въ кабинетѣ умѣренно-соціалистической [1]) газеты «National» рѣшено было провозгласить республику и временное правительство, образованное лишь изъ сторонниковъ республики. Тутъ оказалось, что многіе изъ тѣхъ, которые выдавали себя за вѣрныхъ королю друзей реформы, быстро обратились въ республиканцевъ. Старый Дюпонъ-де-л'Эръ, бывшій уже членомъ временнаго правительства послѣ іюльской революціи, взялъ на себя роль президента; министерскіе портфели были раздѣлены между Ламартиномъ, Араго, Кремье, Карно, Ледрю-Ролленомъ и другими членами временнаго правительства. Преобладающее господство оставалось на сторонѣ буржуазныхъ партій; вождю рабочихъ, Луи Блану, не удалось войти въ составъ правительства, но борьба еще не была закончена [2]). Блузники, главнымъ органомъ которыхъ была «Реформа», вооружались для новаго возстанія, чтобы обезпечить господство четвертому сословію. Для успокоенія рабочаго населенія правительство устроило національныя мастерскія, въ которыхъ должны были найти себѣ мѣсто всѣ безработные. Такъ какъ

---

[1]) Газета «National» не только не была соціалистической, но боролась съ соціализмомъ, отстаивая партію умѣренныхъ республиканцевъ. *Ред.*

[2]) Въ составѣ временнаго правительства было два соціалиста: Луи Бланъ и рабочій Альберъ. *Ред.*

для занятія рабочихъ ничего цѣлесообразнаго придумать не могли, то были предприняты столь же обширныя, сколь и безцѣльныя земляныя работы, для которыхъ навербовано было болѣе 100000 рабочихъ. Раздѣленные на отряды и бригады, люди являлись утромъ на работу, а вечеромъ снова сходились для обсужденія своихъ общихъ дѣлъ. Въ этихъ клубахъ Луи Блапъ, Распайль, Барбесъ, Бланки, Кабэ и другіе вожди безпрерывно проповѣдывали борьбу не только противъ работодателя—правительства,—но вообще противъ имущихъ классовъ. Рядомъ съ парламентомъ въ Бурбонскомъ дворцѣ существовалъ рабочій парламентъ въ Люксембургскомъ подъ предсѣдательствомъ Луи Блана. Скоро начались въ Парижѣ шумныя демонстраціи. Болѣе ретивые и безпечные, нежели дѣйствительные рабочіе, парижскіе гамены многочисленными толпами приняли участіе въ этихъ демонстраціяхъ, всегда находя удовольствіе въ игрѣ съ огнемъ и въ запугиваніи мирныхъ обывателей. Но естественный противовѣсъ насильственному рѣшенію соціальнаго вопроса составило крестьянство. Столица при молчаливомъ согласіи деревенскаго населенія успѣла путемъ революціи низвергнуть непопулярнаго государя; но когда прогрессивное движеніе выродилось въ бѣшеную скачку, послѣдовалъ отпоръ—государственный переворотъ Людовика Бонапарта, осуществленный съ помощью провинціальнаго населенія.

Луи Бланъ и Бланки, до сихъ поръ громко требовавшіе всеобщаго избирательнаго права, старались по возможности оттянуть выборы; когда, вмѣсто прежнихъ 180000 правоспособныхъ избирателей, было призвано къ избирательной урнѣ 9 милліоновъ французовъ, они свое требованіе обосновывали тѣмъ, что народъ, которому республика представляется чѣмъ-то новымъ и чуждымъ, еще недостаточно созрѣлъ для политической самодѣятельности; свобода можетъ лишь упрочиться, если ей временно предшествуетъ диктатура, способная укротить упорствующихъ. Вмѣсто конституціи, долженъ былъ быть учрежденъ комитетъ общественнаго спасенія, въ предсѣдатели котораго намѣченъ былъ Ледрю-Ролленъ. Ни для кого не было тайной, что люди люксембургскаго дворца желали поскорѣе устроить возстаніе. Но Ламартинъ и его товарищи все еще вѣрили въ возможность частью путемъ патетическихъ сценъ примиренія, частью путемъ уступокъ устранить соціальную опасность. И только когда вооруженные блузники 16 апрѣля инсценировали—и притомъ совершенно безрезультатно—демонстрацію противъ ратуши, гдѣ засѣдало временное правительство, «во время праздника братства, отъ участія въ которомъ не были, однако, исключены оставшіяся въ столицѣ войска», были снова введены въ Парижъ 15000 линейныхъ солдатъ.

Выборы происходили подъ впечатлѣніемъ пораженія соціалистическихъ клубовъ. Не только сельское населеніе послало—какъ это легко можно было предвидѣть—въ новое представительное собраніе сторонниковъ стараго государственнаго и классоваго режима, но и городъ Парижъ своими выборами показалъ, что большинство народа желало избавиться отъ зрѣлища, устраиваемаго неимущими элементами. Только немногіе вожди рабочихъ добились избранія въ палату. Несмотря на это, Луи Бланъ тотчасъ же внесъ предло-

женіе объ учрежденіи особаго министерства труда, чтобы такимъ образомъ отмѣтить основные принципы люксембургскаго дворца печатью оффиціальнаго признанія. Это предложеніе было отклонено, что повело къ нападенію вооруженной толпы на палату. Бунтъ, однако, былъ подавленъ, и на дополнительныхъ выборахъ, вмѣсто депутатовъ, исключенныхъ за участіе въ мятежѣ, снова прошли почти чистые монархисты. По истинѣ ошеломляющимъ образомъ должно было подѣйствовать то обстоятельство, что племянникъ великаго Наполеона, Луи-Наполеонъ, извѣстный до того времени только своими глупыми выходками въ Булони и Страсбургѣ, былъ избранъ въ нѣсколькихъ округахъ. Хитрецъ сначала отказался отъ вступленія въ палату, но съ знаменательной оговоркой: «Мое имя есть символъ порядка, національности и славы. Если французскій народъ дѣйствительно рѣшитъ возложить на меня обязанности, то я сумѣю исполнить ихъ».

Между тѣмъ съ національными мастерскими производились самые плачевные опыты. Тысячи людей изо-дня-въ-день получали свою заработную плату, хотя имъ и въ голову не приходило принять участіе въ работѣ. Поэтому правительство приняло, наконецъ, рѣшеніе закрыть мастерскія, а лицъ, подлежащихъ воинской повинности, призвать на дѣйствительную службу, не имѣвшихъ же постоянной осѣдлости въ Парижѣ выслать изъ столицы.

Это рѣшеніе было равносильно объявленію войны клубамъ. 24 іюня дѣло дошло до уличной битвы, какой, по кровавымъ послѣдствіямъ ея и размѣрамъ, Парижъ еще не зналъ. Возведенный въ диктаторы генералъ Кавеньякъ дѣйствовалъ такъ ловко, что «партія порядка» одержала блестящую побѣду.

Въ виду того, что въ Германіи и въ другихъ сосѣднихъ странахъ связанныя съ либералами рабочія партіи терпѣли также лишь пораженія, то казалось, что соціализмъ разбитъ на голову. Но вслѣдъ за паденіемъ наступилъ небывалый еще во всемірной исторіи его подъемъ. Искренніе идеалисты и люди холоднаго разсудка принялись за дальнѣйшую разработку идей Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна. На дворянство, духовенство и крестьянство —эти силы застоя—отнынѣ нечего было разсчитывать; четвертому сословію отъ нихъ нельзя было ожидать никакой помощи. Но то обстоятельство, что и просвѣщенная буржуазія, достигшая, благодаря могучему развитію индустріализма, благосостоянія и богатства, совершенно игнорировала бѣдствія рабочаго класса и была глуха къ жалобамъ угнетенныхъ,—составляло тяжкій грѣхъ либерализма XIX вѣка! Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ оправданіе непримиримаго характера соціалистическаго движенія, не ограничивавшагося уже задачею обезпечить рабочимъ человѣческое существованіе и участіе въ политической жизни страны, но стремившагося къ ниспроверженію всего существующаго. Прежде всего жалкая своекорыстная классовая политика возведена была въ систему, въ интересахъ которой была создана цѣлая организація, изумительная по своей цѣлесообразности; но едва только были разрѣшены крупные національные вопросы, какъ и пролетаріатъ, съ своей стороны, объединился въ интернаціональную организацію на началахъ ученія Маркса и объявилъ обществу и государству безпощадную войну.

Кавеньякъ дѣйствовалъ по отношенію къ побѣжденнымъ съ неумолимою свирѣпостью. Національныя мастерскія были закрыты, радикальныя газеты стѣснены, клубы поставлены подъ полицейскій надзоръ. При всемъ томъ относительно своихъ республиканскихъ симпатій Кавеньякъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній. Поэтому въ городскомъ населеніи онъ имѣлъ большое число сторонниковъ; наоборотъ, монархически настроенное сельское населеніе онъ возстановилъ противъ себя. Столь часто высмѣиваемые парижанами bons villageois, располагавшіе громаднымъ большинствомъ въ національномъ собраніи, противопоставили вѣрному и убѣжденному республиканцу своего довѣреннаго человѣка—Луи Бонапарта, съ которымъ до сихъ поръ ни одна партія не считалась серьезно. Имъ, конечно, было извѣстно, что въ юности своей онъ имѣлъ связи съ карбонаріями. Но кто же въ молодости не дѣлаетъ глупостей? А теперь племянникъ великаго дяди уже солидный сорокалѣтній мужчина; теперь онъ ужъ пойметъ, гдѣ искать ему своихъ истинныхъ друзей. Первый Наполеонъ уничтожилъ гидру революціи; можно поэтому надѣяться, что и его племянникъ смиритъ разнузданныхъ парижскихъ крикуновъ и водворитъ спокойствіе и порядокъ въ странѣ. Вотъ почему при новыхъ выборахъ въ сентябрѣ Луи-Бонапартъ былъ избранъ сразу въ пяти департаментахъ. Вступивъ въ національное собраніе, онъ сталъ вести себя въ высшей степени скромно, лишь рѣдко выступая съ рѣчами и всюду предоставляя дѣйствовать, вмѣсто себя, своему золоту и своимъ клевретамъ. Вожди республиканскихъ партій считали трусливаго и «выродившагося» Бонапарта неопаснымъ и не заслуживающимъ вниманія соперникомъ. Въ этомъ отношеніи они впадали въ такую же ошибку, какъ и относительно силы «наполеоновскихъ идей», которыя возвеличены были даже мѣщанскимъ королемъ Луи-Филиппомъ и его министромъ Тьеромъ.

Когда народными представителями въ декабрѣ 1848 г. было принято рѣшеніе объ избраніи президента національнаго собранія [1]) на четыре года путемъ всеобщей подачи голосовъ, дѣло зашло уже такъ далеко, что ни о Ламартинѣ, ни о сыновьяхъ Луи-Филиппа не было больше и рѣчи: на политической аренѣ оставалось лишь два соперника—Кавеньякъ и Луи-Наполеонъ. Въ своихъ избирательныхъ манифестахъ принцъ обѣщалъ сельскому населенію пониженіе обременительныхъ поземельныхъ налоговъ и прежде всего сохраненіе спокойствія внутри страны и мира во внѣ. Для привлеченія симпатій буржуазіи онъ ярко подчеркивалъ свою приверженность къ консервативной республикѣ; духовенству было обѣщано заступничество угрожаемому свѣтскому господству папы, а также свобода преподаванія, на которой особенно сильно настаивалъ графъ Монталамберъ.

Прежде всего Бонапартъ, знавшій въ качествѣ испытаннаго заговорщика, что успѣхъ честолюбивыхъ плановъ всегда находится въ зависимости отъ обладанія военной силой, принялся за систематическую обработку въ

---

[1]) Въ оригиналѣ несомнѣнная опечатка: вмѣсто президента національнаго собранія слѣдуетъ читать президента республики. *Ред.*

желательномъ для него духѣ офицеровъ и рядовыхъ солдатъ. Обезпечивъ себѣ ихъ симпатіи надеждою на возвращеніе славныхъ дней великой арміи, онъ въ то же время щедро одарялъ парижскіе полки деньгами, мясомъ и виномъ, такъ что на военныхъ смотрахъ, вопреки правиламъ дисциплины, нерѣдко раздавались громкіе клики «ура» въ честь президента и даже императора.

Удачно предпринятая пропаганда 10 декабря 1848 г. увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Луи Бонапартъ былъ поднятъ на побѣдномъ щитѣ не только своими прямыми сторонниками; большинство легитимистовъ, орлеанистовъ и клерикаловъ, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, также перешли въ лагерь бонапартистовъ.

Изъ 7.300.000 голосовъ Луи-Наполеонъ получилъ 6.000.000,—въ шесть разъ больше, нежели его соперникъ Кавеньякъ. 20 декабря избранникъ принесъ торжественную присягу: «Именемъ Бога и французской націи клянусь оставаться вѣрнымъ нераздѣльной республикѣ и исполнять всѣ обязанности, налагаемыя на сына республики». Съ 10 декабря 1848 г. Франція фактически опять имѣла монарха.

Едва ли какая-либо другая личность въ новѣйшей исторіи была предметомъ столь разнорѣчивыхъ сужденій въ устахъ современниковъ и потомства, какъ личность Наполеона III. «Мы находимъ въ сужденіяхъ о немъ—говоритъ Зибель—преклоненіе и ненависть, благодарную любовь и глубочайшее презрѣніе»! Бездарный политикъ, благодѣтель Европы, авантюристъ и бандитъ, артистъ въ области правительственнаго искусства—таковы были приговоры, которыми народы и партіи обмѣнивались въ своихъ горячихъ спорахъ о Наполеонѣ III. Самъ же онъ молчаливо жилъ и молчаливо умеръ, оставшись смутною и интригующей загадкой для общественнаго мнѣнія своихъ современниковъ. Несомнѣнно одно: по отношенію къ человѣку, который болѣе 20 лѣтъ умѣлъ держать въ состояніи постояннаго напряженія Старый и Новый Свѣтъ и сосредоточить на себѣ всеобщее вниманіе,—нельзя отдѣлываться такой банальной характеристикой: бездарность или ловкій игрокъ. Да и невозможно себѣ представить, чтобы Наполеонъ всегда ходилъ на помочахъ у другихъ и самъ никогда не проявлялъ собственной инициативы; если даже и казалось, что онъ смотритъ на все окружающее какимъ-то усталымъ взоромъ, то все же онъ обладалъ необыкновенной силой духа и воли.

Благодаря хитрой уступчивости передъ всѣми, онъ сумѣлъ въ теченіе трехъ лѣтъ скрывать фактъ, что республика въ лицѣ своего перваго сановника имѣетъ своего злѣйшаго врага. Вѣрнымъ помощникомъ и твердой опорой ему былъ особенно Руэръ; несравненная работоспособность этого человѣка проникала во всѣ области государственнаго управленія, а его необыкновенная энергія нерѣдко стѣсняла и самого повелителя его. Какъ далеко простиралось вліяніе супруги Наполеона, прекрасной и честолюбивой Евгеніи, бывшей испанской графини Монтихо, на политическіе планы и дѣянія своего мужа,—объ этомъ можно будетъ составить правильное представленіе лишь послѣ обнародованія соотвѣтствующаго матеріала.

Со своимъ прошлымъ новый властитель Франціи, повидимому, порвалъ окончательно. Принявъ въ 1831 г. личное участіе въ неудачномъ возстаніи въ Романьи, онъ теперь въ интересахъ примиренія съ духовенствомъ позволилъ при помощи французскихъ войскъ уничтожить свободное римское государство и возстановить патримоніальное господство св. Петра. Во время своихъ частыхъ поѣздокъ по Франціи онъ старался зарекомендовать себя передъ различными группами буржуазіи горячимъ другомъ торговли и промышленности и непоколебимой опорой мирнаго государственнаго развитія. Изъ уваженія къ правамъ четвертаго сословія онъ держался вдали отъ засѣданій національнаго собранія, когда почти треть избирателей снова была лишена избирательныхъ правъ, и пассивное избирательное право было сужено вслѣдствіе болѣе высокаго избирательнаго ценза. Боязнь предъ революціей заставила буржуазныя партіи мириться съ опаснѣйшими ограниченіями завоеванной свободы. «Друзья истинной республики—восклицалъ Тьеръ въ національномъ собраніи—питаютъ страхъ передъ толпой, передъ той сѣрой толпой, которая губила всѣ республики и которая всюду и всегда предавала свободу тиранамъ»! Напрасно генералъ Ламорисьеръ предостерегалъ отъ опрометчивыхъ шаговъ: «Знаете ли вы,—восклицалъ онъ,—въ чьихъ интересахъ работаете вы? Въ интересахъ той партіи, которая въ сущности ни о какой свободѣ ничего знать не хочетъ, которая, если только въ угоду ей вы совершите пересмотръ конституціи, преподнесетъ вамъ въ одинъ прекрасный день имперію, но имперію безъ величія и славы, т.-е. ничѣмъ не прикрытый деспотизмъ въ самой отвратительной его формѣ»!

Въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными кабинетами президентъ, подобно консулу Бонапарту послѣ 18 брюмера, сумѣлъ выставить подавленіе революціи какъ дѣло его собственныхъ рукъ и его личную заслугу. Такимъ образомъ, онъ постепенно проникался надеждою, что, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, онъ, по примѣру своего дяди, надѣнетъ на свои плечи императорскую пурпуровую мантію. Этою надеждою онъ подѣлился лишь съ военнымъ министромъ Сентъ-Арно и двумя-тремя безусловно преданными ему друзьями. Въ ночь съ 1 на 2 декабря Кавеньякъ, Тьеръ, Викторъ Гюго и еще около 60 другихъ политическихъ дѣятелей и писателей, извѣстныхъ непреклонностью своихъ республиканскихъ убѣжденій, были арестованы. Утромъ 2 декабря ошеломленные парижане оповѣщались особыми объявленіями, что національное собраніе распущено, и государство для пользы всѣхъ классовъ общества получитъ новую конституцію. Наполеонъ и соучастники его заговора разсчитывали неожиданностью нападенія отрѣзать всякую возможность къ сопротивленію. Этотъ разсчетъ не оправдался; начались серьезныя волненія, но огнемъ картечи улицы и площади были быстро очищены; государственный переворотъ стоилъ кровавой гекатомбы, но завершился полной побѣдой имперіализма. Послѣ этого страхъ сдѣлалъ уступчивыми даже тѣхъ, которые не были еще склонны видѣть въ Наполеонѣ національнаго мессію. Когда на голосованіе народа былъ поставленъ вопросъ о продленіи полномочій настоящаго президента еще на 10 лѣтъ, $7^1/_2$ милліоновъ (противъ 650000) отвѣтили на него

утвердительно; на дальнѣйшій же вопросъ, желаетъ ли нація возстановленія имперіи, 8 милліоновъ французовъ дали утвердительный отвѣтъ. 2 декабря 1852 г., въ годовщину коронованія побѣдителя при Маренго, Наполеонъ III былъ провозглашенъ императоромъ французовъ. Новая конституція въ существенныхъ своихъ чертахъ была повтореніемъ учрежденій 1804 г. Только конституціонныя формы были болѣе предусмотрительно сохранены, хотя фактически онѣ мало мѣшали полному расцвѣту императорскаго абсолютизма. Еще до рѣшительнаго плебисцита Наполеонъ на одномъ банкетѣ торговой палаты въ Бордо заявилъ: «L'empire c'est la paix!» (имперія—это миръ). Эта фраза была умно разсчитана на примиреніе всѣхъ съ новымъ порядкомъ. Къ сожалѣнію, въ этой фразѣ не было ни слова правды.

3. Подавленіе національнаго движенія въ Германіи, Австріи и Италіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV отклонилъ предложенную ему франкфуртскимъ парламентомъ императорскую корону. Однако, какъ онъ самъ говорилъ, ни подъ какимъ видомъ онъ не хотѣлъ отказываться отъ своихъ надеждъ и обѣщалъ продолжать работать надъ дѣломъ объединенія Германіи «закономѣрнымъ путемъ». Его желаніе, какъ онъ писалъ баварскому королю Максимиліану II, сводилось къ тому, чтобы коронованные главы Германіи вручили ему временную центральную власть. «Здѣсь лежитъ, по моему убѣжденію, конецъ революціоннаго господства и начало побѣдоносной борьбы съ самой революціей. Въ моментъ передачи центральныхъ полномочій со стороны законныхъ государей правительство Германіи снова займетъ то положеніе, котораго оно не занимало уже въ теченіе года, т.-е. оно будетъ во главѣ государства». Однако, этотъ союзъ, какъ называлъ Фридрихъ-Вильгельмъ проектированное имъ объединеніе подъ прусскимъ руководительствомъ, столь же мало удовлетворялъ князей, какъ и движеніе, незадолго до того исходившее изъ народныхъ слоевъ. Король Максъ отвѣчалъ своему умному тестю изъявленіемъ чувствъ глубокаго уваженія и почтительности, но объ умаленіи своихъ суверенныхъ правъ и думать не хотѣлъ; такое же настроеніе было и у Вильгельма вюртембергскаго. Короли саксонскій и ганноверскій также не склонны были вступать на путь, указанный Пруссіей. Но все-таки результатомъ берлинскихъ конференцій 26 мая 1849 г. явился «союзъ трехъ королей для сохраненія внѣшней и внутренней безопасности Германіи», представлявшій собою какъ бы возстановленіе союза князей 1785 г. Императорское правительство было вынуждено остаться равнодушнымъ зрителемъ образованія германскаго союзнаго государства безъ Австріи, такъ какъ оно должно было сосредоточить всѣ свои силы на борьбѣ съ венгерскимъ возстаніемъ; оно тѣмъ болѣе могло спокойно отнестись къ союзу трехъ королей, что не сомнѣвалось въ эфемерности этой мертворожденной союзной организаціи. Ганноверскій министръ графъ Беннингсенъ открыто при-

знавался англійскому посланнику, что уступилъ желанію Пруссіи только потому, что былъ заранѣе увѣренъ въ полной безрезультатности всей этой затѣи; то же самое говорилъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Дрезденѣ графъ Бейстъ, заявляя, что только вслѣдствіе неумолимыхъ требованій Пруссіи и опаснаго движенія въ собственной странѣ онъ вынужденъ былъ присоединиться къ союзу, но ставилъ себѣ при этомъ въ заслугу, что своевременно предостерегъ Баварію отъ вступленія въ него. Хотя прусскія войска оказали цѣнныя услуги южно-германскимъ правительствамъ при подавленіи революціи въ Баденѣ и рейнскомъ Пфальцѣ, въ битвахъ при Ваггейзелѣ и Дурлахѣ, и хотя вожди національныхъ и либеральныхъ партій, собравшіеся въ Готѣ въ іюнѣ 1849 г., требовали присоединенія къ прусскому конституціонному проекту, однако, какъ только съ побѣдой Австріи въ Италіи явилась надежда, что вѣнскій дворъ снова пріобрѣтетъ болѣе сильное вліяніе въ германскихъ дѣлахъ, тотчасъ же Саксонія и Ганноверъ вышли изъ союза трехъ королей.

Желанный поводъ къ нападкамъ на Пруссію доставилъ печальный оборотъ, принятый шлезвигъ-гольштинскими дѣлами. Война съ датчанами велась съ успѣхомъ какъ на сушѣ прусскими, баварскими, саксонскими и гессенскими войсками, такъ и на морѣ тѣми немногими нѣмецкими судами, которыя имѣлись въ распоряженіи Пруссіи. Но прусское правительство испугалось своихъ собственныхъ побѣдъ. Царь Николай прямо негодовалъ по поводу поддержки, оказанной шлезвигъ-гольштинскимъ мятежникамъ, а въ Англіи уже первые скромные шаги зарождающей морской державы пробудили тревогу передъ возможнымъ опаснымъ соперникомъ. Этотъ флагъ ему неизвѣстенъ,—велѣлъ отвѣтить Пальмерстонъ въ Бременѣ, когда съ гельголандскихъ батарей былъ открытъ огонь по нѣмецкому военному судну. Обезсиленная постоянными упреками со стороны Россіи и Англіи, Пруссія очень вяло продолжала еще принимать участіе въ борьбѣ и тѣмъ самымъ навлекла на себя вину въ глазахъ нѣмецкихъ патріотовъ за тяжкое пораженіе, понесенное шлезвигъ-гольштинцами у Фридериціи. Поднявшіяся въ парламентахъ и въ печати обвиненія привели лишь къ тому, что прусское правительство согласилось на посредничество, предложенное Англіей и снова предавшее во власть датчанъ герцогства по Эльбѣ, хотя при этомъ и было выговорено условіе объ особомъ управленіи для Шлезвига.

Неудача прусской правительственной политики сильно разрѣдила ряды друзей централистическихъ плановъ Фридриха-Вильгельма. Несмотря на это, въ мартѣ 1850 г. въ Пруссіи и въ оставшихся ей вѣрными мелкихъ государствахъ были проведены выборы въ новую «народную палату». 20 марта 1850 г. открылись засѣданія федеральнаго парламента въ Эрфуртѣ. Какъ краснорѣчиво ни доказывалъ господинъ фонъ-Радовицъ, довѣренное лицо Фридриха-Вильгельма IV, необходимость возрожденія Германіи, но даже въ Берлинѣ вѣрная королю консервативная партія считала все дѣло объединенія крупной ошибкой прусской политики, да и самому королю непріятно было все, что могло быть истолковано въ смыслѣ противодѣйствія издревле уважаемой Габсбургской ди-

настіи. Хотя въ Эрфуртѣ и была выработана новая конституція для Германіи, однако, нельзя было съ увѣренностью разсчитывать на признаніе ея со стороны мелкихъ государствъ. На одномъ съѣздѣ государей, созванномъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Берлинѣ, ясно обнаружилось, какъ шатокъ былъ фундаментъ, на которомъ стоялъ союзъ. Съ своей стороны, руководитель австрійской политики, князь Феликсъ Шварценбергъ, сумѣлъ ловко использовать обстоятельства, чтобы помѣшать прусскимъ стремленіямъ, возстановивъ исчезнувшую подъ натискомъ революціи союзную конституцію. 1 сентября 1850 г. снова открылся бундестагъ во Франкфуртѣ; на первыхъ порахъ, однако, собрались только представители Австріи, центральныхъ государствъ и датской Гольштиніи. Кромѣ того, приняли участіе въ разработкѣ проектовъ реформъ баварскій министръ фонъ-деръ-Пфордтенъ и другіе нѣмецкіе государственные дѣятели. Но на этихъ попыткахъ и проектахъ подробно останавливаться не стоитъ, такъ какъ все это было мертворожденнымъ дѣломъ. Будущее Германіи, какъ это уже ясно было для дальновидныхъ политиковъ, зависѣло отъ исхода сталкивающихся интересовъ обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ. Къ открытому конфликту, повидимому, долженъ былъ привести гессенскій конституціонный вопросъ. Попытка кургессенскаго министра Гассенпфлуга (Hassenpflug), котораго народная молва называла «гессенскимъ зломъ и проклятіемъ» («der Hessen Hass und Fluch»), отмѣнить конституцію 1831 г. разбилась объ упорное сопротивленіе выборныхъ отъ сословій. Гассенпфлугъ ввелъ въ странѣ военное положеніе. Враждебное правительству настроеніе арміи заставило курфюрста Фридриха-Вильгельма вмѣстѣ съ своимъ министромъ покинуть гессенскую территорію и обратиться къ бундестагу съ требованіемъ о помощи противъ своихъ собственныхъ подданныхъ. 21 сентября 1850 г. бундестагъ постановилъ принять необходимыя мѣры къ возстановленію законнаго порядка въ Кургессенѣ. Но такъ какъ Кургессенъ, по крайней мѣрѣ, номинально, числился членомъ федераціи, то возникшій между курфюрстомъ и его сословіями споръ входилъ въ компетенцію третейскаго суда этой федераціи. Тутъ должно было обнаружиться, обладаетъ ли глава ея достаточною силою и волею, чтобы предупредить неправомѣрное вмѣшательство бундестага. До какого жалкаго паденія дошла германская политика, показываетъ тотъ фактъ, что обѣ стороны обратились за помощью къ царю Николаю. Такъ какъ федерація была конституціоннымъ учрежденіемъ, то уже въ силу этого существованіе ея возбуждало ненависть въ русскомъ государѣ, и онъ въ гессенскомъ конституціонномъ конфликтѣ высказался, разумѣется, за предложенную бундестагомъ экзекуцію. Въ Берлинѣ мнѣнія министровъ раздѣлились. Графъ Бранденбургъ, который велъ переговоры въ Варшавѣ съ русскимъ императоромъ, настойчиво предостерегалъ противъ разрыва съ императорскими державами; Радовицъ требовалъ немедленной мобилизаціи; большинство остальныхъ министровъ оспаривало это требованіе, но принцъ Вильгельмъ прусскій былъ за энергичное выступленіе, а въ военныхъ кругахъ алармистскія тенденціи проявились въ бурныхъ демонстраціяхъ. Король не могъ скрыть отъ себя, что уступчивость была равносильна

унизительному пораженію, но боязнь толкнуть царя къ переходу на сторону Австріи заставила умолкнуть всѣ иныя соображенія. Прославленная Ранке гибкость Фридриха-Вильгельма IV въ сущности была не чѣмъ инымъ, какъ слабостью. «Съ сокрушеннымъ сердцемъ» согласился онъ на отставку Радовица; 3 ноября постъ министра иностранныхъ дѣлъ занялъ баронъ Отто фонъ-Мантейфель; въ тотъ же день Шварценбергу была послана нота, отвѣчавшая желаніямъ Австріи и требовавшая лишь пріостановки австрійскихъ вооруженій. Хотя прусская армія и была мобилизована, но въ оправданіе этой мѣры Мантейфель заявилъ австрійскому послу, что мобилизаціей правительство хотѣло лишь успокоить общественное мнѣніе. Между тѣмъ въ Кургессенъ вошли баварскія войска, на которыя была возложена миссія экзекуціи, а также и прусскія—для защиты оставшагося вѣрнымъ конституціи Гессена.

8 ноября при Бронцеллѣ произошла форпостная стычка. Къ счастью, въ тѣ дни не только руководящіе политики, но и жертвы политики были ничтожны. Ранено было всего 2—3 стрѣлка и лошадь прусскаго гусара («Der Schimmel von Bronzell»). Въ то время, какъ Пруссія связала себя рѣшеніемъ не уклоняться съ дипломатическаго пути, Шварценбергъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе. Онъ приказалъ Прокешу потребовать свои вѣрительныя грамоты, если не будетъ сдѣлано распоряженіе объ отозваніи пруссаковъ изъ Гессена. Мантейфель еще надѣялся предотвратить это позорное пораженіе, пожертвовавъ федераціей: 15 ноября Пруссія предложила въ собраніи государей отмѣнить конституцію 26 мая, и федерація молча прекратила свое существованіе. Однако, Шварценбергъ продолжалъ настаивать на быстромъ очищеніи Гессена, тогда какъ Фридрихъ-Вильгельмъ въ тронной рѣчи заявилъ, что готовъ въ случаѣ необходимости защищать свои законныя права съ оружіемъ въ рукахъ. Рѣшительный конфликтъ казался неизбѣжнымъ, но король снова уступилъ. Онъ вымолилъ у Франца-Іосифа личное свиданіе между Мантейфелемъ и Шварценбергомъ для мирнаго разрѣшенія спора. Произнесенная будто бы министромъ императора при полученіи депеши циническая фраза: «эта Пруссія должна быть сначала унижена, а затѣмъ разгромлена!»—является легендой. Вѣрно лишь, что Шварценбергъ неохотно отправился въ Ольмюцъ, предпочитая разрѣшеніе конфликта путемъ оружія. Позднѣе онъ говорилъ Бейсту въ Дрезденѣ: «Вамъ было бы пріятнѣе, если бы мы дрались,—мнѣ тоже»! 28 ноября представители Австріи и Пруссіи прибыли въ Ольмюцъ. Результатомъ переговоровъ было безусловное согласіе на всѣ требованія Австріи. Пруссія согласилась на союзную экзекуцію Гессена, на подчиненіе Шлезвига-Гольштиніи датской коронѣ и на возстановленіе прежней союзной конституціи. Фридрихъ-Вильгельмъ жестоко обманывалъ самого себя, стараясь себя убѣдить, что ольмюцскій договоръ былъ великимъ счастіемъ для обѣихъ сторонъ, ибо, какъ говорилъ онъ лорду Вестморлэнду, «этотъ договоръ помѣшалъ побѣдѣ Пруссіи надъ Австріей, побѣдѣ, которая при наличности внутреннихъ раздоровъ въ австрійской монархіи была неизбѣжна».

Въ Пруссіи лишь немногіе раздѣляли эту точку зрѣнія. Съ горечью и

досадою было встрѣчено извѣстіе о новомъ униженіи государства Фридриха Великаго, которое вмѣсто того, чтобы обнажить мечъ въ защиту поруганной чести, выклянчило себѣ лишь разрѣшеніе оказать поддержку Гассенпфлугу въ его карательной экспедиціи противъ гессенцевъ, а Даніи—въ дѣлѣ ея порабощенія герцогствъ по р. Эльбѣ. Пруссія потерпѣла въ Ольмюцѣ пораженіе болѣе позорное, чѣмъ въ дни Іены. Надежда на болѣе достойное въ національномъ смыслѣ устройство Германіи рушилась, Священный Союзъ, а вмѣстѣ съ нимъ и доминирующее положеніе русской имперіи сравнительно съ Австріей и Пруссіей, былъ возстановленъ во всей силѣ. И милостиво разрѣшенныя «ангеломъ-хранителемъ, ангеломъ мира Австріи»—такъ прославляли князя Шварценберга въ своихъ привѣтственныхъ адресахъ города Австріи—конференціи въ Берлинѣ и Дрезденѣ имѣли въ виду простой возвратъ къ старой союзной конституціи. Франкфуртскій бундестагъ возобновилъ въ маѣ 1851 г. свою прежнюю дѣятельность; вмѣстѣ съ нимъ вернулся и старый споръ между сторонниками великой Германіи, прусской гегемоніи и триединаго государства. Но высшаго тріумфа достигъ Шварценбергъ въ Дрезденѣ, когда ему удалось заключить союзный договоръ, въ силу котораго Пруссія гарантировала имперіи на три года защиту ея итальянскихъ владѣній, таившихъ серьезную опасность для Австріи. Не удалось Шварценбергу только разрушить таможенный союзъ—это цѣнное завоеваніе для будущаго Германіи.

Едва ли Австрія добилась бы столь поразительнаго успѣха, если бы въ декабрѣ 1848 г. не произошла перемѣна на тронѣ. Князь Шварценбергъ, душа «твердой власти», поставившей себѣ задачей подавленіе революціи, его тесть князь Виндишгрецъ, «освободитель» Вѣны, и честолюбивая эрцгерцогиня Софія, супруга эрцгерцога Франца-Карла, второго сына императора Франца I, не могли скрыть отъ себя того обстоятельства, что слабому, инертному старцу-императору не подъ силу будетъ справиться съ бурями, грозившими всему государственному и монархическому порядку; поэтому они уговорили императора Фердинанда, совершенно разслабленнаго со времени кровавыхъ мартовскихъ дней, отказаться отъ престола въ пользу своего племянника, восемнадцатилѣтняго Франца-Іосифа, сына эрцгерцогини Софіи. 2 декабря 1848 г. былъ совершенъ торжественный актъ отреченія отъ престола въ Ольмюцѣ. «Я это охотно сдѣлалъ»,—сказалъ добродушный старый императоръ, обнимая своего племянника. Кто бы могъ въ тѣ бурные дни подумать, что этому молодому государю въ продолженіе шестидесяти лѣтъ удастся сдержать—хотя и не безъ тяжелыхъ потерь—взаимно отталкивающіяся части имперіи! Самый фактъ перемѣны на тронѣ приходилось защищать отъ нападокъ опасныхъ враговъ. Венгрія, которая послѣ императорскаго манифеста 7 ноября, направленнаго противъ Кошута, пошла по пути полнаго отдѣленія отъ имперіи, объявила отреченіе Фердинанда вынужденнымъ, а вступленіе на престолъ Франца-Іосифа недѣйствительнымъ. 13 декабря выпущено было національное воззваніе противъ «революціонера и врага страны», Франца-Іосифа.

Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ отдѣльная личность не оказывала столь рѣшительнаго вліянія на ходъ событій, какъ личность Людвига Кошута въ Венгріи. Имъ былъ подготовленъ и проведенъ насильственный переворотъ 1848 г.; ему мадьяры обязаны, несмотря на пораженіе революціи, всѣми завоеваніями новѣйшаго времени. Лишь пламенное краснорѣчіе Кошута могло обезпечить демократическимъ идеямъ побѣду въ государствѣ со столь рѣзко выраженнымъ аристократическимъ характеромъ, а только съ помощью этихъ идей мадьярская нація могла завоевать исключительное господство въ Венгріи. Уже въ 1847 г. возникли серьезныя разногласія между правительствомъ и сословіями по поводу военнаго набора, реформы городского управленія, таможеннаго союза съ Австріей и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Споръ еще сильнѣе обострился съ тѣхъ поръ, какъ февральская революція въ Парижѣ и возстаніе въ Вѣнѣ вызвали страстное возбужденіе и въ венгерскихъ оппозиціонныхъ клубахъ. 12 сентября Кошутъ, объявившій себя диктаторомъ, призывалъ отечество къ оружію; образованіе отдѣльнаго отъ австрійской имперіи венгерскаго королевства должно было быть результатомъ начавшейся борьбы. Убійство генерала Ламберга на цѣпномъ мосту между Пештомъ и Офеномъ должно было послужить сигналомъ къ началу возстанія. Императорскія войска были разбиты въ нѣсколькихъ сраженіяхъ; это подняло духъ партіи Кошута. Вступленіе на престолъ Франца-Іосифа сообщило возстанію и характеръ законности, ибо мадьяры могли ссылаться на то, что нельзя располагать трономъ мадьярской націи безъ вѣдома послѣдней. Послѣ ряда сраженій, происходившихъ съ перемѣннымъ счастьемъ, зимняя военная кампанія закончилась полной побѣдой гонведовъ. 14 апрѣля 1849 г. на ландтагѣ въ Дебречинѣ Кошутъ провозгласилъ независимость Венгріи вмѣстѣ съ Трансильваніей и объединенными королевствами Хорватіей, Славоніей и Далмаціей. Габсбургско-Лотарингская династія была объявлена лишенной всѣхъ правъ и на вѣчныя времена изгнанной изъ венгерскаго государства. Послѣ взятія штурмомъ офенской крѣпости 21 мая вся Венгрія была уже совершенно свободной. Но тутъ на сцену выступилъ болѣе сильный противникъ. Русскій императоръ Николай, въ видахъ обезпеченія своей имперіи отъ революціонной заразы, приказалъ двинуть въ Венгрію свои войска подъ начальствомъ Паскевича. Къ тому же и въ самой Венгріи имѣлось значительное количество противниковъ объявленной Кошутомъ независимости; къ нимъ принадлежалъ и побѣдоносный вождь защитниковъ отечества Артуръ Гергей. Сыздавна питая непріязнь къ «хвастуну» Кошуту, онъ соединился съ друзьями мира изъ партіи магнатовъ. Расколъ между правительствомъ и военнымъ начальникомъ, разумѣется, долженъ былъ вредно отразиться на ходѣ борьбы. И, дѣйствительно, венгерское дѣло вскорѣ оказалось въ безнадежномъ положеніи; гонведы очутились лицомъ къ лицу съ удвоенными боевыми силами—австрійцами и русскими. Крупной заслугой Гайнау передъ Австріей нужно признать тотъ фактъ, что онъ нѣсколькими ударами, быстро слѣдовавшими одинъ за другимъ, разбилъ повстанцевъ, прежде чѣмъ Паскевичъ вмѣшался въ борьбу. Несмотря на это, плоды побѣды совершенно

Сдача Гергея русскимъ войскамъ на Вилагошскомъ полѣ.

Взятіе Офенской крѣпости.

незаслуженно попали въ руки русскимъ. Кошутъ бѣжалъ на турецкую территорію, закопавъ предварительно королевскую корону св. Стефана у Оршовы. 13 августа Гергей сдался со всей арміей русскимъ на Вилагошскомъ полѣ. Это было единственнымъ средствомъ прекратить дальнѣйшее безполезное кровопролитіе; тѣмъ не менѣе, герой Оцоры и Офена въ глазахъ національной партіи сталъ измѣнникомъ. Послѣ подавленія возстанія надъ скованной страной нависла свинцовая туча необузданнаго деспотизма. Въ исторіи Австріи можно указать немало примѣровъ, какъ за совершенно равнодушнымъ отношеніемъ правительства къ событіямъ непосредственно слѣдовали проникнутыя чувствомъ безграничной мести правительственныя репрессіи. Фельдцейхмейстеръ Гайнау дѣйствовалъ по отношенію къ дворянству, горожанамъ и крестьянамъ съ драконовскою строгостью. Венгерская національная армія была распущена и раскассирована по отдѣльнымъ частямъ Австріи. Хотя и было возвѣщено о примѣненіи къ Венгріи и смежнымъ съ нею землямъ австрійской конституціи 4 марта 1849 г., но важныя части послѣдней вскорѣ были отмѣнены королевскими указами; 31 декабря 1851 г. вся конституція имперіи была уничтожена, и, вмѣсто нея, былъ введенъ крутой режимъ абсолютистско-централистическаго управленія.

Подъ вліяніемъ освободительнаго движенія, широкой волной пронесшагося по всей Европѣ, и въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, какъ уже выше было сказано, негодованіе противъ иноземнаго владычества разразилось открытымъ возстаніемъ. Сардинскій король Карлъ-Альбертъ (Il re Tentenna—король—переметная-сума, какъ его называли въ насмѣшку) вынужденъ былъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія прійти на помощь своимъ ломбардскимъ братьямъ. Предводитель императорскихъ войскъ, 82-лѣтній Радецкій, занялъ прочную позицію, прикрытый четырьмя крѣпостями у Вероны, среди фанатически враждебнаго населенія, въ ожиданіи момента, когда необходимыя подкрѣпленія дадутъ ему возможность оказать надлежащее сопротивленіе своимъ противникамъ. Побѣда при Виченцѣ (10 іюня 1848 г.) спасла Венецію; послѣ второй побѣды при Кустоццѣ (25 іюля 1848 г.) австрійцы снова вступили въ Миланъ. Франція и Англія предложили свое посредничество. Но Карлъ-Альбертъ, котораго итальянскіе патріоты всего нѣсколько недѣль тому назадъ прославляли какъ щитъ Италіи, какъ короля-освободителя, а послѣ пораженія заклеймили именемъ измѣнника, въ порывѣ отчаянія рѣшился продолжать борьбу. Радецкій прибѣгалъ къ маневрамъ, дѣлая видъ, что желаетъ лишь, окруженный четыреугольникомъ крѣпостей, занять оборонительное положеніе; втайнѣ же онъ приготовлялъ внезапное нападеніе на непріятеля съ фланга. 23 марта 1849 г. произошла рѣшительная битва при Новарѣ. Военное счастье снова повернулось противъ Карла-Альберта. Вечеромъ сардинцы оказали послѣднее сопротивленіе у деревни Ла Бикока. Король поставилъ себя мишенью противъ непріятельскихъ батарей, но смерть пренебрегала этой жертвой. Просьба о перемиріи была съ горькимъ презрѣніемъ отвергнута Радецкимъ. Тогда Карлъ-Альбертъ рѣшилъ облегчить странѣ принятіе унизительныхъ условій отреченіемъ отъ престола. Онъ передалъ власть своему старшему

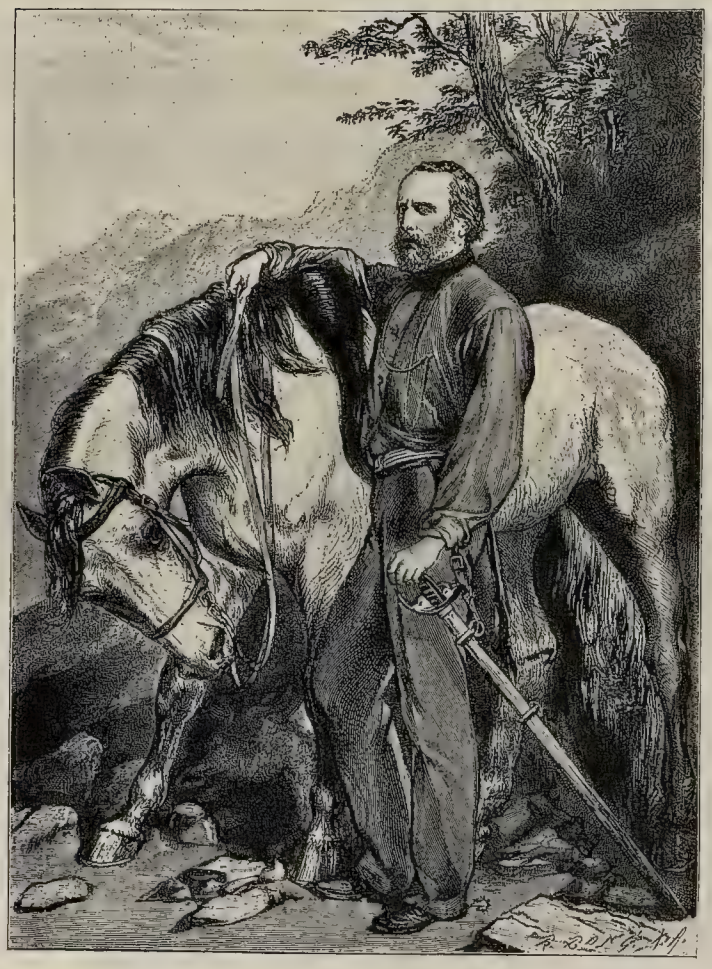
сыну Виктору-Эммануилу и отправился въ добровольное изгнаніе въ Опорто, гдѣ черезъ нѣсколько недѣль скончался. Это былъ государь, воспитанный въ духѣ меттерниховской эпохи, безсильный приспособиться къ идеямъ новаго времени; какъ правитель и какъ военачальникъ, онъ не обладалъ необходимыми для героя возрожденія Италіи способностями. Но честность его побужденій и трагизмъ его судьбы ставили его въ ряды мучениковъ объединительнаго движенія. Чѣмъ тяжелѣе сказывался полицейскій режимъ, снова насажденный въ итальянскихъ провинціяхъ, тѣмъ страстнѣе ждали патріоты своего освобожденія. На этотъ разъ не отъ отдѣльнаго свободнаго государства, а отъ національной династіи, отъ Пьемонтскаго дома.

Старому Радецкому и его войскамъ были обязаны не только сохраненіемъ за Австріей ея итальянскихъ владѣній, — въ немъ приверженцы легитимизма видѣли также и укротителя революціи, передового бойца за Священный союзъ.

Давно уже ясно стало, что надежда Джоберти и партіи реформъ поставить примиреннаго съ требованіями новаго времени папу во главѣ итальянскаго объединительнаго движенія была простой иллюзіей. Изъ цитадели традицій папа Пій IX ничего новаго не могъ предложить, если бы даже онъ искренно желалъ этого. Когда парижская революція начала свое побѣдоносное шествіе по Европѣ, то и верховный глава папской области также вынужденъ былъ пойти на нѣкоторыя уступки какъ бы конституціоннаго характера; противъ Австріи были даже мобилизованы папскіе солдаты. Но всѣ эти шаги не имѣли никакого серьезнаго значенія. Папа рѣшительно отказался предоставить свѣтскому элементу сколько-нибудь существенное участіе въ управленіи; столь же мало было у него и желанія вмѣшиваться въ войну съ Австріей, ибо, согласно своему апостолическому достоинству, «онъ долженъ подъ сѣнью своей любви одинаково хранить всѣ племена, народы и націи». Поворотъ въ сторону реакціи вызвалъ въ Римѣ чрезвычайное возбужденіе. Для успокоенія общественнаго мнѣнія во главѣ министерства былъ поставленъ свободомыслящій графъ Росси. Послѣдній добросовѣстнымъ образомъ старался достигнуть примиренія между папскимъ авторитетомъ и конституціонной свободой. Но радикальная партія нисколько не была этимъ удовлетворена. 5 ноября министръ былъ убитъ кинжаломъ анархиста Константини на ступеняхъ лѣстницы папской канцеляріи; самъ папа Пій долженъ былъ въ каретѣ, въ сопровожденіи баварскаго посланника графа Шпаура, бѣжать отъ фанатизированной черни въ Гаэту. Послѣ этого въ Римѣ была провозглашена демократическая республика; Мадзини, Армеллини и Саффи приняли диктаторскую власть. Душою тріумвирата былъ Мадзини, человѣкъ необыкновенной энергіи, неумолимый къ себѣ и другимъ, революціонеръ, воодушевленный, подобно Росмини, Бальбо, Азельо, беззавѣтной любовью къ Италіи, но поклонникъ заговоровъ и иныхъ тайныхъ путей и считавшій свободную республику единственною своею цѣлью.

Быть-можетъ, новое правительство въ Римѣ и упрочилось бы, если бы бѣглый папа не нашелъ себѣ могучаго защитника въ лицѣ прежняго союз-

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ



ника карбонаріевъ, президента французской республики, Луи-Наполеона. Въ то время, какъ дядя послѣдняго нѣкогда увезъ папу Пія VII изъ Рима въ качествѣ плѣнника, его племянникъ предоставилъ въ распоряженіе верховнаго главы церкви французскую вооруженную силу, за что Ледрю-Ролленъ заклеймилъ въ національномъ собраніи президента республики измѣнникомъ предъ отечествомъ и всѣмъ человѣчествомъ. Выраженная при этомъ Наполеономъ надежда, что сами римскіе либералы встрѣтятъ своихъ латинскихъ братьевъ какъ избавителей отъ гнета анархіи, была не чѣмъ инымъ, какъ самообманомъ. Когда экспедиціонный корпусъ подъ начальствомъ Удино подошелъ къ Риму, римское національное собраніе уполномочило тріумвиратъ отвѣтить на силу силою. Хотя городъ былъ защищенъ почти только полуразрушенными стѣнами, безъ рвовъ и внѣшнихъ укрѣпленій, тѣмъ не менѣе, защитники его оказали упорнѣйшее сопротивленіе. Здѣсь на авансцену европейской исторіи впервые выступилъ Джузеппе Гарибальди, этотъ неподражаемый мастеръ въ партизанской войнѣ, знаменитѣйшій кондотьери новаго времени. Историкъ Трейчке называетъ героя Капреры единственной исторической фигурой, достойной сравненія съ Жанной д'Аркъ. Въ Римѣ Гарибальди на дѣлѣ показалъ то непобѣдимое вліяніе, которымъ онъ умѣлъ обращать и юношу, и старца, и богача, и бѣдняка въ пламенныхъ патріотовъ и самоотверженныхъ защитниковъ отечества. Осада Рима продолжалась цѣлый мѣсяцъ. Лишь послѣ того, какъ французамъ удалось ночью занять важнѣйшіе пункты оборонительной линіи, муниципалитетъ вступилъ въ переговоры; Гарибальди поспѣшно отступилъ съ нѣсколькими тысячами черезъ ворота Санъ-Джованни; 3 іюля французы вступили въ городъ, обнародованіе въ этотъ моментъ республиканской конституціи было только пустой комедіей. Удино передалъ папѣ ключи отъ побѣжденнаго города; но только годъ спустя, выместивъ предварительно на радикальной и національной партіяхъ свою злобу, несмотря на противодѣйствіе французскаго гарнизона, папа Пій IX вернулся въ Римъ, встрѣченный гробовымъ молчаніемъ народа.

Особенно стремительный поворотъ отъ конституціонной политики къ политикѣ династическаго абсолютизма пережило королевство Обѣихъ Сицилій. Чтобы охранить Неаполь отъ распространенія на него сицилійскаго возстанія, король Фердинандъ II приказалъ поднять трехцвѣтное знамя, были созваны народные представители, и посланъ былъ даже военный корпусъ «для очищенія гесперійскаго сада отъ вторгнувшихся варваровъ». Но перемѣна не заставила себя долго ждать. Когда обнаружилось, что Радецкій побѣдилъ сардинскаго короля, связавшаго свою судьбу съ революціей въ Миланѣ и Венеціи, и что роль Австріи въ Италіи еще не закончена, король Фердинандъ отказался отъ всѣхъ своихъ демократическихъ обѣщаній, а многочисленныя возстанія были подавлены при помощи вѣрныхъ и храбрыхъ швейцарскихъ гвардейцевъ. Въ сентябрѣ Мессина была обстрѣляна одновременно съ цитадели и съ королевскаго флота. Половина города была превращена въ развалины. Военныя дѣйствія, производившіяся съ возмутительнымъ нарушеніемъ всѣхъ военныхъ обычаевъ, побудили западныя державы пред-

ложить свое посредничество, но безуспѣшно. Слѣдующей весной генералъ Филанджьери разбилъ при Катаніи сицилійцевъ и иностранный легіонъ, предводительствуемый полякомъ Мѣрославскимъ. 15 апрѣля побѣдитель, возведенный въ достоинство герцога Таормины и намѣстника Сициліи, совершилъ свой въѣздъ въ Палермо, и весь островъ былъ покоренъ. Съ возстановленіемъ прежняго положенія въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій было уничтожено все, напоминавшее о существованіи конституціи. Съ повстанцами же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вожаковъ, обошлись снисходительно. Разстроеннымъ финансамъ была оказана помощь по мѣрѣ силъ; нельзя сказать, что правительство было очень дурно, тѣмъ не менѣе, оно внушало населенію ненависть. Королевство стало главнымъ очагомъ тайныхъ заговоровъ. Но на первыхъ порахъ умолкъ шумъ военнаго оружія, и въ мелкихъ государствахъ полуострова побѣдилъ порядокъ. Италія снова стала, какъ этого желалъ Меттернихъ, лишь «географическимъ терминомъ».

4. Вторая имперія и европейскія державы.

Вопросъ о признаніи второй имперіи долгое время стоялъ на первомъ планѣ европейской политики. Великобританія, Нидерланды, Сардинія, Неаполь, Испанія и Швеція, а также нѣкоторыя мелкія нѣмецкія государства безъ колебаній признали имперію. Напротивъ, отношеніе къ этому вопросу со стороны восточныхъ державъ долгое время оставалось двусмысленнымъ. Передъ государственнымъ переворотомъ Наполеонъ, черезъ своего довѣреннаго Персиньи, предложилъ Берлину союзъ противъ общаго противника—Австріи, которая стояла поперекъ пути французскимъ интересамъ въ Италіи и прусскимъ въ Германіи. «Сама природа вещей—говорилъ Персиньи,—требуетъ политической реорганизаціи Италіи и Германіи на національныхъ началахъ; для насъ было бы громаднымъ выигрышемъ устранить Австрію изъ Италіи; пусть страна устраивается согласно своимъ собственнымъ желаніямъ. Если вы намъ поможете въ этомъ, то мы безусловно согласимся съ тѣмъ, чтобы Германія конституировалась соотвѣтственно своимъ національнымъ стремленіямъ». «Въ этихъ словахъ — говоритъ Зибель—сказалась вся система Луи-Наполеона, которую онъ съ непоколебимою послѣдовательностью проводилъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія». Пруссіи теперь представился прекрасный случай отомстить за пораженіе при Ольмюцѣ; но Фридрихъ-Вильгельмъ IV, считавшій Ольмюцъ не пораженіемъ, а славной жертвой, принесенной на алтарь германскаго единства, въ вѣжливой, но рѣшительной формѣ отклонилъ предложеніе Персиньи. Обратился ли послѣ этого отказа въ Потсдамѣ агентъ Наполеона съ подобнымъ же предложеніемъ къ австрійскому послу въ Берлинѣ барону Прокешу,—этого рѣшительно утверждать нельзя. Разсчитывать на сочувственное отношеніе къ нему въ Вѣнѣ Наполеонъ также не могъ, ибо стоявшіе у кормила правленія завзятые консерваторы

были отдѣлены пропастью отъ булонскаго авантюриста и его «клевретовъ, отличавшихся отъ вождей итальянскихъ шаекъ лишь большимъ числомъ нашивокъ». Но такъ какъ Наполеонъ сокрушилъ соціалистовъ, то за эту заслугу князь Шварценбергъ готовъ былъ признать всѣ послѣдствія 2 декабря, какъ бы противно ни было старымъ династіямъ принять «подобнаго индивидуума» въ свою среду въ качествѣ равнаго себѣ члена. Лично Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ бы склоненъ отказать въ признаніи; особенно возмущало его то, что Наполеонъ назвалъ себя третьимъ, возстановляя такимъ образомъ, вопреки европейскимъ договорамъ, право наслѣдованія герцога Рейхштадтскаго. Но, въ концѣ концовъ, онъ готовъ былъ «проскользнуть мимо нумера»; во вниманіе къ заслугамъ императора передъ общественнымъ порядкомъ онъ велѣлъ заявить въ Парижѣ, что сохранитъ свои старыя дружественныя отношенія къ Франціи. Хотя царь Николай согласился на признаніе Наполеона, но въ Парижѣ сочли тяжкимъ оскорбленіемъ форму обращенія къ монарху Франціи не какъ къ брату или кузену, а какъ къ «доброму другу». Еще долгое время спустя сказывалась натянутость отношеній между Россіей и Наполеономъ, и это не осталось безъ нѣкотораго вліянія на возникновеніе крымской кампаніи, подобно тому, какъ уклончивое поведеніе Россіи послѣ провозглашенія первой имперіи имѣло отчасти своимъ послѣдствіемъ войну 1805 г. По иниціативѣ Шварценберга, между союзными державами, участвовавшими въ освободительной борьбѣ для низверженія страшнаго врага Наполеона I, начались переговоры въ Лондонѣ по вопросу о соблюденіи договоровъ 1815 г. Результатомъ этихъ переговоровъ явилось заявленіе Наполеона о преданности дѣлу мира, принятое державами къ свѣдѣнію съ чувствомъ глубокой радости. Общественное мнѣніе Европы въ общемъ благопріятно отнеслось къ имперіи. Въ Англіи и Германіи имя Наполеона на многихъ оказывало еще магическое дѣйствіе, другіе смотрѣли на героя 2 декабря какъ на оплотъ буржуазіи и порядка. Такъ какъ и во Франціи симпатіи оппозиціонныхъ элементовъ были пріобрѣтены умѣлымъ соблюденіемъ демократическихъ формъ и постоянной заботой о матеріальныхъ интересахъ, то вторая имперія очень скоро упрочилась какъ внутри, такъ и извнѣ.

Въ дѣйствительности о конституціонномъ режимѣ не могло быть и рѣчи. Законодательному корпусу и сенату оставлена была лишь тѣнь власти. Управленіе отличалось болѣе наружнымъ блескомъ, чѣмъ внутренними достоинствами. Торговля и промышленность были освобождены отъ нѣкоторыхъ, сковывавшихъ ихъ путъ, и правительство—лучшее мѣрило разумной правительственной политики—много заботилось объ обработкѣ пустошей, осушкѣ болотъ и облѣсеніи склоновъ горъ въ Провансѣ, гдѣ въ эпоху революціи значительно были вырублены лѣса. Промышленники и художники радовались благодѣтельному факту возстановленія Парижа какъ центра роскоши—и съ какимъ искусствомъ умѣли Наполеонъ и Евгенія поддерживать блескъ своего двора! Безпрерывной чередою смѣнялись придворныя празднества костюмированными балами, живыми картинами и театральными представленіями, въ кото-

рыхъ участвовали лица изъ «общества». Колоссальныя суммы затрачивались на превращеніе Парижа—и, конечно, цѣною утраты историческаго, самобытнаго его значенія—въ дѣйствительно великій городъ, въ столицу европейской культуры, въ Эльдорадо космополитической свѣтской жизни. Перестройкой Парижа достигалось и то, что, вмѣсто старыхъ, извилистыхъ городскихъ улицъ, были проложены широкія и длинныя, которыя уже не могли доставлять опаснаго матеріала для баррикадъ и которыя легко могли быть очищены конницею и картечью. Искусство отличалось больше крикливостью, нежели достоинствомъ, элегантность цѣнилась выше истинной красоты; большинство созданій второй имперіи, какъ, напр., столь прославленное зданіе оперы, кажутся намъ въ настоящее время слишкомъ крикливыми, мало выразительными, громоздкими. Наука, искусство, литература встрѣчали самую широкую и щедрую поддержку со стороны императора: вызывались къ жизни и поощрялись многочисленныя литературныя и научныя предпріятія, задуманныя въ крупномъ масштабѣ. Тѣмъ не менѣе, ни Тьеръ, ни Викторъ Гюго, ни другіе носители славнѣйшихъ именъ Франціи не примирились съ имперіей; Institut de France также уклонялся отъ милостей императора; при этомъ личные мотивы играли, конечно, болѣе значительную роль, нежели политическія и экономическія соображенія. Но громадное большинство населенія было ослѣплено блескомъ двора и особенно головокружительнымъ успѣхомъ внѣшней политики. Смѣлая и все увеличивавшаяся въ своихъ размѣрахъ биржевая спекуляція вначалѣ дала благодѣтельный толчокъ торговлѣ и промышленности; заработная плата повысилась, и рабочіе получали хорошее вознагражденіе. Растущему благополучію дѣльцовъ, повидимому, надолго былъ обезпеченъ дальнѣйшій счастливый успѣхъ, ибо въ рѣчахъ императора никогда не было недостатка въ заявленіи о твердомъ желаніи сохраненія мира. Дѣйствительно, если исключить натянутость между парижскимъ и петербургскимъ дворами,—то нельзя было указать ни одного признака враждебныхъ отношеній между европейскими кабинетами.

И все-таки на востокѣ Европы, въ тотъ моментъ, когда Парижъ готовился къ празднику народовъ—къ первой международной выставкѣ,—назрѣвалъ конфликтъ, который долженъ былъ привести къ войнѣ, какой Европа не видѣла уже со времени Наполеона I. Поводомъ къ ней послужилъ ничтожный споръ между римскими и греческими монахами въ Виѳлеемѣ. Царь Николай вступился за своихъ единовѣрцевъ, тогда какъ Порта взяла подъ свою защиту латинскихъ монаховъ. Для сообщенія своимъ требованіямъ въ Стамбулѣ большей рѣшительности императоръ Николай двинулъ въ іюлѣ 1853 г. свои войска черезъ Прутъ. Истинныя цѣли этого шага были вполнѣ очевидны. Николай I полагалъ, что наступилъ моментъ, благопріятный для возобновленія традиціонной политики своей династіи—политики борьбы съ Турціей. Съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ смотрѣлъ онъ на остальныя державы. Всѣ европейскія правительства, за исключеніемъ англійскаго, пережили въ послѣдніе годы рядъ униженій; напротивъ, Россія осталась въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было болѣе или менѣе серьезныхъ внутреннихъ потрясеній. Отсюда дѣлался вы-

водъ, что русская система, основанная на господствѣ сильной власти, служитъ лучшей гарантіей побѣды.

Такъ какъ царю, несмотря на все его желаніе, не удалось найти союзниковъ, то споръ между Россіей и Портой могъ бы закончиться еще мирнымъ образомъ, если бы партія войны въ тюльерійскомъ дворцѣ не пріобрѣла господствующаго вліянія. Наполеонъ, опираясь на какой-то старинный документъ, предоставлявшій Франціи право покровительства надъ латинскими христіанами на Востокѣ, послалъ царю составленное въ оскорбительномъ тонѣ предостереженіе. Князь Шварценбергъ не совсѣмъ правильно разсуждалъ, когда, характеризуя президента Бонапарта, приходилъ къ заключенію, что этотъ человѣкъ никогда не вступитъ на путь завоевательной политики, которымъ шелъ его знаменитый тезка. Франція, какъ неоднократно повторялъ Наполеонъ, должна не только шествовать во главѣ цивилизаціи, но и добиться преобладанія надъ остальными европейскими державами, достигнуть же подобной гегемоніи безъ военныхъ успѣховъ, конечно, было невозможно. Эти стремленія были живы не только въ душѣ императора, но и въ душѣ народа. Даже старый революціонеръ Барбесъ, товарищъ Фіески по заговору, писалъ одному изъ своихъ друзей по поводу конфликта съ царемъ: «Со времени Ватерлоо мы, французы, побѣждены Европой; чтобы сдѣлать что-либо путное даже внутри страны, мы должны снова показать иностранцамъ, что есть еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ! Я жалѣю нашу партію, если среди нихъ находятся люди, иначе думающіе»!

Англія съ давнихъ поръ ставила себѣ задачей ограждать Турцію отъ поползновеній Россіи. Вотъ почему домогательства Наполеона нашли для себя въ Лондонѣ благодарную почву. Вѣнскій дворъ объявилъ о своемъ желаніи соблюдать безусловный нейтралитетъ въ восточномъ кризисѣ. Не вѣнскія соображенія о выгодѣ или опасности занятой позиціи руководили имъ въ этомъ случаѣ и даже не мотивы вѣроисповѣднаго характера, — объявленіе нейтралитета было обязательствомъ, возложеннымъ банками на императорское правительство, постоянно угрожаемое призракомъ банкротства. Дружественныя отношенія, связывавшія монарховъ Пруссіи и Россіи, давали сильное основаніе предполагать, что обѣ державы заключатъ между собою союзъ противъ западныхъ державъ. Однако, Фридрихъ-Вильгельмъ далъ въ Лондонѣ обѣщаніе не вмѣшиваться въ восточный вопросъ, если только Англія согласится обезпечить неприкосновенность нѣмецкихъ границъ отъ угрозы со стороны того, что король называлъ «уэльской измѣной». Одаренный богатымъ и широко воспріимчивымъ умомъ и именно поэтому постоянно колеблющійся въ своихъ основныхъ политическихъ взглядахъ, чреватыхъ самыми неожиданными рѣшеніями, Фридрихъ-Вильгельмъ считалъ себя въ эту тяжелую годину европейскаго кризиса призваннымъ къ посреднической роли «глашатая мира». Но всѣ попытки побудить «отнюдь не честолюбиваго царя» къ почетному отступленію ни къ чему не привели.

12 марта 1854 г. представители Франціи и Англіи подписали въ Константинополѣ договоръ, въ силу котораго западныя державы гарантировали

Портѣ достаточную вооруженную помощь. Тогда, какъ часто и впослѣдствіи, о боевыхъ силахъ Россійской имперіи имѣли крайне преувеличенное представленіе; казалось, сѣверному колоссу не стоило большого труда придушить «больного человѣка на Золотомъ Рогѣ». Однако, уже въ самомъ началѣ войны обнаружилось, что хотя органы русской имперіи и отличались громадными размѣрами и силою, они не обладали достаточною подвижностью, чтобы быстро покончить съ Турціей, вовсе уже не столь слабой, какъ это себѣ представляли. Осада дунайскихъ княжествъ русскими войсками вызвала такую тревогу въ Австріи, увидѣвшей въ этомъ угрозу своимъ наиболѣе жизненнымъ интересамъ, что она заключила договоръ съ Портой, въ силу котораго обязалась защищать дунайскія княжества и «не препятствовать» движеніямъ турецкой и англо-французской арміи. Прусское же правительство, напротивъ, вѣжливо отклонило предложеніе воюющихъ державъ, приглашавшихъ его присоединиться къ ихъ «Союзу защиты», такъ какъ «при безпристрастной оцѣнкѣ положенія трудно было бы не признать въ поведеніи Россіи искренняго желанія мирнаго исхода». Прусскій уполномоченный бундестага Отто фонъ-Бисмаркъ, въ которомъ его коллеги видѣли лишь остроумнаго эпикурейца и самаго заядлаго абсолютиста, старался по мѣрѣ силъ предупредить войну между Пруссіей и Россіей въ угоду Австріи, «къ грѣхамъ которой,—говорилъ Бисмаркъ,—король относился съ такой снисходительностью, какой я желалъ бы со стороны нашего Господа-Бога къ моимъ». Когда французскій посланникъ, предостерегая своего прусскаго коллегу, замѣтилъ: «Эта политика приведетъ васъ къ Іенѣ!», то Бисмаркъ спокойнымъ тономъ возразилъ: «А почему не къ Лейпцигу и Ватерлоо»?

Бундестагъ въ существенныхъ пунктахъ примкнулъ къ прусскимъ взглядамъ, но «во вниманіе къ опасному положенію Европы», рѣшилъ мобилизовать союзныя войска.

Зато къ союзу западныхъ державъ присоединилась Сардинія; этотъ шагъ для національнаго развитія Италіи имѣлъ весьма крупное значеніе. Чтобы облегчить латинскимъ монахамъ добиться ключей въ обѣтованной землѣ, а въ сущности для того, чтобы помѣшать тѣсному сближенію Австріи съ западными державами, графъ Кавуръ примкнулъ къ англо-французскому союзу. Этимъ Пьемонтъ пріобрѣлъ право разсчитывать на поддержку своихъ національныхъ плановъ.

Хотя въ первыхъ сраженіяхъ въ Дунайской области русскіе, подъ главнымъ начальствомъ престарѣлаго Паскевича, и добились нѣкоторыхъ успѣховъ, но, съ одной стороны, грубыя злоупотребленія въ русскомъ военномъ управленіи, а съ другой—нежеланіе затронуть Австрію помѣшали рѣшительному успѣху русскихъ, силы которыхъ превосходили противниковъ. Крѣпость Силистрія не могла быть взята, и, чтобы не толкнуть Австрію окончательно на сторону противниковъ, императоръ Николай снова отозвалъ свои войска съ турецкой территоріи. Главное командованіе надъ не особенно значительными боевыми силами западныхъ державъ принялъ на себя французъ Сентъ-Арно, который за покорную поддержку, оказанную имъ перевороту 2 декабря,

получилъ маршалскій жезлъ. Это былъ храбрый солдатъ, но бездарный полководецъ. Хотя Наполеонъ предпочелъ бы открыть кампанію въ Польшѣ, а Турціи предоставить задачу изгнанія русскихъ изъ Кавказа, тѣмъ не менѣе, военный совѣтъ рѣшилъ избрать театромъ военныхъ дѣйствій Крымскій полуостровъ. Англійскій главнокомандующій лордъ Рагланъ тѣмъ охотнѣе присоединился къ предложенію Сентъ-Арно, что надѣялся въ Крыму нанести смертельный ударъ русской военно-морской силѣ на Черномъ морѣ. Оборона Крымскаго полуострова была совершенно недостаточна, когда 1 сентября въ виду Евпаторіи появился флотъ изъ трехсотъ турецкихъ и западно-европейскихъ кораблей съ шестидесятитысячнымъ войскомъ. Попытка русскихъ остановить движеніе союзниковъ къ Севастополю привела къ битвѣ при Алмѣ, закончившейся отступленіемъ нападающихъ, похожимъ на бѣгство. Внезапное нападеніе побѣдителей на Севастополь привело бы, вѣроятно, къ паденію этой важной крѣпости безъ значительныхъ жертвъ, но тяжкая болѣзнь Сентъ-Арно ослабила энергію въ лагерѣ союзниковъ. Между тѣмъ русскіе получили сильныя подкрѣпленія, и Севастополь, съ которымъ въ началѣ осады можно было бы покончить однимъ ударомъ, былъ превращенъ геніемъ инженеръ-подполковника Тотлебена въ первоклассную крѣпость. Цѣлый годъ держалась крѣпость противъ соединенныхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ союзниковъ. Два русскихъ отряда, посланныхъ на выручку осажденнымъ, были разбиты при Балаклавѣ и Инкерманѣ. Съ наступленіемъ русской зимы со всѣми ея ужасами трудно было сказать, гдѣ опустошительнѣе свирѣпствовали болѣзни и смерть—въ городѣ ли, или въ лагерѣ осаждавшихъ, не приготовившихся къ столь затянувшейся кампаніи. На остальныхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій серьезныхъ столкновеній не происходило. Посланный въ Балтійское море англо-французскій флотъ не рѣшился напасть на Кронштадтъ, и лишь корпусу подъ начальствомъ Бараге д'Илье, высадившемуся на Аландскихъ островахъ, удалось взять крѣпость Бомарзундъ. Штурмъ Меньшикова на Евпаторію, занятую Омеръ-пашою, былъ отбитъ въ февралѣ 1855 г., но набѣгъ англичанъ на Камчатку не имѣлъ успѣха. Въ самомъ разгарѣ войны царь Николай скончался.

Союзъ западныхъ державъ, угрожающее поведеніе Австріи, неожиданныя неудачи русскаго оружія, занятіе русской территоріи турками и французами,—всѣ эти удары съ страшною силою обрушились на русскаго императора. Былой ореолъ разсѣялся, и слабость колосса выступила въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ. Но гордость не допускала и мысли о сдачѣ. Снѣдаемый тяжелыми внутренними волненіями, царь слегка заболѣлъ. Неумолимо строгій къ самому себѣ, какъ и къ другимъ, онъ не обратилъ вниманія на свое недомоганіе, а между тѣмъ лихорадка подточила его желѣзный организмъ, и 2 марта (18 февраля ст. ст.) 1855 г. Николай Павловичъ скончался.

Его преемникъ Александръ II вступилъ въ переговоры съ западными державами, которыя до взятія Севастополя и думать не могли объ окончаніи войны. Поэтому осада продолжалась. Тотлебенъ и равный ему по талантамъ генералъ Ниль бились день и ночь подъ землею и надъ

землею. Частыя вылазки русскихъ почти всегда заканчивались настоящими сраженіями. Въ сентябрѣ непріятельскія линіи, наконецъ, приблизились къ городу на такое разстояніе, что можно было приступить къ штурму; французы, подъ начальствомъ Макъ-Магона, взяли Малаховъ курганъ, господствовавшій надъ всѣмъ городомъ, между тѣмъ какъ англичане въ другомъ мѣстѣ были отбиты. День штурма стоилъ союзникамъ 10000, а русскимъ 13000 человѣкъ. Послѣ паденія Малахова кургана Севастополь уже не могъ больше держаться; въ слѣдующую ночь всѣ сооруженія русскихъ были взорваны на воздухъ, суда затоплены въ гавани, и городъ очищенъ. Союзники остались побѣдителями, но большихъ практическихъ послѣдствій это не имѣло. Наполеонъ долженъ былъ сознаться, что продолженіе войны сопряжено съ серьезными опасностями. Поэтому былъ заключенъ миръ. 25 февраля 1856 г. были начаты переговоры въ Парижѣ. «Политика свободныхъ рукъ», какъ опредѣлялъ Фридрихъ-Вильгельмъ свою позицію нейтралитета, должна была, повидимому, нанести смертельный ударъ великодержавному положенію Пруссіи. Несмотря на всѣ свои усилія, Пруссія не получила приглашенія на конгрессъ. Только къ седьмому его засѣданію, гдѣ рѣчь шла о пересмотрѣ европейскаго трактата, въ составленіи котораго принимала участіе и Пруссія, было приглашено и прусское правительство, но изъ ранга великихъ державъ это здоровое и сильное континентальное государство, казалось, было совершенно исключено. Въ дѣйствительности политика Пруссіи, которая не хотѣла принести въ жертву доброе согласіе съ своимъ восточнымъ сосѣдомъ дружбѣ съ Франціей—этому дару данайцевъ—была «дальновиднѣе» колеблющейся системы Австріи. Послѣ заключенія мира Австрія очутилась въ совершенно изолированномъ положеніи: съ Россіей она находилась въ враждебныхъ отношеніяхъ; западнымъ державамъ, которыя еще въ іюнѣ 1855 г. готовы были гарантировать ей ея итальянскія владѣнія, она оставалась чуждой, а Фридрихъ-Вильгельмъ былъ сильно огорченъ «испанской практикой» раньше столь высоко чтимой династіи. Разсматривая группировку державъ въ войнахъ 1859, 1866 и 1870 годовъ, всякій легко можетъ найти нужныя нити къ пониманію политики Австріи и Пруссіи во время Крымской кампаніи.

Парижскій миръ 30 марта 1856 г. возложилъ на Порту обязательство озаботиться путемъ проведенія внутреннихъ реформъ о безопасности и уравненіи въ правахъ христіанскихъ подданныхъ съ мусульманами; этимъ у главы греческой церкви былъ отнятъ поводъ требовать установленія протектората надъ христіанскими подданными падишаха. Далѣе, Россія вынуждена была уступить Турціи устья Дуная съ узкой полосой земли на лѣвомъ берегу, сдать крѣпость Карсъ и согласиться на значительное уменьшеніе своего военнаго флота на Черномъ морѣ. Но Крымъ и всѣ остальныя мѣста на русской территоріи, занятыя западно-европейскими войсками, должны были быть очищены.

Россія подверглась униженію, но безъ ущерба для своего политическаго положенія. Въ Крымской войнѣ дѣло шло не о чести или жизненныхъ интересахъ участвующихъ державъ; движущія ея пружины нужно искать въ особыхъ

Кн. Меньшиковъ. Графъ Нессельроде. Вел. Кн. Александръ. Николай I. Вел. Кн. Константинъ.

НИКОЛАЙ I съ Великими Князьями АЛЕКСАНДРОМЪ и КОНСТАНТИНОМЪ.

Парижскій конгрессъ 1856 г.

1—Графъ Буоль-Шауенштейнъ (Австрія).
2—Фонъ-Гюбнеръ (Садинія).
3—Графъ Кавуръ (Австрія).
4—Графъ Кларендонъ (Англія).
5—Графъ Ф. И. Брунновъ (Россія).
6—Графъ Валевскій (Франція).
7—Графъ Гатцфельдтъ (Пруссія).
8—Али-паша (Турція).
9—Джемиль-бей (Турція).
10—Фонъ Мантейфель (Пруссія).
11—Маркизъ Вилламарина (Сардинія).
12—Графъ Орловъ (Россія).
13—Баронъ Буркенэ (Франція)..
14—Баронъ Ковли (Англія).
15—Графъ Бенедетти (Пруссія).

интересахъ европейскихъ кабинетовъ и державъ. Кровь десятковъ тысячъ людей была пролита напрасно; но Наполеонъ явился въ роли побѣдителя, и ослѣпленные блескомъ побѣды французы не думали о тѣхъ громадныхъ жертвахъ, цѣною которыхъ она была куплена. Льстецы указывали, что пораженіе дяди въ русскихъ снѣгахъ отомщено, и тѣмъ самымъ племянникъ торжественно подтвердилъ свое право на императорскій тронъ. Кто не раздѣлялъ этого увлеченія, тотъ готовъ былъ, по крайней мѣрѣ, признать государственную мудрость Наполеона и даже цѣнить ее выше всякой мѣры. Какъ велико было уваженіе, которымъ онъ пользовался среди европейскихъ государей, доказываютъ многочисленные визиты коронованныхъ особъ и выдающихся государственныхъ людей въ Тюльери. Въ апрѣлѣ 1855 г. человѣкъ 2 декабря самъ былъ гостемъ царственной четы на островѣ Уайтъ; это свиданіе должно было служить свидѣтельствомъ «вѣчной» дружбы, заключенной между первой континентальной и первой морской державами въ тотъ именно моментъ, когда историческій союзъ трехъ восточныхъ державъ оказывался разрушеннымъ въ самомъ основаніи. Съ помощью Англіи Наполеонъ надѣялся достичь своихъ конечныхъ цѣлей. Въ конфиденціальной бесѣдѣ съ принцемъ-супругомъ Альбертомъ онъ заявилъ, что ему совершенно чужда политика завоеваній, но что для упроченія своей династіи на почвѣ примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ Франціи ему необходимо «новое завоеваніе» Бельгіи и лѣваго берега Рейна. Приведенный въ ужасъ этими словами принцъ воскликнулъ: «Но какія потрясенія вызоветъ этотъ планъ, сколько войнъ, сколько катастрофъ! Противодѣйствіе нашего парламента и противодѣйствіе Пруссіи привели бы къ колоссальной войнѣ». «Нисколько!»—возразилъ Наполеонъ. «Дѣло обойдется безъ единаго ружейнаго выстрѣла. Вашему парламенту я дамъ выгодный торговый договоръ, Пруссія же прекрасно пойметъ свои интересы и охотно уступитъ мнѣ 2 милліона душъ, если ей самой въ Германіи возможно будетъ взять 10—12 милліоновъ». Это цинически откровенное заявленіе свидѣтельствуетъ о своекорыстной политикѣ Тюльери. У Наполеона III не было недостатка въ нѣкоторыхъ душевныхъ качествахъ; но ему совершенно чужды были вѣра и уваженіе къ праву и къ моральнымъ силамъ исторіи. Легкомысленнымъ характеромъ отличались также его отношенія къ папству и церкви; онъ еще скрывалъ свое презрѣніе къ этимъ силамъ, но не упускалъ случая, чтобы использовать ихъ для своихъ цѣлей. Таково же было его отношеніе къ революціонной пропагандѣ. Онъ любилъ облачаться въ тогу истиннаго друга свободы; онъ не хотѣлъ порывать своихъ связей съ заграничными революціонерами, изъ рядовъ которыхъ онъ самъ вышелъ, для того, чтобы пользоваться и господствовать надъ ними въ своихъ собственныхъ интересахъ. «Мой дворъ—нерѣдко шутилъ онъ—представляетъ собою странное зрѣлище: императрица—легитимистка, Морни (сводный братъ Наполеона)—орлеанистъ, я—республиканецъ и только Персиньи—бонапартистъ». Эти слова въ устахъ государя могутъ быть приняты лишь какъ оскорбленіе монархическаго принципа. Между тѣмъ отрицательные результаты внутренней политики Наполеона обнаруживались все яснѣе и яснѣе. Безпощадная

централизація оказывала особенно гибельное дѣйствіе, убивая всякое проявленіе самодѣятельности въ жизни провинціи. Народному образованію сообщенъ былъ въ высшей степени реакціонный характеръ. Искусство и литература пользовались щедрымъ покровительствомъ, но лишь постольку, поскольку они служили прославленію имперіи. Уровень матеріальнаго благосостоянія повысился, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, усилились и жажда наживы, и своекорыстіе, и продажность, заражая собою высшіе круги общества. Зибель совершенно правъ, когда не желаетъ возлагать всю отвѣтственность за возраставшую коррупцію на одного лишь императора; но въ немалой степени онъ все-таки долженъ нести за нее отвѣтственность, потому что самъ поддерживалъ биржевую горячку и для успѣха займа на Крымскую войну нѣкоторымъ образомъ демократизировалъ ренту, втянувъ въ спекуляцію широкіе слои народныхъ массъ. Слова Жирардена: «Намъ ничего другого не остается дѣлать, какъ стать милліонерами»,—сдѣлались тогда самымъ любимымъ лозунгомъ. Такъ мстили за себя безчестные пріемы, которыми Наполеонъ подчинилъ себѣ государство. Онъ не могъ, подобно нѣкоторымъ римскимъ императорамъ эпохи упадка, отмежеваться отъ своихъ товарищей по государственному перевороту. Запахомъ гнили отдавало отъ такъ называемаго общества, обнаруживались уже признаки наступающаго кризиса въ то время, какъ Франція, по гордому выраженію императора, шла во главѣ цивилизаціи. И, дѣйствительно, общественное мнѣніе и востока и запада попрежнему все еще признавало элегантную столицу Франціи центромъ и главнымъ очагомъ современной культуры.

5. Національныя стремленія въ Австріи и другихъ государствахъ.

Въ природѣ человѣка, повидимому, коренится инстинктъ, непобѣдимо толкающій его къ разрушенію того, что имъ самимъ же было создано съ громадными усиліями и жертвами. То, что постоянно наблюдается въ играхъ дѣтей, повторяется и въ исторіи государствъ. Едва осуществилось страстное желаніе, лелѣянное народами въ теченіе полувѣка, едва создалось національное государство, какъ большая часть тѣхъ, которые содѣйствовали его осуществленію, начали не только громко выражать презрѣніе къ «искусственнымъ заставамъ», но и фактически подкапываться подъ основы существующаго государственнаго порядка. Интересъ къ политическимъ вопросамъ въ настоящее время уже не играетъ первенствующей роли въ общественномъ сознаніи, его мѣсто заняли соціальныя противорѣчія; экономическія требованія, порождающія самыя ожесточенныя формы борьбы классовъ и борьбы за существованіе, постоянно колеблются въ своемъ обоснованіи между мотивами грубаго эгоизма и соображеніями самаго чистаго альтруизма.

Какъ было уже сказано, этотъ поворотъ теоретически былъ подготовленъ въ періодъ 1848—1871 гг. Однако, практически на первомъ планѣ все еще находились національныя желанія и стремленія.

Особенно сложнымъ характеромъ отличались національныя стремленія въ австрійской имперіи; на почвѣ требованій населявшихъ ее различныхъ національностей создавались необыкновенно трудныя проблемы. Въ коронной землѣ Богеміи, окруженной съ трехъ сторонъ Саксоніей, Баваріей и Силезіей и только на югѣ примыкающей къ Верхней и Нижней Австріи, $^2/_5$ населенія состоятъ изъ нѣмцевъ, $^3/_5$—изъ чеховъ, наиболѣе способнаго и культурнаго славянскаго племени. Въ оппозиціонномъ настроеніи сословнаго представительства, направленномъ послѣ іюльской революціи и въ Богеміи противъ меттерниховской системы, національный элементъ не игралъ почти никакой роли; это положеніе вещей рѣзко измѣнилось въ послѣдующій періодъ. Пробужденная подлинными и мнимыми разысканіями въ области народныхъ пѣсенъ и въ другихъ отрасляхъ литературы и искусства блестящей эпохи чешскаго королевства богемская оппозиція пріобрѣла новую силу и значеніе вслѣдствіе подъема нѣмецкаго національнаго чувства въ 1848 г. Въ то время какъ нѣмецкая часть Богеміи съ горячимъ одушевленіемъ привѣтствовала первый нѣмецкій парламентъ, чешское населеніе, напротивъ, видѣло въ появленіи центра германскаго объединенія угрозу своему національному существованію. Прага тогда производила еще впечатлѣніе нѣмецкаго города, едва замѣтно отличавшагося отъ Вѣны, населеніе которой также сильно было разрѣжено чуждыми ей національными элементами. Лѣтомъ 1848 г., когда въ Прагѣ былъ созванъ славянскій конгрессъ, въ ней произошли волненія. Хотя послѣднія и были подавлены безъ особыхъ усилій, однако, національные раздоры не прекратились и все болѣе обострялись благодаря слабости имперскаго правительства. Вскорѣ перестали удовлетворяться первоначальными требованіями уравненія въ правахъ чешской національности и стали настаивать на полной національзаціи страны и на превращеніи Богеміи въ самостоятельное государство, соединенное съ общей монархіей лишь слабою связью. Въ ландтагахъ чехи скоро пріобрѣли значительный перевѣсъ. Въ государственной жизни имперіи чешскіе автономисты явились самыми ожесточенными противниками энергично проводившейся и, въ концѣ концовъ, осуществленной министромъ Шмерлингомъ системы централизаціи. Побѣда федералистическихъ тенденцій при министерствѣ Белькреди была въ сущности дѣломъ славянскихъ фракцій. Къ нимъ, кромѣ чеховъ, принадлежали ганнаки въ Моравіи, словаки въ области Татра и, наконецъ, на югѣ иллирійцы, которые состояли изъ равныхъ по численности частей сербовъ, словинцевъ и хорватовъ, — въ общемъ около $^1/_5$ всего населенія имперіи. У всѣхъ этихъ племенъ пробудилось національное чувство; однако, вскорѣ оно стало сосредоточиваться въ одной лишь части государства, окрасилось злобой и завистью къ соотечественнику-сосѣду и возвысилось до идеи панславизма, племенного единства и права на самостоятельное и независимое господство всѣхъ частей славянскаго племени. Безпристрастно оцѣнивая это національное движеніе, слѣдуетъ признать, что оно не только питалось эгоистическими вожделѣніями, но и несло съ собою высокую идею народности, могучій прогрессъ въ области духовныхъ и экономическихъ интересовъ.

Въ Россіи расовыя различія въ мѣстахъ, населенныхъ не принадлежащими къ господствующей національности народностями, не пріобрѣли еще того враждебнаго характера, который они получили въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка. Въ прибалтійскомъ краѣ руководящая роль еще неоспоримо принадлежала нѣмцамъ, предки которыхъ появились въ странѣ лишь въ XIII столѣтіи. Все же среди аборигеновъ края были замѣтны уже первыя проявленія національнаго движенія; эсты и латыши съ непріязнью относились къ нѣмцамъ, какъ и финны къ шведамъ, претендовавшимъ на права культурнаго элемента въ Финляндіи. Всѣ эти различныя народности объединялись, однако, въ цѣлое, противостоящее русскимъ, съ владычествомъ которыхъ онѣ мирились съ трудомъ. Въ 1855 г. представителю абсолютизма, императору Николаю, всюду и вездѣ, тайно и явно поддерживавшему реакцію, наслѣдовалъ болѣе сочувствовавшій нуждамъ народа Александръ II. Для внутренняго развитія обширной имперіи имѣли громадное значеніе уничтоженіе новымъ монархомъ крѣпостного права и обнаруженное имъ стремленіе къ развитію и поддержкѣ общиннаго и земскаго самоуправленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отсутствіе здоровой аграрной политики лишало страну тѣхъ прочныхъ устоевъ, которые были необходимы для ея успѣшнаго экономическаго развитія. Крестьянинъ былъ свободенъ, но, не имѣя свободной собственности, онъ очутился въ барщинной зависимости отъ господствующихъ классовъ.

Крымская война нанесла абсолютизму сильный ударъ. Страшныя язвы, вызванныя безпощаднымъ подавленіемъ свободы и самодѣятельности народа, выступили во всей безобразной наготѣ. Общество стало пробуждаться, либеральныя идеи находили благопріятную почву, но гораздо большая сила была на сторонѣ радикаловъ, которые въ разрушеніи всего существующаго видѣли единственное спасеніе. Самъ императоръ Александръ былъ, насколько это было возможно для государя, другомъ умѣреннаго либерализма, но его добрая воля разбивалась о могучія противодѣйствовавшія силы. Не было возможности искоренить въ чиновничествѣ своекорыстіе и продажность; отсутствіе образованія среди нижнихъ классовъ также способствовало ухудшенію общаго положенія; правящіе классы умѣли прибѣгать лишь къ насилію, народъ зналъ только рабскую покорность или разрушительные бунты. При такихъ обстоятельствахъ мирное поступательное движеніе отъ рабства къ свободѣ оказывалось невозможнымъ.

Во главѣ Великобританіи съ 1837 г. стояла женщина. Хотя она и не обладала особыми блестящими дарованіями, но умѣлый выборъ государственныхъ людей и главнокомандующихъ и дальновидная осторожность ея собственныхъ выступленій дали ей право на сравненіе съ одной изъ своихъ великихъ предшественницъ—Елизаветой, а цѣлой эпохѣ—основаніе называться ея именемъ. Превосходнаго совѣтника имѣла она въ лицѣ принца Альберта Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, за котораго она, повинуясь влеченію сердца, вышла замужъ въ 1850 г. Современники называли принца-супруга «первымъ джентльменомъ Европы»; разумѣется, нѣмецкому образу мыслей и нѣмецкимъ интересамъ онъ былъ, какъ на то не безъ основанія жало-

вался Трейчке, совершенно чуждъ. Чтобы понять, почему молодая королева Викторія привлекла къ себѣ общія симпатіи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что ея вступленіе на англійскій престолъ знаменовало собою конецъ режима, который не мирился ни съ престижемъ короны, ни съ интересами страны. О ея предшественникѣ, прямодушномъ Вильгельмѣ IV, говорили, что онъ возвратилъ королевской власти, утратившей популярность и достоинство въ царствованіе его брата Георга IV, ея достоинство, но не популярность. Болѣе счастливой оказалась его преемница, возвратившая трону и то и другое. Нисколько не посягая на конституціонныя формы правленія, Викторія сумѣла сохранить и даже усилить вліяніе короны на политику государства. Отличающійся строгой простотой англійскій дворъ не претендовалъ, подобно французскому, на роль центральнаго мѣста въ государствѣ, и нерѣдко личныя желанія государыни въ важнѣйшихъ вопросахъ отступали передъ волею господствующей партіи. Но зато общественныя и соціальныя отношенія въ Англіи были безконечно здоровѣе, чѣмъ во Франціи! Своимъ безпримѣрнымъ подъемомъ Англія была обязана все еще юношеской, свѣжей силѣ англо-саксонской расы и столь же смѣлому, какъ и благоразумному управленію. Едва ли можно во всемірной исторіи указать второй примѣръ образованія на протяженіи одного полустолѣтія міровой имперіи такихъ гигантскихъ размѣровъ и силы, какой была британская имперія во второй половинѣ XIX вѣка. При вступленіи Викторіи на престолъ, Индія была соединена съ метрополіею лишь очень слабою связью; на австралійскія колоніи сами англичане смотрѣли какъ на обузу, не имѣющую для нихъ никакой цѣны; въ Египтѣ и Китаѣ Англія еще не имѣла твердыхъ позицій, въ Африкѣ она владѣла лишь Капской колоніей, населенной бурами; отложеніе Канады и присоединеніе ея къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ было вопросомъ ближайшаго времени. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ обширныя колоніальныя владѣнія даже въ глазахъ выдающихся политическихъ дѣятелей являлись скорѣе какимъ-то бременемъ, нежели цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Съ Австраліей и Индіей, увѣряли знаменитый борецъ за свободу торговли Ричардъ Кобденъ и его приверженцы, повторится та же исторія, что и съ американскими колоніями. Цѣною громадныхъ жертвъ со стороны метрополіи онѣ пріобрѣтутъ значительную силу для того, чтобы, почувствовавъ собственную мощь, завоевать себѣ право на независимое существованіе. Маколеевскій новозеландецъ, сидящій на развалинахъ лондонскаго моста и меланхолически взирающій на обширное поле развалинъ Лондона, является символомъ, характеризующимъ подобнаго рода взглядъ на британскую колоніальную политику.

Напротивъ, королева Викторія и ея первый министръ лордъ Пальмерстонъ, представлявшій собою (если дѣло не касалось національнаго чувства) образецъ англійскаго свѣтскаго и свободомыслящаго государственнаго дѣятеля, неутомимо заботились о дальнѣйшемъ распространеніи британскаго господства надъ всѣми частями земного шара и объ укрѣпленіи этого господства тамъ, гдѣ оно уже существовало. Возстаніе въ Канадѣ было подавлено; еще съ

большею жестокостью и суровостью было сломлено противодѣйствіе индійскаго раджи. Во время опаснаго возстанія сипаевъ въ 1857 г. сэръ Джонъ Лоуренсъ своими героическими усиліями удержалъ за собою Пенджабъ и такимъ образомъ спасъ англійское господство въ индійскихъ владѣніяхъ. Даже передъ строго огражденными границами китайской имперіи жадность англійской торговли не хотѣла остановиться. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ сраженій Китай вынужденъ былъ предоставить побѣдителямъ свои важнѣйшіе порты и разрѣшить англійскому купцу ввозъ разрушающаго опія. Самоуправленіе колоній не было уничтожено, но было обставлено нѣкоторыми ограниченіями въ смыслѣ укрѣпленія постоянной связи съ метрополіей, а затѣмъ мало-помалу, съ ростомъ ихъ экономическаго благосостоянія, тяжелый режимъ уступалъ мѣсто болѣе мягкому, опиравшемуся на чувство солидарности и взаимныхъ симпатій. Съ вполнѣ обоснованнымъ самодовольствомъ могъ говорить Пальмерстонъ, что британецъ въ Торонто, какъ и въ Гонконгѣ или Мельбурнѣ, испытываетъ такое же чувство гордаго удовлетворенія, какое нѣкогда испытывалъ civis Romanus. Для Англіи и ея колоній «Великая Британія» былъ общимъ отечествомъ. Уже къ концу 60-хъ годовъ на горизонтѣ обозначалась имперія, хотя еще и въ смутныхъ формахъ; изъ рядовъ государственныхъ дѣятелей идея міровой имперіи перешла въ общее національное сознаніе. Лишь свободными нитями была связана имперія со своими частями; но пока продолжался ростъ міровой торговли, и Англія оставалась могущественнѣйшимъ во всемъ свѣтѣ государствомъ, не было основанія заботиться или бояться, какъ бы отдѣльныя части не отпали отъ цѣлаго.

Въ то время, какъ континентальныя правительства были потрясены бурной волной революціи, Англія и Шотландія пользовались почти ненарушимымъ покоемъ. Палаты лордовъ и общинъ не могли и послѣ побѣды билля о реформѣ считаться истиннымъ представительствомъ британскаго народа, но глубоко укоренившаяся конституція удовлетворяла потребности населенія принимать участіе въ управленіи страною. Консервативная и либеральная партіи были почти равны по силѣ, и то одна, то другая выходила побѣдительницей на выборахъ. Такъ какъ согласно конституціи составъ кабинета долженъ былъ измѣняться въ интересахъ побѣдоноснаго большинства, то сообразно съ этимъ и происходила постоянная смѣна одного министерства другимъ. Здѣсь мы не имѣемъ возможности войти въ болѣе подробный анализъ этой борьбы принциповъ и интересовъ. Въ обоихъ лагеряхъ находились выдающіеся государственные люди. Виги имѣли своего блестящаго представителя въ лицѣ лорда Пальмерстона; хотя у него и было много враговъ, недовольныхъ его завоевательной внѣшней политикой и рѣшительной защитой свободной торговли, тѣмъ не менѣе, онъ пользовался громадной популярностью какъ внутри страны, такъ и внѣ ея. Партійнымъ товарищемъ и въ то же время опаснымъ соперникомъ и противникомъ Пальмерстона былъ лордъ Джонъ Россель. Еще въ царствованіе короля Георга IV онъ сознательно и мужественно выступилъ въ защиту равноправія католиковъ и широкой реформы избирательнаго права, но, въ качествѣ руководителя міровою политикою,

онъ потерпѣлъ рядъ чувствительныхъ ударовъ, ставъ открыто на сторону американскихъ южныхъ штатовъ, поляковъ, датчанъ и т. д.; онъ оказался также не въ силахъ закрѣпить за Англіей то великодержавное положеніе, которое она заняла въ дни политики Пальмерстона.

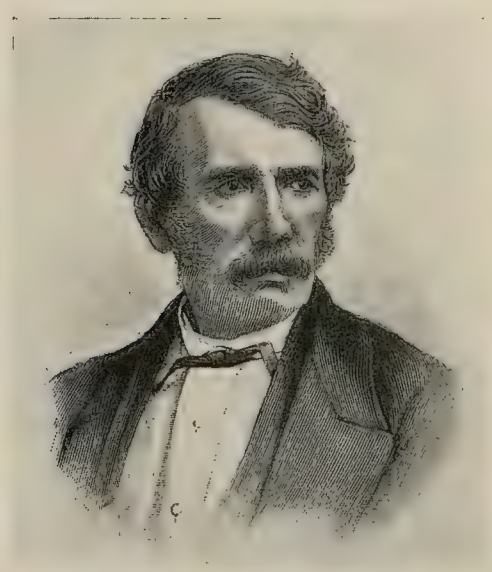
Изъ рядовъ тори выдвинулся Вильямъ Эвартъ Гладстонъ. Какъ основные принципы его, такъ и практическое ихъ примѣненіе нерѣдко превосходили по своей смѣлости даже радикализмъ самыхъ крайнихъ виговъ. Истинный либерализмъ Гладстона пріобрѣлъ руководящее вліяніе на англійскую политику послѣ смерти Пальмерстона (1865 г.). Наиболѣе ярко обнаружилъ онъ свои дарованія въ проведеніи составленнаго имъ широкаго плана финансовыхъ реформъ. Его проницательность, пламенное краснорѣчіе и выдающіяся познанія дали ему право считаться первымъ англійскимъ государственнымъ дѣятелемъ XIX вѣка.

Но при всемъ блестящемъ развитіи мощи и благосостоянія Великобританіи, и она имѣла свою ахиллесову пяту. Это—ирландскій вопросъ. Хотя Англія своими щедрыми пожертвованіями во время ужаснаго ирландскаго голода 40-хъ годовъ и сняла съ себя часть вины за насильственное управленіе Ирландіей, продолжавшееся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, однако, вражда ирландскаго населенія къ своимъ поработителямъ не исчезла; національный и религіозный антагонизмъ не утратилъ своей прежней остроты; только съ помощью оружія удавалось поддерживать англійское господство. Сравнительно легко можно было справиться съ открытыми возстаніями, но значительно большихъ усилій требовала борьба съ феніями и ихъ тайной, широко развѣтвленной организаціей, дѣйствовавшей въ цѣляхъ отторженія Ирландіи отъ Англіи, а также ради осуществленія соціалистическихъ плановъ. Голодъ и ненависть гнали сотни тысячъ ирландцевъ въ Сѣверную Америку, гдѣ образовалась въ нѣкоторомъ родѣ вторая Ирландія. Если это обстоятельство, ослаблявшее народныя силы въ самой Ирландіи, и приносило нѣкоторое облегченіе англійскому правительству, то, съ другой стороны, содѣйствуя распространенію феніанской организаціи по всей Сѣверной Америкѣ, оно доставляло новую могучую поддержку ирландскому освободительному движенію и, такимъ образомъ, создавало новую опасность. Быстро, при малѣйшемъ поводѣ, разгорался на островѣ огонь національныхъ страстей; бурный 1848 годъ не могъ пройти безслѣдно для Ирландіи и не вызвать вспышки среди ирландцевъ. Во главѣ движенія сталъ О'Бріенъ, убѣжденный защитникъ права, человѣкъ горячій и крайне увлекающійся. Возстаніе было подавлено; О'Бріенъ былъ изгнанъ изъ страны. Но революціонная пропаганда продолжалась съ не ослабѣвающей энергіей. Особенно угрожающую силу пріобрѣлъ конфликтъ во время междоусобной войны въ Америкѣ. Ирландцы открыто стали на сторону сѣверныхъ штатовъ, ибо послѣдніе не были враждебны распространенію феніанства; правительство же и общественное мнѣніе Англіи сочувствовали южнымъ штатамъ. Американскіе феніи организовали рядъ конгрессовъ и провозгласили ирландскую республику; не было недостатка въ вспышкахъ и террористическихъ актахъ и на самомъ Зеленомъ островѣ. Но у революціоне-

ровъ не хватало силъ на осуществленіе ихъ плановъ. Въ концѣ концовъ, само американское правительство вынуждено было принять строгія мѣры противъ разнузданнаго феніанства, во избѣжаніе войны съ Англіей. Тѣмъ не менѣе, шумные народные митинги, террористическія покушенія, поджоги и насильственныя освобожденія арестованныхъ все увеличивались. Ирландія была постоянно кровоточащей раной на мощномъ тѣлѣ британской имперіи. Здѣсь, какъ въ Польшѣ, соединились политическое недовольство имущихъ и соціальная ненависть неимущихъ классовъ, чтобы оживить мечту о возрожденіи Ирландскаго государства.

6. Географическія открытія и колоніальныя стремленія въ различныхъ частяхъ свѣта.

Въ качествѣ носителей европейской культуры въ Азіи въ XIX в. пріобрѣли значеніе только двѣ державы: Россія и Англія. Хотя Франція уже въ началѣ столѣтія стала твердой ногой въ Тонкинѣ, и по мирному договору въ Сайгонѣ въ 1862 г. часть плодородной Кохинхины и столь могущественное когда-то государство Камбоджа были поставлены подъ протекторатъ Франціи, тѣмъ не менѣе, ни французскій языкъ, ни французская торговля не играли еще значительной роли ни на югѣ, ни на востокѣ Азіи. Не могло надолго утвердиться и поднятое Наполеономъ III французское вліяніе въ Сиріи и по побережью Малой Азіи. Напротивъ того, русскіе, поставивъ себѣ «задачу покончить съ позорной торговлей рабами», къ концу XVIII в. заняли своими войсками Грузію на Кавказѣ и отсюда, какъ изъ Сибири, проникали все дальше въ глубь Азіи. Хотя продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ возстаніе воинственныхъ кавказскихъ племенъ подъ предводительствомъ Шамиля и стоило громадныхъ жертвъ, тѣмъ не менѣе, благодаря превосходству своихъ силъ и планомѣрной энергіи, русскіе постепенно подчиняли себѣ одно племя за другимъ. Побѣдоносное шествіе сопровождалось вырубкою лѣсовъ, проложеніемъ шоссе, желѣзнодорожныхъ путей и устройствомъ торговыхъ пунктовъ. Шамиль, столь же хитрый, сколь и смѣлый въ веденіи партизанской войны, долго держался на неприступной горѣ Гунибъ и сдался кн. Барятинскому лишь 25 августа 1859 года. Затѣмъ слѣдовала не менѣе трудная борьба съ свободолюбивыми черкесами. Но и они были покорены въ 1865 г.; большая часть побѣжденныхъ переселилась въ Малую Азію и Болгарію; раздробленное на части племя было обречено, какъ нація, на гибель. Наконецъ, послѣдовало завоеваніе Карса и Батума въ Арменіи. Нельзя, конечно, съ одобреніемъ относиться къ грубому угнетенію туземцевъ и къ русскимъ пріемамъ управленія въ новыхъ владѣніяхъ; тѣмъ не менѣе, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ грабежа и разбоя и русское управленіе являлось до нѣкоторой степени шагомъ впередъ.



ДАВИДЪ ЛИВИНГСТОНЪ

ФЕРДИНАНДЪ ЛЕССЕПСЪ.

Сдача Шамиля князю Барятинскому (1859 г.).

Нельзя приписывать успѣхъ русскихъ въ Азіи исключительно ихъ смѣлой и настойчивой политикѣ и доблести ихъ арміи. Причину этихъ успѣховъ слѣдуетъ искать въ особенностяхъ русскаго народа. Въ значительной своей части русскіе еще и въ настоящее время представляютъ собою народъ степей съ сильно выраженными кочевыми наклонностями. Наиболѣе самобытная часть арміи—казаки, лишь очень немногимъ отличаются отъ киргизовъ, туркменъ и маньчжуръ. Нѣкоторыя отрасли русской торговли, несмотря на изобрѣтеніе парохода и паровоза, удержали характеръ караванной торговли. Тысячи народа находятся въ постоянномъ движеніи въ видѣ разносчиковъ товара, паломниковъ, нищихъ; кочующая жизнь въ палаткахъ не является для нихъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, и въ ихъ обычаяхъ и нравахъ наблюдается много общаго съ обитателями Средней Азіи. Продолжительное владычество монголовъ наложило на характеръ русскаго народа свой отпечатокъ, который обнаруживается даже подъ лоскомъ европейскаго образованія. Вслѣдствіе этого племенного сродства съ средне-азіатскими народностями русскіе, какъ это убѣдительно доказалъ Цабель, создаютъ формы отношеній къ азіатскимъ провинціямъ болѣе правильныя, нежели зараженные всевозможными европейскими предразсудками англичане или французы. Послѣдніе приходятъ въ Срединное царство изъ заморскаго далека; между тѣмъ какъ къ русскимъ рынкамъ изъ этого царства ведетъ путь, глубоко проторенный еще съ незапамятныхъ временъ. Старинное знакомство народовъ между собою облегчаетъ также подчиненіе болѣе слабыхъ народовъ военной системѣ и промышленной техникѣ болѣе сильнаго. И религіозные мотивы играютъ при этомъ немаловажную роль. Католическая Франція, какъ и протестантская Англія, немедленно посылаютъ въ покоренныя провинціи миссіонеровъ, которые вступаютъ въ открытую борьбу съ туземнымъ духовенствомъ, вызывая нерѣдко весьма тяжелые раздоры. Наоборотъ, въ русской Азіи мирно уживаются подъ защитою греческаго креста и исламъ, и буддизмъ, и язычество. Кромѣ того, на помощь правительству приходятъ переселенцы, широкимъ потокомъ приливающіе во вновь пріобрѣтаемыя области. Русскіе купцы и солдаты, ремесленники и земледѣльцы, растворяясь въ туземной массѣ, образуютъ новый смѣшанный народъ, какъ это бывало въ мѣстахъ военныхъ поселеній римскаго государства, объединявшихъ варваровъ съ римскими легіонерами и колонистами.

Всѣ эти преимущества содѣйствовали проникновенію русскихъ и въ центральную Азію. Походъ въ Хиву въ 30-хъ годахъ закончился страшнымъ пораженіемъ. Русская армія подъ начальствомъ Перовскаго была почти совершенно уничтожена голодомъ и холодомъ. Но Россія ни на минуту не отводила своихъ глазъ отъ нѣкогда богатаго ханства на берегахъ Каспійскаго до Аральскаго морей и послѣ Крымской войны приступила къ осуществленію издавна подготовленнаго плана. Послѣ отчаяннаго сопротивленія Хива была превращена въ русское вассальное государство; ни киргизы, ни туркмены не въ состояніи были вырваться изъ желѣзнаго кольца, которымъ окружили

ихъ болѣе сильные сосѣди *). И благодаря все той же специфической способности побѣдителей ассимилировать себѣ полуварварскіе элементы, эти новыя области также стали русскими не только въ политическомъ, но и въ культурномъ отношеніи.

Совершенно иначе, какъ уже выше было указано, обстояло дѣло съ британскими колоніями. Онѣ получили отъ англо-саксовъ столь цѣнимое ими самоуправленіе, и это не только не повело къ отчужденію колоній отъ метрополіи, но, наоборотъ, подъ вліяніемъ принципа національности укрѣпилось чувство взаимной симпатіи и солидарности. Рядомъ съ Канадой и Индіей около средины столѣтія появилась Австралія. Правда, въ результатѣ цѣлаго ряда изслѣдованій австралійскаго континента не оставалось сомнѣній въ томъ, что внутренняя часть Австраліи представляла собою не что иное, какъ обширную пустыню, культивированіе которой для ближайшаго времени не обѣщало никакихъ выгодъ. Зато побережья ея были окружены кольцомъ англійскихъ колоній, которыя съ поразительной быстротой поднялись на степень цвѣтущихъ государствъ. Многообѣщающія островныя государства въ Тихомъ океанѣ также подпали британскому господству и были пріобщены къ европейской культурѣ.

Обширнымъ пріобрѣтеніямъ въ Африкѣ предшествовали безпрерывно слѣдовавшія одно за другимъ научныя экспедиціи. И на «черномъ материкѣ» англичане сумѣли проявить примѣры блестящихъ начинаній. Въ 1851 г. шотландскій миссіонеръ Давидъ Ливингстонъ открылъ Замбези, въ 1855 г.—водопадъ въ Викторіи, въ 1859 г.—озера Ньясса и Ширва, въ 1868 г.—озеро Бангвеоло. Пройдя Маньемаландъ, онъ вынужденъ былъ вслѣдствіе полнаго истощенія силъ остаться въ Уджиджи, пока его не нашелъ и не взялъ съ собою Стэнли, отправившійся на поиски безвѣстно пропавшаго. Ни одинъ изъ другихъ изслѣдователей Африки ни до, ни послѣ него не могъ сравниться съ неутомимымъ шотландцемъ въ смѣлости, осторожности и счастіи. Въ 1854 г. англичанинъ Спикъ изслѣдовалъ область Сомалъ; во второе свое путешествіе онъ изслѣдовалъ озеро Ньянца и твердо установилъ, что здѣсь слѣдуетъ искать истоки Нила. Въ 1864 г. англичанинъ Бэкеръ открылъ малый источникъ Бѣлаго Нила, озеро Мвутанъ.

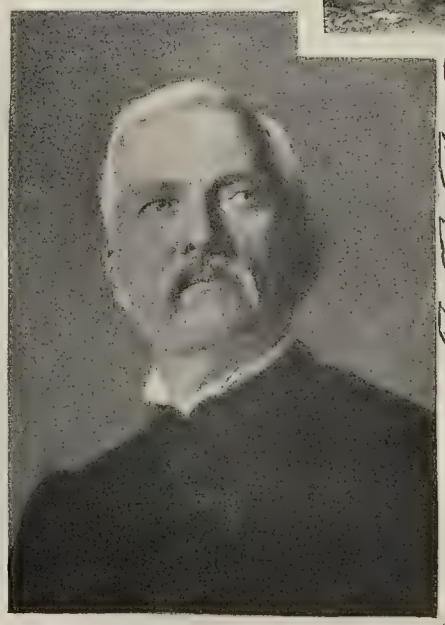
Французы при Наполеонѣ III не только дѣятельно занимались культурнымъ развитіемъ Алжира, но и обратили свой взоръ черезъ Сахару въ сторону обширнаго негритянскаго рынка Тимбукту. Далеко распространились владѣнія французовъ и отъ Сенегамбіи. Особенно важное значеніе получилъ законченный подъ руководствомъ француза Лессепса въ годы 1859—1869

*) Неудачный походъ генерала В. А. Перовскаго былъ совершенъ въ 1839 г.; въ 1873 г., послѣ большихъ трудностей, генералъ К. П. Кауфманъ покорилъ Хиву. Согласно условіямъ мира, заключеннаго 12 августа 1873 г. между Россіей и хивинскимъ ханствомъ, Хива подчинялась Россіи, уплачивала 2200 тыс. рублей военныхъ издержекъ (съ разсрочкой на 20 лѣтъ) и уступила всю территорію по правую сторону Аму-Дарьи и самаго западнаго рукава ея, до впаденія его въ Аральское море. *Ред.*

Н. М. Пржевальскій

Эминъ-паша.

ПУТЕШЕСТВІЯ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ



Г. Стэнли.

Фр. Нансенъ

Г. Нахтигаль

Суэцкій каналъ—какъ путь для международныхъ сообщеній между Средиземнымъ и Краснымъ морями.

Съ своей стороны, и нѣмцы внесли почтенную лепту въ область изслѣдованій Африки.

Страна, подобная Германіи, населеніе которой ежегодно увеличивается на милліонъ душъ, и матеріальное благосостояніе которой зиждется на ввозѣ сырья изо всѣхъ странъ и на массовомъ вывозѣ своихъ фабрикатовъ во всѣ части свѣта, разумѣется, очень нуждается въ колоніяхъ. Несмотря на это, въ эпоху германскаго союза еще никто не думалъ о колоніальныхъ пріобрѣтеніяхъ; съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣли на совершаемый другими націями между собою дѣлежъ земной поверхности. Лишь чисто-научный интересъ, а не политическій или экономическій, побуждалъ нѣмцевъ принимать участіе въ изслѣдованіяхъ Африки. Съ 1861 г. Гергардъ Рольфсъ занялся изслѣдованіемъ неизвѣданной части Сахары; въ 1866 г. онъ перенесъ эту часть материка, пройдя отъ Триполи черезъ Мурзукъ, Куку, Якубу, Іорубу до Лагоса на Гвинейскомъ берегу. Своими изслѣдованіями онъ въ значительной мѣрѣ обогатилъ свѣдѣнія о Марокко, о сѣверной Сахарѣ и Ливійской пустынѣ. Его землякъ, Густавъ Нахтигаль, посѣтивъ султана Борну и передавъ ему подарки отъ прусскаго короля Вильгельма, прошелъ черезъ Суданскую низменность до Нила, по которому совершилъ обратный путь въ Нубію и Египетъ. Грандіозныя путешествія переселившагося въ Америку англичанина Генри Мартина Стэнли уже не относятся къ описываемому нами періоду. Французскіе изслѣдователи съ большимъ стараніемъ и съ успѣхомъ производили развѣдки для отысканія путей сообщенія между алжирскими владѣніями и колоніями на Сенегалѣ. И все-таки къ 1870 г., по исчисленію Патермана, область Африки, оставшейся еще не изслѣдованной, представляла собою площадь около 40000 кв. миль.

Китай съ своей древней высокоразвитой культурой имѣлъ основаніе считать себя благословеннымъ «Серединнымъ царствомъ». Но чувство самоудовлетворенія, на которое онъ имѣлъ законное право, мало-по-малу уступило мѣсто непомѣрному самовозвеличиванію и косности; презрѣніе же китайцевъ къ «рыжимъ варварамъ» было тѣмъ менѣе умѣстно, что военныя качества китайцевъ стояли ниже уровня ихъ техническихъ и промышленныхъ способностей. Для европейской торговли была открыта единственная морская гавань—Кантонъ, и то со значительными ограниченіями. Усилія англичанъ заставить китайское правительство открыть границы своей страны не имѣли успѣха. Все болѣе ухудшалось въ Китаѣ и положеніе послѣдователей христіанства. Но болѣе всего раздражало англичанъ запрещеніе ввоза опія изъ Индіи. Уже въ 1842 г. это запрещеніе послужило поводомъ къ войнѣ, и тогда же превосходство европейскаго оружія доставило европейцамъ легкую побѣду надъ Китаемъ. Послѣ этого преграждение доступа къ приморскимъ пунктамъ не могло сохраниться на долгое время. Рядъ новыхъ несчастныхъ для китайцевъ военныхъ столкновеній съ англичанами и французами заставилъ императорское правительство по договору, заключенному въ Тянь-Цзинѣ въ іюнѣ 1858 г.,

гарантировать китайскимъ христіанамъ свободу вѣроисповѣданія, европейской торговлѣ—свободу судоходства по Янъ-цзы-цзяну и европейцамъ свободу передвиженія и поселенія внутри имперіи. Но такъ какъ правительство попрежнему относилось враждебно къ европейцамъ, то въ слѣдующемъ году была предпринята новая англо-французская экспедиція. Почти безпомощные противъ столь серьезныхъ противниковъ, китайцы послѣ страшнаго пораженія при Паликіаго были оттѣснены къ Пекину; лѣтній дворецъ Юанъ-мингъ-юанъ, по приказу лорда Эльджина, былъ сожженъ, послѣ того какъ побѣдители вытащили изъ него очень цѣнныя вещи; 13 октября 1860 г. сама столица была вынуждена сдаться. Эта сдача была отпразднована какъ блестящая побѣда европейской культуры надъ восточнымъ варварствомъ. Заключенный при посредничествѣ русскаго посланника генерала Игнатьева пекинскій мирный договоръ (25 октября 1860 г.) подтвердилъ и еще болѣе расширилъ уступки, добытыя тяньцзинскимъ договоромъ. Китай былъ вынужденъ представить и русскимъ тѣ торговыя выгоды, которыхъ добились западныя державы, и уступить Россіи область по р. Амуру. Дѣйствительную услугу оказали Китаю европейцы, положивъ конецъ въ 1864 г. крайне гибельной революціи тайпинговъ. Поощряемый слабостью императорскаго правительства, явно обнаружившейся въ войнѣ изъ-за опія, одинъ авантюристъ, по имени Хунгъ-Сіутсуанъ, подъ предлогомъ возвращенія династіи Минговъ на престолъ, захваченный въ 1644 г. маньчжурской династіей, поднялъ въ 1851 г. возстаніе, принявшее столь громадные размѣры, что правительство не въ силахъ было справиться съ нимъ. Хунгъ-Сіутсуанъ, заставившій провозгласить себя императоромъ, долженъ былъ положить начало новой династіи Великаго Мира (Тайпингъ). Въ виду того, что внутреннія замѣшательства государства достигли такой степени, что они могли затормозить правильную уплату военной контрибуціи, обусловленную пекинскимъ миромъ, европейскія войска, остававшіяся еще въ Китаѣ, были двинуты противъ революціонеровъ. Со взятіемъ (19 іюля 1864 г.) города Нанкина, гдѣ предводитель мятежниковъ послѣ отчаяннаго сопротивленія сжегъ себя вмѣстѣ со своими женами, революція тайпинговъ была подавлена. По словамъ Рихтгофена, она стоила жизни двумъ милліонамъ людей и страшно подорвала благосостояніе страны. Съ этихъ поръ правительство начало уже съ нѣсколько меньшею враждебностью относиться къ иностранному вліянію, хотя въ интересахъ огражденія своей нравственной и культурной самобытности и замкнутости Китай все еще запрещалъ у себя устройство желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній.

Совершенно иную картину представляетъ второе обширное культурное государство монгольской расы. Не подлежитъ сомнѣнію, что вступленіе Японіи въ область западно-европейской культуры является однимъ изъ важнѣйшихъ міровыхъ событій нашего времени. Быть-можетъ, когда-нибудь его будутъ считать самымъ выдающимся событіемъ XIX вѣка. «Страна восходящаго солнца» уже въ XVI столѣтіи открыла иностраннымъ купцамъ и миссіонерамъ доступъ въ свои предѣлы. Первую христіанскую общину основалъ тамъ «апостолъ Индіи», іезуитъ Францискъ Ксаверій. Доведенный до нищен-

ства безконечными войнами, народъ съ радостью привѣтствовалъ религію, обѣщавшую бѣднымъ защиту въ этомъ мірѣ и райскую жизнь—за гробомъ Но назойливость, съ которою европейцы старались вовлечь въ сферу своего вліянія дворъ и правительство, и жажда наживы, служившая единственнымъ стимуломъ ихъ торговыхъ предпріятій, мало-по-малу пробудили въ японцахъ такую ненависть къ иноземцамъ, что островное государство отгородилось отъ нихъ столь же тщательно, какъ и Китай. Нерѣдко здѣсь происходили жестокія гоненія на христіанъ, и всѣ попытки къ образованію новыхъ поселеній кончались неудачей. Еще въ 1837 г., когда англійское судно «Моррисонъ» приблизилось къ одному японскому острову, чтобы принять и перевести на материкъ нѣсколько японцевъ, спасшихся послѣ кораблекрушенія, оно было встрѣчено залпомъ выстрѣловъ и было вынуждено вернуться назадъ. Японцы не хотѣли ничего знать о Европѣ, но и свѣдѣнія европейцевъ о Японіи сводились почти къ нулю. Даже роскошныя издѣлія японцевъ изъ бронзы и рѣзныя работы изъ слоновой кости и выкрашеннаго дерева лежали въ темныхъ углахъ этнографическихъ коллекцій, такъ какъ не привлекали вниманія европейцевъ, считавшихъ ихъ продуктами «варварскаго творчества», но послѣ вынужденнаго открытія границъ Китая и сосѣдка его не могла болѣе удержаться въ своей замкнутости. Сѣверо-американскому коммодору Перри впервые удалось заключить торговый договоръ, гарантировавшій свободный доступъ судамъ Сѣверо-Американскаго союза въ нѣкоторыя гавани и разрѣшавшій купцамъ оставаться въ Японіи (1854 г.). Затѣмъ и другіе народы получили то же право. Мало-по-малу обмѣнъ западно-европейскихъ фабрикатовъ на чай и шелкъ принялъ чрезвычайно широкіе размѣры; въ приморскихъ пунктахъ ассимилировались элементы японской и французской культуры, и городъ Іокогама, лежащій у бухты Іедо, изъ бѣдной рыбачьей деревушки преобразился въ богатый и крупный городъ.

Еще болѣе глубокія преобразованія въ соціальной жизни были вызваны государственнымъ переворотомъ. Дѣло въ томъ, что до того времени во главѣ государства стоялъ микадо, носившій характеръ скорѣе духовнаго главы, нежели свѣтскаго властителя. Собственно правительственная власть сосредоточивалась въ рукахъ наслѣдственныхъ государственныхъ военачальниковъ или мажордомовъ, сіогуновъ. Еще торговый договоръ 1854 г. былъ заключенъ сіогунами. Но когда власть микадо въ 1867 г. перешла къ молодому, энергичному и высокоодаренному Муцухито, имъ была проведена реформа, которая не только возвела микадо на степень дѣйствительнаго, хотя и ограниченнаго конституціей, главы государства, но и знаменовала собою коренное измѣненіе всего уклада культурной жизни по западно-европейскому образцу. Правда, первоначальнымъ движущимъ мотивомъ къ уничтоженію системы обособленія отъ остального міра была все та же ненависть къ иноземцамъ. Микадо—какъ гордъ ни былъ этотъ властитель міра—не могъ скрывать отъ себя, что Богомъ избранное государство съ его архаическими учрежденіями и съ его ничтожной военной организаціей не могло бы оказать сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія «ненавистнымъ варварамъ». Чтобы оградить себя

и спасти отъ подавляющаго превосходства чужеземцевъ, не было иного средства, какъ кореннымъ образомъ преобразовать весь государственный строй. Прежде всего былъ отмѣненъ церемоніалъ, отдѣлявшій микадо, подобно далай-ламѣ, отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ и обособлявшій его отъ правительства. Съ уничтоженіемъ сіогуната было сломлено противодѣйствіе многочисленныхъ вассальныхъ князей, дайміосовъ; гордое дворянство должно было довольствоваться титулами европейской аристократіи. Режимъ самоуправленія въ провинціяхъ былъ замѣненъ системою правительственной централизаціи. Была устроена обширная телеграфная сѣть, связавшая острова какъ между собою, такъ и съ европейскимъ континентомъ; были построены желѣзныя дороги и пароходы; введены были американская монетная система и европейскій календарь; военная организація, судъ, народное образованіе были реформированы по европейскому образцу. Во главѣ этого прогрессивнаго движенія стоялъ умный и энергичный Муцухито, поддерживаемый единомышленными съ нимъ сановниками, которые или получили образованіе въ европейскихъ странахъ, или объѣздили эти страны и воочію убѣдились въ превосходствѣ европейской культуры. При европейскихъ дворахъ были учреждены японскія посольства, тысячи японцевъ обучались въ европейскихъ школахъ, и тысячи европейцевъ въ самой Японіи занимались обученіемъ туземцевъ, сообщая имъ разностороннія свѣдѣнія о культурной европейской жизни. Говорятъ, что пруссаки побѣдой при Садовой обязаны своимъ школьнымъ учителямъ. Съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что если по прошествіи лишь одного поколѣнія послѣ государственнаго переворота 1868 г. японцы одержали побѣду надъ русской арміей при Ялу и Ляоянѣ, уничтожили русскій флотъ при Цусимѣ и принудили русскихъ къ сдачѣ Портъ-Артура, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть плоды посѣва, произведеннаго 30 лѣтъ тому назадъ на столь благодарной почвѣ прусскими офицерами, британскими судостроителями и американскими инженерами.

7. Война Франціи съ Австріей и образованіе Итальянскаго королевства.

Подавленіе возстанія въ Ломбардо-Венеціи не принесло съ собою дѣйствительнаго успокоенія страны. Въ литературѣ, въ прессѣ, въ совѣщаніяхъ представительныхъ учрежденій открыто велась дружная агитація во имя молодой и единой Италіи, не менѣе смѣлая и рѣшительная, чѣмъ въ тайной и подпольной работѣ карбонаріевъ. Расколъ наступилъ лишь тогда, когда Мадзини и его сторонники рѣшительно потребовали республики, тогда какъ основанный въ 1857 г. національный союзъ, съ ломбардцемъ Джорджо Паллавичино въ качествѣ перваго и Джузеппе Гарибальди въ качествѣ второго его предсѣдателя, высказался за единое монархическое государство подъ главенствомъ Савойскаго дома. Но обѣ партіи были охвачены однимъ чувствомъ негодованія на бездѣйствіе Наполеона, который старался всегда стоять на

дружеской ногѣ съ итальянскими правительствами и въ то же время не дѣлалъ ни малѣйшаго шага, чтобы прійти на помощь друзьямъ объединенія и свободы. Для отомщенія прежнему союзнику карбонаріевъ, теперь измѣнившему имъ, мадзинистъ Феличе Орсини совершилъ 14 января 1858 г. посредствомъ бомбы покушеніе на жизнь императора, которое повлекло за собою много жертвъ, но не достигло намѣченной цѣли. Осужденный на смерть Орсини обратился къ Наполеону съ письмомъ, въ которомъ умолялъ его не медлить долѣе дѣломъ освобожденія Италіи. Когда это письмо, къ изумленію всѣхъ непосвященныхъ, было обнародовано въ Moniteur'ѣ, Орсини съ радостью произнесъ, что теперь онъ можетъ умереть спокойно, ибо видитъ, что его пожеланія, направленныя ко благу Италіи, нашли откликъ. И еще подъ топоромъ гильотины онъ воскликнулъ: «Да здравствуетъ Франція»! Его же сообщникъ Пьери дожилъ до единой Италіи.

Дѣйствительно, послѣ покушенія Орсини можно было замѣтить нѣкоторую перемѣну какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ Наполеона. Когда король Сардиніи, Викторъ-Эммануилъ, въ письмѣ, адресованномъ Делла Рокка, на самомъ же дѣлѣ предназначенномъ для Наполеона, отрицалъ какое бы то ни было соучастіе въ дѣлѣ Орсини, то императоръ, какъ бы въ отвѣтъ на это, далъ успокоительныя завѣренія. Кавуръ выступилъ противъ радикальной печати съ мѣрами строгости, которыя онъ блестяще защищалъ въ палатѣ; Италія, которая не можетъ обойтись безъ союзниковъ, только тогда найдетъ себѣ искреннихъ друзей, если этому не помѣшаетъ разнузданность политическихъ фантазеровъ, способныхъ оттолкнуть ихъ отъ нея. Послѣ этого Наполеонъ пригласилъ сардинскаго министра къ себѣ на свиданіе въ курортѣ Пломбьеръ въ Вогезахъ. Въ бесѣдѣ, длившейся нѣсколько часовъ, было достигнуто по самымъ жгучимъ вопросамъ полное соглашеніе; формальнаго договора, однако, не было заключено. Наполеонъ далъ лишь торжественное обѣщаніе всѣми силами поддерживать Сардинію и, если понадобится, обнажить свой мечъ для освобожденія Италіи отъ австрійцевъ и союзныхъ съ ними государей. На мѣсто старыхъ государственныхъ единицъ долженъ былъ выступить союзъ четырехъ королевствъ: изъ Сардиніи, усиленной ломбардо-венеціанской областью, средне-итальянскаго королевства подъ главенствомъ герцогини Пармской и королевства Неаполитанскаго подъ управленіемъ принца Мюрата; предсѣдательство же въ Союзѣ должно было принадлежать папѣ, какъ суверенному государю города Рима. Но Наполеонъ не желалъ оказать свою помощь безкорыстно. Въ качествѣ эквивалента за нее онъ потребовалъ уступки Савойи и Ниццы; когда же Кавуръ замѣтилъ на это, что часть этой области—итальянская и по языку и по нравамъ, то защитникъ принципа національности возразилъ, что это не существенно.

Вслѣдъ за этимъ соглашеніемъ сардинскіе и французскіе дипломаты начали зондировать почву съ цѣлью уяснить, какую позицію займутъ европейскія правительства въ случаѣ войны. Въ Берлинѣ убѣдительно доказывали, что, быть-можетъ, уже завтрашній день принесетъ съ собою рѣшеніе вопроса не только для Италіи, но и для Германіи; что въ то время, какъ

Австрія является защитницей отжившихъ традицій, Пруссія и Сардинія выступаютъ провозвѣстницами новыхъ началъ будущаго, и въ виду этого Пруссіи слѣдуетъ примкнуть къ ея естественнымъ союзникамъ въ борьбѣ противъ стараго противника. Однако, эти совѣты встрѣтили въ Берлинѣ холодный пріемъ. Правда, во главѣ правленія уже не было колеблющагося и нерѣшительнаго романтика Фридриха-Вильгельма IV. Болѣзнь мозга заставила его удалиться съ правительственной арены въ октябрѣ 1857 г., и 7 октября 1858 г. его братъ, прусскій принцъ Вильгельмъ, былъ назначенъ регентомъ. Но и этому прямодушному солдату и трезвому политику претилъ союзъ съ заговорщиками и предводителями партизанскихъ отрядовъ. И, тѣмъ не менѣе, маркизъ Пеполи, довѣренное лицо Кавура, уѣхалъ изъ Берлина съ увѣренностью, что Пруссія не обнажитъ меча въ защиту Австріи. Въ Петербургѣ не забыли еще враждебнаго положенія, занятаго вѣнскимъ дворомъ во время Крымской войны. Хотя царь и не симпатизировалъ освобожденію Италіи и Наполеону въ роли освободителя, тѣмъ не менѣе, принцъ Наполеонъ успѣлъ заручиться положительнымъ обѣщаніемъ со стороны Россіи, что она сохранитъ нейтралитетъ и въ этомъ же смыслѣ будетъ вліять на Германію. Возраженія противъ постановки на очередь итальянскаго вопроса возникли собственно съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ожидать,— со стороны Англіи. Правда, виги были щедры на выраженіе самыхъ дружественныхъ пожеланій въ пользу возрожденія Италіи, но стоявшіе у кормила правленія тори склонялись на сторону Австріи.

Австрійская имперія была спасена отъ бурь 1848 и 1849 гг. нѣсколькими выдающимися военными,—Елачичемъ, Гайнау и Радецкимъ. Послѣ этого князь Феликсъ Шварценбергъ своей энергіей и умомъ снова поднялъ совершенно подорванный престижъ Австріи въ глазахъ Германіи и иностранныхъ державъ. Десять лѣтъ спустя депутатъ Игнацъ Куранда совершенно правильно охарактеризовалъ свѣтлыя и темныя стороны режима, введеннаго Шварценбергомъ: «Когда этому энергичному, смѣлому, не останавливающемуся ни передъ какимъ рискомъ человѣку, этому великолѣпному и счастливому игроку удалось снова поднять мощь Австріи, столь глубоко павшую, и такъ широко развернуть ея знамена, что они развѣвались отъ Анконы до Рендсбурга, въ эту минуту онъ могъ бы съ гордостью сказать: я возродилъ австрійскую мощь! Но эта гордость его завела слишкомъ далеко и привела къ той ошибкѣ, которая была свойственна и меттерниховской системѣ, а именно—исключительно опираться на внѣшнюю силу и совершенно игнорировать внутреннюю силу. Эта гордость побудила его отмѣнить конституцію 4 марта 1849 г., этотъ фундаментъ, на которомъ должно было быть возведено зданіе имперіи; вмѣсто этого, правительству были предоставлены широчайшія полномочія, и оно вообразило, что олицетворяетъ собою всю Австрію. Это сведеніе къ нулю всякаго проявленія начала народнаго представительства въ Австріи и превращеніе послѣдней въ строго абсолютистское государство и лишили насъ всѣхъ плодовъ достигнутыхъ Шварценбергомъ успѣховъ». Преемникъ Шварценберга (онъ умеръ 5 апрѣля 1852 г.), графъ Карлъ фонъ-

Буоль-Шауэнштейнъ, прошелъ дипломатическую школу Пальмерстона въ качествѣ посла при англійскомъ дворѣ. Фактъ, что между Австріей и западными державами удалось установить болѣе дружественныя отношенія, нельзя было не признать счастливымъ. Однако, Австрія вскорѣ изъ державы, задававшей извѣстный тонъ въ международной политикѣ, превратилась въ государство, дѣйствовавшее по чужой указкѣ. Буоль былъ орудіемъ Наполеона и Пальмерстона, что во время Крымской войны—какъ мы уже говорили—привело къ разрыву Священнаго союза. Австрія понесла громадныя жертвы на вооруженія и мобилизацію военныхъ силъ и все-таки была вынуждена допустить своего соперника въ Италіи, какъ равноправнаго члена, къ участію въ переговорахъ о заключеніи мирнаго договора; нѣсколько лѣтъ спустя Наполеонъ еще отблагодарилъ ее за эти жертвы при Маджентѣ и Сольферино.

Слова, съ которыми императоръ Наполеонъ обратился къ австрійскому посланнику барону Гюбнеру во время пріема иностранныхъ дипломатовъ 1 января 1859 г., свидѣтельствовали о близости важнаго историческаго момента. «Сожалѣю,—сказалъ онъ,—что отношенія моего правительства къ австрійскому теперь уже не такъ хороши, какъ они были раньше, но я прошу васъ заявить вашему императору, что мои личныя чувства къ нему остались неизмѣнными!» Впечатлѣніе, произведенное этими словами, было громадно. Хотя Наполеонъ потомъ и старался всячески ослабить враждебное значеніе своего новогодняго привѣтствія, однако, изъ этого совершенно неправильно было бы заключать, что своими словами Наполеонъ въ сущности не имѣлъ въ виду вызвать тревожное настроеніе. Разоблаченія Чіала относительно тайныхъ переговоровъ, имѣвшихъ мѣсто въ Пломбьерѣ, не оставляютъ сомнѣнія насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній, которыми руководился Наполеонъ въ этомъ случаѣ. Съ другой стороны, дополненіе къ сардинской тронной рѣчи, которое непосредственно послѣ новаго года императоръ рекомендовалъ своему союзнику, съ достаточной ясностью обнаруживало характеръ намѣреній Наполеона. «Король—говорилось въ дополненіи—при всемъ своемъ уваженіи къ договорамъ не можетъ оставаться глухимъ къ воплю страданія, доходящему до него изъ всѣхъ частей Италіи». Все это служитъ неотразимымъ доказательствомъ, что Наполеонъ старался подлить масла въ огонь. Уже 11 января маршалъ Кастеллано въ Ліонѣ получилъ приказъ держать войска наготовѣ. Когда одновременно съ этимъ принцъ Наполеонъ, двоюродный братъ императора, называвшійся «краснымъ принцемъ», такъ какъ ему нравилось играть роль принца Egalité, отправился въ Туринъ, то общее мнѣніе склонялось къ тому, что съ этой поѣздкой связанъ вопросъ не только о помолвкѣ его съ дочерью Виктора-Эммануила Клотильдой, но и о военномъ союзѣ. Такъ именно и случилось: 18 января союзный договоръ былъ подписанъ.

Въ Вѣнѣ были страшно ошеломлены новогодней воинственной рѣчью Наполеона. Такъ какъ въ серьезности положенія нельзя уже было сомнѣваться, то приняты были всѣ мѣры къ усиленію боевой готовности въ верхней Италіи. Однако, за отсутствіемъ желѣзнодорожной линіи въ Альпахъ,

работы въ этомъ направленіи подвигались крайне медленно. Тѣмъ не менѣе, австрійское правительство вѣрило еще въ возможность воздѣйствовать на своихъ противниковъ какимъ-нибудь рѣшительнымъ шагомъ. 23 апрѣля, когда велись еще дипломатическіе переговоры, оно отправило въ Туринъ ультиматумъ съ самымъ категорическимъ требованіемъ немедленнаго разоруженія Сардиніи. Этотъ рѣшительный шагъ былъ бы лишь тогда умѣстенъ, если бы непосредственно за нимъ могли быть начаты военныя дѣйствія. Въ дѣйствительности же этого нельзя было ожидать. Правда, уже 29 апрѣля императорскія войска подъ начальствомъ Гіулая двинулись черезъ Тичино, но затѣмъ они почему-то остановились въ выжидательной позиціи, пока боевыя силы противника не увеличились въ такой степени, что объ энергичномъ нападеніи уже и думать было нечего. Россіей было сдѣлано предложеніе о разрѣшеніи текущихъ спорныхъ вопросовъ путемъ созыва конгресса изъ представителей пяти великихъ державъ. Но такъ какъ Сардинія требовала допущенія на конгрессъ, а требованіе это, поддержанное Франціей, оспаривалось Англіей, то русское посредничество потерпѣло такую же неудачу, какую потерпѣло англійское предложеніе о всеобщемъ разоруженіи державъ. Наполеонъ дѣлалъ все, чтобы отклонить отъ себя упрекъ въ нарушеніи мира. Поводомъ къ собственнымъ вооруженіямъ служило для него воинственное настроеніе нѣмецкой печати. Общественное мнѣніе Германіи было возбуждено значительно сильнѣе, чѣмъ во время Крымской войны. Чувство національнаго самосознанія, пробужденное самими французами въ 1840 г., заставляло теперь нѣмцевъ признать долгомъ чести помочь австрійцамъ въ борьбѣ противъ итальянцевъ; одушевленные этимъ чувствомъ, они не смущались, что дружески привѣтствуемый ими «нѣмецкій братъ» не понималъ по-нѣмецки. Холодная сдержанность прусскаго правительства съ чувствомъ горечи принималась за измѣну національному дѣлу. Уже и въ то время каждый, при болѣе глубокомъ анализѣ положенія вещей, долженъ былъ замѣтить, что возрожденіе Германіи могло исходить только отъ Пруссіи, но громадное большинство нѣмецкаго народа тогда еще не сознавало этой истины; и на югѣ, и на западѣ надъ прославленной прусской арміей смѣялись и говорили, что она годится только для пѣтушьей маршировки на парадахъ, и всѣ симпатіи были обращены въ сторону стройныхъ, подвижныхъ и ловкихъ солдатъ австрійской арміи.

Однако, ходъ военныхъ операцій совершенно не оправдывалъ ожиданій, связанныхъ со столь высокимъ мнѣніемъ объ австрійской арміи. Въ изданномъ впослѣдствіи генеральнымъ штабомъ трудѣ о войнѣ 1859 г. можно видѣть, что главнокомандующій австрійской арміей въ Италіи, венгерецъ графъ Гіулай, съ самаго начала правильно понялъ общее положеніе дѣлъ. Но онъ не могъ ни получить настойчиво требуемыхъ имъ подкрѣпленій, вслѣдствіе господствовавшей въ Вѣнѣ увѣренности, что главный театръ военныхъ дѣйствій сосредоточится на рейнскомъ берегу, ни добиться самостоятельности, которая могла бы сдѣлать его отвѣтственнымъ за неудачный исходъ кампаніи. 4 іюня передовое движеніе французовъ привело къ битвѣ при Маджентѣ

БИТВА при МАДЖЕНТѢ 4 іюня 1859 г.

у Тичино. Съ полудня до вечера съ отчаянной храбростью дрались вокругъ деревень и поселковъ, разсѣянныхъ среди рисовыхъ полей; съ той и другой стороны выставлено было около 100000 человѣкъ; но на сторонѣ Наполеона, лично командовавшаго арміей, имѣлся значительный перевѣсъ. Лишь съ наступленіемъ ночи французы овладѣли важнѣйшей непріятельской позиціей, городкомъ Маджентой, но ни одна изъ борющихся сторонъ не признала себя побѣжденной, и Гіулай намѣренъ былъ на слѣдующее утро возобновить сраженіе. Однако, ночью было получено сообщеніе отъ помощника главнокомандующаго Кламмъ-Галласа, что онъ увелъ свои войска въ Миланъ, такъ какъ они оказались неспособными къ дальнѣйшему бою. Вслѣдствіе этого Гіулай былъ вынужденъ покинуть свою позицію, очистить Ломбардію и отступить въ крѣпостной четыреугольникъ позади Минчіо. Побѣда французовъ при Маджентѣ спасла также партизанскіе отряды, приведенные Гарибальди къ озеру Комо; иначе они были бы разбиты превосходными силами генерала Урбана. 8 іюня Наполеонъ и Викторъ-Эммануилъ, которые не сразу даже поняли, какой рѣшительный успѣхъ достался на ихъ долю, совершили торжественный въѣздъ въ Миланъ. Великій герцогъ Тосканскій не дождался появленія французовъ подъ начальствомъ принца Жерома Наполеона и, не полагаясь на вѣрность своихъ войскъ, покинулъ страну. Также были вынуждены къ бѣгству вслѣдствіе неудачи своихъ покровителей герцогъ Моденскій и герцогиня Пармская; въ папской же области возникли серьезныя волненія.

Между тѣмъ въ высшемъ командованіи австрійской арміей произошли перемѣны. Въ Австріи тономъ рѣзкаго упрека указывали на то обстоятельство, что носитель французской короны своимъ личнымъ присутствіемъ въ арміи воодушевлялъ офицеровъ и солдатъ и тѣмъ облегчалъ имъ переносить невзгоды и опасности войны. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Францъ-Іосифъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій и принялъ на себя главное командованіе надъ арміей, не оказавъ, однако, этимъ никакого существеннаго вліянія на ходъ военныхъ операцій. Дѣйствительнымъ главнокомандующимъ былъ фельдцейхмейстеръ Гессъ, который во время похода 1849 г. оказалъ на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій выдающіяся услуги своему товарищу по оружію, генералу Радецкому. Послѣ продолжительнаго перемирія австрійцы 23 іюня снова начали наступательныя дѣйствія и, перейдя черезъ Минчіо, намѣрены были дать сраженіе непріятелю, котораго они надѣялись найти по ту сторону Чіезе. Но французы въ количествѣ около 110000 и сардинцы въ количествѣ 50000 человѣкъ уже 21 числа перешли Чіезе. Рано утромъ 24-го ихъ авангардъ наткнулся на австрійскіе форпосты, и завязалась рѣшительная битва при Сольферино. Въ три часа пополудни деревня Сольферино, гдѣ сосредоточился главный бой, досталась въ руки французамъ. Послѣ этого австрійцы отступили на высоты Кавріаны. Но Макъ-Магонъ съ французской гвардіей преслѣдовалъ ихъ съ такой безпощадностью, что австрійцы, несмотря на страшную грозу, окутавшую глубокимъ мракомъ все поле сраженія, продолжали свое отступленіе черезъ Минчіо. Союзники потеряли въ этомъ сраженіи 17000 убитыми и ранеными и 2500 плѣн-

ными, австрійцы—13000 убитыми и ранеными и 9000 плѣнными. Такъ какъ высшіе военачальники обѣихъ армій лично присутствовали при дѣлѣ, то они должны были быть очевидцами того ужаснаго бѣдствія, которое разыгралось на полѣ сраженія. На молодого императора Франца-Іосифа кровавое зрѣлище произвело такое потрясающее впечатлѣніе, что на просьбу генерала Бенедека продолжать сраженіе онъ отвѣтилъ безусловнымъ и рѣшительнымъ отказомъ. Нѣсколько дней спустя союзники перешли Минчіо. Сардинцы приступили къ осадѣ крѣпости Пескьера; Гарибальди, всюду поддерживаемый населеніемъ, съ успѣхомъ продолжалъ партизанскую войну на тирольской границѣ; французскій флотъ подъ начальствомъ Ромэнъ-Дефоса угрожалъ Венеціи. И въ этотъ моментъ пришло извѣстіе, ошеломившее всѣхъ: миръ заключенъ!

Иниціатива исходила отъ самого Наполеона. Нѣмецкая печать такъ настойчиво и шумно требовала отъ всякаго, чувствующаго себя нѣмцемъ, помощи угрожаемой Австріи, что прусскій король видѣлъ себя вынужденнымъ подчиниться волѣ народа. Изгнаніе итальянскихъ государей произвело на принца-регента удручающее впечатлѣніе; онъ хотя выражалъ сожалѣніе по поводу дурного управленія въ Италіи, но низверженіе троновъ возбуждало въ немъ ужасъ и отвращеніе. Съ другой стороны, Пруссія не могла допустить коренного измѣненія въ группировкѣ державъ, которое должно было совершиться въ результатѣ ряда побѣдъ французовъ и сардинцевъ. Поэтому принцъ Вильгельмъ въ день побѣды на южномъ берегу озера Гарда увѣдомилъ лондонскій и петербургскій дворы, что онъ предложитъ свое вооруженное посредничество воюющимъ сторонамъ на основахъ сохраненія территоріальной цѣлости каждой изъ нихъ и политическихъ реформъ въ Италіи. Одновременно съ этимъ сдѣлано было распоряженіе о мобилизаціи прусской арміи, а въ бундестагѣ было предложено стянуть сѣверо-германскій корпусъ союзной арміи. Это извѣстіе должно было произвести на Наполеона тѣмъ большее впечатлѣніе, что и русскій императоръ Александръ II выразилъ свое нерасположеніе къ революціоннымъ излишествамъ въ Италіи. Да и самъ Наполеонъ не былъ удовлетворенъ результатами своихъ военныхъ успѣховъ. Онъ намѣтилъ кандидатомъ на тосканскій престолъ своего двоюроднаго брата Жерома, но въ виду охватившаго всю Италію одушевленія идеею объединенія, объ этомъ невозможно было думать. Кромѣ того, противъ продолженія войны были причины и военнаго характера. Прежде всего осада крѣпостного четыреугольника потребовала бы огромныхъ жертвъ, а такой плодъ Idées Napoléoniennes былъ французамъ вовсе не по вкусу. Въ виду всего этого Наполеонъ и рѣшилъ поскорѣе заключить миръ. Уже 6 іюля онъ послалъ своего адъютанта генерала Флери въ главную австрійскую квартиру. Здѣсь также сильно желали положить конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ, такъ какъ вмѣшательство Пруссіи ничуть не улыбалось Австріи, а настроеніе въ Венгріи заставляло опасаться—не сегодня-завтра—новаго революціоннаго взрыва.

Послѣ заключенія перемирія между Наполеономъ и Францъ-Іосифомъ состоялось свиданіе въ Виллафранкѣ; результаты (11 іюля 1859 г.) этого

свиданія для побѣдителя были почти униженіемъ. Наполеонъ, который въ своемъ манифестѣ открыто и ясно говорилъ: «Италія, свободная до Адріатики», согласился лишь на уступку Ломбардіи сардинскому королевству, Венеція же оставалась подъ австрійскимъ господствомъ. Изгнанные государи Тосканы и Модены должны были быть водворены, хотя и не силою оружія, на свои прежнія мѣста. Затѣмъ всѣ итальянскія государства, не исключая и австрійскихъ областей, должны были подъ предсѣдательствомъ папы получить конституцію, выработанную по образцу конституціи Германскаго союза. Эти условія, выработанныя въ Виллафранкѣ и окончательно санкціонированныя 10 ноября въ Цюрихѣ, произвели на союзниковъ Франціи убійственное впечатлѣніе. Союзъ итальянскихъ государствъ со включеніемъ въ него Австріи, какъ могущественнѣйшаго его члена, являлся новымъ подчиненіемъ Италіи ненавистному ей чужеземному господству. Чтобы не запятнать себя участіемъ въ исполненіи этого позорнаго договора, Кавуръ вышелъ изъ состава министерства; этимъ онъ обезпечивалъ себѣ возможность свободно и смѣло дѣйствовать въ качествѣ убѣжденнаго поборника объединительнаго движенія. И хотя онъ раньше довольствовался идеей итальянскаго союзнаго государства, теперь онъ сталъ горячо отстаивать идею абсолютно единаго государства. Чтобы помѣшать возвращенію прежнихъ своихъ властителей, средне-итальянскія провинціи прибѣгли къ народному голосованію. Результатъ былъ одинаковый какъ во Флоренціи и Болоньи, такъ и въ Пармѣ и Моденѣ: громадное большинство высказалось за объединеніе съ Сардиніей подъ господствомъ надъ всей Италіей призваннаго волею народа Савойскаго королевскаго дома. Викторъ-Эммануилъ могъ только изъявить свою благодарность своимъ соотечественникамъ за ихъ единодушную вѣрность ему и выразить пожеланіе, чтобы великія державы не медлили своимъ признаніемъ справедливости столь идеальнаго требованія. Наполеонъ, который самъ былъ призванъ на тронъ народнымъ голосованіемъ, не могъ, конечно, игнорировать воли, выраженной итальянскимъ народомъ. Какъ ни велико было возмущеніе вѣнскаго двора по поводу этого новаго европейскаго скандала, но на новую войну, ради интересовъ своихъ протеже, онъ не могъ рѣшиться. Предпологавшійся конгрессъ для урегулированія итальянскихъ дѣлъ не состоялся. Но въ виду того, что волна движенія, охватившая итальянскіе города, поднималась все выше и выше, и коронованному карбонарію приходилось опасаться появленія второго Орсини, Наполеонъ въ февралѣ 1860 г. заявилъ королю Виктору-Эммануилу, что онъ долѣе не станетъ противодѣйствовать новому устройству Италіи, если будетъ принято во вниманіе «историческое право» Франціи на Савойю и Ниццу. Какъ только было выражено признаніе этого права, послѣдовало включеніе Тосканы, Пармы, Модены и Романьи въ составъ королевства Сардиніи и присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи, торжественно санкціонированное народнымъ голосованіемъ. Въ Неаполѣ населеніе враждебно отнеслось къ своей династіи, потому что она отказывалась идти рука-объ-руку съ Савойскимъ домомъ.

Ни въ одномъ изъ современниковъ этой эпохи демоническій порывъ

итальянскаго народа къ свободѣ не нашелъ столь яркаго воплощенія, какъ въ Джузеппе Гарибальди. Если и раньше ничѣмъ не сдерживаемый героизмъ его пылкой натуры часто вступалъ въ конфликтъ съ холоднымъ политическимъ разсчетомъ уравновѣшеннаго Кавура, то теперь у Гарибальди была особая причина ненависти къ министру, который, разумѣется, только подъ давленіемъ политической необходимости отдалъ Франціи Ниццу—родину Гарибальди. Однако, когда интересы отечества этого требовали, славный патріотъ отрѣшался отъ своихъ личныхъ чувствъ злобы и возмущенія и являлся рукою Италіи, въ то время какъ ея головою былъ геніальный государственный дѣятель Кавуръ. Послѣднія битвы за существованіе единой Италіи были страницами героической эпопеи, поэтически воспроизведенными самой исторіей. Съ согласія Кавура Гарибальди со своими 1067 добровольцами высадился 11 мая у Марсалы на островѣ Сициліи. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ островъ оставался въ ихъ рукахъ; затѣмъ они устремились на материкъ. Три недѣли спустя Гарибальди вступилъ въ Неаполь. Это побѣдоносное шествіе отъ Марсалы до Неаполя навсегда останется какимъ-то легендарнымъ подвигомъ. Не менѣе изумительно было самообладаніе диктатора. Неограниченно властвуя надъ милліонами ликующихъ подданныхъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы всего королевства, но все это цѣнное достояніе, всю свою мощь онъ сложилъ къ ногамъ короля, монархической власти котораго онъ принесъ въ жертву свои республиканскіе идеалы; лишь нѣсколько древесныхъ вѣтокъ увезъ онъ съ собою на память на свой островъ Капреру. Съ глубокою печалью въ сердцѣ, но повинуясь запрещенію Кавура, отказался Гарибальди отъ проектированнаго имъ продолженія «похода тысячи» на Венецію, эту цитадель австрійскаго владычества, и на Римъ, этотъ центръ Италіи и міра. Остальныя же части полуострова находились подъ скипетромъ Виктора-Эммануила, который по постановленію собранія народныхъ представителей въ Туринѣ отъ 14 марта 1860 г. принялъ титулъ: «Волею народа король Италіи».

Прежде всѣхъ открыто и рѣшительно признало фактъ государственнаго переустройства Италіи англійское правительство. Наполеонъ опасался, что Кавуръ не въ состояніи будетъ еще долго удерживать опьяненныхъ своими успѣхами патріотовъ отъ нападенія на Римъ, гдѣ по настоянію французскаго духовенства былъ поставленъ французскій гарнизонъ. Поэтому онъ снова выступилъ съ предложеніемъ созвать европейскій конгрессъ для установленія прочнаго государственно-правового порядка въ Италіи; но всѣ его усилія въ этомъ направленіи разбились о единодушное сопротивленіе Австріи и Италіи. Царь Александръ былъ такъ сильно возмущенъ своевольными дѣйствіями итальянскихъ революціонеровъ, что это чувство заставило его забыть даже о черной неблагодарности Австріи. Въ октябрѣ состоялось въ Варшавѣ свиданіе монарховъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Казалось, что дни Священнаго союза снова возвращаются, впрочемъ, о дѣйствительномъ согласіи трехъ державъ не могло быть рѣчи. Александръ II отнесся къ чрезмѣрно широкимъ желаніямъ Австріи не менѣе холодно, чѣмъ принцъ-регентъ Пруссіи, такъ что

ГАРИБАЛЬДИ привѣтствуетъ короля **ВИКТОРА - ЭММАНУИЛА** 7 ноября 1860 г. предъ воротами Неаполя.

мысль о возобновленіи войны для возстановленія преобладающаго господства Австріи въ Италіи должна была быть оставлена. Но это именно пораженіе въ области внѣшней политики было громаднымъ выигрышемъ для австрійской имперіи. Правительство—со времени войны въ Ломбардіи во главѣ его стоялъ графъ Іоганнъ-Бернгардъ фонъ-Рехбергъ, бывшій ревнивый партнеръ Бисмарка во Франкфуртѣ, «человѣкъ крайне раздражительный, но весьма почтенный»—вынуждено было разъ навсегда покончить съ меттерниховской системой, обратиться къ содѣйствію народа, чтобы извлечь монархію изъ глубины ея паденія, и перейти отъ военно-бюрократическаго абсолютизма къ конституціонной формѣ правленія. Такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ можно говорить и о возрожденіи Австріи послѣ Мадженты и Сольферино.

Императорская печать Наполеона III.

Оригиналъ въ Королевскомъ Тайномъ Государственномъ Архивѣ въ Берлинѣ.

8. Новая эра въ Пруссіи и Австріи.

Національное движеніе во время войны 1859 года вызвало и въ Германіи появленіе патріотическаго союза, образовавшагося по примѣру туринскаго. Граждане Готы просили своего герцога Эрнста способствовать основанію національной партіи, цѣлью которой было бы «союзное государство съ народнымъ представительствомъ, подъ военнымъ и дипломатическимъ предводительствомъ Пруссіи». Во Франкфуртѣ, Ганноверѣ и другихъ городахъ собранія гражданъ вынесли рѣшеніе—передать предводительство Пруссіи съ цѣлью помочь Австріи. Хотя до сихъ поръ поведеніе Пруссіи мало соотвѣтствовало взглядамъ и желаніямъ либераловъ, тѣмъ не менѣе, разумные политики не могли не понимать, что «сила Германіи безъ Пруссіи ничтожна, и что германская союзная конституція безъ органа національной воли остается неполной и безсильной». Герцогъ Эрнстъ, въ искреннихъ національныхъ чувствахъ котораго нельзя сомнѣваться, охотно далъ свое согласіе. Сюда присоединились и многіе члены второй ганноверской палаты подъ предводительствомъ Беннингсена. На собраніи делегатовъ во Франкфуртѣ 17 сентября 1859 г., несмотря на самое рѣзкое различіе во мнѣніяхъ, было постановлено основать національный нѣмецкій союзъ. Гегемонія Пруссіи, но отнюдь не исключеніе Австріи изъ Германіи, была заранѣе рѣшеннымъ вопросомъ, только враждебное отношеніе министерства Рехберга открыло глаза главнымъ вождямъ. Такъ какъ согласіе герцога Кобургскаго на пропаганду противъ авторитета бундестага казалось Рехбергу «особенно недостойнымъ въ устахъ верховнаго правителя»,—то онъ обратился къ прусскому правительству съ

просьбой не терпѣть дольше подобныхъ козней. Но отвѣтъ Пруссіи показалъ, что въ Берлинѣ духъ Ольмюца уже потерялъ свое господство. Ему отвѣтили, что герцогъ сказалъ только то, на что уже десять лѣтъ назадъ согласились всѣ нѣмецкіе князья.

Послѣ подавленія революціоннаго движенія 1848 г. въ Пруссіи наступило состояніе, дававшее берлинцамъ поводъ острить, что одна изъ двухъ группъ съ изображеніемъ укрощаемыхъ коней передъ королевскимъ дворцомъ представляетъ укрощаемый прогрессъ, а другая—поощряемую реакцію. Но именно тотъ человѣкъ, который въ революціонный годъ считался главнымъ представителемъ стараго режима, принцъ Вильгельмъ Прусскій, понялъ, что съ помощью устарѣлыхъ идей больше хозяйничать нельзя. Въ своемъ добровольномъ изгнаніи въ Англіи онъ освободился отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ, подъ вліяніемъ принца-супруга Альберта онъ ближе ознакомился съ конституціонной формой правленія, а благодаря послу Бунзену ему стала ясна идея германскаго призванія Пруссіи. Но принцъ Вильгельмъ былъ прежде всего солдатъ, и потому, когда взялъ въ руки бразды правленія вмѣсто своего заболѣвшаго брата, счелъ первой обязанностью организовать германское союзное войско по прусскому образцу. Этому воспротивилась не только Австрія, но и большинство германскихъ среднихъ государствъ; тѣмъ рѣшительнѣе старался онъ провести военную реформу, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи. Продолжительный миръ плохо вліялъ на военное дѣло; мечты либераловъ о преимуществахъ народной арміи нашли защитниковъ въ свободомыслящихъ кругахъ Пруссіи; принципъ всеобщей воинской повинности не отстаивался достаточно рѣшительно. Самъ Бойенъ, организаторъ всеобщей повинности, въ свое время выставилъ требованіе—держать наготовѣ постоянное, независимо отъ остальнаго вооруженнаго населенія, подвижное войско, достаточно сильное, чтобы служить средоточіемъ образованія общей защиты. Количество же войскъ, стоящихъ подъ знаменами, за послѣднія десятилѣтія все болѣе и болѣе уменьшалось. Правда, прусское войско стояло выше всѣхъ нѣмецкихъ контингентовъ какъ по силѣ, такъ и по выправкѣ, но этого было все-таки недостаточно. Военная реформа, проекты которой появлялись уже лѣтомъ 1858 г., была вполнѣ созданіемъ Вильгельма. Для проведенія ея онъ въ декабрѣ 1859 г. назначилъ вмѣсто Бонима, дѣйствовавшаго въ общемъ черезчуръ мягко и робко, военнымъ министромъ генерала фонъ-Роона, «строгаго, суроваго слугу своего военнаго господина, полнаго великихъ, твердыхъ, гордыхъ прусскихъ убѣжденій» (Марксъ). «Въ монархіи, подобной нашей,—писалъ Вильгельмъ Бониму 24 ноября 1859 г.,—военная точка зрѣнія не должна умаляться финансовой и экономической, такъ какъ на ней основано положеніе нашего государства въ Европѣ, отъ чего, въ свою очередь, зависитъ многое другое». Особенное положеніе Пруссіи могло дѣйствительно служить оправданіемъ и для болѣе притязательнаго милитаризма. Со времени Фридриха Великаго прусскіе монархи, несмотря на свои честолюбивыя стремленія, не воспользовались ни однимъ удобнымъ случаемъ для возвышенія своей власти; поэтому въ общественномъ мнѣніи Европы утвердилась вѣра, что прусскому народу и его регентамъ не хватаетъ

необходимой для великихъ дѣлъ энергіи. Роонъ былъ правъ, когда говорилъ: «Дѣло реформъ есть для Пруссіи вопросъ существованія, оно должно быть совершено!» Разумѣется, дѣло это не могло быть выполнено безъ значительнаго увеличенія налоговъ, и по этому поводу между палатой и правительствомъ возникъ серьезный конфликтъ. Либеральная партія не воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы своимъ участіемъ въ поднятіи военной мощи заслужить милость регента; ея рѣзкая оппозиція привела лишь къ тому, что Вильгельмъ еще серьезнѣе старался охранять право короны отъ «новаго института», сходясь все болѣе и болѣе съ консерваторами. Непріятный споръ обострился еще сильнѣе, когда Вильгельмъ 2 января 1861 г. послѣ кончины своего брата унаслѣдовалъ корону. Чтобы подчеркнуть передъ цѣлымъ міромъ, что и конституціонное королевство есть созданіе Божьей милости, онъ велѣлъ устроить роскошное коронаціонное празднество въ Кенигсбергѣ и принялъ «со стола Господня» «святую» корону. Чѣмъ болѣе новый монархъ подобной архаической символикой противопоставлялъ себя и свое войско идеямъ новаго времени, тѣмъ рѣзче демократическая партія выступала въ ландтагѣ противъ дѣйствительнаго или кажущагося поворота на путь абсолютизма. Возмущенный такимъ непризнаваніемъ своихъ правъ и доброй воли, Вильгельмъ носился съ мыслью объ отреченіи, когда Роонъ побудилъ его призвать для борьбы съ «болтунами» могучаго союзника. 24 сентября 1862 г. Отто фонъ-Бисмаркъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ. Это былъ «безумный юнкеръ», который въ молодости прославилъ свое имя тѣмъ, что будилъ по утрамъ своихъ гостей пистолетными выстрѣлами и загонялъ лисицъ въ комнаты дамъ, но который при этомъ не только изучалъ Спинозу и Макіавелли, но и серьезно занимался нѣмецкой филологіей и исторіей. Въ революціонные годы онъ въ парламентѣ убѣжденно защищалъ положеніе «A deo rex, de rege lex». До 1850 года онъ былъ хорошо расположенъ къ Австріи; но, будучи въ бундестагѣ во Франкфуртѣ коллегой и соперникомъ Рехберга, онъ вскорѣ понялъ, что реформа союза и національное развитіе Германіи невозможны въ сотрудничествѣ съ Австріей. Чтобы обидчивый и легко воспламеняющійся дипломатъ во Франкфуртѣ не нарушалъ интересовъ мира, принцъ-регентъ Вильгельмъ назначилъ Бисмарка посломъ на берегахъ Невы и тѣмъ сдѣлалъ его совершенно безопаснымъ. Большой публикѣ было мало извѣстно о томъ, что «безумный юнкеръ» въ Петербургѣ и затѣмъ въ Парижѣ проявилъ себя мастеромъ не только дипломатическаго, но и государственнаго искусства. Когда послѣ подробнаго обсужденія съ нимъ прусскихъ, нѣмецкихъ и европейскихъ дѣлъ король Вильгельмъ поставилъ его во главѣ министерства, Бисмаркъ былъ встрѣченъ съ негодованіемъ какъ въ Пруссіи, такъ и въ остальной Германіи. Въ либеральныхъ кругахъ относились съ нескрываемымъ недовѣріемъ къ стороннику стараго режима, а національно настроенные элементы общества отворачивались отъ поклонника Наполеона. Но ни ненависть земляковъ, ни недовѣріе европейскихъ дворовъ, ни угрожающія напоминанія ландтага объ отвѣтственности министровъ, ни боязнь умалить значеніе трона не могли поколебать его убѣжденій; самый страшный парламентскій пере-

Коронованіе Вильгельма I, короля Пруссіи, въ Кенигсбергѣ 18 октября 1861 г.

Императоръ Максимиліанъ предъ казнью.

крестный огонь не могъ заставить его ни на минуту потерять присутствіе духа. Наполеонъ при разставаніи съ нимъ напомнилъ ему о судьбѣ Полиньяка. Но Бисмаркъ никогда не былъ министромъ одной партіи, слѣпымъ защитникомъ однихъ лишь консервативныхъ интересовъ; онъ былъ, какъ самъ называлъ себя, «сословно-либеральнымъ» защитникомъ правъ короны, съ врагами которой, будь они справа или слѣва, онъ безпощадно боролся. Либеральная партія во время дебатовъ о бюджетѣ упорно нападала тогда на военную реформу и права короны. Новый министръ-президентъ, опираясь на одобреніе верхней палаты, заявилъ, что правительство въ крайнемъ случаѣ обязано продолжать финансовое управленіе государствомъ и безъ предусмотрѣннаго конституціей участія народнаго представительства. Этимъ заявленіемъ связь между правительствомъ и народнымъ представительствомъ была разорвана. Неправильность поведенія Бисмарка была очевидна, но онъ могъ бы найти защитниковъ въ Пруссіи даже среди старо-либеральной партіи, если бы ему было разрѣшено раскрыть конечную цѣль своего образа дѣйствій. То, что людямъ оппозиціи, а также непричастнымъ зрителямъ представлялось споромъ буржуазіи съ юнкерствомъ, имѣло гораздо болѣе глубокое значеніе: положеніе Пруссіи въ Германіи и Европѣ было бы потеряно, если бы ей не хватало реальныхъ средствъ къ власти. Всѣми осмѣянный во Франкфуртѣ «дипломатическій младенецъ» со спокойствіемъ и усердіемъ естествоиспытателя изучалъ своихъ коллегъ и ихъ политическія убѣжденія—и не былъ о нихъ особенно высокаго мнѣнія. Онъ сталъ ненавидѣть проекты и планы австрійской политики и презирать ничтожество мѣщанскихъ взглядовъ о маленькихъ государствахъ. Онъ убѣдился, какъ онъ писалъ министру Шлейницу, что вся союзная конституція есть не что иное, какъ «болѣзнь, которую нужно раньше или позже вылѣчить ferro et igni» (желѣзомъ и огнемъ). Съ тѣхъ поръ на Бисмаркѣ, какъ въ фокусѣ зеркала, можно изучать великій всемірно-историческій процессъ возрожденія Германіи. Бисмаркъ задался цѣлью сдѣлать прусское государство центромъ и средоточіемъ нѣмецкой національности, и онъ достигъ этой цѣли не со стремительностью какого-либо мечтателя, а мудрымъ взвѣшиваніемъ потребностей и силъ даннаго момента. Онъ былъ созданъ для того, чтобы воплотить въ историческую дѣйствительность идею о томъ, что культурной миссіей Пруссіи является образованіе нѣмецкаго національнаго государства. Но разрѣшеніе этой задачи было бы для Бисмарка невозможно, несмотря на его знаніе людей и находчивость, на мужество и прямоту, если бы король Вильгельмъ, который, безгранично цѣня геніальную индивидуальность своего слуги, съ безпримѣрной въ исторіи самоотверженностью не помогалъ ему больше въ качествѣ услужливаго друга, нежели повелителя. Вѣдь монархъ и министръ преслѣдовали одну и ту же цѣль. Уже при вступленіи своемъ на престолъ Вильгельмъ I объявилъ: «Мои обязанности по отношенію къ Германіи совпадаютъ съ обязанностями по отношенію къ Пруссіи; какъ германскій государь, я обязанъ укрѣпить Пруссію въ томъ положеніи, которое она, благодаря своей славной исторіи и развитой организаціи войска, должна ко всеобщему благу занять среди германскихъ государствъ».

Бисмарку была вполнѣ ясна не только конечная цѣль, но также средства и пути. Занявъ первенствующее положеніе, онъ вскорѣ заявилъ съ безпощадной откровенностью, что «великіе вопросы нашего времени рѣшаются не рѣчами и резолюціями парламентскаго большинства, какъ ошибочно думали въ 1848 и 1849 гг., а кровью и желѣзомъ!» Главнымъ представителямъ общественнаго мнѣнія эти многозначительныя слова казались лишь неумѣстной и хвастливой угрозой. Въ то время воображали, что наступила эра вѣчнаго мира, что всѣ политическіе споры и недоразумѣнія будутъ разрѣшаться уже не пушками, а хорошо составленными рѣчами. Какъ осмѣивали всѣ превратную политику министра, который, выставляя всегда на видъ первенствующую роль Германіи, своими насильственными и реакціонными поступками лишалъ Пруссію ея послѣднихъ симпатій! Будущее Германіи—такъ думалъ просвѣщенный патріотъ по ту и другую сторону Майна—принадлежитъ не Пруссіи, снова впавшей въ ancien régime, но обновленной Австріи, преобразованной въ настоящее конституціонное государство. Въ 1860 году въ Вѣнѣ произошла коренная перемѣна системы; подъ вліяніемъ поставленнаго во главѣ правленія Антона Шмерлинга, «имперскаго министра» 1848 г., была выработана для всѣхъ частей имперіи общая конституція, которая и была опубликована 26 февраля 1861 г. Чтобы использовать благопріятное настроеніе и добиться для имперіи сначала экономическаго, а затѣмъ и первенствующаго политическаго вліянія, министръ внѣшнихъ дѣлъ графъ Рехбергъ предложилъ 16 іюля 1862 г. бундестагу проекты договоровъ, по которымъ Австрія со включеніемъ и не-нѣмецкихъ земель и германскій таможенный союзъ въ будущемъ должны были образовать замкнутую область сообщенія съ общимъ таможеннымъ тарифомъ. Для принятія проекта требовалось единогласіе бундестага. Пруссія не дала своего согласія ни на договоръ, ни на предложеніе Рехберга относительно реформы союза. Въ прусскомъ ландтагѣ Бисмаркъ выразился, что хрупкое тѣло Пруссіи не можетъ долгое время носить тяжелое бремя, навязываемое ему соперничествомъ Австріи. Въ бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ Кароли Бисмаркъ выставилъ требованіе, чтобы Австрія, если она хочетъ поддерживать дружескія отношенія съ Пруссіей, отказалась, наконецъ, отъ своей анти-прусской политики, опирающейся на коалицію изъ среднихъ нѣмецкихъ государствъ. Когда Кароли возразилъ, что Австрія не можетъ пожертвовать своимъ, основаннымъ на старыхъ традиціяхъ, вліяніемъ на германскіе дворы, что это было бы равносильно добровольному вытѣсненію изъ Германіи, Бисмаркъ воскликнулъ: «Это было бы прекрасно! Вы должны перенести центръ тяжести въ Офенъ!» Понятно, что подобные совѣты вызывали въ Вѣнѣ сильное волненіе. Вражда между главными германскими державами все болѣе обострялась.

Между тѣмъ на востокѣ наступили событія, ясно свидѣтельствовавшія о томъ, что еще существуетъ общность интересовъ между Пруссіей и Австріей. При тайной поддержкѣ Наполеона въ Парижѣ и Лондонѣ образовались польскіе революціонные комитеты; первоначальной цѣлью подготовляемаго возстанія было возвращеніе царства Польскаго къ границамъ 1771 г.,—въ

будущемъ предстояло возстановленіе Великой Польши, въ блестящій періодъ Ягеллоновъ тянувшейся отъ Одера до Карпатовъ и Днѣпра. Возрожденіе національнаго принципа въ Польшѣ въ одинаковой степени угрожало тремъ державамъ, участвовавшимъ въ раздѣлѣ. Относительно поведенія Пруссіи Бисмаркъ не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Было ясно, что Пруссія и Россія пойдутъ въ этомъ случаѣ рука-объ-руку, и, когда въ январѣ 1863 г., дѣйствительно, вспыхнуло возстаніе въ Варшавѣ, и при первыхъ столкновеніяхъ уже обнаружился кровопролитный характеръ борьбы, прусское правительство тотчасъ же приняло необходимыя мѣры для энергичной поддержки Россіи. Напротивъ того, вѣнскій кабинетъ былъ такъ озлобленъ отказомъ Пруссіи отъ проекта таможеннаго соглашенія,—общее вѣроисповѣданіе въ Польшѣ и Австріи также способствовало болѣе благосклонному отношенію австрійцевъ къ полякамъ,—что онъ, несмотря на опасность потерять Галицію, присоединился къ западнымъ державамъ.

Польскій національный комитетъ снова назначилъ диктаторомъ организатора возстанія 1848 г. Мѣрославскаго, но онъ и на этотъ разъ не сумѣлъ внести необходимаго согласія въ военныя предпріятія. Уже въ первомъ сраженіи при Рачиньевѣ, недалеко отъ прусской границы, онъ былъ разбитъ, и такъ какъ дворянская партія узнала, что Мѣрославскій, какъ республиканецъ и приверженецъ Мадзини, не пользуется милостью Наполеона, то военное предводительство было передано познанцу Лангевичу. Но и новый диктаторъ не оказался счастливѣе; послѣ двухъ пораженій при Хробржѣ и Бускѣ онъ былъ принужденъ отступить на австрійскую территорію. Хотя теперь нигдѣ ужъ нельзя было встрѣтить сильнаго войска мятежниковъ, русскимъ все-таки не удавалось возстановить спокойствіе въ странѣ; маленькая война продолжалась; поляки не переставали надѣяться на поддержку европейскихъ державъ. Но ни Англія, ни Франція не были намѣрены вести войну съ Россіей изъ-за освобожденія Польши; обѣ державы рѣшили только сдѣлать предложеніе русскому государю о необходимости вернуть полякамъ конституцію, обѣщанную имъ Вѣнскимъ конгрессомъ и отнятую въ 1831 г.; ко всеобщему удивленію, и Австрія присоединилась къ этому желанію. Отвѣтъ Россіи былъ чрезвычайно ясенъ. Вмѣшательство Европы было отклонено вѣжливо, но рѣшительно. Горчаковъ заявилъ даже, что на возстаніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на результатъ агитаціи революціонныхъ комитетовъ, терпимыхъ и поощряемыхъ на западѣ; онъ указывалъ и на то, что лучше всего было бы уничтожить источникъ зла, а не возлагать отвѣтственность за его послѣдствія на русскаго императора, склоннаго къ разумнымъ реформамъ. Царь Александръ былъ до того возмущенъ «измѣной» Австріи, что обратился къ королю Вильгельму съ предложеніемъ совмѣстно начать дѣйствія противъ Франціи и Австріи. Но Бисмаркъ посовѣтовалъ отказаться отъ этого. Въ обращенномъ къ королю меморандумѣ онъ указывалъ на то, что Пруссіи придется нести всю тяжесть войны, чтобы, въ концѣ концовъ, по благоусмотрѣнію Горчакова, согласиться на невыгодный миръ. Россія, во всякомъ случаѣ, окажется въ болѣе выгодномъ положеніи. Король Вильгельмъ поэтому отка-

зался отъ предложенія Россіи, побуждаемый, главнымъ образомъ, все еще жившимъ въ немъ традиціоннымъ чувствомъ уваженія къ германскому союзному государю. Тогда и царь Александръ, по натурѣ своей не склонный къ насильственнымъ мѣрамъ, отказался отъ плана нападенія на Австрію. Объ эпизодѣ этомъ, разыгравшемся только между обоими монархами и ихъ совѣтниками, никто не былъ извѣщенъ, король Вильгельмъ не могъ, такимъ образомъ, разсчитывать на благодарность Австріи, которая къ его огорченію всячески старалась использовать временную непопулярность прусскаго правительства и своими предложеніями о реформѣ германскаго Союза еще сильнѣе умалить вліяніе Пруссіи.

Когда императоръ Францъ-Іосифъ 2 августа 1863 г. посѣтилъ прусскаго короля, бывшаго на водахъ въ Гаштейнѣ, онъ впервые сообщилъ о своемъ намѣреніи пригласить 16 августа во Франкфуртъ всѣхъ нѣмецкихъ государей; они сами должны были обсудить необходимое измѣненіе союзной конституціи въ видахъ созданія болѣе сильной центральной власти. Идея княжескаго сейма еще въ 1862 г. появилась въ одной брошюрѣ сторонника Австріи публициста графа Бломе. Юліусу Фребелю своей извѣстной запиской и стараніямъ шурина императора наслѣднаго принца Турнъ и Таксиса удалось склонить къ этой мысли и императора Франца-Іосифа. Король Вильгельмъ тотчасъ же рѣшительно отказался отъ приглашенія, носившаго слишкомъ явный характеръ нападенія врасплохъ. Тѣмъ не менѣе, вѣнскій кабинетъ настаивалъ на своемъ планѣ, и были посланы приглашенія ко всѣмъ остальнымъ дворамъ до полученія отвѣта отъ Пруссіи. Проекты союзной реформы были сообщены государямъ передъ самымъ конгрессомъ, такъ что у нихъ едва хватило времени выслушать мнѣнія своихъ министровъ, а сообща обсудить вопросъ не было ужъ никакой возможности. Проектъ конституціи былъ, по Шмерлингу, выработанъ барономъ Бигелебеномъ. Управленіе союзными дѣлами должно было быть поручено директоріи изъ пяти князей, рядомъ съ ней долженъ былъ существовать назначенный правительствами бундестагъ съ 21 голосомъ; предсѣдательство въ директоріи и бундестагѣ должно было принадлежать Австріи, а въ случаѣ какой-либо невозможности—Пруссіи; каждые три года должно было собираться во Франкфуртѣ 300 делегатовъ отъ нѣмецкихъ ландтаговъ; въ томъ же городѣ предполагался постоянный союзный судъ. Такимъ образомъ, старый коронаціонный городъ на Майнѣ сдѣлался снова мѣстомъ политическаго акта, съ которымъ «велико-германскіе круги» связывали радостныя ожиданія. По внѣшности франкфуртскіе дни протекали необыкновенно блестяще: не обошлось безъ черно-красно-золотыхъ знаменъ, безъ празднествъ въ старинномъ вкусѣ и т. д. Казалось, что между приглашенными царитъ полное единодушіе. Все это измѣнилось, когда король Вильгельмъ отказался принять участіе въ этой реформѣ, несмотря на переданное ему лично саксонскимъ королемъ Іоганномъ приглашеніе. Посыпались возраженія, оговорки и предложенія объ улучшеніи австрійскаго проекта; когда же было предложено принять законъ о реформѣ подъ условіемъ согласія всѣхъ союзныхъ государствъ, то лишь 24 государя дали свои подписи; Баденъ, Веймаръ, Меклен-

бургъ-Шверинъ и Вальдекъ отказались дать согласіе. Несмотря на все красноречіе велико-германскихъ публицистовъ, видѣвшихъ большой шагъ впередъ въ томъ, что императоръ Францъ-Іосифъ развернулъ германскій флагъ, не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло проиграно. Правда, императорскій дворъ склонялся къ тому, чтобы провести свой проектъ безъ Пруссіи; но было совершенно невозможно побудить среднія государства къ совмѣстнымъ противъ нея дѣйствіямъ. Бисмаркъ ясно далъ понять, что всякая попытка унизить положеніе Пруссіи въ Германіи натолкнется на рѣшительное сопротивленіе. Казалось, что никакое примиреніе немыслимо, и вопросъ можетъ быть рѣшенъ только помощью оружія; но неожиданная случайность, такъ часто въ исторіи превращающаяся въ событіе, послужила причиной внезапнаго поворота, и австрійцы вмѣстѣ съ пруссаками двинулись въ бой во имя спасенія общей германской территоріи.

9. Шлезвигъ-гольштинская война 1864 г.

Послѣ счастливаго окончанія войны изъ-за Шлезвига король датскій Фридрихъ VII въ манифестѣ отъ 20 января 1852 г. обѣщалъ, что оставитъ неприкосновенными оба германскихъ герцогства, подчиненныя его скипетру. Но въ Копенгагенѣ на эту неприкосновенность смотрѣли иначе, нежели въ Шлезвигѣ и Глюксбургѣ. Связь между обоими герцогствами нарушалась всевозможными способами; общая администрація была уничтожена, были устроены таможни, въ нѣмецкую страну были посланы датскіе чиновники, учителя и датскіе гарнизоны, наконецъ, датскій языкъ былъ объявленъ господствующимъ въ церкви и школѣ. Не удивительно, что въ герцогствахъ по Эльбѣ продолжалось напряженное состояніе.

15 ноября 1863 г. умеръ король Фридрихъ VII, послѣдній мужской отпрыскъ королевской линіи дома Ольденбургскаго, господствовавшаго въ Даніи и Шлезвигъ-Гольштиніи съ 1460 г. На этотъ случай лондонскій протоколъ 1852 г. обезпечивалъ наслѣдованіе престола соединенной датской монархіи за домомъ Глюксбургскимъ. Но такъ какъ рѣшеніе великихъ державъ противорѣчило порядку престолонаслѣдія, господствовавшему въ герцогствахъ по Эльбѣ, то отдѣлившаяся отъ датскаго королевскаго дома въ XVI столѣтіи Августенбургская линія, съ согласія франкфуртскаго бундестага, выразила протестъ, между тѣмъ какъ Пруссія и Австрія признали лондонскій протоколъ. Когда послѣ смерти Фридриха VII на датскій престолъ вступилъ принцъ Христіанъ Глюксбургскій, особенно несимпатичный нѣмцамъ, такъ какъ въ послѣдней войнѣ онъ предводительствовалъ арміей,—то принцъ Фридрихъ Августенбургскій принялъ титулъ «герцога Шлезвигъ-Гольштиніи», извѣстилъ черезъ баденскаго посла франкфуртскій бундестагъ о своемъ вступленіи на престолъ и просилъ о признаніи и поддержкѣ своего права престолонаслѣдія. Христіанъ IX по требованію такъ называемой эйдерской датской партіи издалъ въ ноябрѣ 1863 г. новую конституцію, объявлявшую

о присоединеніи Шлезвига къ Даніи. Большинство чиновниковъ въ Шлезвигѣ отказалось присягать навязанной конституціи; во всей странѣ поднялись шумные протесты массовыхъ собраній. Общественное мнѣніе остальной Германіи также съ бурной страстностью требовало освобожденія братскихъ народовъ, угнетенныхъ чужимъ господствомъ. Баварскій король Максимиліанъ II особенно горячо хлопоталъ о признаніи законнаго наслѣдника Шлезвигъ-Гольштиніи; къ нему присоединились правительства Бадена, Брауншвейга и другихъ среднихъ и малыхъ государствъ. Принцъ Августенбургскій назначилъ для Шлезвигъ-Гольштиніи министерство, которое вначалѣ должно было засѣдать въ Готѣ, и сталъ дѣлать приготовленія къ вооруженію вольныхъ дружинъ. Саксонскій король Іоганнъ внесъ въ бундестагъ предложеніе о немедленномъ занятіи войсками отъ имени союза обоихъ герцогствъ «до тѣхъ поръ, пока союзъ не будетъ въ состояніи передать эти земли въ собственное управленіе признанному имъ законному наслѣднику». Мало-германское національное общество и велико-германское общество реформы одинаково требовали признанія герцога Фридриха и отдѣленія герцогствъ отъ Даніи. Казалось, что въ единодушномъ желаніи положить конецъ позорящимъ великій германскій народъ событіямъ на берегу Балтійскаго моря потонули всѣ партійныя различія и партійныя дрязги.

Для Пруссіи, казалось, теперь наступилъ удобный моментъ, чтобы рѣшительнымъ выступленіемъ отъ имени Германіи сразу завоевать потерянную благосклонность народа. Заявленіе Бисмарка, что онъ продолжаетъ настаивать на лондонскомъ протоколѣ и допуститъ вмѣшательство германскаго союза только въ границахъ, намѣченныхъ этимъ интернаціональнымъ договоромъ, показалось въ виду этого не только политической ошибкой, но совершенно непонятной слѣпотой. Самъ король Вильгельмъ вмѣстѣ съ большинствомъ нѣмецкаго народа желалъ признанія правъ принца Августенбургскаго; еще рѣшительнѣе требовалъ этого его сынъ, наслѣдникъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Но Бисмаркъ заявилъ, что такое государство, какъ Пруссія, не должно въ своей политикѣ руководиться сентиментальными соображеніями, что совершенно нежелательно, чтобы изъ Шлезвигъ-Гольштиніи образовалось новое среднее государство, и что нужно воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы усилить значеніе Пруссіи на берегахъ Балтійскаго моря. Самые преданные сторонники Бисмарка отказались понимать вліятельнаго политическаго дѣятеля, когда онъ въ бундестагѣ, рука-объ-руку съ австрійскимъ правительствомъ, предложилъ удалить изъ Киля принца Фридриха въ видахъ осуществленія лондонскаго протокола; это значитъ—жаловались въ ландтагахъ и въ прессѣ—нарушить безспорное право герцогствъ и измѣнить интересамъ Германіи. Большинствомъ 275 голосовъ противъ 51 прусская палата приняла слѣдующее рѣшеніе: «необходимо всѣми предоставленными ей законными средствами бороться противъ политики, которая не можетъ имѣть другого результата, кромѣ выдачи обоихъ герцогствъ Даніи и вовлеченія Германіи въ гражданскую войну». Но Бисмаркъ настойчиво и неустрашимо оставался при своемъ мнѣніи, которое онъ считалъ наиболѣе соотвѣтствую-

щимъ интересамъ короля и государства. Послѣ отрицательнаго рѣшенія бундестага, не желавшаго согласиться на косвенное признаніе правъ Христіана IX, Бисмаркъ въ полномъ согласіи съ Рехбергомъ потребовалъ уничтоженія навязанной герцогствамъ соединенной конституціи. Когда датская корона оставила это требованіе безъ вниманія, 40000 пруссаковъ и 28000 австрійцевъ двинулись въ концѣ января 1864 г. къ Эйдеру. Австрійцами предводительствовалъ фельдмаршалъ лейтенантъ фонъ-Габленцъ, пруссаками принцъ Фридрихъ-Карлъ, командованіе же соединенной арміей было поручено фельдмаршалу Врангелю.

Датское правительство тщетно старалось привлечь на свою сторону союзниковъ. Англійскій кабинетъ, правда, настаивалъ на точномъ соблюденіи лондонскаго протокола, но былъ недоволенъ Даніей за то, что она не хотѣла считаться со справедливыми жалобами главныхъ германскихъ державъ, вѣрныхъ договору. Царь Александръ не препятствовалъ Пруссіи, которая во время польскаго возстанія оказалась вѣрной союзницей. Наполеону, несмотря на всеобщія въ его странѣ симпатіи къ «сѣвернымъ французамъ», неудобно было выступить противъ національнаго принципа, имъ же самимъ выдвинутаго; кромѣ того, его лучшія войска были заняты въ мексиканской экспедиціи. Такимъ образомъ, Данія должна была вступить въ неравную борьбу одна. 1 февраля 1864 года прусскія и австрійскія войска перешли черезъ Эйдеръ у Клувенсика. Первое столкновеніе при Миссундѣ пруссаковъ съ датчанами, предводительствуемыми генераломъ де-Мецомъ, было неудачно. Тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе произвелъ приказъ принца Фридриха-Карла, написанный въ стилѣ наполеоновскихъ бюллетеней; въ немъ было сказано: «Каждый, кто въ будущемъ сможетъ похвастать: я—миссундскій канониръ!—получитъ въ отвѣтъ: Вотъ такъ храбрецъ!» Счастливѣе оказались австрійцы при Даневиркѣ у Оверселька; такъ какъ можно было опасаться, что пруссаки, перейдя черезъ Шлей, нападутъ на датчанъ съ тыла, то Даневиркъ, считавшійся неприступнымъ, былъ очищенъ. Это былъ значительный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, даже въ прусскомъ штабѣ признали, что вся первая часть похода представляетъ собой не что иное, какъ непрерывную цѣпь ошибокъ. Датскій арьергардъ былъ настигнутъ Габленцомъ и разбитъ послѣ ожесточеннаго сраженія; главная датская армія удалилась къ Фленсбургскому заливу подъ защиту пушекъ дюппельскихъ укрѣпленій. Отнять этотъ важнѣйшій пунктъ у непріятеля было главной задачей принца Фридриха-Карла. Послѣ того какъ 18 апрѣля была воздвигнута третья параллельная траншея, можно было приступить къ штурму; послѣ полудня пруссаки взяли всѣ укрѣпленія.

Между тѣмъ Англія протестовала противъ дальнѣйшаго наступленія пруссаковъ на Ютландскій полуостровъ. Австрійское правительство заявило, что съ освобожденіемъ Шлезвига считаетъ цѣль предпріятія достигнутой. Бисмарку пришлось употребить все дипломатическое искусство, чтобы не допустить половиннаго военнаго успѣха Пруссіи. Наконецъ, воюющія государства согласились съ великими державами на томъ, чтобы открыть въ Лондонѣ 12 апрѣля мирные переговоры. Благодаря Мантейфелю, посланному въ Вѣну, Пруссія

добилась, чтобы корпусу Габленца было разрѣшено подвигаться дальше въ Ютландію. На лондонскомъ конгрессѣ долженъ былъ также присутствовать представитель нѣмецкаго союза. Казалось страннымъ, что Бисмаркъ выбралъ для этого своего противника саксонскаго министра фонъ Бейста. «Вы должны сыграть въ Лондонѣ—сказалъ онъ ему—роль enfant terrible». Бейстъ былъ до того времени самымъ краснорѣчивымъ защитникомъ политики среднихъ государствъ въ вопросѣ о Шлезвигъ-Гольштиніи. Бисмаркъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы одновременно съ строгой трезвой дипломатической работой проявлялся и нѣмецкій національный паѳосъ; и, дѣйствительно, Бейстъ съ большою находчивостью выступалъ на конгрессѣ за полное отдѣленіе герцогствъ отъ Даніи. Правда, окончательное разрѣшеніе вопроса было достигнуто не дипломатическимъ искусствомъ, а благодаря счастливымъ успѣхамъ нѣмецкаго оружія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Командованіе союзной арміей, вмѣсто Врангеля, принялъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, начальствованіе надъ дюппельской арміей генералъ Гервартъ фонъ Биттенфельдъ. Въ ночь на 29 іюня было блестяще выполнено тщательно подготовленное предпріятіе. Переправа на островъ Альзенъ—въ виду сильнаго и господствовавшаго надъ моремъ врага—явилась наиболѣе значительнымъ подвигомъ всего этого похода. Въ полдень Гервартъ съ передней части Зондербургскаго моста могъ сообщить, что островъ завоеванъ. Планъ взять и островъ Фіонію не былъ осуществленъ. Датское правительство, видя, что даже столицѣ угрожаетъ опасность, образумилось. Эйдерское министерство Монрада должно было уступить мѣсто новому, составленному изъ сторонниковъ партіи мира, подъ предсѣдательствомъ Блюма. 18 іюля въ Христіансфельдѣ было заключено перемиріе. Между тѣмъ переговоры въ Лондонѣ ни на шагъ не подвинулись впередъ. Они вступили въ новый и весьма важный фазисъ лишь тогда, когда Бисмаркъ рѣшился осуществить свое первоначальное заявленіе — считать лондонскій договоръ 1852 г. уничтоженнымъ, разъ Данія своимъ упорствомъ вызываетъ войну. Теперь онъ отказался отъ обязательствъ, вытекавшихъ изъ протокола.

Такъ какъ важнѣйшіе военные подвиги были, безъ сомнѣнія, совершены прусскими войсками, то для Бисмарка было ясно, что можно согласиться на миръ, лишь обезпечивъ Пруссіи значительныя выгоды. Несмотря на всю ловкость, осторожность и силу, проявляемую прусскимъ дипломатомъ въ сношеніяхъ съ собственнымъ монархомъ, съ коллегами и палатами, съ послами и генералами, достиженіе этой цѣли, по собственному его признанію, было труднѣе всего того, что ему пришлось совершить въ теченіе своей блестящей карьеры. Болѣе всѣхъ старался мѣшать «эгоистической» политикѣ Бисмарка Рехбергъ, который обѣщалъ принцу Августенбургскому сдѣлать его правителемъ Шлезвигъ-Гольштиніи подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ не заключилъ отдѣльнаго соглашенія съ Пруссіей. Съ своей стороны, Бисмаркъ поставилъ условіемъ признанія герцога—военную зависимость герцогства отъ Пруссіи и уступку ей кильскаго порта; на эти условія, однако, герцогъ не соглашался. Такимъ образомъ, судьба завоеванныхъ земель оставалась нерѣшенной, когда король Христіанъ IX въ предварительномъ мирномъ договорѣ 1-го августа и въ окончательно

заключенномъ въ Вѣнѣ 30 октября 1864 г. отказался отъ притязаній на герцогства; распоряженіе судьбой уступленныхъ земель было предоставлено Пруссіи и Австріи. Горячее желаніе германскаго народа исполнилось, герцогства были возвращены Германіи; но не было никакого сомнѣнія, что возгорится новый споръ изъ-за награды побѣдителя, причемъ долженъ будетъ рѣшиться вопросъ и о гегемоніи въ Германіи.

10. Война 1866 г. и новая Германія.

Вопросъ о судьбѣ герцогствъ не разрѣшился бы такъ легко въ пользу Германіи, если бы императоръ Наполеонъ не былъ въ то время запутанъ въ мексиканскихъ событіяхъ. Хотя отдѣленіе южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ отъ сѣверныхъ нисколько не подходило къ наполеоновской системѣ благодѣтельствованія міра, императоръ еще рѣшительнѣе, нежели самъ Пальмерстонъ и общественное мнѣніе въ Англіи, сталъ на сторону южныхъ штатовъ во время американской междоусобной войны 1861 г., такъ какъ усиленіе власти Соединенныхъ Штатовъ представляло опасность для европейской цивилизаціи. По его плану Англія и Франція съ оружіемъ въ рукахъ должны были принудить Соединенные Штаты къ уступкамъ по отношенію къ южнымъ штатамъ, но англійское правительство отклонило открытое вмѣшательство въ гражданскую войну на западѣ. Такъ какъ Наполеонъ не рѣшался дѣйствовать самостоятельно, то поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы изъ мексиканской путаницы извлечь для себя какъ можно больше выгоды.

Запальчивый Бенито Хуарецъ, президентъ Мексиканской республики, надѣясь на поддержку Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, временнымъ прекращеніемъ уплаты процентовъ государственной ренты нанесъ ущербъ европейцамъ; затѣмъ оставилъ безнаказаннымъ покушеніе на французскаго посла и преслѣдовалъ проживавшихъ въ странѣ иностранцевъ насильственными мѣрами. Франція, Англія и Испанія заключили Лондонскую конвенцію 31 октября 1861 г. для охраны международнаго права и для защиты европейскаго капитала. Когда на ультиматумъ союзниковъ не послѣдовало никакого отвѣта со стороны Хуареца, названныя три державы соединились для совмѣстной экспедиціи въ среднюю Америку. Установленный въ 1823 г. президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Джемсомъ Монроэ принципъ невмѣшательства европейскихъ странъ въ дѣла признанныхъ независимыми южно-американскихъ государствъ, нарушался не разъ европейскими правительствами, посылавшими военныя суда въ случаѣ замедленія уплаты денегъ; но европейская экспедиція въ такихъ широкихъ размѣрахъ предпринималась впервые въ американскія земли. Нечего было опасаться, что Соединенные Штаты придутъ на помощь сосѣду; военныя силы послѣднихъ были заняты междоусобной войной. Но и Хуарецъ могъ съ увѣренностью разсчитывать на то, что согласіе наступающихъ державъ будетъ продолжаться недолго. Въ то время, какъ британцы и испанцы

не замышляли покушенія на независимость республики, Наполеонъ заранѣе вошелъ въ сношенія съ сторонниками монархической пропаганды и не скрывалъ намѣренія дать странѣ главу «въ интересахъ цивилизаціи». Какъ только окончательно выяснились его планы, испанскія и англійскія войска тотчасъ же очистили Мексику, а французы отъ Веракруца двинулись дальше внутрь страны. Свирѣпствующая на тропикахъ желтая лихорадка унесла гораздо большее количество жертвъ, нежели битвы. Изъ Франціи приходилось присылать все новые и новые отряды; на вооруженіе и содержаніе войска потребовалось около 400 милліоновъ франковъ. Наполеонъ не хотѣлъ прекращать войны, которая должна была по ту сторону океана «вернуть латинской расѣ ея блескъ». Только въ іюнѣ 1862 года, послѣ безчисленныхъ сраженій, французы достигли столицы Мексики. Юнта, составленная генераломъ Форе изъ роялистовъ, рѣшила обратить республику въ наслѣдственную монархію. Наполеонъ подыскалъ и подходящаго монарха. Высокоодаренный, честолюбивый, но чрезмѣрно склонный ко всему фантастическому эрцгерцогъ Максимиліанъ австрійскій когда-то въ качествѣ Ломбардо-Венеціанскаго намѣстника усердно, но тщетно стремился примирить населеніе съ австрійскимъ господствомъ; теперь онъ казался наиболѣе подходящимъ человѣкомъ, чтобы дать наполеоновскому созданію въ странѣ ацтековъ надлежащій видъ. Къ несчастью, и супруга эрцгерцога Шарлотта Бельгійская была любительницей приключеній. Наполеонъ сумѣлъ внушить принцу, что государь изъ дома Карла V, господство котораго на западѣ распространялось и на сказочную страну золота, несомнѣнно созданъ для спасенія и возрожденія истерзанной гражданской войной страны. Несмотря на совѣты его семьи и друзей, Максимиліанъ принялъ мексиканскую императорскую корону послѣ того, какъ поставленный имъ въ условіе плебисцитъ мексиканскаго населенія, благодаря ловкимъ дѣйствіямъ французовъ, далъ громадное большинство въ пользу новаго правителя. Въ маѣ 1864 года Максимиліанъ и Шарлотта высадились въ Веракруцѣ. Послѣ блестящаго пріема ликующей толпы слѣдовало одно разочарованіе за другимъ. Всемогущее прежде въ Мексикѣ духовенство такъ же мало желало выпустить власть изъ своихъ рукъ, какъ и главнокомандующій французскимъ гарнизономъ Базенъ; честолюбивый маршалъ, говорятъ, одно время лелѣялъ даже мысль сдѣлаться императоромъ, или, по крайней мѣрѣ, президентомъ Мексики. «Судьба маршала Базена,—говоритъ принцесса Агнеса фонъ Сальмъ-Сальмъ, супруга императорскаго адъютанта,—могла бы вызвать участіе, если бы онъ провинился только въ томъ, въ чемъ его обвинялъ не совсѣмъ безпристрастный судъ; но онъ потерялъ всякое право на симпатію благодаря своему поведенію въ Мексикѣ». Императоръ Максимиліанъ, одушевленный въ сущности благородными побужденіями, прилагалъ всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти симпатіи народа, распространить просвѣщеніе и возстановить спокойствіе и порядокъ. Но ненависть всѣхъ партій и чрезвычайно печальное состояніе финансовъ разрушали всѣ его усилія; кромѣ того, борьба съ Хуарецомъ, продолжавшимъ неутомимо работать надъ сверженіемъ чужеземнаго господства, длилась безъ конца, несмотря на отдѣльные счастливые моменты. Къ

тому же, интриги Соединенныхъ Штатовъ дѣйствовали парализующимъ образомъ. Образованію австрійскаго иностраннаго легіона помѣшалъ протестъ американскаго правительства. Печальнѣе всего былъ отказъ Наполеона отъ всего этого предпріятія, какъ только ему стало ясно, что его созданіе не жизнеспособно. Несмотря на данныя имъ прежде обѣщанія, императоръ пересталъ доставлять какъ денежную, такъ и военную помощь. Маршалъ Базенъ, не слушая ни доводовъ, ни просьбъ Максимиліана, очистилъ Мексику. Императорское правительство, возражалъ онъ, должно «само справиться съ положеніемъ». Отречься отъ престола Максимиліанъ не хотѣлъ, чтобы не навлечь этимъ бѣды на своихъ сторонниковъ. Императрица Шарлотта хотѣла еще разъ напомнить виновнику несчастья его обязанности; въ іюлѣ 1866 года она отправилась въ Парижъ. Трудно было выбрать болѣе неподходящій моментъ. Прусскія побѣды въ Богеміи, открывшія изумленной Европѣ внутреннюю силу Пруссіи, гораздо болѣе безпокоили Наполеона, нежели судьба Максимиліана. Удрученная этой неудачей, означавшей крушеніе Мексиканской имперіи, Шарлотта отправилась въ Римъ, но папа Пій былъ въ состояніи только благословить, но никакъ не помочь ей. Извѣстія изъ Мексики становились все болѣе и болѣе печальными; несчастная женщина, считавшая себя главной виновницей рокового приключенія, лишилась разсудка; ее пришлось заключить въ замокъ Мирамаре.

Между тѣмъ событія въ Мексикѣ приняли для Максимиліана очень печальный оборотъ. Ему не помогло и то, что онъ всецѣло отдалъ себя въ руки клерикальной партіи. Онъ горько проклиналъ легкомысліе, съ которымъ повѣрилъ въ искреннее расположеніе и честность Наполеона. Получивъ извѣстіе о печальной судьбѣ своей супруги, онъ самъ заболѣлъ, но, узнавъ о жестокомъ пораженіи своего главнаго генерала Мирамона въ битвѣ съ республиканскимъ предводителемъ Эскобедо, онъ собралъ послѣднія силы и поспѣшилъ навстрѣчу побѣдителю. Максимиліанъ искалъ честной смерти солдата, но тщетно! Вслѣдствіе измѣны своего довѣреннаго полковника Лопеца онъ попалъ въ руки Эскобедо. Онъ зналъ, какая судьба ему предстояла; онъ самъ не разъ предавалъ казни республиканскихъ предводителей и долженъ былъ ждать теперь возмездія со стороны Хуареца. Военный судъ приговорилъ его и генераловъ Мирамона и Мехія къ разстрѣлянію. Просьба несчастнаго объ освобожденіи вѣрныхъ друзей была отвергнута, какъ и протестъ нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, между прочимъ и Соединенныхъ Штатовъ, противъ казни государя царской крови. «Если бы всѣ короли и королевы Европы,—сказалъ Хуарецъ принцессѣ Сальмъ, на колѣняхъ умолявшей о жизни императора,—были на вашемъ мѣстѣ, то я все-таки не могъ бы пощадить его жизнь; не я ее отнимаю, а народъ и законъ...»

19 іюня 1867 года въ Кверетаро былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ военнаго суда. Только просьба императора Франца-Іосифа о выдачѣ ему тѣла его брата была исполнена. Оно было привезено на родину адмираломъ Тегетгофомъ на фрегатѣ «Новара», на томъ самомъ суднѣ, которое

три года назадъ уносило императорскую чету въ Мексику; 18 января 1868 г. Максимиліанъ былъ похороненъ въ Вѣнѣ въ Капуцинскомъ склепѣ.

Для Наполеона крушеніе его американскаго зданія было тяжелымъ ударомъ; ударъ этотъ былъ тѣмъ больнѣе, что въ это время прусскій дипломатъ, умственную силу котораго во время его пребыванія въ Парижѣ никто не замѣчалъ и даже не подозрѣвалъ, поднялся во весь свой ростъ. Напротивъ, вѣра въ политическую мудрость Наполеона, въ самоувѣренную рѣшительность при выполненіи его плановъ была подорвана благодаря его постояннымъ колебаніямъ въ Мексикѣ; и онъ долженъ былъ сознаться предъ самимъ собою, что руководящая роль въ европейской политикѣ грозила выскользнуть изъ его рукъ. Тѣмъ сильнѣе старался онъ предотвратить разрѣшеніе и германскаго вопроса безъ его участія или противъ его желанія.

Общественное мнѣніе въ Австріи и въ средне-германскихъ государствахъ было особенно возбуждено противъ Рехберга за то, что онъ во все время шлезвигъ-гольштинскихъ событій шелъ отчасти добровольно, отчасти принуждаемый ловкими ходами Бисмарка, въ хвостѣ прусской политики. И въ парламентѣ министру былъ брошенъ упрекъ, что онъ ведетъ только политику «затруднительныхъ положеній». Рехбергъ, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе предоставить пріобрѣтенія послѣдней войны Пруссіи, чтобы въ обмѣнъ гарантировать себѣ со стороны Пруссіи остатки австрійскихъ владѣній въ Верхней Италіи. Это съ австрійской точки зрѣнія могло бы считаться здоровой политикой, если бы германская партія въ рейхсратѣ не боялась столь эгоистическими требованіями умалить вліяніе Австріи въ Германіи. Когда нападки Куранды, Мюльфельда, Бергера и др. на министра-президента стали повторяться все чаще и чаще, Рехбергъ, по желанію императора, въ октябрѣ 1864 г. подалъ въ отставку. Бисмаркъ хвалилъ его рѣдкую для дипломата искренность, но онъ былъ,—какъ говоритъ Гамлетъ,—въ высшей степени spleenetic and rash. Преемникомъ Рехберга былъ назначенъ намѣстникъ Галиціи, графъ Александръ фонъ Менсдорфъ-Пульи.

На упорныя напоминанія со стороны австрійскаго правительства о томъ, что пора передать наслѣдному принцу Августенбургскому права, добытыя для него обѣими великими державами, Пруссія отвѣчала уклончиво, что ей сначала необходимо получить отъ будущаго правителя герцогствъ по рѣкѣ Эльбѣ извѣстныя обезпеченія собственныхъ государственныхъ и экономическихъ интересовъ. Въ февралѣ 1865 г. Бисмаркъ выставилъ слѣдующія условія: передача Пруссіи высшей военной власти и управленія почтой и телеграфомъ въ Шлезвигъ-Гольштиніи, уступка области, необходимой для укрѣпленія Альзенскаго пролива, Кильскаго порта и одного сѣверо-балтійскаго канала. На эти «февральскія требованія» послѣдовалъ отказъ, какъ со стороны Австріи, такъ и со стороны герцога Фридриха. Самъ герцогъ охотно уступилъ бы требуемыя Пруссіей военныя и торговыя выгоды, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно желаніе части шлезвигъ-гольштинскаго дворянства—въ особенности кильскаго университета,—какъ можно тѣснѣе примкнуть къ

Пруссіи; но, принимая во вниманіе настроеніе остальной Германіи, онъ не рѣшался открыто признаться въ этомъ.

Съ другой стороны, Бисмаркъ былъ твердо убѣжденъ, что Австрія никогда добровольно не допуститъ, чтобы герцогъ сдѣлалъ Пруссіи такія крупныя уступки. Такимъ образомъ, какъ справедливо предполагаетъ Максъ Ленцъ, со стороны Бисмарка вовсе не было намѣренія достигнуть соглашенія. Когда въ іюнѣ 1864 года герцогъ Фридрихъ, желая добиться своего признанія, посѣтилъ берлинскій дворъ, то былъ милостиво принятъ королемъ Вильгельмомъ; все-таки Бисмаркъ далъ понять гостю, что считаетъ его не полноправнымъ государемъ, а только претендентомъ, съ которымъ можетъ быть заключено не государственное, а лишь частное соглашеніе. Подобное настроеніе ухудшалось еще тѣмъ, что герцогъ Фридрихъ избѣгалъ опредѣленной позиціи въ отношеніи спора обѣихъ великихъ державъ и возлагалъ свои надежды то на одну, то на другую. Разладъ дошелъ до крайней степени, и можно было опасаться самаго худшаго. Противъ стремленія Пруссіи расширить свои владѣнія выступили и среднія, и южныя германскія государства, подъ предводительствомъ фонъ-Бейста и фонъ деръ-Пфордтена. 6 апрѣля 1865 г. бундестагъ «выразилъ надежду», что главныя державы передадутъ, наконецъ, управленіе Гольштиніей законному государю. Въ то же время графъ Менсдорфъ жаловался въ Берлинѣ, что Пруссія предпринимаетъ въ Килѣ работы по укрѣпленію порта. Послѣдовалъ отвѣтъ, что Пруссія дѣлаетъ лишь то, что и Австрія можетъ сдѣлать каждую минуту: каждый изъ двухъ совладѣтелей долженъ имѣть право распоряжаться портами завоеванной страны для выгоды своего флота.

Уже въ маѣ 1865 года въ Берлинѣ серьезно взвѣшивали вопросъ о войнѣ. Начальникъ главнаго штаба Мольтке увѣрялъ короля, что армія считаетъ побѣдоносное выполненіе похода вполнѣ возможнымъ, и ничего другого не желаетъ, какъ открытое присоединеніе герцогствъ и, какъ необходимое слѣдствіе этого, войну. Напротивъ, настроеніе народныхъ массъ было не особенно благосклонно къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ. Въ палатѣ депутатовъ слова: «Этому министру не дадимъ ни гроша!» произносились на всѣ лады. Бисмарку пришлось принять во вниманіе такое отрицательное отношеніе палаты, и, когда получились неблагопріятныя извѣстія изъ Парижа и Флоренціи, онъ, къ изумленію всей Германіи, еще разъ протянулъ руку для примиренія. Черезъ посредничество австрійскаго посла въ Мюнхенѣ графа Бломе во время пребыванія короля Вильгельма на водахъ въ Гаштейнѣ 14 августа 1865 года состоялось соглашеніе, по которому долженъ былъ произойти раздѣлъ притязаній, заявляемыхъ обѣими державами на герцогства по Эльбѣ. Права, пріобрѣтенныя вѣнскимъ миромъ, «не въ ущербъ продолженію правъ обѣихъ державъ на совокупность обоихъ герцогствъ, должны были перейти къ Австріи на Гольштинію, къ Пруссіи на Шлезвигъ». Лауэнбургъ былъ уступленъ Пруссіи за денежное вознагражденіе въ два съ половиной милліона датскихъ рикталеровъ—при условіи, если сословія дадутъ на это свое согласіе.

Гаштейнская конвенція произвела на всѣ круги общества самое неблагопріятное впечатлѣніе. Въ герцогствахъ смотрѣли на раздѣленіе «на вѣки нераздѣльныхъ» земель какъ на возмутительное насиліе; въ Берлинѣ и Вѣнѣ народные представители были возмущены самоуправствомъ правительствъ; Англія и Франція также подняли жалобы на «неуваженіе какъ къ государямъ, такъ и къ народамъ». Только король Вильгельмъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, такъ какъ онъ избѣжалъ разрыва съ Австріей и, кромѣ того, выигралъ значительное пріобрѣтеніе для Пруссіи. Онъ выразилъ свое удовольствіе тѣмъ, что возвелъ Бисмарка въ графское достоинство. Послѣдній же нисколько не былъ обрадованъ гибельнымъ «замазываніемъ щелей въ постройкѣ». Чтобы успокоить Наполеона, онъ самъ отправился въ Біарриць. Ему удалось убѣдить Наполеона, что утвержденіе сѣверной Германіи подъ прусскимъ предводительствомъ и расширеніе власти Пруссіи въ этой естественной сферѣ соотвѣтствуютъ и французскимъ интересамъ. О своемъ согласіи съ Австріей Бисмаркъ говорилъ съ Наполеономъ, и еще откровеннѣе съ итальянскимъ посломъ Нигра, какъ объ уступкѣ требованіямъ момента. Дарованіе ордена Чернаго Орла Виктору-Эммануилу, въ которомъ правители государствъ Священнаго союза видѣли до сихъ поръ опаснаго «защитника революціи», служило явнымъ доказательствомъ, что Пруссія отказалась отъ политики, преслѣдуемой въ теченіе пятидесяти лѣтъ, и поставила себѣ новыя цѣли, соотвѣтствующія національному движенію.

Въ Вѣнѣ узнали слишкомъ поздно, что Гаштейнская конвенція принесла Австріи лишь данаевъ подарокъ. Слишкомъ отдаленная отъ Австріи Гольштинія была для нея тяжелымъ бременемъ, между тѣмъ какъ Пруссія, получивъ Шлезвигъ и прекрасную кильскую гавань, пріобрѣла господствующее положеніе на морѣ и возможность развитія своего морского могущества. Чтобы не потерять союзника въ борьбѣ, Австрія пожертвовала симпатіями велико-германской партіи, а теперь этотъ союзникъ, нисколько не колеблясь, искалъ сближенія съ отъявленными врагами Австріи. Теперь казалось благоразумнымъ не итти далѣе рядомъ съ ищущими приключеній дипломатами, а снова собрать вокругъ себя старыхъ друзей. Въ Гольштиніи началась поддерживаемая вѣнскимъ правительствомъ энергичная пропаганда противъ противозаконнаго рѣшенія шлезвигъ-гольштинскаго вопроса. Принцу Августенбургскому оказывали всевозможное содѣйствіе, и въ бундестагѣ агитировали за его утвержденіе. Австрійскіе нѣмцы должны были тѣмъ усерднѣе поддерживать германскую политику своего правительства, что каждая неудача въ Германіи оказывалась полезной для центробѣжныхъ стремленій имперіи, а новое министерство Белькреди и безъ того было слишкомъ склонно къ опаснымъ уступкамъ по отношенію къ венгерцамъ и славянамъ.

Нельзя сказать, чтобы въ южной и средней Германіи весной 1866 года симпатіи къ Австріи были слишкомъ велики. Настроеніе народныхъ массъ было уже не то, что въ 1859 году, но все же могущественнымъ связующимъ элементомъ, особенно въ католическихъ странахъ, была ненависть къ Прус-

сіи и ея «коварному» министру. Въ то время, какъ Бисмаркъ работалъ надъ счастливымъ разрѣшеніемъ германскаго вопроса, народъ осмѣивалъ и поносилъ его какъ измѣнника Германіи. Созванное въ декабрѣ во Франкфуртѣ собраніе депутатовъ вмѣнило въ обязанность всѣмъ нѣмецкимъ представительнымъ учрежденіямъ «не разрѣшать никакихъ податей или займовъ, могущихъ способствовать теперешней политикѣ насилія надъ нѣмецкими собратьями». Въ самой Пруссіи всѣ партіи были болѣе или менѣе того мнѣнія, что король сдѣлалъ опасный промахъ въ выборѣ своего главнаго совѣтника. Либералы готовы были на ножахъ бороться съ олицетвореннымъ въ Бисмаркѣ юнкерствомъ; консерваторамъ было непріятно, что прусскій государственный дѣятель и дворянинъ, при помощи дипломатическихъ происковъ, идетъ рука-объ-руку съ Бонапартомъ и видитъ выгоду своего государства въ революціонной пропагандѣ.

Наполеонъ, очевидно, не уяснилъ себѣ, что ему думать о столь поносимомъ человѣкѣ и какъ себя держать по отношенію къ нему. «Онъ очень любезенъ,—писалъ онъ послѣ бесѣды въ Біаррицѣ,—и нисколько не наивенъ, у него нѣтъ души, но много ума, онъ покорилъ меня!» Очевидно, Наполеонъ, согласно поговоркѣ: если двое дерутся, третій можетъ радоваться!—считалъ войну между двумя великими германскими державами самымъ желательнымъ исходомъ, и такъ какъ онъ не сомнѣвался въ перевѣсѣ австрійскаго оружія, то былъ готовъ снисходительно согласиться на союзъ Пруссіи съ Италіей.

Между тѣмъ отношенія Пруссіи и Австріи приняли угрожающій характеръ. Прусская нота отъ 26 января 1866 года заявила вѣнскому кабинету, что дальше такъ продолжаться не можетъ; что агитація въ Гольштиніи, покровительствуемая Габленцомъ, нарушаетъ прусскіе интересы, и если австрійское правительство не измѣнитъ своей политики, то Пруссія должна будетъ уничтоженіемъ всѣхъ прежнихъ обязательствъ получить снова полную свободу дѣйствія. Когда изъ Вѣны получился откровенный отказъ, то 28 февраля въ королевскомъ дворцѣ было созвано собраніе министровъ и генераловъ для обсужденія вопроса о войнѣ и мирѣ. Результатомъ его было постановленіе, что необходимо все сдѣлать для сохраненія мира между обоими государствами. Но въ то же время было отправлено приглашеніе итальянскому правительству прислать въ Берлинъ довѣренное лицо съ цѣлью немедленнаго заключенія естественнаго союза двухъ противниковъ Австріи.

Въ мартѣ пріѣхалъ въ Берлинъ генералъ Говоне, но переговоры не подвигались впередъ. Король Вильгельмъ все еще не рѣшался нарушить союзный миръ. Когда же англійскій кабинетъ предложилъ свое посредничество, король счелъ нужнымъ довольствоваться лишь дружественнымъ соглашеніемъ съ Италіей, составленнымъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Болѣе тѣсному союзу мѣшало также взаимное недовѣріе. Итальянскіе дипломаты опасались, что Бисмаркъ хочетъ воспользоваться союзомъ только для того, чтобы произвести давленіе на Австрію и добиться добровольнаго отказа отъ Гольштиніи; съ другой стороны, и Бисмаркъ боялся, что Италія, не поднявъ даже оружія за своего сѣвернаго союзника, потребуетъ уступки Венеціи. Если вѣрно,

что союзъ Италіи и Пруссіи, какъ сказалъ Викторъ Гюго, явился «крикомъ природы», то и вліяніе Наполеона на Италію въ значительной степени препятствовало искреннему соглашенію обоихъ государствъ, нуждающихся во взаимной помощи. Объединенная Италія была не только связана съ Франціей долгомъ благодарности, но и зависѣла отъ нея въ экономическомъ отношеніи. Бисмаркъ понималъ, что можетъ достичь цѣли лишь при условіи соглашенія съ Наполеономъ; только медленными, осторожными движеніями впередъ, не загоняя завистливаго сосѣда въ лагерь врага, можно было добиться великихъ успѣховъ для Пруссіи. Существуютъ совершенно опредѣленныя заявленія Наполеона III о томъ, что онъ не хотѣлъ допустить объединенія Германіи подъ прусскимъ предводительствомъ; точно также и русскій представитель въ Берлинѣ гр. Убри увѣрялъ, что императоръ Александръ VII не допуститъ коренного военно-политическаго преобразованія Германіи.

Бисмаркъ пересталъ въ виду этого упоминать о Германіи и говорилъ только о сѣверо-германской сферѣ интересовъ. На раздѣленіе Германіи Наполеонъ смотрѣлъ какъ на значительный успѣхъ, такъ какъ считалъ вполнѣ естественнымъ, что сможетъ взять подъ свое покровительство ея южную часть. Со стороны Франціи утверждали, что прусскій посолъ фонъ-деръ-Гольцъ предлагалъ императору Рейнскую Пруссію или Рейнскую Баварію; однако, утвержденіе это до сихъ поръ не доказано. Наполеонъ, очевидно, выговорилъ себѣ лишь одно, а именно: съ расширеніемъ Пруссіи должно было быть связано и нѣкоторое увеличеніе границъ Франціи. Въ общемъ же императорская политика въ 1866 году свидѣтельствовала о необыкновенной слабости и безпомощности: безцѣльныя угрозы смѣнялись непонятными уступками; только этимъ недостаткомъ энергіи и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ Наполеона объясняется столь неожиданное для Пруссіи благопріятное разрѣшеніе вопроса. И какъ ловко сумѣлъ Бисмаркъ использовать слабыя стороны противника! Ему было ясно, что только война принесетъ съ собою рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ германскій міръ, и что только она одна дастъ Пруссіи гегемонію надъ Германіей. Когда кто-то сказалъ ему, что онъ, въ концѣ концовъ, будетъ повѣшенъ народомъ, если будетъ упорствовать въ своей политикѣ, онъ отвѣтилъ: «Это меня не безпокоитъ,—лишь бы веревка, на которой я буду болтаться, прочно связала Пруссію и домъ Гогенцоллерновъ съ объединенной и сильной Германіей!» Но пока Бисмаркъ стоялъ почти одинокимъ со своимъ пониманіемъ германской миссіи Пруссіи и вытекавшей изъ нея военной политикой.

Графъ Менсдорфъ передалъ черезъ посредничество герцога Эрнста Кобургскаго прусскому королю увѣреніе, что Австрія не помышляетъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ; изъ Петербурга послѣдовали серьезныя предупрежденія. Королева Викторія еще настойчивѣе выражала желаніе, чтобы миръ въ Германіи не былъ нарушенъ. Могущественная старо-консервативная партія старалась всѣми способами мѣшать вліянію безпокойнаго министра; Людвигъ фонъ-Герлахъ и Зенфтъ-Пильзахъ нѣкоторое время шли даже рука объ руку съ представителями кобургской политики, что раньше считалось совершенно не-

возможнымъ. Бисмаркъ же въ докладѣ отъ 22 апрѣля еще разъ представилъ королю всѣ доводы противъ слабой и медлительной политики. «Миръ возможно сохранить надолго лишь въ томъ случаѣ, если обѣ стороны этого желаютъ; Австрія, пожалуй, изъ оппортунистскихъ соображеній не хочетъ теперь нарушать его; но кто, подобно вѣрноподданнѣйшему слугѣ вашего величества, въ теченіе 16 лѣтъ близко сталкивался съ австрійской политикой, тотъ не можетъ сомнѣваться, что въ Вѣнѣ вражда противъ Пруссіи стала главной и единственной государственной цѣлью: она выразится активно, какъ только вѣнскому кабинету представятся болѣе благопріятныя, нежели нынѣшнія обстоятельства». Генералъ Мантейфель еще больше сгущалъ краски; онъ предостерегалъ короля отъ повторенія Ольмюца, такъ что король, разсерженный «нервнымъ письмомъ», поручилъ министру разъяснить рѣзкому генералу разницу между положеніемъ 1851 года и настоящимъ. «Вы можете сказать Мантейфелю, что если пруссакъ станетъ мнѣ теперь жужжать въ уши про Ольмюцъ,—я сейчасъ откажусь отъ управленія! Другіе, т.-е. мои враги, будутъ напоминать объ Ольмюцѣ; имѣютъ ли пруссаки право дѣлать то же самое?» Слова эти ясно указывали на готовность короля протянуть руку къ самому снисходительному соглашенію съ Австріей и довольствоваться небольшой выгодой въ области Эйдера.

До этого поединка, на который исторія уже въ теченіе ста лѣтъ вызывала обѣ главныя германскія державы, можетъ-быть, и теперь не дошло бы, если бы сама Австрія, раздраженная продолжительнымъ пребываніемъ итальянца Говоне въ Берлинѣ, не поставила на военное положеніе южную армію. Кромѣ того, миролюбивый король Вильгельмъ считалъ себя оскорбленнымъ поведеніемъ Австріи, отбрасывавшей, какъ негодный мусоръ, всѣ его предложенія о реформѣ союза. Бисмаркъ давалъ итальянцамъ все болѣе и болѣе утѣшительныя извѣстія. Переговоры съ Наполеономъ допускали надежду, что западный сосѣдъ встрѣтитъ грядущія событія, не поднимая оружія. Въ отвѣтъ на намеки, что Австрія дѣлаетъ Франціи кое-какія предложенія, Бисмаркъ, какъ и раньше, далъ понять, что никогда не согласится на уступку Майнца или Кельна, но ничего не будетъ имѣть противъ нѣкотораго исправленія границъ въ пользу Франціи. Своихъ старыхъ противниковъ — либераловъ — онъ также старался примирить, давъ имъ возможность отчасти проникнуть въ его германскіе планы. Когда же вождь національнаго союза Рудольфъ фонъ Беннигсенъ выразилъ мнѣніе, что война невозможна, такъ какъ общественное мнѣніе противъ Бисмарка, послѣдній отвѣтилъ: «Въ непріятеля стрѣляютъ не общественнымъ мнѣніемъ, а порохомъ и свинцомъ!» Но, изъ уваженія къ своему королю, Бисмаркъ былъ принужденъ согласиться на предложеніе посредничества со стороны среднихъ германскихъ и негерманскихъ правительствъ. Въ Австріи желаніе войны было гораздо сильнѣе и распространеннѣе, нежели въ Пруссіи.

Моментъ для нападенія казался Австріи особенно благопріятнымъ. Правда, союзъ Пруссіи и Италіи былъ внѣ всякаго сомнѣнія, но зато правительства и національно настроенные элементы «третьей Германіи» твердо стояли на

сторонѣ Австріи. Страхъ передъ объединеніемъ Германіи подъ предводительствомъ Пруссіи гналъ германскихъ князей въ австрійскій лагерь, такъ какъ вслѣдъ за объединеніемъ несомнѣнно выростала для слабѣйшихъ государствъ опасность совершенно исчезнуть. Казалось, что снова вернулось то время, когда Барбаросса употребилъ всѣ совокупныя силы государства, чтобы наказать смѣлаго защитника партикуляризма Гвельфскаго герцога, уничтожившаго гордые итальянскіе планы. Однако, политика Баваріи не отличалась большой твердостью. Молодой король, лишь два года назадъ вступившій въ управленіе, страстно преданный поэзіи и искусству, довольно равнодушно относился къ политическимъ вопросамъ. Министръ фонъ-деръ-Пфордтенъ понималъ, что Баваріи выгоднѣе быть на сторонѣ Пруссіи, и онъ почти одинъ среди своихъ земляковъ склонялся къ мнѣнію, что австрійская армія не можетъ выдержать сравненія съ прусской. Но на баварскія условія Бисмаркъ не хотѣлъ и не могъ согласиться. Предложеніе о раздѣленіи союза на три группы, изъ которыхъ третья состояла бы изъ южно-германскихъ государствъ подъ предводительствомъ Баваріи, было отклонено, и Баварія отвернулась отъ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, еще 7 іюня фонъ-деръ-Пфордтенъ колебался въ вопросѣ о томъ, на чью сторону станетъ Баварія, если дѣло дѣйствительно дойдетъ до войны, и не безъ основанія слѣдуетъ приписать неудачное веденіе войны во время майнскаго похода неувѣренности руководителей баварской политики, не позаботившихся во-время о приготовленіяхъ къ войнѣ. И Саксонія пострадала отъ того, что фонъ-деръ-Пфордтенъ согласился выставить у Кобурга баварскій корпусъ лишь для косвеннаго прикрытія Саксоніи; саксонцы отступили поэтому въ Богемію. Рѣшительнѣе всѣхъ на сторону Австріи сталъ Вюртембергъ. Въ штутгартскомъ ландтагѣ министръ ф. Варнбюлеръ не щадилъ угрозъ по отношенію къ «врагу всѣхъ германцевъ»; его крикъ «Vae victis!» былъ безразсудный военный кличъ. Отношеніе Саксоніи было также вполнѣ ясно. Бейстъ находилъ, что наиболѣе вѣрной политикой является отстаиваніе стараго союзнаго права, и онъ старался для охраны союза составить «третью группу», но бамбергскія конференціи въ маѣ 1866 г. доказали только непоправимую разрозненность среднихъ государствъ. Такъ какъ по положенію вещей Австрія была заинтересована въ сохраненіи союзной конституціи, Пруссія же ей угрожала, то Саксонія стала на сторону «консервативнаго принципа», т.-е. Австріи. Великій герцогъ Фридрихъ баденскій, женатый на дочери короля Вильгельма, относился съ большимъ сочувствіемъ къ берлинскому двору. Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ уступить озлобленію народнаго большинства противъ «антигерманской» политики Бисмарка и поставить во главѣ министерства настроеннаго въ пользу Австріи графа Эдельсгейма. Когда вспыхнулъ великій споръ, то герцогъ Фридрихъ, считая это дѣломъ чести и національнымъ долгомъ, сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы примирить враждующихъ братьевъ. Когда же достигнутое, наконецъ, имъ свиданіе съ королемъ Іоганномъ въ Пильницѣ не принесло никакихъ плодовъ, ему пришлось, въ виду возбужденнаго настроенія народа, стать на сторону Австріи. Въ Ганноверѣ вторая палата предлагала нейтралитетъ,

но виды на расширеніе владѣній побудили корону примкнуть къ Австріи. Точно также великій герцогъ гессенъ-дармштадтскій и курфюрстъ гессенъ-кассельскій рѣшили вѣрно хранить принципы княжескаго сейма.

Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Свершалась судьба Германіи. 1 іюня вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ заявленіе во Франкфуртѣ, что такъ какъ всѣ попытки примиренія съ Пруссіей оказались неудачными, то онъ передаетъ бундестагу вопросъ о судьбѣ Шлезвигъ-Гольштиніи. Это было нарушеніемъ прусско-австрійскаго договора 14 августа 1865 года. Поэтому Бисмаркъ объявилъ раздѣленіе владѣній между обѣими державами уничтоженнымъ; прусскія войска вступили въ Гольштинію, и австрійцы принуждены были поспѣшно отступить. Австрія сдѣлала во Франкфуртѣ несовмѣстимое съ союзнымъ правомъ предложеніе всеобщей мобилизаціи войскъ противъ Пруссіи; Пруссія объявила, что принятіе этого предложенія она будетъ считать за объявленіе войны. 14 іюня произошло голосованіе. Предложеніе Австріи, хотя въ нѣсколько смягченной редакціи, было принято девятью голосами противъ шести. Послѣ этого прусскій посолъ ф.-Савиньи объявилъ германскій союзъ уничтоженнымъ. Дѣло національнаго единства, прибавилъ онъ съ довольно неподходящимъ для даннаго момента видомъ утѣшителя, не слѣдуетъ, однако, въ виду этого считать погибшимъ; затѣмъ, положивъ на столъ прусское предложеніе о союзной реформѣ, онъ покинулъ залъ.

Война началась. Благодаря прекрасному произведенію австрійца Фридъюнга о борьбѣ за господство въ Германіи мы теперь можемъ свободнѣе судить о томъ тяжеломъ кризисѣ, во время котораго для новаго германскаго государства и тѣсно связанной съ нимъ Австріи были заложены основанія ихъ нынѣшняго строенія.

Пруссія все-таки шла рука-объ-руку съ Италіей; общность интересовъ оказалась сильнѣе, нежели взаимное недовѣріе. Что касается Наполеона, то передъ самымъ взрывомъ борьбы было еще не извѣстно, на чьей сторонѣ онъ окажется. Переговоры велись съ обѣими сторонами, ставились условія и давались обѣщанія. Изъ письма, написаннаго Наполеономъ 11 іюня министру иностранныхъ дѣлъ Друэну де Люису и прочитаннаго послѣднимъ въ законодательномъ корпусѣ, можно заключить, что императоръ не желалъ противиться болѣе тѣсному объединенію Германіи и расширенію Пруссіи на сѣверѣ, но только при условіи сохраненія вліятельнаго положенія Австріи въ германскомъ союзѣ.

Война не пользовалась популярностью ни на сѣверѣ, ни на югѣ, но король Вильгельмъ и его совѣтникъ не были обмануты въ своемъ довѣріи. Когда пробилъ часъ долга, каждый пруссакъ зналъ свою обязанность, и тутъ блестяще обнаружилось, чего можно достичь совершенствованіемъ и дисциплиной, цѣлесообразнымъ вооруженіемъ и мудрымъ распредѣленіемъ силъ. Главное командованіе надъ прусской арміей принялъ самъ король Вильгельмъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ генеральнаго штаба Мольтке. Австрійскими военными силами въ Богеміи командовалъ Бенедекъ, проницательность и осторожность котораго благодаря изслѣдованіямъ Фридъюнга получили болѣе

правильную оцѣнку. Бенедекъ упорно отказывался принять главное начальство, такъ какъ для такой серьезной задачи ему не хватало военнаго образованія; онъ достигъ лишь того, что въ помощь ему былъ назначенъ начальникъ генеральнаго штаба Крисманикъ, своимъ мудрствованіемъ парализовавшій и тѣ преимущества, которымъ Бенедекъ былъ обязанъ своей старой славой. Главнокомандующій съ самаго начала ясно видѣлъ превосходство противника; но просьбы его о скоромъ заключеніи мира въ видахъ предотвращенія катастрофы не находили поддержки въ Вѣнѣ. Предводительство надъ отборными австрійскими войсками въ Италіи принялъ эрцгерцогъ Альбрехтъ. Главное начальство надъ баварскими, а также надъ всѣми соединенными войсками на юго-западномъ германскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій было поручено престарѣлому двоюродному дядѣ короля Людвига II принцу Карлу баварскому, рыцарскому князю, который уже въ освободительныхъ войнахъ отличался храбростью, но въ качествѣ полководца не пріобрѣлъ лавровъ.

Не могло быть и рѣчи о планомѣрныхъ согласныхъ дѣйствіяхъ южно- и средне-германскихъ военныхъ силъ. Ганноверская армія должна была соединиться съ баварской въ Тюрингіи, но слабый прусско-кобургскій корпусъ задерживалъ ее до тѣхъ поръ, пока изъ Пруссіи не прибыло подкрѣпленіе, и ганноверцы непосредственно послѣ побѣды, одержанной при Лангензальцѣ (27 и 28 іюня), должны были сдаться. Генералъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ, предводитель прусской майнской арміи, также сумѣлъ такъ долго препятствовать соединенію баварцевъ съ южно-германскими и австрійскими отрядами, командуемыми принцемъ Александромъ Гессенскимъ, пока въ Богеміи не произошла рѣшительная битва. Въ Лаузицѣ стянулась прусская армія подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, въ Силезіи — другая подъ предводительствомъ кронпринца, у Торгау (въ прусской Саксоніи)—третья подъ начальствомъ генерала Герварта фонъ Биттенфельда; 22 іюня всѣ три арміи появились въ Богеміи. Австрійское военное начальство должно было во всякомъ случаѣ воспользоваться опаснымъ разъединеніемъ приближающейся непріятельской арміи. Но даже пораженіе, нанесенное генераломъ Габленцомъ 27 іюня при Траутенау своему соратнику по датской войнѣ—Бонину, не было достаточно использовано. На слѣдующій день при Скалицѣ въ рукахъ Бенедека снова оказались всѣ средства для побѣды. На пути, выбранномъ Мольтке, говоритъ Дельбрюкъ, возлѣ Скалицы находилось мѣсто, которое угрожало ему страшнымъ и совершеннымъ пораженіемъ. Но Бенедекъ весьма некстати нашелъ нужнымъ обуздать свой темпераментъ, чтобы не помѣшать плану своего мудраго начальника генеральнаго штаба. Онъ не воспользовался случаемъ напасть со своимъ 70-титысячнымъ войскомъ на стоящихъ противъ него 30000 пруссаковъ. Такимъ образомъ, онъ выпустилъ побѣду изъ своихъ рукъ, такъ какъ соединенная прусская армія своею силой далеко превосходила австрійскую.

2 іюля арміи принца Фридриха-Карла и Герварта натолкнулись у Гичина на главную часть австрійской арміи; армія кронпринца, бывшая отъ нея на разстояніи однодневнаго перехода, должна была какъ можно скорѣе

прибыть на мѣсто. 3 іюля до восхода солнца началась рѣшительная битва—между деревней Садовой и маленькой крѣпостью Кениггрецъ на Эльбѣ. Пруссакамъ предстояла тяжелая задача—овладѣть саксонскими и австрійскими позиціями, защищенными лѣсными высотами Хлума, болотами Быстрицкой долины и 250 орудіями. Самъ король Вильгельмъ руководилъ атакой, которую приходилось вести очень медленно и съ большимъ количествомъ жертвъ. Австрійцы не уступали въ храбрости своимъ противникамъ; если послѣдніе, въ концѣ концовъ, все-таки одержали верхъ, то этимъ они обязаны не только превосходству своихъ игольчатыхъ ружей, но еще въ гораздо большей степени болѣе строгой дисциплинѣ и болѣе высокому умственному развитію. Не даромъ профессоръ Пешель въ своемъ сочиненіи объ ученіяхъ новѣйшей военной исторіи утверждалъ, что при Кениггрецѣ «прусскій учитель» одержалъ побѣду надъ австрійскимъ.

Фридъюнгъ также отвергаетъ возраженіе, что побѣда досталась пруссакамъ лишь благодаря своевременному прибытію арміи кронпринца, слѣдовательно, «только благодаря случайности». Несомнѣнно, что необыкновенно быстрое движеніе силезской арміи по размокшей отъ дождя землѣ являлось выдающимся военнымъ подвигомъ. Послѣ полудня кронпринцъ вступилъ въ битву и угрожалъ австрійцамъ съ лѣваго фланга и съ тылу. Напрасно австрійская кавалерія бросалась навстрѣчу непріятелю, выступавшему со всѣхъ сторонъ, ея безумная храбрость не могла помѣшать тому, что начавшееся по распоряженію Бенедека отступленіе кончилось полнымъ разстройствомъ арміи. Тѣмъ не менѣе, битва при Кениггрецѣ принесла много чести и побѣжденнымъ; это не Іена и не Росбахъ. «Тамъ не было дерзкаго вызова счастью войны,—такъ пишетъ Фридъюнгъ о катастрофѣ,—не было позорнаго бѣгства,—это была скорѣе борьба до полной потери силъ; и когда одна сторона была побѣждена, то побѣдитель чувствовалъ себя такимъ утомленнымъ и разстроеннымъ, что у него уже не хватало силъ для нанесенія врагу новаго смертельнаго удара».

Послѣ рѣшительной битвы въ Богеміи военныя дѣйствія на западномъ театрѣ войны уже не имѣли важнаго значенія. Пруссаки подъ начальствомъ Фогеля фонъ-Фалькенштейна, а потомъ Мантейфеля, послѣ цѣлаго ряда побѣдоносныхъ сраженій достигли Вюрцбурга, въ то время какъ другой корпусъ, предводительствуемый великимъ герцогомъ Мекленбургскимъ, вторгся въ Баварію съ сѣверо-востока и занялъ всѣ франконскіе города до Нюрнберга.

Успѣхи прусскаго оружія нѣсколько умалялись тѣмъ, что союзныя войска по ту сторону Альповъ терпѣли постоянныя неудачи на сушѣ и на морѣ. 25 іюня эрцгерцогъ Альбрехтъ отбилъ при Кустоццѣ почти вдвое сильнѣйшее войско итальянцевъ подъ начальствомъ Чіальдини. Тѣмъ не менѣе, когда эрцгерцогъ Альбрехтъ послѣ битвы при Кениггрецѣ двинулся на сѣверъ для прикрытія имперіи, то разбитой арміи удалось занять Венецію, уступленную Австріей Наполеону. Во время переговоровъ о мирѣ австрійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Тегетгофа одержалъ блестящую побѣду надъ итальянцами при Лиссѣ.

Документъ, лично составленный королемъ Вильгельмомъ сейчасъ послѣ битвы при Кенигрецѣ, содержалъ слѣдующія требованія: уступка Шлезвигъ-Гольштиніи Пруссіи, а также, быть-можетъ, восточной Фрисландіи и право преемничества въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ. Когда же все яснѣе стало выступать полное значеніе богемскихъ и франконскихъ побѣдъ, то король счелъ необходимымъ настаивать на возвращеніи гогенцоллернскихъ земель во Франконіи, потерянныхъ въ Наполеоновскихъ войнахъ. Однако, энергичному вмѣшательству и настойчивости Бисмарка удалось убѣдить короля, что въ такой историческій моментъ слѣдуетъ принимать во вниманіе только національную, а никакъ не династическую точку зрѣнія. Широкой политикѣ Бисмарка слѣдуетъ приписать то, что война 1866 года, столь ужасная сама по себѣ, оказалась настолько благотворной по своимъ послѣдствіямъ, какъ ни одна война въ исторіи Германіи. Прежде всего благодаря всегда осторожнымъ и благоразумнымъ—то смѣлымъ, то медлительнымъ—дѣйствіямъ Бисмарка, несмотря на попытки Наполеона вмѣшаться, Пруссія пріобрѣла четыре милліона подданныхъ и господство въ сѣверной Германіи. Было цѣлесообразно организовать сначала только сѣверную часть; соединеніе воедино однородныхъ элементовъ являлось естественной подготовкой къ дальнѣйшему развитію; разъ прочныя государственно-правовыя учрежденія пустили глубокіе корни на сѣверѣ,—ихъ легче было распространить и на южную часть. За раздѣленіе Германіи былъ и Наполеонъ, такъ какъ «онъ надѣялся,—пишетъ Бисмаркъ въ своихъ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ», — образовать южно-германскій союзъ, въ видѣ французскаго филіальнаго отдѣленія». Поэтому какъ перемиріе въ Никольсбургѣ, такъ и миръ въ Прагѣ, были заключены при участіи императора Франціи. Правда, когда Бисмаркъ потребовалъ включенія Саксоніи, Гессенъ-Касселя, Нассау и Ганновера, то возмущенный французскій представитель Бенедетти воскликнулъ, что теперь не времена Фридриха Великаго, когда каждый бралъ то, что ему нравилось. Когда же Бисмаркъ согласился, чтобы королевство Саксонія оставалось во всей ненарушимой цѣлости, то за Пруссіей были признаны всѣ остальныя расширенія территоріи. Кромѣ того, Австрія передала Пруссіи свои права на Шлезвигъ-Гольштинію, обязалась уплатить военныя издержки и согласилась на присоединеніе предоставленной Наполеону Венеціи къ итальянскому королевству. Наиболѣе важнымъ явилось выступленіе Австріи изъ Германскаго союза: теперь Пруссія должна была приняться за строительство новаго государства. Прусское военное начальство требовало еще, чтобы походъ увѣнчался побѣдоноснымъ вступленіемъ войскъ въ Вѣну. Но Бисмаркъ воспротивился этому требованію, особенно унизительному для побѣжденныхъ, такъ какъ для него было важно сохранить возможность возобновленія дружественныхъ отношеній къ Австріи. Уже послѣ битвы при Кенигрецѣ, когда Мольтке сказалъ королю Вильгельму: «Ваше величество выигралъ не только сраженіе, но и весь походъ»,—то Бисмаркъ прибавилъ: «Споръ рѣшенъ; теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы вернуть старую дружбу съ Австріей».

Моментъ для сближенія съ Австріей еще не наступилъ, но уже былъ

переброшенъ мостъ черезъ тотъ самый Майнъ, который отдѣлялъ новообразованный «Сѣверо-германскій союзъ» отъ южныхъ государствъ. Еще до заключенія пражскаго мира Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ заключили съ Пруссіей оборонительные и наступательные союзы, которые изъ соображеній, касающихся Франціи, пока держались втайнѣ. Жертвы, наложенныя миромъ на слабѣйшія государства, стали ими переноситься легче, когда Бисмаркъ заявилъ, что Наполеонъ еще 6 августа велѣлъ черезъ Бенедетти объявить, что онъ согласенъ дать берлинскому кабинету полную свободу дѣйствій, взамѣнъ уступки Рейнгессена и Рейнской Баваріи. Хотя въ нѣмецкомъ народѣ еще очень многіе не могли примириться съ необходимостью принимать въ соображеніе реальные факторы политической жизни, все-таки, къ счастью, въ руководящихъ кругахъ признали, что злоба и уныніе должны отойти на задній планъ, и что глубокій переворотъ во всѣхъ германскихъ дѣлахъ требуетъ также перемѣны политики въ отдѣльныхъ государствахъ. Почти всюду у кормила правленія стали новые министры, которые въ своихъ программахъ стремились къ болѣе тѣсному и искреннему сближенію съ Пруссіей, хотя и продолжали отстаивать свою самостоятельность. Важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ послѣдующихъ годовъ было преобразованіе всѣхъ германскихъ военныхъ силъ въ духѣ и по образцу прусскаго военнаго устройства. На сѣверѣ счастливо совершилось превращеніе прусской политики въ германскую. «Только Германія — объявилъ король Вильгельмъ послѣ присоединенія Ганновера — должна выиграть то, что Пруссія пріобрѣла!» Это былъ наиболѣе важный моментъ въ историческомъ развитіи Германіи.

Битва при Кенигрецѣ и для побѣжденнаго государства имѣла своимъ послѣдствіемъ поворотъ въ сторону національнаго принципа. Неудачи австрійскаго оружія привели къ перемѣнѣ системы внутри монархіи; февральская конституція, отмѣненная при Белькреди, снова вступила въ свои права, но только по отношенію къ коронным землямъ по эту сторону Лейты. Съ Венгріей въ іюнѣ 1867 г. было заключено соглашеніе, которымъ споръ, вспыхнувшій въ 1848 г. на почвѣ государственнаго права, улаживался въ духѣ сепаратистскихъ желаній и предложеній Франца Деака. Андраши, опальный мятежникъ 1848 г., сдѣлался первымъ президентомъ венгерской палаты депутатовъ; Фестетитсъ сталъ во главѣ самостоятельнаго венгерскаго министерства. Торжественное коронованіе Франца-Іосифа въ качествѣ венгерскаго короля 8 іюня 1867 г. явилось освященіемъ вновь созданнаго государственно-правового дуализма.

11. Паденіе второй французской имперіи.

Въ то время, какъ внѣшняя политика Наполеона шла попрежнему путемъ имперіализма, пріобрѣтая земли и стремясь къ усиленію своего могущества, внутренняя политика уже съ 1860 г. стала склоняться къ конституціоннымъ формамъ, или, какъ говоритъ Зибель, она была деспотична по

конституціи, но демократична въ управленіи. Такія уступки могли бы, конечно, укрѣпить императорскій тронъ, если бы Наполеонъ рѣшительно и твердо держался намѣченнаго пути, но и въ этой области мы наблюдаемъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ внѣшней политики, неувѣренное метаніе изъ стороны въ сторону. «Абсолютизмъ, отрицающій принципъ, на которомъ зиждется, совершаетъ самоубійство,—говорилъ республиканецъ Карно,—такъ какъ уступки только повышаютъ требованія страны; удовлетворить всѣ—для правительства немыслимо, слѣдовательно, оно вновь отступитъ, а такое отступленіе будетъ началомъ его паденія». Такъ какъ противниками императора въ равной мѣрѣ являлись какъ клерикалы, такъ и радикалы, то онъ старался миролюбиво настроить то тѣхъ, то другихъ и въ результатѣ—испортилъ отношенія съ обѣими партіями. Была расширена свобода печати, сняты наиболѣе жестокія оковы съ права союзовъ; естественнымъ слѣдствіемъ этихъ мѣръ было возвышеніе голоса оппозиціи. А дѣйствительность давала слишкомъ много поводовъ для жалобъ и насмѣшекъ. Частые скандальные процессы выносили на свѣтъ божій компрометтирующія доказательства подлоговъ и подкуповъ въ высшихъ кругахъ общества. Вліятельныя личности при дворѣ и въ государственномъ управленіи систематически превращали въ крупную биржевую игру вопросы войны и мира. Экспедиція въ отдаленную Мексику была начата лишь тогда, когда Хуарецъ отказался платить фиктивныя долговыя расписки на милліонныя суммы. Тайныя нити соединяли биржу съ Тюльери и министерствами; всѣ предпріятія, постройки желѣзныхъ дорогъ, доковъ, дорогъ и т. п. должны были прежде всего бросить подачку господамъ и дамамъ изъ «общества»; даже при королѣ буржуазіи мошенническія предпріятія не обдѣлывались такъ изобрѣтательно, какъ теперь; самыя нечистоплотныя спекуляціи оправдывались соображеніемъ: «Это даетъ людямъ деньги!»

Судъ не пользовался уваженіемъ; шпіонство и доносы встрѣчались во всѣхъ слояхъ общества. Самъ дворъ въ Тюльери представлялъ недостойную картину; тамъ играли роль то заклинатель духовъ Хомэ, то шансонетная пѣвица Тереза, то клоунъ Вивье! При императорскомъ дворѣ можно было встрѣтить и ту непріятную смѣсь вольнодумства и суевѣрія, которая въ крови у многихъ французовъ. Противъ благочестія императрицы нельзя было бы ничего возразить, если бы это не оказывало вреднаго вліянія на государственныя дѣла. Довольно легко отказались отъ важнаго права государственнаго надзора за церковными органами, и школы, какъ вообще все учебное дѣло, были всецѣло отданы подъ надзоръ церкви. Парижъ еще оставался королемъ городовъ, блестящей резиденціей искусства, моды и роскоши, но подъ сверкающимъ лакомъ трона таилось гнилое дерево. Какъ-разъ въ рабочемъ классѣ, бывшемъ до сихъ поръ опорой наполеоновскаго режима, наростало сильное враждебное настроеніе, и еще съ большей страстью обратился Латинскій кварталъ противъ имперіи, презиравшей народныя права и проматывавшей въ разгульной жизни народныя силы. Въ городахъ и въ деревняхъ участились революціонныя демонстраціи. Адвокатъ Леонъ Гамбетта нападалъ съ неслыханной дерзостью на «человѣка 2 декабря»; Рошфоръ въ «Фонарѣ»

закидывалъ имперію грязью; подстрекатели «непримиримыхъ» бурно требовали «народнаго государственнаго переворота». А Наполеонъ все болѣе и болѣе шелъ навстрѣчу духовенству и клерикальной партіи. Но и это покровительство оказалось роковымъ для него. Услуги, оказанныя имъ папистамъ, привели его къ противорѣчію съ имъ самимъ провозглашеннымъ принципомъ народнаго самоопредѣленія.

Съ отдѣленіемъ Умбріи и пограничныхъ областей согласно народному голосованію 4 ноября 1860 г. свѣтская власть папы ограничивалась Римомъ и ближайшими окрестностями. Расположенный въ Римѣ французскій гарнизонъ являлся единственнымъ препятствіемъ къ присоединенію послѣдняго остатка прежней папской области къ остальной Италіи. Страстнымъ желаніемъ патріотовъ было пріобрѣсть и столицу латинской расы для новаго королевства. Съ лозунгомъ «Римъ или смерть» выступилъ Гарибальди съ добровольцами въ 1862 г. противъ Вѣчнаго города. Министерство Ратацци не было враждебно этому предпріятію, но когда Наполеонъ пригрозилъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, оно было вынуждено пойти противъ народнаго любимца даже съ оружіемъ. Гарибальди былъ взятъ въ плѣнъ во время непродолжительнаго сраженія съ королевскими войсками при Аспромонтэ послѣ того, какъ, раненый въ ногу, потерялъ способность защищаться. Черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ выпущенъ на свободу, но вѣсть, что старикъ-герой, которому Викторъ-Эммануилъ обязанъ былъ короной, послужилъ мишенью для пуль королевскихъ солдатъ, произвела тяжелое впечатлѣніе не въ одной только Италіи. На кого могла пасть отвѣтственность, какъ не на «друга и союзника Италіи» въ Тюльери? Наполеонъ, не желая долѣе навлекать на себя ненависть итальянцевъ, заключилъ 15 сентября 1864 г. съ Италіей конвенцію, по которой она обязалась уважать и защищать современныя границы папской области, при условіи удаленія всѣхъ французскихъ отрядовъ изъ предѣловъ Италіи. Когда французы стали садиться на корабли въ Чивита-Веккіи, Гарибальди тотчасъ же ухватился за старые планы. Но какъ только его солдаты вступили на римскую землю, Вейлло и Дюпанлу бурно стали требовать, чтобы постоянно вѣрная покровительница католической церкви и теперь вступилась за независимость святого престола; трусливымъ отступленіемъ въ Италіи Наполеонъ взялъ бы на себя, по ихъ словамъ, вину Пилата. Наполеонъ счелъ себя вынужденнымъ предъявить жалобу итальянскому правительству по поводу нарушенія сентябрьской конвенціи. Французскій армейскій корпусъ, посланный для защиты папы, въ союзѣ съ папской швейцарской гвардіей подъ командованіемъ генерала Канцлера напалъ на волонтеровъ при Ментанѣ. «Чудеса ружей Шаспо» доставили французамъ легкую побѣду (3 ноября 1867). Затѣмъ вновь были оставлены французскіе гарнизоны въ Римѣ и Чивита-Веккіи. Но Наполеонъ лично не могъ особенно радоваться своей легкой побѣдѣ, такъ какъ ясно было, что ею уничтожалась его претензія на благодарность со стороны Италіи.

И въ такъ называемомъ «Люксембургскомъ вопросѣ» въ дипломатической борьбѣ съ Бисмаркомъ Наполеонъ оказался слабѣйшимъ. Такъ какъ оппози-

ція въ парламентѣ и печати безпрестанно упрекала императора, въ особенности послѣ обнародованія державшагося до сихъ поръ втайнѣ оборонительно-наступательнаго союза между сѣверо-германскимъ союзомъ и южно-нѣмецкими государствами, въ томъ, что Франція потерпѣла при Садовой тяжелое пораженіе, то Наполеонъ, во что бы то ни стало, рѣшилъ добиться выгодной компенсаціи. Великое герцогство Люксембургское, уступленное Вѣнскимъ конгрессомъ нидерландскому королю и въ то же время входившее въ германскій союзъ, не присоединилось послѣ катастрофы 1866 г. къ сѣверо-германскому союзу. Финансовыя затрудненія и нерасположеніе къ Пруссіи привели даже короля Вильгельма къ мысли предложить французской имперіи купить эту франко-нѣмецкую область. Дѣло было почти уже улажено, какъ въ послѣдній моментъ Бисмаркъ обратился, въ качествѣ выразителя общественнаго мнѣнія Германіи, съ заявленіемъ къ голландскому правительству, что Пруссія сочтетъ вызовомъ къ войнѣ уступку области, входящей въ нѣмецкій таможенный союзъ, и въ столицѣ которой находится нѣмецкій гарнизонъ (3 апрѣля 1867). Послѣ этого король Вильгельмъ отказался отъ задуманной продажи, да и Наполеонъ не хотѣлъ изъ-за этой сомнительной выгоды доводить дѣло до войны; рѣшеніе вопроса должно было перейти къ лондонской конференціи великихъ державъ, которая постановила, что Люксембургъ долженъ остаться самостоятельнымъ государствомъ, нейтралитетъ котораго будетъ охраняться всѣми великими европейскими державами; Пруссія отказалась отъ своего права держать здѣсь гарнизонъ и согласилась на срытіе люксембургскихъ крѣпостныхъ укрѣпленій; великое же герцогство осталось членомъ германскаго таможеннаго союза.

Уже при возникновеніи люксембургскаго вопроса Наполеонъ сталъ въ Вѣнѣ говорить о заключеніи союза. Несмотря на катастрофу при Кениггрецѣ, въ австрійскомъ министерствѣ приняли участіе Менсдорфъ и Эстергази, а во главѣ его стоялъ старый врагъ Пруссіи графъ Бейстъ. Вся отвѣтственность за неудачи 1866 г. была свалена на Бенедека, и даже побѣдитель при Лиссѣ адмиралъ Тегетгофъ впалъ непосредственно послѣ блестящаго пріема въ Вѣнѣ въ немилость. Почва для союза съ Франціей была, такимъ образомъ, благопріятна. Австріи было поставлено на видъ, что въ награду она можетъ разсчитывать на уступки въ Силезіи или въ южной Германіи. Объявленіе оборонительно-наступательнаго союза съ южно-нѣмецкими государствами произвело и въ Вѣнѣ удручающее впечатлѣніе; его считали «преждевременнымъ нарушеніемъ пражскаго мира». Холодная, устраняющая всякій вызовъ сдержанность, которую хранила до сихъ поръ Австрія по отношенію къ сѣверо-германскому союзу, угрожала перейти въ открытую вражду. Переговоры продолжались при личномъ свиданіи императоровъ Франціи и Австріи осенью 1867 г. въ Зальцбургѣ, но въ результатѣ привели такъ же мало къ цѣли, какъ и посредничество между Австріей и Пруссіей, иниціативу котораго взялъ на себя, по порученію Бисмарка, баварскій дипломатъ графъ Тауфкирхенъ. Въ общемъ Наполеонъ могъ разсчитывать на то, что въ Вѣнѣ высоко цѣнятъ дружественное согласіе съ Франціей, но онъ ошибся, предположивъ, что Бейстъ дастъ увлечь себя въ любой моментъ воинственными приключеніями.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для императора явился блестящій успѣхъ парижской всемірной выставки 1867 г., но на этотъ блескъ была брошена густая тѣнь позорной казни императора Максимиліана. Тьеръ и Фавръ требовали отчетности въ расходахъ на экзотическія авантюры; хотя большинство парламента относилось еще отрицательно къ слишкомъ радикальнымъ требованіямъ, но число «мамелюковъ», на голоса которыхъ дворъ могъ разсчитывать съ полной увѣренностью, все больше и больше таяло. Даже Оливье, перешедшій изъ рядовъ оппозиціи въ правительственную партію, страстно обрушился противъ «вице-императора» Руэра, требуя отвѣтственнаго министерства. Время-отъ-времени вспыхивали уличные безпорядки. Печать и парламентъ не переставали горько жаловаться на неудачный исходъ внѣшней политики, на мотовство, страсть къ чрезмѣрной роскоши и испорченность господствующихъ классовъ. Императоръ не скрывалъ отъ себя, что его популярность сильно пошатнулась, но онъ разсчитывалъ легко помочь этому посредствомъ либеральныхъ реформъ. Непопулярный Руэръ принужденъ былъ отказаться въ іюлѣ 1869 г. отъ своего портфеля, взамѣнъ чего получилъ, конечно, не менѣе важный постъ предсѣдателя сената. Лидеръ конституціоннаго большинства Оливье сталъ во главѣ кабинета, называвшагося парламентарнымъ, и который привѣтствовали какъ «министерство надежды». Однако, не было недостатка въ доказательствахъ того, что императоръ вовсе не намѣревался искренно перейти къ конституціонному образу правленія. Оливье настоялъ на томъ, чтобы зарвавшійся префектъ Сены Османъ (Haussmann) подалъ въ отставку, предводитель рабочихъ Ледрю-Ролленъ былъ амнистированъ, Пьеръ Бонапартъ былъ преданъ суду за покушеніе на убійство, и чтобы свобода выборовъ и печати была въ значительной степени обезпечена. Гамбетта и Жюль Фавръ продолжали бороться съ правительствомъ, и не безъ основанія можно было опасаться, что поворотъ къ либеральнымъ идеямъ лишь повредитъ прежней силѣ имперіи. Прежде всего воспѣвали, конечно, на всѣ лады великодушіе главы государства. Оливье закончилъ благодарственную рѣчь, произнесенную 27 марта 1870 г. въ законодательномъ корпусѣ, торжественнымъ паѳосомъ. «Плутархъ говоритъ: величайшее, что можетъ совершить человѣкъ, это — даровать свободу своему народу, будучи обладателемъ неограниченной власти. Нашъ императоръ достигъ подобной славы. Кто раздѣляетъ ее съ нимъ въ міровой исторіи?» Хотя не было никакой надобности привлекать народъ къ утвержденію перемѣны управленія, такъ какъ народная воля могла выразиться въ выборахъ, и хотя оппозиція упрекала имперію въ томъ, что призывъ народа превращаетъ въ комедію новый конституціонный курсъ, однако, Наполеонъ, по соображеніямъ династическаго характера, счелъ наиболѣе выгоднымъ устроить плебисцитъ. Оффиціальныя машины работали безупречно, и 8 мая 1870 г. французскій «народъ» 7.350.000 голосовали противъ 1.588.000 выразилъ свое одобреніе либеральнымъ реформамъ. Все-таки императора безпокоилъ тотъ фактъ, что изъ голосовавшихъ противъ не менѣе 47 тысячъ приходилось на армію и флотъ. Особенно громко жаловались въ военныхъ кругахъ на то, что императорское правительство удѣляетъ слишкомъ мало

вниманія обезпеченію политическаго превосходства въ Европѣ націи, идущей во главѣ цивилизаціи. Самые ярые бонапартисты думали, что только война съ Пруссіей, которой слѣдовало также отомстить за Лейпцигъ, Ватерлоо и Садовую, могла освѣжить потускнѣвшія чары наполеоновскихъ идей и доставить императорскому трону необходимую твердость. Главу государства, его приверженцевъ и враговъ объединяло убѣжденіе, что каждый дальнѣйшій шагъ, сдѣланный Германіей по пути объединенія, будетъ вреденъ интересамъ Франціи и даже опозоритъ ее. Въ законодательномъ корпусѣ жаловались и на то, что императоръ въ недостаточной степени «національно» настроенъ, т.-е. національно въ духѣ Мазарини: Soyons Français pour la France! (Будемъ французами для Франціи). Тьеръ говорилъ, что императоръ допустилъ уже чрезмѣрное усиленіе Италіи и Германіи, и что больше не должно быть сдѣлано въ этомъ направленіи никакихъ ошибокъ [1]). Оливье, этотъ единственный сторонникъ примиренія имперіи съ правомъ національной идеи въ современномъ смыслѣ, стоялъ совершенно одиноко; Тьеръ, напротивъ, говорилъ какъ бы изъ глубины души почти всей націи. Французы не хотѣли отказаться отъ мысли, будто необходимая для благополучія міра сила Франціи состоитъ въ безпомощной слабости и зависимости всѣхъ ея сосѣдей, и будто образованіе большихъ національныхъ государствъ по ту и другую сторону Альповъ является оскорбленіемъ для Франціи и должно быть отомщено мечомъ. Теперь уже ни одинъ нѣмецъ не могъ не знать, что объединеніе Германіи недостижимо до тѣхъ поръ, пока сопротивленіе Франціи не будетъ сломлено.

12. Франко-прусская война 1870—1871 гг.

Въ противоположность Зибелю, Дельбрюкъ убѣдительно доказалъ, что Наполеонъ III далеко не былъ благосклоннымъ другомъ нѣмецкаго объединенія, каковымъ онъ себя время-отъ-времени выдавалъ. Онъ постоянно пытался добиться союза какъ съ Австріей, надѣявшейся, конечно, вернуть свое прежнее вліяніе хотя бы на южно-нѣмецкія государства, такъ и съ Италіей, на благодарность которой императоръ разсчитывалъ противъ чрезмѣрно возраставшей Пруссіи. Дѣло зашло такъ далеко, что три монарха дали обѣщаніе «разсматривать дѣло каждаго какъ свое собственное». Король Викторъ-Эммануилъ былъ безусловно готовъ считать этотъ «военный заговоръ» за исходный пунктъ для дѣйствительнаго наступленія, въ результатѣ котораго онъ надѣялся пріобрѣсть Римъ. Руководимый правильнымъ политическимъ чутьемъ, итальянскій народъ, по крайней мѣрѣ, образованная часть

---

[1]) Считая опаснымъ въ интересахъ Франціи образованіе объединенной Германіи съ Пруссіей во главѣ, Тьеръ, однако, былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ войны съ Пруссіей и вмѣстѣ съ немногочисленными республиканскими депутатами всячески старался въ законодательномъ корпусѣ не допустить до разрыва между Франціей и Пруссіей. *Ред.*

Испанскій маршалъ ПРИМЪ.

Вступленіе французовъ въ Мексику.

его, стала при открытіи войны на сторону нѣмцевъ; только превращеніе Франціи въ республику вызвало у многихъ перемѣну симпатій. Изъ Вѣны шли въ Парижъ, какъ выразился самъ Бейстъ, «не обязывающія увѣренія, а дружественныя заявленія». Въ день послѣ объявленія войны австрійскій министръ открылъ своему послу въ Парижѣ князю Меттерниху нѣсколько искреннѣе тенденцію своей политики. Война будетъ разсматриваться австрійскими нѣмцами какъ національное, священное дѣло, въ то время какъ Венгрія, для которой возвращеніе Австріи ея прежняго положенія въ Германіи мало желательно, останется равнодушной; слѣдовательно, императорское правительство вообще не можетъ вмѣшиваться въ войну. «Но этотъ нейтралитетъ является только прекраснымъ средствомъ для приближенія къ истинной цѣли нашей политики, заключающейся въ томъ, чтобы закончить наше вооруженіе, не подставляя себя подъ преждевременные удары со стороны Пруссіи или Россіи». На доброжелательный нейтралитетъ Россіи Пруссія могла разсчитывать съ увѣренностью; первый открыто-враждебный шагъ Австріи повлекъ бы за собой выступленіе русскихъ войскъ къ Галиціи и къ нижнему Дунаю.

Гегель училъ: исторія создается идеями; Трейчке говоритъ, что исторію творятъ люди. Оба изреченія не являются, въ сущности, чѣмъ-то противорѣчивымъ; есть, однако, еще одна сила, разматриваемая скептиками, какъ случайность, вѣрующими—какъ Провидѣніе. Въ томъ, что желаніе испанскаго политика, не занимавшаго даже руководящаго положенія, возвести на свободный испанскій престолъ наслѣднаго принца одного нѣмецкаго княжескаго дома имѣло своимъ послѣдствомъ войну между Франціей и Пруссіей и тѣмъ самымъ рѣшило участь Германіи, слѣдуетъ, конечно, видѣть какое-то чудо.

Депутатъ Саласаръ и Мазарреда далъ совѣтъ министру - президенту маршалу Приму войти въ сношеніе съ наслѣднымъ принцемъ Леопольдомъ Гогенцоллернъ-Зигмарингеномъ, какъ съ подходящимъ кандидатомъ для испанскаго престола. Эта кандидатура усердно поддерживалась Бисмаркомъ, хотя подозрѣніе французовъ, что все дѣло было устроено имъ, не основательно; Бисмаркъ надѣялся, что нѣмецъ на испанскомъ тронѣ можетъ оказать Германіи нѣкоторыя экономическія и политическія услуги. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что кандидатура Гогенцоллерна была бы снята въ Испаніи, если бы Бисмаркъ не поддерживалъ ее такъ настойчиво, главнымъ образомъ, въ разсчетѣ пріобрѣсть дружественную державу въ тылу Франціи. Обращеніе наслѣднаго принца Леопольда къ королю Вильгельму по поводу того, не отказаться ли ему тотчасъ же отъ предложенія, было лишь актомъ личной внимательности; католическая вѣтвь Гогенцоллерновъ не была зависима отъ главы фамиліи; король не имѣлъ права ни запрещать, ни разрѣшать. Такъ какъ съ увѣренностью можно было ожидать, что возведеніе на тронъ нѣмецкаго принца въ сосѣднемъ королевствѣ вызоветъ недовольство во Франціи, то король отнесся къ дѣлу очень серьезно. На дворцовомъ совѣщаніи 15 марта 1870 г., кромѣ Бисмарка, приняли участіе еще Мольтке и Роонъ. Бисмарку не легко было преодолѣть нерѣшительность короля и королевской семьи и доказать имъ, что

въ этой игрѣ замѣшаны въ равной степени честь и выгода королевскаго дома. Желалъ ли уже въ то время Бисмаркъ втянуть Францію въ войну,— вопросъ спорный, который доказать или окончательно опровергнуть пока еще не удалось. Бисмаркъ разсчитывалъ, по всей вѣроятности, что ему совершившимся фактомъ удастся напасть врасплохъ на французскую дипломатію. Съ величайшей неохотой допустилъ король Вильгельмъ «игру съ огнемъ». Кандидатура должна была сохраняться въ тайнѣ до выборовъ кортесовъ, но Примъ изъ угодливости рѣшилъ дать заранѣе свѣдѣнія объ этомъ французскому послу. Во Франціи тотчасъ же сильно взволновались. Французскій посолъ Бенедетти долженъ былъ запросить въ Берлинѣ, принимала ли Пруссія участіе въ этомъ планѣ, на что государственный секретарь фонъ-Тиле далъ отрицательный отвѣтъ. Несмотря на это, министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Граммонъ говорилъ въ парламентѣ объ этомъ опасномъ вопросѣ въ оскорбительномъ для Пруссіи тонѣ. «Франція никогда не потерпитъ,— воскликнулъ онъ,—чтобы иностранная держава возвела на престолъ Карла V одного изъ своихъ принцевъ и этимъ повредила бы чести и интересамъ Франціи». Еще 30 іюня Оливье говорилъ въ законодательномъ корпусѣ: «Никогда миръ не былъ такъ обезпеченъ, какъ въ этотъ моментъ!» Заявленіе Граммона 6 іюля бросило искру пожара между двумя народами, нуждавшимися въ мирѣ, и даже Оливье, бывшій до сихъ поръ постоянно апостоломъ мира и свободы, превратился въ мгновеніе ока въ соучастника политики, которая хотѣла какимъ-либо крупнымъ внѣшнимъ событіемъ сразу устранить всѣ внутреннія затрудненія. Можно сказать: если Бисмаркъ поддержкой испанской кандидатуры Леопольда далъ возможность къ подозрѣнію въ намѣреніи вызвать рѣшительное столкновеніе, то еще съ большимъ правомъ слѣдуетъ утверждать, что французское правительство съ той же цѣлью превратило въ поводъ къ войнѣ почти оконченное дѣло; хотѣлось не только отстранить отъ Франціи опасныя тенета, но и унизить прежде всего ненавистную Пруссію.

Національныя разногласія были уже такъ обострены, что война сдѣлалась неизбѣжной. Когда король Вильгельмъ въ Эмсѣ, гдѣ онъ проходилъ курсъ лѣченія, лично сообщилъ французскому посланнику, что ради сохраненія мира принцъ Леопольдъ отказывается отъ предложенія, то Бенедетти потребовалъ отъ самого короля обѣщанія, что и въ будущемъ, если когда-нибудь возродится эта кандидатура, онъ ни за что не дастъ своего согласія. Это чрезмѣрное требованіе было корректно, но рѣшительно отклонено королемъ. Большинство нѣмецкаго народа одобрило этотъ отказъ; во всѣхъ жило сознаніе, что оскорбленіе нанесено не одному государю, но всему нѣмецкому народу, и должно быть отомщено совмѣстными усиліями всѣхъ [1]). Возвращеніе

---

[1]) 13 іюля король Вильгельмъ на настойчивыя просьбы французскаго посланника Бенедетти дать гарантіи для будущаго (въ смыслѣ отказа принца Леопольда навсегда отъ испанской короны) рекомендовалъ ему обратиться по этому поводу въ прусское мини-

НАПОЛЕОНЪ III
Л. ГАМБЕТТА.
ФРАНЦІЯ
БАЗЭНЪ
МАКЪ-МАГОНЪ
ВИЛЬГЕЛЬМЪ I
ПРУССІЯ
БИСМАРКЪ
МОЛЬТКЕ

на родину стараго короля походило на тріумфальное шествіе. Даже народныя массы, которымъ была чужда экзальтація, предались теперь радостной надеждѣ, что пробилъ, наконецъ, часъ, когда забудутся тысячелѣтнія распри, и сила объединеннаго народа обратится на защиту націи отъ униженія. Король Людвигъ II Баварскій, ревнивое отношеніе котораго къ своимъ сувереннымъ правамъ было неправильно истолковано въ Тюльери, заявилъ по собственному побужденію, что онъ хочетъ также, оставаясь вѣрнымъ союзному договору, защищать честь Германіи наряду съ королемъ Пруссіи. Только кенигсбергскій Якоби и другіе революціонеры 1848 года, какъ и партикуляристскіе «патріоты» въ клерикальномъ баварскомъ парламентѣ не могли даже въ рѣшительный моментъ настолько подняться, чтобы отказаться отъ междоусобныхъ распрей. Мобилизація и выступленіе отрядовъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ были произведены съ ошеломляющей быстротой и точностью. Сѣверъ и югъ Германіи были объяты «благотворнымъ соединеніемъ энтузіазма и порядка» (Г. Фрейтагъ), въ то время какъ Франція предалась малоумѣстному до войны упоенію побѣдой. 19 іюля канцлеръ сѣверо-германскаго союза получилъ оффиціальное французское объявленіе о началѣ войны; вслѣдъ за этимъ въ Берлинѣ, какъ и въ южно-нѣмецкихъ резиденціяхъ, были утверждены почти единогласно военные кредиты. Самъ Наполеонъ, съ ослабѣвшей вслѣдствіе тяжелыхъ страданій волей, ни въ коемъ случаѣ не стремился къ войнѣ, но онъ не оказалъ никакого серьезнаго сопротивленія воинственнымъ планамъ Грамона, Оливье и Лебефа. Въ доказательство того, что онъ былъ втянутъ въ кровавое дѣло помимо собственной воли, указываютъ, что лишь его собственное мѣшканіе и колебаніе помѣшали заключенію союза съ Австріей и Италіей. «Не наша вина, что союзный договоръ остается только проектомъ»,—писалъ Бейстъ отъ 11 іюля Меттерниху. Но основаніемъ нерѣшительности Наполеона было только стремленіе, какъ доказалъ Дельбрюкъ, не оказаться связаннымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, въ особенности въ намѣреніяхъ относительно Бельгіи. Онъ былъ твердо увѣренъ, что превосходство французскаго оружія дастъ ему возможность въ любое время и на какихъ угодно условіяхъ

стерство иностранныхъ дѣлъ, прибавивъ, что онъ самъ больше объ этомъ не можетъ ничего сказать, а потому считаетъ новую аудіенцію излишней. Это было уступкой Франціи, такъ какъ вопросъ о «гарантіяхъ для будущаго» долженъ былъ сдѣлаться предметомъ обсужденія въ прусскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Переданная изъ Эмса Вильгельмомъ депеша объ этомъ Бисмарку привела его и другихъ сторонниковъ войны (Мольтке и Роона) въ уныніе, такъ какъ означала, что «инцидентъ исчерпанъ»; не желая допустить этого, Бисмаркъ передѣлалъ телеграмму: совершенно не упомянувъ о томъ, что дальнѣйшіе переговоры будутъ вестись въ Берлинѣ, онъ подчеркнулъ оскорбительный для Бенедетти отказъ вновь быть принятымъ королемъ. Конецъ передѣланной телеграммы гласилъ: «Его величество отказался вторично принять французскаго посланника и приказалъ сообщить ему чрезъ своего дежурнаго адъютанта, что онъ больше ничего не имѣетъ сказать ему». Въ такомъ изложеніи 14 іюля появилось во всѣхъ газетахъ сообщеніе о разговорѣ между Вильгельмомъ и Бенедетти; эта фальсификація произвела во Франціи потрясающее впечатлѣніе, какъ то предвидѣли Бисмаркъ, Мольтке и Роонъ. Теперь война была уже неизбѣжна. *Ред.*

прекратить войну; переговоры съ Австріей и Италіей были для Наполеона лишь запаснымъ средствомъ, къ которому слѣдовало обратиться лишь въ невѣроятномъ случаѣ военной неудачи.

Весной 1870 г. Бисмаркъ снова велъ тяжелую борьбу съ палатами. На этотъ разъ онъ былъ принужденъ выступить противъ своихъ старыхъ друзей—консерваторовъ, такъ какъ они не хотѣли понять, что невозможно рѣшеніе нѣмецкаго вопроса безъ уступокъ либерализму. Изъ этого-то тяжелаго положенія канцлера и хотѣли сдѣлать выводъ, что онъ употребилъ войну въ цѣляхъ своей защиты отъ внутреннихъ враговъ; поэтому, говорили дальше, онъ превратилъ ловкой перестановкой выраженій безобидный и вѣжливый отвѣтъ короля Вильгельма Бенедетти—эмскую депешу—въ «бахвальство». Но самое строгое критическое изслѣдованіе документовъ не позволяетъ разсматривать редакціонныя измѣненія какъ «подлогъ». Король также хотѣлъ рѣшительнаго отказа; только рѣзкость тона бисмарковскаго изложенія шла дальше короля. Споръ зашелъ уже слишкомъ далеко, и смыть оскорбленіе можно было только наступленіемъ; не могло быть и рѣчи объ уступчивости, потому что въ такомъ случаѣ достоинство короля и честь нѣмецкаго народа подверглись бы униженію. Кромѣ того, сила противника могла ежедневно удвоиться или утроиться; въ Берлинѣ были хорошо освѣдомлены насчетъ союзныхъ плановъ Наполеона. Чрезмѣрныя требованія французовъ объединили нѣмецкій народъ; слѣдовало использовать удобный моментъ, чтобы обезпечить будущее нѣмецкаго народа.

Съ нѣмецкой стороны врага переоцѣнивали; боялись, что онъ тотчасъ же перекинется всей своею тяжестью черезъ нѣмецкую границу. Уже нападеніе на Саарбрюкенъ могло успокоить. Хотя маленькій прусскій отрядъ не могъ помѣшать обстрѣлу открытаго города и отступилъ передъ превосходствомъ непріятеля, но это положило конецъ французскому наступательному движенію. Ближайшіе дни принесли счастливыя вѣсти о нѣмецкихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Нѣмецкія боевыя силы были раздѣлены на три части: подъ командой генерала фонъ-Штейнмеца (прусскій и сѣверо-германскій контингенты), принца Фридриха-Карла (Пруссія и Саксонія) и наслѣднаго принца Пруссіи Фридриха-Вильгельма (Пруссія, Баварія, Вюртембергъ и Баденъ). Эти три арміи, насчитывающія приблизительно 450 тыс. человѣкъ, находились рядомъ, легко могли поддерживать другъ друга и комбинировать свои движенія. Въ качествѣ главнокомандующаго выступилъ на поле сраженія самъ король Вильгельмъ; дѣйствительнымъ руководителемъ всѣхъ операцій былъ Мольтке. Военная исторія врядъ ли дастъ второй примѣръ такого умѣнія, какое проявилъ «великій молчальникъ» въ смыслѣ направленія движеній каждаго отдѣльнаго боевого отряда; при Мольтке тысячи колесиковъ машины правильно цѣплялись другъ за друга, не только каждый батальонъ и эскадронъ съ увѣренностью приходили вечеромъ на опредѣленную стоянку, но и непріятель былъ вынужденъ вступать въ бой въ нужный моментъ и на удобной для нѣмецкой арміи позиціи. Если поднимается вопросъ о величайшихъ полководцахъ новаго

времени, то наряду съ нѣмецкимъ «боевымъ мыслителемъ» можно поставить развѣ лишь одного Наполеона I. Не было недостатка въ критическихъ нападкахъ на стратегію Мольтке, нѣкоторые упреки и возраженія, напр., генерала Блюменталя, не безосновательны, но въ общемъ твердо установлено, что нѣтъ ему равнаго какъ по дальновидности, остротѣ ума и присутствію духа, такъ и по величію и чистотѣ характера. Мольтке избралъ въ стратегіи и тактикѣ совсѣмъ иной путь, чѣмъ Наполеонъ I. Въ то время, какъ послѣдній стремился держать всегда боевыя силы по возможности вмѣстѣ, Мольтке, принимая во вниманіе ростъ войска, улучшеніе дорогъ и средствъ сообщенія, развѣдочную службу и пользованіе картами, выставилъ такой основной принципъ новой стратегіи: «сущность стратегіи состоитъ въ упорядоченіи движенія колоннами при условіи своевременнаго соединенія ихъ: врозь итти и вмѣстѣ бить». Въ тѣсной связи съ этимъ основнымъ положеніемъ стоитъ его обыкновеніе давать только общія, руководящія «директивы», предписывая подчиненнымъ лишь самое необходимое и предоставляя остальное ихъ собственной разумной иниціативѣ. Будучи самъ по преимуществу теоретикомъ, Мольтке умѣлъ, однако, всегда соединять въ нужную минуту теорію съ практикой. Хотя онъ соблюдалъ высшую степень предосторожности при распредѣленіи движеній, такъ какъ «слѣдуетъ принимать во вниманіе только возможное и цѣлесообразное съ военной точки зрѣнія», но въ рѣшающіе моменты онъ былъ непреклоннымъ «наступателемъ», такъ какъ «на войнѣ нельзя все разсчитать, надо отважиться и на то, что не подлежитъ учету». Личнымъ его достояніемъ, которымъ ему не приходится съ кѣмъ-либо дѣлиться, является наступленіе нѣмецкихъ войскъ къ Седану. Онъ откладывалъ до тѣхъ поръ обстрѣлъ Парижа, пока не стало ясно, что онъ необходимъ, по крайней мѣрѣ, какъ устрашеніе. Французская армія была гораздо малочисленнѣе; войска первой очереди едва насчитывали 250 тыс. человѣкъ, разбросанныхъ по всему протяженію сѣверо-восточной и восточной границъ отъ Саарбрюкена до Бельфора. Эта армія дѣлилась на 7 корпусовъ.

4 августа при Вейссенбургѣ дивизія ген. Фел. Дуэ подверглась нападенію со стороны нѣмцевъ подъ начальствомъ прусскаго наслѣднаго принца: 5 тысячъ французовъ сопротивлялись 40 тыс. нѣмцевъ и послѣ жестокаго боя, во время котораго палъ ген. Абель Дуэ (братъ главнокомандующаго), были вынуждены отступить къ главнымъ силамъ Макъ-Магона. Этимъ былъ открытъ путь нѣмцамъ въ Эльзасъ. «То, что баварцы подъ командой нашего кронпринца нанесли первый рѣшительный ударъ, есть рѣшеніе нѣмецкаго вопроса: это лучшее объединеніе!»—такъ писалъ тогда Бланкенбургъ военному министру Роону. Французы отступили къ Верту, гдѣ соединились съ маршаломъ Макъ-Магономъ. Чтобы задержать еще преслѣдовавшаго врага у восточнаго подножія Вогезовъ, маршалъ принялъ бой, когда прусскій корпусъ Кирхбаха и баварцы достигли 6 августа, вопреки приказаніямъ высшаго начальства, Верта и Фрешвиллера. До трехъ часовъ пополудни исходъ былъ сомнителенъ; наконецъ, французы были отброшены сильнымъ сконцентрированнымъ натискомъ всѣхъ нѣмецкихъ боевыхъ силъ; французы должны были, какъ бѣглецы, уйти черезъ Лотарин-

гію къ Шалону. Такъ въ нѣсколько дней вслѣдствіе небрежности французскаго военнаго начальства, выставившаго противъ 120 тысячъ нѣмцевъ 46 тысячъ французовъ, была уничтожена эльзасская армія Макъ-Магона. 6 августа вступили также въ бой на неблагопріятной позиціи на крутыхъ высотахъ Шпихерна, противъ намѣренія верховнаго военнаго управленія, отряды первой арміи; за ними осталось, правда, поле сраженія, но побѣда обошлась несоразмѣрно дорого. По операціонному плану Наполеона войска, собранныя при Мецѣ подъ начальствомъ Базена, должны были соединиться съ Макъ-Магономъ, чтобы объединенная армія перешла потомъ при Максау Рейнъ. Благодаря битвамъ при Вертѣ и Шпихернѣ этотъ планъ былъ уничтоженъ, и даже линія Вогезовъ была покинута; на Мецъ и Страсбургъ возложили послѣднія надежды.

Въ Парижѣ подъ впечатлѣніемъ ошеломляющихъ печальныхъ извѣстій произошелъ глубокій переворотъ. Всѣ были преисполнены чрезмѣрной увѣренности въ побѣдѣ; тѣмъ тяжелѣе оказалось разочарованіе. Какъ только стихъ на улицахъ Парижа призывъ: въ Берлинъ!, наиболѣе трусливые готовы были видѣть прусскихъ улановъ уже передъ воротами города. Безпокойство и недовольство наполняли всѣ умы. Болѣе благопріятнаго обстоятельства для сверженія императорскаго режима не могло представиться его врагамъ; это убѣжденіе подвинуло ихъ на открытое выступленіе противъ династіи. Императорское правительство нельзя было упрекнуть въ слабости; было сдѣлано все, чтобы организовать защиту страны и увеличить собственныя военныя силы чужой помощью. Но если раньше заключенію союза съ Австріей и Италіей помѣшали слишкомъ большія претензіи Франціи, то послѣ нѣмецкихъ побѣдъ иностранныя правительства отступали все дальше и дальше Попытка Бейста быть посредникомъ между воюющими сторонами разбилась о предосторожность и твердость Бисмарка. Въ то время, какъ нѣмецкія войска вѣерообразно разсыпались по странѣ непріятеля, Базенъ рѣшилъ сконцентрировать свои боевыя силы при Верденѣ. Когда генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, командующій авангардомъ первой арміи, узналъ о поворотѣ непріятеля, онъ съ согласія генерала фонъ-Штейнмеца напалъ на него 14 августа при Коломбе-Нульи, и постепенно вся первая армія была втянута въ бой. Дѣло кончилось только ночью занятіемъ французскихъ позицій нѣмцами, отступленіе врага къ Вердену было, по крайней мѣрѣ, задержано. 16 августа произошло продолженіе битвы при Віонвилѣ западнѣе Меца, въ которой приняли участіе, по указанію Мольтке, первая и вторая арміи. Стала знаменитой смертельная скачка кавалерійской бригады Бредова, которая для спасенія находившейся въ большой опасности дивизіи Будденброка стала наступать на считавшуюся неприступной позицію, занятую артиллеріей и пѣхотой. Штурмъ стоилъ ужасающихъ жертвъ, но цѣль была достигнута, корпусъ Канробера былъ приведенъ въ такое замѣшательство, что не могъ выполнить обхода лѣваго прусскаго фланга. Наконецъ, къ нѣмцамъ подошло желанное подкрѣпленіе; командованіе боемъ принялъ принцъ Фридрихъ-Карлъ. «Вѣсы побѣды колебались до вечера,—такъ заявляетъ откровенно журналъ прус-

скаго генеральнаго штаба. Пруссакамъ не удалось выбить противника съ его главныхъ позицій, но зато и французы не могли вновь открыть линію черезъ Марсъ-ла-Туръ». По плану Мольтке слѣдовало не только воспрепятствовать рейнской арміи отступленіе къ Вердену, но ее слѣдовало отбросить къ Мецу, чтобы тѣмъ обезвредить для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Эта задача была выполнена 18 августа битвой при Гравелоттѣ. Командовалъ самъ король Вильгельмъ. И со стороны нѣмцевъ были сдѣланы отдѣльныя ошибки, но въ общемъ поставленная цѣль и на этотъ разъ была достигнута. Послѣ побѣды была составлена изъ семи армейскихъ корпусовъ и двухъ кавалерійскихъ дивизіоновъ армія для обложенія подъ главнымъ командованіемъ принца Фридриха-Карла. Штейнмецъ, противъ постоянной наступательной тактики котораго поднялось много порицающихъ голосовъ, получилъ еще то удовлетвореніе, что въ бою при Нуасвиллѣ 31 августа и 1 сентября ему удалось воспрепятствовать единственной серьезной попыткѣ Базена пробиться; затѣмъ онъ назначеніемъ въ генералъ-губернаторы Познани былъ удаленъ изъ арміи. Французское войско потеряло въ трехъ битвахъ передъ Мецомъ приблизительно 600 офицеровъ и 13000 рядовыхъ; потери нѣмцевъ, которымъ нерѣдко приходилось выбивать непріятеля изъ укрѣпленій, подобныхъ крѣпости, были даже на цѣлую треть выше.

Въ то время, какъ Базенъ сѣлъ въ Мецѣ, Макъ-Магонъ повелъ свою армію отъ Шалона къ Реймсу. Императоръ предоставилъ ему полную свободу дѣйствій—итти ли на прикрытіе Парижа, или попытаться выручить Мецъ. Когда отъ Базена было получено извѣстіе, что онъ намѣревается пробиться черезъ Седанъ къ Шалону, Макъ-Магонъ двинулся въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Маасу. Третья и вновь образованная четвертая или маасская арміи готовились выступить къ Шалону. Но когда донесенія лазутчиковъ раскрыли планъ Макъ-Магона, то въ главной квартирѣ въ Баръ-ле-Дюкъ было рѣшено слѣдовать за нимъ. Французы были значительно впереди, однако, нѣмецкіе отряды вскорѣ не только догнали, но даже отчасти перегнали ихъ. Переходы черезъ Маасъ при Дэнѣ и Степэ были заняты 27 августа четвертой арміей. 29-го саксонцы при Нуарѣ, 30-го баварцы съ другими отрядами при Бомонѣ разбили противоположные корпуса Файльи и Феликса Дуэ.

Эти чувствительныя потери заставили Макъ-Магона отказаться отъ плана соединиться съ Базеномъ; для него оставался лишь выборъ между переходомъ на бельгійскую территорію и отступленіемъ къ Седану и Мезьеру. Онъ рѣшилъ итти къ Седану. Рано утромъ 31 августа подошли его измученные ночнымъ походомъ солдаты къ маленькой крѣпости. Чтобы задержать преслѣдованіе, Макъ-Магонъ отдалъ приказъ разрушить мосты черезъ Маасъ, но важные мосты при Доншери и Базейлѣ на западѣ и югѣ отъ крѣпости были своевременно заняты нѣмцами. Макъ-Малонъ располагалъ еще 124000 человѣкъ, когда 31 августа подошли третья и четвертая арміи. Черезъ сутки, въ 4 часа утра, начался бой. Баварцы получили приказъ взять Базейль, деревню на востокѣ отъ Седана; но корпусъ Лебрена, поддерживаемый морской пѣхотой, упорнѣйшимъ образомъ защищалъ позицію. Въ са-

момъ Базейлѣ атакующіе должны были обороняться не только отъ непріятеля, но и отъ стрѣлявшихъ изъ оконъ и отверстій подваловъ жителей деревни; не удивительно, что доведенные до крайняго бѣшенства они произвели ужасную расправу съ ними. Саксонцы штурмовали Ла-Монселль, гвардейцы Живонь, пятый и одиннадцатый корпуса пробились впередъ на западъ. Все плотнѣе охватывало французовъ желѣзное кольцо; къ вечеру всѣ ихъ позиціи были взяты, и они отступили въ тѣсный крѣпостной городъ. Капитуляція или полное уничтоженіе,—третьяго исхода не было. Когда стянутая къ Френуа большая батарея открыла огонь по городу, и черезъ короткій промежутокъ времени запылали всѣ улицы, Наполеонъ приказалъ поднять бѣлый флагъ. На слѣдующее утро въ маленькомъ замкѣ Доншери на Маасѣ состоялось совѣщаніе Бисмарка и Мольтке съ французскими уполномоченными Вимпфеномъ и Форомъ; непосредственно затѣмъ послѣдовала сдача города и крѣпости, вся французская армія сложила оружіе, и императоръ былъ отвезенъ какъ военноплѣнный во дворецъ Вильгельмсгеге у Касселя. Такъ окончилась битва при Седанѣ тріумфомъ, подобнаго которому почти не знаетъ міровая исторія! Изъ 124 тысячъ человѣкъ, приведенныхъ Макъ-Магономъ къ Седану, 3 тысячи пали на полѣ битвы, 14 тысячъ было ранено, 21 тысяча попала въ плѣнъ; по капитуляціи, подписанной 2 сентября въ 12 часовъ утра Мольтке и Вимпфеномъ, остальныя 83 тысячи человѣкъ были объявлены военноплѣнными; побѣдителю досталось нѣсколько сотъ полевыхъ и крѣпостныхъ орудій, огромная масса ружей и другого оружія и амуниціи. Изъ всѣхъ французскихъ боевыхъ силъ, подведенныхъ въ іюлѣ къ Рейну и Мозелю, не осталось больше ни одного корпуса на полѣ битвы; многія тысячи погибли; сто тысячъ наполняли въ качествѣ плѣнныхъ нѣмецкія крѣпости отъ Ульма и Ингольштадта до Кольбера и Данцига. «Это какой-то сонъ,—писалъ король Вильгельмъ своей супругѣ,—даже когда слѣдишь часъ за часомъ за развертывающимися событіями».

«Чью шпагу вы передали? Шпагу Франціи или императора?»—спросилъ Бисмаркъ французскихъ уполномоченныхъ во дворцѣ Доншери. «Шпагу императора!»—поторопился отвѣтить Кастельно, адъютантъ Наполеона. «Ну, хорошо,—сказалъ Мольтке,—если Франція оставляетъ шпагу въ рукѣ, мы должны для своей защиты предъявить самыя строгія условія».

Война продолжалась и послѣ седанской битвы, но французскія войска не сражались больше подъ знаменами наполеоновскихъ орловъ. Въ отвѣтъ на извѣстіе о только-что происшедшихъ событіяхъ въ Парижѣ вспыхнула революція. 4 сентября былъ изданъ декретъ о низложеніи Наполеона, была провозглашена республика, и было учреждено «правительство національной обороны» съ генераломъ Трошю, губернаторомъ Парижа, во главѣ. Жюль Фавръ принялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, Леонъ Гамбетта—министра внутреннихъ дѣлъ. Законодательный корпусъ былъ распущенъ, сенатъ уничтоженъ, выборы въ учредительное собраніе были назначены на 16 октября; но это не было приведено въ исполненіе, такъ какъ столица еще до этого была обложена непріятелемъ, и почти треть страны была имъ занята.

Временное правительство выказало энергію и способности, равныя мужеству нападавшихъ. Прежде всего оно путемъ дипломатическимъ попыталось произвести поворотъ въ общемъ положеніи, обратившись съ циркуляромъ къ нейтральнымъ державамъ, гдѣ вся отвѣтственность за несчастную войну была возложена на низложеннаго императора; невозможно, чтобы несчастная страна была отвѣтственна за ошибки тирана; итакъ, Франція не отдастъ ни пяди земли и ни одного камня своихъ укрѣпленій. При этомъ позабыли, что законодательный корпусъ почти единогласно, а сенатъ дѣйствительно единогласно требовали войны съ Пруссіей, да и печать съ бурной страстностью настаивала на этомъ. Какъ нападалъ Жюль Фавръ на Германію, какъ протестовалъ Жюль Ферри противъ готтардской дороги, и какъ крайняя лѣвая сравнивала день при Садовой съ національнымъ позоромъ, казнью въ Кверетаро! «Я понимаю подъ терминомъ нація—сказалъ однажды Людовикъ Бамбергеръ въ рейхстагѣ—не отдѣльныя единицы 38 милліоновъ, которыя, по большей части, мирно настроены у себя дома, а ту часть населенія, которая создаетъ общественное мнѣніе, и за которую каждая нація отвѣтственна головой!»

Переговоры, устроенные при помощи англійскаго правительства между Бисмаркомъ и Фавромъ, не привели къ соглашенію. Поѣздка Тьера по европейскимъ дворамъ также не дала осязательныхъ результатовъ; нигдѣ не скупились на выраженіе симпатіи и сочувствія, но никто не оказалъ дѣйствительной поддержки. Война продолжалась.

Между тѣмъ Парижъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзанъ отъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Гамбетта былъ неутомимо дѣятеленъ, «выбивая изъ земли» тѣхъ мѣстностей, которыя не были еще заняты непріятелемъ, войска для выручки столицы. Да и парижскій гарнизонъ пытался время отъ времени безпокоить врага вылазками. Но всѣ попытки освободиться разбивались о предусмотрительность высшаго нѣмецкаго командованія и о непоколебимую храбрость теперь уже значительно возросшихъ въ силахъ нѣмецкихъ войскъ. 28 сентября былъ вынужденъ сдаться Страсбургъ, осаждаемый въ теченіе 5 недѣль баденцами. При переговорахъ съ Фавромъ Бисмаркъ сказалъ: «Страсбургъ—ключъ нашего дома; мы должны, во что бы то ни стало, назвать его своимъ!» Тотчасъ послѣ капитуляціи въ немъ была установлена нѣмецкая администрація, чтобы французамъ было ясно, что о возвратѣ ключа обратно нечего и думать.

Парижане возлагали громадную надежду на армію, собиравшуюся на Луарѣ въ цѣляхъ освобожденія столицы. Для отраженія этой опасности на Луару былъ посланъ генералъ фонъ-деръ-Таннъ съ корпусомъ, составленнымъ изъ баварцевъ и пруссаковъ. Побѣды при Артенэ 10-го и при Орлеанѣ 11-го октября открыли ему доступъ въ городъ Жанны д'Аркъ. Но, когда Орель де-Паладинъ съ превосходными силами перешелъ Луару, чтобы отрѣзать нѣмцамъ отступленіе, Танну пришлось уйти. Послѣдовалъ неопредѣленный день при Кульмье (9 ноября). Храброе сопротивленіе нѣмцевъ дало имъ только возможность безпрепятственно продолжать отступленіе. Но какъ только было возстановлено

равновѣсіе силъ, благодаря соединенію съ корпусомъ принца Фридриха-Карла, при Орлеанѣ была одержана вторая побѣда, и долго оспариваемый городъ былъ снова занятъ нѣмцами. Трудно было бы спасти баварцевъ, если бы 27 октября не капитулировала крѣпость Мецъ, вслѣдствіе чего освободилось осадное войско. Снова были объявлены военноплѣнными армія въ 173 тыс. человѣкъ съ тремя маршалами: Базеномъ, Канроберомъ и Лебефомъ, и въ руки побѣдителя досталась огромная масса орудій и прочихъ военныхъ припасовъ. Итакъ, освободившіяся войска могли быть по разнымъ направленіямъ посланы для прикрытія парижской осадной арміи, гдѣ собралось большое войско непріятеля. Южная армія подъ командованіемъ генерала фонъ-Вердера должна была охранять Эльзасъ и сообщеніе съ Германіей. Воспламененная несравненнымъ организаторомъ Гамбеттой Франція развернула въ несчастіи поразительную силу сопротивленія. Остатки императорской арміи, флотскіе отряды, запасные и національная гвардія были усилены призывомъ къ оружію всѣхъ французовъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ, такъ называемымъ levée en masse. Сюда присоединились еще вольные стрѣлки, партизанская война которыхъ хотя и не была опасна для нѣмцевъ, все-таки сильно тормозила ходъ войны. Даже въ концѣ 1870 г. нельзя было предвидѣть времени окончанія войны. Несмотря на всѣ ужасы осады, Парижъ держался самымъ отважнымъ образомъ; хотя всѣ попытки Гамбетты освободить столицу потерпѣли неудачу, однако, новыя массы постоянно прибывали изъ отдаленнѣйшихъ частей страны; четыре новыя арміи подъ командованіемъ Бурбаки, Федерба, Шанзи и Бріана должны были по плану Гамбетты выполнить «suprême effort». Къ нимъ присоединились приведенные Гарибальди волонтеры. Когда въ сентябрѣ 1870 г. король Италіи самъ произвелъ освобожденіе Рима отъ папскаго ига, старый герой спокойно ухаживалъ на Капрерѣ за своей капустой, но вотъ появилась прокламація о парижской республикѣ, и она заставила его взглянуть на борьбу французовъ съ нѣмцами какъ на борьбу между свободнымъ народомъ и иноземнымъ угнетателемъ; Гарибальди отправился съ нѣсколькими тысячами добровольцевъ на помощь «латинскимъ братьямъ», но парижское правительство слабо поддерживало его; его участіе не оказало существеннаго вліянія на ходъ военныхъ событій.

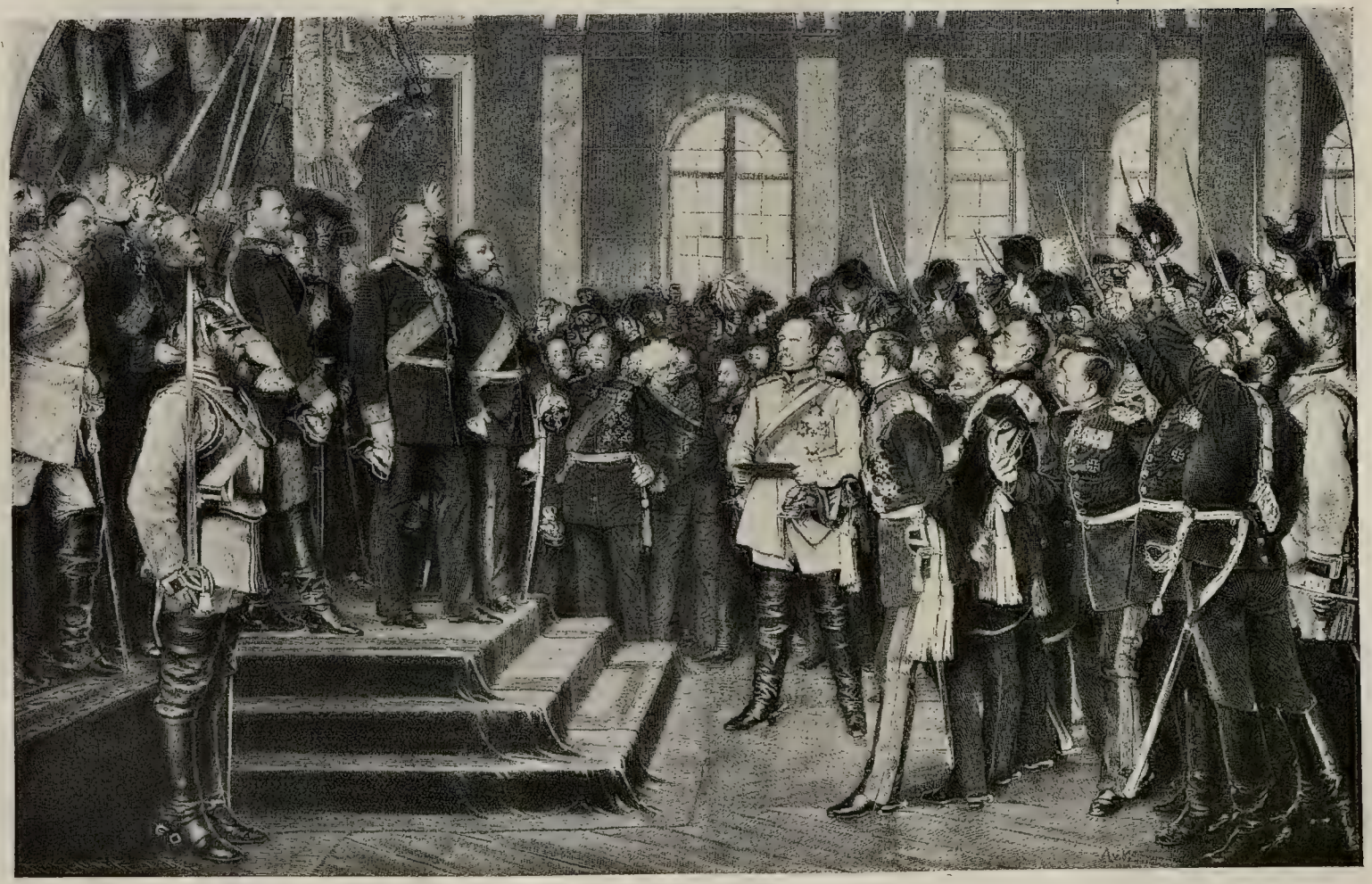
Руководящія нити военнаго нѣмецкаго управленія сходились въ Версалѣ въ покояхъ короля Вильгельма, въ зданіи префектуры. Когда пришло извѣстіе, что Шанзи хочетъ атаковать Вандомъ и соединиться съ Бурбаки, принцъ Фридрихъ-Карлъ получилъ приказъ «отдѣлать армію Шанзи прежде, чѣмъ другія успѣютъ подойти къ ней». Семидневными боями онъ отбросилъ непріятеля назадъ къ Майеннѣ. 12 января Ле-Манъ былъ занятъ нѣмцами. Такимъ образомъ, была устранена опасность, угрожавшая главной нѣмецкой квартирѣ съ запада. Первая армія подъ командованіемъ Гэбена побѣдила на сѣверѣ при Сенъ-Кантенѣ (19 января). По плану Гамбетты армія Бурбаки должна была освободить отъ осады важную крѣпость Бельфоръ, но и этотъ ударъ былъ разбитъ генераломъ Вердеромъ трехдневной битвой при Лизенѣ (отъ 15 до 17 января). Разбитая армія была затѣмъ такъ тѣсно

ок жена Вердеромъ и подошедшимъ съ сѣвера съ двумя армейскими корпусами Мантейфелемъ, что ей не осталось ничего другого, какъ перейти на нейтральную швейцарскую территорію; здѣсь, вслѣдствіе соглашенія съ главнокомандующимъ швейцарскими войсками, она была разоружена. Это уничтожило послѣднюю надежду парижанъ на выручку. Попытки спастись собственными силами остались также безрезультатны; всѣ вылазки разбивались о желѣзное сопротивленіе нѣмцевъ, прикрытыхъ своими батареями. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли обстрѣливать Парижъ, возбудилъ серьезный раздоръ въ главной нѣмецкой квартирѣ. Блюменталь видѣлъ въ этомъ только безполезную трату силъ. Мольтке не былъ принципіальнымъ противникомъ обстрѣла, но въ виду страшной трудности доставленія тяжелаго осаднаго матеріала, онъ все больше и больше примирялся съ мыслью принудить городъ къ сдачѣ однимъ лишь голодомъ; Бисмаркъ и Роонъ хотѣли, напротивъ, настоящаго наступленія, и тѣмъ настоятельнѣе, что они боялись—какъ показало будущее не безъ основанія, —что лишь внѣшніе и несущественные мотивы говорятъ въ пользу пощады «ville lumière». Только тогда, когда настоящіе спеціалисты крѣпостной войны—артиллеристы и инженеры—посовѣтовали бомбардировку, и когда къ тому же прибылъ изъ Германіи осадный паркъ, Мольтке пересталъ сопротивляться бомбардировкѣ, и принялись серьезно за обстрѣлъ. Его дѣйствіе оказалось не столь значительнымъ, какъ ждали спеціалисты; все же это подняло, съ одной стороны, духъ выведенныхъ, наконецъ, изъ пассивнаго состоянія нѣмецкихъ войскъ, а, съ другой стороны, немало способствовало усиленію въ городѣ безпокойства и недовольства. 19 января Трошю предпринялъ еще разъ массовую вылазку между фортомъ Монъ-Валерьеномъ и сгорѣвшимъ вслѣдствіе стрѣльбы изъ французскихъ орудій королевскимъ дворцомъ С.-Клу; но и эта длившаяся съ ранняго утра до ночи битва закончилась отступленіемъ французовъ. Жизненныхъ средствъ—оставались лишь скверный хлѣбъ и конина—могло хватить самое большее на нѣсколько недѣль. Кромѣ того, нельзя было больше сомнѣваться, что пролетаріатъ захочетъ использовать въ своихъ интересахъ затруднительное положеніе правительства и буржуазіи. Уже 22 января вооруженные рабочіе отряды выступили изъ предмѣстій Бельвиля и Монмартра съ угрозами по адресу правительства національной обороны. Хотя преемникъ Трошю генералъ Винуа подавилъ мятежъ, но боязнь предъ войной отчаянія, въ сравненіи съ которой обстрѣлъ былъ лишь дѣтской игрой, заставила правительственные круги отказаться отъ послѣднихъ колебаній. 23 января министръ Жюль Фавръ явился въ Версаль, чтобы вести переговоры о капитуляціи Парижа. Самоувѣренный французъ ошибся, надѣясь, что нѣмецкій канцлеръ захочетъ стяжать себѣ честь разрѣшеніемъ гарнизону выйти изъ не могущаго болѣе держаться города въ парадной формѣ и съ барабаннымъ боемъ. Нѣмецкій военный совѣтъ объявилъ военноплѣнными всѣ регулярныя войска. Первоначально было заключено трехнедѣльное перемиріе, чтобы національнымъ собраніемъ былъ рѣшенъ вопросъ о войнѣ или мирѣ; собраніе должно было засѣдать въ Бордо. Пока парижскіе форты должны были быть заняты нѣмецкими отрядами; линейныя войска, запас-

ные и флотскіе солдаты хотя и сдали оружіе, но оставались въ городѣ; одной линейной дивизіи и національной гвардіи было разрѣшено оставить при себѣ оружіе для поддержанія порядка въ городѣ. Несмотря на отчаянное положеніе, Гамбетта все еще не хотѣлъ терять надежды на болѣе счастливый оборотъ дѣла; онъ выпустилъ еще разъ воззваніе, чтобы французскій народъ выбиралъ народными представителями смѣлыхъ, національно настроенныхъ людей, которые согласятся только на почетный миръ; поэтому всѣ лица, получившія посты во время имперіи, должны быть исключены изъ выборовъ. Когда, однако, Бисмаркъ заявилъ министру Жюль Фавру, что онъ не можетъ допустить выборовъ «при господствѣ произвола и давленія», избирательный декретъ Гамбетты былъ объявленъ правительствомъ недѣйствительнымъ; Гамбетта счелъ себя вынужденнымъ подать въ отставку. Выборы дали, какъ и слѣдовало ожидать, сильное консервативное большинство; 74-лѣтній Тьеръ былъ избранъ въ качествѣ президента республики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была оставлена мысль о продолженіи сопротивленія. «Возстановить миръ, реорганизовать правленіе, поднять кредитъ, оживить работу,—вотъ единственно возможная и понятная политика даннаго момента», говорилъ президентъ непосредственно послѣ своего избранія. По порученію національнаго собранія Тьеръ и министры Фавръ и Пикаръ отправились въ Версаль. Лозунгъ: «Франція не должна жертвовать ни одной пядью земли!» былъ давно оставленъ. Тьеръ рѣшилъ уже отдать Эльзасъ со Страсбургомъ. Бисмаркъ потребовалъ, однако, за миръ еще болѣе высокую цѣну. Были потребованы не только Эльзасъ со Страсбургомъ и Бельфоромъ, но также и нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ и, сверхъ того, военная контрибуція въ размѣрѣ 6 милліардовъ франковъ. Рѣшительный отказъ Тьера отъ этого тяжелаго условія, а еще болѣе опасенія вмѣшательства нейтральныхъ державъ заставили Бисмарка пойти на умѣренныя уступки; онъ отказался отъ Бельфора и понизилъ контрибуцію до 5 милліардовъ. Зато съ твердостью настаивалъ на томъ, чтобы 1 марта нѣмецкіе отряды вошли въ Парижъ и тотчасъ же заняли западную часть города отъ Тріумфальной арки до Тюльерійскаго сада, оставаясь тамъ до подписанія національнымъ собраніемъ предварительнаго мирнаго договора. 30 тысячъ человѣкъ изъ разныхъ нѣмецкихъ контингентовъ вошли 1 марта черезъ Тріумфальную арку въ Елисейскія поля въ то время, какъ остальная осадная армія стояла въ резервѣ, повернувъ на городъ орудія фортовъ. Это было тяжелымъ униженіемъ для парижанъ, которое, однако, должно было быть нанесено нѣмецкими руководителями военныхъ дѣйствій, чтобы сдѣлать яснымъ для французовъ, что и «Свѣточъ-городъ», безпокойное населеніе котораго, главнымъ образомъ, желало и натравливало на войну, раздѣлилъ участь побѣжденныхъ [1]). Не менѣе тяжело должно было затронуть національ-

---

[1]) Французскій публицистъ Дюбрейль слѣдующимъ образомъ описываетъ въѣздъ побѣдителей въ Парижъ: «Вильгельмъ Прусскій, ставшій германскимъ императоромъ, дважды въѣзжавшій въ Парижъ при аналогичныхъ условіяхъ, въ 1815 и 1871 г.г., могъ лучше, чѣмъ кто-либо судить о краснорѣчивомъ контрастѣ двухъ оккупацій. Въ 1815 г.



Провозглашеніе Германской имперіи въ Версальскомъ дворцѣ 18 января 1871 г.

ную гордость французовъ то обстоятельство, что 18 января 1871 г. въ 12 ч. послѣдовало во дворцѣ «Короля Солнца» торжественное объявленіе Германской имперіи. Они могли зато указать съ удовлетвореніемъ на то, что ихъ родина, несмотря на страшные удары, нанесенные ей войной, и огромнѣйшія жертвы, которыми она заплатила за миръ, превзошла побѣдителя непосредственно послѣ катастрофы, по крайней мѣрѣ, въ хозяйственномъ отношеніи. Шутя добыли огромный заемъ, нужный для контрибуціи, такъ что въ самомъ скоромъ времени были освобождены мѣста, занятыя нѣмецкими войсками до выплаты долга.

Едва было получено согласіе нѣмцевъ на перемиріе, какъ республиканскому правительству пришлось вести вторую войну, которая происходила, правда, на меньшей территоріи и не требовала такихъ огромныхъ массовыхъ ополченій, какъ только-что законченная борьба, но которая зажгла еще болѣе страстный фанатизмъ. Въ то время, какъ непріятель тѣсно охватывалъ столицу, и въ тотъ моментъ, когда послѣдняя претерпѣвала самую горькую нужду, сторонники побѣжденнаго въ іюньскомъ возстаніи 1848 г. коммунистическаго движенія сочли удобнымъ начать борьбу за проведеніе въ жизнь своихъ радикальныхъ теорій. Бланки и другіе революціонеры, ведшіе до тѣхъ поръ пропаганду за «Интернаціоналъ» изъ Англіи, перенесли лѣтомъ 1870 г. свою главную квартиру въ Парижъ. Былъ подготовленъ большой походъ рабочаго класса противъ буржуазіи, представительницы «проклятаго» капитала. Неоднократно между революціонерами и правительствомъ національной обороны происходили схватки: наибольшихъ размѣровъ достигло движеніе, однако, тогда, когда согласно версальскому договору были обезоружены регулярныя войска, и поддержаніе порядка было поручено національной гвардіи, не отрицавшей по существу этихъ радикальныхъ принциповъ. Ненависть

бульвары радостно встрѣчали побѣдителей Наполеона; ихъ привѣтствовали букетами, улыбками и поцѣлуями женщины высшаго свѣта или полусвѣта. Никакой задней мысли, никакого сожалѣнія не замѣчалось у такъ называемыхъ высшихъ классовъ; у людей же изъ народа наблюдалась—самое большее—индифферентность. Въ 1871 г. пруссаки встрѣтили мертвый городъ, когда они заняли часть Парижа, опредѣленную конвенціей, между Сеной, площадью Согласія, улицей предмѣстья Сентъ-Онорэ и авеню Тернъ; они не рѣшались и не могли выйти за эту черту. Улицы были пустынны, гардины магазиновъ и лавокъ были опущены, и на нихъ можно было читать: «закрытъ по случаю національнаго траура», черныя знамена развѣвались на всѣхъ національныхъ и общественныхъ зданіяхъ и на окнахъ весьма многихъ частныхъ домовъ. Печаль и уныніе читались на всѣхъ лицахъ. Повсюду молчаніе и отчаяніе. Очевидцы этой сцены вполнѣ единодушны въ своихъ описаніяхъ. Вечеромъ, говорятъ они, Парижъ имѣлъ мрачную физіономію, нигдѣ не видно было ни свѣта, ни одного экипажа: ни фіакра, ни омнибуса; ни одного открытаго театра; ни одно изъ увеселительныхъ заведеній не открыло своихъ дверей; только въ мэріяхъ народные ораторы произносили рѣчи, утѣшая свою аудиторію. Такимъ образомъ, Парижъ, точно исполняя предписанія Центральнаго Комитета національной гвардіи, создалъ полную пустыню вокругъ побѣдителей. Оккупація продолжалась всего шестьдесятъ два часа. 3-го марта пруссаки удалились, пристыженные и раздраженные такимъ смѣшнымъ тріумфомъ». *Ред.*

къ нѣмцамъ дѣлала также значительную часть парижскаго населенія противниками правительства, которое приняло постыдныя условія отъ врага страны. 24 февраля большинство національной гвардіи поклялось принимать впредь приказанія не отъ правительства, а отъ «центральнаго комитета», представительнаго органа интернаціональной рабочей ассоціаціи [1]). Дѣло дошло вскорѣ до убійствъ и звѣрствъ въ стилѣ великой революціи; терроръ долженъ былъ, какъ во время Робеспьера, укрѣпить положеніе власти даннаго времени [2]). Вступленіемъ нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ воспользовались для того, чтобы перенести пушки національной гвардіи на господствующій надъ Парижемъ Монмартръ, подъ предлогомъ «спасти» ихъ отъ пруссаковъ. Когда по выходѣ нѣмецкихъ отрядовъ генералъ Винуа захотѣлъ вернуть орудія, національная гвардія воспротивилась, и послѣдовало (18 марта) общее возстаніе рабочаго квартала. Такъ какъ на вѣрность линейныхъ войскъ правительство также не могло разсчитывать, то оно и оставило столицу. Парижъ подпалъ цѣликомъ подъ власть коммуны. Центральный комитетъ, составленный изъ членовъ интернаціонала и делегатовъ отъ національной гвардіи съ Асси во главѣ, прочно укрѣпился въ городской думѣ, приказалъ развѣсить на всѣхъ публичныхъ зданіяхъ красные флаги и сталъ выдавать жалованіе національной гвардіи, состоявшей почти изъ 100 тысячъ человѣкъ съ 200 пушками и митральезами. Правительство, расположившееся въ Версалѣ на мѣстѣ возвратившагося на родину національнаго врага, стояло долгое время безпомощно передъ могучимъ народнымъ движеніемъ; оно стянуло въ Версаль послѣдніе оставшіеся ему вѣрными отряды и ничего не сдѣлало для защиты своихъ многочисленныхъ сторонниковъ въ Парижѣ. Никто не оказывалъ повиновенія законному главнокомандующему національной гвардіи, полковнику Ланглуа. Двадцать мэровъ, настроенныхъ дружелюбно къ правительству, представились предъ засѣдавшими въ городской думѣ людьми какъ законное начальство, но они были совершенно безсильны предъ лицомъ подавляющаго большинства возставшихъ.

Подъ вліяніемъ такихъ отношеній общинные выборы 26 марта прошли совершенно въ духѣ организованнаго пролетаріата. Всѣ главари революціи, Бланки, Асси, Феликсъ Піа, Делеклюзъ, Флурансъ и другіе, были избраны

[1]) 24 февраля 2000 делегатовъ отъ національной гвардіи протестовали противъ разоруженія Парижа, передавъ свой протестъ Центральному комитету національной гвардіи. Однако, Центральный комитетъ 27 февраля издалъ приказъ о неоказаніи вооруженнаго отпора вошедшему въ Парижъ непріятелю, могущаго повести къ немедленному паденію республики. По распоряженію комитета забытыя въ районѣ города, подлежащемъ прусской оккупаціи, 400 орудій были увезены гвардейцами въ послѣдній моментъ за черту французской линіи, на Шомонскія высоты, Бельвиль и Монмартръ. *Ред.*

[2]) Первое убійство было совершено 18 марта: генералы Леконтъ и Тома, пытавшіеся утромъ 18 марта отнять у народа монмартрскія пушки, были арестованы и вскорѣ разстрѣляны. Ни Центральный комитетъ національной гвардіи, ни коммуна—кстати, въ этотъ моментъ еще не родившаяся,—не участвовали въ этомъ убійствѣ двухъ генераловъ. *Ред.*

Встрѣча Бисмарка съ Наполеономъ III при Седанѣ.

Пожаръ дворца правосудія въ Парижѣ во время коммуны.

въ общинный совѣтъ, Центральный комитетъ распустилъ самъ себя Новая коммуна учредила на мѣстѣ министерствъ десять народныхъ комиссій, центромъ правительства осталась городская дума. Комендантомъ Парижа былъ назначенъ приказчикъ Бержере, главное командованіе военными силами «федератовъ» было поручено унтеръ-офицеру, рабочему и аптекарю. Чтобы добыть деньги для уплаты содержанія національной гвардіи, были разграблены храмы, и конфисковано имущество церкви и отдѣльныхъ ненавистныхъ богачей. Въ Парижѣ все шло хорошо, но зато не удалась попытка установить господство интернаціонала въ другихъ большихъ городахъ Франціи; точно также оказалось неудачнымъ инсценированное по примѣру 5 октября 1789 г. шествіе народа въ Версаль, чтобы сорвать національное собраніе. Тѣмъ яростнѣе выступали, однако, радикалы въ Парижѣ противъ своихъ противниковъ. Воспоминанія о дѣяніяхъ великой революціи, «которымъ дивится весь земной шаръ», опьяняюще дѣйствовали на маленькихъ эпигоновъ, и даже дѣйствительно выдающіяся личности становились жертвами фатальнаго внушенія, какъ это показываетъ примѣръ великаго художника Курбэ, который, желая превзойти якобинца Давида, возымѣлъ странное намѣреніе свергнуть Вандомскую колонну, «постыдный памятникъ милитаризма», которое привелъ дѣйствительно въ исполненіе. Чтобы отомстить за смерть разстрѣляннаго въ Версалѣ «генерала» Дюваля, были позорно казнены архіепископъ Дарбуа и другія духовныя лица. Наконецъ, Макъ-Магонъ, преемникъ Винуа въ командованіи правительственными войсками, рѣшилъ, что его боевыя силы достаточно велики, чтобы наказать Парижъ «за отпаденіе отъ Франціи». Съ половины апрѣля начали серьезно оперировать противъ парижскихъ фортовъ, поскольку они не были заняты нѣмецкими отрядами. Коммуна проявляла отчаянное сопротивленіе; несмотря на это, одинъ фортъ за другимъ попадалъ въ руки осаждавшихъ. Съ учрежденіемъ комитета общественнаго спасенія изъ пяти членовъ должна была установиться болѣе строгая централизація городского управленія, но происки стараго центральнаго комитета дѣлали невозможнымъ единообразное управленіе. Когда нельзя было болѣе сомнѣваться въ исходѣ борьбы, коммуна рѣшила, по предложенію диктатора Делеклюза, справить тризну по коммунѣ, предавъ огню всѣ общественныя зданія, воспѣтыя Викторомъ Гюго и другими бардами какъ «чудеса міра». И дѣйствительно, когда правительственныя войска проникли 21 мая черезъ ворота С. Клу въ городъ, сумасбродное рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Въ теченіе семидневной баррикадной борьбы Тюльери, Пале-Рояль, городская дума и многія другія публичныя зданія, церкви и театры превратились въ золу. Наконецъ, удалось взять и послѣднія баррикады, такъ что возстаніе коммуны могло считаться подавленнымъ. 50 тысячъ коммунаровъ были доставлены въ качествѣ плѣнниковъ въ Версаль, но большинству удалось бѣгствомъ спастись отъ наказанія. Самые отважные вожаки коммуны, Делеклюзъ, Домбровскій и другіе, были убиты въ уличномъ бою, другіе были разстрѣляны и сосланы военнымъ судомъ и чествовались интернаціоналомъ въ Лондонѣ какъ «мученики будущаго строя».

Переговоры объ окончательномъ мирѣ между Франціей и новымъ нѣмецкимъ государствомъ были начаты первоначально въ Брюсселѣ. Французскіе посредники не торопились. Въ основѣ ихъ тактики лежало, очевидно, намѣреніе дождаться болѣе благопріятнаго момента, чтобы отвергнуть или, по крайней мѣрѣ, смягчить установленныя предварительнымъ договоромъ обязательства Франціи. Но, когда Бисмаркъ заявилъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, что если французское правительство не будетъ имѣть силы или желанія выполнить обязательства, то развязка войны будетъ также доведена до достойнаго конца, и, когда вмѣстѣ съ этимъ прекратилась отправка военнопленныхъ во Францію, настоятельно необходимыхъ Тьеру для побѣды надъ возставшей коммуной, переговоры пошли быстрымъ темпомъ. Французское правительство вызвалось само продолжать ихъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ. 5 мая Бисмаркъ и графъ Арнимъ сошлись съ Жюль-Фавромъ, министромъ финансовъ Пуйе-Кертье и депутатомъ Гуларомъ въ гостиницѣ «Лебедь» во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Версальскій договоръ остался безъ измѣненій въ существенныхъ частяхъ, были внесены только нѣкоторыя поправки въ отношеніи границъ, въ виду національности населенія, и потребованы болѣе сильныя гарантіи выполненія мирнаго договора. 10 мая мирный договоръ былъ подписанъ. «Великая война двухъ націй,—этими словами оканчивается большой трудъ прусскаго генеральнаго штаба,—была окончена послѣ семимѣсячной борьбы. Побѣдоносное войско выиграло крупную ставку на французскихъ поляхъ. Съ Мецомъ и Страсбургомъ вернулись земли, отнятыя у Германіи въ эпоху ея слабости, и нація, благодаря храбрости и выдержкѣ своихъ сыновей, получила долго жданное объединеніе».

13. Объединенная Италія.

Съ лозунгомъ «Римъ или смерть!» Гарибальди и его партизанскіе отряды неоднократно возобновляли попытку завоевать итальянскому государству его естественную столицу, безъ которой оно оставалось незаконченнымъ. Но почтительное вниманіе, которое оказывалъ Наполеонъ папѣ и французскимъ клерикаламъ, служило непреодолимымъ препятствіемъ къ этой цѣли. Не итальянскому, а нѣмецкому оружію обязана была Италія присоединеніемъ послѣдняго и драгоцѣннѣйшаго звена къ цѣпи ея провинцій, и даже самый гордый итальянскій патріотъ долженъ былъ признать, что Римъ сталъ столицей Италіи не вслѣдствіе взятія Порта Піа, а благодаря побѣдѣ нѣмцевъ при Седанѣ.

Непосредственно передъ седанской катастрофой въ Римѣ разыгралось событіе, послѣдствія котораго имѣли не меньшее міровое значеніе для историческихъ судебъ человѣчества, нежели побѣда Германіи надъ Франціей.

Подъ впечатлѣніемъ ошеломляюще быстраго паденія Наполеона I на всемъ Западѣ обнаружился глубокій по своей силѣ и искренности поворотъ въ сторону религіи. Въ атмосферѣ, созданной этимъ поворотомъ, зародилось

въ католицизмѣ новое направленіе, обыкновенно называемое ультрамонтанствомъ. Ультрамонтанское міровоззрѣніе, по Деллингеру, можно формулировать въ слѣдующемъ положеніи. «Папа есть высшій, непогрѣшимый и потому единственный авторитетъ во всемъ, что касается религіи, церкви, нравовъ и морали, каждое его сужденіе по этимъ вопросамъ требуетъ безусловнаго себѣ повиновенія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, притомъ со стороны всѣхъ духовныхъ и мірянъ». Еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде, защищали идеологи католицизма тотъ основной принципъ, что «внѣ истинной церкви нѣтъ спасенія», что стоящіе внѣ единой католической церкви и умирающіе нераскаянными отщепенцами неспособны пріобщиться къ жизни вѣчной. Это «возрожденіе католицизма», связанное съ именами де-Местра, Ламеннэ, Монталамбера, Герреса, въ послѣдующія десятилѣтія служило источникомъ споровъ о смѣшанныхъ бракахъ и привело къ кельнскимъ замѣшательствамъ и другимъ конфликтамъ между церковью и государствомъ. Подъ вліяніемъ революціонныхъ теорій духовный авторитетъ на родинѣ папства болѣе всего былъ поколебленъ. Эта опасность—таковъ былъ планъ руководящихъ церковныхъ сферъ—должна была быть устранена путемъ обезпеченія полной побѣды ультрамонтанскаго направленія, т.-е. путемъ безпощаднаго подавленія всякой свободы мысли. Въ 1864 г. папа Пій IX обнародовалъ Syllabus errorum, осуждавшій восемьдесятъ тезисовъ въ области религіи и церкви, а вмѣстѣ съ ними и положеніе, утверждавшее, что и старо-католики не лишены надежды на царство небесное, что и протестанты сохраняютъ возможность жить жизнью праведниковъ и т. д. Завершеніемъ этихъ тенденцій къ полному обезпеченію побѣды папизма не только надъ епископальной системой, но и надъ современной мыслью должно было служить введеніе догмата непогрѣшимости папы—догмата, въ защиту котораго энергично выступали уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій іезуитскіе ордены. На 8 декабря 1869 г. буллой Aeterna patris былъ созванъ въ Римѣ вселенскій соборъ для обсужденія средствъ къ излѣченію внѣшнихъ и внутреннихъ недуговъ церкви. Лишь послѣ открытія вселенскаго собора въ Ватиканскомъ дворцѣ (изъ 1037 имѣвшихъ право на участіе въ засѣданіяхъ собора явилось 779) сдѣлалось извѣстнымъ, что универсальнымъ средствомъ такого излѣченія считалась непогрѣшимость папы. Въ католическомъ мірѣ тотчасъ же поднялись голоса многочисленныхъ противниковъ, протестовавшихъ противъ возведенія доктрины силлабуса на степень одного изъ членовъ символа вѣры. Особенно сильное вниманіе обратили на себя «Римскія письма», напечатанныя величайшимъ теологомъ XIX вѣка Игнацомъ Деллингеромъ 19 января 1870 г. въ «Augsburger Allgemeine Zeitung». Точно также отнесся враждебно къ теоріямъ, опаснымъ для церкви и культа, Монталамберъ, этотъ признанный передовой борецъ католицизма. Такъ какъ можно было опасаться, что проектируемое Римомъ расширеніе папскаго всемогущества приведетъ къ еще болѣе частымъ нарушеніямъ религіознаго мира, то баварскій министръ-президентъ, князь Хлодвигъ фонъ-Гогенлоэ, братъ просвѣщеннаго кардинала Густава-Адольфа фонъ-Гогенлоэ, обратился къ западно-европейскимъ кабинетамъ съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ онъ указы-

валъ на опасность, грозившую свѣтской власти государствъ; письмо это, однако, встрѣтило слишкомъ слабый откликъ.

Въ вопросѣ о распредѣленіи по національностямъ имѣвшихъ право рѣшающаго голоса членовъ на соборѣ замѣчалась большая несправедливость; такъ, напр., на 29 нѣмецкихъ епископовъ приходилось 176 итальянскихъ. Несомнѣнно, что это одно уже должно было оказывать рѣшительное вліяніе на ходъ совѣщаній. Въ то время, какъ нѣмецкіе, французскіе и англійскіе епископы въ преобладающемъ своемъ числѣ были противниками внесеннаго предложенія, большинство добивалось возможно быстраго установленія догмата непогрѣшимости папы. 26 января 1870 года нѣмецкіе и австрійскіе епископы обратились къ папѣ съ адресомъ, составленнымъ кардиналомъ вѣнскимъ архіепископомъ Раушеромъ. Въ адресѣ они настойчиво просили не допускать до обсужденія тезиса, вселяющаго сильную тревогу въ сердца искренне вѣрующихъ. Но поколебать папу не удалось, ибо онъ, несомнѣнно, былъ искренне убѣжденъ въ законности и въ выгодѣ своего плана. 6 марта отцамъ собора былъ предложенъ на апробацію злосчастный тезисъ о римскомъ папѣ и его непогрѣшимости. Опираясь на авторитетъ слова божія: «Ты, Петръ (камень)...» и т. д., признали, что папа не можетъ заблуждаться, когда онъ, въ качествѣ учителя народовъ, опредѣляетъ то, что въ дѣлахъ вѣры и нравственности заслуживаетъ почитанія со стороны всей церкви. «Кто же дерзнетъ— да хранитъ отъ этого Богъ!—возражать противъ сего нашего постановленія, тотъ да будетъ преданъ проклятію и отлученію отъ церкви». Хотя подобными угрозами свобода обсужденія была значительно стѣснена, тѣмъ не менѣе, епископъ орлеанскій Дюпанлу, епископъ С.-Луи Кенрикъ и др. мужественно возвысили свои голоса противъ церковной революціи. Епископъ Штросмайеръ изъ Діаковара въ Славоніи осмѣлился даже потребовать признанія и старокатоликовъ людьми истинно религіозными, а потому и способными быть угодными Богу; но шумные протесты большинства заставили его отказаться отъ своего требованія. Такъ называемые либеральные епископы не могли больше скрывать отъ себя, что ихъ дѣло было проиграно. Одинъ за другимъ перестали они посѣщать засѣданія. По городу же въ это время тянулись безконечныя процессіи, молившія св. Дѣву и святыхъ о дарованіи папской непогрѣшимости; священники и нѣкоторые преподаватели высшихъ школъ подавали просьбы объ установленіи догмата, и даже камердинеры собора отцовъ открыто выражали желаніе по возможности скорѣе допустить ихъ пріобщиться къ цѣлебнымъ плодамъ непогрѣшимости. 18 іюля, т.-е. за день до передачи Парижемъ объявленія войны Берлину, приступили къ голосованію schema de ecclesia et de Romano pontifice. 547 голосовъ заявили placet, и только 2 голоса (епископъ Ричіо изъ Каяцо и епископъ Фицжеральдъ изъ Литль-Рока въ Америкѣ)— non placet, остальные противники воздержались отъ голосованія по нездоровью или подъ иными предлогами.

Рѣшеніемъ собора былъ установленъ догматъ, по которому папа есть поучающая и въ то же время законодательствующая церковь; всякій отрицающій его непогрѣшимость отрицаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и истинность церкви.

Отнынѣ всѣ «претензіи науки» могли быть отвергаемы словами: «это было угодно св. Духу и намъ»! Всякое свободное движеніе—галликанское, епископальное или какъ бы оно ни называлось,—можно было душить съ помощью постоянно дѣйствующаго божественнаго внушенія.

Вселенскій соборъ долженъ былъ по первоначальному плану продолжаться и послѣ засѣданія, на которомъ произошло голосованіе; однако, засѣданія послѣ этого уже не возобновлялись. 20 октября было объявлено объ отсрочкѣ засѣданій, такъ какъ дальнѣйшая—вслѣдствіе «плѣненія папы»—свобода совѣщаній стала невозможной: какъ-разъ въ этотъ моментъ свѣтское господство папы потерпѣло крушеніе.

Стычка при Ментанѣ благодаря «чудодѣйственной силѣ ружей Шаспо» закончилась пораженіемъ партизанскихъ отрядовъ; самъ Гарибальди во время бѣгства попалъ въ плѣнъ. Старый національный герой былъ захваченъ не французскими, а итальянскими войсками. Конечно, вся эта вспышка была организована противъ желанія итальянскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, послѣ Ментаны отношенія между дворами обѣихъ латинскихъ націй-сестеръ стали натянутыми. Въ Тюльери сильно подозрѣвали, что за спиною Гарибальди стоялъ Бисмаркъ, желавшій использовать римскій вопросъ въ интересахъ болѣе тѣснаго союза Италіи съ Пруссіей. Самъ Наполеонъ былъ склоненъ предоставить дѣла Италіи ихъ естественному теченію; въ этомъ смыслѣ старались поддерживать его министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ де-Лавалеттъ и женатый на принцессѣ Клотильдѣ кузенъ его «Плонплонъ», принцъ Наполеонъ. Иначе, однако, понималъ призваніе Франціи и ея интересы Руэръ, рука-объ-руку съ которымъ шла императрица, видѣвшая въ защитѣ папы долгъ чести «преданнѣйшей дочери» римской церкви. Викторъ-Эммануилъ былъ искренне благодаренъ Наполеону за услуги, оказанныя имъ въ войнѣ 1859 г. и въ вопросѣ объ уступкѣ Венеціи; однако, и при итальянскомъ дворѣ были патріоты, съ негодованіемъ напоминавшіе, что Франція заставила Италію заплатить за эти услуги Ниццей и Савойей и при каждомъ удобномъ случаѣ давала чувствовать своему слабому союзнику его зависимое положеніе. Съ неудовольствіемъ замѣчалъ Наполеонъ, какъ Италія все болѣе и болѣе начинала переносить свои надежды на сѣверо-германскій союзъ и его мало предъ чѣмъ останавливавшагося канцлера. Но, вынужденный считаться съ настроеніемъ клерикальныхъ сферъ въ своей странѣ, которыя, несмотря на Мексику и Ментану, все еще съ недовѣріемъ относились къ «знаменоносцу ложъ», Наполеонъ пытался снять съ себя отвѣтственность за рѣшеніе римскаго вопроса, сложивъ ее на европейскій конгрессъ. Однако, изъ всѣхъ опрошенныхъ державъ одна лишь Австрія искренне согласилась на посылку своего делегата на проектированный конгрессъ; остальныя же отклонили это предложеніе или же, если давали свое согласіе, то обставляли его такими условіями, которыя дѣлали его равносильнымъ отказу. Въ законодательномъ корпусѣ итальянская политика императора подвергалась всесторонней и ожесточенной критикѣ. Жюль Фавръ упрекалъ правительство въ томъ, что оно приготовило патроны для ружей при Ментанѣ изъ лоскутьевъ силлабуса. Тьеръ жаловался на опасность, зарождаю-

щуюся для Франціи въ атмосферѣ взаимныхъ любезностей между Пруссіей и Италіей; тѣмъ не менѣе, свѣтская власть папы должна была быть, по его мнѣнію, поддержана во имя чести Франціи. Когда же жалобы и упреки посыпались и изъ клерикальныхъ круговъ, то Руэръ былъ до того ими взвинченъ, что съ паѳосомъ воскликнулъ: «Никогда Италія не будетъ владѣть римскою областью! Римъ никогда не будетъ столицей Италіи! Никогда! Никогда!»

Но итальянскій кабинетъ сталъ надѣяться на лучшее отношеніе къ Италіи со стороны Наполеона, когда отношенія между Пруссіей и Франціей начали принимать все болѣе и болѣе враждебный характеръ. Уже съ 1868 г. велись тайные переговоры о заключеніи тройственнаго союза между Франціей, Австріей и Италіей. Торжественное поминовеніе павшихъ на поляхъ сраженій при Санъ-Мартино и Сольферино 25 іюня 1869 г. послужило лишнимъ поводомъ для манифестацій въ пользу этого тройственнаго союза; въ это самое время, однако, въ палату было внесено предложеніе о субсидіи Готтардской желѣзной дорогѣ въ интересахъ болѣе тѣснаго сближенія Италіи съ «молодой Германіей». Консервативная партія рѣшительно стояла на сторонѣ Франціи; лѣвая же слышать не хотѣла, по крайней мѣрѣ, объ активномъ вмѣшательствѣ въ пользу Франціи. Республиканскій центральный комитетъ выпустилъ даже воззваніе противъ какого бы то ни было соглашенія съ ретроградной Франціей; Мадзини заявлялъ, что «подобный шагъ онъ счелъ бы преступленіемъ, которое наложило бы на молодое знамя Италіи неизгладимое пятно позора». Напротивъ того, Викторъ-Эммануилъ считалъ возможнымъ союзъ съ Франціей, за который онъ могъ бы потребовать удаленія французскаго отряда изъ Вѣчнаго города: возсоединеніе папской области съ Италіей совершилось бы тогда само собою. Однако, когда министръ иностранныхъ дѣлъ Менабреа пытался добиться такого обѣщанія, Наполеонъ отказался дать его, заявивъ, что пока можно было бы довольствоваться взаимнымъ обѣщаніемъ монарховъ трехъ сердечно связанныхъ государствъ о взаимной поддержкѣ вообще. Очевидно, онъ разсчитывалъ, въ случаѣ войны, добиться болѣе прочнаго союза съ дружественными государствами и безъ уступокъ съ своей стороны, для него крайне неудобныхъ. Еще 15 іюля 1870 г., когда въ законодательномъ корпусѣ дебатировался вопросъ объ объявленіи войны, герцогъ де-Граммонъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, можетъ ли Франція найти опору въ союзахъ, замѣтилъ: «Если я и не отвѣчалъ господамъ интерпелляторамъ, то достаточнымъ оправданіемъ мнѣ служитъ посѣщеніе австрійскаго посланника; я надѣюсь, что дальнѣйшихъ вопросовъ не будутъ предлагать мнѣ!» Однако, новая попытка со стороны Италіи побудить Наполеона создать извѣстный modus vivendi между папой и Италіей снова встрѣтила самый рѣшительный отказъ. «Относительно Рима мы положительно ничего не можемъ сдѣлать,—писалъ съ запоздалою самоувѣренностью Граммонъ генералу Тюрру,—если Италія не желаетъ выступать, то пусть сидитъ дома!»

Гораздо болѣе правильно оцѣнивалъ положеніе вещей Бейстъ. Для него было ясно, что безъ освобожденія Рима и безъ согласія на вступленіе итальян-

цевъ въ Вѣчный городъ осуществленіе тройственнаго союза немыслимо. «Не будутъ итальянцы душою и тѣломъ стоять на нашей сторонѣ до тѣхъ поръ, пока мы не выдернемъ ихъ римской колючки!» Когда Наполеонъ при выступленіи его войскъ былъ въ Мецѣ, графъ Вимеркати снова пытался побудить его къ болѣе благопріятному рѣшенію; но Наполеонъ и на этотъ разъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе. Нѣсколько дней спустя французы были разбиты на голову при Вертѣ и Шпихернѣ. Теперь только императоръ пытался перемѣнить свой политическій курсъ. Принцъ Наполеонъ былъ посланъ во Флоренцію съ просьбою о вооруженной помощи Италіи съ обѣщаніемъ взамѣнъ очистить церковную область согласно постановленіямъ, принятымъ конвенціей отъ 15 сентября 1864 г. Но на этотъ разъ уже ему были даны лишь платоническія дружественныя увѣренія и весьма уклончивыя заявленія.

Затѣмъ наступилъ день Седана, а за нимъ послѣдовало крушеніе второй имперіи.

Когда эти чрезвычайныя событія сдѣлались извѣстными во Флоренціи, правительство со всевозможною поспѣшностью поторопилось извлечь изъ нихъ всѣ полезные для себя результаты, чтобы предупредить новую вспышку радикаловъ. Послѣдніе французскіе отряды были отозваны изъ Рима для защиты собственнаго отечества; этимъ судьба Вѣчнаго города была рѣшена. 8 сентября итальянскія войска подъ начальствомъ Кадорны перешли римскія границы. Циркулярное посланіе министра Висконти-Веноста сообщало великимъ державамъ, что правительство должно было занять Римъ какъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ безопасности папы. Въ собственноручномъ письмѣ къ папѣ Викторъ-Эммануилъ писалъ, что, побуждаемый «сыновнею любовью, вѣрою католика, честностью короля и чувствами итальянца» и въ полномъ сознаніи лежащей на немъ отвѣтственности за поддержаніе порядка въ Италіи и за прочность папскаго престола, онъ не могъ отступить передъ насильственнымъ актомъ, какъ бы онъ ни былъ непріятенъ папѣ. Одновременно съ этимъ письмомъ графъ Понца ди Санъ Мартино вручилъ ему проектъ соглашенія между Италіей и римскимъ престоломъ. Согласно этому проекту св. отецъ долженъ былъ сохранить за собою санъ, личную неприкосновенность и всѣ другія прерогативы монарха, а въ Леонинѣ даже власть и юрисдикцію и получать изъ итальянскаго государственнаго казначейства опредѣленное и неприкосновенное жалованье въ размѣрѣ доходовъ прежней церковной области. Однако, папа Пій отвергъ предложеніе, «недостойное истинно-преданнаго сына церкви», добавивъ, что будетъ горячо молить Бога о милосердіи, въ которомъ король такъ сильно нуждается. Послѣ этого Кадорна получилъ приказъ итти на Римъ. Папскія дворцовыя войска были усилены добровольцами изъ всѣхъ странъ, но до серьезнаго столкновенія дѣло не дошло. 20 сентября Кадорна потребовалъ сдачи, генералъ Канцлеръ отвѣтилъ отказомъ. Но когда итальянскія батареи у Порта Піа пробили брешь въ городскихъ стѣнахъ, батальоны папскихъ зуавовъ отступили къ Леонинѣ. При кликахъ ликующаго населенія итальянскія войска заняли сначала лѣвый берегъ Тибра и только 22 числа,

когда вокругъ Ватикана начались дикіе безпорядки, былъ занятъ, по собственному желанію папы, и правый берегъ. 2 октября состоялся плебисцитъ, давшій въ результатѣ 133000 голосовъ за присоединеніе Рима къ итальянскому королевству и 1500 противъ. Наскоро созванное собраніе народныхъ представителей одобрило «возсоединеніе» римской области съ Италіей и назначеніе Рима столицею королевства. Послѣ этого папа Пій началъ осыпать проклятіями всѣхъ виновниковъ и участниковъ занятія Рима, «какимъ бы положеніемъ они ни блистали, и какого бы высокаго почитанія это положеніе ни заслуживало». Протесты, адресованные католическимъ державамъ, подъ впечатлѣніемъ сенсаціонныхъ извѣстій, приходившихъ съ французскаго театра военныхъ дѣйствій, оставались незамѣченными. Да и гдѣ могъ бы найтись избавитель для тѣснимаго верховнаго главы церкви въ виду колоссальныхъ военныхъ успѣховъ Пруссіи, снова ставшей со времени плѣненія Наполеона горячо желаннымъ союзникомъ Италіи? Полное объединеніе Италіи, какъ и крушеніе послѣднихъ остатковъ средневѣковыхъ учрежденій, совершалось, повидимому, съ неизбѣжностью естественной необходимости. Многіе считали событіе 20 сентября справедливымъ возмездіемъ за святотатственное самовозвеличеніе, санкціонированное 18 іюля, тогда какъ другіе не видѣли въ потерѣ свѣтской власти, создававшей лишь опасную для пастырской функціи преемниковъ Петра двойственность, ничего, достойнаго сожалѣнія. Итальянское правительство заявило, что, несмотря на враждебное отношеніе къ нему со стороны папы, оно въ интересахъ успокоенія католическаго міра добровольно будетъ держаться тѣхъ условій, которыя были имъ предложены до занятія Рима. Согласно этимъ условіямъ за папой въ его Ватиканѣ должны были быть сохранены всѣ почетныя права суверена, обезпечивающія ему, какъ верховному главѣ католической церкви, совершенно свободное исполненіе его должностныхъ функцій. Надъ Ватиканомъ, конечно, и впредь развѣвалось трехцвѣтное знамя, то именно трехцвѣтное знамя, которое Пій IX въ первые дни своего первосвященства уже разъ благословилъ при воодушевленныхъ кликахъ Европы.

5 декабря торжественно праздновалось возведеніе Рима въ столицы Италіи; Викторъ-Эммануилъ при этомъ неоднократно повторилъ обѣщаніе защищать независимость папскаго престола въ сферѣ религіозныхъ дѣлъ. Итальянское правительство съ этихъ поръ воздерживалось отъ всякаго давленія на рѣшенія папскаго престола; свобода куріи оставалась внѣ всякаго сомнѣнія, хотя Пій и его преемники продолжали считать себя «плѣнниками». Католическій міръ примирился съ утратой свѣтской власти папы, хотя въ этомъ открыто и не сознавался. Ни надежды, ни опасенія, соединявшіяся съ римскими событіями 1870 г., не оправдались. Впрочемъ, ближайшіе результаты установленія папской непогрѣшимости оказались весьма печальными. Австрійское правительство заявило о прекращеніи конкордата; другія правительства заранѣе объявили недѣйствительными всѣ послѣдствія, какія можно будетъ извлечь изъ непогрѣшимости главы церкви въ примѣненіи къ системѣ отношеній въ свѣтскомъ государствѣ. И хотя епископы, признавшіе новое ученіе гибель-

нымъ для церковной и духовной жизни, всѣ безъ исключенія подчинились «высшему рѣшенію», но зато откололись выдающіеся теологи и очень многіе изъ вѣрующихъ, которые не желали примириться съ этимъ рѣшеніемъ собора. Къ тому же образованіе протестантской имперіи въ сердцѣ Европы, низверженіе покровителя римскаго престола и проявленіе модернизма внутри самой церкви,—все это заставляло надѣяться однихъ и опасаться другихъ, что престолъ Петра, потрясенный въ основныхъ своихъ устояхъ, находится наканунѣ своего полнаго крушенія. Но случилось именно то, чего менѣе всего можно было ожидать. Какъ ни велико было отвращеніе къ заносчивымъ требованіямъ итальянскаго духовенства, но оно не въ состояніи было отторгнуть католическіе народы отъ старой церкви; никогда могущество и ореолъ папъ не выступали въ такомъ блескѣ, какъ въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка; объ этомъ свидѣтельствовало уже одно то, что такой человѣкъ, какъ Бисмаркъ, хотя и не въ личныхъ своихъ интересахъ, а въ интересахъ своего отечества, оказался вынужденнымъ идти въ Каноссу.

Разумѣется, весьма сомнительно, чтобы этому пышному расцвѣту внѣшней силы соотвѣтствовала живая внутренняя сила церковнаго организма, разъ навсегда застывшаго въ своей неизмѣнной замкнутости. Столь враждебное ему стремленіе къ свободному изслѣдованію истины все же является непобѣдимой силой современной культурной жизни.

14. Образованіе Германской имперіи.

Французскій министръ Оливье былъ правъ, когда 2 января 1870 г. говорилъ въ законодательномъ корпусѣ: «Дѣло г. Бисмарка не только упрочится, но будетъ развиваться еще дальше; несомнѣнно наступитъ день, когда крѣпко сплоченный сѣверный союзъ и организованный по образцу прусской военной системы южный протянутъ черезъ Майнъ другъ другу руки. Тщетны будутъ тогда придуманныя въ интересахъ защиты постановленія пражскаго мира».

Наполеонъ надѣялся помѣшать осуществленію гегемоніи Пруссіи въ Германіи, заставивъ Бисмарка послѣ похода 1866 г. согласиться на образованіе союза южно-германскихъ государствъ по образцу сѣверо-германскихъ.

Такой южный союзъ и въ связи съ этимъ нѣмецкая тріада были излюбленной идеей баварскаго короля Максимиліана II; еще незадолго до войны министръ фонъ-деръ-Пфордтенъ рекомендовалъ эту идею вниманію сосѣднихъ дворовъ и не разъ пытался заручиться ихъ сочувствіемъ въ ея пользу. Но, оказавшись въ нѣкоторомъ родѣ навязаннымъ Наполеономъ, тотъ же планъ, какъ призналъ это самъ фонъ-деръ-Пфордтенъ въ ландтагѣ, встрѣтилъ еще болѣе холодное отношеніе къ себѣ, чѣмъ раньше. Бисмаркъ никогда не боялся его и называлъ его «мертворожденной затѣей».

Съ перваго взгляда дѣйствительно нельзя не подивиться, что за катастрофой 1866 г. столь быстро наступилъ поворотъ 1870 и 1871 гг. Пред-

ставимъ себѣ только, что произошло за этотъ короткій промежутокъ времени: верхне-нѣмецкія племена, съ гордостью сознававшія себя центральнымъ ядромъ старой имперіи, племенами чистой нѣмецкой крови, были втянуты въ борьбу съ сѣверной Германіей; ни на минуту не сомнѣваясь въ безусловной побѣдѣ, они потерпѣли самое жалкое пораженіе; не естественно ли было послѣ этого ожидать, что побѣжденные злобно отвернутся и навсегда откажутся имѣть что-либо общее съ болѣе счастливыми побѣдителями; что раздѣленіе на сѣверную и южную Германію, особенно при наличности глубокихъ различій въ происхожденіи, языкѣ, правахъ и народномъ характерѣ, станетъ совершившимся фактомъ? Однако, на самомъ дѣлѣ случилось нѣчто прямо противоположное. Естественное стремленіе къ германскому единству оказалось могущественнѣе всѣхъ центробѣжныхъ силъ. Во франкфуртской церкви св. Павла собирались уже разъ представители всей нѣмецкой націи, и въ одномъ изъ принятыхъ ими рѣшеній выставили требованіе учрежденія новой имперіи съ Гогенцоллерномъ, какъ императоромъ, во главѣ; этого факта нельзя уже было вытравить изъ народнаго сознанія, такъ что даже послѣ братоубійственной войны сильная національная партія искала себѣ опоры въ той грозной силѣ, которая одна только и могла обезпечить условія для счастливаго построенія зданія германскаго государства.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ порвали со старыми предразсудками въ Баденѣ. Великій герцогъ Фридрихъ, уступая голосу большинства народа, соединился съ сосѣдями для борьбы съ Пруссіей; но какъ только это рѣшеніе потерпѣло неудачу, ему уже никто не могъ мѣшать сообразовать свои дѣйствія съ требованіями національной политики; отнынѣ онъ сталъ среди германскихъ государей самымъ горячимъ защитникомъ идеи объединенія. Напротивъ, въ Гессенѣ, Вюртембергѣ и Баваріи значительное большинство относилось враждебно къ этой идеѣ. Дальвигъ, оставшійся ко всеобщему изумленію гессенскимъ министромъ и послѣ заключенія мира, являлся самымъ непримиримымъ противникомъ Пруссіи. Швабскіе демократы стремились не только къ обезпеченію суверенитета отдѣльныхъ государствъ, но считали необходимымъ въ интересахъ свободы оставаться въ позиціи, враждебной Пруссіи. 22 мая 1867 г. другъ министра Варнбюллеръ могъ при всеобщемъ одобреніи заявить въ ландтагѣ: «Пруссія—это значитъ: платить налоги, отбывать солдатчину и держать языкъ за зубами!» Король Карлъ, правда, долженъ былъ согласиться на заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза съ Пруссіей и на введеніе прусской военной организаціи, но отъ всякихъ дальнѣйшихъ уступокъ онъ рѣшительно отказывался. Еще болѣе глубокіе корни пустилъ партикуляризмъ въ Баваріи. Здѣсь сепаратистскія тенденціи находили себѣ пищу и въ мотивахъ конфессіональнаго характера. Въ клерикальной газетѣ «Vaterland» сѣверный союзъ (Nordbund) называли смирительнымъ союзомъ (Mordbund), и здѣсь давали полный просторъ выраженію своихъ затаенныхъ чувствъ: лучше французы, чѣмъ пруссаки! Такъ какъ Пруссія считалась оплотомъ протестантизма въ Германіи, то на побѣду при Кениггрецѣ смотрѣли въ католическомъ лагерѣ какъ на пораженіе. «Нужны чрезвычайныя усилія,—

писалъ въ то время Августъ Рейхенспергеръ изъ Кобленца,—чтобы со смиреніемъ, принять подобные удары, посылаемые промысломъ Божіимъ, и чтобы не прійти, въ концѣ концовъ, къ тому заключенію, что право находитъ свое оправданіе лишь въ примѣненіи къ незамѣтнымъ повседневнымъ отношеніямъ; въ явленіяхъ же общаго высшаго порядка господствующую роль призваны играть насиліе, хитрость и обманъ, и съ точки зрѣнія религіи и нравственности не приходится оцѣнивать здѣсь ни цѣли, ни средствъ». Если такія слова могли исходить отъ пруссака, умнаго и умѣреннаго политика, то еще меньше основаній удивляться тому, что тревога, вызванная мнимою опасностью, якобы угрожавшей церкви католическаго юга, могла тамъ пробудить враждебныя чувства. Къ счастью, однако, какъ въ Вюртембергѣ, такъ и въ Баваріи подъ ледяною корою партикуляризма пробивалось и другое, все болѣе усиливавшееся теченіе; все болѣе и болѣе крѣпло убѣжденіе въ необходимости считаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ,—убѣжденіе, что созданія германскаго государства можно ожидать только отъ Пруссіи. Въ Баваріи печальный опытъ, извлеченный въ годъ войны изъ-за сочувствія политикѣ Бейста, немало содѣйствовалъ разрыву съ устарѣвшими взглядами.

«Будемъ работать, не теряя времени,—такими словами закончилъ свою рѣчь Бисмаркъ въ учредительномъ собраніи сѣверо-германскаго рейхстага 11 марта 1867 г.,—посадимъ только Германію на сѣдло, скакать же она сама сумѣетъ!» И сѣверо-германскій рейхстагъ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ проявилъ гораздо большую работоспособность, нежели нѣмецкій союзъ со времени Вѣнскаго конгресса до самаго исчезновенія. Прусское правительство воздерживалось отъ всякаго давленія на южно-германскія государства. Опасеніе парижанъ, что Бисмаркъ «со своей якобинскою настойчивостью вгонитъ нѣмцевъ плетью въ единство», оказалось лишеннымъ основанія. Южныя государства, по крайней мѣрѣ, на почвѣ экономическихъ интересовъ, и сами вынуждены были искать сближенія. Братоубійственная война разрѣзала надвое таможенные договоры. Послѣ войны Сѣверо-германскій союзъ образовалъ замкнутую таможенную единицу; болѣе же мелкія государства на югѣ подверглись опасности очутиться въ совершенно изолированномъ положеніи. Боязнь подобной опасности заглушила чувство политическаго антагонизма, и въ 1867 г. руководящіе министры южно-германскихъ государствъ вступили съ Бисмаркомъ въ переговоры объ образованіи новаго таможеннаго союза, а въ послѣдующіе затѣмъ ближайшіе мѣсяцы уже были заключены и самые союзные договоры. Благодаря учрежденію совѣта таможеннаго союза и таможеннаго парламента, которые, сравнительно съ прежними генеральными конференціями, образовали законодательное учрежденіе, отличавшееся большимъ единствомъ, дѣло образованія союзнаго государства было подвинуто гораздо ближе къ цѣли. Уже одни выборы въ таможенный парламентъ показали, что большинство нѣмецкаго народа совершенно отказалось отъ эгоистической и мелочной политики своего собственнаго угла. И въ новомъ парламентѣ неоднократно формулировались желанія общенаціональнаго характера; а слова:

«Должна же и въ Германіи наступить весна!», сказанныя 18 мая 1868 г. Велькомъ, депутатомъ отъ Альгау, вызвали шумное ликованіе.

Только поворотомъ широкихъ массъ населенія въ сторону объединенія и можно объяснить событія, разыгравшіяся лѣтомъ 1870 г. Французское правительство, слѣдуя совѣту Бейста, воспользовалось для войны съ Пруссіей поводомъ, который не имѣлъ ничего общаго съ нѣмецко-національнымъ вопросомъ и носилъ, повидимому, чисто-династическій характеръ. Но какъ только Франція оскорбила честь стараго короля Пруссіи, національное самолюбіе всей Германіи достигло крайней степени напряженія и вылилось въ примитивныя формы буйнаго озлобленія. Вся Германія была охвачена однимъ чувствомъ: оскорбленіе Пруссіи должно считаться оскорбленіемъ самой Германіи. Король Баваріи Людвигъ II, на политическій индифферентизмъ котораго такъ сильно разсчитывали въ Тюльери, явился самымъ горячимъ иниціаторомъ этого національнаго движенія. Не задумываясь долго надъ принятымъ рѣшеніемъ, онъ, вѣрный договору, выразилъ намѣреніе выступить рука-объ-руку со своимъ союзникомъ на защиту чести Германіи, а вмѣстѣ съ нею и чести Баваріи.

Чѣмъ блестящѣе были одержанныя нѣмецкой арміей на французской почвѣ побѣды, тѣмъ настойчивѣе становилось въ родной странѣ требованіе новаго объединенія всѣхъ германскихъ государствъ, способное поставить ихъ передъ лицомъ иностранцевъ какъ единую могущественную націю. Не менѣе настойчиво распространялся въ обществѣ взглядъ, что теперь можно было бы наверстать то, что было упущено въ 1814 и 1815 гг., и что похищенныя Людовикомъ XIV провинціи Эльзасъ и Лотарингія могли бы быть возвращены ихъ нѣмецкой метрополіи. Политическіе дѣятели рѣшительно раскололись на два лагеря: одни видѣли насущнѣйшую потребность момента въ созданіи новаго союзнаго государства, другіе—въ возвращеніи утраченныхъ провинцій. Бисмаркъ вначалѣ, повидимому, не хотѣлъ соглашаться на измѣненіе государственнаго устройства; какъ раньше, такъ и теперь онъ желалъ избѣжать малѣйшаго упрека въ примѣненіи какого бы то ни было насилія по отношенію къ дружественнымъ государствамъ съ цѣлью заставить ихъ вступить въ новый союзъ. Но зато съ тѣмъ большей энергіей стремился онъ къ обезпеченію себѣ надежной стратегической границы на западѣ. Побѣдоносный ходъ войны облегчилъ возможность удовлетворить народному желанію, и несравненному политическому искусству канцлера удалось какъ внѣ, такъ и внутри Германіи сломить противодѣйствіе присоединенію Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи. Изъ нихъ пришлось образовать «имперскую землю» для того, чтобы отстранить претензію Баваріи на эльзасскія области, нѣкогда находившіяся подъ господствомъ виттельсбахской династіи. Впрочемъ, дѣйствительно ли настаивала Баварія на предоставленіи ей Эльзаса и на дѣленіи завоеванныхъ провинцій—точно не извѣстно. Въ интересахъ скорѣйшей германизаціи такое дѣленіе было бы быть-можетъ, болѣе выгодно, нежели признаніе за ними самостоятельности и нераздѣльности, допущенныя по мотивамъ мнимаго уваженія къ чувству мѣстнаго патріотизма.

И въ Германіи поднялись голоса противъ «ограбленія беззащитной Франціи». Соціалистическая партія требовала, чтобы жителямъ Эльзаса и Лотарингіи самимъ было предоставлено право избрать себѣ отечество, и чтобы, такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о присоединеніи провинцій было поставлено въ зависимость отъ голосованія ихъ населенія. Но, насколько правильна и справедлива была мысль—если отбросить въ сторону всякую ложную сентиментальность — о необходимости обезпечить собственныя границы, показываютъ слова, которыя мы находимъ въ протестѣ Виктора Гюго противъ «изувѣченія» Франціи. «Франція мысли и меча,—воскликнулъ онъ при громкомъ ликованіи всей палаты,—рано или поздно, «вернетъ себѣ» не только Лотарингію и Эльзасъ, но также Майнцъ, Триръ и Кельнъ».

На почвѣ нѣмецкихъ побѣдъ долженъ былъ вырасти еще болѣе цѣнный плодъ—объединеніе Германіи, которому завистливый сосѣдъ хотѣлъ помѣшать легкомысленно задуманной войной. Послѣ побѣдъ при Мецѣ и Седанѣ на многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ формулировано было требованіе о возведеніи Сѣверо-германскаго союза черезъ вступленіе въ его составъ южно-германскихъ государствъ въ союзное государство. Свободомыслящіе парламентаріи желали передать разрѣшеніе этого государственнаго вопроса учредительному конвенту, но народное собраніе въ Мюнхенѣ, состоявшееся 23 сентября, рѣшительно протестовало противъ такого устарѣвшаго шаблоннаго пріема, который былъ бы способенъ лишь замедлить и затормозить великое дѣло; оно коротко и ясно потребовало присоединенія къ Сѣверо-германскому союзу и заключило свою резолюцію кликами «Hoch!» въ честь «будущаго германскаго императора». Вопросъ о томъ, какую позицію при этомъ займетъ великій герцогъ баденскій, не возбуждалъ никакихъ сомнѣній. Напротивъ того, вюртембергскій король Карлъ ограничился лишь обѣщаніемъ всѣми силами содѣйствовать новому государственному устройству, которое приведетъ къ справедливой системѣ отношеній, обезпечивающихъ какъ «національное единство всѣхъ нѣмцевъ, такъ и законную самостоятельность отдѣльныхъ государствъ». Съ своей стороны, и баварское правительство не желало вступать въ Сѣверо-германскій союзъ безъ всякихъ оговорокъ. Въ сентябрѣ штуттгартскій и мюнхенскій дворы пришли къ соглашенію, которымъ они обязались вступить лишь въ такой государственно-правовой союзъ, который сохранялъ бы извѣстную мѣру свободы за членами его; при этомъ, разумѣется, признана была необходимость замѣны существовавшихъ до сихъ поръ взаимныхъ отношеній между отдѣльными государствами, носившихъ международный характеръ, отношеніями внутренняго государственно-правового характера, а единство Германіи должно было найти свое выраженіе въ созданіи центральной власти, германскаго парламента, общаго законодательства и единой организаціи военныхъ силъ. Такимъ путемъ правительства думали спасти возможно большую долю своей самостоятельности не только въ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ наиболѣе сильныхъ группъ населенія, стремившихся къ той же цѣли. Лѣвое крыло «патріотовъ» въ Баваріи видѣло въ каждомъ совмѣстномъ шагѣ съ Пруссіей опасность, страшный призракъ «го-

сударственнаго единства». Идеалъ, который ставила себѣ болѣе умѣренная часть патріотической партіи съ президентомъ палаты Вейсомъ во главѣ, гласилъ: федеративная связь по образцу стараго союзнаго государственнаго устройства со включеніемъ, если возможно, Австріи. Даже представители велико-германской партіи въ Вюртембергѣ требовали отъ новаго союза «гарантій истиннаго конституціонализма». Еще рѣшительнѣе отклоняла конституцію Сѣвернаго союза южно-германская народная партія. «Тѣмъ народамъ,— говорилось въ воззваніи швабской народной партіи 9 ноября, — которые прежде всего заботятся объ интересахъ свободы, должна быть дана гарантія, что Германія будетъ видѣть средство для излѣченія недуговъ не только въ военныхъ успѣхахъ, но и въ обновленіи духа народной жизни и въ свободѣ». Такого взгляда на положеніе вещей безусловно придерживалась и прусская прогрессивная партія, которая какъ раньше, такъ и позднѣе, видѣла спасеніе въ учредительномъ собраніи, тогда какъ баварская прогрессивная партія этого требованія не одобряла.

Такимъ образомъ, нельзя не замѣтить, что взгляды на задачи и цѣли новаго объединенія въ различныхъ кругахъ нѣмецкаго народа все еще сильно расходились. Въ то время какъ на югѣ преобладало стремленіе къ обезпеченію самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, общественное мнѣніе на сѣверѣ, наоборотъ, далеко не склонно было удѣлять слишкомъ широкое мѣсто партикуляристскимъ тенденціямъ.

Въ октябрѣ 1870 г. представители южно-германскихъ правительствъ отправились въ главную военную квартиру въ Версалѣ для вступленія въ переговоры по вопросу о государственномъ устройствѣ. Баварскіе уполномоченные, съ министромъ-президентомъ графомъ Браемъ во главѣ, выставили требованія, которыя заходили уже слишкомъ далеко. Они, какъ насмѣшливо выразился Морицъ Бушъ, потребовали «учрежденія вице-имперіи для баварской династіи». Не разъ поэтому переговорамъ грозила опасность застыть на мертвой точкѣ, но Бисмарку каждый разъ удавалось изобрѣтать выходъ изъ затруднительнаго положенія; въ вопросѣ о самостоятельности южныхъ государствъ онъ шелъ на уступки столь широкія, насколько это было возможно допустить безъ ущерба для силы и прочности проектируемой центральной власти. Однако, его уступчивость не привела къ желанной цѣли. Хотя баварскій король Людвигъ въ іюлѣ ни на минуту не задумался призвать свой народъ къ вооруженной помощи германскому дѣлу, однако, когда пришлось теперь выводить изъ этого обстоятельства всѣ необходимыя заключенія, онъ сталъ обнаруживать колебаніе и нерѣшительность. Тогда, какъ выразился Бисмаркъ, король, главнымъ образомъ, былъ озабоченъ сохраненіемъ федеративнаго принципа имперской конституціи и спеціальныхъ привилегій собственной страны. Съ другой стороны, и онъ не могъ скрыть отъ себя, что въ интересахъ объединенія отдѣльныя государства должны согласиться на извѣстныя жертвы. Когда въ Мюнхенѣ получилось извѣстіе о прекращеніи переговоровъ въ Версалѣ, то городской совѣтъ рѣшилъ взять обратно денежную сумму, разрѣшенную имъ на торжественную иллюминацію по случаю герман-

скихъ побѣдъ. Точно также и нюрнбергскій городской совѣтъ высказался противъ политики, которая должна была «привести къ политическому и финансовому разоренію баварскаго народа». Правительство сочло себя даже вынужденнымъ дать успокоительныя объясненія. Къ тому же явилась увѣренность, что Баденъ и Гессенъ при всякихъ обстоятельствахъ будутъ искать присоединенія къ Сѣверо-германскому союзу, и что болѣе тѣсный союзъ Баваріи съ Вюртембергомъ встрѣчаетъ извѣстныя затрудненія. Тогда, наконецъ, и баварское правительство согласилось предоставить необходимыя права главѣ имперіи и имперскимъ должностнымъ лицамъ. Съ другой стороны, Баваріи была оставлена независимость военной организаціи въ мирное время; Баварія, Вюртембергъ и Саксонія могли аккредитовать собственныхъ пословъ при иностранныхъ дворахъ; Баварія, Вюртембергъ и Баденъ освобождались отъ общаго налога на пиво; Баварія и Вюртембергъ освобождались отъ обязанности примкнуть къ общеимперскому почтовому управленію. Договоры были подписаны отъ имени Бадена и Гессена 15 ноября, отъ имени Баваріи—23 числа, отъ имени Вюртемберга—25. Всѣ эти договоры были подписаны подъ условіемъ санкціонированія ихъ народнымъ представительствомъ.

Въ Берлинѣ дѣло объединенія не встрѣтило почти никакихъ затрудненій. 9 декабря договоры, подписанные въ Версалѣ, были приняты Сѣверогерманскимъ рейхстагомъ. Поставленное передъ дилеммой—либо включить въ германскую имперію Баварію, но съ сохраненіемъ за нею особыхъ самостоятельныхъ правъ, либо образовать имперію безъ Баваріи,—громадное большинство примкнуло къ точкѣ зрѣнія Бисмарка. 18 декабря Сѣверо-германскій рейхстагъ поручилъ передать королю Вильгельму въ Версалѣ сочувственный адресъ, заканчивавшійся слѣдующими словами: «Могучей и побѣдоносной показала себя солидарная Германія въ войнѣ подъ руководствомъ своего высшаго военнаго вождя; могучей и миролюбивой станетъ объединенная германская имперія подъ главенствомъ своего германскаго императора». Во главѣ депутаціи находился,—и Бисмаркъ назвалъ это «милой шуткой исторіи»,—президентъ рейхстага Симсонъ, который 21 годъ тому назадъ въ качествѣ президента франкфуртскаго «ублюдка»-парламента также стоялъ во главѣ депутаціи, отправленной къ императору. Сравненіе между этими двумя историческими моментами могло наполнить гордостью сердца вѣрныхъ патріотовъ.

Договоры, предложенные на разсмотрѣніе ландтаговъ въ Штуттгартѣ, Карлсруэ и Дармштадтѣ, по крайней мѣрѣ, не встрѣтили никакихъ рѣзкихъ возраженій. Напротивъ того, бурные дебаты возникли при обсужденіи ихъ 11 января 1871 г. во второй палатѣ въ Мюнхенѣ. Снова и снова указывалось на обремененіе непомѣрнымъ военнымъ бюджетомъ, на опасности, грозившія освященной вѣками свободѣ нѣмецкаго юга, на возможное пренебреженіе интересами католиковъ въ единомъ протестантскомъ государствѣ и т. д. Несмотря на все это, послѣ десятидневной словесной борьбы побѣда осталась за здравымъ нѣмецкимъ смысломъ; договоры были приняты громаднымъ большинствомъ. Только 47 депутатовъ выразили сожалѣніе, гласившее, что правительство своею уступчивостью «такъ называемому на-

ціональному движенію» пошло ложнымъ путемъ и унизило баварское народно-представительное собраніе до роли безсильнаго провинціальнаго ландтага.

Теперь только можно было дѣйствительно приступить къ завершенію новаго зданія германской имперіи. Уже въ августѣ въ печати была высказана мысль, что побѣдоносный вождь германской арміи, какъ нѣкогда Оттонъ I послѣ лехфельдской битвы, долженъ быть встрѣченъ въ качествѣ императора. Находившагося въ это время въ Берлинѣ баварскаго министра-президента фонъ-Тиле увѣрялъ, что этотъ болѣе чѣмъ странный взглядъ вызвалъ сильное негодованіе со стороны Бисмарка, и что приняты были мѣры для того, чтобы подобныя мысли нигдѣ болѣе не высказывались. Но, когда народная воля все громче начала требовать созданія новаго союза племенъ съ сильной центральной властью, то единственно подходящимъ и достойнымъ увѣнчаніемъ новаго государственнаго зданія оказался старый почетный титулъ императора. Правда, на новую имперію не были перенесены права и обязанности старой; на нее ни въ какомъ случаѣ нельзя было такъ же смотрѣть, какъ на историческое продолженіе старой; однако, память объ имперіи и связанномъ съ нею величайшемъ періодѣ нѣмецкой исторіи служила, особенно на югѣ, однимъ изъ творческихъ элементовъ. Король Вильгельмъ долгое время даже и слышать не хотѣлъ о возрожденіи высокаго поста, «авторитетъ котораго оспаривался Фридрихомъ Великимъ, и который лежалъ бы тяжелымъ бременемъ на великихъ курфюрстахъ»; онъ боялся, что вступленіе на такой постъ повлечетъ за собою умаленіе престижа наслѣдственной прусской короны. Точно также и кронпринцъ вначалѣ не придавалъ большой цѣны титулу, значеніе котораго до тѣхъ поръ всегда отвергалось по историческимъ и государственно-правовымъ основаніямъ Зибелемъ, Фрейтагомъ и другими друзьями прусской гегемоніи. Увеличившій территорію страны побѣдитель долженъ былъ быть, по его мнѣнію, возведенъ въ санъ «короля нѣмцевъ», тогда какъ представители другихъ нѣмецкихъ династій должны бы довольствоваться прежнимъ герцогскимъ титуломъ. Но и въ этомъ вопросѣ Бисмаркъ охотнѣе соглашался навлечь на себя упрекъ въ слабости, нежели прибѣгать къ рѣшительнымъ и насильственнымъ дѣйствіямъ противъ заслуженныхъ союзниковъ. «Примѣненіе силы тогдашней побѣдоносной Пруссіей стало бы источникомъ слабости Германіи будущаго». Впрочемъ, и въ лагерѣ государей увеличивалось число сторонниковъ того взгляда, по которому проведеніе въ жизнь идеи имперіи и императора болѣе всего отвѣчало какъ ихъ собственнымъ интересамъ, такъ и національнымъ желаніямъ. Въ своемъ письмѣ королю Людвигу II великій герцогъ Фридрихъ баденскій въ началѣ ноября поставилъ на очередь вопросъ объ императорѣ. Неувядаемая слава, писалъ онъ, будетъ соединена съ именемъ короля, «если его смѣлая иниціатива завершится тѣмъ, что тяжкія жертвы, понесенныя націей, въ концѣ концовъ, будутъ вознаграждены и увѣнчаны поднесеніемъ императорскаго титула старому королю-герою». Хотя при этомъ и подчеркивалась особенная выгода «быстроты дѣйствій, которая предупредила бы моментъ, когда эти дѣйствія явились бы лишь результатомъ непреодолимаго давленія снизу», король, тѣмъ не менѣе, оставался въ нерѣши-

тельности. Въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ былъ согласиться на избирательную имперію. Когда выяснилось, что молчаніе Баваріи и уклончивость короля Вильгельма грозили полнымъ проваломъ вопроса объ императорскомъ титулѣ, Бисмаркъ самъ обратился съ письмомъ къ Людвигу II. Съ тонкимъ разсчетомъ произвести извѣстное впечатлѣніе на молодого короля, Бисмаркъ писалъ, что вполнѣ законное чувство собственнаго достоинства отдѣльныхъ государствъ гораздо легче мирится съ существованіемъ германскаго императора, нежели съ системою уступокъ прусскому президенту союза. Послѣ этого король покорился и, согласно намѣренію самого канцлера, отправилъ королю Вильгельму предложеніе принять императорскій титулъ. Новыя затрудненія возникли при опредѣленіи самой формы титула. Король Вильгельмъ отвергъ «неправильную» формулу «германскій императоръ» и желалъ называться «императоромъ Германіи», между тѣмъ какъ Бисмаркъ, изъ уваженія къ суверенитету союзныхъ государей, противился болѣе широкой формулѣ титула. Этому спору былъ положенъ конецъ въ самый день обнародованія прокламаціи, когда великій герцогъ Баденскій, которому было поручено принести привѣтствіе, просто выразился «императоръ Вильгельмъ».

14 января 1871 г. Вильгельмъ объявилъ нѣмецкимъ государямъ и вольнымъ городамъ о принятіи имъ императорскаго достоинства «не въ смыслѣ той державной власти, для осуществленія которой въ славнѣйшія времена нашей исторіи была установлена мощь Германіи къ ущербу ея внутренняго развитія, но въ качествѣ германскаго государя, который вѣритъ, что будетъ съ помощью Божіей оставаться вѣрнымъ стражемъ всѣхъ правъ». 18 января— эта дата была выбрана потому, что въ этотъ день 170 лѣтъ тому назадъ курфюрстъ Фридрихъ III въ Кенигсбергѣ возложилъ на себя королевскую корону—послѣдовало въ большомъ зеркальномъ залѣ королевскаго замка въ Версалѣ передъ картинами, прославлявшими пораженія и униженіе Германіи, въ присутствіи многочисленныхъ государей, военныхъ и гражданскихъ представителей всѣхъ нѣмецкихъ государствъ торжественное провозглашеніе новой имперіи.

---

15. Положеніе рабочаго класса.

Фридрихъ Энгельсъ, человѣкъ большого ума, сердечный и неподкупной честности, въ началѣ сороковыхъ годовъ объѣхалъ промышленные округа Англіи съ цѣлью лично ознакомиться съ положеніемъ здѣсь рабочаго вопроса. Наиболѣе выдающіеся экономисты признали, что Энгельсъ вполнѣ заслуживаетъ довѣрія. Сообщенія его были потрясающи. Стоитъ привести здѣсь нѣсколько небольшихъ, наиболѣе характерныхъ, отрывковъ изъ его наблюденій. Прежде всего нѣсколько замѣчаній о жилищахъ рабочихъ въ кварталѣ Малой Ирландіи (Little Ireland) въ Манчестерѣ.

«Въ довольно глубокой котловинѣ, окаймленной въ видѣ полукруга Медлокомъ и со всѣхъ сторонъ окруженной высокими фабриками, высоко выстроенными берегами или насыпями, расположены двумя группами около 200 коттеджей, большею частью съ общими задними стѣнами для каждой пары квартиръ; въ нихъ скучено до 4000 человѣкъ, по большей части, ирландцевъ. Коттеджи старые, грязные, самыхъ малыхъ размѣровъ, улицы между ними неровныя, ухабистыя, частью немощенныя и не имѣютъ стоковъ; повсюду между лужами стоячей воды масса сора, отбросовъ и тошнотворнаго навоза; вся атмосфера отравлена испареніями этихъ нечистотъ, отъ дыма изъ дюжины фабричныхъ трубъ не видать свѣта и тяжело дышать. Здѣсь копошится множество женщинъ и дѣтей, грязныхъ какъ свиньи, чувствующихъ себя хорошо на кучахъ мусора и въ грязи. Люди, которые живутъ въ этихъ запущенныхъ коттеджахъ, за этими окнами съ разбитыми стеклами, заклеенными

промасленной бумагой, за этими потрескавшимися дверями съ прогнившими притолоками, или въ мрачныхъ, сырыхъ погребахъ, среди этой безпредѣльной грязи и зловонія, въ этой словно умышленно спертой атмосферѣ,—эти люди, дѣйствительно, должны стоять на низшей ступени человѣческаго развитія... Но что сказать, когда узнаешь, что въ каждой изъ этихъ лачугъ, состоящихъ самое большее изъ двухъ комнатъ и чердака и, пожалуй, еще подвала, живетъ среднимъ числомъ по 20 человѣкъ; что во всемъ округѣ приходится лишь по одному,—большею частью совершенно недоступному,—отхожему мѣсту на 120 человѣкъ, и что, несмотря на всѣ предостереженія врачей, несмотря на волненіе, охватившее во время холерной эпидеміи санитарную полицію по поводу состоянія Малой Ирландіи, нынѣ, въ 1844 году, все здѣсь обстоитъ почти такъ же, какъ и въ 1831 году?»

Никакое филантропическое краснорѣчіе не въ состояніи произвести такого впечатлѣнія, какъ этотъ объективный отчетъ наблюдательнаго и гуманнаго очевидца. Тотъ, кому приходилось хоть одинъ разъ читать эти описанія, не забудетъ уже ихъ во всю жизнь. Эти печальныя жилищныя условія фабричнаго пролетаріата въ Манчестерѣ существовали почти безъ всякихъ измѣненій къ лучшему до начала описываемаго нами періода и, какъ увидимъ ниже, почти ничѣмъ не отличались отъ жилищныхъ условій пролетаріата другихъ англійскихъ и континентальныхъ промышленныхъ центровъ. Наряду съ этими жилищными условіями физическому и нравственному упадку рабочихъ содѣйствовали недостаточное питаніе и одежда. Очень часто къ крайне нищенскимъ условіямъ жизни присоединялась почти безграничная эксплуатація пролетарской рабочей силы. Дошедшія до насъ свѣдѣнія объ условіяхъ труда въ Англіи въ началѣ XIX вѣка представляются теперь уже мало вѣроятными, прямо легендарными.

Профессоръ Геркнеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Рабочій вопросъ» разсказываетъ слѣдующій несомнѣнный фактъ, по которому можно составить себѣ ясное представленіе общепринятой оцѣнкѣ англійскаго рабочаго въ раннемъ періодѣ развитія промышленности:

«Одинъ врачъ, которому комиссія верхней палаты задала вопросъ, не можетъ ли считаться вредной для молодыхъ субъектовъ продолжительность рабочаго дня въ 16, 17, 18 и даже 23 часа, отвѣтилъ на это отрицательно. На дальнѣйшій вопросъ: «Если вы сомнѣваетесь, что малолѣтнему вредна двадцатитрехчасовая работа, то, быть-можетъ, вы не будете увѣрены и во вредѣ двадцатичетырехчасовой»?—врачъ заявилъ: «Я не въ состояніи опредѣлить какой-либо границы ниже 24 часовъ. Факты, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, побудили меня сомнѣваться въ тѣхъ общихъ мѣстахъ, которыя въ этомъ отношеніи являются ходячими истинами».—И таково было мнѣніе не одного, а многихъ врачей».

Къ сожалѣнію, такія изумительныя воззрѣнія спеціалистовъ на діэтетику человѣческой рабочей силы далеко не были теоретической шуткой. Вообще до второй трети описываемаго нами періода среди англійскаго фабричнаго пролетаріата не было и вопроса о нравственной и интеллектуальной куль-

турѣ массъ. По даннымъ превосходнаго труда Густава Стеффенса, «Англія, какъ міровая держава и культурное государство», въ тридцатыхъ годахъ въ Лидсѣ обучался чтенію одинъ ребенокъ на 41, въ Бирмингамѣ 1 на 38, въ Манчестерѣ 1 на 35, въ Лондонѣ 1 на 27. Энгельсъ также приводитъ примѣры, которые освѣщаютъ съ самой дурной стороны состояніе народнаго просвѣщенія въ Англіи въ сороковыхъ годахъ. Не слѣдовало ли объяснить постоянный ростъ англійскихъ цифръ, относящихся къ преступности, въ значительной части соціальнымъ бѣдствіемъ? По даннымъ оффиціальной уголовной статистики число лицъ, арестованныхъ за уголовныя преступленія въ Англіи и Уэльсѣ, было слѣдующее:

въ 1805	году	4605	въ 1830	году	18107
» 1810	»	5146	» 1835	»	20731
» 1815	»	7898	» 1840	»	27187
» 1820	»	13710	» 1841	»	27760
» 1825	»	14437	» 1842	»	31309

Эти цифры приходятся, главнымъ образомъ, на промышленные округа. Изслѣдованія статистики судимости обнаружили любопытное отношеніе между преступностью и образованіемъ. Въ 1842 г. изъ 100 осужденныхъ въ среднемъ не умѣли ни читать, ни писать 32,35, малограмотныхъ было 58,32, вполнѣ грамотныхъ 6,77 и съ высшимъ образованіемъ 0,32. Относительно остальныхъ 2,34% свѣдѣній нѣтъ.

Англійскія данныя представляютъ характернѣйшую картину вырожденія пролетаріата. Исторія англійской промышленности представляется особенно замѣчательной, а потому такой же замѣчательной является и исторія рабочаго класса въ Англіи. Исторія англійской промышленности со всѣми ея попутными явленіями была прообразомъ сравнительно болѣе поздняго развитія промышленности на континентѣ.

Немыслимо научно понять и оцѣнить происхожденіе соціалистическихъ ученій, равно какъ и историческое значеніе рабочаго движенія, не ознакомившись предварительно до извѣстной степени съ реальными предпосылками, изъ которыхъ выросли теорія и практика рабочаго движенія. Между тѣмъ въ третьей четверти девятнадцатаго вѣка особенное значеніе пріобрѣла именно теорія и практика рабочаго движенія.

Во Франціи условія труда нисколько не были лучше. О положеніи рабочихъ въ департаментѣ Нижней Сены говорится въ одномъ отчетѣ экономиста Ж.-А. Бланки слѣдующее:

«Крайняя скученность населенія въ городахъ, опасныя въ гигіеническомъ отношеніи жилища, заразительность дурныхъ примѣровъ, злоупотребленія, свойственныя промышленному режиму, необезпеченность рабочихъ, безпомощное положеніе дѣтей,—таковы общіе признаки крупныхъ промышленныхъ центровъ, и признаки эти выражены въ высшей степени интенсивно въ департаментѣ Нижней Сены, вслѣдствіе чего этотъ департаментъ, который отличается своимъ сельскимъ хозяйствомъ, нынѣ является вдвойнѣ жертвой пауперизма и утопій и занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ другихъ очаговъ

соціальныхъ волненій. Попробуемъ теперь вскрыть наиболѣе больныя мѣста его промышленнаго строя.

«Неудовлетворительность жилищъ въ санитарномъ отношеніи и злоупотребленія трудомъ малолѣтнихъ составляютъ два наиболѣе печальныхъ явленія въ этомъ департаментѣ. На этой почвѣ болѣзненность разрастается изъ рода въ родъ, передается отъ поколѣнія къ поколѣнію. Она постоянно поражаетъ малолѣтнихъ съ самаго ранняго дѣтства; она постоянно производитъ болѣзненное, чахлое потомство, лишенное и всякой силы физическаго сопротивленія и моральной цѣнности. Какія бы усилія ни дѣлали государство и общины, какъ бы они ни заботились о распространеніи просвѣщенія, до тѣхъ поръ, пока дѣти не будутъ рождаться на свѣтъ и жить въ здоровыхъ и сносныхъ жилищахъ, пока они будутъ преждевременно прикованы къ фабрикѣ, вмѣсто того, чтобы ходить въ школу, до тѣхъ поръ нечего надѣяться на физическій и нравственный подъемъ рабочихъ классовъ. Поистинѣ жалкое и позорное состояніе жилищъ рабочихъ въ Руанѣ... требуетъ коренной энергической и безотлагательной реформы во имя человѣчности. Глубоко убѣдившись въ несомнѣнномъ вліяніи, которое эта реформа окажетъ на рабочіе классы, я рѣшилъ раскрыть это зло во всемъ его отчаянномъ видѣ и изъ глубины души апеллировать ко всѣмъ честнымъ людямъ, ко всѣмъ матерямъ семействъ, познакомить ихъ съ горемъ, какого они себѣ и не представляютъ. Недостаточно высказывать суровыя истины рабочимъ, когда они сбиваются съ вѣрнаго пути...

«Вся Франція должна, наконецъ, узнать, что рядомъ съ нами тысячи людей живутъ въ состояніи хуже первобытнаго, ибо дикари пользуются, по крайней мѣрѣ, чистымъ воздухомъ, жители же квартала Сенъ-Вивьенъ не имѣютъ воздуха. Ихъ отчаянныя жилища стоятъ имъ отъ 60 сантимовъ до 2 франковъ въ недѣлю. Въ окнахъ почти нигдѣ нѣтъ стеколъ. Нижніе этажи мѣстами до такой степени сыры, что стѣны покрыты плѣсенью... Домовладѣльцы, которые нерѣдко такъ же бѣдны, какъ ихъ жильцы, не производятъ никакого ремонта...

«Совершенно снести эти постройки—вотъ единственное средство устранить это зло... Нѣтъ словъ, чтобы выразить глубокое значеніе и всю выгоду такой мѣры, какъ полное уничтоженіе этихъ неблагополучныхъ жилищъ. Въ нихъ гнѣздится современное разрушеніе семьи... Отецъ семейства спѣшитъ бѣжать изъ этихъ неуютныхъ помѣщеній и ищетъ въ кабакѣ спасенія отъ того отвращенія, которое они ему внушаютъ. Мать остается здѣсь одна съ дѣтьми, если только голодъ не вынуждаетъ ее оставить дѣтей на произволъ судьбы или подъ присмотромъ сострадательной сосѣдки. Мужъ возвращается домой только для того, чтобы жаловаться на судьбу или ругаться, и постепенно привыкаетъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, которыя окончательно приводятъ въ отчаяніе наиболѣе слабыхъ и несчастныхъ членовъ семьи. Я добросовѣстно изучалъ домашнюю жизнь множества рабочихъ и смѣю утверждать, что антисанитарное состояніе жилищъ является коренной причиной всѣхъ ихъ бѣдствій, всѣхъ ихъ страданій, всего ихъ соціальнаго несчастія... За рѣдкими

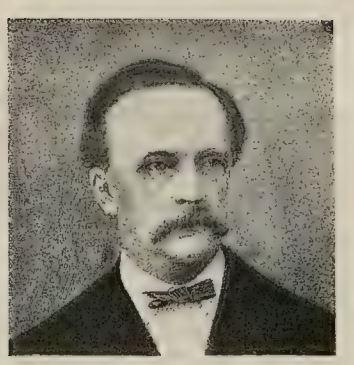
исключеніями, всегда можно по одному осмотру жилища составить себѣ понятіе о нравственномъ строѣ рабочей семьи»... Сообщенія о положеніи рабочихъ въ Лиллѣ были еще безотраднѣе.

Но довольно объ этомъ предметѣ. Для научнаго изслѣдованія является вопросъ: чѣмъ объяснить ту несомнѣнную нищету, подъ гнетомъ которой рабочій классъ нашего культурнаго общества вступилъ во вторую половину XIX вѣка? Причины ея лежатъ въ развитіи крупнаго промышленнаго производства, начавшемся въ концѣ XVIII столѣтія и измѣнившемъ строеніе соціальнаго тѣла настолько, что соціологическое мышленіе перешло отъ либеральнаго общественнаго ученія XVIII вѣка къ различнаго рода идеямъ соціалистическаго строя общества. Но развитіе крупнаго промышленнаго производства интересно съ двухъ сторонъ, съ технической и экономической. Съ технической стороны крупная промышленность характеризуется употребленіемъ машины, а съ экономической—накопленіемъ капитала.

16. Развитіе крупнаго производства въ промышленности.

Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ, авторъ исторіи культуры, написанной въ дарвиновскомъ духѣ, съ полнымъ правомъ говоритъ: «Машина содѣйствовала уничтоженію рабства и крѣпостной зависимости больше, чѣмъ филантропія, но лишь для того, чтобы насадить на ихъ мѣсто новый видъ рабства. Она произвела на свѣтъ четвертое сословіе». Соціальное вліяніе машины совершенно своеобразно. По существу въ машинѣ нѣтъ никакой метафизической силы. И, тѣмъ не менѣе, она даетъ результаты, которые болѣе или менѣе не подлежатъ дѣйствію человѣческой воли. Вначалѣ техническія изобрѣтенія, быть-можетъ, были обязаны своимъ происхожденіемъ столько же экономическимъ потребностямъ, сколько и независимому научному эксперименту. Но экономическое значеніе техническихъ изобрѣтеній, которымъ обусловливаются культурное и въ особенности общественное вліяніе машины, во всѣ времена зависѣло непосредственно отъ опредѣленныхъ экономическихъ отношеній. Во всякомъ случаѣ, твердо установлено, что безъ вступленія рабочей машины въ процессъ производства было бы невозможно громадное нарастаніе капиталовъ, и что возникновеніе дорогихъ рабочихъ машинъ предполагаетъ значительныя накопленія капиталовъ. При этомъ имѣется въ виду капиталъ лишь съ исторической точки зрѣнія, и вопросъ нисколько не касается принципа собственности на капиталъ. Ибо избитая историческая истина, что экономическій строй, основанный на частномъ капиталѣ, во многихъ случаяхъ вызывалъ громадный подъемъ промышленной техники или, по меньшей мѣрѣ, использовалъ его.

Характеръ технической работы въ первую половину столѣтія былъ совершенно не тотъ, что во вторую. Онъ былъ ненаучнымъ, наивнымъ. «Не пользуясь ни опытами, ни вычисленіями,—сказалъ недавно одинъ ораторъ на юбилеѣ аахенскаго политехникума,—основываясь на одномъ свобод-



Г. ГЕЛЬМГОЛЬЦЪ.

Р. БУНЗЕНЪ.

Совѣщаніе о первомъ трансатлантическомъ кабелѣ.

1—П. Куперъ.
2—Д. Фильдъ.
3—Уайтъ
4—Робертсъ.
5—Морзе.
6—М. Тайлортъ.
7—С. Фильдъ.

Г. КИРХГОФЪ.

В. СИМЕНСЪ.

номъ техническомъ чутьѣ, наши предки устанавливали чугунные арочные мосты, которые и донынѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Однако, увѣренность въ нихъ, при отсутствіи всякой научной подкладки, была не велика». Научная желѣзнодорожная техника начала энергично расцвѣтать лишь съ пятаго десятилѣтія XIX вѣка. Собственно лишь въ эту эпоху правила строгой научности проникли также и въ производство промышленныхъ рабочихъ машинъ. Одинъ изъ знатоковъ исторіи промышленности, инженеръ и профессоръ Эхельгейзеръ, особенно отмѣтилъ этотъ фактъ. Во всякомъ случаѣ, съ того времени производство рабочихъ машинъ уже никакъ не могло обходиться, по меньшей мѣрѣ, безъ научныхъ вычисленій. Профессоръ Вернеръ Зомбартъ писалъ въ своемъ сочиненіи «Нѣмецкое народное хозяйство XIX вѣка»:

«Изобрѣтеніе паровой машины, которое, безъ сомнѣнія, является плодомъ научнаго мышленія, во всякомъ случаѣ цѣликомъ принадлежитъ XVIII вѣку. Но мы не должны забывать, что если идея паровой машины, порожденная современной естественно-исторической мыслью, развивается въ XVIII вѣкѣ, все же осуществленіе оставалось скованнымъ рамками старой эмпирической техники еще и въ XIX вѣкѣ, а рамки эти были очень тѣсны: въ началѣ XIX вѣка машины строились долотомъ, молоткомъ и очень несложными сверлильными аппаратами, причемъ плотнику здѣсь было гораздо больше дѣла, чѣмъ слесарю, ибо и самое желѣзо тоже добывалось стариннымъ, древне-франкскимъ способомъ, и имъ нельзя было располагать въ любомъ количествѣ. Слѣдовательно, мы можемъ съ полнымъ правомъ сказать, что и эра паровой машины, особенно въ Германіи, начинается въ XIX вѣкѣ. То, что говорится о паровой машинѣ, въ одинаковой мѣрѣ относится и ко всѣмъ рабочимъ машинамъ. И на нихъ до тѣхъ поръ нельзя смотрѣть какъ на принадлежность современной техники, пока постройка ихъ идетъ чисто-эмпирическимъ способомъ, какъ это и было повсемѣстно въ началѣ XIX столѣтія».

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ послѣдовали одно за другимъ тѣ краеугольныя открытія въ области естественно-историческаго изслѣдованія, отъ которыхъ вся вторая треть XIX столѣтія получила названіе естественно-исторической эпохи, и которыя проложили путь для истинно-раціональныхъ пріемовъ въ техникѣ. Въ 1828 г. Фридрихъ Велеръ, получивъ синтетическимъ путемъ мочевину, разсѣялъ мистическій страхъ, который внушала организованная матерія; этимъ была въ конецъ подорвана метафизическая теорія жизненной силы. Въ 1842 г. Робертъ Майеръ при своихъ изслѣдованіяхъ теплоты открылъ законъ сохраненія энергіи. Въ 1844 г. Либихъ опубликовалъ свои неоцѣнимыя письма по химіи, въ 1856 г. Гельмгольцъ началъ изданіе своего «Руководства физіологической оптики». Въ 1859 г. появилось «Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора» Дарвина. Въ томъ же году Бунзенъ и Кирхгофъ изслѣдовали солнечный спектръ.

Во многимъ случаяхъ отдѣльный новый естественно-историческій фактъ обнаруживалъ непосредственное вліяніе на современную технику, и во всѣхъ

случаяхъ общій естественно-историческій прогрессъ косвенно вліялъ на нее. Можно повторить слова Зомбарта, что работа въ области техническихъ изобрѣтеній подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ «превратилась изъ случайнаго дилетантскаго занятія остроумныхъ поповъ и хитроумныхъ цирюльниковъ въ профессіональную дѣятельность ученыхъ спеціалистовъ». Въ своей удачной общей характеристикѣ этой эпохи Зомбартъ говоритъ: «На мѣсто малоувѣреннаго: я могу!—выступило смѣлое и вызывающее: я знаю! Я знаю, почему деревянныя сваи мостовъ не гніютъ въ водѣ; я знаю, почему вода поднимается въ насосѣ; я знаю, почему желѣзо плавится, когда я даю ему притокъ воздуха; я знаю, почему растеніе лучше растетъ, когда я удобряю ниву; я знаю, я знаю, я знаю: таковъ девизъ новаго времени, кореннымъ образомъ измѣняющій техническіе пріемы...»

Не трудно видѣть, что научная техника въ экономическомъ отношеніи совершенно иначе обслуживала машинное производство, нежели старая эмпирическая техника. Этотъ фактъ имѣетъ рѣшающее экономическое значеніе.

Фундаментальныя техническія открытія и первые шаги въ области электротехнической промышленности относятся къ первой половинѣ XIX, даже къ концу XVIII вѣка. Во второй половинѣ XIX вѣка собственно были поставлены двѣ задачи. Во-первыхъ, распространеніе техническихъ открытій на болѣе развитыя отрасли производствъ. Затѣмъ, во-вторыхъ, непрерывное дальнѣйшее усовершенствованіе этихъ изобрѣтеній; научно-организованное повышеніе ихъ количественной и качественной продуктивности, другими словами: ихъ силы и точности.

Интересующая насъ эпоха отмѣчена также многими важными техническими нововведеніями. Въ 1860 г. французъ Ленуаръ построилъ прототипъ газомотора, машины, которая начинаетъ пожинать свои главные лавры лишь нынѣ, въ эпоху автомобильной индустріи. Еще несравненно важнѣе было открытіе принципа динамо-машины Вернеромъ Сименсомъ въ 1867 г. Сименсъ положилъ начало будущности электромагнитной продукціи силъ. Еще одно техническое изобрѣтеніе мірового значенія должно быть упомянуто въ рамкахъ нашего отдѣла. Въ 1860 г. нѣмецкій физикъ Филиппъ Рейсъ соорудилъ первый электрическій телефонъ. Нельзя не отмѣтить также перваго нефтяного бурового колодца, заложеннаго въ 1859 г.

Хорошимъ показателемъ роста промышленности является число паровыхъ машинъ. Приводимъ эти данныя по годамъ и государствамъ.

Годы.	Германія.	Австро-Венгрія.	Великобританія.	Франція.	Бельгія.	Соед. Штаты.
1840	40	20	620	90	40	760
1850	280	100	1200	370	70	1680
1860	850	330	2450	1120	160	3470
1870	2480	800	4040	1850	350	5590
1880	5120	1560	7600	3070	610	9110

Какое положеніе занималъ капиталъ въ великомъ процессѣ техническаго развитія?

1848 годъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ новой исторіи европейскаго народнаго хозяйства. Въ этомъ году были сдѣланы три важныхъ открытія: золотыя розсыпи въ Калифорніи, въ Австраліи и ртутные рудники въ Америкѣ. Добровольные частные вклады въ прусскомъ банкѣ возросли съ января до августа 1851 г. съ 4,75 до 9,33 милліоновъ талеровъ, «такъ что банкъ, не знавшій, что ему предпринять съ этими деньгами, 1 октября 1851 г. былъ вынужденъ прибѣгнуть къ безпримѣрной въ исторіи банковъ мѣрѣ—къ отказу частнымъ вкладамъ, давно въ немъ находившимся, въ помѣщеніи». Металлическій фондъ прусскаго банка къ 1 января 1851 г. равнялся 10,8 милліонамъ талеровъ, а 31 октября того же года онъ возросъ до 23,7 милліоновъ талеровъ.

Непомѣрный избытокъ благороднаго металла вызвалъ во всей сферѣ своего вліянія лихорадочную грюндерскую дѣятельность, подобную той, которая имѣла мѣсто впослѣдствіи, послѣ уплаты французской военной контрибуціи въ 1871 г., породившей въ Германіи такую же лихорадочную капиталистическую спекуляцію. Начало пятидесятыхъ годовъ еще болѣе 70-хъ гг. заслуживаетъ названія эпохи грюндерства. Въ этотъ именно болѣе старый періодъ грюндерства общество переживало тріумфъ современной формы крупно-капиталистическихъ предпріятій, акціонерныхъ обществъ. Изъ 3712 акціонерныхъ обществъ, существовавшихъ въ Германіи въ 1896 г., возникли по имѣющимся даннымъ: съ 1850 г. по 1860 г. 179 и съ 1861 г. по 1870 г. 242 акціонерныхъ общества.

При этомъ только 3077 обществъ сообщили годъ своего основанія. Весьма поучительно распредѣленіе акціонерныхъ обществъ по отдѣльнымъ отраслямъ производства въ Германіи. Приводимъ эти данныя въ слѣдующей таблицѣ.

Названіе производствъ.	Число вновь основанныхъ обществъ			
	до 1850 г.	съ 1851 по 1860 г.	съ 1861 по 1870 г.	съ 1871 по 1880 г.
Банковое дѣло	10	25	51	102
Страховое дѣло	28	20	19	28
Добыча угля, кокса, торфа	5	15	4	31
Добыча руды	4	14	5	28
Машиностроительные, арматурные, чугунолитейные заводы	2	6	10	46
Газовое производство	1	14	19	9
Хлопчатобумажная промышленность	1	20	5	8
Пивоваренные заводы	0	5	19	70
Сахарное производство	9	15	25	42
Желѣзнодорожныя компаніи	3	3	9	11
Пароходства	10	2	10	19

Въ 1855 г. капиталъ французскихъ желѣзнодорожныхъ обществъ исчислялся въ 1951 милліонъ франковъ, капиталъ французскихъ кредитныхъ обществъ въ 867 милліоновъ франковъ. Въ 1864 г. акціонерный капиталъ желѣзнодорожныхъ обществъ достигъ уже 4 милліардовъ. Общество линіи Парижъ-Орлеанъ выдавало въ теченіе многихъ лѣтъ неизмѣнно съ 1865 г. 11,2%, общество Chemin de fer de l'Est съ 1863 г. въ среднемъ за длинный промежутокъ лѣтъ выдавало 6,5% дивидента.

Начальнымъ пунктомъ развитія современнаго крупнаго банка считаютъ конецъ 1852 г., когда братья Эмиль и Исаакъ Перейра основали подъ покровительствомъ Наполеона парижскій Crédit mobilier. Небезынтересно знать, что оба эти находчивые организаторы французскаго и международнаго капитала исходили изъ соціалистическихъ идей; оба были послѣдователями финансовой научной доктрины сенъ-симонизма.

Развитіе англійской бумагопрядильни и ея среднее производство наглядно изображаетъ въ слѣдующихъ цифрахъ профессоръ Юлій Леръ въ своемъ посмертномъ сочиненіи о производствѣ и потребленіи, вышедшемъ въ въ 1895 г. Въ Англіи существовали:

Годы.	Число предпріятій.	На общую сумму (въ милл.).	Число веретенъ на 1 заводъ.	Число рабочихъ.	Среднее число рабочихъ въ предпріятіяхъ.
1850	1932	21	10800	330924	171
1856	2210	28	12700	279213	171
1878	2674	39,5	14800	482903	181

Ремесленная статистика Пруссіи и таможеннаго союза шестидесятыхъ годовъ была разработана экономистами Вибаномъ и Шмоллеромъ. Изъ превосходной работы Шмоллера, «Къ исторіи мелкихъ ремеслъ въ Германіи въ XIX вѣкѣ», мы можемъ привести для примѣра, что даже въ производствѣ пищевыхъ средствъ въ Пруссіи уже въ 1861 г. преобладалъ промышленный характеръ. По Шмоллеру, въ 1861 г. на прусскихъ заводахъ, изготовляющихъ предметы потребленія, было занято 168963 рабочихъ; ремесленниковъ же, занятыхъ приготовленіемъ пищевыхъ средствъ, насчитывалось только 107092.

Если мы сложимъ всѣ цифры Шмоллера, относящіяся къ фабрикамъ пищевыхъ средствъ и къ ремесленнымъ заведеніямъ таковыхъ, и прибавимъ къ нимъ персоналъ, занятый въ ресторанахъ, въ торговлѣ съѣстными припасами, виномъ и хлѣбомъ, то получимъ, что въ 1861 г. 450000 рабочихъ были заняты въ этой отрасли. Сколько же изъ нихъ было занято въ крупномъ производствѣ? Изъ 50319 фабрикъ, мельницъ и другихъ учрежденій только въ 338 было рабочихъ свыше 50 человѣкъ. Общее число рабочихъ, занятыхъ въ этихъ 338 крупныхъ предпріятіяхъ, равнялось 50245, что составляетъ 11% всѣхъ 450000 рабочихъ, занятыхъ въ этой отрасли. Въ сахарномъ производствѣ преобладали крупныя пріедпріятія, причемъ въ 1841 г. въ среднемъ на одно предпріятіе приходилось 159 рабочихъ.

Однако, картина экономической жизни второй половины XIX столѣтія будетъ неполной, если мы не обратимъ вниманія на развитіе путей сообщенія

Открытіе Суэцкаго канала 17 ноября 1869 г.

и на параллельно съ нимъ идущее развитіе международнаго товарнаго обмѣна.

По даннымъ «Grande Encyclopédie» въ третьей четверти XIX столѣтія отношеніе между территоріей, населеніемъ, протяженіемъ рельсовыхъ путей, пассажирскимъ движеніемъ и почтовыми сношеніями было во Франціи таково:

	1840 г.	1852 г.	1862 г.	1872 г.
Площадь государства (въ 1000 гектар.).	53,028	53,028	54,308	52,857
Населеніе (въ милліонахъ)	34,174	35,954	37,518	36,100
Желѣзныхъ дорогъ (въ 1000 килом.) .	0,400	3,800	11,100	18,700
Перевезено пассажировъ (въ милл.) . .	6,000	22,000	65,000	114,000
Перевезено почтой единицъ (въ милл).	147,000	276,000	485,000	648,000

По даннымъ Германскаго Ллойда во всемъ мірѣ было

въ 1820 году	6	пароходовъ
» 1840 »	115	»
» 1860 »	820	»
» 1900 »	12,289	»

Въ Германіи въ 1850 г. было всего два парохода.

Насколько передвиженіе ускорилось, видно изъ слѣдующихъ цифръ. На переѣздъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ въ 1850 г. нужно было 13 дней, въ 1860 г.—11, въ 1870—9.

Судостроеніе усовершенствовалось во всѣхъ отношеніяхъ. Морская торговля стремилась увеличить емкость своихъ судовъ и въ то же время, насколько возможно больше, повысить двигательную силу ихъ машинъ. Каждое усовершенствованіе въ техникѣ оборудованія судна вызывало уменьшеніе страховой преміи, т.-е. давало большое сбереженіе въ расходахъ по передвиженію товаровъ. Введеніе паровыхъ машинъ въ судоходствѣ вызвало подъемъ желѣзной промышленности: паровая тяга требовала перехода отъ деревяннаго строительнаго матеріала къ желѣзному.

Прогрессъ въ развитіи желѣзнодорожнаго дѣла наглядно показываютъ слѣдующія международныя данныя. На всемъ земномъ шарѣ было:

въ 1830 г.	332	килом.	жел.	дор.	въ 1860 г.	111000	килом.	жел.	дор.
» 1840 »	8641	»	»	»	» 1870 »	220000	»	»	»
» 1850 »	40000	»	»	»	» 1880 »	370000	»	»	»

Германія, съ своей стороны, не отставала отъ общаго движенія впередъ, хотя повсюду это нововведеніе было встрѣчено съ недовѣріемъ. Трейчке въ четвертомъ томѣ своей «Deutsche Geschichte» разсказываетъ забавный анекдотъ. Баварская высшая медицинская коллегія серьезно предостерегала короля Людвига I: «примѣненіе пара неизбѣжно будетъ вызывать какъ у путешественниковъ, такъ и у зрителей, тяжелыя мозговыя заболѣванія, и чтобы оградить отъ этого хотя бы зрителей слѣдуетъ обносить линію желѣзной до-

роги высокимъ заборомъ изъ досокъ». Исторія перешагнула черезъ эти добросовѣстныя опасенія.

По Зомбарту протяженіе рельсовыхъ путей въ Германіи было:

въ 1845	году	2.131	килом.	въ 1865	году	13.821	килом.
» 1850	»	5.822	»	» 1870	»	18.821	»
» 1855	»	7.781	»	» 1875	»	27.795	»
» 1860	»	11.026	»				

Страны съ наиболѣе развитой промышленностью, по свѣдѣніямъ того же автора, увеличивали свою рельсовую сѣть въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	въ 1840 году	въ 1870 году.
въ Германіи было рельсовыхъ путей килом.	469	18.821
» Великобританіи и Ирландіи	1.349	24.383
» Франціи	427	17.462
» Бельгіи	333	2.906
» Соединенныхъ Штатахъ	5.344	85.288

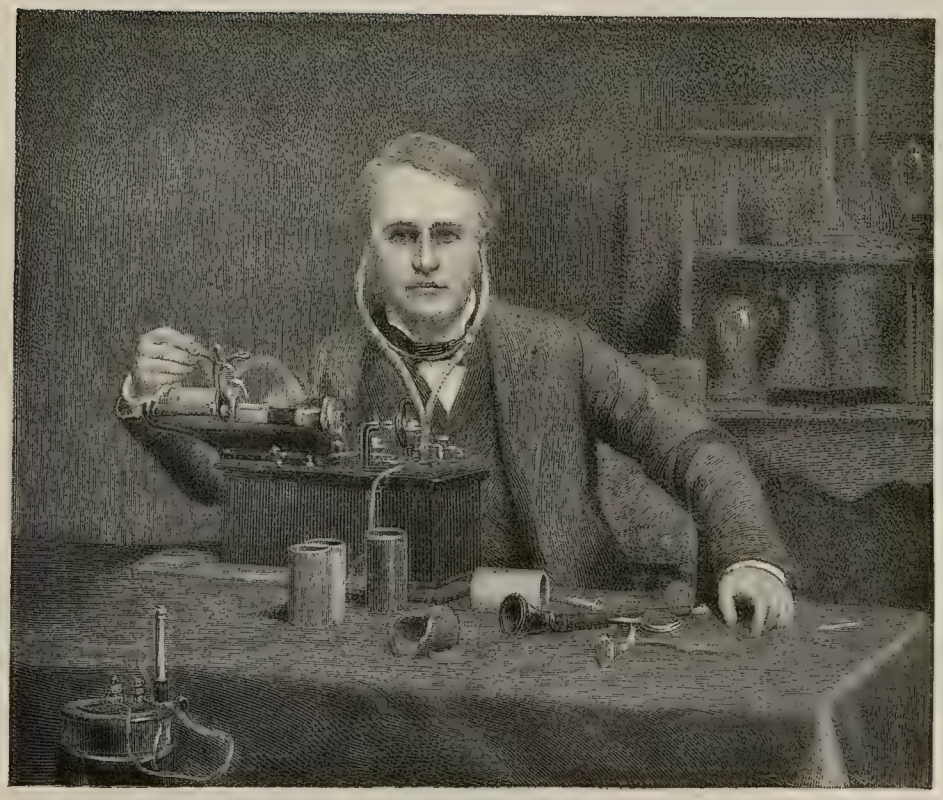
Русскія желѣзныя дороги, не взирая на громадные размѣры имперіи, еще въ 1870 г. имѣли протяженіе лишь немного больше половины германской сѣти. По Якову Гонеггеру («Исторія русской культуры») въ Россіи было: (1 верста=1066,781 м.):

въ 1838	году	25	вер. жел. дор.	въ 1868	году	4790	вер. жел. дор.
» 1855	»	1092	» » »	» 1870	»	10527	» » »

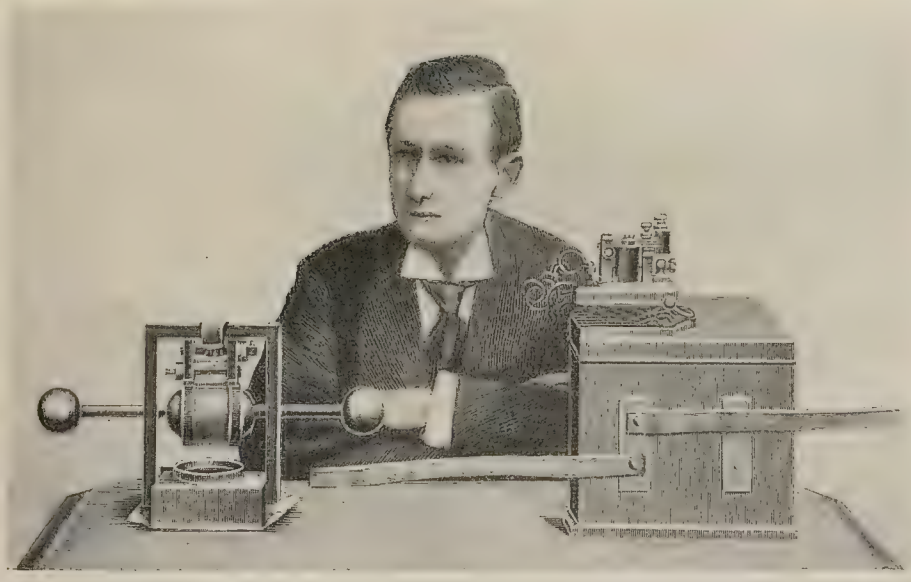
Одинъ французскій экономистъ вычислилъ, что сбереженіе отъ передвиженія товаровъ и пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто пользованія немеханической тягой, равнялось въ 1864 г. 500 милліонамъ франковъ; эта сумма представляетъ собою проценты съ капитала въ 10 милліардовъ, между тѣмъ какъ весь капиталъ, который былъ вложенъ въ французскія желѣзныя дороги, какъ мы уже видѣли выше, составлялъ лишь 4 милліарда.

Мы уже упоминали о соединеніи кабелемъ Кале съ Дувромъ. Предпріятіе американца Сирюса Фильда, попытавшагося въ 1854 г. соединить Америку съ Европой, встрѣтило непреодолимыя техническія затрудненія. Послѣ долгихъ неудачныхъ попытокъ соединеніе это удалось, и 27 іюля 1866 г. инженеры «Great Eastern» закончили это сооруженіе, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ по его значенію для цивилизаціи. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о грандіозномъ сооруженіи француза Лессепса, который съ непоколебимой энергіей осуществилъ прорытіе Суэцкаго перешейка.

Для исторіи международныхъ сношеній весьма характерно развитіе всемірныхъ выставокъ. Первая всемірная выставка состоялась въ Лондонѣ въ 1851 г. Статистическія данныя объ этой, какъ и о послѣдующихъ выставкахъ, весьма разнорѣчивы, но все же признаются нынѣ повсемѣстно:



ТОМАСЪ ЭДИСОНЪ.



Изобрѣтатель безпроволочнаго телеграфа МАРКОНИ.

Мѣсто выставки.	Годъ.	Число экспонентовъ.	Число. посѣтителей.
Лондонъ	1851	13.980	6.000.000
Парижъ	1855	23.950	5.000.000
Лондонъ	1862	26.340	6.500.000
Парижъ	1867	42.210	15.000.000

Мощный подъемъ производства, вызванный примѣненіемъ машинъ и организаціей крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, можно наглядно прослѣдить на повышеніи потребленія хлопка въ германской имперіи. Въ среднемъ оно равнялось.

Періоды.	Всего (въ тоннахъ).	На 1 душу (тонны).	Періоды.	Всего (въ тоннахъ).	На 1 душу (тонны).
1836—1840	8.917	0,34	1856—1860	46.529	1,39
1841—1845	13.246	0,47	1861—1865	46.831	1,33
1846—1850	15.782	0,53	1866—1870	62.281	1,81
1851—1855	26.441	0,85	1871—1875	116.390	2,84

Обороты всемірной торговли въ милліонахъ марокъ равнялись:

Годъ.	Ввозъ.	Вывозъ.	Вся внѣшняя торговля.
1860	?	?	29.000
1867—1868	23.314	20.900	44.214
1869—1870	24.326	22.014	40.340
1872—1873	31.088	26.677	57.765

Превышеніе стоимости ввезенныхъ товаровъ отчасти объясняется расходами по перевозкѣ. Экономистъ Генрихъ Рау въ своей «Сравнительной статистикѣ торговли германскихъ государствъ» вычисляетъ стоимость германскаго ввоза.

въ 1842 году въ 188,67 милліоновъ талеровъ
» 1851 » » 185,51 » »
» 1860 » » 365,06 » »

а стоимость германскаго вывоза:

въ 1842 году въ 162,90 милліоновъ талеровъ
» 1851 » » 178,49 » »
» 1860 » » 466,39 » »

17. Новая экономическая доктрина и начало рабочаго движенія.

Слѣдить за ходомъ мысли въ «Капиталѣ» Маркса очень трудно. Въ философской литературѣ извѣстенъ лишь одинъ трудъ съ еще болѣе сложной діалектикой, это—«Критика чистаго разума». Центральнымъ пунктомъ ученія Маркса является понятіе о цѣнности: источникомъ цѣнности является исключительно человѣческій трудъ. Что такое цѣнность? Что такое трудъ? Болѣе слабо развитыя теоріи трудовой цѣнности Адама Смита и Рикардо здѣсь насъ не могутъ интересовать. Въ отношеніи точнаго опредѣленія понятія труда, какъ единственной силы, образующей цѣнность, Марксъ былъ вполнѣ оригиналенъ.

«Поэтому величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства времени. Каждый отдѣльный товаръ считается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ даннаго рода товара. Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣютъ поэтому одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого [1]). Цѣнность каждаго товара (или, правильнѣе говоря, цѣнность каждаго продукта труда, насколько онъ разсматривается какъ товаръ) основывается по Марксу на среднемъ количествѣ общественно-необходимаго рабочаго времени, которое заключается въ этомъ товарѣ. Если самый трудъ становится товаромъ, то и его цѣнность можетъ измѣряться лишь общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, которое нужно для воспроизведенія рабочей силы.

Вопросъ о рабочемъ времени, необходимомъ для воспроизведенія рабочей силы, въ концѣ концовъ, сводится къ физіологическому вопросу. Необыкновенная растяжимость физіологическихъ условій человѣческой жизни или, иначе говоря, громадная эластичность человѣческой натуры, не допускаетъ однороднаго и специфическаго отвѣта для этого круга явленій.

На этотъ вопросъ можно отвѣтить въ общей формѣ. Рабочее время, общественно-необходимое для производства рабочей силы какъ товара, сводится къ рабочему времени, общественно-необходимому для производства средствъ къ существованію. Цѣнность рабочей силы, какъ товара, равна цѣнности средствъ существованія. Такъ какъ при нашихъ наличныхъ культурно-историческихъ условіяхъ общепринятая мѣновая цѣнность является въ формѣ

---

[1]) Цитировано по Марксу, «Капиталъ», т. I, стр. 5 и сл., перев. съ 4 нѣм. изд., провѣреннаго Ф. Энгельсомъ, подъ ред. П. Струве, изд. О. Н. Поповой. Спб. 1899.

товара—золота, то можно утверждать, что заработная плата (какъ воплощеніе цѣнности труда), въ идеѣ соотвѣтствующая цѣнѣ на средства къ существованію, должна ей соотвѣтствовать и реально. Если покупщику рабочей силы какъ товара, т.-е. предпринимателю, удается использовать рабочую силу сверхъ эквивалента, соотвѣтствующаго рабочему времени, общественно-необходимому для ея самосохраненія, самовозобновленія и размноженія, и если носитель этой рабочей силы за это сверхъ-время не получаетъ прибавки заработной платы, то этимъ нарушается паритетъ мѣновой сдѣлки. Таковъ смыслъ понятія Маркса о «прибавочной цѣнности» и сущность «капиталистической эксплуатаціи рабочей силы». Спрашивается только, какіе же положительные выводы вытекаютъ изъ «Капитала» въ отношеніи организаціи труда?

Покойный тюбингенскій экономистъ профессоръ Альбертъ Шеффле совершенно справедливо отмѣтилъ, что «Капиталу» недостаетъ систематически составленной положительной части. Онъ говоритъ: «При существующемъ нынѣ порядкѣ каждый владѣлецъ капитала частнымъ образомъ принимаетъ на себя нѣкоторую долю общаго національнаго производства и претерпѣваетъ соціальное вліяніе лишь въ видѣ, такъ сказать, гидростатическаго обратнаго давленія со стороны всѣхъ другихъ конкурентовъ на полученіе прибыли; вмѣсто этого, въ соціалистическомъ государствѣ организаціонное средство всякаго накопленія имущества и всякой циркуляціи имущества, т.-е. капиталъ какъ совокупность всѣхъ средствъ производства, находился бы въ общемъ владѣніи всей совокупности гражданъ, коллективные органы которыхъ, съ одной стороны, соединяютъ всѣ отдѣльныя рабочія силы въ соціальномъ распредѣленіи труда, съ другой же стороны, распредѣляютъ между всѣми всѣ продукты соціальной коопераціи сообразно съ работоспособностью или съ потребностями каждаго; «частнаго предпринимательскаго» дѣла больше не было бы, но существовала бы членская, не частная продуктивная работа всѣхъ въ учрежденіяхъ для производства и обмѣна, организованныхъ общественно на счетъ коллективнаго капитала, съ жалованьемъ вмѣсто частной прибыли и заработной платы. Суммы потребностей въ каждомъ изъ различныхъ видовъ продукта должны были бы устанавливать путемъ непрерывнаго оффиціальнаго опредѣленія размѣровъ потребленія особыя должностныя лица и производительныя присутствія, и на этихъ цифрахъ долженъ основываться весь соціальный планъ производства... Таковъ общій смыслъ коллективизма, какъ противоположности капитализму, такова квинтъ-эссенція общественной организаціи труда въ противоположность той анархіи конкуренціи, при которой, по ученію соціалистовъ, великая задача общественнаго обмѣна веществъ, соціальное накопленіе богатствъ и распредѣленіе богатствъ представляютъ собой не единую соціальную функцію, но отдаются на волю анархической конкуренціи и въ добычу частной погонѣ за болѣе крупнымъ кускомъ».

«Капиталъ» не тотчасъ же и не непосредственно повліялъ на рабочее движеніе. Его діалектическая основа поставила его на ряду съ первоклассными научными явленіями. Но Марксъ оказалъ помощь пролетаріату также и на-

учно-популярными сочиненіями. «Коммунистическій Манифестъ» Маркса и Энгельса, впервые появившійся въ февралѣ 1848 г., былъ написанъ по порученію международнаго коммунистическаго союза, основаннаго въ 1836 г. Главныя идеи «Капитала» въ зародышевомъ состояніи находились уже въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». Исторія общества изображалась въ немъ съ точки зрѣнія классовой борьбы. Буржуазія сумѣла отвоевать свое положеніе у феодальнаго государства путемъ энергичной классовой борьбы. Подъ владычествомъ буржуазіи развилось новое сословіе, пролетаріатъ, который съ XIX вѣка началъ сознавать себя классовой единицей въ соціальной исторіи. Классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ неизбѣжна, она близится къ концу. Великая историческая миссія буржуазіи выполнена; культурное перерожденіе пролетаріата, который выросъ на почвѣ буржуазной цивилизаціи, требуетъ новой перестройки всѣхъ общественныхъ отношеній. Историческое развитіе само произведетъ эту катастрофу. Крайнее вырожденіе буржуазной цивилизаціи должно обратить для выгоды ничтожнаго меньшинства подавляющее большинство народа въ пролетаріевъ, и, въ концѣ концовъ, строго проводя этотъ принципъ, буржуазія сама себя уничтожитъ.

Таковъ матеріалистическій, вѣрнѣе сказать, экономическій взглядъ на исторію въ своемъ наиболѣе рѣзкомъ, но, конечно, не наиболѣе зрѣломъ видѣ. Этотъ взглядъ на исторію приписываетъ сверхличнымъ отношеніямъ, экономическому развитію въ особенности, почти самостоятельную двигательную силу. Не безъ основанія либеральный французскій соціологъ Эрнестъ Сейльеръ въ своемъ «Демократическомъ имперіализмѣ», въ высшей степени остроумно полемизируя съ Марксомъ, говоритъ о «производительной силѣ Божьей милостью», хотя вообще слово это скорѣе пикантно, чѣмъ убѣдительно въ смыслѣ критики.

Коммунистическій союзъ распался въ 1852 г.; онъ погибъ скорѣе отъ внутренныхъ причинъ, нежели отъ политическаго преслѣдованія. Однако, идея международной ассоціаціи рабочихъ на коммунистической основѣ все же не погибла.

Лондонская всемірная выставка и неудачное польское возстаніе 1863 г. послужили поводомъ къ новой попыткѣ организовать международный рабочій союзъ. Лондонскій митингъ рабочихъ 28 сентября 1864 г. избралъ комитетъ изъ рабочихъ и писателей различныхъ національностей, которому было поручено обсудить организацію новаго международнаго союза рабочихъ. Въ составъ этого комитета вошли Марксъ и Мадзини. Затрудненія были значительны, ибо предстояло объединить для общаго дѣйствія подъ однимъ знаменемъ французскихъ прудонистовъ, англійскихъ чартистовъ и нѣмецкихъ лассальянцевъ. Былъ принятъ проектъ организаціи, предложенный Марксомъ. Само собой разумѣется, что онъ ставилъ «международной ассоціаціи рабочихъ» коммунистическія цѣли. Въ тезисахъ проекта Марксъ въ высшей степени рѣзко формулировалъ ту мысль, что экономическая и общественная эмансипація рабочаго класса является совсѣмъ не національной, а соціальной проблемой, рѣшеніе которой должно быть ускорено при помощи международной организаціи рабочаго класса.

Интернаціоналъ существовалъ довольно прочно лишь до конца 1872 г. Секціи юрская, испанская и бельгійская начали усваивать идеи русскаго анархиста Михаила Бакунина, который въ 1868 г. выступилъ противъ ученія Маркса, основавъ особое общество Alliance internationale de la démocratie sociale. Большинство осталось съ Марксомъ. Совмѣстная дѣятельность анархической и соціалистической группъ была невозможна, ибо и по существу нѣтъ болѣе рѣзкой программной разницы, нежели между анархизмомъ и соціализмомъ. Послѣ непродолжительнаго періода прозябанія остатки интернаціонала окончательно распались въ 1876 г.

Пролетарскія массы были мало затронуты почти академическими дискуссіями интернаціональныхъ конгрессовъ. Онѣ не могли надолго отрываться отъ узкихъ рамокъ своихъ жизненныхъ условій, ни преодолѣвать мѣстныя, частныя и національныя организаціонныя формы. Англійское рабочее движеніе почти съ самаго своего возникновенія вылилось въ практическія формы. Лишенное спекулятивнаго духа, не тронутое чарами политической и экономической дедукціи, оно создало себѣ орудіе своего самоосвобожденія въ видѣ профессіональныхъ и товарищескихъ организацій. Начало современнаго англійскаго профессіональнаго движенія слѣдуетъ отнести, если придерживаться достопамятныхъ датъ, къ 1825 году,—году отмѣны запрещенія коалицій, или къ 1834 году,—году основанія оуэновскаго «Grand National Consolidated Trade Union». Національный, профессіональный союзъ, охватывавшій самыя различныя отрасли промышленности и насчитывавшій съ первыхъ недѣль своего существованія полмилліона членовъ, обнаружилъ значительную революціонную энергію. Скоро оказалось, что національный профессіональный союзъ недолго пользовался довѣріемъ своихъ членовъ.

Въ 1851 г. было основано «Соединенное общество машиностроительныхъ рабочихъ». Оно занималось исключительно ближайшими задачами, организовало профессіональную помощь безработнымъ, профессіональную кассу для пособія странствующимъ членамъ союза, профессіональныя кассы на случай несчастій и смерти, учредило штабъ профессіональныхъ должностныхъ лицъ и вело свои финансовыя дѣла въ безупречномъ порядкѣ. Примѣръ машиностроительнаго союза послужилъ школой для Англіи, континента и Соединенныхъ Штатовъ. Политическое движеніе рабочаго класса съ шестидесятыхъ годовъ все болѣе и болѣе проникалось профессіональнымъ духомъ. Этому особенно содѣйствовало то, что чартистское движеніе начало стихать съ 1867 г., года демократическихъ парламентскихъ реформъ Дизраели.

Чартистское движеніе, принявшее особенно внушительные размѣры съ 1837 г., было соціально-экономическимъ народнымъ движеніемъ, облеченнымъ въ политическую форму. Одинъ изъ чартистскихъ агитаторовъ ярко характеризовалъ хартію какъ политико-экономическое и соціально-политическое движеніе; его слова стали постояннымъ эпитетомъ чартистскаго движенія: «Хартія не есть вопросъ политики, но вопросъ ножа и вилки, хартія—это значитъ хорошее жилище, хорошее питье и ѣда, хорошій достатокъ и короткій рабочій день». Народная хартія 1836 г. требовала отмѣны избирательнаго

ценза и введенія всеобщаго голосованія. Это та же мысль, которую постоянно съ неутомимой энергіей преслѣдовалъ Лассаль: завоеваніе политической силы помощью всеобщаго избирательнаго права—какъ средство, радикальная соціальная реформа—какъ цѣль.

Въ сущности, профессіональное движеніе—нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ агитація французскихъ утопистовъ въ пользу коммунистическихъ образцовыхъ государствъ; утописты, въ концѣ концовъ, бѣжали въ Америку, чтобы осуществить свои планы въ безвоздушномъ пространствѣ. Современное профессіональное движеніе органически выросло изъ капиталистическаго производства. Оно энергично дѣйствовало въ рамкахъ капиталистическаго экономическаго права, будучи окруженнымъ капиталистическими конкурентами, хотя представляетъ собой нѣчто совершенно особенное по своему духу и демократическому строю. Вполнѣ справедливо называть «рочдельскими піонерами» тѣхъ двадцать восемь бѣдныхъ ткачей фланелевой фабрики, которые въ 1844 г. основали потребительское общество въ Рочделѣ. Они и были праотцами современной англійской профессіональной организаціи. Въ 1898 г. въ британскихъ товариществахъ насчитывалось свыше полутора милліона членовъ. Въ томъ же году британскія потребительныя общества продали товару въ общемъ на 1.300 милліоновъ марокъ. Подъемъ физическаго и моральнаго standard of life англійскаго пролетаріата по существу представляетъ собой результатъ профессіональной, товарищеской и чартистской самопомощи.

На континентѣ рабочее движеніе въ послѣреволюціонное время дало также весьма замѣчательные всходы. Еще въ 1832 г. былъ основанъ первый нѣмецкій союзъ образованія рабочихъ въ Билѣ (въ Швейцаріи). Въ 1848 г. Мадзини основалъ первые итальянскіе союзы рабочихъ въ видѣ обществъ взаимопомощи, организованныхъ на принципѣ такъ наз. mutuo soccorso; въ 1863 г. они имѣли 453 организаціи съ 111.608 членами. Во Франціи правительство Наполеона закономъ 15 іюля 1850 г. дало рабочимъ право соединяться въ такъ наз. associations de secours mutuel, а закономъ 25 мая 1864 г. признало за рабочими право стачекъ. Въ 1849 г. началъ свою дѣятельность норвежскій школьный учитель Транъ, которому обязаны своимъ существованіемъ многія сотни рабочихъ союзовъ. Въ 1865 г. въ Христіаніи возникло рабочее потребительное общество. Повсемѣстно начали появляться также и спеціальныя профессіональныя коалиціи рабочихъ. Въ Швейцаріи въ 1858 г. основанъ союзъ типографскихъ рабочихъ подъ названіемъ «Typographenbund»; въ Австріи въ 1865 г. возникло общество взаимопомощи типографскихъ рабочихъ «Hermannia». Начало профессіональнаго движенія въ Германіи относится къ срединѣ шестидесятыхъ годовъ; въ 1865 г. основана интерлокальная организація табачныхъ рабочихъ Фритча; въ 1866 г. интерлокальный профессіональный союзъ типографскихъ рабочихъ. Оба союза были безъ всякой политической тенденціи. Кромѣ того, 1866 г. ознаменовался профессіональнымъ конгрессомъ въ Нью-Іоркѣ и картелизаціей германско-американскихъ профессіо-

нальныхъ союзовъ. По инициативѣ и программѣ партіи прогрессистовъ возникли основанные М. Гиршемъ и Ф. Дункеромъ въ 1868 г. по англійскому образцу Гиршъ-Дункеровскіе профессіональные союзы, которые исходили изъ идеи «естественной гармоніи между предпринимателемъ и рабочимъ»; они заняли позицію сдерживающаго элемента въ вопросахъ стачекъ и потому представляли полное противорѣчіе профессіональной программѣ соціалиста Жана-Баптиста Швейцера, который рекомендовалъ «обширную солидно построенную организацію всего рабочаго класса Германіи съ цѣлью достиженія общаго прогресса посредствомъ пріостановки работъ».

Наиболѣе интересную проблему этой эпохи безспорно представляетъ агитація Фердинанда Лассаля. Разница между нимъ, съ одной стороны, и Марксомъ и Энгельсомъ—съ другой заключается въ томъ, что онъ лично обладалъ всѣми качествами вождя рабочихъ, тогда какъ Марксъ и Энгельсъ,—и послѣдній, быть-можетъ, еще въ большей степени, нежели первый,—работали съ объективностью, не смущавшейся никакими эстетическими соображеніями. Основной сущностью Лассаля было увлеченіе настоящимъ, жизненнымъ, непосредственно интереснымъ. Разбирая книгу Штара о Лессингѣ, Лассаль нарисовалъ свой собственный портретъ. Ибо онъ самъ обладалъ именно тѣмъ, что его восхищало въ Лессингѣ: «дошедшее до самосознанія превосходство субъекта надъ міромъ своихъ традицій». Въ этихъ словахъ Лассаль охарактеризовалъ самого себя съ неподражаемой точностью и краткостью.

Къ рабочему вопросу онъ относился съ не меньшей искренностью, нежели Фридрихъ-Альбертъ Ланге, человѣкъ совершенно другого склада. Ланге смотритъ на этотъ вопросъ съ спокойной, уравновѣшенной увѣренностью, Лассаль—съ демонической страстностью. Марксъ былъ систематикъ, Лассаль, несмотря на свое блестящее систематическое дарованіе, былъ историкъ; несмотря на свою историческую рѣзкость, онъ прежде всего былъ человѣкъ. Всѣми силами своей діонисіевой натуры онъ овладѣваетъ «идеей рабочаго сословія» и «ея связью съ текущимъ періодомъ исторіи». Онъ глубоко проникается ею, чтобы опредѣлить самого себя. Именно поэтому нѣтъ ничего парадоксальнаго въ его въ высшей степени аристократическомъ образѣ жизни. Лассаль посвящаетъ себя дѣлу рабочихъ съ безупречной честностью и съ «всепожирающей исключительностью». Но не въ качествѣ безличнаго слуги этому дѣлу и не подъ безличнымъ давленіемъ научной объективности; его личность возвышается этой работой въ интересахъ пролетаріевъ, ибо его личность цѣликомъ захвачена демократически-соціалистической агитаціей, ибо она вся въ соприкосновеніи съ центральной проблемой современной эпохи.

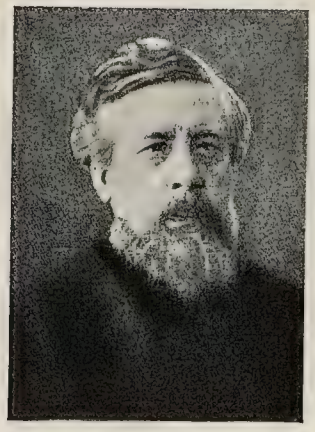
Лассаль былъ основателемъ всеобщаго союза нѣмецкихъ рабочихъ, который возникъ 22 мая 1863 г. Его агитація имѣла чисто-соціалистическое направленіе. Въ качествѣ научнаго коммуниста онъ не былъ оригиналенъ; но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ промаховъ, онъ былъ настоящимъ виртуозомъ популяризаціи, никогда не терявшимъ при этомъ подъ собой научной почвы. Непосредственной политической цѣлью рабочаго сословія онъ считалъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, которое должно

было, по его мнѣнію, доставить рабочимъ рѣшающую роль въ соціальномъ и экономическомъ законодательствѣ; наиболѣе непосредственной экономической задачей онъ считалъ учрежденіе рабочихъ производительныхъ товариществъ съ государственнымъ пособіемъ; эти организаціи, повидимому, имѣли большое сходство съ потерпѣвшими неудачу національными мастерскими Луи Блана, хотя Лассаль этого и не находилъ. Въ виду рѣзкой разницы между лассалевской идеей государства, почти греческаго оттѣнка, и манчестеровской доктриной, которая признаетъ за государствомъ лишь роль «ночного сторожа», обязаннаго «предупреждать грубое безчинство и шумъ, нарушающій тишину», понятна самая мысль о рабочихъ организаціяхъ съ государственнымъ пособіемъ. Соціалистическая программа Лассаля развилась изъ формулированнаго и проанализированнаго Марксомъ такъ называемаго желѣзнаго закона заработной платы, которому Лассаль далъ популярное изложеніе. «Желѣзный экономическій законъ,—пишетъ Лассаль въ 1863 г. въ своемъ гласномъ отвѣтѣ центральному комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго рабочаго конгресса, — который при теперешнихъ отношеніяхъ... опредѣляетъ рабочую плату, таковъ: средній размѣръ рабочей платы всегда сводится къ безусловно необходимому содержанію, требуемому привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія. Вотъ точка, вокругъ которой вращается дѣйствительная поденная плата, какъ маятникъ, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже...» Ибо высокая рабочая плата означаетъ учащеніе браковъ, усиленіе же дѣторожденія ведетъ къ образованію «промышленной резервной арміи», которая снова понижаетъ рабочую плату увеличеннымъ предложеніемъ труда. Лассаль могъ остановиться лишь на единственномъ способѣ устранить дѣйствіе желѣзнаго закона рабочей платы: «сдѣлать рабочее сословіе своимъ собственнымъ предпринимателемъ», устранить систему рабочей платы и систему прибыли, гарантировать рабочему полный доходъ труда. Агитація Лассаля потерпѣла фіаско. Рабочіе не понимали его и начали отпадать отъ него. Трагедія кончилась дуэлью изъ-за Елены Деннигесъ.

Въ 1853 г. мюльгаузенскій промышленникъ Жанъ Дольфусъ основалъ общество Société Mulhousienne des cités ouvrières. Это было началомъ той частной предпринимательской соціальной политики, которая нынѣ извѣстна подъ названіемъ «учрежденій народнаго благосостоянія». Сами по себѣ дольфусовскія колоніи рабочихъ, разумѣется, были благомъ по сравненію съ жилищной нуждой въ Руанѣ и Лиллѣ. Однако, психологическая основа всей системы учрежденій народнаго благосостоянія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Когда Дольфусъ давалъ рабочимъ возможность пріобрѣтать въ собственность дома, то при всей личной благотворительности въ этомъ таилась все-таки спекуляція, желаніе привязать рабочаго къ предпріятію, пробудить въ немъ мелко-буржуазное чувство собственности и такимъ образомъ создать между предпринимателемъ и рабочимъ солидарность, основанную на общихъ тому и другому душевныхъ инстинктахъ.

Въ 1869 г. рабочее сословіе въ Германіи отрѣшилось отъ міровоззрѣ-

ФЛАССАЛЬ.



ЛИБКНЕХТЪ.

БЕБЕЛЬ.

нія либеральной соціалъ-политики: среди него образовалась подъ руководительствомъ Бебеля и Либкнехта соціалъ-демократическая рабочая партія.

Къ этой эпохѣ относится также начало эмансипаціи пролетарскихъ женщинъ. Еще въ 1848 г. появлялись во французскихъ городахъ замѣчательныя объявленія, циркулировавшія также въ видѣ брошюръ. Двѣнадцатый бюллетень относится къ женскому вопросу. Многіе изъ бюллетеней, повидимому, исходили отъ Жюля Фавра. Двѣнадцатый бюллетень, по предположенію консервативнаго издателя, принадлежалъ Жоржъ Зандъ; въ немъ не трудно распознать идеи, стиль, привычную манеру знаменитаго синяго чулка, посвятившаго себя въ послѣдніе годы защитѣ своего пола. «Мы осмѣливаемся утверждать, что попытки сенъ-симонизма освободить женщину носили аристократическій характеръ. Теперь дѣло уже не въ томъ, чтобы открыть входъ въ святилище немногимъ избраннымъ. Ужасенъ жребій несчастной дѣвушки, у которой на рукахъ больной отецъ, безпомощная мать и голодающіе братья и сестры; дѣвушка ищетъ работы, но ее вѣдь такъ трудно найти. Какъ? Развѣ общество не открываетъ передъ ней прекрасный способъ избѣжать самоубійства? О, конечно: проституція. Да, очередь за порокомъ, къ которому зоветъ отчаяніе, и который дѣлаетъ себѣ оружіе изъ самыхъ святыхъ инстинктовъ женщины... Дѣвственность является товаромъ, который обращается на биржѣ человѣческой подлости. Святыя дѣвушки, зажмурившись, вступали на этотъ мученическій путь».

---

18. Измѣненіе міровоззрѣнія.

Вторая треть XIX вѣка въ духовномъ отношеніи представляетъ рѣзкую противоположность первой. Она борется съ общими преданіями классическаго и еще ожесточеннѣе съ преданіями романтическаго міра идей,—съ философской спекуляціей, позитивнымъ христіанствомъ, политическимъ консерватизмомъ и историцизмомъ.

Расцвѣтъ исторической критики былъ очевиденъ. Въ пятидесятыхъ годахъ техника классической исторической науки получила свое окончательное развитіе въ школѣ Ранке, особенно въ организаціи занятій въ семинаріяхъ. Въ оба эти десятилѣтія философія исторіи и историческая методика продолжали развиваться дальше. Въ первыхъ историкахъ этой эпохи была заложена сила, распространявшая свое вліяніе далеко за предѣлы исторіи. Историческіе труды Моммзена были скрытымъ протестомъ противъ политической безплодности реакціи, сочиненія Жюля Мишле имѣли цѣлью пропаганду демократическихъ идей, Карлейль взывалъ къ личностямъ-героямъ. Съ Тэномъ и Боклемъ на сцену выступила та незаинтересованная, почти пессимистическая дѣловитость, которая стѣсняла дыханіе. Въ лицѣ Бруно Бауэра всѣ духовныя нужды эпохи соединились въ одну внутреннюю потребность новой, наивной культуры, и въ этомъ стремленіи начинаютъ звучать легкіе соціалистическіе тоны.—Едва ли

міровоззрѣніе Бауэра гдѣ-либо выражено яснѣе, нежели въ его статьяхъ, оставшихся почти неизвѣстными, помѣщенныхъ въ 1852 г. въ «Daily New York Tribune» подъ заглавіемъ: «Россія и германство». Онъ видитъ лишь одно спасеніе — уничтоженіе западной государственной культуры. Западъ долженъ отказаться отъ своей собственной исторіи. Западная культура болѣе неспособна къ производительности. Хилость государственной культуры представляется Бауэру симптомомъ упадка общей западной культуры.

Философія культуры Бауэра есть культурно-философскій нигилизмъ. Русскій нигилизмъ, какъ міровоззрѣніе, по существу своему былъ въ тѣсномъ родствѣ съ нигилизмомъ Бауэра.

Что такое представлялъ собой русскій нигилизмъ? Павелъ Петровичъ Кирсановъ, русскій помѣщикъ, заимствовавшій англійскую культуру въ Баденъ-Баденѣ, иронизируетъ надъ нигилистомъ Базаровымъ слѣдующимъ образомъ: «въ принсипы не вѣритъ, а въ лягушекъ вѣритъ». Далѣе, мы встрѣчаемъ характерное отрицаніе исторіи. «А что касается времени,—говоритъ Базаровъ своему наивному и мягкосердому прозелиту Аркадію Кирсанову, женоподобному, наивно-парадоксальному романтику нигилизма,—отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня».... Систематически сопротивляясь собственному чувству жизни, Базаровъ обращается въ сознательнаго матеріалиста.

Если нужно опредѣленіе понятія нигилизма, то можно снова обратиться къ тому же Павлу Петровичу. «Нигилистъ! Это отъ латинскаго nihil, ничего, поскольку я могу судить; стало-быть, это слово означаетъ человѣка, который.... ничего не признаетъ!»—«Нигилизмъ есть полная свобода отъ всѣхъ готовыхъ понятій, отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ препятствій и преградъ, которыя затрудняютъ движеніе впередъ западно-европейской мысли, привязавъ ей къ ногѣ историческую колодку».

Культурно-философскій нигилизмъ Бауэра, русскій нигилизмъ, родственный съ нимъ по существу анархизмъ и соціализмъ, всѣ они характеризуются одновременно наклонностью къ естественнымъ наукамъ. Естествознаніе революціонизировало картину міра. Оно было культурно-философской сущностью всего новаго. Однако, естествознаніе не самостоятельно создало новую картину міросозданія. Отчасти она возникла изъ переворота въ философіи. Гегель безъ всякихъ колебаній исходилъ изъ философской природы человѣческаго духа. Онъ отожествлялъ бытіе съ знаніемъ, но его знанію былъ присущъ метафизическій характеръ въ смыслѣ идеалистической философіи. Спекулятивный характеръ его философіи не утратился отъ того, что прусская полиція сумѣла истолковать—какъ ни смѣшно это было—ученіе о тожественности существующаго съ разумнымъ въ пользу оффиціальной государственной мудрости. Фейербахъ философски развилъ дилемму въ другомъ направленіи. Онъ рѣшительно перенесъ центръ тяжести философіи въ чувственный міръ. «Если старая философія принимала за исходную точку положеніе: я абстрактное, только мыслящее существо: тѣло не относится къ моему существу, то, наоборотъ, новая философія начинаетъ съ положенія: я реальное, чувствующее

существо: мое тѣло принадлежитъ моему существу, и даже мое тѣло во всей его цѣлости составляетъ мое *я*, самое существо мое. Истинно и божественно лишь то, что не требуетъ никакого доказательства, что извѣстно непосредственно само собой, непосредственно говоритъ за себя, непосредственно ведетъ за собой утвержденіе, что оно существуетъ—просто положительное, просто не подлежащее сомнѣнію, ясное какъ Божій день. Но яснымъ какъ Божій день можетъ быть только чувственное; только тамъ, гдѣ начинается чувственность, исчезаетъ всякое сомнѣніе, и кончается всякій споръ. Тайна непосредственнаго знанія заключается въ чувственности».

Соціальная философія Фейербаха покоится также на простѣйшихъ основахъ. «Бытіе есть тайна созерцанія ощущенія, любви. Человѣческія ощущенія отнюдь не имѣютъ эмпирическаго, антропологическаго значенія въ смыслѣ старой трансцендентальной философіи; они имѣютъ онтологическое, метафизическое значеніе: въ ощущеніяхъ, и именно въ повседневныхъ ощущеніяхъ, скрыты глубочайшія и высшія истины. Такимъ образомъ, любовь есть истинное онтологическое доказательство бытія предмета внѣ нашей мысли, и не существуетъ никакого иного доказательства бытія, кромѣ любви и ощущенія».

Фейербахъ извлекъ изъ матеріализма драгоцѣннѣйшее изъ соціальныхъ послѣдствій его, именно зависимость рабочаго отъ питанія, отъ среды (milieu), вообще отъ его образа жизни. Въ этомъ опредѣленномъ смыслѣ и Фридрихъ-Альбертъ Ланге въ своей чудной книгѣ по рабочему вопросу, на которую каждый образованный человѣкъ долженъ смотрѣть какъ на соціально-политическую библію, принадлежалъ къ школѣ матеріализма. Безъ сомнѣнія, между Фейербахомъ и болѣе строгими матеріалистами, каковы Молешотъ, Фохтъ и Бюхнеръ, была большая разница. Прелесть цинизма его соблазняла меньше, нежели радикаловъ, которые утверждали, что мысль есть экскрементъ мозга, какъ желчь—выдѣленіе печени, моча—выдѣленіе почекъ, или же проповѣдывали ученіе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, что дѣйствовало вызывающимъ образомъ больше своимъ тономъ и умысломъ, чѣмъ существомъ дѣла. Напротивъ, матеріализмъ, повидимому, является исторической закономѣрностью; онъ возникъ при тѣхъ же культурно-историческихъ условіяхъ, какъ и энциклопедія. Теобальдъ Циглеръ называетъ философію матеріалистовъ «дѣтски грубой метафизикой». Относительно психологическаго происхожденія матеріализма не можетъ быть никакого сомнѣнія. Три главныхъ носителя матеріализма были по своему міровоззрѣнію идеалистами въ такой же, а можетъ-быть, и въ большей степени, чѣмъ крайніе защитники философскаго идеализма. Не былъ ли матеріализмъ единственнымъ духовнымъ средствомъ того времени? И не получили ли матеріалистическія основныя идеи права гражданства въ нашемъ современномъ міровоззрѣніи къ нашему благу? Матеріализмъ отнюдь не противорѣчитъ вѣчному стремленію человѣческаго рода къ трансцендентному, конечно, насколько онъ изъ грубаго и категорическаго становится осторожнымъ и относительнымъ. Историческій матеріализмъ Маркса, господствующій среди современнаго рабочаго класса, нисколько не

впадая въ парадоксальность, вполнѣ естественнымъ образомъ сочетается на нашихъ глазахъ съ глубочайшимъ моральнымъ идеализмомъ.

«Бюхнеръ—пишетъ Ланге—былъ съ самаго начала идеалистической натурой... Онъ рѣзокъ, непримиримъ только въ отрицаніи; но его отрицаніе совсѣмъ не результатъ сухого критическаго ума, оно скорѣе происходитъ отъ фанатическаго воодушевленія прогрессомъ гуманности, побѣдой истины и красоты. Онъ достаточно извѣдалъ тѣ препятствія, которыя стоятъ на этомъ пути, чтобы неумолимо преслѣдовать ихъ.... И всѣмъ, что выше подозрѣній, онъ считаетъ возможнымъ пользоваться, причемъ онъ не предлагаетъ никакихъ подлоговъ, никакихъ злоумышленныхъ подтасовокъ научнаго и моральнаго прогресса». Сущность Бюхнера и его ученія никогда не была такъ мѣтко и искренно охарактеризована, какъ въ этихъ словахъ. Опроверженіе матеріализма, которое пытался сдѣлать геттингенскій физіологъ и анатомъ Рудольфъ Вагнеръ въ 1854 г., потерпѣло рѣшительную неудачу. Причина ея заключалась не только въ томъ, что его трактатъ о «Сотвореніи человѣка и субстанціи души» пытался спасти библейскія представленія по сему предмету; матеріализмъ опирался на столь несомнѣнные аргументы, что споръ о немъ, по меньшей мѣрѣ, не могъ прійти ни къ какому рѣшенію.

Реакція противъ философскаго матеріализма наступила съ четырехъ сторонъ. Радикализмъ ново-гегельянцевъ Арнольда Руге и его кружка правительства приписывали грѣхамъ гегелевской философіи, которую они такъ цѣнили до тѣхъ поръ, пока въ своей дипломатической мудрости не понимали ея. Шеллингъ, философъ Божьей милостью, долженъ былъ оказать своей метафизикой помощь королевской власти Божьей милостью. Въ посланіи, приглашавшемъ его въ Берлинъ, значилось, что на него будетъ возложена высокая задача «какъ на философа, избраннаго Богомъ разрушить драконово сѣмя гегелевскаго пантеизма». Въ 1846 г. Шеллингъ прекратилъ свои лекціи за недостаткомъ слушателей.

Болѣе серьезное нападеніе послѣдовало со стороны возрожденія кантовской философіи, которая воплотилась въ Іоганнѣ Эдуардѣ Эрдманѣ, Эдуардѣ Целлерѣ и Куно Фишерѣ. За гейдельбергскаго приватъ-доцента Фишера выступилъ Шопенгауэръ. Ученіе послѣдняго лишь позднѣе начало входить въ сознаніе нашей культурной жизни. Для того громаднаго вліянія, которымъ пользовалось его ученіе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, рѣшающее значеніе имѣло появленіе въ 1851 г. его труда «Parerga u. Paralipomena». Рѣдко столь глубокая философская мудрость являлась въ такомъ блестящемъ одѣяніи. Здѣсь какъ-будто предлагалось все, чего требовала эпоха политическаго и культурно-философскаго унынія: нѣчто болѣе возвышенное въ замѣну матеріализма, и въ то же время, до извѣстной степени, конечно, соотвѣтствующее метафизическимъ чаяніямъ новаго естествознанія. Безъ сомнѣнія, Шопенгауэръ далеко не стоялъ на высотѣ точнаго естествовѣдѣнія своей эпохи; во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи онъ не могъ помѣриться съ матеріалистами. Наиболѣе оригинальная черта шопенгауэровской философіи заключается въ его ученіи о волѣ. Міръ для него есть не представленіе

познающаго субъекта, а представленіе осуществленной воли. И воля является не только сущностью человѣка, но сущностью даже неорганической природы. Наконецъ, волевой принципъ есть объективное, «вещь въ себѣ».

Эта картина міра отнюдь не исключала идеи эволюціонизма, ибо, напр., Шопенгауэръ развивалъ идею борьбы за существованіе.

Но, тѣмъ не менѣе, для исторіи культуры въ широкомъ смыслѣ имѣютъ значеніе только морально-философскіе выводы шопенгауэровскаго ученія о волѣ. Воля безпредѣльна. Удовлетворенность не реальна, нереальное вызываетъ муку. Наше бытіе колеблется между скукой и желаніемъ.

So tauml' ich von Begierde zu Genuss,
Und im Genuss verschmacht' ich nach Begierde [1]).

Сущностью человѣческаго бытія является какъ бы состояніе привычной неудовлетворенности. Выходомъ изъ невыносимаго напряженія является исключеніе воли. Морально безучастное, холодное, возвышенное созерцаніе идей, т.-е. законченной, специфической идеальной объективаціи міровой воли,—есть покой и цѣль. Но это созерцаніе удѣлъ генія, высшей философской художественности. Абсолютное безволіе—конечный пунктъ пессимизма, внѣморальное, потустороннее бытіе, Нирвана. Шопенгауэръ представляетъ крупную величину не по строго-научной дедуктивной силѣ своего ума, но по лирической мощи своей философіи; онъ великъ по творческой силѣ своего духа, скорѣе поэтической, нежели научной, по импрессіонистской непосредственности своихъ философскихъ воспріятій. Ни одна изъ системъ за все столѣтіе не представлялась настолько возвышенной, какъ философія Шопенгауэра, но у нея нѣтъ той внутренней увѣренности, которая стоитъ еще выше самаго благороднаго паѳоса, и которая сообщаетъ міросозерцанію Фридриха-Альберта Ланге ея спокойное и неотразимое очарованіе.

Естествознаніе само и въ большей степени, нежели всякія философскія системы, указало матеріализму его рамки. Мы разумѣемъ естествознаніе въ смыслѣ Дарвина, которое гораздо лучше отдѣльныхъ представителей дарвинизма сумѣло воздержаться отъ наивныхъ философскихъ претензій. Самая идея эволюціонизма—болѣе стараго происхожденія. Старое ученіе объ эволюціи, извѣстное подъ названіями: «теорія эволюціи» и «теорія преформаціи», предполагало, что въ яйцѣ происходитъ развитіе вполнѣ предопредѣленныхъ формъ частей. Но уже около половины XVIII столѣтія пришли къ убѣжденію, что развитіе основано на непрерывномъ рядѣ новообразованій. Суть ученія Дарвина заключается въ положеніи, что высшія животныя и растительныя формы произошли путемъ превращенія по законамъ развитія изъ низшихъ и несложныхъ формъ. Главнымъ носителемъ развитія является переходъ по наслѣдству къ потомству отъ родителей ихъ качествъ и постоянное приспособленіе индивидуумовъ и цѣлыхъ группъ индивидуумовъ къ окружающему міру; способностью приспособляться опредѣляется успѣхъ видовъ въ борьбѣ

[1]) Такъ я перехожу отъ желанія къ наслажденію, а, наслаждаясь, томлюсь я о желаньи.

за существованіе. Принципъ естественнаго подбора и взаимное предпочтеніе болѣе совершенныхъ типовъ, имѣющее характеръ взаимнаго влеченія, вызываютъ происхожденіе наиболѣе характерныхъ родовъ и видовъ.

Для современниковъ особенный интересъ представляло, конечно, мѣсто человѣка въ этой естественно-исторической связи. Дарвинъ высказался по этому вопросу съ ясностью, которую нельзя не признать, и въ то же время съ удивительной осторожностью. «Большая часть естествоиспытателей послѣдовала за Блюменбахомъ и Кювье и отвела человѣку мѣсто въ особомъ порядкѣ животнаго царства подъ названіемъ двурукихъ. Напротивъ, въ новѣйшее время многіе изъ нашихъ лучшихъ естествовѣдовъ вернулись къ взгляду, впервые выраженному Линнеемъ, и помѣстили человѣка въ одномъ порядкѣ съ четырерукими подъ общимъ названіемъ приматовъ. Великій анатомъ и философъ Гексли подробно разсмотрѣлъ этотъ вопросъ и пришелъ къ заключенію, что человѣкъ во всѣхъ частяхъ своей организаціи менѣе отличается отъ высшихъ обезьянъ, нежели эти послѣднія отъ низшихъ членовъ той же группы. Слѣдовательно, было бы несправедливо ставить человѣка въ особый порядокъ. Напротивъ, человѣкообразныя обезьяны, горилла, шимпанзе, орангъ и гиббоны, выдѣлены большинствомъ зоологовъ изъ прочихъ обезьянъ въ особую подгруппу Стараго свѣта. Если допустить это, то можно прійти къ заключенію, что какой-либо старый членъ этой антропоморфической подгруппы былъ прародителемъ человѣка. Безъ сомнѣнія, человѣкъ по сравненію съ его животными родичами претерпѣлъ внутренне гораздо больше видоизмѣненій и, конечно, главнымъ образомъ благодаря своему значительно развившемуся головному мозгу и вертикальному положенію. Тѣмъ не менѣе, намъ не слѣдуетъ забывать, что онъ представляетъ собой лишь одну изъ различныхъ формъ приматовъ. Весьма вѣроятно, что Африка раньше была населена нынѣ вымершими обезьянами, которыя стояли въ близкомъ родствѣ съ гориллой и шимпанзе; и такъ какъ обѣ эти разновидности нынѣ являются ближайшими родичами человѣка, то болѣе, чѣмъ вѣроятно, что наши прежніе прародители обитали на африканскомъ континентѣ раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ свѣта. Однако, мы не должны впадать въ ошибку и принимать, что прародитель всего племени симіадовъ, включая и человѣка, былъ тожественъ съ какой-либо изъ нынѣ существующихъ обезьянъ или даже былъ съ ней чрезвычайно сходенъ...»

Ланге однажды сравнилъ Фейербаха съ Огюстомъ Контомъ; сравненіе это подходяще одинаково и въ личномъ, и въ философскомъ отношеніи. Контъ создалъ ту діалектику исторіи мысли, которую мы называемъ позитивизмомъ, и которая утверждаетъ, что человѣческая мысль съ закономѣрной необходимостью переходила отъ теологическаго міросозерцанія къ спекулятивному (метафизическому) и отъ спекулятивнаго къ феноменологическому (позитивному). Позитивное міросозерцаніе не задается вопросами о послѣднихъ цѣляхъ и послѣднихъ причинахъ; оно исключительно наблюдаетъ послѣдовательность явленій («succession des phénomenes») и законность въ послѣдовательности явленій.

Подобно Фейербаху, Контъ пришелъ къ гуманитарной философіи, сообразно съ духомъ времени. Онъ исходилъ изъ математики и естественныхъ наукъ. Его философская теорія носитъ на себѣ отпечатокъ точныхъ наукъ. Во Франціи также не избѣжали послѣдствій матеріализма. Извѣстный лексикографъ Эмиль Литтрэ, обладавшій не только выдающимся историческимъ и филологическимъ образованіемъ, но и систематическими познаніями въ медицинѣ, въ своихъ многочисленныхъ позитивистскихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ популяризировалъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ ученіе Конта со всей любовной привязанностью ученика къ учителю, являлся рѣшительнымъ послѣдователемъ матеріалистическихъ идей.

Джонъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ не пошли по пути дальнѣйшаго матеріалистическаго развитія позитивизма и ограничились тѣмъ, чтобы сдѣлать плодотворной основную методологическую мысль контовской системы: преодолѣть философскую спекуляцію и превратить философію въ положительную опытную науку. Спенсеръ писалъ позднѣе Милля; онъ могъ располагать результатами дарвиновскаго прилежанія, которые онъ стремился съ 1862 г. философски использовать въ своемъ десятитомномъ сочиненіи «System of Synthetic Philosophy». Синтетическій принципъ, философски разработанный въ ученіи Спенсера, заключался въ идеѣ эволюціи, которая сведена у Спенсера къ своимъ простѣйшимъ формуламъ. Спенсеръ назвалъ основнымъ міровымъ закономъ переходъ отъ однороднаго къ дифференцированному и неоднородному, отъ гомогеннаго къ гетерогенному. Періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, былъ не только эпохой матеріализма, пессимизма и естественныхъ наукъ, но и возраставшей научной спеціализаціи, критическаго изслѣдованія исторіи; кромѣ того, въ это время имѣло мѣсто своеобразное усиленіе церковныхъ организацій и религіозныхъ потребностей. Протестантская церковь впервые въ XIX вѣкѣ стала правовой организаціей. Если Штраусъ—притомъ, безъ сомнѣнія, съ гораздо большей глубиной, нежели французъ Ренанъ—подвергъ критикѣ содержаніе евангелій и выдѣлилъ изъ Священнаго писанія специфически-историческое, какъ и символическое, то Рихардъ Роте уже снова вернулся къ остроумному супранатурализму. Съ потрясающей силой происходитъ борьба за старыя вѣрованія въ Игн. Деллингерѣ. Въ ранніе свои годы онъ былъ первообразомъ ультрамонтанскаго историка, но затѣмъ неподкупно честная натура принудила его къ борьбѣ съ крайнимъ папизмомъ. Онъ смотрѣлъ на свѣтское владычество папы какъ на вполнѣ простительный элементъ папской власти и горячо возражалъ противъ догмата непогрѣшимости.

Одной изъ самыхъ горькихъ ироній надъ прогрессомъ человѣческаго духа является тотъ фактъ, что спустя два поколѣнія послѣ Канта могъ появиться подъ названіемъ Syllabus папскій манифестъ, который все еще тревожитъ человѣчество. Въ немъ излагается, что папа Пій IX въ 1864 г. въ своей Encyclica quanta cura отвергъ вѣроисповѣдную нейтральность государства, свободу ученія и обученія, свободу совѣсти, религіозную свободу, свободу печати, монополію семейнаго права и неконфессіональную, свѣтскую школу;

Дав. Фр. Штраусъ
Шопенгауеръ
Ч. Дарвинъ
Ч. Диккенсъ.
Г. Фрейтагъ
Т. Карлейль
К. Гуцковъ
В. Бѣлинскій
Н. Чернышевскій
А. Герценъ
Д. Писаревъ
Н. Добролюбовъ
И. Тургеневъ.
В. Гюго.
М. Салтыковъ-Щедринъ.
А. Писемскій.
Ф. Достоевскій.
Л. Толстой.

наряду съ этимъ выставляется требованіе церковнаго суда и государственной помощи противъ оскорбителей католической религіи, причемъ протестантамъ отказывается даже въ надеждѣ на вѣчное спасеніе, такъ какъ папа «отвергаетъ» положеніе, которое оставляетъ за ними нѣкоторую надежду на будущую жизнь.

19. Литература.

Со времени Франциска I Парижъ сталъ культурнымъ центромъ Запада. Во времена второй имперіи также изъ Парижа шли художественныя теченія, которыя, не считаясь ни съ какими политическими границами, въ значительной мѣрѣ опредѣляли духовную физіономію эпохи. Быть-можетъ, величайшимъ изъ литературныхъ явленій временъ имперіи былъ Густавъ Флоберъ, хотя онъ написалъ немного. Извѣстностью среди широкой публики пользуются, кромѣ «Мадамъ Бовари», еще «Саламбо» и «Сентиментальное воспитаніе». Флоберъ стоялъ на границѣ между двумя художественными мірами. Онъ восхищался Викторомъ Гюго и подготовлялъ натуралистическую микроскопію Эмиля Золя. Гюго ему оставилъ въ наслѣдство тонкое чувство формы и великолѣпіе своей творческой фантазіи. Но Флоберъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Въ противоположность Гюго, онъ отрицалъ въ поэзіи великій субъективный паѳосъ. Его художественной цѣлью было именно подчиненіе художника своему художественному произведенію, полная художественная объективность, которая не оставляетъ на самомъ твореніи ни малѣйшаго слѣда работы художника. Въ произведеніяхъ Флобера не встрѣчается ни одного разсужденія, ни малѣйшаго вмѣшательства художника въ общую связь художественнаго изложенія. Мы имѣемъ дѣло съ романомъ въ безличной объективности его; личное отношеніе къ нему писателя никогда не выдается ни повышенной страстностью изложенія, ни малѣйшимъ юморомъ. Поэтому въ сочиненіи Флобера чувствуется невольно нѣчто мистическое, торжественное, нѣчто почти устрашающее и враждебное, какъ міръ, утратившій вѣру и любовь къ своему создателю. Авторъ запрещалъ себѣ малѣйшую симпатію, а потому и въ насъ она не вызывается, какъ вызывается сочиненіями Готфрида Келлера, вѣрные глаза котораго смотрятъ на насъ черезъ каждое его произведеніе. За идеей искусства Флобера скрывалось цѣлое міросозерцаніе, которое, подобно шопенгауэровскому, выросло изъ глубочайшаго пессимизма въ основное положеніе равнодушнаго «безучастнаго» созерцанія явленій, міросозерцаніе, которое, подобно контовской философіи, было достаточно велико и мужественно, чтобы выносить жизнь безъ метафизики. Въ Флоберѣ выразился художественный принципъ эпохи естественныхъ наукъ.

Мюссе, Ламартинъ, даже Викторъ Гюго имѣли свои корни въ первой половинѣ вѣка. Во всякомъ случаѣ, Викторъ Гюго не упускалъ случая воспринимать художественныя теченія новаго времени; онъ былъ и въ художественномъ смыслѣ большимъ скитальцемъ. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ го-

дахъ мы еще видимъ его труды, принадлежащіе къ числу наилучшихъ изъ его произведеній. Довольно легкое изгнаніе дало ему матеріалъ для его девяносто-восьми пышныхъ лирическихъ сатиръ «Châtiments» 1853 г. Въ 1856 г. появился его многообразный лирическій дневникъ «Contemplations», въ 1859 г. лирическій эпосъ «Légende des siècles», соціально-философскій символъ вѣры, въ которомъ онъ проповѣдуетъ въ формѣ всемірно-историческихъ сценъ ненависть къ престолу и духовенству, любовь къ народу. Въ 1862 г. появился его соціальный романъ «Les Misérables» въ десяти томахъ.

Викторъ Гюго былъ блестящимъ послѣдователемъ новаго художественнаго принципа; если Флобера восхищали у Гюго романтическое чувство и романтическое воображеніе, то, какъ реалистъ, Гюго былъ геніальнымъ ученикомъ, а не творцомъ новой эпохи. Даже въ своихъ «Отверженныхъ» Гюго остается романтикомъ, лирикомъ, символистомъ, разсуждающимъ соціалъ-философомъ. По сравненію съ удивительнымъ самоподавленіемъ своей личности у Флобера, «Отверженные» представляютъ собой вполнѣ личный, далеко не всегда выдержанный тенденціозный романъ. Соціальная философія Виктора Гюго слишкомъ патетична, слишкомъ лирична, слишкомъ спекулятивна, чтобы быть объективной. Противоположность между сытымъ, эгоистичнымъ буржуа и придавленнымъ, но добродѣтельнымъ пролетаріемъ представляетъ собой результатъ агитаціоннаго, субъективнаго паѳоса и вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Не легко опредѣлить позицію Жоржъ Зандъ въ исторіи художественной литературы. Въ ней отражались художественныя теченія времени, но ни въ какомъ отношеніи она не была оригинальной.

Жоржъ Зандъ выступила въ цѣломъ рядѣ романтическихъ романовъ за эмансипацію любви, за освобожденіе отъ бѣдствій несчастнаго брака. Ея соціалистическое увлеченіе было не менѣе романтично, нежели моральная философія. Не имѣя яснаго представленія объ истинныхъ двигателяхъ соціальной жизни, она была поклонницей наивнаго соціализма, который по своему происхожденію былъ ни чѣмъ инымъ, какъ сентиментальной филантропіей. Несравненно больше художественности мы находимъ у Мюрже, братьевъ Гонкуровъ и Альфонса Додэ. «Богема» представляетъ собой одинъ изъ интереснѣйшихъ культурно-историческихъ документовъ XIX вѣка. Конечно, самая непринужденность юмора парижской цыганщины теперь уже не сохранила прежней чистоты; Мейеръ-Грефе правъ, говоря, что у города Парижа черезчуръ много любовниковъ. Ибо Парижъ нынѣ является своего рода искусствомъ, въ которомъ можно быть такимъ же дилетантомъ, какъ въ живописи или поэзіи. Богема стала знающей. Но что же такое богема? Серьезное явленіе съ веселой внѣшностью.

«Цыгане знаютъ все и бываютъ всюду, смотря по тому, носятъ ли они лакированные или рваные сапоги. Сегодня мы видимъ цыгана въ граціозной позѣ у камина въ высшемъ свѣтѣ, завтра встрѣчаемъ его за столикомъ подъ зеленой бесѣдкой танцовальнаго трактира. Цыганъ не сдѣлаетъ десяти шаговъ по бульвару, чтобы не встрѣтить пріятеля, и вообще не сдѣ-

лаетъ гдѣ-либо тридцати шаговъ, чтобы не наткнуться на кредитора. Словарь богемы—адъ реторики и рай неологизмовъ. Жизнь, полная терпѣнія и мужества, въ которой можно бороться съ успѣхомъ, только вооружившись панцыремъ равнодушія противъ глупцовъ и завистниковъ, въ которой нужно, во избѣжаніе споткнуться, ни на минуту не терять самоувѣренности,—жизнь очаровательная и все же отчаянная, въ которой встрѣчаются свои побѣдители и свои мученики, и которой только тотъ можетъ себя посвятить, кто напередъ рѣшился подчиниться неумолимому закону—«горе побѣжденнымъ!» Въ «Богемѣ» нѣтъ никакой фабулы,—это просто рядъ эскизовъ, никакого вымысла. Несмотря на свою художественную оригинальность, у нея нѣтъ ни малѣйшей артистической претензіи. Это исповѣданіе непринужденности.

Иное дѣло Гонкуры. Они стоятъ на почвѣ эстетической программы, которая, повидимому, заходила даже дальше Флобера. Сами себя они считали основателями литературнаго натурализма. Въ своемъ стремленіи развить въ своихъ романахъ величайшую непосредственность наблюденія они схватывали сцены повседневной жизни съ терпѣніемъ и усердіемъ моментальныхъ фотографовъ. Строго говоря, ихъ романы представляютъ собой репортажъ, собраніе замѣтокъ; но это собраніе замѣтокъ составлено такъ искусно, что непредубѣжденному глазу оно представляется органическимъ цѣлымъ. Естественно, что такая литературная техника допускала общую работу. Гонкуры отличались тѣмъ предпочтеніемъ къ психопатіи смертельныхъ больныхъ, которое было вообще свойственно ихъ эпохѣ. Вспомнимъ Эмму Бовари, Маргариту Готье, Базарова. Все значеніе «Renée Mauperin» заключается въ изображеніи послѣдовательнаго паденія. Неуклонность главной линіи не была нарушена рѣдкой полнотой эпизодическихъ частностей. Какъ знаменитый аббатъ Бламиуа, этотъ законченный культур о-историческій типъ свѣтскаго парижскаго священника временъ имперіи, безусловно идетъ къ дѣлу, такъ, конечно, каждая, полная юмора, глава, въ которой мы съ нимъ знакомимся, доставляетъ наслажденіе сама по себѣ. Сколько культурной исторіи Парижа вообще скрыто въ этой книгѣ! Здѣсь мы находимъ представителей почти всѣхъ культурно-историческихъ типовъ.

Альфонсъ Додэ—кому это имя не напоминаетъ переживаній его юности? Въ 1868 г. появилась его «La petite chose»; безъ преувеличенія ее можно поставить рядомъ съ «Давидомъ Копперфильдомъ», рядомъ съ первой частью «Grüner Heinrich» и съ «Hungerpastor». Литературное мѣсто Додэ, при всей теплотѣ его юмора, все-таки лежитъ въ сферѣ вліянія Золя. Додэ также усвоилъ натуралистическую технику въ работѣ, и онъ носилъ съ собой книжку для записокъ, въ которую имѣлъ обыкновеніе вносить свои наблюденія.

Эмиль Золя выступилъ съ своими первыми произведеніями еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; въ 1864 г. появились «Contes à Ninon», въ 1867 г.—«Thérèse Raquin». Его теорія всѣмъ извѣстна. Онъ развивалъ художественно-философскую доктрину Ипполита Тэна, который теоретически формулировалъ программу литературнаго натурализма въ критическихъ изслѣдованіяхъ по исторіи литературы и философіи искусства. Какъ философъ, Тэнъ

находился подъ вліяніемъ Конта и англійскаго психологизма. Изъ его рѣзко выраженной натуралистической системы вытекали тѣ практическія литературныя послѣдствія, которыя характеризуютъ французскій романъ со времени появленія «Мадамъ Бовари» и въ особенности «Renée Mauperin», т.-е. его ученіе о научномъ романѣ, который слагается «изъ мелкихъ, важныхъ, значительныхъ отдѣльныхъ фактовъ, тщательно схваченныхъ со всѣми ихъ обстоятельствами», и который «долженъ давать настоящему то самое, что историкъ даетъ прошлому». Такъ опредѣлилъ Тэнъ въ своемъ сочиненіи «De l'intelligence» въ 1870 г. задачу литературнаго искусства.

Циклъ романовъ «Rougon-Macquart» Золя, хотя по своему матеріалу находится въ связи съ культурой второй имперіи, былъ законченъ лишь въ 1893 г. и, какъ всѣ произведенія Золя, принадлежитъ недавнему прошлому. Наклонность къ дифференцированному наблюденію была совершенно понятна въ эпоху, когда господствовали спеціальные научные труды. Натуралистическій современный духъ былъ также присущъ и сочиненіямъ Теофиля Готье и Шарля Бодлэра,—если говорить лишь о великихъ «парнассцахъ»,—хотя оба эти поэта и обнаруживали аристократическую сдержанность. Теофиль Готье былъ драгоцѣнной натурой. Онъ доводилъ свою ненависть ко всему банальному, къ буржуа до аффектаціи и очень любилъ демонстрировать свой суверенитетъ неслыханными туалетами. Эти внѣшнія черты объясняются удивительной внутренней неувѣренностью, благодаря которой онъ былъ неспособенъ реагировать не искусственнымъ, примитивнымъ образомъ; Готье никогда не могъ воспринимать естественные мотивы съ лирической непосредственностью. Подъ вліяніемъ своеобразнаго давленія, которое на него производилъ въ высшей степени дифференцированный личный вкусъ, онъ долженъ былъ стилизировать на опредѣленной культурно-исторической маскѣ каждое явленіе, каждое впечатлѣніе. Онъ никогда не смотрѣлъ собственными глазами; онъ смотрѣлъ глазами Ватто, Цурбарана, Рибейра,—то такъ, то иначе, но никогда не своими глазами, а всегда чужими. Онъ видѣлъ картины, а не реальность. Поэзія Бодлэра жила цѣликомъ въ атмосферѣ смерти; и она настолько была порожденіемъ времени, что и эту атмосферу онъ разукрашивалъ съ научной тщательностью. Бодлэръ, конечно, благодаря изысканности формъ, въ которыя онъ облекаетъ ужасное, такъ благороденъ, ясенъ, спокоенъ, что никогда не можетъ подѣйствовать грубо.

Французскій театръ былъ выведенъ еще Скрибомъ и несравненно выше его стоявшимъ Мюссе на тотъ путь, по которому онъ шелъ во время имперіи. Не болѣе трехъ, четырехъ, пяти именъ властвовали на сценѣ при Наполеонѣ III: Дюма-сынъ, Ожье, Сандо, Понсаръ, этотъ поэтъ-мѣщанинъ, и Викторьенъ Сарду. Широкое мѣсто досталось также авторамъ оперетокъ Мельяку и Галеви и водевилисту Лабишу.

Когда говорятъ о театрѣ временъ второй имперіи, невольно вспоминаются двѣ пьесы: «Demimonde» и «La dame aux camélias». Обѣ онѣ создали историческіе бытовые типы, если угодно, историческіе бытовые шаблоны, принадлежавшіе имперіи, притомъ съ виртуозностью въ отношеніи наблюда-

11. Ученица Институтъ . . . . . 54. Чтеніе Гоголя . . . . . 38. Шкура убитаго медвѣдя . . . . . .
10. Гимназистъ Институтъ отдѣлъ . . . . 55. Отдѣлъ дѣвочекъ . . . . . 39. Отдѣлъ Институтъ пѣнія . . . . . .
[illegible] и «Что Грохотъ» . . . . 55. Пѣтъ Рѣчка . . . . . отдѣлъ . . . . . .
[illegible] . . . . . 57. Чтеніе Гоголя . . . . . 40. Шкура убитаго медвѣдя . . . . . .
[illegible] . . . . . 58. А. Чистяковъ . . . . . 41. Гимназистъ . . . . . .
[illegible] . . . . . 59. [illegible] . . . . . 42. [illegible] . . . . . .
[illegible] . . . . . 60. [illegible] . . . . . 43. [illegible] . . . . . .
[illegible] . . . . . 61. [illegible] . . . . . 44. [illegible] . . . . . .
[illegible] . . . . .

1. Де Лапомерэ, театральный рецензентъ газ. «La France».
2. Эмиль Зола.
3. Альбертъ Вольфъ, редакторъ художественнаго отдѣла въ газетѣ «Le Figaro».
4. Альфонсъ Доде.
5. Анри де Борнье, драматургъ.
6. Шарль Гуно, композиторъ.
7. Авр. Дрейфусъ, драматургъ.
8. Арманъ Сильвестръ, писатель.
9. Анри Фукье, изд. газетъ «Le Petit Parisien» и «Le Siècle».
10. Галанцеръ, директоръ оперы.
11. Эрнестъ Мейссонье.
12. Жоржъ Оне.
13. Франшекъ Сарсэ, театральный критикъ газетъ «Le Temps» и «Le Siècle».
14. Эдм. де Гонкуръ.
15. Жанъ Экаръ, писатель.
16. Жанъ Ришпенъ.
17. Эрнестъ Ренанъ.
18. Викторъ Шербюлье, писатель.
19. Андре Тэріе, писатель.
20. А. Антуанъ, директоръ театра.
21. Ам. Дюкенель, историкъ литературы.
22. Поль Бурже.
23. Октавъ Фейлле, писатель.
24. Людовикъ Галеви.
25. Александръ Дюма-сынъ.
26. Эмиль Ожье.
27. Франсуа Коппе.
28. Арс. Гуссэ, писатель.
29. Жюль Леметръ.
30. Теодоръ де Банвиль, писатель.
31. Эдуардъ Тьерри, директоръ «Comédie Française».
32. Жюль Кларети.
33. Викторьенъ Сарду.
34. Шарль Гарнье, архитекторъ парижской оперы.
35. Эдуардъ Пайлеронъ, поэтъ.
36. Шарль Дусэ, драматургъ.

АНТРАКТЪ ВЪ ТЕАТРѢ «ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДІЯ».

Съ картины Эд. Дантанъ.

тельности и драматическаго веденія діалога, дѣйствующими съ неотразимой силой. Почему не быть интересной даже и той части человѣчества, которая и въ трагическомъ бываетъ насквозь надушена? Гдѣ можно найти во всей сценической литературѣ такую пикантную находчивость въ разговорѣ, какой достигъ Дюма, и которую притомъ можно изучить только въ Парижѣ, ибо она предполагаетъ ту дифференцированную реторическую культуру языка, ту культуру языка элегантныхъ общихъ мѣстъ, ту изысканную стилистическую условность, которая свойственна однимъ лишь парижанамъ? Все эстетическое значеніе пьесы заключается въ прелести разговора. Фабула страдаетъ искусственностью. Но именно въ этомъ—ея особый стиль. Изъ пьесъ Ожье особенно выдаются «Les lionnes pauvres» и «Le gendre de monsieur Poirier». Вся соль «Зятя господина Пуарье» заключается въ забавной противоположности между въ высшей степени феодальнымъ маркизомъ Прелемъ,—который будто бы можетъ служить только древней династіи и, однако, съ юнкерской наивностью проѣдаетъ состояніе своей жены,—и выскочкой Пуарье, который, несмотря на всѣ свои буржуазныя тирады, только и мечтаетъ о томъ, чтобы зять сдѣлалъ его пэромъ Франціи. Между ними въ видѣ милой символистики вставлена очаровательная дочь стараго буржуа, которая восхищается благородными традиціями «стараго режима» и своимъ душевнымъ изяществомъ устраняетъ соціальное треніе. Вся пьеса написана не безъ всемірно-историческаго юмора и по своему реализму стоитъ выше соціальнаго паѳоса Жоржъ Зандъ. Своими «Бѣдными львицами» Ожье вступилъ въ собственную сферу той эпохи. Типическая адюльтерная драма. Бездушная и безсердечная женщина обманываетъ своего мужа-старика съ молодымъ пріятелемъ его, но не въ силу глубокой любовной страсти, но исключительно изъ суетной потребности въ прекрасныхъ перьяхъ, которыя оплачиваетъ ея любовникъ.

О Викторьенѣ Сарду сложилось слишкомъ высокое мнѣніе. Онъ артистъ—и ничего болѣе. «Въ немъ чувствуется ремесленникъ, который спекулируетъ интеллектуальной и моральной банальностью своей публики, не имѣя никакой цѣли, кромѣ ста и двухсотъ полныхъ сборовъ». Этотъ отзывъ Лансона рѣзокъ, но справедливъ. Зудерманъ стоитъ выше Сарду, хотя бы онъ многое отъ него заимствовалъ. Гораздо симпатичнѣе незамаскированные либреттисты: Лабишъ, Мельякъ и Галеви; они открыто культивировали прелесть нереальнаго. Наиболѣе безотрадное впечатлѣніе производитъ литературный Фальстафъ, который носилъ имя Понсара и охотно стилизировался бы въ Мольера новаго roi soleil.

Какъ ни оригинально развивалась русская литература XIX вѣка, во всякомъ случаѣ она была бы немыслима безъ психологически-техническихъ предпосылокъ французской литературы. «Вся литература временъ императора Николая I,—писалъ Гонеггеръ въ своей исторіи русской культуры,—была оппозиціонной, непрерывнымъ протестомъ противъ того правительства, которое попирало всѣ человѣческія права. Во всѣхъ формахъ, даже въ смѣхѣ и пѣсняхъ, она стремилась подрывать и разрушать основы. Задавленная въ

прессѣ, она взбиралась на университетскія каѳедры; преслѣдуемая въ видѣ поэзіи, она продолжала свое дѣло въ видѣ курса естествовѣдѣнія; не имѣя возможности появляться въ напечатанномъ видѣ, она циркулировала въ рукописномъ; и, наконецъ, совершенно задавленная у себя на родинѣ, она переселилась на чужбину и отсюда все-таки проникала въ Россію. Тенденція выражалась даже въ молчаніи, и духъ протеста проникалъ черезъ стѣны и башни въ дортуары женскихъ институтовъ, въ военныя залы кадетскихъ корпусовъ и даже въ богословскія камеры семинарій; всѣ эти учрежденія упивались запрещеннымъ чтеніемъ, и выраставшее въ то время поколѣніе вылилось отчасти въ позднѣйшій «нигилизмъ», какъ его изобразилъ Тургеневъ въ романѣ «Отцы и Дѣти».

Русское самодержавіе пышно взрастило специфическій русскій пессимизмъ: оно систематически вызывало то міросозерцаніе, которое и безъ того господствовало въ интеллектуальной жизни Европы. Русская литература дала въ высшей степени цѣнныя произведенія, какъ лирическія, такъ и эпическія. Русскій театръ имѣлъ небольшое значеніе. Заслуживаетъ упоминанія, однако, Островскій, огромный талантъ котораго не подлежитъ сомнѣнію. Повидимому, драматическаго дарованія не можетъ быть у народа, который не въ состояніи освободиться отъ лирической тоски, мрачной рефлексіи и эпическихъ подробностей.

Реалистическія теченія обнаружились около середины столѣтія; они привели логически къ натуралистической теоріи искусства новѣйшаго времени. Герценъ, въ эпоху своего расцвѣта въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, былъ одной изъ тѣхъ личностей, о которыхъ больше всего говорили, которыхъ больше всего боялись, которыми больше всего восхищались въ Европѣ. Вся сила его заключалась въ политической публицистикѣ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ его «Колоколъ», газета, которую онъ издавалъ съ 1856 г. по 1865 г. въ своемъ лондонскомъ убѣжищѣ, была международной силой. Герценъ имѣлъ самыя невѣроятныя связи и сношенія; все, что гдѣ-либо въ Россіи происходило и заслуживало критики, неизбѣжно появлялось въ «Колоколѣ». Самъ императоръ Александръ II принадлежалъ къ тайнымъ читателямъ «Колокола». Ему можно было позавидовать, такъ какъ онъ—не по примѣру большей части монарховъ Европы—узнавалъ незамаскированную правду къ своему благу.

Виссаріонъ Бѣлинскій, студентъ, исключенный изъ университета «за неспособность и лѣнь», за свою 35-лѣтнюю жизнь сыгралъ въ русской литературѣ роль, которая дала ему право на почетный титулъ русскаго Лессинга. И онъ также не могъ успокоиться на эстетической критикѣ; онъ страстно защищалъ мысль, что будущность русской національной литературы зависитъ отъ низверженія абсолютизма, и потому не могъ отдѣлаться отъ политической тенденціи. Для исторіи литературы, исходящей изъ культурно-исторической точки зрѣнія, Бѣлинскій, конечно, важнѣе, нежели, скажемъ, современный ему французъ Сенъ-Бевъ, никогда не выступавшій изъ сферы своихъ любимыхъ эстетико-психологическихъ разсужденій на свѣжій воздухъ великаго общественнаго движенія. Центромъ радикальнаго настроенія въ концѣ 50-хъ годовъ становится жур-

налъ «Современникъ», въ лицѣ главныхъ своихъ теоретиковъ, Добролюбова и Чернышевскаго. Какъ критикъ и эстетикъ, Чернышевскій выдвинулъ теорію подчиненія искусства требованіямъ жизни; Добролюбовъ былъ основателемъ публицистической критики: съ него начинается та полоса русской критики, когда литературное произведеніе оцѣнивается прежде всего какъ факторъ прогресса или регресса. Въ началѣ 60-хъ годовъ, рядомъ съ серьезнымъ и вдумчивымъ радикализмомъ «Современника», на сцену выступилъ кричащій и поверхностный радикализмъ журнала «Русское Слово». Представителемъ, причемъ очень талантливымъ, этого радикализма былъ Писаревъ.

Тургеневъ не мало былъ обязанъ Бѣлинскому началомъ своей литературной славы. Его слѣдуетъ считать величайшимъ изъ русскихъ художниковъ въ литературѣ послѣ Пушкина, считающагося родоначальникомъ современной русской литературы. Благодаря философскому и историческому образованію, которое онъ получилъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Берлинѣ, Тургеневъ стоялъ въ сторонѣ отъ стремленій славянофиловъ, консервативныхъ носителей специфически-русской романтики. Онъ былъ вѣрнымъ сыномъ своей родины; но онъ ожидалъ спасенія для Россіи не отъ культурнаго обособленія ея, а отъ систематическаго насажденія въ ней западныхъ учрежденій и воззрѣній. Его сочиненія, по сравненію съ произведеніями Достоевскаго, имѣютъ болѣе мягкій уравновѣшенный въ художественномъ смыслѣ характеръ; они, если можно такъ выразиться, болѣе цивилизованы. Тургеневъ не могъ отречься отъ Парижа и Баденъ-Бадена. По своимъ темамъ его произведенія, какъ и вообще вся русская литература, были посвящены культурнымъ и психологическимъ проблемамъ, которыя въ изобиліи ставились въ Россіи. Со стороны художественной Тургенева справедливо сравнивали съ Гейзе; дѣйствительно, имъ обоимъ присущъ нѣкоторый примирительный тонъ, которымъ и опредѣляется ихъ художественная натура.

Подобно Тургеневу, Ѳедоръ Достоевскій, который былъ лишь немного моложе, принадлежалъ къ кружку Бѣлинскаго. Его біографія въ высшей степени характерна. Даже болѣе умѣренный Тургеневъ не обошелся безъ тюремнаго заключенія. Достоевскій, одно время сочувствовавшій политическому радикализму, провелъ много лѣтъ въ Сибири на каторгѣ и на военной службѣ рядовымъ. Важнѣйшими и пользующимися наибольшей извѣстностью произведеніями Достоевскаго являются по справедливости «Записки изъ мертваго дома» (1862), составленныя по сибирскимъ воспоминаніямъ, и знаменитый романъ «Преступленіе и наказаніе» (1867), несомнѣнно лучшій изъ его романовъ и одно изъ крупнѣйшихъ произведеній XIX вѣка. Однако, онъ страдаетъ небрежностью формы, растянутостью и отсутствіемъ гармоніи въ построеніи частей; по своей психологической широтѣ романъ этотъ невыносимъ и въ то же время производитъ захватывающее дѣйствіе. Герой романа— студентъ, котораго нужда наталкиваетъ на мысль объ убійствѣ съ цѣлью грабежа; постепенно самое убійство становится у него самодовлѣющей цѣлью, какъ способъ испытанія своей нравственной силы. По своимъ подробностямъ это чисто-русская проблема романа, по содержанію же ее можно признать общечеловѣческой.

Графъ Влад. Соллогубъ, высокопоставленный чиновникъ, также стоялъ близко къ литературной группѣ Бѣлинскаго. Главное его произведеніе «Тарантасъ», который посвященъ общеизвѣстному несоотвѣтствію между патріархальностью и высшимъ образованіемъ, появилось еще въ 1845 г.; однако, вліяніе нѣкоторыхъ его произведеній, въ особенности пьесы «Чиновникъ», въ которой главный герой восклицаетъ, что «пришла пора вырвать зло съ корнемъ», относится къ эпохѣ Александра II. Салтыковъ, писавшій подъ псевдонимомъ Щедрина, былъ въ наказаніе переведенъ на государственную службу въ Вятку, гдѣ былъ одно время Герценъ. Въ 1857 г. появились его знаменитые «Губернскіе очерки». Злобой дня въ провинціи было взяточничество чиновниковъ, которое Салтыковъ безжалостно извлекъ на свѣтъ Божій, такъ что его называютъ родоначальникомъ такъ называемой «обличительной» литературы, характерной для эпохи послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая и первыхъ Александра II. Въ нѣкоторой литературной связи съ Салтыковымъ стоитъ Алексѣй Писемскій. Онъ также является художникомъ странной чиновничьей культуры. Въ его главномъ романѣ «Тысяча душъ» (1865) разсказывается исторія человѣка, сначала безупречнаго, который при помощи нечистыхъ средствъ, — средствъ, однако, общеупотребительныхъ въ его кругѣ, — составляетъ себѣ карьеру съ цѣлью насажденія правового порядка въ управленіи. Кончается дѣло разрывомъ съ сослуживцами, которые являются противниками новшествъ, и герой погружается въ пессимистическій laisser faire. Колоссальный успѣхъ имѣлъ романъ «Обломовъ» Гончарова, появившійся въ 1859 г.; «обломовщиной» объясняли всѣ недостатки дореформенной Россіи, и хотя Гончаровъ по своему характеру и таланту не былъ проповѣдникомъ, борцомъ, однако, благодаря статьѣ Добролюбова, «Что такое обломовщина?», этотъ писатель-художникъ пріобрѣлъ большую популярность именно какъ обличитель, борецъ. Изъ извѣстныхъ произведеній величайшаго русскаго писателя, графа Л. Н. Толстого въ разсматриваемый періодъ появился лишь романъ «Война и Миръ». Хотя Толстой сталъ обращать на себя вниманіе какъ «подающій большія надежды» писатель еще со времени севастопольскихъ разсказовъ, однако, до появленія въ 1875 г. статьи высокодаровитаго критика Н. Михайловскаго, «Десница и шуйца гр. Толстого», Толстой въ общемъ былъ еще мало извѣстенъ.

Не такъ, какъ на романтическомъ югѣ, который, помимо итальянскаго политическаго лирика Алеарди и писавшаго въ 60-хъ годахъ Джозуэ Кардуччи (его знаменитое стихотвореніе «A Satana» появилось въ 1865 г.), не могъ выставить особенно замѣчательныхъ талантовъ, начала пробуждаться новая литературная жизнь въ Скандинавіи. Въ разсматриваемое нами время писалъ свои романы датчанинъ Андерсенъ, по духу уже принадлежавшій къ реалистической школѣ. Но наиболѣе сильной толчокъ послѣдовалъ съ сѣвера. Тамъ писалъ свои мастерскія новеллы изъ крестьянской жизни Бьернсонъ; его произведенія были такъ же далеки отъ салонной буколики, какъ разсказы Готгельфа, Готфрида Келлера и Розеггера. Ибсенъ закончилъ драмой «Союзъ Молодежи» въ 1869 г. первую половину своихъ сочиненій. До этой пьесы

было восемь другихъ. Нельзя сказать, чтобы этой книгой Ибсенъ открылъ уже непосредственный переходъ къ новому направленію. Его литературное развитіе было непрерывнымъ; первыя драмы отличаются отъ послѣдующихъ только историческимъ сюжетомъ и предпочтеніемъ къ стихотворной формѣ. Но всякій, кто до извѣстной степени вникнетъ въ первыя пьесы, будь то «Катилина» или «Праздникъ на Сольгаугѣ», или даже въ болѣе позднія, найдетъ въ нихъ прообразъ психологической оріентировки ибсеновской драмы. Во всѣхъ пьесахъ Ибсена развитіе одинаково идетъ не изъ драматическаго ритма фабулы, но изъ внутренняго содержанія личностей и ихъ соціально-этическихъ конфликтовъ. И интересно слѣдующее: Ибсенъ заключилъ свое произведеніе искусства, какъ одно цѣлое, символическимъ обобщеніемъ—своей Иреной, а началъ его той фуріей, которая вырываетъ Катилину изъ гибельной эротики, чтобы съ демонической силой заставить его стремиться къ высокой цѣли смертоноснаго честолюбія. Но Ирена есть жалоба философскаго наблюдателя, утратившаго драгоцѣнную непосредственность чувства жизни.

Англія и въ области литературы не вполнѣ отказалась отъ своего островного характера. Натуралистическій принципъ долго не покорялъ британцевъ въ такой степени, какъ французовъ, русскихъ и скандинавцевъ. Но у нихъ встрѣчается нѣчто, что, въ концѣ концовъ, даже дороже самой серьезной натуралистической литературной разработки, это — юморъ, столь облегчающій нѣмцамъ пониманіе англійской литературы. Этотъ юморъ — лучшимъ и милѣйшимъ представителемъ его является Чарльсъ Диккенсъ — отличается не только высшимъ человѣческимъ, но и художественнымъ отношеніемъ къ вещамъ; это отношеніе непосредственно доступно пониманію и соотвѣтствуетъ народному духу въ глубокомъ смыслѣ слова. Вильямъ Теккерей, какъ и Диккенсъ, одной половиной своей жизни принадлежитъ предыдущей эпохѣ. Въ новую онъ вступилъ своей «Ярмаркой тщеславія», но эта эпоха, во всякомъ случаѣ, для Англіи далеко не имѣла того значенія, какъ для континента. Теккерей былъ отчасти Свифтъ, отчасти Диккенсъ. Легкій тонъ диккенсовскихъ разсказовъ у него незамѣтно превращался въ горькую сатиру; отъ Диккенса онъ отличался болѣе рѣзкой морализирующей тенденціей. Хотя сатира и юморъ отличаются другъ отъ друга, Теккерей въ пятидесятыхъ годахъ читалъ свои доклады объ англійскихъ юмористахъ XVIII вѣка, свидѣтельствующіе объ его духовной связи съ этой литературой. Историческіе романы, которые относятся къ позднѣйшимъ произведеніямъ Теккерея, являются отраженіемъ Вальтера Скотта и вообще менѣе интересны, нежели тѣ произведенія, которыя непосредственно вылились изъ его критическаго ума. Менѣе опредѣленный характеръ имѣли произведенія Эдварда Джорджа Бульвера-Литтона; его литературное прошлое относится къ двадцатымъ годамъ. Его дарованіе было не настолько велико, чтобы ему удавалось съ успѣхомъ обработать всѣ тѣ темы, какія онъ бралъ для своихъ литературныхъ произведеній. Романы его не свидѣтельствуютъ объ единствѣ направленія его художественной натуры, соціальныя сатиры въ «The new Timon» не оправдываются моральной необходимостью ихъ происхожденія. Въ политическомъ и

литературномъ отношеніяхъ онъ былъ слишкомъ непостояненъ, отличался больше умомъ, нежели характеромъ, больше наблюдательностью, чѣмъ человѣчностью—такова характеристика его личности. Почти противоположное можно было бы сказать о Чарльсѣ Кингслеѣ, замѣчательнѣйшей заслугой котораго было введеніе въ литературу христіанскаго соціализма. Его романъ «Alton Locke, tailor and poet» заслуживаетъ вниманія по своей почтенной тенденціи. Напротивъ, для Тенисона почти невозможно найти опредѣленное мѣсто въ исторіи; какъ поэтъ образованнаго общества, онъ довольствовался благородными лирическими обобщеніями, а его мелодичный, нѣжный, колоритный стихъ умѣлъ пользоваться красотой англійскаго языка.

Американская литература еще не выдѣлилась изъ англійской. Куперъ былъ тотъ же Скоттъ, только съ новыми мотивами; между «Слѣдопытомъ» и романами Скотта существуетъ основное художественное различіе, но они не представляютъ противоположности въ художественномъ отношеніи. Генри Лонгфелло съ большимъ остроуміемъ заимствовалъ свой литературный матеріалъ изъ нѣмецкихъ твореній. Его первые труды дышатъ духомъ нѣмецкой романтики. «Evangeline»—полное подобіе «Германа и Доротеи» Гете. «The golden Legend» почерпнута изъ нѣмецкой средневѣковой поэмы «Der arme Heinrich» Гартмана. Оригинальность знаменитой поэмы «Song of Hiawatha» основывается больше на матеріалѣ,—какъ извѣстно, «Song» представляетъ собой прощальную пѣснь къ вымирающимъ индѣйцамъ, — нежели на духѣ и формѣ. Во всякомъ случаѣ, характерной въ своемъ родѣ литературной личностью былъ Ральфъ Вальдо Эмерсонъ, который лишь въ послѣднее время началъ получать надлежащую оцѣнку. Эмерсонъ силенъ въ своихъ опытахъ, essay. Essay есть ходожественная форма философскаго релятивизма. Эмерсонъ говоритъ о себѣ: «Но чтобы никого не вводить въ заблужденіе, когда я слѣдую за своей головой и своими причудами, я хочу напомнить читателю, что я только дѣлаю опыты. Не придавайте ни малѣйшей цѣны тому, что я дѣлаю, и, съ другой стороны, не считайте того, чего я не дѣлаю, сколько-нибудь дискредитированнымъ, какъ-будто бы я стараюсь изобразить какую-либо вещь правдивой или ложной. Я дѣлаю всѣ вещи неопредѣленными и колеблющимися. Въ моихъ глазахъ нѣтъ ничего святого, ни нечестиваго. Я просто произвожу опыты, безконечно ищу, не имѣя за собой никакого прошлаго».

Для нѣмцевъ Томасъ Карлейль долженъ быть въ особенности дорогъ тѣмъ, что своимъ изученіемъ Гете онъ въ большей мѣрѣ, нежели кто-нибудь другой изъ англичанъ когда-либо, содѣйствовалъ установленію родства между англійской и нѣмецкой духовной жизнью. Въ эпоху «Молодой Германіи» германская литература на половину покинула художественные пути, проложенные Гете. Конечно, попрежнему восторгались единственной въ своемъ родѣ личностью Гете. Карлъ Гуцковъ, пророкъ новой нравственности, защищалъ отъ непріятнаго Вольфганга Менцеля свободу чувствъ; такимъ образомъ, онъ явился послѣдователемъ глубочайшей изъ идей Гете. Но молодая Германія желала «жить въ духѣ Гете» не въ смыслѣ Зомбарта; именно не политическій,—хотя относи-

тельно Гете вѣрнѣе, можетъ-быть, было бы сказать сверхполитическій,—характеръ его интересовъ составлялъ противоположность съ новой школой. Дѣйствительно, Гейне, Берне и затѣмъ Гервегъ, Гофманъ, Карлъ Бекъ, Анастазіусъ Грюнъ, Фрейлигратъ усердно работали въ политической жизни. Собственно Фрейлигратъ началъ свою дѣятельность отрицаніемъ политики. «Поэтъ стоитъ на болѣе высокомъ посту, чѣмъ на крѣпостныхъ зубцахъ партіи». Но его послѣдующія поэтическія произведенія признали ложность программы его юности. Онъ призналъ, что жизненная задача поэта, въ особенности въ эпоху страшныхъ политическихъ потрясеній, не исчерпывается восточной, богатой образами лирикой.

Почти всѣ политическіе поэты воспитались на подготовительныхъ волненіяхъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Литература пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ постепенно утратила специфическое направленіе предыдущаго періода,—по крайней мѣрѣ, политическую исключительность и непосредственность. Художественный реализмъ сдѣлался самодовлѣющей цѣлью; между реальностью и поэтомъ появился законъ художественнаго посредничества. Этотъ законъ заключался не въ потворствѣ эстетикѣ, но въ совершенно новомъ, элементарномъ художественномъ самоопредѣленіи. Дѣятельность Франца Грильпарцера въ цѣломъ принадлежитъ разсматриваемой эпохѣ, находившейся подъ господствомъ духа классическихъ преданій. «Bruderzwist im Hause Habsburg», гдѣ симпатично изображенъ размышляющій императоръ Рудольфъ II, «Die Jüdin von Toledo», психологія демонической женской еврейской души, которая удалась одному только Грильпарцеру, «Libussa», въ которой великолѣпно передаются миѳическія времена исторіи чешскаго народа,—всѣ эти произведенія увидали свѣтъ лишь съ случайнымъ опозданіемъ. Къ лучшимъ образцамъ болѣе старой нѣмецкой новеллистики принадлежалъ необыкновенно изящный «Arme Spielmann» 1848 г. Фридрихъ Геббель, какъ личность, былъ, безъ сомнѣнія, сильнѣе и самобытнѣе. Въ своемъ литературномъ кружкѣ онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Клейстъ въ своемъ; у него вообще съ нимъ было много общихъ чертъ. Прежде всего между ними было то общее, что оба исходили изъ своей личной душевной жизни. Къ нимъ подходитъ сравненіе Шекспира съ Ибсеномъ. Ихъ интересовала не неопредѣленность наиболѣе общихъ ощущеній, но индивидуальность наиболѣе спеціальныхъ душевныхъ движеній. Такимъ образомъ, ихъ драма менѣе стильна, нежели шиллеровская, въ ней нѣтъ той патетики, крупныхъ контуровъ, но несравненно больше реалистическаго рисунка, гораздо больше специфической психологіи. Наиболѣе зрѣлыя драматическія произведенія Геббеля написаны между 1848 и 1864 гг. Слѣдуетъ отмѣтить, въ какой степени конфликтъ въ «Herodes und Mariamne» основанъ на психологіи. Здѣсь мы имѣемъ двухъ людей, которые глубоко и страстно любятъ другъ друга, но изъ сдержанности—въ высшей степени соотвѣтствовавшей натурѣ Геббеля—не допускаютъ непосредственнаго сліянія своихъ ощущеній. Изъ индивидуальной судьбы «Agnes Bernauer» можно извлечь величайшую соціально-философскую мудрость. Въ послѣднее время сцену снова интересуетъ «Gyges und sein Ring». Современность любитъ темы, которыя

даютъ ей случай освоиться съ прелестной психологіей примитивныхъ натуръ. Вниманіе самого Геббеля было приковано этой задачей. Онъ былъ очень далекъ отъ намѣренія «написать историческую драму». Историческое явленіе берется имъ какъ психологическій феноменъ, и этимъ способомъ оно углубляется.

Захватывающее впечатлѣніе производитъ трагедія «Die Nibelungen», прекраснѣйшее во многихъ отношеніяхъ произведеніе нѣмецкой литературы. Къ лучшимъ изъ произведеній, принадлежащихъ Геббелю, относятся также теоретическія сочиненія между 1847 и 1850 гг.; статья о соотношеніи силы и познанія въ душѣ поэта представляетъ собой необходимѣйшій комментарій къ его художественнымъ произведеніямъ.

Помѣщать рядомъ съ Геббелемъ Отто Людвига вошло въ привычку. Въ этомъ сопоставленіи есть смыслъ. У обоихъ имѣется общая черта: нѣкоторое своеобразное жеманство, которое отражается на ихъ художественныхъ произведеніяхъ. Людвига мы знаемъ, главнымъ образомъ, по его «Erbförster»; это тяжелая фаталистическая драма, которая даетъ основаніе предполагать у автора тяжелое, страждущее, полное страха настроеніе духа. Въ своихъ романахъ и въ позднѣйшемъ разсказѣ «Zwischen Himmel und Erde» въ большей степени, нежели въ «Heitherethei», Людвигъ обнаруживаетъ высокую степень объективности, какую мы видимъ у Флобера. У него не было патетическаго взгляда на высокую миссію поэта; то, что онъ создавалъ, было по необходимости изображеніемъ собственныхъ душевныхъ переживаній.

Народился новый типъ поэтовъ, который пытался запечатлѣть свои душевныя переживанія, какъ можно ярче и выразительнѣе, со всевозможной точностью и реальностью, безъ всякаго претенціознаго «поэтическаго» краснорѣчія, не придавая значенія отжившему и по существу не выдерживающему критики различію между «прозаическимъ» и «поэтическимъ» стилемъ. Если угодно, это направленіе можно назвать реализмомъ. У величайшаго изъ германскихъ поэтовъ этого вѣка послѣ Гете Готфрида Келлера къ этому присоединялась тихая, исходившая изъ глубины души веселость, которая и составляетъ сущность реалистическаго юмора. Реалистическій юморъ былъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ въ Германіи наиболѣе ярко выраженнымъ художественнымъ принципомъ, представляя собой отрадную противоположность французскому натурализму. Наиболѣе блестящими представителями его были швейцарцы Іереміасъ Готгельфъ и Готфридъ Келлеръ, швабъ Мерике и брауншвейгецъ Вильгельмъ Раабе. Изъ разсказовъ Готгельфа, появившихся послѣ 1848 г., упомянемъ, какъ о лучшемъ,—«Uli der Pächter». Его можно было бы поставить съ незабвеннымъ поэтомъ луговъ, почтеннымъ прелатомъ въ Карлсруэ, Іоганомъ Петеромъ Гебелемъ. Готгельфъ, разумѣется, сильнѣе Гебеля какъ разсказчикъ. Готфридъ Келлеръ учился у Готгельфа. Онъ съ почтеніемъ отзывался о безыскуственномъ, совсѣмъ безсознательномъ творчествѣ Готгельфа. Тотъ, кому приходилось когда-либо восхищаться великолѣпной грубостью выраженія у Готфрида Келлера, напр., въ пѣснѣ іезуитовъ, тотъ сейчасъ пойметъ его естественное родство съ Готгельфомъ. Въ живописи онъ былъ недюжиннымъ талантомъ; во всякомъ

случаѣ, живопись служила ему пособіемъ въ чрезвычайно вѣрномъ наблюденіи оттѣнковъ, и это выгодно отражалось на его лирикѣ. Со времени появленія «Wilhelm Meister» германская нація не имѣла ни одного романа, который могъ бы сравниваться съ «Grüner Heinrich» (въ 1855 г.). Неутомимая потребность въ истинномъ самопознаніи настолько составляла исключительную сущность этого романа, что онъ затмевалъ художественную яркость, съ которой Келлеръ овладѣлъ богатствомъ и глубиной проблемы души въ своихъ «Leute von Seldwyla» (1856 и 1874 гг.) и даже въ своемъ наиболѣе законченномъ произведеніи «Sieben Legenden» (1872 г.) Эдуардъ Мерике выпустилъ лучшую изъ своихъ повеллъ: «Mozart auf der Reise nach Prag» уже въ зрѣломъ возрастѣ. Его «Das Stuttgarter Hutzelmännlein» съ очаровательной сказкой о прекрасной Лау постоянно будетъ имѣть лишь ограниченный кругъ почитателей.

Слава Вильгельма Раабе началась съ его «Chronik der Sperlingsgasse» въ 1857 г. Изъ прочихъ романовъ, вышедшихъ до 1871 г., извѣстность получилъ, главнымъ образомъ, «Hungerpastor» (1865 г.). Раабе не обладалъ ни здоровымъ настроеніемъ Готгельфа, ни художественной силой Келлера, ни даже лирической глубиной и изяществомъ Мерике. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нѣмецкой литературы. Въ своемъ «Hungerpastor» онъ не избѣгъ легкой сентиментальности. Онъ обладалъ мягкой натурой, симпатизировалъ захолустной жизни, слегка иронизируя надъ ней. Въ «Horacker», появившемся лишь въ 1871 г., онъ достигъ юмора, нѣсколько не соотвѣтствовавшаго его натурѣ.

При сравненіи съ этими тремя величинами Густавъ Фрейтагъ можетъ только потерять. Если же видѣть въ немъ представителя болѣе старой нѣмецкой профессорской культуры, то его можно признать поистинѣ отраднымъ явленіемъ. Счастливое соединеніе художественныхъ и научныхъ интересовъ, почти вовсе не свойственное нашей эпохѣ, тогда было само собой понятно. Припомнимъ «Предковъ». Съ какимъ художественнымъ чувствомъ изящнаго вели свои филологическія занятія Уландъ, Боденштедтъ и братья Гриммы! Даже «Журналисты», которыхъ обычно оцѣниваютъ, какъ совершенно независимое произведеніе искусства, пріобрѣтаютъ свое истинное значеніе лишь съ этой точки зрѣнія. Здѣсь слѣдуетъ назвать также Жозефа Виктора Шеффеля. Не за его эпосъ «Der Tromper von Säckingen», банальный по тону и по темѣ, и не за симпатичный романъ «Ekkehard», но за его болѣе зрѣлое произведеніе «Hugideo».

Въ заключеніе надо еще упомянуть о юмористической поэзіи на «Plattdütsch»-діалектѣ. Фрицъ Рейтеръ такъ понятенъ и близокъ нѣмцамъ, что его произведенія читаются ими безъ всякаго труда. Только Бушъ былъ въ состояніи сдѣлать спорной его популярность. Клаусъ Гротъ гораздо менѣе извѣстенъ южнымъ нѣмцамъ. Мало найдется стихотвореній такой силы, какъ его небольшое «Dat Dörp in Snee», начинающееся словами:

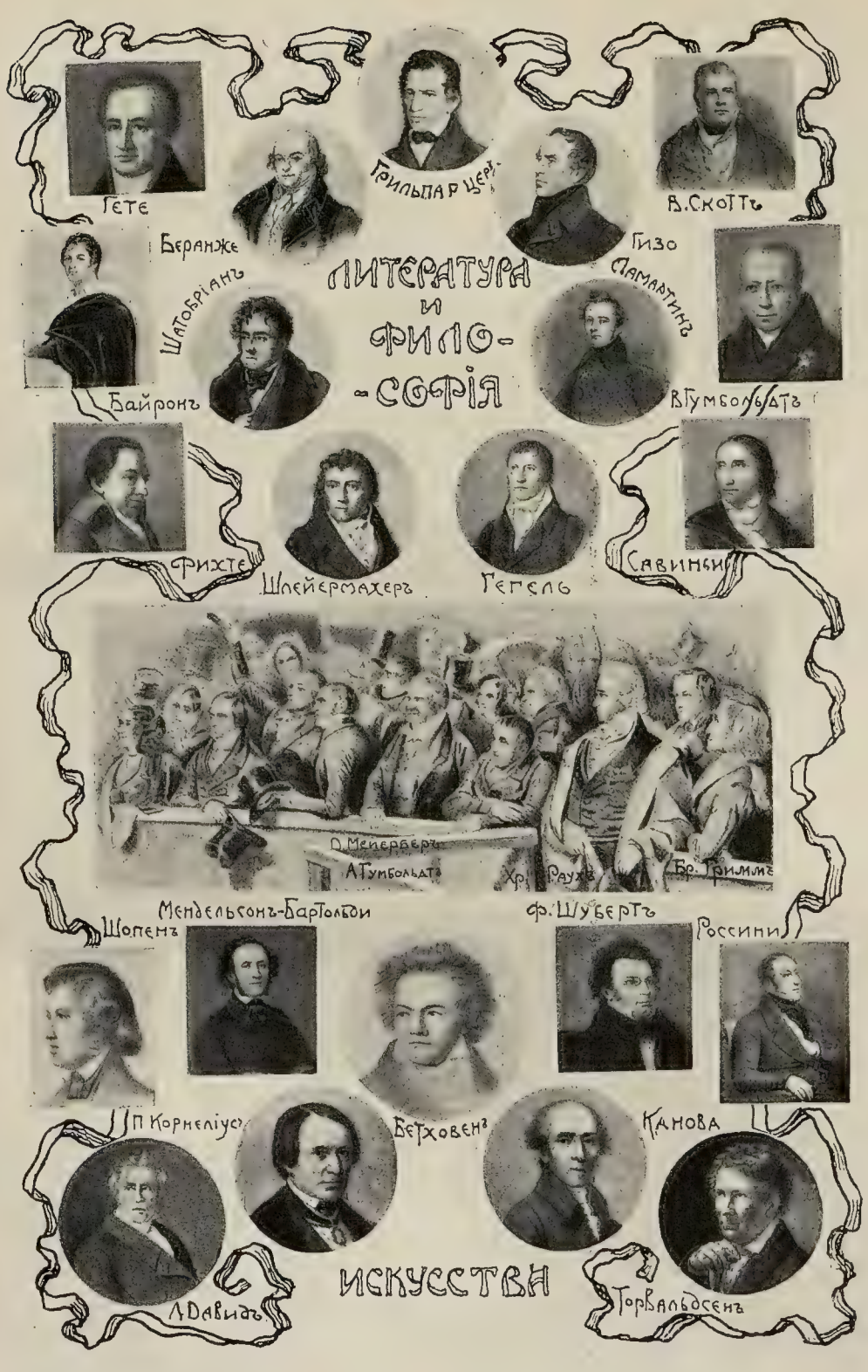
Still as ünnern warme Deck'
Ligt dat Dörp in witten Snee;
Mank de Ellern slöbt de Bek,
Ünnern is de blancke See...

Рѣзкую противоположность этимъ представителямъ поэтическаго реализма составляетъ кружокъ писателей, группировавшійся въ Мюнхенѣ вокругъ Эмануила Гейбеля какъ своего признаннаго вождя. Къ этому мюнхенскому кружку принадлежали, кромѣ Гейбеля, Боденштедта и Дингельштедта, писатели, которые не стѣснялись рамками прекраснаго формализма. Павелъ Гейзе, выступившій въ пятидесятыхъ годахъ съ своими первыми, въ своемъ родѣ образцовыми новеллами, выказалъ себя чрезвычайно живой натурой; Вильгельмъ Риль, написавшій чудную «Naturgeschichte des Volkes» и этимъ стяжавшій наряду съ Яковомъ Буркгардомъ славу безспорно остроумнѣйшаго историка нѣмецкой культуры, конечно, могъ бы придать мюнхенскому кружку болѣе выразительную физіономію, нежели Гейбель. Теодоръ Штормъ занималъ довольно изолированное положеніе въ литературѣ. Скорѣе всего его можно было бы сравнивать съ Мерике, но и то весьма условно. Рядомъ съ міромъ воспріятій Шторма чувственная жизнь Мерике представляется рѣзко мужскою. Дѣвичья чувствительность Шторма въ эпоху, когда величіе заключалось въ подавленіи сентиментальности, представляла собой довольно своеобразный, но популярный анахронизмъ.

До послѣдняго времени мало было обращено вниманія на Адальберта Штифтера. Въ настоящее время его уже, пожалуй, переоцѣниваютъ. Его чувство природы граничитъ съ искренней набожностью. Въ нѣмецкой литературѣ немногія книги могутъ похвалиться такой чистотой, какъ его новеллы. Удивительная цѣломудренность его настроеній напоминаетъ романтику; въ общемъ Штифтеръ былъ къ ней дѣйствительно ближе, чѣмъ къ реализму. Фридрихъ Шпильгагенъ отличался меньшей чуткостью, нежели Штормъ, но производилъ больше впечатлѣнія. Однако, его «Проблематическія натуры» все же носятъ нѣкоторый фельетонный характеръ. У Готфрида Келлера мы наслаждаемся каждой строкой. Шпильгагенъ и Фонтанъ часто дѣйствуютъ силой своего воспріятія и выраженія; но успѣхъ ихъ основанъ на впечатлѣніи всего романа какъ цѣлаго, а не на красотѣ подробностей. Этотъ фактъ явствуетъ уже изъ того, что Келлеръ съ самаго начала отказался отъ сложной фабулы; этого нельзя сказать ни о Гейзе, ни о Шпильгагенѣ.

На сценѣ, помимо драмъ и трагедій Геббеля, не появлялось ничего значительнаго. Бирхъ-Пфейферъ заслуживаетъ упоминанія только потому, что ея популярность характеризуетъ культурно-историческій уровень широкой публики. Родерихъ Бенедиксъ былъ не болѣе какъ веселый филистеръ. Такова именно оборотная сторона литературы той эпохи: тупость публики. Съ какимъ трудомъ Геббель боролся съ общественнымъ мнѣніемъ, прежде чѣмъ оно его признало! Какъ упорно Лаубе, несмотря на многія свои преимущества, преграждалъ ему дорогу именно изъ зависти къ нему. Нечего и говорить о критикѣ. Теорія эстетики даже такихъ писателей, какъ Морицъ Карьеръ и Фридрихъ-Теодоръ Фишеръ, наряду съ натуралистической рѣзкостью французской эстетики, казалась устарѣвшей.

Строго натуралистическая теорія искусства въ Германіи не имѣла послѣдователей и вызывала рѣшительныхъ противниковъ, какъ, напр., Виль-



Всемірная исторія.

гельма Іордана; его широкая натура не могла мириться съ рамками естественно-исторической реальности; даже въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ имѣлъ дѣло съ чисто-естественно-историческимъ матеріаломъ, какъ, напр., его космогоническій эпосъ «Demiurgos» (1854), его влекло къ рапсодическому тону, къ метафизическимъ догадкамъ.

Тѣмъ не менѣе, натурализмъ во французскомъ смыслѣ, сколько бы ни возражали противъ него, съ точки зрѣнія исторіи культуры все же былъ главнѣйшимъ литературнымъ событіемъ эпохи.

Новѣйшая Германія уже не могла болѣе избавиться отъ его вліянія.

20. Живопись и скульптура.

Если мы желаемъ уловить динамическую особенность новой эпохи, то классическая живопись, историческія, бытовыя картины, романтическія сцены окажутся внѣ сферы нашихъ наблюденій. Совершенно неважно, что классикъ позднѣйшей эпохи Энгръ, отличавшійся утонченнымъ чувствомъ формы и баснословной техникой рисунка, вплоть до 1867 г. писалъ то благочестивыя сцены, то портреты, то нагое женское тѣло, — все равно онъ принадлежалъ прошлому. Жеромъ, ученикъ Делароша, никогда не былъ ни серьезнымъ классикомъ, ни серьезнымъ жанристомъ. Его картины представляютъ условное выраженіе эротически возбужденной, совсѣмъ неоригинальной фантазіи. Оріентализмъ вошелъ въ моду. Пользовавшійся большой любовью Кабанель по своему духу стоялъ близко къ Жерому. По сравненію съ ними обоими «Одалиска» Энгра, «Римляне временъ упадка имперіи» Кутюра представляются цѣломудренными. Кутюръ, оригинальный колористъ, былъ больше чѣмъ faiseur и не напрасно былъ учителемъ Фейербаха и Манэ. «Vierge consolatrice» (1877 г.) Бугеро, дешевая смѣсь византійской стильности и драматической позы, до сихъ поръ представляется сентиментальнымъ молодымъ англичанкамъ гвоздемъ Люксембурга. Мейссонье, быть-можетъ, не такъ цѣнится за свои историческія картины, въ которыхъ обыкновенно восхваляютъ вѣрность портретовъ. Его маленькіе эскизы въ Луврѣ многимъ нравятся больше, нежели жанровыя миніатюры. Въ неоконченныхъ произведеніяхъ скорѣе сказывается искусство художника, ибо неоконченное является непосредственнымъ выраженіемъ того, какъ художникъ видитъ.

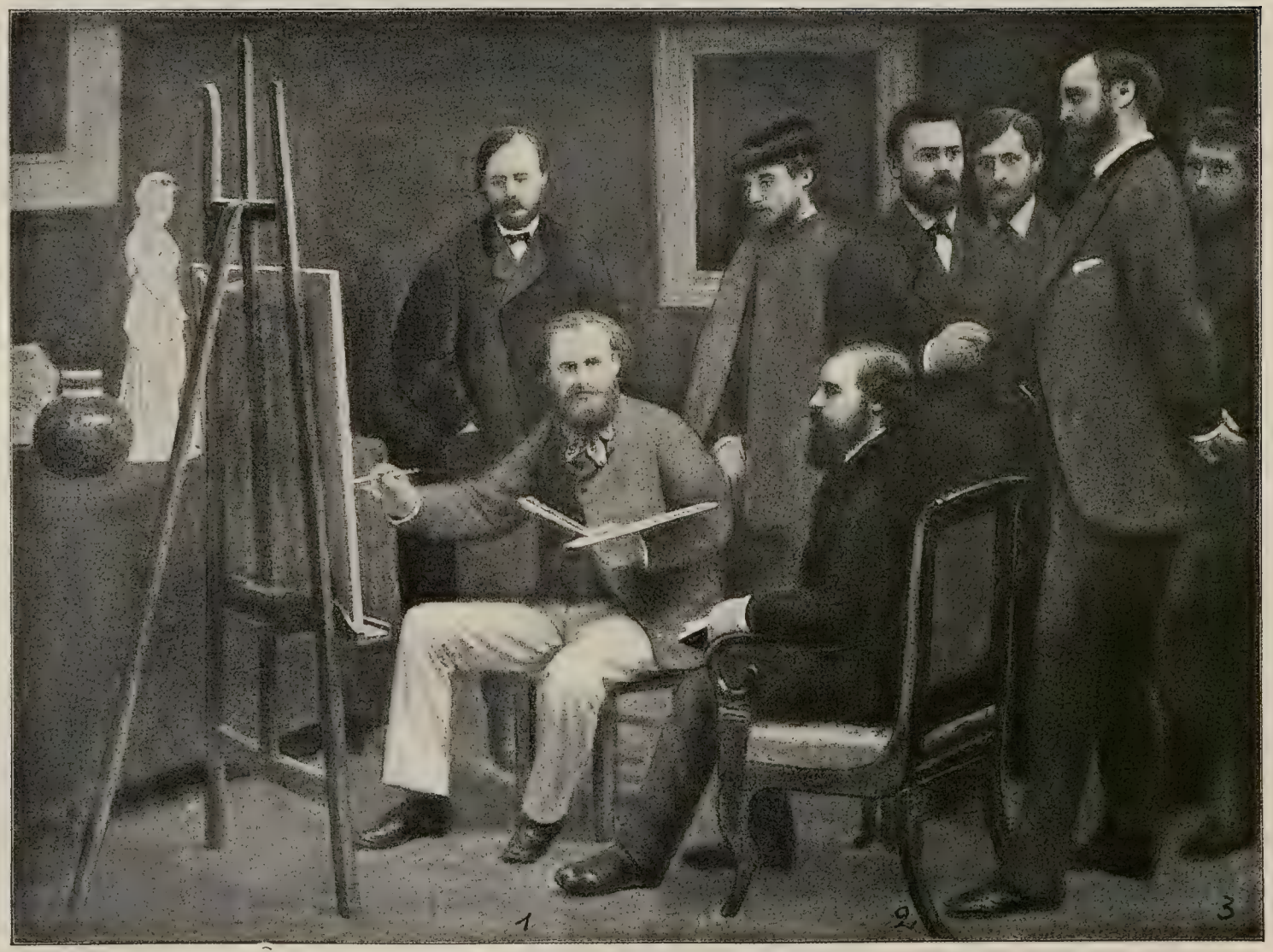
Вліяніе романтиковъ на новую эпоху было очень сильно, болѣе всего вліяніе геніальнаго Делакруа. Французская романтика была нѣчто иное, нежели нѣмецкая. Вспомнимъ его «Данте и Виргилій переѣзжаютъ на ладьѣ» или «Хіосскія убійства», а съ другой стороны «Рюбецаль» Швинда. Въ отношеніи темы романтика могла во Франціи характеризовать мѣру фантастическаго движенія или мѣру относительнаго богатства мысли; въ отношеніи же формы — большую смѣлость рисунка, болѣе страстную колоритность, почти венеціанскую технику, которая была свойственна Делакруа и составляла рѣзкую противоположность чистотѣ рисунка, мертвымъ краскамъ классической

школы. Настоящими новаторами были Курбэ и Манэ. Два имени, два этапа. Реализмъ въ живописи также не опредѣлялся одной только техникой. Именно у Гюстава Курбэ играла большую роль сознательная яркость темы. Когда онъ выступилъ, его пытались осадить той же фразой, которой въ свое время былъ встрѣченъ и Делакруа. «Le balai ivre»—пьяная кисть—снова появилась въ репертуарѣ художественной критики. Реализмъ Курбэ по своему происхожденію былъ, можно сказать, почти моральнымъ самочувствіемъ. По своей здоровой честности этотъ грубый мастеръ исключалъ всякое понятіе красоты въ краскахъ, формахъ, мотивахъ. Его задачей было поставить на мѣсто музыкальной красоты красокъ и декоративной драматичности, говоря короче, на мѣсто романтическаго ощущенія красоты голую дѣйствительность, жизненную прозу. Его рѣзкая, властная, мужицкая натура побуждала его къ тому быстрому, сжатому способу писанія, который былъ сущностью живописной техники того времени. Онъ писалъ съ инстинктивной увѣренностью работника. «Пламенный пролетарій» слѣдовалъ лишь одной заповѣди: «c'est dans le doigt qu'est la finesse» — тонкость находится въ пальцахъ. Манэ этого не сказалъ бы; конечно, тѣмъ менѣе онъ сталъ бы утверждать, что тонкость находится въ идеяхъ. Тамъ, гдѣ Манэ видѣлъ краску и атмосферу, Курбэ долженъ былъ ощупывать. Реализмъ Курбэ отразился прежде всего на формѣ.

Камиллъ Коро достигъ атмосферическаго единства между ландшафтомъ и фигурами. Но онъ, быть-можетъ, слишкомъ жертвовалъ фигурой; онъ пользовался ею въ смыслѣ традицій Пуссена, прибавивъ къ ней ландшафтъ какъ элементъ поэтическаго настроенія. Характерны самыя отношенія величинъ въ картинахъ; они напоминаютъ непосредственно Клода Лоррена. Въ сумеречныхъ ландшафтахъ, даже въ матовой пушистой зелени деревьевъ, чувствуется романтическое благоуханіе, подходящее къ нѣжной лирической натурѣ Коро. Собственно онъ не заслуживаетъ названія основателя французскаго пейзажа съ настроеніемъ. Рядомъ съ Коро нельзя забывать Жюля Дюпрэ, Шарля Добиньи, Теодора Руссо, трехъ чрезвычайно чуткихъ художниковъ, не менѣе удачно развивавшихъ типъ paysage intime.

Впрочемъ, французская пейзажная живопись не самобытна. Въ 1824 г. черезъ посредство Жерико, обладавшаго большой художественной проницательностью, въ первый разъ въ салонъ проникъ Дж. Констэбль. Его манера, основанная исключительно на красочной подвижности пейзажа, была цѣлымъ откровеніемъ. Делакруа и Жерико геніально усвоили англійскіе мотивы, не жертвуя имъ своими прежними темами. Подъ вліяніемъ англичанъ школа Фонтенебло вынесла свои мольберты подъ открытое небо. Тихая деревушка Барбизонъ, не обладая даже тѣнью архитектонической прелести нѣмецкой деревни, была въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ очевидцемъ расцвѣта своеобразнаго поколѣнія художниковъ. Весной одинъ изъ главныхъ представителей этой группы, Жанъ-Франсуа Милле, поселился въ Барбизонѣ, который давно уже былъ открытъ Нарциссомъ Діазомъ и Теодоромъ Руссо.

Милле можно въ нѣкоторомъ отношеніи сравнить съ Курбэ: художественная натура, проникнутая исключительно голой дѣйствительностью. По



Въ мастерской Эд. Манэ въ Батиньолѣ.
1—Эд. Манэ; 2—Эмиль Золя; 3—Клодъ Монэ.

внутреннему содержанію Милле не такъ рафинированъ, какъ Курбэ; реалистъ, но одухотворяющій. Въ то же время онъ весьма близокъ къ импрессіонизму.

Въ невзрачномъ домишкѣ созданы тѣ картины, которыя нынѣ извѣстны, къ сожалѣнію, лишь по репродукціямъ, большею частью плохимъ. Извѣстна его картина «Вечерній благовѣстъ», которою «украшали» всякаго рода дамскія бездѣлушки, шкатулки для перчатокъ, бонбоньерки; не менѣе извѣстны его озвѣрѣвшій полевой работникъ съ мотыкой, возмущавшій слабонервныхъ парижанъ, «Собирательница колосьевъ», наконецъ, «Сѣятель», въ которомъ столько реальнаго при всей его монументальности. Образцы, съ которыми можно бы сравнить крестьянскія картины Милле, имѣются въ нѣмецкихъ гравюрахъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ у Бастьенъ-Лепажа, Уде и Калькреута.

Единственная личность, которая можетъ быть поставлена наряду съ Милле, была Роза Бонеръ; она обладала чисто-мужской натурой и смотрѣла на крестьянскій бытъ безъ всякой сентиментальности. Лучшая ея картина «Волы въ Ниверне» написана въ 1849 г. и находится въ Люксембургѣ; она, конечно, стоитъ въ сторонѣ отъ современнаго ей развитія живописной техники. Роза Бонеръ съ настойчивымъ упрямствомъ держалась чистоты палитры. Ея манера была ничуть не слабѣе манеры Констана Тройона, который въ отношеніи ансамбля пейзажа слѣдовалъ, какъ сознательный адептъ школы, указаніямъ Дюпрэ. Въ 1863 г. жюри парижскаго салона вынуждено было открыть выставку отвергнутыхъ (salon des refusés), такъ какъ оно уже было не въ состояніи бороться съ натискомъ реалистической школы. Выставки отвергнутыхъ сдѣлались убѣжищемъ импрессіонистскаго направленія.

Что такое импрессіонизмъ? Техника характерныхъ линій, плоскостей, свѣта и тѣней, которые создаютъ впечатлѣніе движенія. Вспомните необыкновенную привлекательность революціонной сцены Домье съ свѣтлой рукой центральной фигуры и съ молодымъ революціонеромъ въ высокой шляпѣ; положеніе плечъ и рукъ Донъ-Кихота, спокойную тучность неуклюжаго Санчо-Пансы, позы Пьерро, освѣщеннаго рампой. Но схватываніе бѣглыхъ впечатлѣній движенія—лишь одна преувеличенная особенность этого искусства. Еще Диркъ Бутсъ зналъ, что воздушная перспектива вліяетъ на краску. Рембрандтъ открылъ проблемы живописи, вытекающія изъ яркаго освѣщенія. Импрессіонизмъ въ живописи открылъ атмосферу, флюидъ, который наполняетъ пространство между глазомъ, объектомъ и источникомъ свѣта и на тысячи ладовъ измѣняетъ, нюансируетъ, растворяетъ контуры, краски, тѣни, блики,—то, что вызываетъ въ зрительной картинѣ нервную вибрацію. «Завтракъ на травѣ» Мане, отъ котораго императорскій дворъ съ негодованіемъ отвернулся, какъ отъ «Fleurs du mal» Бодлэра, такъ какъ на этой картинѣ нагая женщина пируетъ съ мужчинами въ модныхъ костюмахъ; она сильно напоминаетъ Курбэ; фигуры еще выдѣлены изъ атмосферы. Клодъ Моне достигъ на картинѣ, сходной по темѣ, въ 1866 г. натуральнаго освѣщенія. Окончательная побѣда въ этомъ направленіи одержана Мане въ 1870 г. Его чудныя произведенія шестидесятыхъ годовъ, какъ мальчикъ со шпагою, казнь

императора Мексики Максимиліана, «За абсентомъ», «Олимпія» (въ Люксембургскомъ музеѣ) стоятъ на пути между чистымъ импрессіонизмомъ и великими образцами Веласкеза и Гойя-и-Лусіентеса, которые онъ изучалъ въ Испаніи.

Англія отличалась полной самостоятельностью въ пейзажѣ и портретѣ, и даже въ исторической живописи и въ жанрѣ. Мы уже говорили о рѣшающемъ вліяніи Констэбля на французовъ. Въ смыслѣ исторіи развитія натурализмъ прерафаэлитовъ мало противорѣчилъ импрессіонизму. Когда въ исторіи искусства стали отыскивать корни происхожденія оффиціальнаго понятія о красотѣ, то нашли, что Рафаэль былъ первый художникъ, который пожертвовалъ правдой въ пользу фиктивной, узкой идеи красоты. При дальнѣйшихъ изысканіяхъ оказалось, что художники эпохи до Рафаэля—кватроченто—достигли несравненно болѣе высокой художественной правды, нежели великій обобщатель Рафаэль, и традиціонная рафаэлевская манерность, въ теченіе вѣковъ шедшая по его стопамъ. Съ тѣмъ большей охотой вернулись назадъ къ Гоццоли, Боттичелли, что при этомъ оказывался удобный случай насладиться прелестью первобытнаго и возбудить самого себя, представителя значительно уже дифференцировавшагося человѣчества, въ блескѣ собственной наивности. Прерафаэлитизмъ въ лицѣ своихъ рѣшительныхъ послѣдователей представлялъ весьма пикантную страничку въ исторіи искусства; его парадоксальность, вообще говоря, соотвѣтствовала пресыщенности и утомленію этой эпохи.

Рескинъ проповѣдывалъ моральное обновленіе. Между тѣмъ едва ли къ кому-либо болѣе приложимы не особенно симпатичныя слова объ «эстетическомъ міровоззрѣніи», какъ именно къ нему и къ группѣ художниковъ, окружавшихъ его. Рескинъ сравнительно хорошо понималъ свое время. Онъ сознавалъ связь между народнымъ хозяйствомъ и искусствомъ и зналъ, что безъ нѣкоторой степени экономическаго благосостоянія націи никогда не будетъ достигнута общая эстетическая культура, которая остается цѣлью прогресса. Въ центрѣ братства стоялъ Данте Габріэль Россетти. По происхожденію своему онъ былъ итальянецъ и, слѣдовательно, католикъ. Такимъ образомъ произошла та сенсаціонная смѣсь, которая возникаетъ всюду, гдѣ романская культура скрещивается съ англо-саксонской. Россетти, навѣрно, понималъ это положеніе. Рисуя библейскіе сюжеты, онъ отпускалъ неприличныя остроты. Онъ соединялъ чувственное съ ужаснымъ. Россетти исчерпалъ крайнюю изъ всѣхъ сенсацій: возродить грѣхи, которые едва могло бы вмѣстить его сознаніе, и насладиться ими. Въ этомъ отношеніи онъ соприкасался съ извѣстными эксцентричностями средневѣковой культуры. Его живопись соотвѣтствовала его личной утонченности. «Его произведенія были не копіей съ натуры, но результатомъ литературно-эстетическаго чревоугодія, того эстетицизма, того влеченія къ самому тонкому, которое побуждаетъ выливать свои сверхъ-культурныя впечатлѣнія въ дѣтски-первобытныя формы».

Эдвардъ Бернъ-Джонсъ относился къ Россетти, «какъ пепелъ къ пламени». Бернъ-Джонсъ былъ не лишенъ темперамента; человѣкъ утончен-

ной и переутомленной аскезы. Художественное значеніе его заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ подчеркивалъ связь между изобразительными искусствами. Онъ даже проповѣдывалъ единство всѣхъ изобразительныхъ искусствъ. Бернъ-Джонсъ, бывшій теологъ, съ особенной любовью занимался декоративной церковной живописью на стеклѣ, перейдя, такимъ образомъ, къ новой отрасли художественнаго ремесла.

Россетти, Бернъ-Джонсъ, Броунъ работали непосредственно для Вильяма Морриса, регенератора художественнаго ремесла. Рескинъ воевалъ за Морриса. Вспомнимъ «Stones of Venice». Моррисъ былъ своеобразный человѣкъ: поэтъ, соціалистъ, демагогъ, живописецъ, ремесленникъ; въ 1861 г. онъ основалъ Morris Company, изъ которой вышли новыя художественно-ремесленныя теченія Англіи. Его школа давала то, чего требовала эпоха: она стилизировала, т.-е. выводила форму изъ матеріала и изъ практическаго назначенія ея, а такъ какъ при этомъ школа преслѣдовала въ художественномъ ремеслѣ прерафаэлитское направленіе, то получалось возрожденіе готическаго мотива въ конструкціи. Броунъ также принадлежалъ къ братству! Отчасти онъ предшествовалъ прерафаэлитамъ; Джонъ-Эверетъ Милле, напротивъ, уже переросъ братство. Милле баснословно рано сложился. Въ 16 лѣтъ онъ писалъ уже во всѣхъ стиляхъ. Въ этомъ почти безграничномъ умѣніи заключалась и опасная сторона. Конечно, онъ былъ правъ, говоря, что художникъ, который умѣетъ только рисовать, долженъ быть глупъ. Курбэ является поразительнымъ примѣромъ этой теоріи. Но Милле зашелъ слишкомъ далеко въ своей артистичности. Такимъ образомъ, естественно, его прерафаэлитская кисть интересовала его лишь временами. Самая принадлежность его къ братству была лишь эпизодомъ. Фредерикъ Уатсъ былъ діаметральной противоположностью блестящей виртуозности полуфранцуза и англійскаго джентльмэна. Милле никогда не рефлектировалъ. Онъ писалъ. Уатсъ хотѣлъ проповѣдывать. Онъ морализировалъ въ грубомъ смыслѣ слова. Нѣкоторая религіозность приближала его къ прерафаэлитамъ; къ самой школѣ онъ никогда формально не принадлежалъ. Въ искусствѣ Уатса обѣ стороны получаютъ удовлетвореніе: и та, которая ищетъ въ картинахъ этической символистики, мистическаго подъема, и та, которая желаетъ видѣть выдающіяся качества живописца.

Наряду съ французскими теченіями слѣдуетъ поставить бельгійскія. Ванперсъ, и еще болѣе историки Галлэ и Бьефе, рядомъ съ ними оріенталистъ и костюмеръ Портаельсъ, жанристъ Бракелеръ, — всѣ они давали опредѣленные толчки молодымъ нѣмцамъ. Во всякомъ случаѣ, одно изъ величайшихъ нѣмецкихъ именъ можно привести противъ французскаго происхожденія импрессіонизма. Это имя Адольфа Менцеля. Если же рѣчь идетъ объ изложеніи болѣе широкихъ этаповъ въ исторіи искусства, то Менцель былъ одинокимъ человѣкомъ, котораго исторія лишила его права пріоритета. Вильгельмъ Каульбахъ вышелъ еще изъ школы Корнеліуса. Несмотря на свою колористику, онъ и не отрицалъ этого вліянія. На извѣстной ступени развитія каждый, кто занимается живописью, имѣетъ обыкновеніе проходить безъ

вниманія мимо «Машинъ» Каульбаха, а также мимо Пилоти, такъ сказать, демонстративно впередъ самимъ собой выказывая это равнодушіе. Но тутъ не можетъ быть и вопроса: картины, подобныя «Разрушенію Іерусалима» или берлинскимъ фрескамъ въ музеѣ, появившіяся между 1847 и 1863 гг., предполагаютъ могущественное внутреннее убѣжденіе, представляютъ собой нѣчто большее, нежели всемірно-историческіе символы на полотнѣ. Мы должны были бы имѣть возможность исключить южный темпераментъ Пилоти, который, во всякомъ случаѣ, сообщалъ ему большое безвкусіе, если бы хотѣли правильно опредѣлить содержаніе этого искусства въ смыслѣ историческаго развитія. Пилоти скорѣе уподоблялся Полю Деларошу, любившему пышность, автору «Кончины англійской королевы Елизаветы», нежели современному могучему Курбэ.

Макартъ еще энергичнѣе своего учителя Пилоти указывалъ на значеніе чистой артистичности. Такое предпочтеніе раздѣлялъ съ нимъ и молодой Ленбахъ. Ихъ «Denkweise aus der Farbe heraus» представлялась бы Овербеку, Корнеліусу, Преллеру чумой. Эти взгляды не понравились бы и Каульбаху. Они были особенностью новаго времени. Весьма правдоподобно, что Макартъ часто самъ не зналъ, что онъ напишетъ, когда начиналъ зачерчивать. Разсматривая декоративные фризы «Abundantia» въ новой мюнхенской Пинакотекѣ, можно допустить такое объясненіе. Тамъ становится очевиднымъ, что роскошный аккордъ темнокрасныхъ и золотыхъ тоновъ и чувственное отношеніе къ женскому тѣлу составляютъ все содержаніе Макарта. Ибо въ этомъ заключалась особенность новой ступени развитія,—«право чувственности», которое Макартъ «вернулъ» нѣмецкому искусству.

Молодость Франца Ленбаха рѣшительно симпатичнѣе его старости. Въ молодости онъ стремился къ цѣлямъ школы Пилоти съ энергіей завоевателя и даже шелъ дальше тѣхъ цѣлей. Позднѣе явилась духовность, которая соединилась съ традиціями школы въ своеобразную двойственность,—на половину декоративная живопись, на половину геніальное психологическое aperçu. Гансъ фонъ Маре всегда чувствовалъ себя самоучкой, и онъ былъ таковымъ, насколько вообще человѣкъ, особенно художникъ, можетъ быть самоучкой. Ни для кого не тайна, что Маре съ ученическимъ усердіемъ изучалъ старыхъ нидерландцевъ. Нидерландское вліяніе сказалось непосредственно въ «Pferdeschwemme», написанномъ въ 1864 г. Гдѣ-нибудь должно быть историческое мѣсто его живописи. Шлейсгеймскій портретъ отца напоминаетъ Рембрандта; шлейсгеймская картина, на которой онъ изобразилъ себя вмѣстѣ съ Ленбахомъ, напоминаетъ не столько его друга, сколько ванъ-Дейка. Съ трудомъ можно рѣшиться поставить надъ Маре Ан. Фейербаха, не говоря уже о Беклинѣ. Величайшее произведеніе Фейербаха, чудная мюнхенская Медея 1870 г., одной марки съ живописью Маре. И у Маре, и у Фейербаха приходится ставить рѣдкое чутье впереди абсолютнаго искусства. Отъ ихъ картинъ вѣетъ духомъ безконечности, безвременности.

Беклинъ не далъ ни одной картины слабѣе «Pieta» и мало такихъ, которыя превосходятъ «Pan im Schilfe» (1860 г.), этотъ блестящій образецъ атмосферической передачи красокъ и красочной передачи пространства. Ярче

всего высказывается творчество Беклина въ созданныхъ имъ волшебныхъ существахъ. Въ «Villa am Meer» нѣтъ ничего трагическаго: невозмутимо тихо плещетъ прозрачное море, и лишь порывистый вѣтеръ сгибаетъ столѣтніе кипарисы. Ни у одного нѣмецкаго художника не было такой богатой фантазіи, такого геніальнаго пониманія сказочнаго міра. У Фейербаха даже приблизительно нѣтъ силы воображенія Беклина, даже приблизительно нѣтъ смѣлой свободы беклиновской кисти. Но Беклинъ никогда не достигалъ высоты фейербаховскаго оплакиванія.

Графическое искусство обязано той эпохѣ возрожденіемъ гравюры, которое связано съ именами Людвига Рихтера, Альфреда Ретеля, Адольфа Менцеля; Рихтеръ далъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прелестныя книги съ картинками: искусство, которое по своему духу имѣло корни въ предыдущей эпохѣ и съ технической стороны отнюдь не носило революціоннаго характера. «Пляска смерти» Ретеля и «Переходъ Іосіи чрезъ Іорданъ» удивительно подходили къ стилю рѣзьбы по дереву. Адольфъ Менцель въ качествѣ гравера усвоилъ себѣ такую поразительную импрессіонистскую манеру, достигъ въ техникѣ чернаго и бѣлаго такой красоты иллюзіи, что его илюстраціи къ исторіи Фридриха Великаго до сихъ поръ можно причислять къ современному искусству.

Менцель заставляетъ насъ вернуться къ живописи. Несомнѣнный фактъ, что въ пятидесятыхъ годахъ, и еще болѣе, подъ вліяніемъ парижской всемірной выставки 1867 г., въ слѣдующія затѣмъ десятилѣтія онъ писалъ на современныя темы, нисколько, однако, не впадая въ жанръ. Въ 1846 г. онъ написалъ импрессіонистскую картину, изображающую нѣсколько деревьевъ, скучный домъ и нѣсколько спящихъ рабочихъ; она была настоящимъ художественнымъ событіемъ въ XIX вѣкѣ какъ по темѣ, такъ и по техникѣ. Ни слѣда идейности, тенденціи, остроумія, соціальнаго намека. Ничего, кромѣ чисто-художественнаго интереса. Эта вещица Менцеля совершенно въ духѣ новаго времени. Реальность, реальность и опять-таки реальность. Личное у Менцеля было такъ велико, что оно поглощалось объектомъ.

Наряду съ Менцелемъ, насколько изображеніе лицъ слѣдуетъ разсматривать какъ главную функцію художника, Морицъ фонъ Швиндъ почти не заслуживаетъ вниманія. Какъ живописецъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, Швиндъ далъ немного. Съ милой скромностью онъ отдалъ свое искусство широкимъ слоямъ человѣчества, самоувѣреннымъ въ своей ограниченности. Какъ колористъ, значительно выше Швинда стоитъ Карлъ Шпитцвегъ, котораго, конечно, цѣнятъ большею частью лишь за его мелкобуржуазныя шутки. Въ сравненіи съ произведеніями Менцеля, Шпитцвега, Эдуарда Шлейха отступаютъ на задній планъ работы школы Ширмера въ Карлсруэ, которая, въ противоположность ландшафтисту, идеализировавшему природу, Освальду Ахенбаху, выдвигала необходимость сознательнаго поэтическаго одухотворенія пейзажа; также нравились и агитаторскія историческія картины Карла-Фридриха Лессинга, «феноменальныя» тропическія студіи Эдуарда Гильдебрандта (напоминающія эскизы Сахары Эженя Фромонтена). Андреасъ Ахенбахъ стоялъ

къ новому времени еще ближе своего брата. И въ настоящее время можно еще съ пользою быть ученикомъ Якова Рюисдаля, Гоббемы и Бакгюйзена. Съ такими популярными именами, какъ Кнаусъ, Вотье, Дефреггеръ, Туманъ, ни исторія развитія, ни исторія искусства, основанная на личностяхъ художниковъ, не особенно много могутъ сдѣлать. Все это выдающіеся таланты, которые мало внесли какъ въ технику, такъ и въ духъ искусства. Эдуардъ Гебгардтъ, начавшій свою карьеру въ шестидесятыхъ годахъ, былъ болѣе крупной художественной силой. Его малопонятная старо-натуралистическая техника библейскихъ картинъ коренилась явнымъ образомъ въ его индивидуальной склонности къ чопорнымъ формамъ и къ прекраснымъ тонамъ Дюрера. Въ общемъ ходѣ развитія и его искусство, не будучи исключительно личнымъ, представляется нѣсколько чужимъ.

О скульптурѣ и архитектурѣ можно сказать немного. Здѣсь царила почти исключительно традиція. Однако, нельзя не замѣтить осторожнаго проникапія реалистическихъ взглядовъ въ скульптуру пятидесятыхъ годовъ. Христіанъ Раухъ какъ бы нехотя вылѣпилъ стараго Фрица въ историческомъ костюмѣ. Съ большимъ мужествомъ Эрнстъ Ритшель далъ современное одѣяніе статуямъ Гете и Шиллера въ Веймарѣ, Лессинга въ Брауншвейгѣ. Въ то время, какъ болѣе старшіе, достигшіе совершенства въ классической передачѣ, мастера и ихъ ближайшіе ученики,—припомнимъ Эрнста Генеля, который примкнулъ къ Шванталеру и Ритшелю,—шли навстрѣчу умѣренно реальной пластикѣ, молодой Рейнгольдъ Бегасъ съ революціонной энергіей вернулся къ декоративному реализму Микеланджело. Въ шестидесятыхъ годахъ Бегасъ былъ въ числѣ наиболѣе выдающихся борцовъ за реалистическое движеніе и величину въ пластикѣ. Французъ Жанъ-Батистъ Карпо, авторъ группы «Пляска» при фасадѣ Grand Opéra, въ Парижѣ, едва ли превзошелъ въ отношеніи реалистическаго акцента мастера «Семейства фавновъ» и группы «Панъ, утѣшающій Психею». Поль Дюбуа, повидимому, тоже никогда не могъ замѣтно превзойти Бегаса, при всемъ реализмѣ его нѣсколько стилизованныхъ молодого Іоанна и флорентійскаго пѣвца.

Архитектура въ пятидесятыхъ годахъ пережила событіе, которое по своему культурно-историческому значенію превзошло всѣ стилистическіе опыты той эпохи, постройку Cristal Palace въ Гайдпаркѣ, оконченную въ 1854 г. Это зданіе составило эпоху. Въ экономическомъ отношеніи поучительно, что оно было воздвигнуто акціонернымъ обществомъ. Новый матеріалъ соотвѣтствовалъ экономической продуктивности общества, составившагося по типу промышленныхъ обществъ; строительная логика, присущая самому матеріалу, удовлетворяла потребности болѣе общительной эпохи—соединять большія народныя массы для разнообразныхъ надобностей подъ одной крышей. Мюнхенскій стеклянный дворецъ Августа фонъ-Фойта, построенный въ 1853 г., не даетъ, по правдѣ говоря, чистаго эстетическаго наслажденія, но въ культурно-историческомъ отношеніи онъ значительнѣе новой Пинакотеки. Техника зданій изъ стекла и желѣза еще менѣе допускаетъ какой-либо каменный стиль, нежели техника каменныхъ зданій—деревянный стиль. Голая цѣлесообразность, чистая конструктивность никогда не бываетъ безобразной.

Въ каменной тектоникѣ классицизмъ господствовалъ далеко за предѣлами первой трети столѣтія. Мюнхенскія пропилеи и Кельгеймская «Befreiungshalle» были закончены лишь въ шестидесятыхъ годахъ. «Opéra» Шарля Гарнье, великолѣпная постройка въ свободномъ французскомъ стилѣ ренессансъ, въ культурно-историческомъ отношеніи имѣла меньше значенія, нежели систематическая ломка зданій, которую съ большимъ вкусомъ проводилъ по всему Парижу сенскій префектъ Эжень Османъ.

Несмотря на всѣ усилія Теофиля фонъ-Ганзена, классицизмъ въ общемъ долженъ былъ уступить въ зодчествѣ свое мѣсто готикѣ и ренессансу. Все англійское искусство, уже начиная съ сороковыхъ годовъ, возвратилось къ готическимъ мотивамъ. Лондонскій парламентъ Чарльса Барри, оконченный въ 1852 г., былъ яркимъ выраженіемъ англійской новой готики. Віоле ле-Дюкъ въ своихъ работахъ надъ соборомъ Богоматери въ Парижѣ вернулся къ національной французской готикѣ. Въ Австріи Генрихъ фонъ-Ферстель одержалъ побѣду своимъ готическимъ проектомъ Votivkirche въ Вѣнѣ, постройка которой началась въ 1856 г. Фридрихъ фонъ-Шмидтъ, работавшій съ 1843 г. надъ кельнскимъ соборомъ, съ 1859 г. былъ главнымъ представителемъ готики въ вѣнской академіи и въ семидесятыхъ годахъ сталъ строить зданіе вѣнской ратуши. Въ Мюнхенѣ пятидесятыхъ годовъ пытались систематически соединять новый характеръ условій жизни съ строительными формами въ готическомъ духѣ. Результатомъ явилась улица Максимиліана. Классицизмъ улицы Людвига, принадлежавшій предыдущей эпохѣ, несравненно благороднѣе и благодаря большой простотѣ болѣе подходитъ къ условіямъ помѣщеній, приспособленныхъ для современныхъ надобностей. Повсюду вліяніе Семпера пріобрѣтало постепенно рѣшающее значеніе и не только въ монументальномъ зодчествѣ, но и въ постройкѣ жилыхъ домовъ. Но было бы въ высшей степени ошибочно возлагать отвѣтственность за всю безвкусицу на Семпера, геніальнѣйшаго изъ нѣмецкихъ архитекторовъ этого столѣтія, хотя его традиціи выродились въ безвкусіе въ школахъ художественныхъ ремеслъ и въ строительныхъ академіяхъ ближайшаго къ намъ прошлаго.

Въ Россіи изъ всѣхъ родовъ живописи раньше другихъ развился портретный, и уже въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка А. Варнекъ, О. Кипренскій и П. Басинъ пользовались репутаціею выдающихся портретистовъ, въ общемъ вышедшихъ изъ школы англичанина Дау, оставившаго въ Россіи массу во многихъ отношеніяхъ образцовыхъ произведеній. Карлъ Павловичъ Брюлловъ, составившій своимъ «Послѣднимъ днемъ Помпеи» эпоху въ русской живописи, былъ также замѣчательнымъ портретистомъ, и изображаемыя имъ лица (кн. А. Голицынъ, герцогъ М. Лейхтенбергскій) получали у него особую интенсивность, благодаря умѣнію художника глубоко вникать въ нравственный міръ тѣхъ, кого онъ рисовалъ. Его великій современникъ Ѳ. А. Бруни, «Мѣднымъ зміемъ» котораго такъ восхищались въ Римѣ, написалъ лишь очень ограниченное количество портретовъ и совершенно неизвѣстенъ въ качествѣ портретиста. Послѣ смерти Брюллова временнымъ, но шумнымъ успѣхомъ пользовались портретисты С. К. Зарянко и Иванъ Макаровъ, тщательно

и не безъ таланта изображавшій молодыхъ дѣвушекъ. Въ разсматриваемый нами періодъ Россія дала рядъ очень замѣтныхъ портретистовъ, не ограничивающихся, однако, одной лишь портретной живописью, но занимающихся также—и даже въ гораздо болѣе значительной степени—жанромъ, пейзажемъ, баталической и исторической живописью. Наиболѣе извѣстными являются Крамской и Маковскій, а позднѣе Сѣровъ и Рѣпинъ. Родоначальникомъ русской бытовой живописи слѣдуетъ считать А. Г. Венеціанова, который старался воспроизводить природу съ большою точностью, и его «Старухѣ-крестьянкѣ, опирающейся на клюку», при нѣкоторой сухости исполненія, нельзя отказать въ вѣрности изображенія деревенскихъ типовъ и сценъ изъ простонароднаго быта. Послѣ Венеціанова, отчасти подъ вліяніемъ Брюллова, начались изображенія итальянскаго и восточнаго быта, и лишь Павелъ Андреевичъ Федотовъ далъ русскому жанру національный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, публицистическій характеръ. Высокоталантливый рисовальщикъ и живописецъ, но слабый поэтъ, Федотовъ видѣлъ въ обличеніи, высмѣиваніи пороковъ государственной жизни единственную задачу художника и ставилъ на первомъ планѣ идейность и тенденціозность; искусство явилось своего рода проповѣдью опредѣленныхъ политическихъ и нравственныхъ началъ, и бытовая живопись, подобно изящной литературѣ, должна была прежде всего «сѣять разумное, доброе». Федотовъ, у котораго былъ огромный запасъ юмора и сарказма, дѣйствовалъ больше на умъ, нежели на чувство зрителя, и положилъ основаніе школѣ художниковъ-жанристовъ, которые особенно упорно культивировали идейное направленіе и съ этой цѣлью сгруппировались въ товарищество художественныхъ передвижныхъ выставокъ. Характерно, что публицистическое направленіе, притомъ далеко не въ смыслѣ возбужденія патріотическаго чувства, вскорѣ стало обнаруживаться и въ баталическомъ родѣ живописи. В. В. Верещагинъ былъ не простымъ иллюстраторомъ военной исторіи Россіи, а талантливымъ художникомъ, горячо протестующимъ противъ войны и краснорѣчиво защищающимъ идею всеобщаго мира. Гораздо раньше Верещагина пріобрѣлъ европейскую извѣстность лучшій русскій маринистъ И. К. Айвазовскій, картины котораго на выставкѣ во Флоренціи (1874) возбудили всеобщій восторгъ. Русскіе ландшафтисты долгое время не могли освободиться изъ-подъ вліянія западно-европейской пейзажной живописи и лишь въ 60-хъ годахъ XIX вѣка стали появляться вполнѣ оригинальные русскіе пейзажисты, среди которыхъ И. И. Шишкинъ, удивительный знатокъ растительныхъ формъ, воспроизводящій ихъ съ тонкимъ пониманіемъ какъ общаго характера, такъ и мельчайшихъ отличительныхъ чертъ всякой породы деревьевъ, травъ и кустовъ, занимаетъ своеобразное мѣсто. Мало-по-малу, пейзажная живопись сдѣлалась самою распространенною отраслью въ русскомъ искусствѣ, и имена такихъ художниковъ, какъ Волковъ, Ендогуровъ, Левитанъ, пользуются широкой популярностью въ русскомъ обществѣ. Въ исторической живописи до царствованія Александра II господствовалъ такъ называемый тріумвиратъ (Брюлловъ, Бруни и Басинъ), произведенія которыхъ были во многихъ отношеніяхъ замѣчательны, но по существу не были національны и не могли

И. РѢПИНЪ
И. ЛЕВИТАНЪ
О. КИПРЕНСКІЙ
А. ВЕНЕЦІАНОВЪ
К. БРЮЛЛОВЪ
И. ШИШКИНЪ
К. АЙВАЗОВСКІЙ
В. ВЕРЕЩАГИНЪ
В. КАУЛЬБАХЪ
А. МЕНЦЕЛЬ
Р. БОНЁРЪ
А. БЁКЛИНЪ
Р. ВАГНЕРЪ
М. ГЛИНКА.
А. СѢРОВЪ
А. ДАРГОМЫЖСКІЙ.

вызывать большого сочувствія со стороны даже образованнаго общества. Знаменитая картина А. А. Иванова, «Явленіе Мессіи народу», была поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русской исторической живописи, и съ этого времени національно-историческій жанръ совершенно вытѣснилъ и античныхъ героевъ, и средневѣковыя вѣрованія. Изъ крупныхъ художниковъ, въ общемъ вышедшихъ изъ школы А. А. Иванова, слѣдуетъ назвать Мясоѣдова, Маковскаго, Чистякова, В. Перова, Н. Ге и Рѣпина. Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ религіозной живописи считается В. М. Васнецовъ.

Благодаря постройкѣ и украшенію Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ и храма Христа Спасителя въ Москвѣ, русская скульптура въ царствованіе Николая I въ замѣтной степени оживилась. Изъ скульпторовъ этого времени отмѣтимъ прежде всего барона П. К. Клодта, прекрасная работа котораго «Укротители лошадей» (четыре группы на Аничковомъ мосту въ Петербургѣ) и нынѣ находитъ не мало поклонниковъ. Однако, скульпторы николаевской эпохи были связаны въ своемъ творчествѣ тѣми порученіями, которыя они въ огромномъ большинствѣ получали отъ самого императора, считавшаго себя большимъ знатокомъ искусства. Не удивительно поэтому, что въ ихъ работахъ не было ни широкаго полета фантазіи, ни смѣлости и оригинальности мысли. Лишь съ воцареніемъ Александра II русская скульптура сдѣлала крупный шагъ впередъ, и имена М. М. Антокольскаго, Ѳ. Ѳ. Каменскаго, Е. Е. Лансере, Н. Р. Баха и многихъ другихъ вполнѣ заслуженно пользуются извѣстностью не только въ предѣлахъ своей страны, но и далеко за ея предѣлами.

21. Музыка.

Исторія музыки даетъ за описываемую эпоху одно великое имя, которое должно интересовать именно историка культуры,—Рихарда Вагнера. Не послѣднее мѣсто въ ряду причинъ, обусловливающихъ его значеніе, занимаетъ та особенность, что онъ самъ понималъ свое искусство въ культурно-историческомъ смыслѣ и съ глубокимъ культурно-философскимъ инстинктомъ пытался опредѣлить сущность «музыки будущаго». Мейерберъ, который еще долгое время послѣ 1864 г. развращалъ музыкальный вкусъ европейской публики, Флотовъ, забавный композиторъ легкихъ сентиментальностей, прославившійся только тѣмъ, что умеръ въ одномъ году съ Вагнеромъ, разумѣется, совершенно отступаютъ на задній планъ передъ послѣднимъ. Но и болѣе тонкія натуры, какъ Амбруазъ Тома, окончившій въ 1866 г. свою оперу «Миньона», Шарль Гуно, овладѣвшій современнымъ театромъ своими операми «Фаустъ» (1859) и «Ромео и Джульетта» (1867), Джузеппе Верди, умершій 87 лѣтъ въ 1900 г., мастеръ итальянской оперы и донынѣ занимающій своими операми видное мѣсто въ оперныхъ репертуарахъ,—всѣ они при огромныхъ музыкальныхъ красотахъ не имѣли даже приблизительно той колоссальной художественной мощи, которой насъ захватываетъ Рихардъ Вагнеръ, когда мы даже пытаемся ей противостоять, и не достигали даже прибли-

зительно той послѣдовательности музыкальнаго стиля, проведенной съ величайшей художественной сознательностью, какой насъ поражаетъ Вагнеръ.

Изъ старыхъ композиторовъ только одинъ Гекторъ Берліозъ могъ бы до нѣкоторой степени стоять рядомъ съ Вагнеромъ, отъ котораго онъ, конечно, нѣсколько отличается. И, вѣроятно, онъ выдержалъ бы такое сопоставленіе именно потому, что онъ расчищалъ путь Вагнеру и, подобно ему, самъ писалъ свои тексты. Композиторъ и поэтъ! Драматическія произведенія Виктора Гюго болѣе или менѣе случайно послужили Верди темой для музыкальной ихъ обработки.

Универсальное представленіе о музыкальномъ творчествѣ, которое вмѣстѣ съ Вагнеромъ раздѣлялъ и Берліозъ, было однимъ изъ важныхъ пріобрѣтеній того времени. Оба эти великіе композиторы признавали, что уже въ самой поэзіи дается цѣнный конструктивный элементъ, которымъ композиторъ долженъ воспользоваться, не выдѣляя его изъ музыкальнаго цѣлаго. Музыкантъ долженъ стоять въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ поэтическимъ произведеніемъ, которое должно выливаться изъ его собственнаго генія. Такимъ образомъ исчезла идея абсолютной музыки, музыкальное слилось съ лирическимъ и драматическимъ въ новую болѣе обширную и, тѣмъ не менѣе, болѣе опредѣленную величину. Вся индивидуальность музыканта поглощается въ его искусствѣ. Подъ музыкальной оболочкой все яснѣе выступаетъ поэтическое, философское сознаніе. Организаціонныя средства новой музыки давались вмѣстѣ съ ея развитіемъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы дать соотвѣтствующее музыкальное выраженіе опредѣленному психологическому движенію души. Въ 1844 г. Берліозъ написалъ свой трактатъ объ инструментовкѣ. Новая задача исключала возможность созданія независимыхъ, безотносительныхъ музыкальныхъ фигуръ. Композиція все болѣе и болѣе ставила передъ собой изобразительныя задачи. Но при всей психологической сознательности все-таки существеннѣйшей частью музыки является нѣчто наивное, элементарное и непосредственное, «діонисіевское», какъ выразился Фридрихъ Ницше въ своемъ трудѣ «Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik» (1872). Отрицая чисто-звуковое удовольствіе, новая музыка требовала отъ себя лирическаго настроенія, индивидуализирующей символической силы. Такимъ образомъ возникъ въ композиціи новый принципъ лейтмотива. Характерный музыкальный символъ, объясняющій основную природу какой-либо личности, событія или явленія, постоянно варьируясь,—какъ говорилъ Вагнеръ, при помощи варіацій «безконечной мелодіи»,—вмѣстѣ съ другими такими же символами присоединяется ко всей музыкальной постройкѣ. Фундаментомъ ея является главная поэтическая идея—состраданіе, искупленіе, проклятіе, или что угодно. Берліозъ положилъ начало практикѣ новой музыки. Вагнеръ открылъ теорію ея принциповъ и установилъ ея положеніе въ исторіи культуры. Ему, носителю великаго музыкальнаго переворота, пришлось пройти черезъ испытанія 1849 г. Когда онъ началъ размышлять о сущности музыки будущаго, то самая постановка задачи опредѣлялась переживаніями этого года.

«Вопросъ въ томъ, чтобы признать искусство соціальнымъ продуктомъ».

Единственный народъ, который когда-либо обладалъ истинной политической культурой,—эллины довели до совершенства драматическое искусство. Греческій театръ былъ центромъ всѣхъ искусствъ. Мелодраматическое чтеніе стиховъ процвѣтало въ чужой рамкѣ, которая слагалась изъ взаимодѣйствія всѣхъ искусствъ между собой и всѣхъ искусствъ съ государственной культурой. Намъ нужна новая политическая культура. Только демократія есть политическая культура. Только демократія есть національная культура. Въ высшей степени интересна попытка Вагнера вывести изъ законовъ красоты въ искусствѣ «демократію», «коммунизмъ». Группировка театральныхъ посѣтителей по ярусамъ представляется ему симптомомъ соціальной болѣзни, но болѣзненное въ общественныхъ отношеніяхъ вредитъ и художественнымъ точкамъ зрѣнія; болѣзнь вообще не допускаетъ возможности свободно поставить вопросы искусства. Художественный принципъ требуетъ, чтобы сценическое произведеніе искусства можно было одинаково видѣть и слышать со всѣхъ мѣстъ. Для этого можетъ годиться только расположеніе зрителей амфитеатромъ. Перспектива съ высоты птичьяго полета, открывающаяся изъ четвертаго яруса, представляетъ собой эстетическую несообразность. Только на почвѣ народной національной культуры можетъ вырасти общее искусство будущаго, которое объединяетъ въ одно цѣлое всѣ искусства: искусство слова, музыку, мимическую пластику, тектонику и живопись.

Но гдѣ же найти въ настоящее время «народъ», который могъ бы явиться носителемъ художественной національной культуры? Рабство, это темное пятно на греческой культурѣ, при нынѣшней цивилизаціи уже не представляетъ правового института. Тѣмъ не менѣе, оно—фактъ. Вагнеръ ищетъ «народа» и не находитъ его.

Мы должны создать новое понятіе о народѣ, должны создать самый народъ. Народъ этотъ одинаково уничтожитъ и «роскошь», этого смертельнаго врага искусства, и нужду, благодаря которой часть націи даже и не подозрѣваетъ о существованіи искусства. Но какимъ образомъ можно создать новый «народъ»? Изъ «нужды». «Народъ есть совокупность всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ общую нужду». Нужда—матеріальная и духовная, вытекающая изъ матеріальной неволи, составляетъ противоположность матеріальной и духовной «роскоши», которая лишаетъ людей художественности. Ибо всякое искусство строго, оно есть высшій подъемъ духа, порождаемый глубочайшей мукой. «Не вы, интеллигенты, изобрѣтательны, а народъ, ибо нужда ведетъ къ изобрѣтенію; всѣ великія изобрѣтенія принадлежатъ народу, тогда какъ изобрѣтенія интеллигенціи сводятся лишь къ эксплуатаціи, отклоненіямъ, даже къ дробленіямъ и искаженіямъ великихъ народныхъ изобрѣтеній. Не вы изобрѣли рѣчь, а народъ; не вы изобрѣли государство, а народъ; не вы заставляете народъ мыслить, а онъ васъ». Подобнаго рода мысль раньше Вагнера высказывалъ одинъ лишь Гердеръ.

Машина, которую произвелъ пролетаріатъ, освободитъ его. Машина дастъ окончательное грандіозное культурно-историческое рѣшеніе древняго какъ міръ «вопроса рабства».

Перспектива грандіозная. Она наивна, какъ вся культурно-философская система Вагнера. Его демократизмъ—не политическій въ смыслѣ политической борьбы. Это скорѣе геніальное предугадываніе, наивно-геніальный коммунизмъ. Уже въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ Вагнеръ основалъ все свое дѣло и всю свою теорію на моральномъ принципѣ, на принципѣ состраданія и любви, которыя онъ постоянно и выдвигалъ какъ въ искусствѣ, такъ и въ теоріи, въ особенности въ «Парсифалѣ».

Вся художественная дѣятельность Вагнера, за исключеніемъ «Парсифаля», относится къ періоду времени до 1870 г. «Нибелунги», которые были кончены въ Байрейтѣ въ 1874 г., были начаты еще въ 1848 г.

Францъ Листъ, родоначальникъ современной фортепіанной техники, безкорыстный другъ Вагнера, сталъ великъ подъ вліяніемъ духа вагнеровской философіи. Къ числу немаловажныхъ заслугъ Листа нужно отнести и то, что Вагнеръ еще при своей жизни открылъ себѣ путь къ общественности. Наиболѣе задушевные композиторы романсовъ той эпохи, Робертъ Францъ и Петеръ Корнеліусъ, также пользовались его содѣйствіемъ, какъ и вообще каждое прогрессивное движеніе въ музыкѣ; именно для этой цѣли Францъ Листъ основалъ въ 1859 г. всеобщій нѣмецкій музыкальный союзъ.

Но изъ той самой священной рощи, въ которой слышался шелестъ крыльевъ генія, эпоха извлекла опереточный міръ Оффенбаха и Штрауса, эту человѣческую дѣйствительность.

Родоначальникомъ русской національной музыки является М. И. Глинка; первое представленіе его знаменитой оперы «Жизнь за Царя» состоялось въ 1836 г. и имѣло колоссальный успѣхъ. Гораздо болѣе холодный пріемъ былъ оказанъ его второй оперѣ «Русланъ», которая послѣ 32 представленій въ Петербургѣ была даже снята со сцены и лишь черезъ 25 лѣтъ, въ связи съ общимъ подъемомъ національной жизни въ Россіи, она снова появилась на петербургской сценѣ. Въ лицѣ Даргомыжскаго Глинка нашелъ даровитаго преемника, вокругъ котораго въ 60-хъ годахъ сгруппировалось нѣсколько выдающихся музыкантовъ (такъ называемая могучая кучка), давшихъ рядъ замѣчательныхъ симфоническихъ произведеній, романсовъ и фортепіанныхъ пьесъ. Недоставало лишь оперы, но и этотъ пробѣлъ былъ скоро заполненъ. Появились «Вильямъ Ратклиффъ» Ц. Кюи, «Псковитянка» Н. А. Римскаго-Корсакова, «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго, «Опричники» Чайковскаго, «Демонъ» Рубинштейна и т. д. Отнынѣ русскіе композиторы достойно соперничаютъ съ знаменитѣйшими европейскими. Вліяніе Вагнера сказалось и на русской музыкѣ, оно замѣтно не только въ «Юдиѳи» А. Н. Сѣрова, но и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Чайковскаго и Глазунова.

5,800

6T